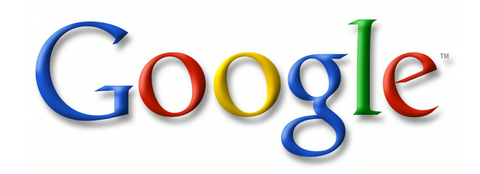
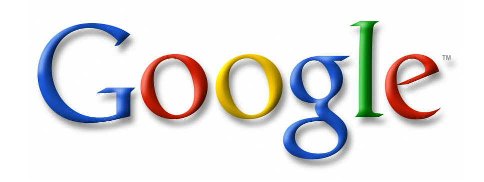




VE RI
TAS

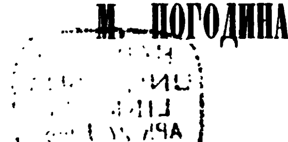
ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЕ

ОТРЫВКИ.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЕ

ОТРЫВКИ

М. ПОГОДИНА.



КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
ВЪ СVНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ, НА НИКОЛЬСКОЙ УЛИЦѢ.
1867.

СВ. КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ.

Древность завѣщала намъ много свидѣтельствъ, какъ современныхъ безсмертнымъ братьямъ, такъ и близкихъ къ эпохѣ ихъ дѣятельности.

Свидѣтельства эти принадлежатъ разнымъ племенамъ и разнымъ лицамъ. Источники ихъ происхожденія, точно какъ и цѣли ихъ оглашенія, по существу своему и по сопровождающимъ обстоятельствамъ, очень различны. Исчислимъ главнѣйшіе:

Житіе св. Кирилла, писанное вѣроятно ученикомъ его, св. Климентомъ.

Житіе св. Меѳодія, писанное, вѣроятно имъ же (1) (до 907 года).

---

(1) Вотъ мѣста, изъ которыхъ явствуетъ близость сочинителя ко времени Св. братьевъ—въ житіи св. Кирилла:

Богъ милостивый... еже сотвори и въ *нашь родъ*, воздвигый намъ учителя сицего, иже просвѣти языкъ *нашь*.

Константинъ философъ, наставникъ и учитель *нашь*.

Въ житіи св. Меѳодія:..

Въ *наша лѣта* языка ради нашего, о немъ же ся не бѣ никто николиже попеклъ... воздвиже *нашего* учителя, блаженнаго Меѳодія....

Отъ того же дне велми начатъ расти Божіе ученіе... тольми паче и Моравьска область пространити начатъ вься страны, и врагы своя побѣжати, и съ непогрѣшеніемъ, яко и сами повѣдають присно.

Ты же свыше... молитвами своими призирай на *ны* желающая тебе, избавляи отъ въсякоя напасти *ученикы своя*... да достойно зъванія вашего живше сьдѣ станемъ съ тобою твое стадо.

Сказаніе о обрѣтеніи мощей св. Климента папы римскаго, принадлежащее можетъ быть самому св. Кириллу. (1)

Службы Св. Кириллу и Меѳодію, сочиненныя, по всѣмъ вѣроятіямъ, какъ думаетъ Григоровичь, не позже X столѣтія (см. выше.)

Житіе св. Климента (916), ученика Меѳодіева, писанное въ близкое отъ него время.

Грамоты папы Іоанна VIII, 874—882.

Свидѣтельства Анастасія библіотекаря, 869, 875 г.

Неизвѣстный современный нѣмецъ Зальцбургскій о обращеніи Карантанъ, 873.

Свидѣтельство монаха Храбра, изъ X столѣтія. (2)

Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій, современникъ вѣроятно Симеона, царя Булгарскаго (888—927).

Италіянская, такъ называемая Добровскимъ, легенда, принадлежащая къ XI столѣтію, и составленная епископомъ гор. Велитри, Гавдерикомъ.

Моравская легенда, по ней сочиненная, можетъ быть, въ XIV вѣкѣ.

---

(1) Идохомъ до блаженнаго отока... главу Климента видѣвъ первойцы, иже и се есть повѣстникъ, абіе блаженный гласъ возопи. То есть: повѣствователь, первый увидѣвъ главу Климента, испустилъ радостный гласъ.

Въ житіи Кирилловомъ сказано: убѣждь же архіепископа (въ Корсунѣ)... и всѣдше въ корабля, идоша на мѣсто, и утишьшуся морю велми... и по семъ явишася светые мощи, еже възьмше... вънесоша въ градъ, *якоже пишеть* въ обрѣтеніи его.

Г. Горскій (Москвитянинъ, 1843 г. ч. 3, N 6, с. 414) поправляетъ: „якоже пишется," но почему же не принять, что авторъ, Климентъ, говоритъ такъ о Св. Кириллѣ, т. е. якоже пишетъ онъ, Кириллъ, въ своемъ описаніи обрѣтенія мощей.

(2) *Суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ*, (Св. Кирилла и Меѳодія).

Чешскія житія св. Вячеслава и Людмилы,—Христана, въ концѣ XIII столѣтія, по древнимъ источникамъ (961—983, 927).

Русскій лѣтописатель Несторъ, XI вѣка.

Діоклейскій пресвитеръ около 1161.

Извѣстія въ прологахъ XII вѣка и слѣд. (1)

Согласныя въ главныхъ чертахъ, всѣ эти свидѣтельства въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ между собою не сходятся, а въ подробностяхъ и частностяхъ представляютъ иногда даже противорѣчія, возбуждаютъ сомнѣнія: явленіе очень обыкновенное при всѣхъ историческихъ событіяхъ, даже такихъ, которыхъ намъ самимъ приходится быть современниками и очевидцами.

Ученые, славянскіе и иностранные, съ прошедшаго столѣтія преимущественно приложили стараніе разобрать и оцѣнить исчисленныя свидѣтельства, доказать ихъ подлинность, опредѣлить степень довѣрія, каждому принадлежащую, сличить показанія и провѣрить ихъ однѣ другими, разрѣшить сомнѣнія, опровергнуть возраженія и пріурочить каждое къ своему времени.

Помянемъ прежде всего съ благодарностію этихъ почтенныхъ ревнителей науки, друзей Славянскаго народа.

Къ прошедшему періоду, когда извѣстны были только западные источники, принадлежатъ Коль[2], Паджи[3],

---

(1) Подробнѣйшее обозрѣніе см. у архіеп. Филарета Черниговскаго, Историч. ученіе объ отцахъ церкви, т. III, с. 351. У Бодянскаго въ его сочиненіи о времени происхожденія славянскихъ писменъ, 1855.

2) Introductio in historiam et rem litter. Slavorum. Arlmoni 1729.

3) Въ критическихъ замѣчаніяхъ на церковную Исторію Баронія (Антверпенское изданіе 1705 г.)

Ассемани[1], Добнеръ[2], Салагій[3], и преимущественно Шлецеръ[4], и Добровскій[5].

Шлецеръ привелъ въ порядокъ, въ ясность, все извѣстное и дознанное до него, указалъ правила для слѣдующихъ работъ, и возбудилъ вниманіе къ вопросу во всемъ европейскомъ ученомъ мірѣ. Добровскій, своими изслѣдованіями о Кирилловомъ языкѣ и образцовою грамматикою, положилъ основаніе славянской филологіи и вмѣстѣ возрожденію всего славянскаго народа, на Кирилловомъ основаніи. Его изслѣдованіе о Славянскихъ первоучителяхъ вышло въ 1825 г.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи выступаютъ на поприще наши изслѣдователи: Востоковъ, занимающій первое мѣсто между ними, разсужденіемъ своимъ о Славянскомъ языкѣ, 1810 г., сдѣлавшійся родоначальникомъ славяно-русской филологіи, сочинитель грамматики и словаря, издатель Остромирова Евангелія; Кеппенъ, служившій долго посредникомъ между славянскими и русскими учеными при самомъ началѣ новой науки; Копитаръ, продолжатель трудовъ Добровскаго, своею критикою принесшій ей много пользы; Калайдовичъ, извлекшій изъ тьмы множество древнихъ памятниковъ,

---

1) Kalendaria Ecclesiae Universae (Римское изданіе 1755 г.)

2) Примѣчанія на Чешскія лѣтописи Гайка, Hajeci, Прага, 1765.

3) De statu ecclesiae pannonicae.

4) Его Несторъ, въ русс. переводѣ, ч. II, гл. IX.

См. вообще Шлецеровъ Несторъ, т. II, с. 411 и проч. у Бодянскаго с. 176.

5) Кириллъ и Меѳодій, изслѣдованіе, мною переведенное съ Нѣм. Москва, 1825, по порученію Графа Румянцева.

Institutiones linguae Slavicae, dialecti veteris, quae quum apud Russos, Serbos aliosque ritus graeci, tum apud Dalmatas Glagolitas ritus latini Slavos in libris sacris obtinet. Русскій переводъ мой съ Шевыревымъ (Петербургъ, 1833 г.)

и изслѣдованіемъ объ Іоаннѣ экзархѣ содѣйствовавшій много уясненію вопроса.

За ними послѣдовали въ наше время Горскій, ректоръ Московской Духовной Академіи, и Филаретъ, нынѣ архіепископъ Черниговскій, предъявившіе вполнѣ древнія житія Св. Кирилла и Меѳодія, и употребившіе ихъ въ дѣло.

Незабвенный Шафарикъ объяснилъ, дополнилъ, исправилъ всѣ прежнія изслѣдованія, и, возведя на высокую степень науку славянскихъ древностей, упрочилъ ея существованіе. Его мнѣнія и сомнѣнія подали поводъ къ дальнѣйшимъ розысканіямъ.

Къ послѣднему времени принадлежатъ всякаго уваженія достойные труды Григоровича, Шевырева, архіепископа Макарія, Буслаева, Бодянскаго, Срезневскаго, Ундольскаго, Невоструева, Викторова, Гильфердинга и Лавровскаго.

Нельзя иногда не удивляться терпѣнію и внимательности, настойчивости, проницательности и остроумію тружениковъ, которые очистили поле нашего изслѣдованія, и приготовили намъ вѣрныя данныя для дальнѣйшихъ соображеній. Иному случилось плодомъ своей многолѣтней работы получить только одно краткое замѣчаніе, одно опроверженіе какого-нибудь неправильнаго показанія, одинъ голый вопросъ, возбуждающій къ дѣятельности слѣдующее поколѣніе,—но этимъ замѣчаніемъ, опроверженіемъ, вопросомъ, предметъ подвигался впередъ, или выводился на лучшую дорогу, уяснялся, и вотъ, мы можемъ теперь вести его дальше, можемъ не отвлекаться частностями и мелочами, не привязываться къ буквѣ, отрѣшаться отъ всѣхъ вставокъ, не вступаться ни въ какія постороннія разсужденія, и легко различать важныя показанія отъ невaж-

ныхъ, существенныя отъ случайныхъ, не стѣсняясь обязанностію разбирать показанія въ ихъ различной по различнымъ свидѣтельствамъ послѣдовательности.

Въ настоящемъ разсужденіи я намѣренъ предложить обозрѣніе главныхъ принадлежащихъ сюда вопросовъ, какъ мнѣ онѣ теперь представляются, сообразно ихъ естественному ходу и относительной важности. Я позволю себѣ предложить и нѣкоторые новые отвѣты, вѣроятные или возможные.

Постоянныя занятія однимъ и тѣмъ же предметомъ, впродолженіи многихъ лѣтъ, производятъ въ умѣ всякаго изслѣдователя собственное мнѣніе, образуютъ собственное понятіе, въ которомъ дополняются, уясняются и располагаются полученныя свидѣтельства и добытые наукою разультаты. Это понятіе, это мнѣніе, слѣдствіе психологическаго внутренняго процесса, этотъ умственный синтезисъ, невольное произведеніе долговременнаго анализа, безъ притязаній на непогрѣшимость, имѣетъ право на вниманіе, на принятіе къ соображенію, къ свѣдѣнію, при дальнѣйшей обработкѣ спеціалистами всякой исторической эпохи.

Вотъ какіе вопросы въ жизни Святыхъ братьевъ должны привлекать, по моему мнѣнію, преимущественное вниманіе историка, критика и филолога, и вотъ въ какомъ порядкѣ:

1. Ихъ происхожденіе: кто они были родомъ, то-есть къ какому народу принадлежали.

2. Источникъ, побужденіе къ первой мысли перевести Священное Писаніе на славянскій языкъ: откуда получили они его—извнутри, изъ своей души, изъ сво-

его ума, или извнѣ, вслѣдствіе какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ.

3. Какому нарѣчію славянскаго языка принадлежитъ переводъ, сдѣланный Св. братьями.

4. Какой церкви принадлежали Св. братья, восточной или западной.

Великія дѣла Св. братьевъ, изобрѣтеніе славянской грамоты и переводъ Священнаго писанія связаны естественно съ двумя средними вопросами.

Для кого именно первоначально Св. братья переводили и когда,—это вопросы любопытные, но менѣе важные въ сравненіи съ предложенными.

Распространяться въ доказательствахъ великаго значенія трудовъ Св. Кирилла и Меѳодія для многочисленнаго Славянскаго народа, по всѣмъ православнымъ племенамъ, въ прошедшемъ и будущемъ, казалось, было бы излишне: оно поражаетъ всякаго мыслящаго испытателя судебъ народныхъ и человѣческихъ; оно прочувствовано было глубоко и выражено горячо даже первыми причастниками новаго ученія, въ періодъ бѣдственнаго состоянія славянскихъ племенъ. Пусть обратятъ вниманіе слушатели на похвалы Святымъ первоучителямъ, написанныя въ ближайшее къ нимъ время: какихъ умилительныхъ выраженій онѣ исполнены!

Сочинитель службы св. Кириллу, жившій вѣроятно не позже IX столѣтія, сравниваетъ прямо славянскаго учителя, по случаю кончины его въ Римѣ, съ Св. первопрестольными апостолами Петромъ и Павломъ: Блаженъ градъ, пріимый *третьяго съвершителя Божьяго смотренія:* той оубо верховноую свѣтилоу (Св. ап. Петра и Павла) останкы наполняя, явися блаженный сей: тѣмъ же и съ нима повелѣ емоу Господь Богъ пречьстный покои пріяти.

Это самое мѣсто находится и въ похвалѣ Св. Кириллу (1)

Люди высшаго образованія воздали трудамъ Св. Кирилла и Меѳодія должную, достойную хвалу. Мы приведемъ здѣсь только нѣсколько мѣстъ изъ Шлецера, слишкомъ за шестьдесятъ лѣтъ почти сказанныхъ, какъ иностранца, какъ одного изъ первыхъ всесторонне образованныхъ ученыхъ своего времени, какъ принадлежащаго къ тому народу, который наименѣе способенъ чувствовать что-либо славянское.

„Итакъ привѣтствую васъ здѣсь," воскликнулъ великій Критикъ кончивъ свое изслѣдованіе, „безсмертные изобрѣтатели славенскія грамоты. Вы первые дерзнули грубый языкъ, имѣющій множество ему только свойственныхъ звуковъ, взять, такъ сказать, изъ устъ народа и писать греческими буквами; въ этомъ дѣлѣ поступили вы, какъ люди, отличнымъ умомъ одаренные, и для каждаго особеннаго звука, котораго грекъ не имѣлъ въ своемъ языкѣ, изобрѣли вы новые особенные знаки или буквы. Какъ малъ противу васъ ельзасскій монахъ Отфридъ, или кто бы то ни былъ тотъ Нѣмецъ, который осмѣлился первый писать на своемъ языкѣ, но для сего рабски только снялъ латинскую азбуку."

...„Достойно замѣчанія, съ какимъ отличнымъ благоразуміемъ приступаютъ они къ великому своему дѣлу. Римскій проповѣдникъ говорилъ: „Вѣрь своему священнику." Греческій, то есть славянскій же здѣсь говоритъ: „вѣрь слову Божію, возвѣщаемому тебѣ твоимъ священникомъ; но точно ли его онъ возвѣщаетъ, смотри самъ, вотъ оно на твоемъ языкѣ."

---

(1) См. у Шафарика, с. 30.

Но этого мало: переводъ свой начинають они Новымъ Завѣтомъ, содержащимъ въ себѣ такое только нравоученіе и Исторію, которыя понятны для всякаго мыслящаго человѣка при первомъ его выходѣ изъ грубаго состоянія. Изъ Ветхаго же Завѣта выдаютъ они на первый разъ только Псалтирь, также очень полезную книгу для благоговѣнія народа.

„Представьте себѣ важное слово—религія—во всемъ его достоинствѣ! Слѣдственно должны быть учители религіи, учители народа, или священники, которые могли и должны бы наставлять грубыхъ невѣждъ, исправлять порочныхъ, утѣшать больныхъ, пріуготовлять умирающихъ; а эти священники не могутъ говорить съ ними, даже наружные обряды религіи должны отправлять на языкѣ, непонятномъ для народа! Не возмущаетъ ли это человѣческаго разсудка? Однако же это стерпѣлъ тупой Нѣмецъ, германскій Вендъ, польскій Славянинъ, Датчанинъ, Шведъ: но не моравскій, богемскій и паннонскій Славянинъ, (прибавимъ: болгарскій, сербскій, русскій). Честь и слава славенскому разсудку!"

.....„Образованіе языка словенскаго (или русскаго, ибо въ существѣ и тотъ и другой одинаковы—*замѣтимъ это выраженіе*) началось въ 9 вѣкѣ: съ 10 продолжалось оно въ Россіи безпрерывно, не оригинальными писателями, но новыми переводчиками другихъ сочиненій всякаго рода, а особливо историческихъ, законныхъ и церковныхъ книгъ."

„Здѣсь смѣю я сдѣлать два положенія, которыя утверждаю уже лѣтъ 30, но которыя всѣми вообще считаются за парадоксы: 1, изъ всѣхъ новыхъ языковъ славенскій есть самый образованнѣйшій, (я не говорю здѣсь объ его богатствѣ и другихъ преимуществахъ):

какъ онъ достигъ сего, это объяснится ходомъ его образованія. Образцомъ ему служилъ греческій языкъ, образованнѣйшій изъ всѣхъ тогдашняго времени, хотя Кедринъ и не писалъ уже какъ Ксенофонтъ. Славенскій же языкъ былъ отмѣнно удобенъ къ воспріятію всѣхъ свойствъ и красотъ греческаго.“

„Поелику переводчики переводили большею частію слово въ слово (а не какъ Кедмонъ Англо-саксъ и Нѣмецъ Отфридъ, которые передѣлывали все по стихотворчески), то и должны были волею или неволею гнуть свой языкъ, дѣлать его гибкимъ, выискивать новые обороты, чтобы вѣрнѣе выразить подлинникъ и проч.

„Изъ всѣхъ новѣйшихъ языковъ славенскій образовался прежде всѣхъ. Каковы были въ 13, 14 стол. нѣмецкій, французскій, англійскій и прочіе языки.“ Стеченіе счастливыхъ обстоятельствъ способствовало въ этомъ Руссамъ. Переводъ съ образованнаго греческаго языка продолжался нѣсколько вѣковъ безпрерывно; служба Божія отправлялась на отечественномъ языкѣ; всѣ временники, всѣ грамоты писались на своемъ языкѣ (а не по латыни, какъ во всей прочей Европѣ). Какъ именно мы Нѣмцы опоздали въ этомъ (ибо не болѣе 70 лѣтъ какъ начали мы писать чисто по нѣмецки, къ чему пріучились большею частью переводами съ французскаго и англійскаго), очень живо чувствую я, читая русскую Четію-Минею, можетъ быть 14 столѣтія, и тотчасъ за нею собраніе нѣмецкихъ проповѣдей, напечатанное въ 1674, и сравниваю не содержаніе, а слогъ ихъ. Въ первой нахожу я порядокъ въ изложеніи, круглые періоды, вводныя предложенія, связанныя одно съ другимъ 10 различными причастіями, звучныя, сильныя и богатыя слова, и проч. Какое

сравненіе съ бѣднымъ нѣмецкимъ проповѣдникомъ, не забывая и тогда же и тогдашняго регенсбургскаго подъячаго! Непонятно однако же, какъ долго Русскіе не переносили въ великорусскій языкъ великолѣпія славенскаго, хотя ничего не было легче этого. Лѣтъ съ 50 только, какъ явились три (по крайней мѣрѣ мнѣ съ этой стороны очень извѣстные) человѣка, дѣлающіе эпоху, одинъ за другимъ, и одинъ лучше другаго, которымъ удалось это какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ: Ломоносовъ, Херасковъ, Карамзинъ."

„Для будущаго русскаго историка много еще предстоитъ труда въ этомъ дѣлѣ; а Кириллъ и Меѳодій и участь его единовѣрцевъ въ другихъ земляхъ неоспоримо принадлежатъ его вѣдомству."

„У насъ есть много сочиненій (о богослуженіи), но большая часть писана противною стороною и съ безстыднымъ пристрастіемъ: сразиться съ послѣднимъ, какое славное дѣло для русскаго, любящаго свою церковь и языкъ." II, 582.

„Знатоки отдадутъ мнѣ справедливость,—такъ заключаетъ Шлецеръ X главу своего Нестора, что я отдѣлалъ ее съ отмѣннымъ стараніемъ; да и не стоила ли она того?"

Шлецеръ разсматривалъ событіе съ общей, отвлеченной, такъ сказать, философской, космополитической точки зрѣнія, и цѣнилъ его сравнительно съ исторіей прочихъ народовъ. Да позволено мнѣ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о значеніи Св. Кирилла и Меѳодія, относительно русской исторіи, относительно русской жизни, какъ она при ихъ участіи слагалась, въ какомъ положеніи находится теперь, и чѣмъ обѣщаетъ, въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, сдѣлаться впредь.

Богослуженіе на родномъ общевразумительномъ языкѣ, скажу смѣло, есть краеугольный камень нашего нравственнаго состоянія, залогъ нашего будущаго развитія и преуспѣянія, и вмѣстѣ условіе, до сихъ поръ, нашего политическаго значенія. Если Русскій народъ не совершенно загрубѣлъ, одичалъ, не лишился человѣческаго образа, ни вслѣдствіе почти трехсотлѣтняго монгольскаго ига, ни вслѣдствіе другихъ враждебныхъ событій, если не погасла въ насъ, не смотря ни на какія бури и вихри, внѣшніе и внутренніе, искра святаго огня, способная въ счастливое время воспылать, пролить свѣтъ и теплоту на пространства неизмѣримыя, то этимъ счастіемъ обязаны мы богослуженію на родномъ языкѣ, учрежденному Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Нѣтъ цѣны, нѣтъ мѣры, нѣтъ вѣсу, для этого ихъ вѣковѣчнаго благодѣянія. Здѣсь все нравственное, сердечное, умственное, до сихъ поръ, сокровище русскаго народа. „Господи помилуй", „Отче нашъ",—вотъ гдѣ вся его мудрость, вотъ гдѣ его насущный благодатный хлѣбъ, которымъ онъ тысячу лѣтъ питается изъ рукъ Св. Кирилла и Меѳодія, и который спасаетъ отъ голодной смерти его тѣло и его душу. Здѣсь вся его теологія, философія, мораль, поэзія, медицина,—пожалуй хоть полиція.

А несчастные Болгары, а несчастные Сербы, стонущіе вѣка подъ игомъ варваровъ? Чѣмъ поддерживается ихъ убогая жизнь, чѣмъ питаются ихъ надежды, чѣмъ облегчается ихъ несносное бремя? Славянскимъ богослуженіемъ, кромѣ котораго у нихъ нѣтъ уже совершенно ничего.

Какія происшествія составляютъ сущность русской исторіи, главныя наши эпохи?

Основаніе государства,

Принятіе Христіанской вѣры,

Столица Москва,

Донское побоище,

Освобожденіе Россіи отъ Поляковъ,

Полтавская побѣда,

Сожженіе Москвы въ 1812 году,—и самое къ намъ близкое, самое радостное, животрепещущее,—это

Освобожденіе двадцати пяти милліоновъ крѣпостнаго народа!

Великія происшествія! Такъ вотъ между этими происшествіями богослуженіе на своемъ языкѣ занимаетъ первое мѣсто, рядомъ съ введеніемъ Христіанской вѣры при Св. Владимирѣ,—относительно благодѣтельнаго дѣйствія на совокупность всего русскаго народа, въ продолженіи истекшаго тысячелѣтія.

И не только занимаетъ оно одно изъ первыхъ мѣстъ, но условливаетъ всѣ прочія, служитъ имъ или основаніемъ, или утвержденіемъ, или распространеніемъ. Такъ въ сраженіи на Куликовомъ полѣ душою былъ Св. Сергій, а рукою Дмитрій Донской; такъ въ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ, Гермогенъ, Іоасафъ, Діонисій, Палицынъ, участвовали не менѣе Пожарскаго, Минина и Сусанина, возбуждая народъ возстать за домъ Пресвятой Богородицы.

Вотъ что сдѣлали для русскаго народа Св. Кириллъ и Меѳодій!

А что̀ наши такъ называемые учители, непщующіе быть передовыми людьми, что̀ они сдѣлали для народа въ этомъ отношеніи?

Они—ничего; ничего не только въ сравненіи съ дѣйствіями Св. Кирилла и Меѳодія, но и вообще ничего!

И находятся еще безсмысленные между ними, которые хотятъ вырвать изъ рукъ у русскаго народа эту единственную для него духовную пищу. Да, что же безъ нея будетъ съ народомъ? Чѣмъ замѣнятъ ее передовые безумцы? Неужели они думаютъ, что горячешнымъ ихъ бредомъ, наполняющимъ современные листы, которые разноситъ ежедневно вѣтеръ, можетъ удовлетвориться русскій, добрый, толковый, православный, народъ? Неужели они думаютъ, что любимая ихъ молитва „чортъ возми" будетъ спасать Русскій народъ лучше, чѣмъ его тысячелѣтнее „Господи помилуй?" Неужели они думаютъ, что изъ ихъ ничего—можетъ произойти что-нибудь, что-нибудь путное и прочное! Ex nihilo nihil fit, кромѣ развѣ нигилистовъ, взаимно другъ друга уничтожающихъ и погрязающихъ въ своемъ нелѣпомъ ничтожествѣ. Туда имъ и дорога!

Я почелъ нужнымъ сдѣлать эту вставку, имѣя въ виду нѣкоторые новомодные толки, начинающіе къ счастію утихать, но соблазнившіе и увлекшіе на нѣсколько времени много неопытной, малообразованной молодежи!

Приступаемъ къ предмету нашего разсужденія.

Почему нынѣшній день, 11 мая, избранъ для чествованія незабвенныхъ первоучителей, Св. Кирилла и Мееодія?

Св. Кириллъ скончался 14 февраля, Св. Мееодій скончался 6 апрѣля.

Въ нѣкоторыхъ древнихъ спискахъ житій память Кириллова относится еще къ 14 октября, Мееодіева къ 4 апрѣля. Но празднованіе имъ обоимъ вмѣстѣ въ древнихъ святцахъ, по замѣчанію одного глубокаго знатока нашей писменности, нигдѣ не встрѣчается. Западные Славяне празднуютъ память обоихъ 9-го марта. По

какой же причинѣ и когда началось впервые празднованіе 11 мая?

Но вы удивитесь, ММ. ГГ.,—я обращаюсь къ большинству настоящихъ свѣтскихъ слушателей, — когда я вамъ скажу, что̀ еще празднуется православною церковію въ нынѣшней день, 11 мая!

Обновленіе Царь-града.

Вотъ святцы (1): „11 мая, Обновленіе Царь-града, бывшее во время перваго Вселенскаго собора, по пренесеніи Константиномъ Великимъ престола отъ Рима въ Византію, и отъ 380 Св. отецъ, сшедшихся на соборъ, наименованъ тогда сей градъ Константинополемъ, въ лѣто 310 по Р. Х.“

А. В. Г., въ письмѣ своемъ ко мнѣ, обращая мое вниманіе на это примѣчательное совпаденіе, спрашиваетъ: „Что это, пророчество или случайность? По какому поводу отнесено воспоминаніе о Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ ко дню воспоминанія объ обновленіи Царьграда? Или церковь русская, за долго еще до настоящаго времени, хотѣла замѣнить утраченную славу столицы православія другимъ воспоминаніемъ, болѣе обѣщающимъ впереди?“

Такъ! будемъ видѣть въ этомъ примѣчательномъ соединеніи двухъ воспоминаній знаменательное указаніе, вожделѣнный залогъ будущихъ судебъ Славянскаго народа.

Кириллъ и Меѳодій, первые и, увы! до сихъ поръ послѣдніе истинные панславписты, должны быть символомъ славянскаго общаго обновленія. Славянскій языкъ, ихъ наслѣдіе, долженъ быть средоточіемъ, связію всѣхъ славянскихъ племенъ, основаніемъ ихъ единства, условіемъ ихъ своеобразнаго развитія, средствомъ возбуж-

---

(1) См. Решетниковское 2 изданіе, 1802 г. Москва, с. 97.

денія къ новой жизни, источникомъ спасенія и освобожденія отъ всякаго ига, вещественнаго и духовнаго, турецкаго и нѣмецкаго. Освобожденные, вѣрно потрудятся они и для конечнаго, втораго обновленія Константинова града, гдѣ, когда и какъ, Богъ исторіею имъ укажетъ.

Замѣтимъ еще, что въ нашей Четьи-Минеѣ подъ 11 мая значится обрѣтеніе Св. Кирилломъ въ Черномъ морѣ мощей Св. Климента, папы Римскаго.

Приступаемъ къ изслѣдованію вышеизложенныхъ главныхъ вопросовъ.

Вопросъ первый: кто были родомъ Св. Кириллъ и Меѳодій? Славяне или Греки?

Этотъ вопросъ долгое время былъ пропускаемъ и обходимъ, или упоминаемъ вскользь изслѣдователями. (1) Они обращали преимущественно вниманіе на другіе важнѣйшіе въ ихъ глазахъ предметы: изобрѣтеніе грамоты и языкъ перевода.

Большая часть, кромѣ геніальнаго, но не строго отчетливаго Венелина, (2) склонялась впрочемъ къ мнѣнію, что Кириллъ и Меѳодій были Греки, основываясь на томъ, что они родились въ греческомъ городѣ, знали отлично греческій языкъ, служили въ греческой службѣ, были въ связи съ греческимъ дворомъ.

(1) См. Шлецера Несторъ. II, с. 472; Добровскаго—Кириллъ и Меѳодій, въ моемъ перев. с. 47; Карамз. Истор. Г. Р. т. I. с. 111; Шафарика Слав. Древности въ переводѣ пр. Бодянскаго, т. II, ч. I, с. 313, 329; Копитара Kleine Schriften, с. 62; Калайдовича Іоаннъ, экзархъ Болгарскій, с. 3.

(2) Изслѣдованія объ Исторіи Болгаръ с. 85, 86. Эта книга прошла у насъ не замѣченною въ литературѣ, а въ ней заключается много яркихъ искръ.

Недавно только г. Гильфердингъ выразилъ нѣкоторое ограниченіе этому мнѣнію, хоть и съ большою оговоркою, сказавъ: „мы вправѣ признать возможнымъ и *до нѣкоторой степени* вѣроятнымъ, что (Кириллъ и Меѳодій), какъ многіе другіе знатные византійцы, были славянскаго происхожденія; *но съ другой стороны* мы должны признать достовѣрнымъ и то, что уже отецъ ихъ не принадлежалъ народу славянскому, что они были и считали себя Греками.“ (1)

Въ наше время, въ эпоху сознанія народностей, вопросъ этотъ привлекаетъ къ себѣ больше вниманія, и намъ очень желалось бы во храмѣ славянской исторіи поставить образы такихъ двухъ великихъ дѣятелей, какъ Св. Кириллъ и Меѳодій.

Прямыхъ, положительныхъ свидѣтельствъ, въ первыхъ источникахъ нѣтъ,—какъ въ пользу греческаго, такъ и въ пользу славянскаго происхожденія: мы должны отыскивать оное посредствомъ соображеній и наведеній.

Мнѣ кажется, что они были Славяне.

Всѣ прежнія основанія ихъ греческаго происхожденія не представляютъ никакой особенной прочности, и легко ослабляются противоположными разсужденіями: рожденіе въ Солунѣ, служба, связи, точно также могутъ принадлежать Славянину, какъ и Греку. Почему стратигъ Левъ, отецъ Св. Кирилла и Меѳодія, не могъ быть Славяниномъ, если многіе изъ его современниковъ, на высшихъ мѣстахъ въ имперіи, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, прежде и послѣ, были Славяне? Послушаемъ Ша- фарика: (2)

(1) День, 1862. N 29, с. 14.
(2) Славянскія Древности, т. II, кн. 1, ст. 325.

„Не упоминая уже о полководцахъ, Доброгостѣ, Всегърдѣ (554), Татимірѣ (592), Патриціѣ Оногостѣ (575)и др., назовемъ Никиту, Патріарха Цареградскаго (766—780), Никиту Пелопонисскаго, тестя Христофора, сына Романова (ок. 900), Гаврилопула и Василича, любимцевъ Императорскаго опекуна и намѣстника Александра (911), Борила и Германа, наперсниковъ Императора Никифора Ботоніата (1078) и иныхъ. Извѣстно также, что Императоръ Василій, прозванный Македоняниномъ (867—886), былъ родомъ Славянинъ, на что указываетъ и его выраженіе, какъ борца (*κατὰ πόδρεζαν*, т. е. подрѣзъ, подрѣзывать, succisio), равно какъ и свидѣтельство арабскаго историка Гамзы. „Самъ Юстиніанъ, можно полагать навѣрное,“ говоритъ Шафарикъ, „происходилъ отъ славянскаго рода, поселившагося еще въ концѣ пятаго вѣка въ Дарданіи. Онъ назывался на своей родинѣ Управда, что соотвѣтствуетъ латинскому его имени Iustinianus. Родина его Ведеріана, въ верхней Македоніи, отецъ—Истокъ, мать—Бигленица. Это свидѣтельствуетъ біографія его, составленная воспитателемъ его Ѳеофиломъ.“ (1)

Селунь—греческій городъ; но въ Кириллово время онъ былъ населенъ Славянами въ равной, или еще въ большей степени, какъ и Греками, а окружная сторона была тогда и до сихъ поръ есть чисто-славянская страна. Средоточіе тамошней торговли—въ Селунѣ. (2)

Населенія славянскія въ Мизіи, Дарданіи и Македоніи, Шафарикъ, по основательнымъ причинамъ, относитъ къ концу еще V столѣтія. (3) „По временамъ

---

(1) См. Слав. Древн. с. 256—259.

(2) ib. с. 339.

(3) ib. с. 258 и слѣд.

подчинялись они Грекамъ, а по временамъ пріобрѣтали себѣ независимость. Македонія въ это время вся была заселена Славянами, и потому называлась тогда Славиніей. (1) Болгаре, покоривши Славянъ во всѣхъ этихъ странахъ (678), смѣшались съ ними, подчинились ихъ вліянію и впослѣдствіи ославянились.“

„Весьма также вѣроятно,“ продолжаетъ Шафарикъ, (2) „что во время зависимости мизійскихъ, дарданскихъ и македонскихъ Славянъ отъ Грековъ, сѣмя Христіанской вѣры прежде всего посѣяно было между ними греческимъ духовенствомъ, и, хотя вторженіе Угорскихъ Болгаръ приглушило его на нѣкоторое время, но совершенно истребить не могло.“

Разсуждая a priori—мысль о переводѣ чего-либо съ своего языка на чужой допустить гораздо труднѣе, необычайнѣе, чѣмъ мысль о переводѣ съ чужаго языка на свой. Такъ велось всегда и вездѣ. Греки, напротивъ, привлекали все къ своему языку, свой языкъ считали образцомъ совершенства, точно такъ и Римляне думали о своемъ языкѣ. Всѣ прочіе народы въ глазахъ ихъ были варвары, и, чтобъ сдѣлаться людьми, они должны были овладѣть ихъ языками, греческимъ и римскимъ. Даже и теперь Греки и Римляне поступаютъ подобнымъ образомъ: Папа твердитъ по латыни, Константинопольскій патріархъ употребляетъ всѣ усилія противъ болгарскаго, то есть, Кириллова языка, и не допускаетъ употребленія въ Богослуженіи.

Много ли Грековъ и Римлянъ видимъ мы, въ продолженіи исторіи, между переводчиками на какой-нибудь чужой варварскій языкъ?

(1) ib. c. 294.
(2) ib. c. 261.

Въ IX столѣтіи Греку, самому высокообразованному, мысль перевести Св. писаніе, ввести богослуженіе на чужомъ языкѣ, была бы событіемъ безпримѣрнымъ,— еще болѣе: распространеніе чужаго языка сдѣлать задачею всей своей жизни, посвятить ему всѣ свои труды, съ такою настойчивостью и такимъ самопожертвованіемъ!

Въ самой жизни Св. Кирилла и Меѳодія мы не видимъ греческихъ признаковъ: Грековъ тянуло всегда домой, а Св. Кириллъ и Меѳодій представляютъ какъ бы родовую славянскую особенность, путешествуя безпрерывно въ Константинополь, къ Козарамъ, къ Аравитянамъ, къ Болгарамъ, къ Моравлянамъ, въ Римъ. Они не вспоминаютъ ни при какомъ случаѣ о своемъ мнимомъ отечествѣ; не вступаютъ ни въ какія сношенія и не имѣютъ при себѣ никого изъ своихъ соотечественниковъ. Кириллъ кончаетъ жизнь свою въ Римѣ, Меѳодій въ Велеградѣ. Спутники ихъ и ученики пишутъ по-славянски, а не по-гречески, и подвергшіеся гоненіямъ ищутъ себѣ убѣжища не въ Греціи, а между Славянами. (1)

Конечно, все это гаданія, кои я представляю предварительно на усмотрѣніе слушателей.

Послѣ разсужденій a priori, обратимся къ разсужденіямъ a posteriori, обозримъ внимательнѣе свидѣтельства: не найдемъ ли мы тамъ какихъ полезныхъ указаній.

Въ житіи современномъ Меѳодія сказано: Бѣ же рода не худа отъ обоюду, но вельми добра и честна, знаема первѣе Богомъ и царемъ и всею селунскою

(1) Одинъ изъ слушателей этой статьи въ рукописи, г. П., замѣтилъ очень справедливо, что самое путешествіе Кирилла и Меѳодія въ Римъ указываетъ въ нихъ болѣе Славянъ, чѣмъ Грековъ, которые, кажется, не могли такъ легко и свободно послушаться папскаго вызова.

странѳю... потому же и Греци любяще и издѣтска, честныя бесѣды дѣяху.

Я спрашиваю: еслибъ авторъ житія считалъ Св. Кирилла и Меѳодія Греками, то къ какой бы стати онъ предложилъ замѣчаніе, что Греки любили ихъ издѣтства. Еслибъ они были Греки, то о любви къ нимъ Грековъ нечего бы и говорить.

Да и предыдущее выраженіе объ извѣстности братьевъ во всей селунской странѣ, по своей обстановкѣ (контексту), указываетъ скорѣе на славянское происхожденіе, чѣмъ на греческое.

Послѣ вышеприведенныхъ словъ о Меѳодіѣ въ житіи сказано: „дондеже царь, увидѣвъ быстрость его, княженіе ему дасть держати словеньско... дабы проучилъ-ся всѣмъ обычаямъ словеньскымъ, и обыклъ я по малу.“

Добровскій неправильно перевелъ эти слова, говоря, что Меѳодій поставленъ былъ воеводою на границахъ славянскихъ земель, гдѣ и нашелъ случай учиться по славянски. Здѣсь говорится объ образѣ жизни славянской, а не объ языкѣ, извѣстномъ Меѳодію прежде.

Впрочемъ, признаюсь, это мѣсто кажется мнѣ какою-то странною авторскою прибавкою: Меѳодій назначенъ правителемъ для того, чтобъ познакомился съ образомъ жизни словянскимъ? Этимъ выраженіемъ какъ будто предполагается что-то послѣ. Что же? Странно поставлять правителю подобную цѣль: понятно предварительное подготовленіе, а управлять съ цѣлію учиться никакъ нельзя и предположить. Учиться же языку въ этомъ случаѣ вовсе немыслимо.

Въ сказаніи о Св. Кириллѣ Философѣ по синодальному прологу (№ 247) XIII или XIV в., и другимъ спискамъ, подъ 14 февраля, между прочимъ говорится,

что Св. Кириллъ, взятый къ императорскому двору для воспитанія, „четырьмя языки и философіи научися: еллински, римски, сирски, жидовски.“

Спрашивается—еслибъ еллинскій языкъ былъ природный Св. Кириллу, то зачѣмъ было бы учиться ему, и почему не былъ бы упомянутъ здѣсь славянскій языкъ? Ясно ли, что словянскій языкъ былъ Св. Кириллу природный,—потому онъ и не упомянутъ,—а по-еллински онъ долженъ былъ учиться.

Сюда же относится и выраженіе въ Кирилловомъ житіи о обученіи его въ Константинополѣ „Омиру“ и всѣмъ прочимъ *еллиньскымъ* художествамъ. (1)

Еллинизмъ считается отъ автора какъ бы чѣмъ-то не своимъ, а чужимъ.

Изъ этихъ оборотовъ мнѣ ясно слышится, что писалъ житія не Грекъ, и не о Грекахъ.

Кириллъ удержанъ былъ въ Константинополѣ въ званіи учителя: „умолиша и учительны столъ пріяти и учити философіи тоземце и странные, со всякою службою и помощію.“

Опять оборотъ, называющій Грековъ туземцами (если такъ понимать туземцевъ), и сопоставляющій ихъ съ странными, отзывается въ пользу нашего мнѣнія.

А еще вѣроятнѣе, что здѣсь вовсе не говорится о Грекахъ, а подъ „туземцами“ разумѣются Селуняне, жившіе въ Константинополѣ, и „странные,“ т. е. приходящіе. Такое распоряженіе учить Кириллу не Грековъ, а туземцевъ и странныхъ, даетъ, кажется,

---

(1) Въ этомъ смыслѣ и въ нашей Четьи-Минеѣ говорится: не токмо же въ еллинскомъ языкѣ бѣ премудръ, но и въ другихъ языцѣхъ. Римскаго бѣ писанія изучивъ добрѣ и сирской бесѣдѣ и прочимъ иностраннымъ навыче языкомъ. (См. Шлецеръ, II, с. 569).

понять объ ихъ не-греческомъ происхожденіи. Если бы Кириллъ назначенъ былъ просто учителемъ для Грековъ, то для чего бы нужно прилагать дальнѣйшія объясненія, для кого именно; и что это за „странные?"

Наконецъ при описаніи посольства моравскаго князя Ростислава съ просьбою объ учителяхъ, царь говоритъ нашимъ братьямъ: „вы бо еста Селунянина, да Селуняне всѣ чисто словеньскы бесѣдуютъ."

Эти слова скорѣе заключаютъ доказательство, что Св. Кириллъ и Меѳодій были Славяне, чѣмъ Греки. Царь какъ бы такъ говоритъ имъ: вы Селунцы, а Селунцы чисто говорятъ по-славянски, и Моравляне васъ поймутъ—идите къ нимъ учить ихъ.

Достаточно ли этихъ мѣстъ для мнѣнія, что Кириллъ и Меѳодій были Славяне, а не Греки, въ дополненіе къ вышеприведеннымъ соображеніямъ? Касательно греческаго происхожденія подобныхъ мѣстъ въ источникахъ не находится.

Но можно, кажется, найдти и еще сильнѣйшія доказательства въ пользу нашего мнѣнія, вотъ какія:

Во всякомъ переводѣ, сдѣланномъ иностранцами, даже въ эпоху цвѣтущаго состоянія того или другаго языка, знатокъ, съ чуткимъ ухомъ и зоркимъ глазомъ, подмѣтитъ чуждое происхожденіе, нѣкоторую противоестественность, мертвенность, и отгадаетъ безъ труда, своимъ ли языкомъ пишетъ переводчикъ, или чужимъ. У Француза встрѣтятся непремѣнно галлицизмы, у Нѣмца германизмы. Пускай поработаютъ наши филологи надъ переводомъ Св. Писанія, и отыщутъ слѣды собственнаго или иностраннаго происхожденія. Нѣкоторыя слова или обороты, новые и необходимые, нейдутъ

сюда въ разсужденіе: они могутъ найтись у природныхъ переводчиковъ со всѣхъ языковъ; во всякомъ языкѣ всегда бываетъ много иностранныхъ словъ. Филологія не есть мой предметъ спеціальный, и я предоставляю это занимательное и благодарное дѣло ученымъ по ремеслу. Замѣчу только съ своей стороны, что переводъ Кирилла и Меѳодія являетъ важные признаки самостоятельности, даже и для диллетантовъ—въ двойственномъ, напримѣръ, числѣ, котораго нѣтъ въ греческомъ подлинникѣ, и въ дательномъ самостоятельномъ, которымъ переводится греческій родительный.

Если филологи подтвердятъ замѣчаніе о *живости* славянскаго элемента, то вопросъ о славянскомъ происхожденіи Св. Кирилла и Меѳодія рѣшится окончательно.

Присоединимъ наконецъ къ этимъ заключеніямъ и соображеніямъ, къ этимъ разсужденіямъ a priori и posteriori, слѣдующія положительныя свидѣтельства: въ житіи Св. Кирилла, найденномъ г. Гильфердингомъ въ одномъ сборникѣ (XV—XVI стол.) въ Далмаціи, читается: „съи преподобный отецъ нашъ Кириллъ рожденіемъ бысть отъ Селуня града, родомъ съ Болгаріи, отъ благовѣрныхъ родителей родися, имя же ему Левъ и матери же его бѣ Марія“ и проч. (1)

Въ Климентовомъ похвальномъ словѣ Св. Кириллу есть такое выраженіе: „прѣидоста оттуду на западныя страны, благовѣствующе слово Божіе въ языкъ новъ, и весь церковный законъ прѣложиша, отъ греческа въ свой имъ языкъ предаста.“ (2)

---

(1) См. Извѣстія 2 отдѣленія академіи наукъ, т. VI, вып. 5.

(2) О времени происхожденія слав. писменъ, с. 169.

Excerptum de conversione Carantanorum XIII стол. говоритъ: Supervenit quidam Sclavus ab Histriae et Dalmatiae partibus, nomine Methodius, qui adinvenit sclavicas litteras, et sclavice celebravit divinum officium.

Г. Лавровскій (1) осуждаетъ слишкомъ строго это извѣстіе за выводъ Меѳодія изъ Истріи и Далмаціи: точности большой нельзя здѣсь требовать, въ подобныхъ перечняхъ часто встрѣчаются и перестановки, и опущенія, и сокращенія, и соединенія.

Арсеній Сухановъ еще въ XVII стол. слышалъ на Аѳонѣ преданіе, что Св. Кириллъ и Меѳодій родились отъ отца Болгарина и матери Гречанки. Это сказаніе, говоритъ г. Григоровичъ (2), помѣщено въ рукописныхъ преніяхъ Арсенія Суханова. Не понимаю только, почему г. Григоровичъ сообщаетъ это извѣстіе въ объясненіи къ тропарю: пришельца на землю чужду (моравскую), не своему племени, какъ будто и въ тропарѣ указывается славянское происхожденіе братьевъ.

Остается мнѣ объяснить нѣкоторыя возраженія: зальцбургскій лѣтописецъ называетъ Меѳодія: quidam graecus Methodius. Это названіе можетъ означать только православнаго, восточнаго, греческаго проповѣдника, соотвѣтственно нынѣшнему употребленію. (Болгарскій царь Симеонъ назывался полугрекомъ по своему образованію (3).

Еще менѣе можетъ затруднить прозваніе Ромейцевъ, иногда употребленное. Ромейцы—жители восточно-римской имперіи, какого бы происхожденія ни были,—это

---

(1) ib. c. 216.

(2) Древне-славянскій памятникъ. Казань. 1862 г. См. выше.

(3) Шафарикъ, ib. c. 306.

имя столь же мало можетъ означать Грека, какъ и Римлянина, подобно нынѣшнему названію Австрійца, которое можетъ принадлежать и Славянину, и Венгерцу, и Нѣмцу, и Волоху.

А вотъ еще доказательство и отъ противнаго. Если бы Кириллъ и Меѳодій были Греки, то нельзя бы объяснить объ нихъ молчаніе греческихъ писателей, которые начинаютъ говорить о нихъ, и то не многіе, очень поздно, и очень поверхностно, неуважительно.

И такъ, по нашему мнѣнію, Кириллъ и Меѳодій были Славяне, получившіе многостороннее греческое образованіе, и въ этомъ только смыслѣ могли называться иногда Греками.

Они возъимѣли желаніе пріобщить къ такому образованію и весь Славянскій народъ: съ этою цѣлію они рѣшились перевести Священное Писаніе на свой славянскій языкъ, и для того изобрѣли особыя письмена.

Мы переходимъ ко второму, опредѣленному нами выше вопросу.

По какому поводу, для кого, перевели они Священное писаніе, и изобрѣли славянскую азбуку?

Долго господствовало въ ученомъ мірѣ, и вновь теперь господствуетъ мнѣніе, что изобрѣтеніе и переводъ сдѣланы для Моравовъ, по поводу посольства Моравскихъ князей, Ростислава, Святополка и Коцела, къ Греческому императору Михаилу.(1)

(1) См. Шлецера, II, с. 476. Добровскаго, с. 49. Карамзина, I, с. 110. Калайдовича, Іоаннъ экзархъ Болгарскій, с. 3. Шафарика въ стат. Разцвѣтъ славянской писменности, перев. Бодянскаго въ чтеніяхъ О. И. Д. Р. годъ 1848, N 7, с. 40.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, издавая по порученію покойнаго канцлера графа Румянцева переводъ изслѣдованія Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ, я выразилъ свое сомнѣніе о посольствѣ Моравскихъ князей къ Грекамъ и объ отправленіи въ Константинополь оттуда Кирилла и Меѳодія, на томъ основаніи, что Моравія, Паннонія, въ коихъ владѣли князья сіи, пріяли уже святое крещеніе отъ римскихъ миссіонеровъ, имѣли римскихъ священниковъ и подчинены были папѣ съ давнихъ временъ.

„Съ чего же князьямъ симъ," говорилъ я, „обратиться вдругъ къ чуждому двору, греческому, съ коимъ не имѣли они сношенія? Въ 865 г., по извѣстію современнаго Кириллу и Меѳодію писателя, въ эпоху пребыванія тамъ братьевъ, зальцбургскій архіепископъ Адальвинъ праздновалъ у Коцела день Рождества Христова, при чемъ упоминаются и другіе латинскіе священники, у сего князя бывшіе; Меѳодій же началъ дѣйствовать въ областяхъ его только въ 872 году, по извѣстію того же писателя. Діоклейскій священникъ, одинъ изъ древнѣйшихъ свидѣтелей, говоритъ, что Константинъ на пути уже въ Римъ познакомился съ Святополкомъ. Сей Святополкъ является впослѣдствіи совершенно на сторонѣ латинскихъ священниковъ, и принуждаетъ Меѳодія, не смотря на заступленіе самого папы, оставить свою епархію и удалиться съ горестію въ Римъ. Замѣчу наконецъ, что князья сіи во все это время заняты были политическими раздорами съ Нѣмцами и между собою."

„О призваніи изъ свидѣтелей говоритъ только итальянская легенда и упоминаетъ объ одномъ Ростиславѣ. Вставщикъ Несторовъ присоединяетъ уже Святополка и Коцела."

„Важнѣйшую же причину отвергать сіе призваніе вижу я въ томъ, что Кириллъ и Меѳодій, вскорѣ по прибытіи своемъ въ сіи страны, признали надъ собою власть папы римскаго: могло ли бы случиться, чтобъ они, Греки, греческіе подданные, исповѣдывавшіе вѣру по греческому уставу, отнеслись по духовнымъдѣламъ своимъ не къ Грекамъ, еслибы были посланы сими послѣдними торжественно?"

Такъ я разсуждалъ при неизвѣстности житія Меѳодіева и житія Кириллова, писанныхъ современниками, и занимающихъ нынѣ главное мѣсто между источниками.

Нынѣ, когда открыты житія, сомнѣваться нельзя о моравскомъ посольствѣ.

Кириллово житіе свидѣтельствуетъ положительно: „Растиславь бо, моравьскый кнезь, Богомь оустимь сьвѣть сьтвори сь кнези своими Моравляны, и посла къ царю Михаилу глаголя: людемь нашимь поганьства се отврьгьшіимъ, и по христіаньскы и законь дрьжащіимь, оучителя не имамы таковаго, иже ны бывъ *вь свои языкь* истиноую вѣроу христіаньскоую сказаль, да се быше и ины страны зреще подобили намь. Да послы ны, владыко, епископа и оучителя таковаго. *Отъ вась бо на вьсе страны добрь законь исходить.* Сьбравь же сьборь царь, и призва Коньстантина философа и сьтвори й слышати рѣчь сію, и рече: вѣмь те троудна соуща, философе, нь потрѣба іесть тебѣ тамо ити: сію бо рѣчь не можеть инь никтоже исправити, якоже ты. Отвѣщавь же философь: и троудьнь сый и больнь тѣломь съ радостію идоу тамо, аще имають боуквы въ языкь свои. Глагола же царь къ ніемоу: дѣдь мои и отьць мои и ины мнози, искавше того, не соуть обрѣли, то како азь могоу то обрѣсти? Філософь же рече: то кто

можеть на водоу бесѣдоу писати, и еретичьско име себѣ обрѣсти? Отвѣща ему пакы царь и сь Варьдою, оуемь своимь: аще ты хощеши, можеть сіе тебѣ Богь дати, иже и даеть вьсѣмь просещіимь без соумнѣніа и отврьзаеть тлькоущіимь. Шьдь же філософь, по прьвомоу обычаю на молитвоу се наложи и сь инѣми поспѣшникы. Вьскорѣ же е емоу Богь яви, послоушае молитвы своихь рабь. И абіе сложи писмена, и начеть бесѣдоу писати евaггельскоу: Испрьва бѣ слово, и слово бѣ оу Бога, и Богъ бѣ слово, и прочее. Вьзвесели же се Царь, и прослави Бога сь своими сьвѣтникы, и посла его сь дары многы, писавь кь Растиславоу епистолію сице: Богь, иже велить вьсакомоу, да бы въ разоумь истинныи пришьль и на большіи се чинь стежаль, видѣвь вѣроу твою и подвигь, сьтвори нынѣ вь наша лѣта, явль боуквы вь вашь езыкь, егоже не бѣ испрьва было, нь тькмо вь прьваа лѣта, да и вы причьтете се великыхъ езыцѣхъ, иже славеть Бога своимь езыкомь.“ (по Шаф.)

Такъ говоритъ современное житіе, отстраняя всякое сомнѣніе о посольствѣ. Но сущность нашего затрудненія, выше изложеннаго, остается въ своей силѣ: съ чего было Моравскимъ князьямъ отправлять посольство именно въ Константинополь? Что могло побудить ихъ къ тому, вопреки прежнимъ связямъ съ Римомъ? Почему могли они надѣяться удовлетворенія въ Константинополѣ больше, чѣмъ въ Римѣ? Надо разрѣшить и объяснить этотъ вопросъ какъ бы то ни было.

Самымъ правдоподобнымъ объясненіемъ представляется слѣдующее:

Моравскіе князья *услышали о славянскомъ Богослуженіи, о переводѣ священныхъ книгъ*, и пожелавъ имѣть ихъ для собственнаго употребленія, обратились

съ просьбою прислать имъ учителей къ Императору, въ Константинополь, откуда пошло новое ученіе.

Только такимъ образомъ можетъ быть объяснено посольство, иначе непостижимое.

Г. Лавровскій предполагаетъ политическія причины, желаніе имѣть союзника въ Греческомъ императорѣ противъ притязаній Нѣмецкаго. Можетъ быть это желаніе участвовало, но главную причину выставляютъ всѣ свидѣтельства—языкъ.

Слѣдовательно Св. Кириллъ и Меѳодій перевели Священное Писаніе не для Моравовъ, слѣдовательно нечего и говорить объ изобрѣтеніи Славянской грамоты въ 862 году: въ 862 году она только что принесена была къ Моравамъ, а изобрѣтена гораздо прежде. Впрочемъ сама итальянская легенда, а за нею и моравская легенда, свидѣтельствуютъ, что Константинъ принесъ съ собою Евангеліе въ Моравію уже переведенное, и вмѣстѣ съ Меѳодіемъ начали учить грамотѣ учениковъ. Послѣдняя прибавляетъ славянскій служебникъ и часословъ, принесенные готовыми. (1)

Шафарикъ, отвергая возможность изобрѣтенія грамоты въ Моравіи, говорилъ: „Изобрѣтеніе и составленіе азбуки сдѣлано Греками, въ Греціи, и именно, вѣроятнѣе всего, въ Царьградѣ, для греческихъ Славянъ. Доказательствомъ тому—греческія буквы, взятыя въ основаніе, присоединеніе новыхъ письменъ изъ языковъ: коптскаго, еврейскаго, армянскаго и т. д., а больше всего правописаніе, составленное по образцу греческаго, армянскаго и т. п. Составленіе азбуки Меѳодіемъ, при пособіи латинскихъ помощниковъ, въ 870 году, по смерти Константина,

---

(1) У Бодянскаго, с. 29, 254.

въ Моравіи—землѣ, уже прежде ознакомившейся съ латинскимъ письмомъ, приняло бы совершенно иное направленіе и произвело бы иныя слѣдствія. (1)

Притомъ, Кириллъ и Меѳодій изобрѣтаютъ грамоту, и переводятъ Евангеліе для Моравовъ, да на какой же языкъ? Они еще не знаютъ навѣрное, какимъ нарѣчіемъ говорятъ Моравляне. (См. ниже). Когда бы они успѣли сдѣлать переводъ, идя въ Моравію?

Итакъ вотъ мой второй тезисъ: Славянская грамота изобрѣтена не въ Моравіи и не для Моравовъ, въ 862 году.

Для кого же? Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что для Болгаръ, по поводу крещенія болгарскаго царя Бориса.

„Еслибъ даже посольство изъ Моравіи, говоритъ Добровскій, къ Имп. Михаилу было выдумкою для одной прикрасы, то все осталось бы болѣе нежели вѣроятнымъ, по Діоклейцу, и даже по легендѣ Людмил. по Дандулу, по моравской легендѣ, по біографу Климентову, что Константинъ и Меѳодій занимались обращеніемъ Болгаровъ. Для снисканія себѣ бóльшаго успѣха, изобрѣлъ Константинъ, если еще не въ Константинополѣ, то вѣрно въ Болгаріи, словенское письмо, перевелъ Евангеліе, и т. д. Введеніе словенскаго Богослуженія должно было естественно возбудить въ другихъ Словенахъ, еще прежде крещенныхъ, желаніе искать такихъ учителей (вотъ здѣсь именно приближался къ истинѣ великій учитель!), что и подало поводъ пригласить ихъ въ Моравію, случилось ли это чрезъ посольство къ императору Михаилу, или другимъ какимъ образомъ. (2)

---

(1) ib с. 190.

(2) Добровскаго Кириллъ и Меѳодій, с. 49.

Замѣтимъ, впрочемъ, что Добровскій выражается очень неопредѣленно и условно: если, и пр.

Шафарикъ во многихъ мѣстахъ своихъ Древностей утверждаетъ, что славянская литургія распространилась не изъ Моравіи въ Булгарію, но изъ Булгаріи въ Моравію, своимъ естественнымъ путемъ (1).

Крещеніе болгарскаго князя Бориса и у Шафарика представляется случайнымъ. Оно происходило, такъ сказать, мимоходомъ, на пути уже Св. братьевъ въ Моравію, по приглашенію тамошнихъ князей. А употребленіе славянскаго языка въ богослуженіи должны мы были выше принять до приглашенія еще столь распространеннымъ, что слава его дошла до Моравіи, и подала поводъ къ торжественному посольству.

Слѣдовательно, заключаю я, переводъ Евангелія и книгъ богослужебныхъ былъ у нихъ уже непремѣнно готовъ и до Болгаріи, *до крещенія Борисова, точно какъ и до Моравіи*. Некогда было бы Моравлянамъ узнать о немъ, пожелать его себѣ и послать за нимъ, если бы Кириллъ и Меѳодій ввели его въ Болгарію только что передъ прибытіемъ въ Моравію, на пути уже въ эту страну по приглашенію.

Притомъ, по большей части свидѣтельствъ, въ Болгаріи дѣйствующимъ лицемъ является Меѳодій, а изобрѣтателемъ почти вездѣ называется Кириллъ, Меѳодій же былъ его сотрудникомъ и продолжателемъ.

Греческіе лѣтописатели крещеніе Бориса соединяютъ съ нападеніемъ императора Михаила на Болгарію, въ 861 г., а не съ посольствомъ Ростислава.

---

(1) Шаф. II, ч. 2, с. 332. Срав. ниже.

Изъ этого, кажется, ясно, что крещеніе Борисово было прежде посольства Ростиславова, а могли Св. братья заѣхать по пути къ Борису, заботясь объ утвержденіи его въ Христіанствѣ.

По всѣмъ симъ соображеніямъ сдѣлаю новое предположеніе, что Св. Кириллъ и Меѳодій изобрѣли славянскую грамоту и перевели Евангеліе вмѣстѣ съ богослужебными книгами, *сами по себѣ, по собственному побужденію*, и начали употреблять ихъ между своими единоплеменниками, въ странѣ Селунской, гораздо прежде собственно такъ называемой царской Болгаріи и Моравіи.

Это—предположеніе, гаданіе; но вотъ положительное извѣстіе изъ тогоже житія, которое приписываетъ Св. братьямъ славянское происхожденіе. „Потомъ же (по одержаніи побѣды надъ патріархомъ Іоанномъ, слѣдовательно въ первый періодъ дѣйствія) шедъ въ Брегальницу и обрѣтъ отъ словенскаго языка нѣколико крещенѣхъ. Крестивъ ихъ приведе на православную вѣру и написавъ имъ книгы словенскыимъ езыкомъ, и сихъ ихъ же обрати на вѣру христіанску четыри тысуще и 50.“

Такъ утверждаетъ теперь и академикъ Куникъ:

„Первымъ мѣстомъ апостольскаго служенія Св. Кирилла между Славянами была, въ разстояніи лишь нѣскольких дней пути отъ Солуня, страна по рѣчкѣ Брѣгальницѣ (или Брѣгланицѣ, Βραγαλινίτξα), впадающей въ Вардаръ....Первоначальное назначеніе славянскаго письма именно для Славянъ на Брѣгальницѣ, можетъ быть, удивитъ знатоковъ дѣла своею смѣлостью; но я смѣю увѣрять, что этотъ фактъ основы-

(1) Записки Академіи, въ примѣчан. т. V, кн. II, с. 254.

вается на славянскихъ и греческихъ источникахъ, которые пополняютъ и подтверждаютъ другъ друга.“

Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ этихъ пополненій и подтвержденій, удерживая за собою дорогое для насъ право перваго указанія.

Начальное торжественное употребленіе славянскихъ книгъ было въ Брегальницѣ, въ Македоніи, потомъ въ Болгаріи, по поводу крещенія Борисова, и наконецъ въ Моравіи. Изъ Моравіи славянское богослуженіе точно такъ же перешло въ Богемію, Венгрію, Польшу и наконецъ Россію.

Когда перевели святые братья Священное Писаніе? Въ которомъ году?

Я сказалъ выше, что это вопросъ любопытный, но не главный, не первостепенный.

Основываясь на вышеупомянутыхъ соображеніяхъ, можно отвѣчать на этотъ вопросъ положительно:

За нѣсколько лѣтъ до 862 года, до прибытія съ переводами въ Болгарію и Моравію.

Но счастіе намъ и здѣсь поблагопріятствовало: сохранилось положительное свидѣтельство о времени изобрѣтенія,—это сказаніе монаха Храбра, жившаго вскорѣ послѣ Св. Кирилла и Меѳодія. Еще живы, говоритъ онъ, тѣ, которые видѣли ихъ. Этотъ свидѣтель даетъ намъ объ изобрѣтеніи славянской грамоты показаніе, совершенно соотвѣтственное нашимъ разсужденіямъ. Онъ говоритъ:

„Аще ли въпросиши Словеньскыя боукаря, глаголя: кто вы писмена створилъ есть, или книгы прѣложилъ? то вьси вѣдятъ, и отвѣщавше рекуть: святыи Костантинъ философъ, нарыцаемыи Кирилъ, тъи намь писмена

створи и книгы прѣложи, и Меѳодіе братъ его. Сутъ бо еще живи, иже суть видѣли ихъ. И аще въпросиши, въ кое врѣмя? то вѣдять и рекуть: яко въ врѣмена Михаила цьсарѣ гръчьска, и Бориса князя блъгарьска, и Растица князя моравьска, и Коцелѣ князя блатьньска, въ лѣто же отъ създания вьсего мира ҂ѕтѯг (6363). (по Шаф.)

Шафарикъ прежде представлялъ ходъ дѣла совершенно въ этомъ дукѣ. Приведемъ его слова подлинникомъ: (1)

"Въ возмужаломъ возрастѣ Константинъ отправленъ былъ родителями своими въ Царьградъ, или Константинополь, столицу греческихъ государей, бывшую въ то время тоже полуславянской, гдѣ и рукоположенъ въ священники, между тѣмъ какъ братъ его, Меѳодій, еще прежде вступилъ въ монашеское званіе. Изъ Царяграда Константинъ прежде всего отправился на Черноморье и Меотиду, къ Козарамъ, (2) желая посѣять въ этомъ народѣ сѣмя Христіанской вѣры, откуда въ скоромъ времени счастливо воротился въ Царьградъ, съ мощами Св. Климента, Епископа Римскаго, замученнаго въ Таврическомъ Херсонѣ 102 года, и найденными имъ близъ города Херсона. Здѣсь соединясь съ братомъ Меѳодіемъ, обратилъ зрѣніе свое на славянскій народъ, занимавшій обширные краи въ Греціи и Болгаріи, и хотя тогда большею частью обращенный въ Христіан-

(1) Томъ II, ч. 2, с. 314—319.

(2) Въ 1825 еще году для меня казалось всего затруднительнѣе въ исторіи Кирилла путешествіе его къ Козарамъ, какъ Козарамъ. Г. Гильфердингъ, въ послѣднее время, доказываетъ, см. ниже, (День, 1862, N 28), что подъ Козарами должно разумѣть Славянъ. Напомнимъ, что болландистъ Геншеній разумѣлъ подъ „по—казарски" по—славянски. (у Добр. с. 9.)

скую вѣру, однако по недостатку въ славянскомъ чтеніи и ученіи, все еще возвращавшійся назадъ къ языческой слѣпотѣ, и сверхъ того стонавшій въ Булгаріи подъ властью языческихъ государей. Зная хорошо, съ какою пользою употребляли свой родной языкъ въ дѣлахъ, относящихся къ вѣроисповѣданію, Армяне, Ибры, Сиряне, Копты и др. восточные народы, отличавшіеся языкомъ отъ Грековъ, и имѣвшіе свои храмы частію даже въ самомъ Царѣградѣ, не говоря уже ничего о древнихъ Бессахъ и Готахъ на Западѣ, Константинъ *рѣшился сдѣлать участниками благодѣянія и самыхъ Славянъ.* Съ этой цѣлію составилъ онъ, 855, славянскую азбуку, совершеннѣйшую въ своемъ родѣ, въ основаніе коей положилъ греческое письмо, прибавилъ къ нему нѣсколько отчасти новыхъ, отчасти же взятыхъ изъ упомянутыхъ языковъ, буквъ, и потомъ приступилъ безъ отлагательства къ переводу чтеній Св. Евангелія и Посланій, Псалтиря и нѣкоторыхъ другихъ книгъ, необходимѣйшихъ при богослуженіи. Не только *греческіе и булгарскіе Славяне* приняли съ радостію предложенный имъ даръ, *но даже* и самые уральскіе Булгары, въ то время нѣсколько уже ославянившіеся въ Мизіи, смягчены были силою слова Божія, и Меѳодій лично крестилъ булгарскаго князя Бориса въ 861 г. Такимъ образомъ *славянское богослуженіе* (литургія) *начало распространяться* 855—862, *прежде всего между греческими,* а послѣ и булгарскими Славянами, граничившими на Дунаѣ у Пешта, подъ Матрой у Ягра, и далѣе у рѣки Торисы, непосредственно съ Моравской державой знаменитаго Ростислава. Около 863 князь Ростиславъ, вѣроятно зная уже о переводѣ богослужебныхъ книгъ для греческихъ и болгарскихъ Славянъ, просилъ императора Михаила прислать ему

славянскихъ учителей. (¹) Этотъ тотчасъ отправилъ къ нему, въ верхнюю Моравію, Константина и Меѳодія съ ихъ паломниками. Въ то время Ростиславъ былъ совершенно независимъ отъ Нѣмцевъ; въ столицѣ его, Моравскомъ Велеградѣ, нынѣшнемъ Градиштѣ, поселились Византійскіе апостолы, которыхъ радостно приняли Славяне, и которые съ сугубой ревностью начали сооружать храмы, переводить прочія богослужебныя книги, можетъ быть даже все Священное Писаніе, равно какъ и вводить славянскую литургію въ Растицевомъ царствѣ. Вѣсть о распространеніи славянской литургіи въ краяхъ, нѣкода зависѣвшихъ отъ латинскаго духовенства, вскорѣ далеко разнеслась. Папа Николай потребовалъ въ 867 году въ Римъ братьевъ Константина и Меѳодія, которые, представъ предъ его преемника Адріана въ 868 г., не только достаточно оправдали свое ученіе, но еще принесеніемъ мощей св. Климента и вообще высокими добродѣтелями снискали полное довѣріе и дружбу его. (²) Папа, разспросивши о положеніи дѣлъ въ Моравіи и Панноніи, возвелъ Меѳодія въ архіепископа, а Константина въ епископа этой земли. Впрочемъ послѣдній не принялъ этого сана, а вступилъ

---

(1) Еще Геншенъ, издатель житій Св. Кирилла и Меѳодія, въ Acta Sanctorum, (подтвержденіе мнѣній Гильфердинга) говорилъ, что слухъ объ обращеніи Козаровъ побудилъ кн. Ростислава просить у Имп. Михаила того же учителя. Бод. 172.

(2) Здѣсь и отвѣтъ на мое сомнѣніе, за 40 лѣтъ изложенное въ приложеніяхъ къ переводу сочиненія Добровскаго о Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ, почему братья вошли въ сношеніе съ Римомъ, см. выше.

Еще подробнѣе и обстоятельнѣе этотъ вопросъ разсмотрѣнъ въ книгѣ ему преимущественно посвященной: Кириллъ и Меѳодій, какъ православные проповѣдники у западныхъ Славянъ. Харьковъ. 1863.

въ монастырь подъ именемъ Кирилла, въ коемъ и кончилъ еще въ томъ же году свою благочестивую жизнь.

Въ другомъ мѣстѣ своихъ Славянскихъ древностей, (¹) Шафарикъ разсуждаетъ такъ: „Причина къ призванію или побужденію къ отбытію въ Моравію святыхъ мужей, Константина и Меѳодія, должна быть, судя человѣчески, не иная, какъ только принесеніе письменъ и богослужебныхъ книгъ, большею частію уже готовыхъ.

Растицъ и его народъ были уже тогда христіане, но не доставало имъ ученія и просвѣщенія, потому что баварскіе священники все совершали на латинскомъ языкѣ. Моравскій князь, зная объ успѣхѣ славянскихъ письменъ и богослуженія въ близкой Булгаріи, пригласилъ къ себѣ этихъ Божіихъ слугъ, будучи твердо увѣренъ, что они несравненно больше сообщатъ ему и его народу, нежели сколько можно было ожидать отъ Баварцевъ. Не будь этой увѣренности, не было бы и причины къ призванію ихъ. (²) На оборотъ, братья Константинъ и Меѳодій никогда бы не отважились вступить въ землю, наполненную уже нѣмецкими духовными, еслибъ не имѣли въ готовности большихъ даровъ и благодѣяній, чѣмъ эти соперники и противники ихъ. Эти же дары не были просто какія-нибудь молитвы и привѣтствія, съ коими, безъ сомнѣнія, приходили уже къ Славянамъ и Нѣмцы, напротивъ чтенія изъ святаго

(1) Томъ II, кн. 2, с. 336.

(2) Второстепенныя причины, разумѣется, симъ не уничтожаются: Растицъ могъ стремиться къ тѣснѣйшему соединенію съ Византійскимъ Императоромъ противъ главныхъ своихъ непріятелей, Нѣмцевъ. Такъ точно, на оборотъ, булгарскій Борисъ силился, вслѣдствіе подобныхъ же политическихъ причинъ, сблизиться съ Императоромъ нѣмецкимъ и папой противъ враговъ своихъ Византійцевъ, съ коими безпрерывно воевалъ.

Евангелія и посланій и нужнѣйшія богослужебныя книги, Псалтирь, Часословъ, Служебникъ или Молитвенникъ, и т. д. Что это такъ должно быть, разумѣется само собой, потому что оно въ природѣ вещей и не противорѣчитъ вѣроятности, а что это такъ было, то подтверждаютъ показанія древнѣйшихъ свидѣтелей, между коими главное мѣсто занимаетъ первое или Италіянское сказаніе (legenda), прямо утверждающее, что Константинъ принесъ въ Моравію уже готовый переводъ Евангелія (cognoscentes loci indigenae, т. е. Моравцы, adventum illorum valde gavisi sunt, quia... secum ferre audierant evangelium in eorum linguam a philosopho praedicto translatum).“ (1)

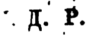
„Что переводъ богослужебныхъ книгъ, начатый Константиномъ, а продолженный братомъ его, Меѳодіемъ и булгарскими помощниками, предпринятъ былъ для Славянъ греческихъ и булгарскихъ, это не только само собой въ природѣ вещей, но и подтверждается, сверхъ того, достовѣрнымъ свидѣтельствомъ почти цѣлой древности. Можно ли думать, чтобы эти святые и пламенные мужи спѣшили съ своимъ тайнымъ сокровищемъ, переводомъ св. Евангелія, въ чужія, далекія земли, не подѣлившись прежде съ туземными Славянами, своими сродственниками, нуждавшимися въ этомъ дарѣ, и все еще, по недостатку въ книгахъ и ученіи, возвращавшимися назадъ въ язычество? Можетъ быть, не имѣли къ тому времени и случая? Но вѣдь путешествовали же они у булгарскихъ Славянъ прежде, нежели отправились въ Моравію, и Меѳодій самъ лично крестилъ князя ихъ, Бориса,“ (см. § 29, ч. 6.) 861 года? (2)

(1) См. еще выше приведенное слово Шафарика о невозможности предполагать изобрѣтеніе грамоты въ Моравіи.

(2) Слав. Древ. т. II, кн. 2, с. 328.

„Отсюда слѣдуетъ,“ говоритъ въ другомъ мѣстѣ Шафарикъ, (¹) „что упомянутый благовѣстникъ, при началѣ своего дѣла, имѣлъ въ виду не Булгаръ, но Славянъ въ Греціи, все еще и тогда не совсѣмъ утвердившихся въ вѣрѣ, и можетъ быть кой гдѣ придерживавшихся язычества.“

[illegible] Шафарикъ измѣнилъ свое мнѣніе, на основаніи
ж[illegible] житій утверждая, что грамота славянская
[illegible] вслѣдствіе посольства Ростислава къ Гре-
доста[illegible] [illegible]ператору между 861 и 863 годами.
варскіе [illegible] [illegible]евнеславянской грамоты положено Кирил-
Моравск[illegible] [illegible]тѣ, по всему вѣроятію въ концѣ 861,
менъ и бо[illegible] [illegible]62 года, именно составленіемъ пись-
къ себѣ эти[illegible] [illegible] переводомъ чтеній изъ Евангелія,
что они несра[illegible] [illegible] древнѣйшія сказанія о Кириллѣ,
роду, нежели с[illegible] [illegible]внѣйшее сказаніе латинское,
цевъ. Не будь э[illegible] [illegible]тое дѣло кончено втеченіе
чины къ призванію [illegible] [illegible]водомъ главныхъ въ то
тинъ и Мееодій нико[illegible] [illegible]ужебныхъ или литурги-
землю, наполненную у[illegible]
не имѣли въ готовности [illegible] [illegible]) основывается пре-
ній, чѣмъ эти соперники [illegible]
дары не были просто какія-[illegible]
ствія, съ коими, безъ сомн[illegible] [illegible]штому Славянину,
Славянамъ и Нѣмцы, напротив[illegible] [illegible]и житіе Мееодія,
[illegible]бы мы повѣрили
[illegible]ваго смысла.
[illegible]юказанія жи-
[illegible]тъ даже о


. Д. Р.

(1) Томъ II, кн. 2, с. 336.

(2) Второстепенныя причины, разумѣется [illegible] могъ стремиться къ тѣснѣйшему с[illegible] Императоромъ противъ главныхъ своихъ [illegible] точно, на оборотъ, булгарскій Борисъ сп[illegible] же политическихъ причинъ, сближиться [illegible] и папой противъ враговъ своихъ Визант[illegible] воевалъ.

Если же мы находимъ себя обязанными не вѣрить имъ въ этомъ случаѣ, то что же мѣшаетъ намъ подвергать критическому разсмотрѣнію и прочія ихъ показанія, и принимать только согласныя съ дознаннымъ ходомъ вещей.

Изобрѣсти грамоту внезапно, по заказу, испытать по дорогѣ въ Болгарію, и придти съ свѣжими переводами въ Моравію немыслимо, также какъ и Ростиславу попросить себѣ учителей у Грековъ безъ достаточныхъ поводовъ.

Еслибы у святыхъ братьевъ не было готовыхъ переводовъ, то они подождали бы приниматься за переводъ до прибытія въ Моравію, чтобъ познакомиться или сообразоваться съ тамошними языками-нарѣчіями, тѣмъ болѣе, что моравское нарѣчіе, западное, отличалось много отъ восточныхъ, назовемъ ихъ болгарскими, нарѣчій. Какимъ образомъ можно бы переводъ для Моравовъ объяснить переводомъ на чуждое, для нихъ постороннее какое-то нарѣчіе? (¹)

Весь разсказъ житія о посланіи императоромъ Кирилла, и изобрѣтеніи имъ славянской грамоты, носитъ на себѣ

(1) Я говорю чуждое, постороннее, соотвѣтственно слѣдующимъ словамъ обровскаго, отца Славянской филологіи: Если бы я и могъ допустить, го Болгары, Сербы и Руссы говорили однимъ языкомъ въ 9 столѣтіи, не образовали себѣ никакого примѣтно отличнаго нарѣчія отъ онаго, никакъ не могу сказать того о Моравахъ (и нынѣшнихъ Словакахъ), ю этому не могу также понять, какъ могъ Г. Калайдовичь утверь объ Моравскомъ языкѣ, что сходство онаго (согласіе) спогвовало къ принятію онаго Болгарами и Руссами. Языки: Морав Словенскій, Богемскій, Польскій, принадлежатъ къ совершенно у разряду, нежели Болгарскій, Сербскій, Далматскій, Русскій, оба разряда языковъ причисляются вообще къ Словенскому См. его Кириллъ и Меѳодій, с. 110.

характеръ риторическаго сочиненія, а не историческаго изложенія. Разберите его:

Царь говоритъ Кириллу: я знаю, что тебѣ трудно, но ты долженъ идти. Кириллъ отвѣчаетъ: я пойду, если у нихъ есть буквы. Царь возразилъ: ни отецъ мой, ни дѣдъ мой, ни другіе многіе не нашли буквъ, хоть и искали, (??) гдѣ же мнѣ найдти? Кириллъ отвѣчалъ: бесѣду на водѣ писать нельзя.—Ну такъ попроси Бога, заключилъ Царь. Кириллъ помолился, сложи письмена и нача бесѣду писать евангельску и проч.

Съ какой стати спрашивать Кириллу о существованіи грамоты, и сравнивать богослуженіе безъ грамоты съ писаніемъ на водѣ, когда всю жизнь свою до тѣхъ поръ онъ окруженъ былъ славянскими племенами, не имѣвшими грамоты, бывшими совершенно въ тѣхъ же обстоятельствахъ, какъ Моравляне. Почему не спрашивалъ онъ о томъ, посылаемый въ Козарію? О какомъ дѣдѣ говоритъ Царь? Кто думалъ и искалъ славянской грамоты прежде? Все это суть только обороты стилистики.

Для сочинителя житій, Климентъ или кто другой онъ былъ, перспектива историческая пропала; по истеченіи многихъ лѣтъ, у него въ воображеніи оставалось только общее впечатлѣніе. Ему важно было событіе, а не образъ его происхожденія. Онъ хотѣлъ описать его, и здѣсь начинался процессъ такъ сказать сочиненія, пріискивалась форма. Нынѣшней строгой точности нельзя требовать отъ писателей того времени. Истину должно отыскивать между словами.

Разсказъ о Ростиславовомъ посольствѣ за учителями принадлежитъ, кажется, къ общимъ мѣстамъ или принятымъ любимымъ формамъ сочиненія въ то время: сколько такихъ посольствъ описано одинаково въ разныхъ лѣтописяхъ! Козарское, сарацинское, моравское, русское!

Молитва повторяется одинакая и въ житіи Кирилла, сочиненіи Климента, и въ житіи Климента, сочиненіи его ученика, и проч, и проч.

Неизвѣстный біографъ Климентовъ разсказываетъ объ изобрѣтеніи, обнаруживая тотъ же процессъ сочиненія: но для Болгаріи, а не для Моравіи: „Поелику народъ словенскій или болгарскій не понималъ писанія, на греческомъ языкѣ предложеннаго, то святые почли сіе великимъ неудобствомъ. Они молили Утѣшителя, отъ котораго дарованіе языковъ и пособіе слова происходитъ, ниспослать имъ способность къ изобрѣтенію письменъ, соотвѣтствующихъ грубости языка болгарскаго; молитва ихъ была услышана и они изобрѣли словенскія буквы, перевели писанія съ греческаго языка на болгарскій, и старались сообщить божественныя словеса достойнѣйшимъ ученикамъ своимъ.“ (1)

Съ посольства Ростиславова начинается главное дѣйствіе въ жизни Св. братьевъ, разширяется кругъ ихъ дѣятельности, пріобрѣтается слава,—къ нему сочинитель Кириллова живія пріурочилъ и прочія, пропустивъ или запамятовавъ даже Болгарію, о которой нѣтъ никакого сомнѣнія (а біографъ Климентовъ наоборотъ). Такъ сложилось у него понятіе; такой видъ приняло извѣстіе. Не надо упускать изъ виду и того, что житія писаны въ Моравіи.

И такъ, скажемъ мы въ заключеніе, среднее мнѣніе Шафарика, вышеприведенное, было самое вѣроятное и близкое къ истинѣ.

Въ этомъ смыслѣ и г. Гильфердингъ разсуждаетъ основательно, см. ниже.

---

(1) Добровскаго Кириллъ и Меѳодій, с 33.

Какъ могли Кириллъ и Меѳодій возъимѣть подобную мысль?

Могли, какъ люди высокообразованные, какъ люди проникнутые сочиненіемъ греческихъ отцевъ церкви, имъ хорошо знакомыхъ, возревновавшіе съ молодыхъ лѣтъ идти по стопамъ ихъ, и трудиться для распространенія Христіанской вѣры: мы знаемъ изъ письменныхъ свидѣтельствъ, что Григорій Богословъ для Св. Кирилла былъ первымъ идеаломъ еще въ отрочествѣ. Съ этими мыслями, они естественно могли подумать объ образованіи соотечественниковъ, а при спорахъ своихъ съ Сарацынами и Козарами убѣдиться въ важности и необходимости для образованія племени имѣть священныя книги на своемъ языкѣ. Могъ подѣйствовать на нихъ и примѣръ увидѣннаго въ Крыму Евангелія, писаннаго русскими *буквами*.

Мы должны сказать нѣсколько словъ объ этомъ любопытномъ и вмѣстѣ загадочномъ пока преданіи.

Какое же это Евангеліе, писанное въ Крыму русскими буквами въ 850 годахъ, когда имени Русь не было еще къ намъ принесено?

Шафарикъ представлялъ остроумную догадку, что подъ русскими буквами должно разумѣть Евангеліе на готскомъ языкѣ, переведенное Ульфилою, и употреблявшееся въ готскихъ колоніяхъ. Онъ приводитъ слѣдующія тому доказательства въ новѣйшемъ своемъ трудѣ: „Памятники Глагольской письменности" (стр. XXIV—XXV): „Что же касается свидѣтельства Сказанія о русскомъ письмѣ и переводѣ, найденномъ Кирилломъ, то я думаю, что его можно съ основаніемъ относить только къ Варягамъ-Руссамъ въ Тавріи и готскому письму, потому что, умалчивая уже о ненадежности показанія сего, касательно происхожденія и

времени, я не нахожу въ словахъ „Святцевъ“ и „Службы“ того значенія, какое насильственно придаютъ имъ.“

Въ другомъ мѣстѣ, именно въ предисловіи къ „Житію блаженнаго учителя нашего Константина философа“, напечатанному имъ въ концѣ 1852 года (въ Прагѣ) въ „Памятникахъ древней Юго-славянской писменности“, а также и въ общемъ предисловіи къ послѣднему, онъ говоритъ почти тоже самое. Въ первомъ (стр. IV): „Житіе это распространено по многимъ землямъ и рукописямъ, и изъ него выписывались и вставлялись цѣлыя статьи въ другія старинныя сочиненія; таковы, напримѣръ: объ осми словахъ Константина, переведенныхъ Меѳодіемъ, о содержаніи философіи, о поставленіи человѣка среди ангеловъ и животныхъ, о чествованій Константина у Кагана, о надписи на Соломоновой чашѣ, и т. д. Какъ бы то ни было, житіе наше, не смотря на позднѣйшія поновленія и вставки, въ нѣкоторыхъ спискахъ содержитъ въ себѣ доказательства того, что оно—произведеніе близкаго очевидца всѣхъ дѣяній и предпріятій Св. Константина. Впрочемъ, къ таковымъ обновамъ и вставкамъ не принадлежитъ, по моему мнѣнію, извѣстіе, упоминаемое въ VIII главѣ о русскомъ языкѣ и письмѣ, потому что здѣсь слово „русскій“ употреблено еще въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно было въ ходу около 857 года, и относится не къ Славяно-руссамъ, но къ Варяго-руссамъ въ Тавріи, пріемникамъ готскаго богослуженія. Тутъ русскія письмена суть готскія письмена.“

Г. Григоровичъ представилъ объ этомъ мѣстѣ изъ паннонскаго житія Кириллова особое мнѣніе. Мы воспользуемся здѣсь изложеніемъ г. Викторова: (¹)

(1) Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ, с. 76.

„Еще въ 1848 г, взявши въ соображеніе извѣстное мѣсто въ паннонскомъ житіи Кирилла, гдѣ говорится о найденномъ будтобы послѣднимъ въ Херсонѣ евангеліи и псалтири, писанныхъ *Роськи* письмены, которыхъ самъ онъ не могъ читать,—проф. Григоровичъ утверждалъ, что Св. Кириллъ нашелъ въ Херсонѣ именно глаголицу, и что слѣд. она древнѣе кириллицы.“

„Но съ большею подробностію онъ развилъ свое мнѣніе въ своей статьѣ: *О древней письменности Славянъ,* явившейся въ 1852 г. Здѣсь, вопреки мнѣнію Прейса и Срезневскаго, онъ принимаетъ за болѣе достовѣрное, что не глаголица дополнена кириллицей, а совершенно наоборотъ, и доказываетъ это названіемъ нѣкоторыхъ Кирилловскихъ буквъ (буквы *ъ*), заимствованныхъ по его мнѣнію изъ глаголическихъ начертаній. Сравнительную же древность и старшинство глаголицы передъ кириллицей почтенный профессоръ старается подтвердить сходствомъ въ формѣ глаголическихъ письменъ съ знаками на геммахъ, древностію языка глаголическихъ рукописей, широкимъ (?) распространеніемъ глаголицы въ древній періодъ славянской письменности, и тѣмъ обстоятельствомъ, что многія (?) Кирилловскія рукописи списаны съ глаголическихъ или написаны по выскобленной глаголицѣ (палимпсесты), но не наоборотъ.“

Опредѣленнѣе же свое мнѣніе о времени и мѣстѣ происхожденія обѣихъ славянскихъ азбукъ г. Григоровичъ выражаетъ въ такой формулѣ: „Св. Кириллъ нашелъ (т. е. въ Херсонѣ) глаголиту, а Меѳодій вмѣстѣ съ Кирилломъ послѣ обратилъ ее и греческій алфавитъ въ славянскую азбуку—кирилловскую.“ Первое онъ доказываетъ уже приведеннымъ нами выше свидѣтельствомъ изъ паннонскаго житія Кирилла, второе ссылкою на одно извѣстіе въ апостолѣ XII в. и на древнюю службу Св. Меѳодію,

гдѣ онъ называется *святымъ буквамъ премудрымъ обратникомъ,* въ канонѣ Св. Меѳодію: „тѣмь убо бысть святымь буквамь премудръ обратникъ,“ и это—по объясненію профессора, „отъ обращенія греческаго алфавита въ славянскій примѣненіемъ греческихъ буквъ къ извѣстнымъ уже въ славянскомъ языкѣ.“ (1)

Григоровичъ присоединяетъ къ этому тропарю слова изъ похвальнаго слова: не на туждемъ основаніи свое дѣло показающа, но изъ нова писмена вообразиша и совершиста въ языкъ новъ. (2)

Что до меня, я не нахожу здѣсь ничего невѣроятнаго, хотя и удерживаюсь выразиться положительнѣе. Объяснительныя слова, приложенныя въ житіи къ извѣстію, согласуются, кажется, очень хорошо съ такимъ толкованіемъ. Приведемъ все мѣсто (по Шаф.)

“И обрѣт же ту евангеліе и псалтирь, роушькыми писмены писано, и чловѣка обрѣт глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдовавъ с нимъ, и *силу рѣчи пріемь, своей бесѣдѣ прикладаа различіи писмень, гласнаа и сьгласнаа,* и кь Богу молитву дрьже, и вьскорѣ *начеть чисти и сказовати,* и дивляаху се ему, Бога хвалеще.„

Нельзя не согласиться, что всѣхъ этихъ словъ невозможно ничѣмъ объяснить лучше глаголицы. Разумѣть о готскомъ писмѣ гораздо труднѣе. А больше и разумѣть нечего, развѣ считать мѣсто вставкою, какъ то дѣлаютъ иные, но такъ легко было бы объяснять затрудненія! Шафарикъ считалъ это мѣсто подлиннымъ, то есть принадлежащимъ самому сочинителю.

---

(1) Напрасно говоритъ г. Викторовъ, что г. Бодянскій опровергнулъ его въ своей книгѣ: опроверженія никакого тамъ нѣтъ.

(2) с. 27.

Мы обратимъ здѣсь вниманіе на положительное извѣстіе, хотя и позднѣйшее, но съ нѣкоторыми лишними данными, совершенно вѣрными, помѣщенное вслѣдъ за Кирилловымъ житіемъ, въ рукописи XV вѣка, принадлежащей Московской духовной академіи. (1)

"Се же буди вѣдомо всѣми языкы и всѣми людми, яко русскый языкъ ни откуду же пріа вѣры сеа святыя, и грамота русскаа никымже явлена, но токмо самѣмъ Богомъ въседрьжителемъ, Отцемъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ. Владимиру Духъ Святый вдохнулъ вѣру пріати, а крещеніе отъ Грекъ и прочіи нарядъ церковныи. А грамота русскаа явилася, Богомъ дана, въ Корсуни Русину, *отъ неяже научися философъ Константинъ,* и оттуду сложивъ и написавъ книгы русскымъ языкомъ, и еврейстей грамотѣ тогда же извыче отъ Самарянина въ Корсуни. Тъй же мужъ Русинъ живяше благовѣрно, постомъ и добродѣтелію въ чистѣи вѣрѣ, единъ уединивъся, и тъ единъ отъ русскаго языка явися преже кристіанъ, *и невѣдом никымъ же, откуду есть.* То же бысь въ дни Михаила царя и Ірины благовѣрныа. И посланъ бысь философъ Константинъ въ Мораву Михаиломъ царемъ Моравскому князю, просивъшу философа, и тамо шедъ, *научи Мораву, и Ляхы, и Чехы, и прочая языкы, и вѣру утвръди въ нихъ правовѣрную, и книгы написавъ русскымъ языкомъ, и добрѣ научивъ;* и оттуду иде въ Римъ, и ту разболѣся, и облечеся въ черны ризы, и нарекоша имя ему Кѵриллъ, и въ той болести преставися. Потом же многомъ лѣтомъ минувшимъ, пришедъ Въитѣх въ Мораву, и въ Чехы, и въ Ляхы, разруши вѣру правую и Русскую грамоту отвръже,

(1) Оно напечатано у Бодянскаго, въ Чтеніяхъ 1863 кн II, с. 31.

а латиньскую вѣру и грамоту постави, и правыа вѣры епископы и попы исъсѣче, а другыа разгна, и иде въ прусскую землю, хотя и тѣхъ въ вѣру привести, и тамо убьенъ бысь Въитѣх, латиньскыи пискупъ."

Прибавимъ еще, что очень удобно согласить съ этимъ мнѣніемъ и сказаніе Храбра: Славяне прежде Кириллова изобрѣтенія писали чертами и резями. Подъ ними-то и можетъ разумѣться или отъ нихъ происходить, глаголица.

„Нѣтъ сомнѣнія," утвердилъ Шафарикъ, „что Славяне уже въ самое древнее время, за долго до выступленія ихъ изъ первобытныхъ своихъ жилищъ, имѣли собственные законы и права, передававшіеся, съ одной стороны, изустно отцами сыновьямъ, а съ другой записывавшіеся жрецами, свѣдущими въ письмѣ, на доскахъ, или лучше сохранявшіеся посредствомъ нѣкотораго рода рунъ, покрайней мѣрѣ въ сущности своей. (1)

„Жрецы и мудрецы ихъ записывали главное содержаніе народныхъ законовъ на деревянныхъ дощечкахъ, производили, помощію особенныхъ руническихъ письменъ, прорицанія и гаданія, и, вѣроятно, отличнѣйшіе изъ нихъ учили другихъ религіи, врачеванію, стихотворству, времясчисленію." (2)

„Венеды или Славяне языческіе, обитавшіе въ странахъ балтійскихъ, знали употребленіе буквъ. Дитмаръ говоритъ о надписяхъ идоловъ славянскихъ: ретрскіе кумиры, найденные близь Толлензскаго озера, доказали справедливость его извѣстія; надписи ихъ состоятъ *въ рунахъ,* заимствованныхъ Венедами отъ готескихъ народовъ. Сіи руны, числомъ 16, подобно древнимъ

(1) Шафарикъ, I, 2, с. 421.
(2) ib. с. 424.

финикійскимъ, весьма недостаточны для языка славянскаго, не выражаютъ самыхъ обыкновенныхъ звуковъ его, и были извѣстны едва ли не однимъ жрецамъ, которые посредствомъ ихъ означали имена обожаемыхъ идоловъ. (1)"

Древность глаголицы, уравненная теперь всѣми изслѣдователями съ кириллицею, облегчаетъ принятіе этого извѣстія и этого мнѣнія.

А мнѣніе объ относительной древности глаголицы, заявленное сначала Копитаромъ, и впослѣдствіи принятое Шафарикомъ, приближаетъ къ вѣроятію: глаголица была извѣстна—Кириллу: можно слѣдовательно было узнать ее, и получить поводъ къ сочиненію своей простѣйшей, удобнѣйшей, совершеннѣйшей азбуки.

Гдѣ употреблялась глаголица?

Выше приведенное свидѣтельство указываетъ на Славянъ, жившихъ на югѣ нынѣшней русской имперіи.

Здѣсь получатъ основаніе и слова канона: не на туждѣмъ основаніи и проч. См. выше.

И такъ, по всѣмъ этимъ даннымъ и соображеніямъ вышло бы, что Словенская грамота изобрѣтена первоначально у насъ—глаголица, что ею написано было Евангеліе, переведенное на Русскій-Славянскій языкъ, и что здѣсь получилъ мысль Св. Кириллъ изобрѣсти славянскую грамоту по греческому образцу, распространить ее и перевесть Священное писаніе и богослужебныя книги!!

Упомянувъ о глаголицѣ, мы должны сказать здѣсь еще нѣсколько словъ о послѣднемъ мнѣніи Шафарика, который выдалъ ее за изобрѣтеніе Кирилла, а кириллицу предоставилъ Клименту.

---

(1) Карамзинъ I, 109.

Г. Викторовъ разобралъ подробно его основанія, но мы скажемъ здѣсь и отъ себя нѣсколько словъ.

Правда, Америка открыта Колумбомъ, а называется по имени Америка Веспуція, но, кромѣ общаго свидѣтельства древности и среднихъ вѣковъ, можно ли допустить, чтобъ ученый, (то есть Кириллъ), знающій греческій языкъ, могъ для выраженія звуковъ другаго языка придумывать условные знаки, а не ему извѣстные, и притомъ такіе вычурные? Нѣтъ, это должно быть изобрѣтеніе, принадлежащее лицу или народу необразованному, незнакомому съ общеупотребительными въ то время письменами, однимъ словомъ—изобрѣтеніе своебытное.

Самъ Климентъ, мнимый изобрѣтатель, описывая жизнь Св. Кирилла и Меѳодія, вездѣ говоритъ только объ ихъ изобрѣтеніи, объ ихъ переводѣ, а о себѣ рѣшительно умалчиваетъ. Съ чего-же будемъ мы приписывать ему то, что онъ приписываетъ другимъ?

Вообще—мало ли разсыпано по всѣмъ источникамъ отдѣльныхъ извѣстій, кои отвергаются изслѣдователями: почему же оказывать предпочтеніе одному этому извѣстію, помѣщенному въ біографіи Климентовой?

Если и принимать мѣсто изъ Климентова житія, писаннаго его ученикомъ, отвергаемое г-мъ Викторовымъ (excogitavit etiam alias litterarum formas, quae praeberent majorem perspicuitatem, quam quas sapiens Cyrillus invenerat,) то должно разумѣть подъ нимъ вмѣстѣ съ Шафарикомъ, какъ онъ сначала разумѣлъ, исправленіе нѣкоторыхъ буквъ.

Слава Кирилла симъ ни мало не уменьшится: онъ все-таки останется изобрѣтателемъ общей нашей славян-

ской грамоты и учредителемъ славянскаго богослуженія во всѣхъ славянскихъ странахъ, переводчикомъ вмѣстѣ съ братомъ Священнаго писанія. Измѣнится только мнѣніе о ближайшемъ примѣрѣ изобрѣтенія, то-есть должно будетъ принять, что не употребленіе своего нарѣчія у Арабовъ, Коптовъ, подало ему поводъ изобрѣсти собственную, особенную азбуку для Славянъ, а вычурное письмо глаголическое, найденное имъ въ Корсунѣ у какого-то Русина, то-есть Славянина.

Русскимъ письмомъ могло быть названо славянское глаголическое, потому что въ концѣ 9-го столѣтія, когда писано было житіе, имя Руси уже громко огласилось на югѣ и покрыло тѣ страны.

Какъ это случилось?

Мы имѣемъ только одинъ отвѣтъ: Славяне чертами и рѣзами искони читали и гадали—отъ такихъ начертаній переходъ недалекъ до глаголицы.

Кто у насъ изобрѣлъ ее?

Кто-то, невѣдомъ никѣмъ, откуду есть!

Отвѣтъ, который приходится дѣлать не одинъ разъ при важнѣйшихъ событіяхъ въ Русской Исторіи.

Что касается до Христіанства, то оно очень рано проникло какъ на югъ, такъ и на сѣверъ.

Что—же остается труднаго?

Трудно — принять новое мнѣніе, противоположное старымъ.

Повторю однакожъ, что здѣсь вообще представляются не положенія, не мнѣнія, а только соображенія, гаданія.

---

(1) Бодян. с. 209.

Теперь остается намъ отвѣчать на третій, самый любопытный, вопросъ: на какое же нарѣчіе перевели Св. Кириллъ и Меѳодій Священное писаніе и богослужебныя книги?

Общее мнѣніе впродолженіи пятидесяти слишкомъ лѣтъ было, что нарѣчіе Кирилла есть сербское.

Добровскій въ изслѣдованіи своемъ сказалъ, что это нарѣчіе есть сербо-булгаро-македонское.

Копитаръ объявилъ это нарѣчіе каринтійскимъ.

Въ наше время господствуетъ мнѣніе, что это нарѣчіе болгарское.

Да покажите мнѣ памятники, Мм. Гг., нарѣчія древне-сербскаго, древне-болгарскаго, древне-каринтійскаго, или сербо-болгаро-македонскаго, и докажите мнѣ близость ихъ къ переводу евангелія или псалтири Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Если такихъ памятниковъ вы найдти мнѣ не можете, то я не могу также приписывать нарѣчіе Кириллово ни одному изъ поименованныхъ вами нарѣчій или странъ.

Приступимъ къ рѣшенію вопроса.

Во первыхъ, Кириллъ и Меѳодій перевели Священное писаніе на то нарѣчіе, которое они знали, къ которому принадлежали, на нарѣчіе ихъ родины, Селуня.

Кто же тамъ жилъ?

Болгары тамъ жили, какъ Болгары живутъ и теперь, слышится мнѣ въ отвѣтъ: слѣдовательно они перевели на нарѣчіе болгарское.

Нѣтъ, Милостивые Государи, Болгары были въ то время именемъ географическимъ: много разныхъ племенъ жило въ странѣ, которая называлась вообще Болгаріей.

Болгары, Сербы, Поляки, Чехи, Русскіе, великіе и

малые, не жили тогда такими сплошными массами, какими живутъ они теперь.

Славянскія племена представляли въ 9-мъ столѣтіи перетасованную колоду картъ, вслѣдствіе какихъ-то древнихъ незапамятныхъ передвиженій. Вотъ вамъ доказательства:

Словене на Ильменѣ, и въ Словеніи близь Адріатическаго моря.

Хорваты въ Галиціи и въ области Краковской, въ Исполинскихъ горахъ, въ Полабьѣ, въ Штиріи и Илліріи.

Дреговичи между Припетью и Западной Двиной, и въ Булгаріи, около Селуня, въ Германіи.

Дулебы по Бугу, въ Чехіи, Панноніи.

Древляне въ Волыни и Полабьѣ.

Сѣверяне на Деснѣ, Семи, Сулѣ и въ Польшѣ, по Дунаю.

Поляне на Днѣпрѣ и въ Польшѣ.

Но оставимъ въ покоѣ всѣ эти племена, коихъ имена давно уже исчезли съ лица земли, а отличія всѣ уравнялись между собою.

Пойдемъ математически отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, и постараемся не мудрствуя лукаво за дѣло просто взяться.

Прочтемъ молитву Господню по Остромирову списку. Добровскій, первокласный знатокъ Славянскаго языка и сочинитель образцовой грамматики, которая дала ему право, по моему выраженію, употребленному сорокъ лѣтъ назадъ, на титло третьяго изобрѣтателя славянской грамоты, Добровскій сказалъ: „Отче нашъ, изъ Матѳія глава 6, почитаю совершенно Кирилловскимъ переводомъ, безъ позднѣйшихъ поправокъ."

Вотъ оно. Извольте прочесть его по всѣмъ нарѣчіямъ, и скажите, къ которому изъ нихъ оно ближе:

по Старославянски.

Отчє нашь, ижє єси на нєбєсєхъ, да свѧтитьсѧ имѧ твоє, да придєть царствиє твоє, да бѫдєть волѧ твоѧ, ѧка на нєбєси и на ꙁємли; хлѣбъ нашь насѫщьный даждь намъ дьнєсь, и остави намъ длъгы нашѧ, ѧко и мы оставлѧємъ длъжьникомъ нашимъ; и нє въвєди насъ въ напасть, нъ избави ны отъ нєприѧꙁни. Аминь.

по Русски.

Отче нашъ, сущій на небесахъ, да святится имя твое, да пріидетъ царствіе твое, да будетъ воля твоя и на землѣ, какъ на небѣ; хлѣбъ нашъ насущный дай намъ на сей день, и прости намъ долги наши, какъ же и мы прощаемъ должникамъ нашимъ; и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго. Аминь.

по Украински.

Отче наш, котрий еси на небі! нехай святитця имя твое; не хай прийде царство твое; най буде воля твоя, як на небі, так и на землі; хлиб наш потрібний дай нам сегодни, и одпусти нам наши вини, як и ми одпускаем виновникам нашим, и не введи нас у покусу, но збавь нас вид лукавого. Амин.

по Вулгарски.

Отче наш, който си на небеса-та, да ся святи името твое, да прійде царство-то твое, да бѫде воля-та твоя, каквото на небо-то така и на земля-та; хлѣбат наш катадневныат дай ни го днес, и прости ни долгове-те наши, каквото и ніе ги прощаваме на наши-те дѫжници, и не воведи ны в напасть, но избави ны от лукавыя. Амин.

по Сербски.

Отче наш, койси на небесима, да се свети име твое, да доде царство твое, да буде воля твоя и на земли, као на небу; хлѣб наш потребный дай нам данас, и опрости нам дугове наше, као и мы що опращамо дужницима своим; и не наведи нас у напасть, но избави нас ода зла. Амин.

по Харватско-далматински.

Отче наш, кой си на небесих, свети се име твое, приди кралѣвство твое, буди воля твоя, како на небу, тако и на земли; круга нашега всакдашнѣга дай нам данас, и отпусти нам дуге наше, как и мы одпущамо дужником нашим; и неупеляй нас ву зкушуванье, него ослободи нас од зла. Амен.

по Словински или краински.

Отче наш, ки си в небесих, посвечено боди твое име; приди твое кралевство, исиди се твоя воля, какор в небесих, тако на земли; дай нам данас наш всакдайный круг, ин одпусти нам наше долге, какор туды мы одпущамо нашим должникам, ин не впеляй нас в скушняво, темуч нас реши од злега. Амен.

по Чешски.

Отче на́ш, енж си на небеси́х; посвѣть се йимено тве́; прійдь кра́ловстви́ тве́ будь во́ле тва́, яко в неби, так и на земи; хлеб на́ш вездейшій дей на́м днес; а одпусть на́м наше вины, якож и мы одпоуштиме наши́м винни́ко́м; а неуводь на́с в покушени́, але збав на́с од зле́го. Амен.

по Словенски.

Отче на́ш, ктерый си на небесах, посвать са мено тве́, пріидь кра́ловство тве́, будь во́ла тва́ яко в неби,

так и на земи. Хлéб наш вездайнйй дай нам днес, а одпущ нам наше вины, яко и мы одпущáме нашим виникóм, а неуводь нас в покушенье, але збавь нас оде злéго. Амен.

по Польски.

Ойче наш, ктóрыć ест в нѣбѣсѣх, свięт' się имię твое; прійдзь крóлѣство твое; бądзь воля твоя яко в нѣбѣ так и на зѣми; хлѣба нашего повшеднѣго дай нам дзисяй; и отпуст' нам наше вины, яко и мы одпущамы нашим виновайцом; и не ввóдзь нас на покушене, але нас збавь оде злего. Амен.

по Кашебски.

Вóйче наш, хтери іес в нѣбѣсех; свięце sę имię твóіе; приндзе кролество твóе; bęдзе вóло твóя як в нѣбѣ, так е на земьи; хлеба нашего повшеднего дай ном дзис, а вóдпусце ном наше вьине, як е ме водпущоме нашим вьиновайцомъ; нѣввóдзе нас на покушенье, але нас збавьи вóде злего. Амен.

по Горнолужицки.

Вотце наш, киж си в небесах; свечене будж твое мено; пшиндж к нам твое кралество; твоя вола со стань, кож на небю, так теж на земи; наш вшѣдный клѣб дай нам дженса; а водай нам наше вины, яко мы водавамы нашим виникам; а неведж нас до спытованя, але вумож нас вот злего. Аменъ.

по Дольнолужицки.

Вошц наш, кенж сы на нѣбю, гусвѣшоне бужи твоіо мѣ; пшижи к нам твоіо кралейство; твоя вола се стань, ако на нѣбю, так теке на земи; наш шедны клѣб дай нам жинса; водай нам наше виньи, ако мы водавамы нашим виникам; а нѣвьожи нас до спытованя, але гумож нас вот злего. Аменъ.

Спрашиваю теперь всякаго, имѣющаго уши слышати, будетъ ли дерзость сказать, что изъ всѣхъ настоящихъ нарѣчій Кириллово „Отче нашъ" ближе всѣхъ къ нынѣшнему великороссійскому? А если оно ближе всѣхъ къ нынѣшнему, то къ затысячалѣтному оно было еще ближе, то-есть было почти одно и тоже. Это я говорилъ и говорю.

Въ „Отче нашъ" мы видимъ языкъ Кирилловъ, а вотъ вамъ образчики языка его учениковъ—изъ его житія, писаннаго Климентомъ:

„Логофеть дасть ему власть надъ вьсѣмъ своимь домомь, и въ цареву полату сь дерзновеніемъ вьходити, и вьпроси его единою, глаголе; философе, хотѣхъ увѣдѣти, что есть философія. Онь же скоромь умомь рече абіе: Божіимь и чловѣчьскыимъ вещемь разумь, елико можеть чловѣкь приближити се Бозѣ" и проч.

Спрашиваю еще, близка ли эта рѣчь ученика Кириллова къ нашей настоящей рѣчи?

Продолжайте сличеніе. Вотъ отрывокъ Храбровъ изъ начала 10 столѣтія:

„Аще бо вопросиши книгъчия гръчьскыя глаголя: кто вы есть письмена створилъ, или книгы прѣложилъ, или въ кое время, то рѣдьціи отъ нихъ вѣдятъ. Аще ли вопросиши Словѣньскыя боукаря, глаголя: кто вы письмена створилъ есть или книгы прѣложилъ, то вси вѣдять и отвѣщавше рекуть: Святыи Костантинъ философъ, нарицаемый Кириллъ, тъй намъ писмена створи и книгы прѣложи, и Меѳодіе братъ его. Суть бо еще живи иже суть видѣли ихъ. И аще възпросиши, въ кое время, то вѣдять и рекуть, яко въ врѣмена Михаила, Цьсарѣ Гръчьска, и Бориса, князя блъгарска, и Растица,

Князя моравьска, и Коцелѣ, князя блатьньска, въ лѣто же ѕ҃тзв отъ създанія всего мира.“

То ли же это нарѣчіе и та ли же близость его къ нынѣшнему великороссійскому нарѣчію?

Вотъ какимъ языкомъ и Несторъ въ 11 столѣтіи извлекаетъ свѣдѣнія изъ житій паннонскихъ:

„Словѣномъ живущимъ крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ, послаша ко царю Михаилу глаголюще: земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ и поучалъ насъ, и протолковалъ святыя книги; не разумѣемъ ни гречьску языку, ни латыньску; они бо ны онако учать, а они бо ны и онако, тѣмже не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ: и послѣте ны учителя, иже ны могуть сказати книжная словеса и разумъ ихъ....... Умолена быста царемъ, и послаша я въ словѣньскую землю къ Ростиславу, и Святополку, и Къцьлови.“

Предложимъ теперь одинъ разговоръ изъ Кіевской лѣтописи:

„Язъ пережи всихъ далъ есмь тобѣ волость сю, но же Всеволодъ наслалъ на мя, жалуяся про тебе, ажь есми на немъ чести не положили преже; яже есьмь тобѣ являлъ вси рѣчи его, ты же ми еси ее отступился поволѣ, а намъ како любо было ему ю даяти,“ и проч.

Въ заключеніе представимъ пѣсню изъ временъ Владиміровыхъ, которая поется теперь въ Архангельской губерніи.

Поѣхалъ Илья ко городу ко Кіеву,
Хотѣлъ поспѣть ко заутрени Христосьскія,
А не могъ поспѣть къ обѣдѣнькѣ Христоськія.

Заѣзжалъ онъ на широкій дворъ,
На широкой дворъ княженецкій,
Ко тому столбу ко точеному,
Привязывалъ ко кольцу ко золоченому,
Не разсѣдлывалъ коня и не разнуздывалъ,
Скоро онъ шелъ по новымъ сѣнямъ,
Заходилъ онъ во гридню во столовую,
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по учоному,
Здравствуетъ хлѣбницу Князя Владимира:
Гдѣ есть князь Владимиръ стольно-Кіевскій...

О послѣднихъ образчикахъ могутъ возразить, что они суть произведенія искусственнаго языка, которымъ писали наши лѣтописатели и вообще всѣ грамотѣи, поддѣлываясь яко бы подъ языкъ библейскій. Нѣтъ, всякій безпристрастный испытатель долженъ признать, что вездѣ, и у Храбра и у Нестора, слышится живая, собственная рѣчь, а не условная, не переводная,— органическая, а не механическая, не съ голосу,—точно такъ какъ и въ вышепредложенныхъ отрывкахъ изъ житія Кириллова и Меѳодіева.

Даже въ пѣснѣ не смотря на всѣ подновленія, явственъ не переводъ со стараго нарѣчія на новое, а своебытное сочиненіе, хотя и сильно поврежденное.

Представимъ себѣ, что мы всѣ исчисленные памятники нашли бы только теперь,—какое заключеніе мы должны бы были вывести по всѣмъ законамъ критики и филологіи? Что всѣ они принадлежатъ одному и тому же языку, съ теченіемъ времени измѣняющему свои формы, но испоконъ-вѣку сохраняющему родовыя черты.

Улиссъ послѣ сожженія Трои десять лѣтъ странствовалъ по морямъ, какъ воспѣваетъ Гомеръ, ища своей Итаки; — онъ наконецъ подплылъ къ родимому острову, но, увы! онъ не узналъ своей Итаки.

Такъ-то, кажется, и мы трудимся и хлопочемъ, проливаемъ потъ, отыскивая Кириллово нарѣчіе, *не чуя*, что оно таится въ нашихъ собственныхъ устахъ.

Продолжимъ далѣе наши испытанія.

Нарѣчіе, на которое Св. Кириллъ и Меѳодій перевели Священное писаніе, есть нарѣчіе наиближайшее къ нынѣшнему Великороссійскому.

(Я нарочно далъ такую форму моей мысли, чтобъ никто не имѣлъ ни малѣйшаго права возражать, не соглашаться съ очевидностью.)

Но Великороссійское нарѣчіе нынѣ такъ называется, а въ древности, во время Св. Кирилла и Меѳодія, этого имени не существовало. Перечтемъ всѣ Славянскія племена у Нестора: Поляне, Сѣверяне, Древляне, Бужане, Хорваты, Тиверцы, Дреговичи, Кривичи, Вятичи, Радимичи—вотъ всѣ Славянскія племена по Оку. Первыхъ, какъ жившихъ въ нынѣшней Малороссіи, считаютъ Малороссіянами. Кривичи суть Бѣлорусцы, а Вятичи и Радимичи въ то время принадлежали къ роду Ляховъ. Это было самое малочисленное племя,—они занимали по Окѣ малое пространство, составляли ничтожный удѣлъ. Послѣ Татаръ они перевелись, и совершенно смѣшались съ другими.

Которому же племени тогда принадлежало нынѣшнее Великороссійское нарѣчіе? Я спрашиваю всѣхъ историковъ и всѣхъ филологовъ, и остаюсь безъ отвѣта.

Какъ? Великороссійское нарѣчіе есть самое развитое и самое богатое, Великороссіяне есть племя самое многочисленное, не только между нашими племенами, но даже между всѣми Славянскими племенами и цѣлыми народами, а Великороссіяне у Нестора даже и не поименованы! Или ихъ не было? Такъ чтоже—они упали съ неба? Они родились въ одночасье въ количествѣ многихъ милліоновъ, какъ комары въ болотѣ послѣ дождя?

Чувствуете ли, ММ. ГГ., всю странность такого положенія? А между тѣмъ до сихъ поръ оно господствуетъ въ нашемъ ученомъ мірѣ! И наши ученые, полуученые и недоученые не только довольствуются такою странностію, не только не питаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, но даже съ негодованіемъ и оскорбленною гордостію отворачиваются отъ указаній здраваго смысла, и видяще не видятъ, слышаще не разумѣютъ, и разумѣть не хотятъ.

Непремѣнно должно быть между исчисленными у Нестора племенами и Великорусское и Малорусское.

Великороссіянъ, такъ какъ и Малороссіянъ, по моему мнѣнію, должно искать подъ какимъ-нибудь другимъ именемъ у Нестора. Подъ какимъ же?

Я думаю, что Поляне, обитатели Кіевской страны, тогда еще совершенно отличные своими нравами отъ прочихъ славянскихъ племенъ, Поляне, которымъ принадлежатъ богатырскія пѣсни, нынѣ поемыя въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи, Поляне, которые оставили намъ языкъ свой въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ, Поляне составляли въ древности Велико-

россійское племя, распространившееся постепенно по всѣмъ предѣламъ нынѣшней Русской земли, преимущественно послѣ Татаръ.

Я думаю, что въ вышеписанной растасованной колодѣ картъ, Славянское племя то же самое, или самое близкое, обитало и между Болгарскими племенами, около Селунской области, — точно какъ собственно называемое Словенское племя обитало и на границѣ тогдашней Болгаріи и въ нашемъ Новѣгородѣ.

Что же тутъ есть мудренаго, скажу мимоходомъ, что есть противорѣчащаго общепринятымъ положеніямъ? Вѣдь свидѣтельствуетъ же Несторъ, и мы всѣ вѣримъ ему, что наши Славянскія племена пришли съ Дуная, который слышится по всѣмъ нашимъ селамъ въ безчисленныхъ пѣсняхъ.

Припомнимъ здѣсь мнѣніе, хоть и гадательное, Шафарика о первобытномъ свойствѣ и тожествѣ Новогородскаго (Великороссійскаго) племени съ племенами жившими на югѣ. „Славяне, появившіеся въ Германіи, вышли изъ различныхъ сѣверозападныхъ земель. Тоже можно думать и объ югодунайскихъ Славянахъ, обитавшихъ отъ устья Дуная до самаго южнаго Пелопониисскаго хребта, т. е. что они состояли и составились изъ разныхъ вѣтвей сѣверныхъ Славянъ.“ (1)

„Ядро ихъ вышло изъ сѣверовосточныхъ земель древне-Русскихъ Славянъ, лежащихъ на озерѣ Ильменѣ, рѣкахъ Двинѣ, Днестрѣ, Окѣ“ и т. д. (2)

---

(1) Т. II, ч. I, с. 386.
(2) ib, с. 387.

Область, занятая Славянами, поселившимися еще въ первыхъ столѣтіяхъ за Дунаемъ, а именно, вѣроятнѣе всего, сѣверная часть Македоніи, называлась собственнымъ своимъ именемъ, Славиніей (Σκλαβηνία, Σκλαβηνίαι), хотя, по недостатку въ ясныхъ свидѣтельствахъ, мы и не можемъ точно означить предѣловъ ея. Не менѣе также вѣроятно и то, что древняя Мизія, населенная Славянами, и потомъ 678 г. покоренная Урало-Чудскими Булгарами, не переставала, и послѣ этого занятія, называться Славиніей. То правда, что названіе Булгарія (Bulgaria) было отъ 8 стол. обыкновеннѣйшимъ ея именемъ, точно какъ на Сѣверѣ Русь послѣ прибытія въ нее Варяго-Руссовъ, однако подлѣ него попадается и древнее названіе ея, Славинія. Въ рукописномъ словарѣ Кирилла Александрійскаго читаемъ: „Славинія, то есть, Булгарія." Абулфараджъ называетъ Симеона (888-927) княземъ Булгаровъ и Славянъ. Сочинитель жизнеописанія Св. Климента, помня перенесеніе чуждаго имени Булгаръ на Славянъ, нѣсколько разъ употребляетъ выраженія: „Народъ Славянскій или Булгарскій (τὸ τῶν Σϑλοβενῶν ἤτουν Βουλγαρῶν γένος)," „языкъ Булгарскій (Βουλγαρου γλώσσης)," и опять: „Славянскія письмена (τὰ Σϑλοβενικὰ γράμματα), намекая, очевидно, тѣмъ на старобытность и первенство названія Славянъ въ Мизіи, впослѣдствіи затемненнаго именемъ Булгаръ. Слѣдовательно, въ этихъ краяхъ, называвшихся Славинія или Славянія, обиталъ тотъ знаменитый и нѣкогда сильный Славянскій народъ, который прежде всего прославилъ имя свое въ исторіи цѣлаго племени храбрыми подвигами на нижнемъ Дунаѣ, и на языкъ котораго Константинъ и Меѳодій, выучившись ему еще въ дѣтствѣ въ самомъ городѣ Селунѣ, перевели Св. Писаніе и Богослужебныя книги, открывъ тѣмъ

врата къ умственному образованію большей половинѣ Славянскихъ народовъ. *По этимъ-то Славянамъ называлъ Константинъ письмена свои Славянскими письменами, и языкъ, на которомъ писалъ, языкомъ Славянскимъ.* Ниже изложимъ мы свое мнѣніе о происхожденіи этѣхъ, собственно такъ называемыхъ, Славянъ, отъ Славянъ верхней Руси.“ (1)

Главное дѣло о тожествѣ и свойствѣ племенъ: пришли ль онѣ съ сѣвера на югъ, или съ юга на сѣверъ,— это вопросъ другой.

Если племя сѣверное тожественно съ южнымъ, по происхожденію, то и объ тожествѣ ихъ нарѣчій сомнѣваться нечего, а отмѣны должно приписать разнымъ по мѣстамъ вліяніямъ.

При мысли Шафарика можно вспомнить о слѣдующемъ замѣчаніи Бодянскаго. „Часто простая догадка свѣтлой и многообъемлющей головы попадаетъ не меньше въ цѣль, какъ и самыя точныя, обширныя и совѣстливыя розысканія: послѣднія не разъ блистательно подтверждали смутныя предчувствія истины, заключавшіяся въ первыхъ. И хотя послѣ, столкнувшись съ мнѣніями противоположными, но подкрѣпленными надлежащимъ числомъ доводовъ, расположенныхъ въ строгомъ порядкѣ и, по видимому, естественной связи между собою, случается поддаться обаянію мнимой учености: однако, когда наступитъ пора собственнаго изслѣдованія, невольно возвращаемся къ прежнимъ нашимъ, такъ названнымъ нами же самими, безотчетнымъ гаданіямъ, и съ изумленіемъ, въ первый разъ, замѣчаемъ, какъ много было

(1) Т. II, ч. I, с. 328.

женію Кіевской лѣтописи, произошло слишкомъ много прискорбнаго, даже отвратительнаго, ужаснаго, между ними, и, въ шумѣ страстей, нѣтъ ужъ теперь возможности быть услышану голосу мира. Вмѣсто этого воззванія, съ прочими предметами сюда относящимися, я заключу свое разсужденіе молитвой, слышанною мною нынѣ въ стѣнахъ Успенскаго собора: Молите Бога о насъ, святіи равноапостольніи Меѳодіе и Кирилле, яко мы усердно къ вамъ прибѣгаемъ, яко къ скорымъ помощникамъ и молитвенникамъ о душахъ нашихъ.

Молите за Россію, за Польшу, за Болгарію, за Сербію, за Боснію, за Герцеговину, за Чехію, за Моравію, за Кроацію, за Далмацію, за Черногорію....

Помолитесь еще о насъ, Русскихъ людяхъ настоящаго времени: Богъ далъ намъ все, но очи наши держатся. Да покажетъ Онъ намъ свѣтъ!

ВЗГЛЯДЪ

на

УДѢЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ

отъ

КОНЧИНЫ ЯРОСЛАВА ДО НАШЕСТВІЯ МОНГОЛОВЪ.

10

ВЗГЛЯДЪ на УДѢЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ

отъ

кончины Ярослава до нашествія Монголовъ.

Обозрѣвая исторію Удѣльнаго, по преимуществу, періода, отъ кончины Ярослава до нашествія Татаръ, мы видимъ въ дѣйствіи князей, дружины, города и волости. Чтобъ составить себѣ яснѣйшее объ ней понятіе, необходимо разсмотрѣть составныя части порознь.

Начнемъ съ князей, и поговоримъ прежде объ ихъ *происхожденіи*.

Впродолженіи Норманскаго періода, къ счастію молодаго государства, бывало большею частію по одному князю: Рюрикъ, (1 ст.), Олегъ, Игорь, (2 ст.), Святославъ (3 ст.), слѣдовали одинъ за другимъ по одиначкѣ, и распространяли предѣлы своей земли. Наслѣдство Святославово, вскорѣ по кончинѣ Ярополка и Олега, досталось одному Володимеру (4 ст.). Отъ Володимера, хоть у него было и двѣнадцать сыновей, удѣлы соединились чрезъ короткое время въ рукѣ Ярослава, (5 ст.), который собственно и сдѣлался *родоначальникомъ* всѣхъ Русскихъ князей, кромѣ Полоцкихъ, происходившихъ отъ его старшаго брата Изяслава.

Какъ укрѣпленію, усиленію молодаго Государства содѣйствовало малочисліе князей, такъ умножавшееся безпрестанно ихъ количество постепенно ослабило его, и наконецъ привело на край пропасти.

Ярославъ оставилъ пять сыновъ, Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава и Игоря, (6 ст.), роднаго внука Ростислава (отъ старшаго сына Володимера), и двоюроднаго Всеслава (отъ Изяслава, сына Володимера святаго).

Отъ нихъ пошли дѣти, и съ этой шестой степени, въ коей считалось князей 11, число ихъ начало умножаться въ такой мѣрѣ.

въ седьмой извѣстныхъ было 15,
въ осьмой 39,
въ девятой 49,
въ десятой . . . . 66 и т. д.

Обозримъ эти роды по *старшинству*.

1 родъ, Изяслава, Володимерова сына, (5 ст.), чрезъ Брячислава (6 ст.) и Всеслава (7 ст.), составлялъ совершенно отдѣльное цѣлое, владѣя *Полоцкимъ* княжествомъ, отчиною праматери Рогнѣды. Среди Татарскаго нашествія этотъ родъ теряется въ неизвѣстности.

2 родъ, старшаго Ярославова сына Володимера, при немъ умершаго, чрезъ сына его Ростислава (6 ст.), и внуковъ Володаря, Василька и Рюрика (7 ст.) получилъ *Галичъ*, гдѣ и пресѣкся въ 11 степени, за 25 лѣтъ до Татаръ.

3 родъ, втораго Ярославова сына Изяслава, (6 ст.), вступившаго послѣ него на великокняжескій столъ, получилъ себѣ во владѣніе, при потомкахъ Святополка

(7 ст.) Изяславича отчину свою, *Туровъ*. Въ эпоху татарскаго нашествія этотъ родъ ослабѣлъ и обмелѣлъ. Отъ него ведутъ впрочемъ до сихъ поръ свое происхожденіе многія княжескія и дворянскія фамиліи въ Литвѣ, Польшѣ, и въ нынѣшнихъ западныхъ губерніяхъ.

4 родъ, самый многолюдный, третьяго сына Ярославова, Святослава, отъ котораго, чрезъ сына Олега, пошли князья *Черниговскіе* и Сѣверскіе, а чрезъ сына Ярослава, *Муромскіе* и Рязанскіе.

5 родъ, также многолюдный и самый славный, четвертаго сына Ярославова, Всеволода, котораго сынъ Володимеръ Мономахъ сдѣлался родоначальникомъ большей части великихъ князей, а чрезъ сына Георгія, великихъ князей *Суздальскихъ*, и впослѣдствіи великихъ князей Московскихъ и царей всея Руси.

Родъ Мономаха имѣлъ еще нѣсколько отраслей: отъ старшаго сына его Мстислава, чрезъ сына Изяслава, пошли князья *Владимиро-Волынскіе*, и одинъ изъ нихъ, Романъ, сдѣлался родоначальникомъ вторыхъ *Галицкихъ* князей; чрезъ сына Ростислава пошли князья *Смоленскіе*.

Отъ этихъ двухъ родовъ, Святославова и Всеволодова, происходятъ большая часть нынѣшнихъ природныхъ Русскихъ князей, кромѣ жалованныхъ и пришлыхъ.

6 родъ, пятаго Ярославова сына, Вячеслава *Смоленскаго*, пресѣкся вскорѣ.

7 родъ, шестаго Ярославова сына, Игоря, получившаго удѣлъ въ Владимирѣ-Волынскомъ, потерялся въ неизвѣстности; ближайшіе потомки княжили въ Городнѣ.

Родоначальницами всѣхъ Русскихъ князей были: Рогнѣда, дочь Варяжскаго князя Рогволода Полоцкаго, одна

изъ супругъ великаго князя Володимера, и Ингигерда, супруга великаго князя Ярослава, дочь Шведскаго короля Олофа.

Потомство Ярослава соединялось брачными союзами, преимущественно въ ближайшихъ степеняхъ, съ иностранными владѣтельными родами, на примѣръ сыновья его:

Володимеръ былъ женатъ на сѣверной княжнѣ.

Изяславъ—на сестрѣ Казимира, короля Польскаго, дочери Мечислава II, умершей въ 1107 г.

Всеволодъ—на Греческой царевнѣ, (по инымъ: внукѣ Греческаго императора Константина Мономаха).

Вячеславъ—на Одѣ, дочери Леопольда, графа Штадскаго.

Игорь—на Кунигундѣ, графинѣ Орламиндской.

Въ 7 ст. сынъ Изяславовъ, Святополкъ, былъ женатъ на дочери Половецкаго хана Тугоркана.

Сынъ Всеволодовъ, Мономахъ, въ первомъ бракѣ имѣлъ Гиду, дочь Англійскаго короля Гаральда.

Мономаховъ сынъ, Мстиславъ, былъ женатъ по первому браку на Христинѣ, дочери Шведскаго короля Инга Стенкильсона; по второму браку на дочери Новогородскаго посадника Дмитрія Завидича.

Въ послѣдующихъ степеняхъ брачные союзы, хотя менѣе, но продолжались, съ иностранными владѣтельными домами, вплоть до нашествія Татаръ.

Точно также и Русскія княжны выходили замужъ за государей иностранныхъ:

Дочери Ярослава: Елизавета—была въ замужествѣ за Гаральдомъ, принцемъ Норвежскимъ.

Анна—за Генрихомъ I, королемъ Французскимъ.

Анастасія—за Андреемъ I, королемъ Венгерскимъ,

Дочь Всеволода Евпраксія была за Маргграфомъ Штаденскимъ, Генрихомъ Долягемъ, а потомъ въ 1089 г. за императоромъ Генрихомъ IV.

Дочери Святополка Изяславича: Сбыслава была замужемъ за Болеславомъ Кривоустымъ, королемъ Польскимъ, 1103.

Передслава, 1104, за Венгерскимъ королевичемъ, сыномъ Коломановымъ.

Дочь Володимера Мономаха за Венгерскимъ королемъ Коломаномъ.

Другая дочь Мономахова, Марія, была за царевичемъ Леономъ, сыномъ императора Греческаго Діогена.

Дочь Володара Ростиславича (ст. 9) за Греческимъ царевичемъ Алексиничемъ.

Дочери Мстислава Володимеровича и Христины Шведской были выданы замужъ—одна за Норвежскаго короля Сигурда, а послѣ за Датскаго Эрика Эдмунда.

Вторая за Канута Святаго, короля Оботритскаго (отъ нихъ родился Волдемаръ, славный король Датскій).

Третья за Греческаго царевича 1124, и проч.

Замѣтимъ, что всѣ почти Польскіе короли изъ дома Піастовъ имѣли русское происхожденіе, отъ русскихъ княженъ, а именно:

Казимиръ I, (†1058) Болеславъ II, Смѣлый (†1081), Болеславъ III, Кривоустый (†1 39), по первому браку, Болеславъ IV, Кудрявый (†1194) по двумъ бракамъ, Мстиславъ III, Старый (†1201), по второму браку, Казимиръ II, Справедливый (†1194), Лешекъ Бѣлый (†1237).

Въ періодѣ отъ Ярослава до Татаръ изъ 10 королей польскихъ только трое были женаты не на русскихъ

княжнахъ, а именно: Владиславъ Германъ, Владиславъ II, и Владиславъ Тонконогій.

Изъ прочихъ семерыхъ—тремя (Казимиръ I, Болеславъ III, Казимиръ II), велася собственно династія.

Къ нимъ присоединить должно Конрада (†1247), сына Казимирова, и брата Лешку Бѣлому, дѣда Владиславу Локетку, который былъ женатъ на Русской княжнѣ, и сдѣлался ближайшимъ родоначальникомъ слѣдующихъ королей—даже до Ядвиги, начавшей съ Ягайломъ литовскимъ новую династію Ягеллоновъ.

Переходимъ къ владѣнію князей и обозримъ *развѣтвленіе княжествъ*.

Русская земля дѣлилась и раздроблялась между изчисленными родами князей. Ярославъ раздѣлилъ ее между пятью своими сыновьями, на пять частей, кои суть, кромѣ великаго княжества, составлявшаго маіоратъ: Туровское княжество, Черниговское, Переяславское, Смоленское, Владимиро-Волынское,—съ принадлежащими къ нимъ волостями. Нѣкоторыя изъ нихъ по временамъ соединялись между собою вначалѣ, но впослѣдствіи раздѣлились окончательно.

Новгородское, принадлежавшее въ первое время какъ бы къ Кіевскому маіорату, получало себѣ князей тогда отъ великихъ князей Кіевскихъ, но вскорѣ учредило у себя правленіе избирательное, и избирало изъ рода Ярослава по благоусмотрѣнію, не допуская никакихъ дѣленій, и давая иногда во временной удѣлъ, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, Псковъ, Торжекъ, Ладогу, Волокъ Ламскій. Псковъ впослѣдствіи отдѣлился отъ Новагорода и составилъ особое владѣніе.

Полоцкое, совершенно особое княжество, оставалось въ родѣ Изяславовомъ и имѣло въ числѣ удѣловъ, кромѣ Полоцка, Минскъ, Изяславль, Витебскъ.

Отъ Кіевскаго Великаго княжества, съ которымъ при В. К. Изяславѣ соединилось Владиміро-Волынское, а при братѣ его Всеволодѣ Переяславское и Смоленское, отдѣлились:

Галицкое, отданное Всеволодомъ Ростиславичамъ.

Владимеро-Волынское, отошедшее въ родъ старшаго сына Мстиславова, Изяслава; *Смоленское*, отошедшее въ родъ втораго его сына Ростислава.

Черниговское княжество раздѣлилось при сыновьяхъ Святослава Ярославича, на *Черниговское* съ Давидомъ Святославичемъ, *Сѣверское* съ Олегомъ Святославичемъ, *Муромское* съ Ярославомъ Святославичемъ, *Тмутараканское*, вскорѣ затертое Половцами.

Отъ Муромскаго отдѣлилось *Рязанское*.

Отъ *Переяславскаго* отдѣлилось *Суздальское*, отданное Мономахомъ меньшимъ дѣтямъ.

Отъ Суздальскаго или Владимирскаго отдѣлилось *Ростовское* и *Переяславское*.

Каждое изъ сихъ княжествъ раздроблялось впослѣдствіи болѣе и болѣе, такъ что наконецъ, предъ нашествіемъ Татаръ, инымъ городомъ кормилось въ одно время по два князя.

Самый важный вопросъ при князьяхъ состоитъ въ ихъ *правѣ наслѣдства* или преемства.

Въ древней Россіи право старѣйшинства пользовалось особеннымъ уваженіемъ. Безпрестанно встрѣчаются въ

лѣтописяхъ мѣста, свидѣтельствующія объ его значеніи какъ въ глазахъ князей, такъ и въ глазахъ народа.

По этому праву, принесенному вѣроятно съ сѣвера, какъ въ первомъ или Великомъ княжествѣ, такъ и во всѣхъ княжествахъ, въ случаѣ смерти князя, старшій въ его родѣ занималъ его мѣсто, то-есть братъ послѣ брата, а не сынъ послѣ отца, (напримѣръ послѣ В. К. Изяслава братъ его Всеволодъ, а не сынъ Ярополкъ, и тому подоб.).

Право старѣйшинства было однакожъ ограничено, касательно наслѣдства, судя по событіямъ, то есть имѣло нѣкоторыя исключенія. Старшій въ родѣ имѣлъ право занять только такой столъ, который былъ занимаемъ когда нибудь его отцемъ. Такимъ образомъ дѣды и прадѣды не принимались въ разсчетъ, то есть нельзя было, или, лучше, не должно было внуку искать и получить то, чѣмъ владѣлъ его дѣдъ или прадѣдъ, но не владѣлъ отецъ; хотя, разумѣется, внукъ или правнукъ имѣлъ сугубое право на то владѣніе, которымъ владѣлъ не только отецъ его (conditio sine qua non), но и дѣдъ и прадѣдъ,—на свою отчину и дѣдину. (1)

Изяславъ, старшій сынъ Володимира Святаго отъ Полоцкой Рогнѣды, умеръ при жизни отца (1001), слѣдовательно не владѣвъ Кіевомъ, и потому потомство его лишилось права на этотъ столъ. Оно осталось во владѣніи своею отчиною, Полоцкомъ.

Потому и Ростиславичи, потомки старшаго сына Ярославова Володимира, должны были ограничиться княжествомъ Галицкимъ, ибо родоначальникъ ихъ Володимеръ умеръ въ Новѣгородѣ (1052) прежде своего отца.

(1) Аналогическое явленіе представляется въ исторіи мѣстничества.

Теперь перейдемъ къ потомству Изяслава. Онъ владѣлъ Кіевомъ, и Кіевъ достался по чередѣ старшинства сыну его Святополку-Михаилу, но старшій сынъ Святополка, Ярославъ, умеръ въ 1123 году, не владѣвъ Кіевомъ, который принадлежалъ при немъ еще старшему дядѣ его, Мономаху. Потомство его, слѣдовательно, утратило по этому случаю право свое на Кіевъ.

Меньшіе сыновья Святополковы, Брячиславъ и Изяславъ, не имѣвшіе даже никакихъ удѣловъ, умерли съ небольшимъ черезъ годъ послѣ Мономаха, и не могли состязаться, если не было другихъ причинъ, (незаконнаго происхожденія), съ могущественнымъ Мстиславомъ, которому Владимиръ предоставилъ Кіевъ.

Впрочемъ, право ихъ, если и было какое, продолжалось по смерти Мономаховой только годъ.

Изъ двухъ потомствъ, Святославова и Всеволодова, первое было старшее, но оно утратило свои права, потому что дѣти Святослава, Олегъ, Давыдъ и Ярославъ, уступили, или принуждены были уступить Кіевскій столъ, по кончинѣ Святополка Изяславича, Володимеру Мономаху (1113), избранному Кіянами. Нѣкоторые князья впрочемъ изъ его рода попадали на Кіевскій столъ, а именно Всеволодъ Ольговичъ насильственно, сынъ его Святославъ вслѣдствіе полюбовной сдѣлки, и внукъ Всеволодъ Чермный нѣсколько разъ вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ.

Разсмотримъ теперь *отношенія* князей между собою.

Что такое былъ между ними *Великій Князь*?

Это было именное старшинство, почетное титло, завидное владѣніе, особенно сначала, когда силы у него было

больше, волость обширнѣе, дружина многочисленнѣе, земля обильнѣе и богаче, и ничего болѣе. По завѣщанію Ярославову, князь Кіевскій долженъ былъ быть „въ отца мѣсто“ меньшимъ своимъ братьямъ, прочимъ князьямъ. Отеческое вліяніе продолжалось не долго. Братья же вскорѣ возстали на Изяслава, старшаго сына Ярославова. Никакой власти надъ ними онъ не имѣлъ. Еще болѣе оказалось это во второмъ послѣ нихъ поколѣніи и слѣдующихъ. Князю Кіевскому не было никакого дѣла, что происходило въ Черниговѣ, Галичѣ или Полоцкѣ. Всѣ князья совершенно отъ него не зависѣли. Ни о какихъ правахъ и преимуществахъ помину нѣтъ нигдѣ. Онъ имѣлъ вліяніе только на князей, жившихъ въ предѣлахъ его собственнаго, т. е. Кіевскаго княжества, гдѣ онъ распоряжался удѣлами: раздавалъ кому хотѣлъ, разумѣется согласно съ древними обычаями, и отбиралъ. Остальная власть Великаго Князя условливалась совершенно личными его качествами и обстоятельствами, въ коихъ онъ находился. Если случалось Великому Князю быть не только старше, но и умнѣе другихъ, имѣть искусство воспользоваться своею силою, тогда онъ повелѣвалъ ими, имѣя въ виду обычаи, отношенія, смотря по своему характеру. Таковы были Святополкъ, Мономахъ, Мстиславъ, Всеволодъ Ольговичъ,—хотя и имъ часто оказывалось сопротивленіе, смотря по обстоятельствамъ.

А въ чемъ состояли его повелѣнія? Въ слѣдующихъ словахъ Мономаха, заключается полное ихъ содержаніе: (1117.) „Ярославу покорившюся и вдаривщу челомъ передъ стрыемъ своимъ Володимеромъ, и наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему къ себѣ приходити, когда тя позову.“

Съ Ярополка Володимеровича начинаются стороннія покушенія на Кіевъ, безпрестанные споры, и Великій Князь терялъ постепенно свою силу и значеніе, тѣмъ болѣе, что предѣлы его княжества стѣснялись, вслѣдствіе размноженія князей.

Но Кіевъ все-таки считался первымъ, старшимъ, главнымъ городомъ; помнились еще слова Олеговы, по его переселеніи съ Волхова къ Днѣпру: се буди мати градомъ русскимъ. Съ Кіевомъ соединялись всѣ воспоминанія княжескаго рода, какъ съ колыбелью: отсюда вѣщій Олегъ ходилъ воевать Константинополь, и сюда приносилъ золотую греческую дань; здѣсь правила Ольга, мудрѣйшая всѣхъ людей; Святославъ разносилъ изъ Кіева страхъ русскаго имени по всѣмъ странамъ окольнымъ; Володимеръ принялъ святое крещеніе и просвѣтилъ народъ свой, основалъ славную Десятинную церковь; Ярославъ, создатель Софійскаго собора и Золотыхъ воротъ, слишкомъ тридцать лѣтъ творилъ здѣсь судъ и правду, и предлагалъ пристанище королямъ и князьямъ иноземнымъ; святые мученики Борисъ и Глѣбъ здѣсь прославились и посылали исцѣленіе приходившимъ съ вѣрою. Печерскій монастырь съ святыми своими угодниками, былъ вмѣстѣ и разсадникомъ Святителей, управлявшихъ Русской церковію, Митрополитъ Кіевскій былъ ея главою. Всѣ эти воспоминанія жили между князьями, какъ и въ народѣ, передавались отъ отцевъ къ дѣтямъ, и Кіевъ былъ въ то время тожественъ со всею землею Русскою, которая, не смотря на разновластіе, сознавалася и чувствовалася повсемѣстно. Святополкъ и Мономахъ, призывая Святославичей, говорятъ имъ: „придѣта Кіеву на столъ отецъ нашихъ и дѣдъ нашихъ, яко то есть старѣйшій градъ въ землѣ во всей Кыевъ; ту достойно снятися и порядъ поло-

жити.“ Такъ передалось и ихъ дѣтямъ: Кіевъ—стольный городъ; Кіевскій князь—первое лицо въ Русской землѣ, особенно сначала. Потому-то нѣкоторые князья, чуть кто изъ нихъ былъ способнѣе, предпріимчивѣе, получивъ какой-нибудь предлогъ, устремлялись къ Кіеву, желали стола Кіевскаго, а не Черниговскаго, Полоцкаго, или инаго другаго. Тѣ столы были безспорны, развѣ между своими князьями. Прочія княжества и не воевали между собою, напримѣръ Черниговское съ Смоленскимъ, или Галицкое съ Переяславскимъ, и другія. Общія предпріятія противъ Половцевъ, происходили по преимуществу изъ Кіева.

Наконецъ Великій Князь Суздальскій Андрей, владѣя обширною, неприкосновенною почти страною, взялъ верхъ надъ Кіевомъ, обобранымъ и ослабѣлымъ; ставъ вскорѣ вмѣстѣ и старшимъ изъ потомковъ Мономаховыхъ, онъ располагалъ имъ по своему произволу, оставаясь самъ во Владимирѣ. Такое же вліяніе пріобрѣлъ себѣ Всеволодъ, братъ его, благодаря своимъ государственнымъ способностямъ. Достоинство Великаго Князя Кіевскаго унизилось и въ общемъ мнѣніи. Старшимъ во всѣхъ смыслахъ сталъ Великій Князь Владимирскій.

Великаго Князя Владимирскаго слушались сосѣдніе князья, Рязанскіе и Муромскіе; князья сосѣдніе, равно какъ и дальніе,—когда, куда, противъ кого идти на войну,—болѣе нежели прежде Великихъ Князей Кіевскихъ, потому что онъ былъ гораздо сильнѣе ихъ.

Названіе отцемъ при Владимирскихъ князьяхъ продолжалось какъ прежде при Кіевскихъ, также не безъ возраженій, смотря по обстоятельствамъ: мы нарекли тебя отцемъ своимъ, говорятъ Ростиславичи Андрею (1174), но если ты говоришь съ нами, не какъ съ

князьями; а какъ съ подручниками, то пусть разсудитъ насъ Богъ.... Точно также поступилъ и Рюрикъ Ростиславичъ съ Всеволодомъ въ 1195 г.

По смерти Всевосода (1212), достоинство Великаго Князя Владимирскаго начало унижаться также, какъ прежде Кіевскаго, и Георгію сыну его, хлопотъ было много дома съ братьями, а до Кіева ему уже и дѣла не стало.

Таковы были отношенія Великаго Князя къ прочимъ князьямъ: а какія отношенія были у нихъ между собою?

Всѣ князья считали себя, хоть и безотчетно, какъ бы въ правѣ имѣть что-нибудь, участвовать во владѣніи Русскою землею, налѣзенной трудами ихъ отцевъ и дѣдовъ, имѣть что-нибудь въ своемъ владѣніи, точно какъ теперь всякой поселянинъ считаетъ себя въ правѣ участвовать во владѣніи землею своего села. Какъ сельская земля находится въ общемъ владѣніи всего села, такъ вся Русская земля, земля Руси, находилась какъ бы въ общинномъ владѣніи княжескаго рода, на которое всѣ князья имѣли притязаніе, кому по происхожденію и родству гдѣ приходилось.

Всѣ князья были *равны* между собою, находясь въ зависимости, въ нѣкоторомъ смыслѣ отвлеченной, каждый у старшаго въ своемъ родѣ, княжившаго въ стольномъ отчинномъ городѣ, а вмѣстѣ отъ В. К. Кіевскаго, послѣ Суздальскаго.

Провинившійся князь терялъ волость по приговору князей (напр. Давидъ Игоревичь, 1096 г.).

Старшій князь раздавалъ своимъ дѣтямъ или родственникамъ города, въ предѣлахъ его княжества находившіеся, и удѣльные князья обязаны были его слу-

щаться, то-есть ходить на зовъ его (напр. Мономахъ, сынъ его Мстиславъ и проч.).

Главною заботою всѣхъ князей, источникомъ и причиною всѣхъ ихъ войнъ и сношеній, было *владѣніе*.

Князья въ своемъ родѣ, или въ отношеніи къ Кіеву ссорились между собою изъ—за волостей, желая каждый себѣ больше власти; ломоть въ чужой рукѣ каждому изъ нихъ казался длиннѣе.

Извѣстенъ даже особый глаголъ, вышедшій теперь изъ употребленія и опредѣляющій характеръ междоусобныхъ войнъ—*волоститься*; а князья или государи въ этомъ отношеніи назывались волостелями. О многихъ войнахъ именно такъ и сказано самими князьями или лѣтописателями, безъ всякихъ околичностей, просто и ясно.

Однимъ изъ предлоговъ къ войнамъ служило право наслѣдства, съ его исключеніями, право, по которому не сынъ наслѣдовалъ послѣ отца, а братъ или вообще старшій въ родѣ.

Часто искали князья владѣній безъ всякаго предлога, (напр. Ростиславъ Владимировичь, 1064, Всеволодъ Ольговичь, 1132).

Иногда искали съ предлогами, болѣе или менѣе справедливыми, каковы: месть, подозрѣніе (Святославъ Ярославичь 1072, Георгій Владимировичь 1149), желаніе воротить свое (Ольговичи 1155).

Для чего князья искали себѣ владѣній? Для доходовъ. Волости и города они цѣнили количествомъ доходовъ, съ нихъ собираемыхъ.

Кромѣ владѣнія, причинъ къ междоусобіямъ было мало, и то въ началѣ этого періода, а именно: принуж-

деніе къ покорности (Мономахъ и Глѣбъ Минскій 1109, Ярославъ Святославичъ 1119), наказаніе (Мстиславъ и Полоцкіе князья 1129), заступленіе (Всеволодъ за Ярополка 1084); наконецъ надо замѣтить немногіе походы съ общаго согласія (напр. вслѣдствіе ослѣпленія Василька 1096).

Войны состояли часто изъ однихъ движеній или занятій, безъ всякаго кровопролитія, и рѣшались почти всегда однимъ сраженіемъ (Ярославичи съ Всеславомъ 1066), или даже однимъ походомъ (Мономахъ 1085 противъ Ярополка) набѣгомъ (Ростиславъ Володимеровичъ 1064 въ Тмуторакани), осадою (города Владимира Святополкомъ въ 1099 году).

На мѣстѣ сраженія убитыхъ оставалось мало, князей погибло не болѣе пяти впродолженіи всего періода, а по нимъ можно заключить и о прочихъ.

Вредъ отъ междоусобныхъ войнъ испытывали по большей части князья.

Послѣ князей терпѣли ихъ бояре и дружина.

Много доставалось городамъ.

Народъ страдалъ меньше, особенно въ первой половинѣ этого періода, отъ 1055 до 1146 года.

Междоусобныя войны оканчивались: со стороны наступившихъ—достиженіемъ цѣли, то-есть завладѣніемъ, принужденіемъ къ покорности, изгнаніемъ, опустошеніемъ волости; безъ успѣха—бѣгствомъ, переговорами и мирами.

Со стороны оборонявшихся: уступкою безъ обороны, отраженіемъ.

Междоусобныя войны не имѣли, особенно сначала, характера непримиримости: это были часто условныя, полюбовныя, если можно такъ выразиться, схватки, съ ору-

жіемъ въ рукахъ, какъ Богъ разсудитъ, т. е. чья возметъ, а послѣ враги становились друзьями, и наоборотъ, какъ въ кулачныхъ бояхъ. Это въ отношеніи къ князьямъ, а до народа касались они тогда еще менѣе. Князья воевали другъ съ другомъ, а не противъ народа; они, по большой части, хотѣли владѣть тѣми волостями и городами, на кои нападали, слѣдовательно не могли, для своей собственной пользы, разорять ихъ. (Князья съ воями сами по себѣ, а поселяне сами по себѣ).

Всѣ *сношенія* князей между собою, всѣ ихъ договоры, союзы и ссоры имѣли также причиною, самою главною, владѣніе, кромѣ немногихъ частныхъ случаевъ.

Кромѣ владѣнія, князья сносились между собою и помогали другъ другу иногда по родству, напримѣръ, братъ помогалъ брату, имѣя общія выгоды, Изяславъ Мстиславичъ и Ростиславъ Мстиславичъ, Игорь Олеговичъ и Святославъ Олеговичъ; всѣ Олеговичи Всеволоду Чермному (1207) и проч.

По неволѣ, если какому князю случалось взять верхъ надъ другими и заставить ихъ ходить по его волѣ: такъ слушались многіе князья Мономаха, Мстислава, Всеволода Олеговича, Андрея Боголюбскаго.

Изъ страха навлечь на себя месть, напримѣръ, Давыдовичи помогали сперва Изяславу Мстиславичу, а потомъ Святославу Ольговичу (1146).

По условію, напримѣръ, Святополкъ и Мономахъ, Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ дѣйствовали за одно (1189).

Князья входили между собою въ *союзы*, составляли нѣкотораго рода артели или товарищества, чтобъ дѣйство-

вать за одно, выбирали себѣ набольшихъ, для которой цѣли и обязывались клятвою, цѣлуя крестъ, почему и назывались ротниками.

Великіе Князья, сильнѣйшіе, принуждали иногда къ тому силою. Такъ Мономахъ постановилъ условіемъ Глѣбу Минскому (1016), Ярославу Святополковичу (1117), приходить къ себѣ на зовъ. Мстиславъ жаловался на Полоцкихъ князей, за чѣмъ они не приходятъ къ нему на помощь противъ Половцевъ, и за то лишилъ ихъ отчины (1130).

Князья сносились и переговаривались на съѣздахъ, обсылались послами (1195) или посолниками (1144), которыми были мужи или бояре (1159, 1197), лица духовныя (1161), даже иногда митрополиты (1140), союзные князья.

Въ случаѣ неудачи прибѣгали къ чужой помощи: къ Половцамъ, Ляхамъ, Униамъ.

Таковы были отношенія князей между собою и къ Великому Князю, сначала Кіевскому, а потому Владимирскому.

При всякомъ новомъ обстоятельствѣ, столонаслѣдованіи, по кончинѣ старшаго князя, и по прибытіи новаго, при столопріобрѣтеніи въ слѣдствіе войны, выигранной или проигранной, происходило новое разсаживаніе князей, и новая разверстка или переверстка, какъ у крестьянъ весною, волостей, по волѣ главнаго или старшаго князя, если онъ былъ не только старше, но и умнѣе и сильнѣе всѣхъ, — по взаимному соглашенію князей, имѣвшихъ какія либо права или притязанія, могшихъ поддерживать свои требованіе силою, — по назначенію побѣдителя, если дѣло доходило до схватки, — по требованію людей и городовъ, если они, призывая или уступая предла-

гали какія условія. Сила, умъ, характеръ, возрастъ, опредѣляли надѣлы при всякомъ случаѣ.

Если было нѣсколько лицъ равносильныхъ, они улаживались между собою, и налагали условія на прочихъ (напр. Святополкъ и Мономахъ относительно Ольговичей 1095).

При перемѣнѣ обстоятельствъ они торговались и вновь уступали, или требовали, воевали.

Умиралъ Великій Князь Кіевскій, — наслѣдникъ ему, то есть, старшій въ родѣ, приходилъ изъ другаго города, Чернигова, Турова, Смоленска и пр., и разпредѣлялъ кіевскіе города по своему усмотрѣнію, стараясь привести другихъ къ покорности и распространить свою область, надѣлить лучше своихъ дѣтей, братьевъ, ротниковъ.

Оставленный тѣмъ или другимъ княземъ, столъ занимался ближайшимъ къ нему членомъ семейства, который передавалъ свой удѣлъ другому князю также, какъ ему заблагоразсудилось.

Являлись иногда незаконные притязатели, овладѣвавшіе, благодаря стеченію благопріятныхъ для себя обстоятельствъ, Кіевомъ или другимъ стольнымъ городомъ, и распоряжавшіеся произвольно.

Иногда рѣшала дѣло война, и побѣдители были еще безотчетнѣе въ своихъ рѣшеніяхъ.

А въ чемъ состояла власть князя въ предѣлахъ его княжества?

Власть княжеская, впродолженіи Норманскаго періода сосредоточенная въ Кіевѣ, разнеслась, по кончинѣ Ярослава, по многимъ другимъ городамъ, сдѣлавшимся средоточіями особыхъ княжествъ, столицами.

Во всякомъ новомъ удѣлѣ князь заводилъ тотъ же порядокъ, какой установился въ Кіевѣ, и дѣлался такимъ же государемъ въ предѣлахъ своего княжества, какимъ былъ сначала В. К. Кіевскій.

Вотъ кругъ его дѣятельности:

Князь получалъ свой столъ по прямому наслѣдству (1) на основаніи старшинства (2), по предоставленію и назначенію предшественника (3), по народному избранію (4), вслѣдствіе полюбовной сдѣлки (5), или рѣшенія князей (6), а иногда и насильно (7). Случалось соединяться нѣкоторымъ изъ этихъ условій, напримѣръ, законный наслѣдникъ былъ вмѣстѣ и избираемъ (8), или садился на столъ съ бою (9), и т. под.

Сѣвъ на столъ, князь рядился съ людьми (10).

---

(1) Изяславъ послѣ Ярослава, (1054).

(2) Такъ наслѣдовали въ Кіевѣ Всеволодъ Ярославичь брату Изяславу (1078), въ Черниговѣ Ярославъ Святославичь брату Давиду (1123), въ Смоленскѣ Мстиславъ Романовичь дядѣ Давиду Ростиславичу (1192) и проч. См. мои Изслѣдованія т. VII, с. 4.

(3) Мстислава назначилъ отецъ Мономахъ (1125) въ Кіевѣ, Володимера Давыдовича двоюродный братъ Всеволодъ Ольговичь (1140) въ Черниговѣ, Георгія—отецъ Всеволодъ во Владимирѣ (1212) ib. с. 5.

(4) Мономахъ (1113) въ Кіевѣ, Рогвольдъ Всеславичь (1128) въ Полоцкѣ, ib. с. 6.

(5) Мстиславъ Изяславичь (1169) въ Кіевѣ, Святославъ Ольговичь (1158) въ Черниговѣ.

(6) Ярославъ Изяславичь (1174) въ Кіевѣ, Володимеръ Мстиславичь. (1175)

(7) Святославъ Ярославичь (1173) занялъ Кіевъ, Всеволодъ Ольговичь (1128) Черниговъ.

(8) Всеволодъ Юрьевичь во Владимирѣ (1176) послѣ брата Михаила.

(9) Константинъ Всеволодовичь (1216) послѣ войны съ меньшимъ братомъ Георгіемъ, во Владимирѣ.

(10) На примѣръ Игорь Ольговичь (1146), Ростиславъ Мстиславичь (1116).

От князя зависѣло назначеніе должностныхъ лицъ въ городахъ и волостяхъ: посадниковъ [11], тысяцкихъ [12], тіуновъ [13].

Даже въ назначеніи духовныхъ властей князь могъ принимать непосредственное участіе: митрополитовъ [14], епископовъ [15], игуменовъ [16].

Князь давалъ и отнималъ, перемѣнялъ удѣлы въ границахъ своихъ владѣній,–дѣтямъ [17], родственникамъ [18], чужимъ [19], какъ бы въ помѣстье или за службу, даже иноплеменникамъ [20]. Сроковъ никакихъ не назначалось: дача случалась и при началѣ княженія, и впродолженіи, и по завѣщанію, на время. Бывало, что князь и по неволѣ долженъ былъ уступать тотъ или другой городъ [21], или въ исполненіе обязательства [22].

Князь получалъ съ народа дань. Онъ собиралъ ее лично, объѣзжая свои волости. Вмѣстѣ съ собираніемъ

---

(11) Олегъ Святославичь въ Ростовѣ и Суздали (1096), Ярополкъ Володимеровичь въ Курской волости. (133)

(12) Игорь Ольговичь (1146).

(13 Мстиславъ Изяславичь (1169).

(14) Ярославъ назначилъ Митрополитомъ Иларіона, Ростиславъ Мстиславичь требовалъ назначенія Климова, Мстиславъ Изяславичь.

(15) Андрей Боголюбскій (1162), Всеволодъ (1190).

(16) Святополкъ Изяславичь (1112).

(17) Мономахъ (1113), Георгій Долгорукій (1155).

(18) Ярополкъ Володимировичь племянникамъ Мстиславичамъ (1133). Всеволодъ Георгіевичь послалъ въ Новгородъ свояка Ярослава Володимировича.

(19) Изяславъ Мстиславичь далъ города Святославу Всеволодовичу (1146), Рюрикъ В. К. Всеволоду (1195).

(20) Рюрикъ Ростиславичь далъ Дверенъ (1192) Кунтувдѣю Половчину.

(21) В. К. Рюрикъ Ростиславичь уступилъ В. К. Всеволоду Георгіевичу пять городовъ (1195), а прежде зятю Роману.

(22) Рюрикъ Ростиславичь (1195).

здѣсь соединялся и судъ. Такіе древніе объѣзды получили названіе полюдья (23). Собираніе дани поручалось иногда избраннымъ мужамъ (24). Употребленіе предоставлялось въ полную его волю, по усмотрѣнію.

Дань, а равно и прочіе доходы, съ извѣстной волости или города, князь предоставлялъ иногда кому заблагоразсуждалось,—женѣ (25), дѣтямъ (26), боярамъ (27), монастырямъ (28), церквамъ (29).

Князь издавалъ законы по поводу извѣстныхъ случаевъ (30), былъ верховнымъ судьею (31), творилъ судъ и правду (32), опредѣлялъ пѣни (33), получалъ пошлину съ суда, съ торговли, съ промысловъ (34).

Имѣлъ дружину, жившую на его содержаніи, и начальствовалъ ею во время войны (35).

Предпринимая войну, онъ собиралъ вои, разселенныя по городамъ и волостямъ (36), ходилъ обыкновенно самъ,

---

(23) Напомнимъ полюдья Юрья Володимеровича (1154).

(24) Янъ собиралъ дань по Волгѣ для В. К. Святослава Ярославича (1071).

(25) Подъ 1159 г. о городѣ княгини Святослава Ольговича.

(26) Рюрикъ Ростиславичь (1173).

(27) При Изяславѣ Мстиславичѣ (1150).

(28) Мстиславъ Володимеровичь (1125).

(29) Андрей Боголюбскій (1155).

(30) См. въ Правдѣ Ярославичей о пени за убіеніе конюха.

(31) См. въ описаніи 1093 о Всеволодѣ, 1147 о Вячеславѣ Володимеровичѣ.

(32) Ярославъ Всеволодичъ (1229).

(33) См. въ описаніи 1175 г. о Ростиславичахъ.

(34) См. Русскую правду, уставъ Всеволода, Святослава Ольговича, Ростислава Смоленскаго.

(35) Вячеславъ Володимирычь, 1151.

(36) Ярополкъ Володимирычь, 1135. Мстиславъ Володимирычь--братьевъ и сыновей 1125.

иногда посылалъ вмѣсто себя сына, брата, родственника, воеводу ([37]).

Въ сраженіи принималъ личное и непосредственное участіе, и чуть ли не начиналъ его ([38]), находясь при большемъ полку ([39]). По окончаніи войны распускалъ вои ([40]).

Заключалъ миръ ([41]) съ пріобрѣтеніемъ или уступкою волостей ([42]), переговаривался съ князьями лично ([43]), или чрезъ пословъ, имъ назначенныхъ ([44]), подчинялъ себѣ противниковъ ([45]).

Пересылался по усмотрѣнію съ иностранными государями ([46]), ходилъ къ нимъ на помощь ([47]), посылалъ ([48]) и получалъ помощь ([49]), предпринималъ походы въ чужія страны ([50]).

Ставилъ города по мѣрѣ надобности ([51]), переводилъ людей изъ города въ городъ ([52]), распоряжался въ городѣ ([53]).

---

(37) Андрей Боголюбскій—сына Мстислава, воеводу Бориса Жидиславича (1869), Святополкъ Изяславичь Путяту (1097).

(38) Андрей Боголюбскій (1151, 1152).

(39) Глѣбъ Юрьевичь, (1172).

(40) Рюрикъ Ростиславичь (1195).

(41) Братья Изяславъ и Всеволодъ, (1072).

(42) Андрей Боголюбскій (1169).

(43) Общіе съѣзды (1097, 1100). Всеволодъ Ольговичь съ братьями (1142).

(44) Давидовичи съ Изяславомъ Мстиславичемъ (1147).

(45) Мономахъ (1117), сынъ его Мстиславъ.

(46) Изяславъ Мстиславичь съ королемъ Угорскимъ, Ляшскимъ и Чешскимъ (1149).

(47) Мономахъ и Олегъ къ Ляхамъ на Чеховъ (1076).

(48) Всеволодъ Ольговичь зятю Владиславу (1142).

(49) Изяславъ Мстиславичь отъ Угровъ (1149).

(50) Андрей Боголюбскій на Болгаръ (1164), Георгій Всеволодовичь на Мордву (1220).

(51) Ярополкъ Володимерычь городъ Желди (1116), Юрій Долгорукій.

(52) Святополкъ Изяславичь (1095).

(53) Изяславъ Ярославичь (1069).

Князю принадлежали особыя села, дворы, волости, земли (54), сѣножати, холопы, изгои, стада, пчелиныя борти, рыбныя ловли (55).

Князь имѣлъ при себѣ особыхъ исполнителей и служителей, изъ коихъ упоминаются ключники (1154, 1174), стольники (1230), мечекоши (1210).

Князья считались властелинами своихъ подданныхъ и господами земли (1071), впрочемъ всегда въ смыслѣ временнаго владѣнія, а не собственности (1197).

Таковъ былъ кругъ дѣятельности княжеской. Разсматривая его, подумаешь, что князь дѣлалъ что̀ хотѣлъ въ своемъ княжествѣ. Нѣтъ, власть его ограничивалась другими дѣятелями, которые по временамъ также дѣлали что хотѣли, и тѣмъ возстановляли равновѣсіе силъ, или производили новое замѣшательство, безпорядокъ. Эти дѣятели—дружина, вои, города.

Дружина, впродолженіи норманскаго періода, восполнялась преимущественно выходцами съ дальняго сѣвера, приходившими въ Гольмгардъ, по зову князей, участвовать въ ихъ удалыхъ походахъ на берега Чернаго и Каспійскаго морей, въ Европѣ и Азіи, на Константинополь, въ Дунайскія страны. Въ свободное время дружинники жили съ княземъ въ Кіевѣ, или уходили отъ него на промыселъ, гдѣ казалось имъ выгоднѣе.

Послѣ кончины Ярослава движеніе изъ Скандинавіи прекратилось, и жители Швеціи, Норвегіи и Даніи усѣлись крѣпко на своихъ мѣстахъ, въ благоустроившихся

(54) О волостяхъ—Ярополкъ Изяславичь подъ г. 1158.

(55) См. при описаніи годовъ, 1146, 1156, и 1171. Также грамоты: Ростиславову и проч.

государствахъ. Дружина Кіевская должна была замкнуться въ своемъ составѣ, но еще долго держался въ ней духъ стараго движенія, и при первомъ преемникѣ Ярославовомъ, вслѣдствіе распри съ княземъ, она сбиралась по знакомому пути идти въ Грецію, предавъ Кіевъ сожженію.

Потомъ и туда путь закрылся нахлынувшими толпами Половцевъ, которые заняли низовья Днѣпра и Дона: дружинники сохранили первоначальный обычай перехода, измѣнивъ только цѣли своихъ путешествій, т. е. переходя отъ князя къ князю, по усмотрѣнію.

У каждаго князя была своя дружина (1055, 1067), которая всюду слѣдовала за нимъ (1093, 1140), жила большею частію при немъ, въ его стольномъ городѣ, въ дѣтинцѣ, такъ какъ онъ часто имѣлъ въ ней нужду при безпрестанныхъ войнахъ и поводахъ къ столкновеніямъ.

Дружина удерживала свое раздѣленіе первоначальное: на старшую (первую, лучшую, бóльшую), т. е. бояръ и мужей (1093, 1147), и молодшую (меньшую), отроковъ или дѣтскихъ (1149, 1169).

При умноженіи князей значеніе дружины возвысилось еще болѣе: князь безъ дружины не значилъ почти ничего, и потому дружина составляла драгоцѣннѣйшее его сокровище (1146, 1181), пользовалась его уваженіемъ (1145), имѣла на него всегда сильное вліяніе, принимала живое участіе во всѣхъ дѣлахъ (1147), выражала свое мнѣніе свободно, и дѣйствовала часто по своему произволу (1067), владѣла домами, селами, дворами (1146), многимъ товаромъ, т. е. имуществомъ (1159), получала часть добычи, пировала вмѣстѣ съ княземъ (1064).

Дружина называлась впослѣдствіи дворомъ (1192), а члены, ее составлявшіе, дворянами.

Оставаясь по смерти князя въ городѣ, она поступала на службу къ его преемнику, пользуясь тѣмъ же окладомъ, или расходилась, хотя частію, по его дѣтямъ (1154, 1171).

Бояре назывались и мужами (1136).

Бояре имѣли своихъ отроковъ, чадь, кои составили впослѣдствіи дворню — родоначальниковъ дворовыхъ людей (1095, 1177).

Боярамъ поручались главныя должности: посадника, тысяцкаго или воеводы, тіуна (1146, 1176).

Званія боярскія и дѣтскія были наслѣдственны, то есть, точно какъ были съ самаго начала, роды княжескіе, такъ точно были роды боярскіе и роды отроковъ или дѣтскихъ (впослѣдствіи дѣтей боярскихъ). О пожалованіи въ это званіе, о пріобрѣтеніи его заслугами, нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго указанія въ древнее время, ни даже намека.

Тоже должно сказать о нѣкоторыхъ должностяхъ, напримѣръ воеводы или тысяцкаго: онѣ передавались наслѣдственно, или, по крайней мѣрѣ, принадлежали, поручались лицамъ извѣстныхъ родовъ по преимуществу, при чемъ было нужно, разумѣется, утвержденіе княжее, точно какъ для самихъ князей народное. Такъ у Андрея Боголюбскаго воеводою былъ Борисъ Жидиславичь (1171), у брата его Всеволода Михаилъ Борисовичь (1204, 1207), у сына его Георгія Жирославъ Михаиловичь (1237).

Между отроками должно замѣтить гридней (1166) и мечниковъ (1146, 1175), пасынковъ (1177), и кощеевъ (1170).

Городское населеніе, потомки пришлыхъ Варяговъ-Руси, сохранило свой древній военный характеръ. Всѣ дѣйствія, приписываемыя лѣтописями жителямъ городовъ, обличаютъ въ нихъ военныхъ людей, напримѣръ: угроза Ярославичамъ уйдти въ Грецію. Также подъ г. 1147, 1151 и проч. Прежнее ихъ населеніе подчинилось совершенно пришлому. Города сдѣлались военными посадами, въ родѣ древнихъ римскихъ колоній, какъ теперь это посады по большой части правительственные.

Города получали свое значеніе преимущественно какъ пребыванія князей, придававшихъ имъ блескъ и важность, а сами по себѣ значили не много, развѣ который имѣлъ особенно выгодное положеніе или славенъ былъ древностію, на прим. Кіевъ.

Военное сословіе, составляя главную часть народонаселенія городскаго, принимало, вмѣстѣ съ дружиною, участіе въ общихъ княжескихъ и своихъ мѣстныхъ дѣлахъ, смотря по обстоятельствамъ, въ такъ называемыхъ вѣчахъ.

Вѣча встрѣчаются по лѣтописямъ во всѣхъ городахъ: въ Кіевѣ (1667, 1068, 1113, 1146, 1147, 1150), Владимирѣ Волынскомъ (1097), Звѣнигородѣ (1147), Полоцкѣ (1159, 1186), Смоленскѣ (1185), Ростовѣ (1157, 1175), Суздалѣ (1157, 1175), Владимирѣ Залѣсскомъ (1157, 1175, 1176), Переяславлѣ (1175), Рязани (1177), Галичѣ (1231).

Вѣча бывали иногда на походѣ (1185).

Мірскія сходки нашего времени по селамъ суть древнія волостныя вѣча.

Вѣча созывались самими горожанами (1146), княземъ (1147, 1148, 1150, 1231), его уполномоченными (1147),

въ отсутствіе князя (1159), противъ воли князя (1159), въ между-княжіе (1068, 1079, 1113, 1147, 1154, 1157, 1175, 1177).

На вѣчѣ присутствовало все населеніе городское, преимущественно все военное сословіе, населявшее городъ, (чтó видно изъ всѣхъ мѣстъ): князь, бояре, остальная дружина (1147), купцы (1177).

Мѣсто собранія вѣча въ Кіевѣ было: на торговой площади (1067), у Туровой божницы (1146), у Св. Софіи (1147).

Вѣчевыя собранія происходили вслѣдствіе обстоятельствъ. Это было явленіе случайное, право по обычаю: городской людъ, бывъ доволенъ или не имѣя силъ, молчалъ и жилъ спокойно; недовольный—созывалъ вѣче и принималъ свои мѣры.

Вѣчевыя рѣшенія, въ старшихъ городахъ, были закономъ для младшихъ или пригородовъ (1151, 1175), но не безусловно (1175, 1177).

Касательно предмета вѣчь—горожане на вѣчахъ избирали князей (1113), принимали (1188), или отвергали (1095), изгоняли князей (1128).

Право это было также отрицательное, если можно такъ выразиться, т. е. соблюдалось и не соблюдалось. Князья слѣдовали, какъ мы уже видѣли, одни за другими по своему порядку, безъ возраженія со стороны горожанъ, которыхъ согласіе предполагалось; иногда на оборотъ, города предлагали условія князьямъ, уговаривались и присягали взаимно, приносили жалобы; князь дѣлалъ горожанамъ лично или чрезъ своихъ повѣренныхъ предложенія, кои принимались ими или отвергались; горожане предлагали свои мѣры; безъ князя

разсуждали объ общественныхъ дѣлахъ (1146, 1147), продолжать ли войну, или мириться, сдаваться и т. п.

Вѣче открывалось съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ обычаевъ (1157).

Городское населеніе, военное сословіе, происходившее отъ прежняго племени Варяго-русскаго, было весьма немногочисленно, и у самыхъ сильныхъ князей, на прим. Кіевскаго, Владимирскаго, число воевъ, кои могли они выставить въ поле, въ нужнѣйшихъ случаяхъ, кромѣ чрезвычайныхъ, на прим. въ Половецкомъ походѣ, простиралось тысячь до трехъ; у другихъ оно должно было быть гораздо менѣе, по 500 и т. п. Такъ точно и въ городахъ ихъ, большихъ и малыхъ, жило по количеству соразмѣрному.

Этимъ малымъ количествомъ воевъ, бывшихъ въ дѣйствіи, объясняется, какъ случалось, что князья съ поля сраженія убѣгали иногда самъ-другъ, самъ-третей, на прим. 1093 г. Святополкъ, 1149 Изяславъ Мстиславичъ, 1216 Юрій и Ярославъ. Этимъ объясняется и неуспѣшность большей части осадъ. Силъ вообще было недостаточно, взяться было некѣмъ; воевъ было мало, такъ что небольшаго перевѣса въ средствахъ у одной изъ двухъ противныхъ сторонъ было довольно для успѣха, и осажденные, затворясь въ городѣ, могли всегда бороться долго со своими врагами.

Малочисленностію воевъ объясняется также легкость ихъ движеній; это были толпы, кои удобно могли ходить по дорогамъ, не раздѣляясь и не затрудняясь нисколько въ продовольствіи. Иначе нельзя было бы понять нѣкоторыхъ походовъ и многихъ явленій въ междоусобныхъ войнахъ, на прим. въ 1064 г., Ростиславъ, бѣжа изъ Новагорода съ Порѣемъ и Вышатою, могъ

выгнать внезапно Глѣба изъ Тмутораканя. Онъ вышелъ оттуда, когда отецъ, Святославъ Черниговскій, пришелъ на помощь къ сыну, и по удаленіи занялъ въ другой разъ. Такъ Ярополкъ Изяславичъ въ 1085 г. княжа во Владимирѣ Волынскомъ, считалъ для себя возможнымъ бороться съ дядею, Великимъ княземъ Кіевскимъ, Всеволодомъ Ярославичемъ.

Вои раздѣлялись на тысячи и сотни. Самое названіе тысяцкаго и сотскаго служитъ доказательствомъ о бывшемъ существованіи тысячей и сотенъ: если были тысяцкіе и сотскіе, то были тысячи и сотни.

Къ каждому городу принадлежало извѣстное пространство земли, составлявшее его округъ, какъ бы уѣздъ, раздѣленной на волости, прежде верви, имѣвшія отношеніе къ тысячамъ, на погосты, впослѣдствіи на станы.

Раздѣленіе земли по городамъ отъ первыхъ князей было основано преимущественно на различіи племенъ и нарѣчій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми живыми урочищами, въ особенности рѣками.

Волости, приписанныя, говоря по нынѣшнему, къ городу, или, выражаясь древнимъ складомъ, притянутыя, обложены были данью еще отъ первыхъ Варяжскихъ князей.

Дани наложены были огульно (на примѣръ Новугороду Олегъ назначилъ платить двѣ тысячи гривенъ), и раскладывались плательщиками между собою, или порознь, по щлягу, черной кунѣ, бѣлкѣ, отъ дыма, отъ рала. Такъ точно и доставлялись подданными племенами и дѣлились въ городахъ, вѣроятно по раскладкѣ.

Дани съ однихъ волостей шли въ клѣть княжую, то-есть принадлежали собственно князю, другія, по его распоряженію, предоставлялись женѣ, дѣтямъ, родственникамъ; нѣкоторыя волости отдавались боярамъ; остальныя опредѣлены были на содержаніе воевъ, то есть городовъ, въ коихъ обитали вои. Чуть ли не съ самаго начала всѣ земли первыми князьями были раздѣлены на княжія, боярскія, городовыя.

По мѣрѣ размноженія князей, города съ своими волостями поступали имъ въ удѣлъ; нѣкоторые образовали удѣльныя княжества, которыя иногда отдѣлялись совершенно, пріобрѣтая совершенную независимость.

Князья, въ удѣльныхъ княжествахъ, основывали свое пребываніе въ старыхъ главныхъ городахъ, средоточіяхъ древнихъ племенъ, наприм. въ Смоленскѣ у Кривичей, въ Черниговѣ у Сѣверянъ; иногда выбирали себѣ по усмотрѣнію другіе, въ предѣлахъ доставшейся волости находящіеся, напримѣръ Овручъ, (Рюрикъ Ростиславичъ 1160), Пересопницу (Мстиславъ Нѣмой); иногда строили новые города, на примѣръ Владиміръ Залѣсскій.

Князья, поступая на столы отдѣльныхъ княжествъ, опредѣляли дани съ мѣста еще точнѣе и подробнѣе первыхъ князей, какъ мы видимъ то изъ грамоты Ростислава въ Смоленскѣ (1150), и Святослава Ольговича въ Новѣгородѣ (1137). Они дѣлали новую раскладку: брали себѣ княжескія волости; боярамъ и отрокамъ, остававшимся на ихъ службѣ, отдавали прежнія ихъ волости; вновь пришедшимъ съ ними отдавали волости ушедшихъ, или назначали вновь изъ свободныхъ.

Чѣмъ больше волости или волостей принадлежало

къ городу, и чѣмъ больше сіи волости приносили доходу, тѣмъ городъ былъ желаннѣе, завиднѣе.

Князья удерживали себѣ нѣкоторыя волости и въ оставленныхъ княжествахъ, смотря по условіямъ и полюбовнымъ сдѣлкамъ съ заступившими тамъ ихъ мѣсто братіями.

Содержаніе, т. е. количество волостей служивымъ людямъ, боярамъ и отрокамъ, опредѣлялось сначала, вѣроятно, большею частію вездѣ равное, (какъ и послѣ въ царскій періодъ), что и избавляло, съ одной стороны, отъ затрудненій дѣлежа при всякомъ новомъ водвореніи, а съ другой препятствовало усиленію, обогащенію, и даже осѣдлости сословія высшаго, т. е. боярскаго и отроческаго.

Волости, опредѣленныя сначала на содержаніе воевъ или городовъ, оставались за ними, за городами, не перемѣняя такъ часто господъ, всѣхъ крѣпче. Чуть ли это не черныя волости, которыя за разбродомъ, переводомъ, если не истребленіемъ перваго военнаго поселенія, остались на время безъ хозяевъ.

Туземцы работали, т. е. воздѣлывали землю и платили дань натурою, какъ на прим. сказано это о Радимичахъ: повозъ везутъ и до сего дня (т. е. до времени лѣтописателя), мѣхами — бѣлками (Поляне, Сѣверяне, Вятичи), черными кунами (Древляне) и деньгами—шлягами (Радимичи).

Назывались они въ отношеніи къ пришедшимъ князьямъ, или отъ нихъ смердами, (а послѣ черными людьми).

Туземное народонаселеніе, племени Славянскаго, не принимало никакого участія въ войнахъ, а спокойно

продолжало воздѣлывать землю какъ прежде, даже и по водвореніи между ними Варяговъ-Руси; занималось рукомеслами, и торговало, особенно въ городахъ.

Судьба поселянъ, или, какъ называла ихъ первая Русь, смердовъ, оставалась безъ большихъ перемѣнъ. Для нихъ было все равно, кому бы ни шла ихъ дань— князю ли, боярину, монастырю, или для содержанія воевъ. Состояніе ихъ, кажется, было сносное; никакой особенной тягости они не несли. Исполнить свои обязанности было легко; средства для пропитанія были вездѣ въ обиліи, земли удобной было много, лѣсовъ съ дикими звѣрями и птицами, воды съ рыбою, также. Война—это было дѣло княжее, и до поселянъ она не касалась. Приходилось терпѣть во время походовъ и войнъ междоусобныхъ изрѣдка, и то по большимъ дорогамъ. Послѣ пожара выстроиться было не трудно.

Земля искони была у поселеній въ общемъ владѣніи— отличительное явленіе Русской Исторіи, и справедливо замѣчаетъ Рейцъ 73: „только въ общемъ владѣ„ніи можно искать причины молчанія древнѣйшихъ на„шихъ законовъ касательно наслѣдства поземельной „собственности. Земля въ Русской Правдѣ со всѣмъ „не упоминается какъ предметъ наслѣдства."

Неизмѣримое количество земли по всѣмъ сторонамъ было причиною, что цѣны долго ей не придавалось, относительно частнаго владѣнія, и всякой могъ селиться, гдѣ ему было угодно, неся извѣстную повинность.

Свобода переходить была у поселянъ полная, (живи гдѣ хочешь), и не встрѣчается ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ никакого мѣста, изъ котораго бы можно заключить объ ихъ принадлежности къ землѣ или личной зависимости. Положительныя извѣстія о холопахъ,

закупахъ и кабальныхъ людяхъ доказываютъ свободу прочихъ обитателей земли Русской, которая, такъ сказать, разумѣлась сама собою.

Приложимъ нѣсколько общихъ замѣчаній объ отношеніяхъ всѣхъ этихъ дѣятелей—князей, дружины и воевъ, городовъ, смердовъ, между собою.

Дружина жила обыкновенно въ городахъ при князьяхъ, да и неудобно, опасно было князьямъ отпускать отъ себя дружину, при частыхъ поводахъ къ столкновеніямъ и междоусобныхъ войнахъ. Имѣя возможность и удобство помогать и мѣшать, дружина сама по себѣ не могла для себя дѣлать ничего; сборная и бродячая, несоставляла она замкнутаго цѣлаго, не могла пріобрѣсти особаго отдѣльнаго значенія, и потому что была малочисленна, состояла изъ двухъ отдѣленій различныхъ, уменьшалась болѣе и болѣе, по мѣрѣ размноженія князей, между коими безпрестанно размѣщалась, и часто перемѣняла мѣстопребываніе.

Самые бояре не могли сдѣлатьничего безъ князя, какъ и князь безъ нихъ. Ходившіе взадъ и впередъ за князьями, привязанные только къ одному лицу своего князя, дававшаго имъ временное и условное кормленіе, разсѣянные по княжествамъ и городамъ, безъ всякой связи между собою, въ зависимости отъ князей, они не могли составить особаго живаго сословія, связи между ними же не могло быть никакой, такъ какъ не было и общихъ интересовъ.

Въ такихъ же отношеніяхъ къ князю находились и города, выражавшіе часто свою волю, совершенно несогласную съ его видами, но неспособные къ собственной дѣятельности, по своей отдѣльности и безпомощности, относительному малочислію, завися отъ главнаго города, гдѣ князь имѣлъ силу и большое вліяніе.

Отношенія князя къ волостямъ и смердамъ состояли въ полученіи дани, въ правѣ суда и разныхъ поборахъ.

Отношеніе бояръ къ волостямъ ограничивалось полученіемъ опредѣленной дани. Перемѣняя волости, не имѣя мысли объ ихъ удержаніи, бояре не привыкали, какъ и князья, ни къ какой мѣстности.

Смерды жили особою жизнію; заплативъ дань съ дыма, съ плуга,—князю, боярину, монастырю, городу, могли быть спокойны; кромѣ особенныхъ случаевъ, гдѣ слѣдовали съ нихъ опредѣленныя пошлины, имъ не было дѣла до междоусобій княжескихъ, въ коихъ лично они не участвовали.

Земля заселенная преимущественно по большимъ судоходнымъ рѣкамъ, не составляла ничьей собственности, не имѣла, сама по себѣ, никакой цѣны. Между жилыми мѣстами находилось вездѣ много пустопорожнихъ пространствъ, гдѣ свободно было ставить слободы князьямъ, боярамъ и всякимъ сильнымъ людямъ: туда сходились со всѣхъ сторонъ смерды, желая подъ покровительствомъ пользоваться еще большимъ спокойствіемъ, защитою,— и въ древнѣйшихъ нашихъ законахъ встрѣчается уже много статей о такъ называемыхъ ролейныхъ закупахъ.

Таковы были особенности и отношенія различныхъ сословій государственныхъ. Но эти особенности и отношенія мы видимъ уже въ самомъ проявленіи, дѣйствіи, событіи: отнюдь не были онѣ опредѣлены никакими правилами съ ясностію, и не были съ точностію разграничены. Никакой народъ не представляетъ такого отвращенія отъ обряда (формы), какъ Русскій. Да и нужды въ этомъ обрядѣ (формѣ) не оказывалось. Въ нашей Исторіи, все происходило смотря по обстоятельствамъ, и рѣшалось по усмотрѣнію дѣйствующихъ лицъ, по требованіямъ минуты, или соглашенію, полюбовнымъ сдѣлкамъ въ из-

вѣстное время; господствовали не правила, а обстоятельства. О писанной правдѣ никогда и помину нѣтъ, вездѣ имѣется въ виду только живая правда, какъ она дѣйствующими лицами въ данную минуту представляется.

Мы усматриваемъ нѣсколько, очень мало, коренныхъ обычаевъ, и то по большой части въ ихъ уклоненіяхъ, каковы суть:

для князей право старшинства, отчинность, провинность,

для бояръ право перехода,

для городовъ и волостей вѣчевыя собранія,

раздѣленіе волостей по городамъ.

обязанность платить дань для смердовъ.

Какъ ни мало было этихъ коренныхъ правилъ, но часто не исполнялись и онѣ, служа (князьямъ) только предлогами къ спорамъ.

Князь наслѣдовалъ по старшинству, но случалось, что являлся ему соперникъ, нарушавшій его право и занимавшій, ни съ того ни съ сего, его мѣсто, (Всеволодъ Ольговичь), или народъ противопоставлялъ ему своего избранника (Изяслава Мстиславича). Иногда князь назначалъ себѣ самъ преемника, (Всеволодъ Ольговичь), иногда народъ выбиралъ его, (Мономаха), и даже изгонялъ своего законнаго государя (Изяслава Ярославича). Иногда князья, по взаимному соглашенію, сажали одного изъ своей среды на столъ, (Мстислава Изяславича). Теряли волость князья за вину по приговору князей, которые, случайно, брали на себя эту обязанность.

Бояре имѣли право перехода, но случалось, что князь подвергалъ ихъ заточенію, (Даніила заточеника), изгнанію, (Володиславичей). Въ однихъ случаяхъ бояре выражали свою волю, въ другихъ—люди, тѣ и другіе

требовали войны, или отказывались отъ войны, и князь долженъ былъ ихъ слушаться.

Вѣча собирались, какъ случится, княземъ, противъ князя, боярами, простыми людьми.

Припомнимъ теперь событія Удѣльнаго періода именно съ этой точки, въ отношеніи къ случайности, неопредѣленности, подтверждая наше замѣчаніе о отличительномъ характерѣ Русской Исторіи. Мы войдемъ въ нѣкоторыя повторенія, но онѣ необходимы для ясности.

Ярославъ раздѣлилъ свое владѣніе между пятью сыновьями:

Изяслава посадилъ онъ въ Туровѣ,

Святослава въ Черниговѣ,

Всеволода, любимаго, въ Переяславлѣ,

Вячеслава въ Смоленскѣ,

Игоря во Владимирѣ.

Выборъ стольныхъ городовъ зависѣлъ разумѣется отъ его *воли*.

Къ Черниговскому княжеству присоединены еще Муромская страна и Тмутаракань, а къ Переяславскому Суздальская и Ростовская.

Въ Новѣгородѣ оставался сынъ Володимера, умершаго не задолго до смерти отца, Ростиславъ, малолѣтный, но Изяславъ, ѣздившій туда во время кончины Ярослававой вѣроятно присвоилъ столъ себѣ съ согласія Новогородцевъ, и назначилъ. тамъ посадникомъ близока Остромира, какъ прежде Ярославъ Коснятина.

На Кіевскомъ столѣ братья должны были слѣдовать по старшинству.

Старшій братъ долженъ былъ занимать отца мѣсто, а все прочее предоставлялось обстоятельствамъ, подъ

вліяніемъ нѣкоторыхъ обычаевъ, напримѣръ права старѣйшинства, права отчиннаго, и обязанности князей отвѣчать за вину волостью, какъ бояре отвѣчали головою.

Братья сначала жили мирно. Скончался (1057) одинъ меньшій братъ, Вячеславъ, въ Смоленскѣ, и старшіе братья *переводятъ* туда меньшаго Игоря изъ Владиміра, *по своему усмотрѣнію,* а наслѣдство его присвояютъ себѣ. (Старшій братъ Изяславъ не надѣляетъ въ правду прочихъ братьевъ, чѣмъ, вѣроятно, и возбуждаетъ ихъ злобу).

Потомъ вскорѣ умираетъ и Игорь. Его наслѣдство братья *раздѣляютъ* на три части.

Дѣти умершихъ Ярославичей, Вячеслава и Игоря, малолѣтные, остаются на рукахъ у матерей, или у дядей, отъ которыхъ должно было зависѣть ихъ будущее надѣленіе, безъ отношенія къ ихъ отчинамъ, а какъ случится.

Оставался въ живыхъ еще сынъ Володимеровъ, братъ Ярослава, Судиславъ, но *объ немъ никто и не подумалъ,* какъ о Кіевскомъ законномъ наслѣдникѣ: просидѣвши 24 года въ порубѣ, онъ только былъ освобожденъ, приведенъ къ кресту, чтобъ не идти противъ племянниковъ, и не искать ихъ власти въ ущербъ имъ, и вскорѣ постригся въ монахи, а потомъ и умеръ.

Какъ сынъ перваго Полоцкаго князя, Изяслава, получившаго съ матерью Рогнѣдою въ особой удѣлъ, въ отчину, Полоцкъ, Брячиславъ нападалъ на Новгородъ, при началѣ княженія Ярославова, и миромъ выговорилъ себѣ распространеніе волости (Витебскъ и Усвятъ); такъ точно и теперь при Изяславѣ первое междоусобіе замышлено сыномъ Брячислава Всеславомъ *безъ всякой законной причины:* онъ напалъ на Новгородъ, ограбилъ, потомъ былъ разбитъ и плѣненъ (1067).

Вслѣдствіе нападенія Половцевъ и *мятежа* въ Кіевѣ, этотъ Всеславъ изъ погреба *посаженъ* былъ *на столъ* великаго княжества *дружиною,* а Великій князь Изяславъ принужденъ былъ удалиться *лишенный* всего владѣнія (1068).

Онъ воротился вскорѣ съ Польскою помощью, и Всеславъ не нашедъ себя въ силахъ съ нимъ бороться, бѣжалъ въ свой Полоцкъ (1069). Дружина и вои явились съ повинною головою.

Дѣла и отношенія пришли въ прежній порядокъ, и Ярославичи начали опять властвовать мирно въ своихъ удѣлахъ.

Чрезъ четыре года по возвращеніи Изяслава изъ изгнанія, чрезъ двадцать лѣтъ по сметри Ярослава, начинается открытая война, о которой въ лѣтописяхъ сказано прямо: Святославъ *хотя больше власти*, вѣроятно, какъ выше замѣчено, вслѣдствіе обдѣленія (1073). Здѣсь меньшіе братья шли противъ старшаго, имѣвшаго несомнѣнное право, точно какъ прежде шелъ меньшой братъ Мстиславъ противъ старшаго Ярослава, ища себѣ владѣнія, или прежде Володимеръ противъ Ярополка, а Ярополкъ старшій напалъ на меньшаго Олега, желая властвовать одинъ.

Вотъ первыя наши междоусобныя войны (1), въ коихъ, повторяю, нѣтъ и помину ни о старшинствѣ,

(1) Ярополкъ ходилъ на младшаго брата Олега.
Володимеръ на старшаго Ярополка.
Святополкъ безъ войны на Бориса, Глѣба и Святослава.
Ярославъ на старшаго двоюроднаго брата Святополка.
Мстиславъ Игоревичъ на старшаго брата Ярослава.
Всеславъ на Новгородъ.
Святославъ и Всеволодъ на старшаго брата Изяслава.
Ярополкъ на дядю Всеволода, и проч.

ни объ отчинѣ, ни о правѣ, ни о причинѣ: князья ищутъ просто распространенія своихъ волостей.

Изяславъ принужденъ былъ бѣжать во второй разъ, и оставшіеся братья *раздѣлили* между собой Русскую землю: Святославъ сѣлъ въ Кіевѣ, а Всеволодъ въ Черниговѣ, ему отъ брата уступленномъ, разумѣется, по договору или сдѣлкѣ.

Послѣ продолжительныхъ исканій, Изяславъ воротился съ помощниками, а Святославъ между тѣмъ умеръ, и Всеволодъ *уступилъ* ему Кіевъ, выговоривъ себѣ опять Черниговъ (1077).

Два брата, въ сознаніи своей силы, держали всю землю, и племянники остались *ни при чемъ*.

Олегъ Святославичъ и Борисъ Вячеславичъ пришли съ Половцами *искать себѣ части*. На сраженіи, проигранномъ впрочемъ ими, пали В. К. Изяславъ и Борисъ Вячеславичъ, а Олегъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ (1078).

Всеволодъ переима власть Русьскую всю, и распорядился *по собственному усмотрѣнію*: главные ближайшіе города, Черниговъ и Переяславль, отдалъ сыновьямъ. Племяннику, сыну убитаго за него брата Изяслава, онъ предоставилъ Владиміръ вмѣстѣ съ Туровымъ, выговоря, разумѣется, подчиненность, а другой племянникъ Святополкъ оставался въ Новѣгородѣ.

Святославичи, побѣжденные и вновь пытавшіеся неудачно, были *лишены* совершенно владѣній, и всякое право ихъ было забыто.

Другіе племянники, возмужавъ, стали искать себѣ волостей, и нападали кому какъ случалось удобнѣе, на Тмуторакань, Владиміръ. Всеволодъ послѣ разныхъ столкновеній *далъ* имъ: Давиду Игоревичу Дорого-

бужъ, а Ростиславичамъ города Червенскіе, отрѣзавъ ихъ отъ Ярополкова удѣла.

Этими дачами уменьшался удѣлъ Ярополковъ, и онъ, „послушавъ злыхъ совѣтникъ", вознамѣрился *идти на* самаго В. К. Всеволода, своего *дядю* (1085). Послѣ разныхъ превратностей, онъ былъ убитъ, но наущенію, какъ подозрѣвали, Ростиславичей, видѣвшихъ въ немъ главнаго своего противника (1086).

Святополкъ по смерти Ярополка перешелъ изъ Новагорода въ Туровъ, какъ въ отчину, на княженіе, а Владимиръ *взялъ* себѣ Всеволодъ; въ Новгородъ *послалъ* онъ внука Мстислава.

По смерти Всеволодовой (1093), Володимеръ, изъ уваженія къ праву, и вмѣстѣ изъ опасенія подвергнуться случайностямъ войны, по доброй волѣ *призвалъ* на столъ великокняжескій старшаго двоюроднаго брата, Святополка Изяславича, изъ Турова.

Святополкъ и Володимеръ ходили на Давида къ Смоленску, и дали ему *по своему усмотрѣнію* Новгородъ, а Мстиславъ отходилъ въ Ростовъ, призванный вскорѣ опять Новогородцами. Давыдъ возвратился тогда въ Смоленскъ.

Олегъ Святославичь пришелъ въ третій разъ съ Половцами, и *досталъ* себѣ Черниговъ, а Володимеръ отошелъ въ Переяславль (1094).

Святополкъ и Володимеръ *выгнали* его оттуда вскорѣ (1095), за дружбу съ Половцами, и онъ удалился въ Муромъ, откуда *овладѣлъ*-было Володимеровыми городами—Суздалемъ и Ростовымъ, хотѣлъ идти на Новгородъ, но былъ предупрежденъ, и долженъ былъ возвратить ихъ подоспѣвшему на помощь изъ Новагорода Мстиславу (1096).

Положено было порѣшить спорныя дѣла въ Любечѣ на общемъ совѣтѣ (1097), гдѣ и *постановлено* держать князьямъ свои отчины: Святополкъ—Изяславлю, Кіевъ; Володимиръ—Всеволожу, Переяславль; Давыдъ, Олегъ и Ярославъ — Святославлю, Черниговъ; Всеволодовы дачи утверждены: Владимиръ за Давыдомъ, Червенскіе города за Ростиславичами.

Пало подозрѣніе на связь Володимера съ Ростиславичами, и Василько былъ ослѣпленъ, по уговору Святополка съ Давыдомъ Игоревичемъ. Началась междоусобная война, которая нѣсколько разъ измѣняла всѣ отношенія *по обстоятельствамъ*, и кончилась съѣздомъ въ Увѣтичахъ (1100).

На совѣтѣ положено *отнять* у Давыда Игоревича за его вину Владимиръ, который Святополкъ отдалъ сыну Ярославу.

Давыду предоставленъ Бужскъ, къ которому Святополкъ *прибавилъ* Дубно и Черторыскъ, а Володимеръ и Святославичи *по двѣсти гривенъ*.

Потомъ (1102) Святополкъ и Володимеръ имѣли частный *рядъ* между собою, чтобъ Новгородъ отданъ былъ Святополку для сына, а Мстиславъ занялъ Владимиръ, но Новгородцы воспротивились.

Власть сосредоточилась въ ихъ рукахъ, и они, согласясь между собою, начали дѣйствовать за одно, *по своему благоусмотрѣнію*.

Главное вниманіе ихъ было устремлено на Половцевъ, и они достигли до того, вслѣдствіе многократныхъ нападеній и побѣдъ, что тѣ не осмѣливались тревожить болѣе русскихъ предѣловъ.

По кончинѣ Святополка (1113) Кіяне *призвали* къ себѣ настоятельно Володимера, хотя онъ и медлилъ къ нимъ пріѣхать.

Святославичи, Давыдъ, Олегъ и Ярославъ, не предъявили никакого сопротивленія, потому ли, что не чувствовали себя въ силахъ бороться съ Володимеромъ, или потому что получили себѣ какое-нибудь вознагражденіе, (вѣроятно Курскъ).

Олегъ впрочемъ вскорѣ умеръ (1115), а потомъ и Давыдъ (1123), Ярославъ же оставался въ Муромѣ.

Володимеръ соединилъ въ своихъ рукахъ всю власть, и всѣ князья его *слушались* безъ прекословія. Онъ *роздалъ* удѣлы сыновьямъ: Мстиславу Новгородъ, а потомъ Бѣлгородъ, оставивъ въ Новѣгородѣ внука Всеволода, Ярополку Переяславль, Вячеславу Туровъ, (вѣроятно по малолѣтству наслѣдника), Святославу Смоленскъ, Георгію Залѣсскую страну.

Оказали сопротивленіе князья Полоцкіе, и онъ ходилъ два раза войною на Глѣба Минскаго (1116), который и былъ плѣненъ, и *заточенъ* въ Кіевѣ, гдѣ и умеръ.

Ярославъ Святополчичъ, который получилъ, вѣроятно, отъ него Владиміръ, женясь на его внукѣ, дочери Мстислава, *поднялся* противъ него, и былъ смиренъ, давъ обѣщаніе являться на зовъ его. Впрочемъ бѣжалъ скоро въ Ляхи, и Володимеръ прислалъ во Владиміръ сына Романа, а послѣ Андрея.

Ярославъ чрезъ три года *явился* съ многочисленнымъ войскомъ изъ Угровъ, Ляховъ, Чеховъ, съ Ростиславичами, но былъ убитъ случайно при осадѣ Владиміра (1123).

По кончинѣ Володимера (1125) столъ его наслѣдовалъ старшій сынъ Мстиславъ, заблаговременно вызванный отцемъ изъ Новагорода и посаженный на всякій случай подлѣ себя въ Бѣлѣгородѣ.

Ни Ярославъ Святославичъ, троюродный дядя его, княжившій по смерти братьевъ въ Черниговѣ, ни старшіе троюродные братья его, Брячиславъ и Изяславъ Святополчичи, по причинѣ своей слабости, или малолѣтства, или незаконности, ни дѣти Олеговы и Давыдовы, по причинѣ, что отцы ихъ не княжили въ Кіевѣ, *не могли* спорить. Мстиславъ съ братьями былъ сильнѣе ихъ всѣхъ вмѣстѣ, и сдѣлался такимъ же *неограниченнымъ* распорядителемъ, какъ и его отецъ. Братья его слушались. О дѣтяхъ и говорить нечего.

Онъ хотѣлъ распространить свою власть еще далѣе, и *подчинить* себѣ Полоцкихъ князей, которые до сихъ поръ жили особнякомъ. Подъ предлогомъ ихъ нежеланія участвовать въ дѣйствіяхъ противъ Половцевъ, онъ выслалъ противъ нихъ войско, и заставилъ Полочанъ перемѣнить князя, а потомъ и всѣхъ князей отправилъ въ ссылку въ Грецію, Полоцкъ же *отдалъ* сыну Изяславу (1129).

Въ Черниговѣ, доселѣ спокойномъ, въ княженіе Мстислава, произошла внутренняя перемѣна. Младшій племянникъ, Всеволодъ Ольговичъ, безъ малѣйшаго права *выгналъ* дядю Ярослава, и заставилъ удалиться въ Муромъ. Всеволодъ Ольговичъ занялъ Черниговъ, который и безъ Ярослава долженъ бы былъ принадлежать Давыдовичамъ, какъ старшимъ, и *удержалъ* его, не смотря на обѣщанія Ярославу Мстислава, котораго, тестя, Всеволодъ успѣлъ умилостивить просьбами и бояръ его дарами.

(Можетъ быть, теперь Курскъ достался Мстиславу, т. е. Всеволодъ за помощь уступилъ ему Курскъ, пріобрѣтенный Святославичами при вступленіи на Кіевской столъ Мономаха, см. выше).

Мстиславъ былъ сильнѣе всѣхъ современныхъ князей, и распоряжался по усмотрѣнію, но при братѣ его Ярополкѣ начались распри и смятенія (1132).

Братья его сперва испугались, чтобъ онъ не отдалъ Кіева послѣ себя племянникамъ. *Ряды* между ними измѣнялись нѣсколько разъ.

Полоцкіе князья воротились изъ Греціи, и добыли себѣ свою отчину, выгнавъ Мстиславичей. Въ распряхъ Мономаховичей приняли участіе и Ольговичи.

Сосѣдній князь Черниговскій, Всеволодъ Ольговичъ, овладѣвшій и Черниговымъ *насильственно*, изъ рукъ дяди, мимо старшихъ двоюродныхъ братьевъ, началъ притязанія. „Мы хотимъ держать то, что наши отцы держали при вашихъ отцахъ." (Вѣроятно, опять идетъ рѣчь о Курскѣ). Ярополкъ не уступилъ ему впрочемъ ничего, и при возобновленіи войны, заставилъ отказаться отъ притязанія (1138), но по его смерти Всеволодъ выгналъ Вячеслава, брата его, даже изъ великаго княжества и овладѣлъ Кіевомъ, какъ прежде Черниговымъ, насильственно, безъ всякаго права, вопреки обычаю (1039).

Что здѣсь дѣйствовала сила, а не право, видно изъ того, что онъ *хотѣлъ* было отнять и Владиміръ, Переяславль, Смоленскъ, Новгородъ, отъ Мономаховичей, но принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, хотя и удержалъ за собою Кіевъ; Мономаховичи не смѣли спорить съ нимъ, и находились въ его волѣ.

Тотъ же произволъ видимъ мы и въ дѣйствіяхъ его по отчинѣ: *обѣщавъ* прежде Черниговъ братьямъ, онъ *отдалъ* однакожъ Давыдовичамъ, имѣвшимъ дѣйствительно большее право. Братья напрасно просили у него надѣленія въ отчинѣ: онъ *настоялъ* на томъ, послѣ многихъ покушеній съ ихъ стороны, чтобъ они

удовольствовались нѣкоторыми Кіевскими городами(1142). Такимъ образомъ Всеволодъ продолжалъ держать много и изъ прежняго своего владѣнія, Вятичей.

Всеволодъ предъ смертію *хотѣлъ* укрѣпить Кіевъ за братомъ Игоремъ, и снялъ присягу со многихъ князей. Игорь имѣлъ обѣщаніе и со стороны Галицкаго Володимирка помогать ему про Кіевъ. Но лишь только Всеволодъ скончался (1146), какъ и началась война. Игорь плѣненъ, *Кіяне хотѣли* Изяслава Мстиславича, которому явился соперникомъ дядя Юрій, нашедшій себѣ естественнаго союзника въ Святославѣ Ольговичѣ Сѣверскомъ, мстителѣ за брата Игоря. Давыдовичи, напротивъ, хотѣли было, къ своему Чернигову, *овладѣть* и его областію, Сѣверскимъ княженіемъ, которую и покорилъ имъ Изяславъ Мстиславичъ за ихъ союзъ, но не надолго.

Для укрѣпленія себя на Кіевскомъ престолѣ, онъ *призвалъ* старшаго дядю Вячеслава, и рядилъ подъ его именемъ. Юрья, послѣ многократныхъ схватокъ, съ перемѣнными успѣхами, онъ *выгналъ* даже изъ его Переяславля и Городца.

По кончинѣ Изяславовой (1154) Вячеславъ призвалъ его брата Ростислава Смоленскаго, а до прибытія его племянника его Святослава Всеволодовича, сказавъ ему: „перебуди у меня Кіевѣ, доколѣ же придетъ Ростиславъ, а *тогда рядъ вси учинимъ*.“

Кіяне говорятъ ему: „до живота твоего Кіевъ тебѣ.“

Ростиславъ *даетъ* Святославу Всеволодовичу изъ чужаго рода, Туровъ и Пинскъ, принадлежащіе къ *другой* отчинѣ (1154).

Но вдругъ умеръ Вячеславъ (1155), и Ростиславъ сталъ лицемъ къ лицу передъ дядею Юрьемъ, который имѣлъ передъ нимъ право и силу.

Убоясь Изяслава Давыдовича съ Половцами, противъ котораго пошелъ было онъ войною, онъ *уступалъ* ему подъ собою Кіевъ, а подъ племянникомъ Мстиславомъ Переяславль. Тогда Мстиславъ оставилъ его, и онъ долженъ былъ бѣжать, а Изяслава Давыдовича *приняли Кіяне*, опасаясь Половцевъ.

Онъ началъ *ладиться* съ Святославомъ Ольговичемъ, княжившимъ въ Новѣгородѣ, чтобъ ему сѣсть въ Черниговѣ, а Изяславу въ Кіевѣ; но вскорѣ всѣ они увидѣли, что не могутъ бороться съ подходящимъ Юрьемъ.

Юрій, занявъ Кіевъ, сдѣлалъ свои распоряженія, *роздалъ* сыновьямъ города: Вышгородъ Андрею, чтобъ имѣть подлѣ себя на случай, какъ то дѣлалъ и Мономахъ, Борису Туровъ, Глѣбу Переяславль, Васильку Поросье. Кромѣ того за нимъ оставалась Залѣсская страна (1155).

Юрій, одинъ, все-таки *считалъ себя не въ силахъ* держать Русскую землю, искалъ союзниковъ, и кромѣ Галицкой помощи, на которую надѣялся по родству съ Ярославомъ, женившимся на его дочери, *пригласилъ* къ себѣ Ростислава изъ Смоленска.

Ростиславъ, нужный для Юрія, счелъ себя обязаннымъ *хлопотать* за своихъ племянниковъ, сыновь Изяслава, съ которымъ онъ жилъ душа въ душу, и столько лѣтъ дѣлилъ всѣ труды и опасности. Хлопоты и ходатайство были тѣмъ нужнѣе, что Юрій, не любившій ихъ, ходилъ уже на нихъ войною, и *выгналъ* Мстислава изъ Пересопницы, и посылалъ въ Луцкъ на Ярослава.

Дѣло было въ томъ, чтобъ *удержать* за ними по крайней мѣрѣ Владиміръ. Ростиславъ же, пришедъ Кіеву, нача просити о братанѣхъ своихъ. Гюрги же послуша. Ростиславъ послалъ за братомъ Володи-

меромъ во Владимиръ, и за племянниками Мстиславомъ и Ярославомъ въ Луцкъ, и привелъ ихъ обоихъ и съ *полкома ею*, а Мстиславъ оставался во Владимирѣ, потому что онъ боялся плѣна. Юрій принялъ всѣхъ въ любовь, но не искренно.

Уладившись въ ними и получа Галицкую помощь, онъ послалъ къ Изяславу Давыдовичу спросить: хочешь ли придти къ намъ въ миръ, а не то мы придемъ къ тебѣ. Изяславъ, увидя, что побороть его не можетъ, цѣловалъ имъ крестъ.

На снемѣ въ Лутавѣ Юрій *далъ* ему Корческъ, а Святославу Ольговичу Мозырь (1155).

Точно такъ распоряжались князья и въ другихъ княжествахъ. Святославъ Ольговичъ тогда же „Сновескъ себѣ *отъя*, и Карачевъ и Воротынескъ" у Святослава Всеволодовича, племянника, занеже бѣ сго отступилъ, и *далъ* ему за нихъ другіе три города, вѣроятно худшіе.

Рязанскіе князья цѣловали крестъ Ростиславу, Смоленскому князю, имѣяхуть и́ отцемъ себѣ.

Племянникъ Изяслава Давыдовича, Святославъ Володимеричъ, вѣроятно *не довольный* удѣломъ, уѣхалъ изъ Березаго во Вщижъ, и *занялъ* города подесненскіе (1157).

Андрей, сынъ Юрьевъ, безъ отней воли, *отошелъ* въ Суздаль (1155).

Мстиславъ Изяславичь *напалъ* изъѣздомъ на дядю Володимера Мстиславича, полонилъ его жену и тещу, отнялъ имѣніе, занялъ Владимиръ.

Юрій, обѣщавшійся брату своему Андрею удержать за его сыномъ Владимиръ, *пошелъ* на Владимиръ,

чтобъ отнять его у Мстислава Изяславича, отнявшаго его у Владимира Мстиславича (1156).

О правѣ тутъ рѣчи быть не могло: Мстиславу Изяславичу не слѣдовало отнимать его у дяди, а Юрью для Володимера Андреевича и подавно.

Юрій не могъ взять Владимира, но все-таки *далъ* племяннику Дорогобужъ.

Какъ Юрій дѣйствовалъ неискренно въ отношеніи къ Мстиславичамъ, такъ и они въ отношеніи къ нему. Какъ Юрій послѣ клятвы хотѣлъ отнять Владиміръ у нихъ, такъ и они не упускали случая противъ него. Изяславъ Давыдовичъ все думалъ о Кіевѣ, и *примирилъ къ себѣ* и Ростислава, и Мстислава Изяславича. Свой только, Святополкъ Ольговичъ, не хотѣлъ участвовать въ его предпріятіи, ссылаясь на клятву (1157).

Юрій умеръ скоропостижно, и Изяславъ Давыдовичъ занялъ Кіевъ, *уступивъ* Черниговъ племяннику Святославу Володимеричу, по своему разсужденію.

Явились претенденты на Черниговъ: Святославъ Ольговичъ, который пришелъ съ Святославомъ Всеволодичемъ. Къ Володимеричу пришелъ на помощь Изяславъ Давыдовичъ съ Мстиславомъ Изяславичемъ. „Начаша слати межи собою, и тако умирившеся, и хрестъ цѣловаша межи собою.“ Разверстка. Черниговъ отданъ Святославу Ольговичу только съ семью маловажными городами, а вся область осталась у Изяслава Давыдовича съ племянникомъ, за что Святославъ Ольговичъ послѣ жаловался. Новгородъ отданъ Святославу Всеволодичу.

Изяславъ Давыдовичъ, ни съ того ни съ сего, со многими князьями союзными или подручными, пошелъ

отнимать Туровъ и Пинскъ у Юрья Ярославича для Володимера Мстиславича (1157).

Туровъ былъ первоначально отчиною Изяслава, принадлежалъ сыну его Святополку и Ярополку. Ближайшее право на него имѣлъ единственный представитель рода, Юрій Ярославичъ.

Союзъ не имѣлъ успѣха.

Возникла война за Ивана Берладника, которому Ярославъ Володимеровичъ Галицкой *не давалъ части*, и котораго принялъ подъ свое покровительство В. К. Изяславъ Давыдовичъ. Ожидая нападенія, онъ предлагалъ Святославу Ольговичу за помощь Мозырь и Чечерскъ, и они *уладились*. Противники отложили нападеніе, но Изяславъ рѣшился искать Берладнику волости, возбуждаемый самими Галичанами.

Попытка не удалась, и Изяславъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ (1158).

Кіевскій столъ упразднился, и союзники *призвали* на него Ростислава Мстиславича (1159).

Ростиславъ въ томъ же лѣтѣ *снимался* съ Святославомъ Ольговичемъ.

Изяславъ Давыдовичъ шатался воюя, и наконецъ успѣлъ *составить* новый союзъ противъ Ростислава, и занять Кіевъ, но отъ Бѣлагорода вслѣдствіе измѣны долженъ былъ бѣжать, и въ бѣгствѣ убитъ (1162).

Мстиславъ Изяславичъ *не уладился* съ братіей, и выѣхалъ изъ Кіева недовольный; города его отобралъ Ростиславъ: Торческъ, Бѣлгородъ, Триполь.

На другой сторонѣ Андрей выгналъ братьевъ изъ Суздаля, хотя быть самовластецъ.

Многіе князья пошли на Володимера Мстиславича, который принужденъ былъ уступить имъ Случескъ.

Братъ, В. К. Ростиславъ, *далъ* ему Триполь, и еще четыре города придалъ къ Триполю (1162).

Помирясь съ Мстиславомъ Изяславичемъ, онъ *возвратилъ* ему всѣ города: Торческъ, Бѣлгородъ, а за Триполь далъ Каневъ (1163).

Такъ точно и въ Черниговѣ: по смерти Святослава Ольговича (1164), сынъ его Олегъ *уступилъ* Черниговъ Святославу Всеволодовичу, а себѣ *взялъ* Новгородъ.

Они поссорились опять *по случаю дѣлежа* по смерти Святослава Володимерича, и Олегъ получилъ наконецъ четыре города.

По смерти Ростислава (1168), братья *послали* за Мстиславомъ Изяславичемъ, но не дожидаясь его, *хотѣли разобрать себѣ* волости: Володимеръ Мстиславичъ, которому, какъ старшему, *слѣдовалъ бы* собственно Кіевъ, бралъ къ Триполю Торческъ, все Поросье, Володимеръ Андреевичъ Берестіе, Ярославъ Владиміръ. Но Мстиславъ, прибывъ, *возмя (другой) рядъ* съ братьею, и съ дружиною, и съ Кіяны, и *уладишася* о волости, цѣловаша крестъ.

Мстиславъ возбудилъ противъ себя сильнаго Андрея Суздальскаго, *за то* особенно, что вопреки ему далъ сына Романа Новогородцамъ. Ростиславичи питали къ нему подозрѣніе. Володимеръ Андреевичъ *припрашивалъ* волости. Андрей прислалъ сильное войско, къ коему *пристали* всѣ русскіе князья, и Мстиславъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, долженъ былъ бѣжать въ свой Владиміръ.

Андрей *отдалъ* Кіевъ брату, Глѣбу Переяславскому (1169).

Мстиславъ напрасно пытался возвратить его, и, постигнутый болѣзнію, „начася слати къ брату Ярославу,

рядовы дѣля о дѣтехъ своихъ. *Урядився добрѣ* съ братомъ и крестъ цѣлованъ, *якоже ему не подозрѣти волости* подъ дѣтми его, преставися (1172).

По смерти Глѣба, Ростиславичи *послали* въ Дорогобужъ, за Володимеромъ Мстиславичемъ, который, *утаився* ротниковъ, пришелъ въ Кіевъ; *они договорились между собою*, но онъ, посадивъ сына Мстислава въ Дорогобужѣ, вскорѣ умеръ, и Андрей, гнѣвавшій его, *отдалъ* Кіевъ Роману, но вскорѣ прислалъ на него войско вмѣстѣ съ братьями, *за ослушаніе* (1173).

Войско было прогнано, Ростиславичи *положиша* на Ярославѣ *старѣйшинство*, и даша ему Кіевъ.

Святославъ Всеволодичъ напомнилъ ему *первой рядъ* и просилъ *надѣленія;* получивъ отказъ, занялъ Кіевъ *изъѣздомъ*, *но долженъ* былъ его оставить. Ярославъ *также*.

Ростиславичи просили Кіевъ у Андрея брату Роману (1175), который и пріѣхалъ туда, уже по убіеніи Андреевомъ, но ему вмѣстѣ съ его братьями явился соперникъ Святославъ Всеволодовичъ, которому также *хотѣлось* Кіева, какъ его отцу. Ростиславичи начали *договариваться*, и *уступили* ему Кіевъ послѣ разныхъ столкновеній (1177).

Иде Святославъ къ Любчю, и призва къ себѣ братью свою, Ярослава, Игоря, Всеволода, *ряды ему дѣюще*...

Всеволодъ Владимірскій захватилъ его сына, помогавшаго зятю, Рязанскому князю, противъ Великаго князя. Святославу хотѣлось отомстить, „но нелзѣ Ростиславичи, а тѣ ми во всемъ пакостятъ въ Руской землѣ.... Давыда иму, а Рюрика выжену изъ землѣ, и *пріиму* единъ власть Рускую и съ братьею“ (1179).

Ошибясь въ разсчетѣ, послѣ неудачнаго похода, онъ увидѣлъ себя *въ невозможности* удерживать Кіевъ

и уѣхалъ въ Черниговъ, а Рюрикъ занялъ и *распорядился* съ своими родными (1180).

Святославъ, соединясь съ братьею и Половцами, сказалъ: я старше Ярослава, а ты, Игорь, старше Всеволода, я остался вамъ въ отца мѣсто, и велю тебѣ, Игорь, остаться здѣсь и блюсти Черниговъ и всей волости, а я пойду со Всеволодомъ къ Суздалю, выручать сына Глѣба, какъ *разсудитъ насъ Богъ* со Всеволодомъ.

По возвращеніи Святослава Рюрикъ, размысливъ, съ мужи своими угадавъ, бѣ бо Святославъ старѣй *лѣты*, и *урядився* съ нимъ, *сступися ему старѣйшинства* и Кіева, а собѣ взя всю Русскую землю, и утвердившеся крестомъ честнымъ.

Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ начали дѣйствовать сообща, какъ прежде Святополкъ и Мономахъ, преимущественно въ отношеніи Половцевъ.

На Галичь открылись виды. Рюрикъ и Святославъ пошли. „И бывшимъ имъ по мѣсту всимъ и *рядящимся* о волость Галичкую, Святославъ же даяшеть Галичь Рюрикови, а собѣ *хотяшеть* всей Русской земли, около Кыева. Рюрикъ же сего не *улюбяшеть* лишитися отчины своея, не (но?) хотѣ подѣлитися Галича, и тако *урядившеся*, и возвратишася во свояси.

...Вяшеть ему тяжа съ Рюрикомъ и съ Давыдомъ и Смоленскою землю, того дѣля и съ братьею совокупился бяшеть, какъ бы ему ея *не ступити*. Рюрикъ же сославсь со Всеволодомъ сватомъ своимъ и съ Давыдомъ братомъ своимъ, послаша ко Святославу мужи своя, рекущи ему: „ты, брате, къ намъ крестъ цѣловалъ *на Романовѣ ряду*, такоже нашь братъ Романъ сѣдѣлъ въ Кыевѣ: дажь стоиши въ томъ ряду, то ты намъ братъ, паки ли поминаешь давныя тяжа, которыи

былѣ при Ростиславѣ, то ступилъ еси ряду, мы *ся въ то недамы;* а се ти крестныя грамоты.“ (1190)

Святославъ позва братью свою въ Роговъ, Ярослава, Игоря, Всеволода, и поча съ ними *думати,* хотя на Рязаньскіи князи: бяхуть бо имъ рѣчи про волости. И послашася ко Всеволоду въ Суздаль, *просячися* у него на Рязань. Всеволодъ же ихъ волѣ не створи (1194).

Посла Рюрикъ по брата своего Давыда (по смерти Святослава)къ Смоленску, река ему: брате, се вѣ осталася старѣйши всѣхъ въ Русьской землѣ, а поѣди ко мнѣ Кыеву; что будеть о Руской землѣ думы и о братьи своей, о Володимери племени, и то все *укончаевѣ.*

Давыдъ пріѣхалъ, и съ братомъ своимъ Рюрикомъ *ряды* вся укончa о Руской землѣ и о братьи своей, о Володимерѣ племени (1195).

Всеволодъ Суздальскій прислалъ къ нему пословъ сказать: вы есте нарекли мя во своемъ племени во Володимерѣ старѣйшаго; а нынѣ сѣлъ еси въ Кыевѣ, а мнѣ *еси части не учинилъ* въ Руской землѣ, но *роздалъ* еси инѣмъ моложьшимъ братьи своей, да же мнѣ въ ней части нѣтъ; да то ты, а то Кіевъ и Руская область; а кому еси въ ней часть далъ, съ тѣмъ же ей и блюди и стрежи; до како ю съ нимъ удержишь, а то узрю же, а мнѣ ненадобѣ.

Рюрикъ убоялся и спросилъ, чего онъ хочетъ.

Всеволодъ бо *просяше* у него Торцького, Треполя, Корсуня, Богуславля, Канева, еже бѣ *далъ* зятю своему Роману.

Рюрикъ далъ ему ихъ, а Всеволодъ изъ нихъ далъ зятю Ростиславу Торческъ. Романъ возъимѣлъ подозрѣніе.

Рюрикъ послѣ этой передачи далъ ему Полоной и полъ-Торческа Русскаго.

Но Романъ былъ недоволенъ, *и соединился* съ Ольговичами, а Рюрикъ со Всеволодомъ.

Рюрикъ, сговорясь съ Всеволодомъ и съ братомъ своимъ Давыдомъ, послалъ мужей къ Ярославу и всѣмъ Ольговичамъ: цѣлуй намъ крестъ со всею братьею, чтобъ не искать нашей отчины, Кіева и Смоленска, подъ нами, и подъ нашими дѣтьми, и подъ всѣмъ Владимеримъ племенемъ, и оставаться на всегда, какъ раздѣлилъ Ярославъ, по Днѣпръ, а Кіева вамъ нѣтъ. Ольговичи, посовѣтовавшись, отвѣчали: Кіева блюсти подъ тобою, и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ, въ томъ стоимъ, но отказываться отъ него навсегда, не хотимъ; мы не Угры и не Ляхи, но единаго дѣда внуки, при вашемъ животѣ не ищемъ Кіева, а послѣ кому Богъ дастъ.

Началась война. Всеволодъ заключилъ отдѣльный миръ и *умолви* съ нимъ (Ярославомъ) про волость свою и про дѣти своя, а Кыева подъ Рюрикомъ не искати, а подъ Давыдомъ Смоленьска не искати, и води Ярослава ко честному кресту и всѣхъ Ольговичь; Ярославъ же посла своя мужа и води Всеволода и Давыда кресту, и Рязанскыя князи на *своихъ рядахъ*.

Рюрикъ разсердился на Всеволода, и отнялъ тѣ города, которые далъ ему въ Руской землѣ, и *раздалъ* опять своей братьи (1166).

Когда было *миpоположенье* о Русскихъ волостяхъ, по возвращеніи изъ Половецкаго похода, кому что слѣдуетъ за его труды для Русской земли, возникла новая *ссора* у Рюрика съ Романомъ, и онъ былъ постриженъ (1205).

Послѣ Романовой смерти Рюрикъ поднялся опять и *уговорился* съ Ольговичами.

Рюрикъ и Ольговичи, послѣ многихъ *сношеній*, пошли на Галичь и не успѣли (1205).

Воротясь, Всеволодъ Чермный, надѣясь *на множество вой*, вниде въ Кіевъ (1206), и сѣде въ немъ, и *разосла* намѣстники своя по городамъ кіевскимъ, и хотя нѣсколько разъ былъ выгоняемъ, но наконецъ утвердился въ Кіевѣ, а Рюрикъ въ Черниговѣ.

Потомъ, приписывая Ростиславичамъ гибель своихъ родныхъ въ Галичѣ, Всеволодъ Чермный *выгналъ* было ихъ *изъ Русской земли*, но явился имъ мститель, Мстиславъ Галицкій, который установилъ порядокъ. Всеволодъ бѣжалъ и умеръ въ Черниговѣ (1214).

Мстиславъ Романовичь и Володимеръ Рюриковичъ дѣйствовали за одно съ Мстиславомъ Галицкимъ по особымъ договорамъ (1214—1235).

На сѣверѣ происходили точно такія же явленія: Всеволодъ *назначилъ* наслѣдникомъ младшаго сына, Георгія, мимо старшаго, Константина. По смерти его начались споры между братьями, которые кончились полюбовною сдѣлкою (1214).

Мстиславъ Галицкій воюя противъ меньшаго ихъ брата Ярослава, доставилъ Константину Владимирскій столъ (1216).

Такъ неопредѣленны, или, лучше сказать, такъ измѣнчивы были отношенія между князьями и высшими сословіями государственными, потомствомъ пришлаго Норманскаго племени, дружиною и ея членами, боярами и отроками, городами и воями.

Вслѣдствіе этой зыбкости, мы видимъ, впродолженіи двухъ сотъ лѣтъ, отъ кончины Ярослава, до нашествія Монголовъ, безпрерывное *движеніе* князей. Какъ въ великомъ княжествѣ, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ княжествѣ, въ каждой отчинѣ, они переходили по

старшинству изъ одного удѣла въ другой, старшій, значительнѣйшій, какъ будто по лѣстницѣ, а всѣ вмѣстѣ смотрѣли на Кіевъ, красовавшійся на ея вершинѣ, какъ на свою вожделѣнную цѣль. Такимъ образомъ вслѣдствіи этого права принесеннаго безъ сомнѣнія съ Сѣвера, или, чаще подъ его предлогомъ, въ землѣ происходила безпрестанная перестановка князей. Ни одинъ князь не былъ и не считалъ себя крѣпкимъ на своемъ мѣстѣ; да никто того и не желалъ, а стремился куда-то на лучшее мѣсто. Такъ должно было быть, и иначе быть не могло, по внутреннему коренному убѣжденію и заведенному порядку вещей. Никогда почти князь не могъ надѣяться, чтобъ послѣ его смерти княжество досталось его дѣтямъ; нѣтъ—приходилъ со стороны иной князь садиться на его столъ, а дѣти часто оставались не только безъ владѣнія, но даже безъ пристанища, и ихъ надѣленіе всегда зависѣло отъ старшихъ князей, ихъ дядей, и вообще отъ обстоятельствъ. Отсюда происходило, что князья искали владѣнія, всю жизнь свою объ томъ только и думали, а собственности постоянной у нихъ и въ заводѣ не было, въ совершенную противоположность съ Западомъ, гдѣ кто сначала сѣлъ, тотъ тамъ и приросъ. Владѣніе поземельное въ высшей мѣрѣ было у насъ пожизненное а не наслѣдственное, временное пользованіе, потому что и при жизни перемѣнялось по большей части нѣсколько разъ, и по этой причинѣ не могло упрочиваться, развиваться, успѣвать. Въ слѣдствіе этого обычая не установились съ самаго начала у князей, на Руси, мысли о поземельной и наслѣдственной собственности.

Князья переходили изъ города въ городъ, ища, гдѣ себѣ лучше, какъ рыба ищетъ, гдѣ ей глубже, а за князьями слѣдовали ихъ дружины, неотлучные ихъ

спутники, дѣлившіе съ ними счастье и несчастье, выгоды и потери. Если князю дѣлалось лучше, то и дружинѣ его было лучше; съ новыми пріобрѣтеніями она получала новыя выгоды, постоянныя или временныя. Села съ данями были вездѣ для нея готовы, во всякомъ княжествѣ, чуть ли не по генеральному варяжскому размежеванію.

Потомуже бояре и отроки не могли также пріобрѣсти себѣ осѣдлости, и перемѣняли свои волости такъ, какъ князья перемѣняли города. Ходя постоянно по городамъ съ князьями, имѣвшими безпрестанную нужду и не могшими отпускать ихъ отъ себя на житье, они не могли снискать постоянныхъ привычекъ.

Кромѣ перехода съ князьями, бояре имѣли еще свое собственное право перехода, то есть право оставлять своего князя, въ случаѣ личнаго неудовольствія, и переходить на службу къ другому князю. Это право принесено также съ сѣвера, и имѣетъ начало въ глубокой древности. Норманны ходили наслужбу въ Гольмгардъ, въ Грецію, къ Козарамъ и по разнымъ владѣніямъ Скандинавіи. Такъ приходили они къ Олегу, Игорю, Володимеру. Такъ при Изяславѣ Кіяне, т. е. не только бояре, но и люди, хотѣли уйдти въ Грецію. Когда внѣшніе пути были заперты, бояре ходили между князьями отъ одного къ другому.

Въ этихъ переселеніяхъ принимали иногда участіе и низшіе вои, люди, жители городовъ, по любви къ князю, въ надеждѣ бóльшихъ выгодъ, вслѣдствіе неустановившагося образа жизни. Такъ въ 1146 году мы видимъ изъ прямаго указанія лѣтописи, что три города вышли, были пойманы и задержаны. Кіяне при Изяславѣ хотѣли идти въ Грецію.

А глядя на нихъ, пріучались переходить съ мѣста на мѣсто и самые поселяне, ища себѣ больше льготы и покоя подъ защитою и покровительствомъ значительнѣйшихъ бояръ, удаляясь отъ главныхъ путей сообщенія, по коимъ слѣдовали вои. Тѣмъ болѣе, что земли было вездѣ много праздной, и она считалась ни почемъ, совершенно не сходно съ западомъ, гдѣ каждой лоскутокъ былъ дорогъ. Срубить избу, гдѣ бы то ни было, ничего не стоило.

Князья переходили, бояре переходили, вои переходили, смерды переходили, города, въ смыслѣ гарнизоновъ, переходили. Города переходили и въ смыслѣ столицъ, то есть пребываній княжескихъ. Князья, получали себѣ во владѣніе ту или другую волость, выбирали себѣ новое мѣстопребываніе, и такимъ образомъ переносили средоточіе силы и власти. Такъ повременамъ получали и теряли значеніе Овручъ, Галичь, Пересопница, Вщижъ, Туровъ....

Предѣлы княжествъ безпрестанно измѣнялись, да ихъ почти и не было, а были предѣлы владѣній княжескихъ, напримѣръ княжество Кіевское при В. К. Изяславѣ Ярославичѣ имѣло одни предѣлы, другіе при братѣ его Всеволодѣ, при Святополкѣ, при Мономахѣ, при Мстиславѣ, при Всеволодѣ Ольговичѣ, при Ярополкѣ Володимиричѣ.

И главный центръ княжествъ переносился съ мѣста на мѣсто—Новгородъ, Кіевъ, Владимиръ, (какъ послѣ Тверь, Москва, Петербургъ...?..)

Наконецъ, странное явленіе, большая часть древнихъ городовъ нашихъ даже физически, какъ поселенія, не остались на первомъ своемъ мѣстѣ, напримѣръ Новгородъ, Бѣлозерскъ, Ростовъ, Переславль....

Въ этомъ движеніи, представляющемъ какъ бы переходъ отъ кочевой жизни азіятской къ осѣдлой европейской, въ этомъ броженіи, вслѣдъ за основаніемъ Государства и распространеніемъ его предѣловъ, представляется одно изъ главныхъ отличій Русской Исторіи отъ Исторіи западныхъ европейскихъ государствъ, и вмѣстѣ основаніе, условіе, многихъ послѣдующихъ событій.

Внутреннее замѣшательство было увеличиваемо внѣшними иноплеменными врагами.

Всѣхъ пагубнѣе для древней Руси были *Половцы*, занявшіе мѣсто Печенѣговъ Норманскаго періода.

Половцы, кочевое племя, родственное нынѣшнимъ Киргизамъ, пришедшее со степей изъ за Каспійскаго моря, оттѣснили или истребили прочія дикія племена, жившія въ югозападной Россіи, на сѣверъ отъ Каспійскаго и Чернаго моерй до нынѣшней Молдавіи, преимущественно между Волгою и Днѣпромъ.

Половцы набѣгали безпрестанно, и опустошали Южныя княжества, въ особенности Переяславское и Кіевское, и явились наконецъ и со стороны Рязанской.

Это были разбойные набѣги подобные Крымскимъ набѣгамъ 17 и 18, и Кавказскимъ 19 столѣтія. Причинѣ искать нечего, кромѣ желанія обогащаться.

Къ несчастію, въ разгарѣ междоусобій, Князья сами прибѣгали часто за помощью къ Половцамъ, и звали ихъ къ себѣ за наемную плату.

Первый примѣръ подали дѣти Святославовы, которые и несли за то укоризну между нашими предками! Володимеръ Мономахъ, въ союзѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Святополкомъ, нанесъ Половцамъ сильный ударъ, но при междоусобіи его дѣтей и внуковъ съ Олеговичами, они опять поднялись, и успѣли причинить много

зла, на примѣръ посылая помощь Всеволоду Ольговичу, и потомъ Святополку Ольговичу Сѣверскому, связанному съ ними родствомъ.

Половцы мѣшали южной Греческой торговлѣ, и князья соединенными силами, вспоминая старое время, пошли на нихъ сами войною (1180), и одержали верхъ. Особенно прославился походъ Игоря Святославича Сѣверскаго и Романа Волынскаго.

Русскіе князья старались удерживать Половцевъ отъ набѣговъ дарами, посредствомъ съѣздовъ, и брачныхъ союзовъ (1094, 1107), наконецъ посредствомъ поселенія на границѣ другихъ восточныхъ племенъ, болѣе смирныхъ и склонныхъ къ осѣдлой жизни, на правой сторонѣ Днѣпра, вплоть до Переславскаго и Кіевскаго княжествъ по рѣкѣ Роси. Средоточіемъ этихъ поселеній былъ городъ Торческъ, на берегу Торчи, впадающей слѣва въ рѣку Рось, въ Таращанскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи.

Военные поселенцы, граничары, помогая намъ содержать стражу противъ Половцевъ, иногда и измѣняли намъ, смотря по обстоятельствамъ, но вообще принимали дѣятельное участіе въ судьбахъ Кіевскаго княжества.

Въ послѣднее время Половцы притихли, и знакомство съ осѣдлымъ и образованнымъ племенемъ вѣроятно содѣйствовало укрощенію ихъ нравовъ.

Остатки прочихъ восточныхъ племенъ, кочевавшихъ по степямъ Новороссійскимъ, или смѣшались съ Половцами, или подчинились Русскимъ князьямъ, и вошли въ составъ ихъ пограничной стражи.

Поселенные Торки, Печенѣги, Берендичи, Ковуи, Каспичи, извѣстные у насъ подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ, соединясь съ остатками военнаго Русскаго

населенія, сдѣлались послѣ нашествія Татаръ родоначальниками Малороссійскихъ и Запорожскихъ казаковъ.

Кромѣ Половцевъ древняя Русь имѣла еще многихъ другихъ враговъ, которые усилились, благодаря междоусобіямъ, преимущественно въ концѣ нашего періода.

Какъ Половцы были тяжелы для Кіевскаго и въ особенности для Переяславскаго княжества, такъ Владимиро-Волынское получило себѣ враговъ въ лицѣ *Ляховъ* и *Литовцевъ*, набѣгавшихъ съ другой стороны на Полоцкое, и Псковское княжества.

Новогородское воевало съ разными племенами *Чуди*, надъ коею брала почти всегда верхъ, а подъ конецъ со *Шведами*.

Псковское и Полоцкое получило себѣ враговъ въ *Нѣмцахъ*

Всѣ эти племена, сначала болѣе или менѣе подчиненныя, подъ конецъ усилились и начали угрожать.

Нѣмцы, утвердясь и построивъ Ригу въ 1200 году, постепенно распространялись и овладѣли областями Полоцкаго князя.

Прочія Полоцкія волости достались *Литвѣ*, которая, сначала подчиненная Русскимъ князьямъ, вышла изъ дремучихъ лѣсовъ своихъ и покорила смежныя страны.

Наконецъ *Угры* и *Ляхи* нагрянули на Галицкое княжество, овладѣли имъ, и едва часть его могъ удержать себѣ знаменитый Мстиславъ Галицкій, не смотря на многія побѣды.

Бѣды и опасности со всѣхъ сторонъ! съ Сѣвера Нѣмцы и Шведы, съ Запада Литва, Поляки и Венгры, съ Юга Половцы.

Страна, раздираемая, кромѣ внѣшнихъ враговъ, междоусобными войнами, совершенно изнемогала, какъ

вдругъ изъ дальняго Востока принеслась на нее новая туча, нахлынули новые враги, Монголы, сильнѣе всѣхъ прежнихъ.

Казалось—погибель ея неизбѣжна, невидать нигдѣ исхода, надежды нѣтъ никакой на перемѣну обстоятельствъ къ лучшему, пропадетъ Святая Русь!

Нѣтъ не пропадетъ!

Кто же спасетъ ее?

Народъ твердой, смиренной, терпѣливый, толковый, таланливый, нарожавшійся безъ числа, носившій въ глубинѣ своего сердца сознаніе объ единой Русской землѣ, объ единой святой Руси.

Языкъ живый, обильной, многозначительный, плодовитый, благозвучный, сильный.

Земля просторная, плодоносная, разнообразная, безпредѣльная, которая считалась общею собственностію, наравнѣ съ воздухомъ и свѣтомъ.

Вѣра Православная, горячая, безусловная, готовая на всякія жертвы въ избранныхъ душахъ. Вотъ четыре столпостѣны, на которыхъ Святая Русь удержалась, удерживается и удержится!

ДРЕВНЯЯ

РУССКАЯ АРИСТОКРАТІЯ.

ДРЕВНЯЯ
РУССКАЯ АРИСТОКРАТІЯ.

Послѣ кончины Ивана Ивановича, (1362 г.), слабаго преемника Гордому и Калитѣ, Москва, а въ ней и вся Россія, подверглась великой опасности. Князья ея всѣ были малолѣтные: старшему Димитрію было только восемь лѣтъ, братьямъ его, родному—Ивану, и двоюродному—Владиміру Андреевичу, лѣтъ по шести.

Явились разумѣется, тотчасъ искатели Великаго княженія, и Ханъ Наврусъ далъ ярлыкъ Князю Суздальскому, Димитрію Константиновичу, который и водворился, благословенный даже Митрополитомъ Алексѣемъ, во Владимирѣ. Московскіе Князья нисходили на степень Князей удѣльныхъ, и Москва переставала быть столицею. Тогда-то выступили на сцену Московскіе бояре. Они съумѣли воспользоваться междоусобіями, возникшими въ Ордѣ, и исходатайствовали первенство своему молодому Князю у новаго Хана Мурута, который, послѣ многихъ кровопролитій, овладѣлъ Ордою. Получивъ его соизволеніе, они силою выгнали Князя Суздальскаго изъ Владимира, и даже послѣ, когда черезъ два года Мурутъ, оскорбленный ихъ сношеніями съ его соперникомъ, Авдуломъ, повелѣлъ возвратить Димитрію Константиновичу отнятый у него престолъ,

они осмѣлились презрѣть ханское повелѣніе, предприняли новый походъ на Владимиръ, выгнали опять прибывшаго туда Димитрія Константиновича, и утвердили Великое княженіе за своимъ Княземъ. Этого мало: они начали стѣснять удѣльныхъ Князей гораздо сильнѣе прежняго, присоединять къ Москвѣ ихъ города, принимать участіе въ ихъ распряхъ, звать на судъ въ Москву и тѣмъ пріучать къ подчиненности; однимъ словомъ, они утвердили Московскую политику, поставили ей цѣль, дали примѣры, коимъ Димитрій, возмужавъ, имѣлъ заслугу слѣдовать; а выстроивъ каменныя стѣны (1365) вокругъ города, показали ясно, что имѣютъ еще важнѣйшіе виды.

Удивительна исторія государствъ! Два-три способныхъ человѣка, согласныхъ между собою во благое время,—и они опредѣляютъ надолго народную судьбу. Кажется, какъ это просто, легко и обыкновенно, а между тѣмъ оно бываетъ рѣдкимъ явленіемъ, особеннымъ счастіемъ народовъ!

Кто же были эти бояре?

Мы не знаемъ ихъ вовсе. Лѣтописи молчатъ объ ихъ именахъ, приписывая всѣ дѣйствія Князьмъ:

„Князь Великій Дмитрей Іоанновичь.... и В. К. Дмитрей Константиновичь.... спершися межъ собою о Великомъ княженіи Московскомъ....“

„В. К. Дмитрей Ивановичь.... съ братомъ своимъ со Княземъ Иваномъ Ивановичемъ.... и со Княземъ Володимеромъ Андреевичемъ, собравъ воинства много.... поидоша на Князя Дмитрія Константиновича,“ и пр.

„Князь Великій же Дмитрей Ивановичь, вземъ волю свою надъ нимъ, возвратися въ Володимеръ. Такоже и

надъ Ростовскимъ Княземъ Константиномъ взя волю свою."

„Того же лѣта Князь Великій Дмитрей Ивановичь согна съ Галичскаго княженія Дмитрея Галичскаго."

„Того же лѣта Князь Великій Дмитрей Ивановичь согна съ Стародубскаго княженія Князя Ивана Өеодоровича Стародубскаго."

„Тогда вси Князи отъѣхаша въ Новъгородъ Нижній ко Князю Дмитрею Константиновичю, скорбяще о княженіяхъ своихъ" (1).

Карамзинъ видѣлъ, что малолѣтный Димитрій не могъ, естественно, предпринимать и совершить всѣхъ сихъ дѣйствій, и предположилъ участіе бояръ, но слегка, оставляя все еще слишкомъ много за Княземъ.

„*Дѣйствуя* по ихъ внушеніямъ, сей отрокъ *объявилъ себя* тогда соперникомъ Димитрія Суздальскаго...."

„Всѣ Бояре Московскіе, одушевленные ревностію, сѣли на коней, и выступили *подъ начальствомъ* трехъ юныхъ Князей: Димитрія Іоанновича, меньшаго брата его и Владиміра Андреевича...."

„Такимъ образомъ слабая рука двѣнадцати-лѣтняго отрока *взяла кормило* Государства, раздробленнаго, тѣснимаго извнѣ, возмущаемаго междоусобіями внутри....„

„Природа одарила внука Калитина важными достоинствами; но требовалось не мало времени для приведенія ихъ въ зрѣлость, и Государство успѣло бы между тѣмъ погибнуть, если бы Провидѣніе не даровало Димитрію пѣстуновъ и совѣтниковъ мудрыхъ, воспитавшихъ юнаго Князя и величіе Россіи" (2).

---

(1) Лѣтопись по Никон. сп. IV, 5. (2) Карамзинъ IV, 298 и сл.

„Димитрій Іоанновичь, удостоенный Великокняжескаго сана Мурутомъ, желая господствовать безопаснѣе, *искалъ* благосклонности и въ другомъ царѣ, Авдулѣ, сильномъ Мамаевою Ордою.,..“

„Гнѣвъ Царскій уже не казался гнѣвомъ Небеснымъ: юный внукъ Калитинъ осмѣлился презрѣть оный, выступилъ съ полками, чрезъ недѣлю *изгналъ* Димитрія Константиновича изъ Владимира, осадилъ его въ Суздалѣ, и въ доказательство великодушія позволилъ ему тамъ властвовать, какъ своему присяжному.“

„Мысль Великаго Князя или умныхъ Бояръ его, мало по малу искоренить систему Удѣловъ, оказалась ясно: онъ *выслалъ* Князей Стародубскаго и Галицкаго изъ ихъ наслѣдственныхъ городовъ, обязавъ Константина Ростовскаго быть въ точной и совершенной зависимости отъ Главы Россіи. Изумленные рѣшительною волею отрока господствовать единодержавно, вопреки обыкновенію древнему и закону отцевъ ихъ, онѝ жаловались, но повиновались: первые отъѣхали къ Князю Андрею Нижегородскому, а Константинъ въ Устюгъ“ (3).

Объ именахъ бояръ Карамзинъ не сказалъ ничего, что́ непремѣнно бы сдѣлалъ, если бы попалось ему хоть одно въ памятникахъ, столь тщательно и внимательно имъ прочтенныхъ и изученныхъ.

Вотъ и здѣсь, замѣчу мимоходомъ, отличіе Русской Исторіи отъ Исторіи Запада: тамъ на всякое дѣло есть по нѣскольку героевъ, истинныхъ и мнимыхъ, которые отбиваютъ его одни отъ другихъ. У насъ не найдешь часто ни одного. За самыя важныя дѣйствія не знаешь

(3) Тамъ же V, 7.

кого и благодарить, кромѣ Русскаго Бога. Кому, напримѣръ, принадлежитъ мысль уничтожить Мѣстничество? Кто написалъ Уложеніе? Кто сжегъ Москву? Кто были бояре, утвердившіе Московскую политику?....

Не станемъ, впрочемъ, увлекаться пристрастіемъ. Бояре Московскіе, кромѣ преданности Князьямъ своимъ, могли имѣть, и, вѣроятно, имѣли личные свои виды. „Старожилы Московскіе, какъ я замѣтилъ въ одной изъ прежнихъ своихъ статей: слуги Калиты и двухъ сыновей его, они подобно Москвѣ, теряли свою значительность, свои выгоды, съ восшествіемъ на престолъ Великаго Княжества инаго Князя, который, разумѣется, приводилъ съ собою своихъ собственныхъ бояръ. Разсчетъ ихъ былъ вѣренъ: во всякомъ случаѣ теряли они не много, безъ сравненія съ выигрышемъ“ (4). Нужды нѣтъ! Частные ихъ виды слились съ общими видами, и заботясь о себѣ, они оказали великую услугу Москвѣ, а съ ней и цѣлой Россіи. Мы обязаны имъ глубочайшею благодарностью.

Но кто же они такіе? Этотъ вопросъ мучилъ меня долго: мнѣ непремѣнно хотѣлось отыскать ихъ имена и украсить ими Исторію; но всѣ мои старанія оставались тщетными, и долго не находилъ я никакихъ средствъ исполнить свое желаніе.... Передамъ молодымъ ученымъ весь процессъ своей работы, въ доказательство, что въ разъисканіяхъ никогда не должно отчаяваться, и что непремѣнно найдешь то, чего будешь искать усердно.

Сначала я обратился къ лѣтописямъ и перечелъ всѣ извѣстія этого времени. О правителяхъ 1359—1364 гг.

---

(4) Историко-критическіе отрывки, (Книга), с. 142.

никакихъ поводовъ къ догадкамъ, никакихъ собственныхъ именъ, не нашлось.

Перечелъ Карамзина, не нашелъ также ничего, ни у Татищева, ни у Щербатова: бояре—да и только.

Случилось мнѣ справляться о чемъ-то съ духовными грамотами Московскихъ Князей. Читаю въ Симеоновой (наставленіе его братьямъ): „слушали бы есте отца нашего Владыки Олексѣя, такоже старыхъ Бояръ, хто хотѣлъ отцю нашему (т. е. Калитѣ) добра и намъ“ (5).

Грамота писана 1353 года; ясно, что въ 1359 году, въ годъ смерти отца Димитріева, оставались тѣ же лица, или по крайней мѣрѣ нѣсколько изъ тѣхъ, о которыхъ упоминалъ Симеонъ: вотъ было первое показаніе, мною полученное, показаніе впрочемъ, какъ видятъ читатели, неопредѣленное: въ малолѣтство Димитріево дѣйствовали нѣкоторые бояре Калитины и Симеоновы, что и быть иначе не могло, даже по естественному порядку вещей. Но, главное, это мѣсто обратило мое вниманіе вообще на духовныя грамоты. Я началъ перечитывать ихъ, и, къ величайшему удовольствію, прочелъ тотчасъ въ первой договорной Симеоновой, 1341 г., за двѣнадцать лѣтъ до его наставленія, слѣдующихъ свидѣтелей:

Василій Тысяцкій,
Михаилъ Александровичъ,
.... Васильевичъ,
Василій Окатьевичъ,
Онанья Окольничій,
Иванъ Михайловичъ.

---

(5) Соб. Гос. грам. I, 83.

Эти свидѣтели должны были, разумѣется, быть, разсуждалъ я, самыми близкими людьми. Они то вѣрно, по словамъ Симеона, служили и желали добра ему и его отцу.

Такимъ образомъ получилъ я нѣсколько именъ; но кому же принадлежали эти имена? Какъ опредѣлить ихъ? Любопытство мое не удовольствовалось, а возбудилось еще болѣе.—Не обращаясь пока къ другимъ грамотамъ, я, слѣдуя счастливому внушенію, принялся за Родословныя, надѣясь отыскать Василья по примѣтѣ Тысяцкаго, Ананью по окольничеству, а Окатія по странности имени, которое не могло встрѣчаться часто; и что же?

На первой страницѣ второй части нахожу—

Родъ Кутузовыхъ:

У Прокши сынъ былъ Александръ.

У Александра дѣти: Ѳедоръ Кутузъ, да Григорей Горбатой, да *Ананья.*

Не этотъ ли Ананья упомянутъ въ Симеоновой духовной! Я обратился къ своей подробной Родословной въ рукописи и прочелъ (6).

„Къ Великому Князю Александру Ярославичу Невскому пріѣхалъ изъ Нѣмецъ мужъ, именемъ Гавріилъ, а у Гаврила сынъ Андрей, а у Андрея сынъ Прокша, а у Прокши сынъ Александръ, а у Александра дѣти Ѳедоръ Кутузъ, да Григорей Горбатой, да Ананія.“

Теперь вопросъ: приходится ли время? Могъ ли Ананья подписаться подъ грамотою 1341 года? Я счелъ по поколѣніямъ: Александру Невскому соотвѣтствуетъ Гавріилъ;

(6) Листъ 135 на оборотѣ.

Сыну Александрову, Даніилу — сынъ Гавріиловъ, Андрей;

Сыну Даніилову, Ивану — сынъ Андреевъ, Прокша;

Сыну Иванову, Ивану—Прокшинъ сынъ, Александръ;

Сыну Иванову, Димитрію — Александровъ сынъ, Ананья, который могъ быть и гораздо старше его.

Второе доказательство: имени Ананья во всѣхъ родахъ не было ни одного кромѣ этого. (Другой Ананья принадлежитъ къ позднѣйшему времени.) — Слава Богу! Одно лице найдено.

Продолжаю читать Родословную. Въ главѣ 19 нахожу: „у Великаго Князя Ивана Даниловича былъ бояринъ Протасей, и въ Петровѣ житіи чудотворца написанъ.

У Протасья сынъ былъ одинъ Василей Протасьевичь.

У Василья 4 сына:

Василей Васильевичь, былъ Тысецкой.

Да Өедоръ Воронецъ,

Да Тимоөей Окольничей."

Нашлось второе лице!

Имени Окатья во всѣхъ родословныхъ не оказалось.

Прочія имена, какъ слишкомъ употребительныя, я оставилъ, потому что съ перваго взгляда можно было бы ошибиться въ приписаніи ихъ тѣмъ или другимъ лицамъ; и, довольный первою добычею изъ Родословныхъ, обратился опять къ Завѣщаніямъ, собралъ всѣхъ свидѣтелей изъ современныхъ грамотъ, и получилъ слѣдующій каталогъ: (означу имена числами по порядку, чтобъ удобнѣе и яснѣе можно было на нихъ указывать послѣ и ссылаться.)

Въ договорной грамотѣ Симеона.

1341.

1)Василій Тысяцкій,
2) Михаилъ Александровичъ,
3) .... Васильевичъ,
4) Василій Окатьевичъ,
5) Онанья Окольничій.
6) Иванъ Михайловичъ.

Въ завѣщаніи Симеона.

1353.

Указываются старые бояре, его и отцевы.

Въ договорной Димитрія съ братьями.

1371.

7) Тимоѳей Васильевичъ, Окольничій,
8) Иванъ Родіоновичъ,
9) Иванъ Ѳедоровичъ,
10) Ѳедоръ Андреевичъ.

Въ договорной Димитрія съ Свидригайломъ.

1371.

11) Димитрій Михайловичъ,
12) Иванъ Михайловичъ,
13) Димитрій Олександровичъ,
14) Иванъ Ѳедоровичъ.

Въ духовной Димитрія Донскаго.

1389.

15) Димитрій Михайловичъ,
16) Тимоѳей Васильевичъ,
17) Иванъ Родіоновичъ,

18) Семенъ Васильевичь,
19) Иванъ Өедоровичь,
20) Александръ Андреевичь,
21) Өедоръ Андреевичь,
22) Өедоръ Андреевичь,
23) Иванъ Өедоровичь,
24) Иванъ Андреевичь.

Въ первой духовной Василія Димитріевича.

1406.

Князь Юрій Патрикѣевичь,
25) Константинъ Дмитріевичь,
26) Димитрій Аөинѣевичь,
27) Иванъ Димитріевичь,
28) Володимеръ......
29) Иванъ Өедоровичь,
30) Өедоръ Өедоровичь.

Во второй духовной Василія Димитріевича.

1423.

Князь Юрій Патрикѣевичь,
31) Иванъ Димитріевичь,
32) Михайло Ондреевичь,
33) Иванъ Өедоровичь,
34) Өедоръ Ивановичь.

Въ третьей духовной Василія Димитріевича.

1424.

Князь Юрій Патрикѣевичь,
35) Иванъ Димитріевичь,
36) Михайло Андреевичь,
37) Иванъ Өедоровичь,
38) Михаилъ Өедоровичь,
39) Өедоръ Ивановичь.

Когда я увидѣлъ всѣ эти имена рядомъ, то получилъ тотчасъ надежду на успѣхъ; концы нитей были у меня въ рукахъ: это имена Θедора, Родіона, Димитрія Михайловича и Ивана Дмитріевича. Иванъ *Родіоновичъ* долженъ быть непремѣнно сынъ того Родіона, который пришелъ къ Калитѣ изъ Кіева съ цѣлою свитою, и играетъ значительную роль въ другихъ моихъ изслѣдованіяхъ. Однимъ Θедоромъ долженъ быть непремѣнно тотъ знаменитый *Θедоръ* Кошка, на котораго указывалъ Эдигей въ грамотѣ Василію Димитріевичу. *Димитрій Михайловичъ* долженъ быть тотъ Волынскій пришлецъ, который участвовалъ въ Куликовской битвѣ. *Иванъ Димитріевичъ*—знаменитый бояринъ, доставившій престолъ Темному.

Съ этими данными легко уже было бы обратиться къ Родословнымъ, и отыскать родство большей части упомянутыхъ лицъ; но мнѣ не хотѣлось разстаться такъ скоро съ своимъ исканіемъ, подобно тѣмъ Нѣмцамъ, которые не хотѣли братъ города, кажется Варны, потому что не успѣли еще подвести подъ него всѣхъ подкоповъ. Притомъ, я сдѣлался взыскательнѣе, и, pour faire durer le plaisir, рѣшился искать не доказательствъ въ Родословныхъ, а только подтвержденій.

Начнемъ пытать имена, какъ Г. Григорьевъ пыталъ Арабскія монеты: не получимъ ли мы еще сколько нибудь данныхъ, при коихъ намъ будетъ безопаснѣе справляться съ Родословными.

Разсматривая эти имена, мы видимъ, что въ продолженіе цѣлаго столѣтія дѣйствовали одни и тѣ же роды, какъ бы наслѣдственно, дѣды, отцы и внуки.

Василій Тысяцкій (1) и Тимоѳей Васильевичь, Окольничій (7, 16), вѣрно братья. Послѣдній могъ

быть однимъ лицемъ и съ Васильевичемъ (3), котораго имя стерто.

Семенъ Васильевичъ (18) могъ быть сыномъ Василья Тысяцкаго (1) или Василья Окатьевича (4).

Михаилъ (2) и Дмитрій (13) Александровичи братья. У перваго: Иванъ (6, 12) и Димитрій (11, 15) Михайловичи. Сыновья Димитрія: Константинъ Димитріевичъ (25), Иванъ Димитріевичъ могъ быть и сыномъ Димитрія Аѳинѣевича (26).

Ѳедоръ (10, 21), Александръ (20), Иванъ (23), Михаилъ (32, 38) Андреевичи, братья. У Ѳедора: Иванъ (22, 29, 33), Ѳедоръ (30) и Михайло (38) Ѳедоровичи. У Ивана Ѳедоръ (34, 39).

Иванъ же Ѳедоровичъ (9, 4, 19) долженъ быть другое лице съ Иваномъ Ѳедоровичемъ (23, 29, 33) и пр., ибо иначе онъ не могъ въ грамотѣ 1371 года стоять выше отца, да и въ грамотѣ 1389 года мы видимъ ихъ вмѣстѣ, т. е. Ивана Ѳедоровича, который былъ выше Ѳедора Андреевича, и Ивана Ѳедоровича, сына Ѳедора Андреевича.

Это догадки и предположенія о родствѣ и происхожденіи. Теперь о времени жизни упомянутыхъ лицъ.

Василій Тысяцкій былъ уже по крайней мѣрѣ въ пожилыхъ лѣтахъ въ 1341, жилъ, вѣроятно, въ 1353 году, и можетъ быть въ 1363 и далѣе.

Михаилъ Александровичъ также.
Иванъ Ѳедоровичъ въ 1371, 1389.
Ѳедоръ Андреевичъ въ 1371, 1389.
Иванъ Ѳедоровичъ въ 1389, 1406, 1423, 1424.
Ѳедоръ Андреевичъ въ 1389.
Иванъ Андреевичъ въ 1389, 1424.
Михаилъ Андреевичъ въ 1423, 1424.

Александръ Андреевичь долженъ быть старшимъ братомъ Өедору Андреевичу первому; Иванъ и Михаилъ Андреевичи должны быть братьями Өедору Андреевичу второму, а не первому, потому что Иванъ появляется послѣ него черезъ 20 лѣтъ, а Михаилъ почти черезъ 50.

Въ грамотѣ 1434 года Андреевичи должны принадлежать къ разнымъ родамъ, потому что лицамъ одного рода не прилично бы было быть свидѣтелями княжеской духовной.

Послѣднее заключеніе: лица 1389 года могли дѣйствовать по теченію времени, очень естественно, и въ 1359 году, бывъ тогда въ лѣтахъ мужества, то есть семидесяти-лѣтніе имѣя по 40, шестидесяти-лѣтніе по 30 лѣтъ. А съ другой стороны, старые бояре 1353 года могли дожить до 1359. Впрочемъ, могли быть и такіе, которые отъ перваго года Калитина дожили до первыхъ лѣтъ Василія.

Теперь примемся за Родословныя, и прежде всего къ знакомымъ (с. 149): Өедору Кошкѣ, Ивану Родіоновичу, Димитрію Михайловичу, Ивану Димитріевичу, чтобъ порасчистить списокъ, отобрать извѣстныя лица съ ихъ дѣтьми, и тѣмъ облегчить разъисканіе объ остальныхъ.

„У Андрея Кобылы (7) пять сыновъ: Семенъ Жеребецъ, *Александръ* Елко, Василій Ивантей, Гаврило Гавша, *Өедоръ* Кошка.

У пятаго Андреева сына Кобылы, у Өедора Кошки, четыре сына: *Иванъ* да *Өедоръ* Голтяй, да Александръ Беззубецъ, да *Михайло* Дурной.

У Ивана *Өедоръ* Брехъ....“

И такъ найдены:

---

(7) Родословная книга, Ч. II, с. 93.

Александръ Андреевичь (20),
Өедоръ Андреевичь (21),
Иванъ Өедоровичь (22),
Өедоръ Өедоровичь Голтяй (30),
Михайло Өедоровичь (38),
Өедоръ Ивановичь (39).

Иванъ же и Михаилъ Андреевичи должны принадлежать къ другому, неизвѣстному пока, роду, какъ думалъ я и прежде.

Провѣримъ исторіей время ихъ подписей, потому что о Өедорѣ Кошкѣ мы имѣемъ готовое показаніе въ грамотѣ Эдигеевой, 1410 года. Тамъ сказано:

„Добры нравы и добра дума и добрая дѣла были ко Ордѣ отъ Өедора (8), добрый былъ человѣкъ. Которыя добрыя дѣла ордынскія той тебѣ воспоминалъ. И то ся минуло, и нынѣ у тебя сынъ его Иванъ, казначей твой, и любовникъ, и старѣйшина, и ты нынѣ изъ того слова и изъ тои думы не выступаешь, и отъ того думы учинилася твоему улусу пакость и христіяне изгибли, и тыбъ опять тако не дѣялъ, а молодыхъ не слушалъ, а собралъ бы еси старѣйшихъ своихъ бояръ," и проч. (9)

И такъ по этой грамотѣ мы видимъ, что въ 1410 году Өедора Кошки не было въ живыхъ, но что при началѣ Василіева княженія онъ жилъ. Точно то же мы видѣли и въ хронологическомъ нашемъ заключеніи: Өедоръ подписалъ духовную грамоту Донскаго, 1389 года, а въ духовной Василіевой, 1406, его имени уже нѣтъ. Иванъ же Өедоровичь бывшій главнымъ совѣтникомъ въ 1410 году, могъ, естественно, подписаться

(8) У Карамзина (V, 201), вѣроятно по Рост. Лѣт., Кошка.
(9) Лѣт. по Никон. сп VI, с. 26 и сл.

подлѣ стараго своего отца въ 1389, быть главнымъ дѣйствуюшимъ лицемъ послѣ его смерти и дожить до 1424 г., имѣя уже сына слишкомъ 30 лѣтъ.

Съ котораго же времени Өедоръ Кошка сдѣлался дѣйствующимъ лицемъ?

Вѣроятно, съ самаго начала Димитріева княженія, ибо подпись его находимъ въ договорной грамотѣ 1371 года, а при смерти Донскаго, 1389 г., онъ былъ уже старъ. Вѣроятно, къ нему же относятся слова изъ духовной Донскаго: „А что вытягалъ бояринъ мой Федоръ Андреевичь на обчемъ рѣтѣ (?) товъ (?) и Медынь у Смолнянъ, а то сыну моему князю Андрѣю" (10).

И вотъ къ прежнимъ двумъ лицамъ найдены еще шесть.

Теперь о *Родіонѣ*.

Въ Архив. Ростов. Лѣт., л. 310 и 312 (11): „того же лѣта (1332) по званію Великаго Князя Іоанна пріиде къ нему нѣкто отъ Кіевскихъ благоплеменныхъ вельможъ служити, Родіонъ Несторовичь, а съ нимъ сынъ его Иванъ, и съ нимъ же Княжата и Дѣти Боярскія и двора его до тысящи и до семи сотъ. Князь же великій пріятъ его съ радостію, даде ему Болярство на Москвѣ и устави ему надо всѣми большинство."

И такъ Иванъ Родіоновичь, пришедшій съ отцемъ въ 1332 г., подписавшій договорную Донскаго въ 1371, и духовную въ 1389, дѣйствовалъ, безъ сомнѣнія, въ 1359 г. Девятое дознанное лице.

Димитрій Михайловичь. „Пришелъ изъ Волынскіе земли къ Великому Князю Дмитрею Ивановичу служити,

(10) Собор. Государ. грам I, 59.

и Князь Великій далъ за него сестру свою Княжну Анну.

У Димитрія Михайловича два сына: Борисъ да Давидъ" (11).

Если Димитрій Михайловичь *пришелъ* къ Донскому, то онъ не могъ дѣйствовать въ его малолѣтствѣ, и не былъ сыномъ Михаила Александровича. Ему принадлежатъ только подписи 1371 и 1389: Десятое лицо, (11, 15).

Константинъ же Димитріевичь не былъ ли сыномъ Димитрія Александровича, племянникомъ Михаилу Александровичу и двоюроднымъ братомъ Ивану Михайловичу?

Объ Иванѣ Димитріевичѣ, знаменитомъ благодѣтелѣ и врагѣ Темнаго, я не сталъ пока справляться, ибо онъ могъ быть сыномъ Димитрія Аѳинѣевича и Димитрія Александровича, только не Димитрія Михайловича, котораго дѣти, по родословной, были Борисъ и Давидъ.

Мнѣ казалось легче опредѣлить сперва втораго Ѳеодора Андреевича (22) и вѣроятныхъ его братьевъ, Ивана и Михаила, (24, 32). Не Свибловъ ли онъ (подумалъ я), о которомъ такъ часто упоминается въ грамотахъ Василія?

Въ первой духовной 1406 г.: „А што мой промыслъ, а то даю Княгинѣ же своей: Ухтюшку куплю, свою, да Фоминскіе села Дьяконовы, да Федоровские села *Свибловские* на Устюзѣ, и въ Отводномъ, и на Сямъ, и въ Ростовѣ, и въ Бѣжицскомъ версѣ Максимовское съ деревнями, и въ Переяславлѣ Весьское, и съ Родивоновскимъ, и со всѣми деревнями, и на Москвѣ село Буиловское и съ Олексѣевьскою деревнею, да село

(11) Карамз. IV, пр. 524. (12) Родос. II, с. 85.

Тимофѣевское на Яузѣ, и въ Юрьевѣ Чагино, да Совельевское, да Иворово, да Карабузино, а въ Новѣгородѣ Непеицино, и всѣ села *Федоровские Свибловские* со всѣмъ, што къ нимъ потягло.

„А кто холоповъ моихъ купленыхъ, или што есть у Федора у *Свибла* отоималъ, тѣхъ всѣхъ пущаю на свободу" (13).

Во второй, 1423 г.: „Княгинѣ моей сельце Федоровьское Свиблово на Яузѣ и съ мельницею.... да на Вологдѣ.... да Федоровскіе села *Свибловы*.... да на Устюзѣ даю ей Федоровскіе деревни *Свибловы*."

Также и въ третьей, 1424 года.

Легко было искать въ Родословныхъ родъ Свибловыхъ.

Вотъ онъ, какъ тутъ, и съ братьями Михаиломъ и Иваномъ.

Родъ Свибловыхъ. „Изъ Нѣмецъ пришелъ Радша. А у Радши сынъ Якунъ. А у Якуна сынъ Алекса. А у Алексы сынъ Гаврило Алексичь. А у Гаврилы... да Акинѳъ. У Акинѳа Иванъ да Ѳедоръ. А у Ивана.... Андрей. А у Андрея Ивановича 8 сыновъ: *Ѳедоръ* Свибло, да *Иванъ* Хромой, да Александръ Остей, да Иванъ Бутуря, да Андрей Слизень, да *Ѳедоръ* Корова, да Иванъ *Зеленой*, да *Михайло*" (14).

И такъ найденъ второй Ѳедоръ Андреевичь, 1389 года, (22), Иванъ Андреевичь 1389, (24), Михаилъ Андреевичь 1423, 1424 (32, 36).

Разсматривая найденныя лица, что́ мы замѣчаемъ? Что они происходятъ отъ чужестранцевъ, пришедшихъ слу-

---

(13) Собр. Госуд. грам. I. 73. (14) Ч. I, гл. 17, с. 309.

жить молодой Москвѣ: отъ Андрея Кобылы, отъ Радши, отъ Гавріила, отъ Ивана Квашни.

Вѣрно, и прочія подписи, подумалъ я, принадлежатъ остальнымъ пришельцамъ времени Невскаго и Калиты, которые составили первый Московскій Дворъ, или первую свиту Московскихъ Князей: рода Мурзы Чета, Михаила Прушенина, Князя Александра Глѣбовича....

Такъ и есть: „въ лѣто 6838 (1330) пріѣхалъ изъ Большія Орды къ Великому Князю Ивану Даниловичу Калитѣ Князь, именемъ Четъ, а во крещеніи имя ему Захарія, а у Захарія сынъ Александръ, а у Александра сынъ *Димитрій* Зерно, а у Димитрія Зерна три сына: *Иванъ* да *Константинъ* Шея, іздѣтенъ, да Димитрій" (15).

И такъ Димитрій Александровичь и сыновья его Константинъ и Иванъ Димитріевичи найдены. Одно сомнѣніе: почему въ духовной 1406 года Константинъ стоитъ выше Ивана, а въ родословныхъ наоборотъ. (Иванъ Димитріевичь могъ быть и сыномъ Димитрія Аѳинѣевича.)

Впрочемъ это удовольствіе продолжалось недолго: и родъ Смоленскаго Князя Александра Глѣбовича, пришедшаго въ XIV вѣкѣ, представилъ подобныя имена: У Александра сынъ Димитрій; у Димитрія сынъ Иванъ (16).

Иванъ Ѳедоровичь могъ быть сыномъ Ѳедора Воронца, брата Василью Тысяцкому, или сыномъ Ѳедора Кутуза и племянникомъ Ананьи.

Васильевичь былъ или Тимоѳей Окольничій, который подписался въ грамотѣ 1371 года, или третій братъ ихъ, или сынъ боярина Василья Кочевы, который при

(15) Рукоп. род., л. 107. (16) Тамъ же л. 146.

Калитѣ поступалъ слишкомъ самовластно въ Ростовской Области, отъ чего отецъ Преподобнаго Сергія удалился въ Радонежъ, какъ значится въ его житіи (17). Его же сынъ могъ быть и Семенъ Васильевичь, грамоты 1389 года. Но имени его въ извѣстныхъ мнѣ Родословныхъ нѣтъ, т. е. нѣтъ такого, которое пришлось бы къ данному времени.

Димитрій Аѳинѣевичь, котораго, не смотря на то, что онъ такъ замѣчателенъ по имени, не нашелъ я въ Родословныхъ, сколько разъ ихъ ни пересматривалъ, былъ сынъ Аѳинея, о которомъ есть извѣстіе въ грамотѣ Калиты: „А сельца на Масѣ, что есьмь купилъ у Аѳинѣя, то даю сыну своему Ивану“ (18).

Такъ, одно за другимъ нашлись почти всѣ имена бояръ Димитріева малолѣтства.

Изъ всѣхъ грамотъ остаются совершено неизвѣстными Михаилъ Александровичь съ сыномъ Иваномъ Михайловичемъ и Василій Окатьевичь, котораго я надѣялся было скоро найдти по замѣтности имени, но напрасно....

Кончивъ разысканія по грамотамъ и родословнымъ, я обратился къ лѣтописямъ, уже совершенно успокоенный, въ надеждѣ, не найду ли какихъ біографическихъ подробностей о найденныхъ лицахъ, или подтвержденія предложеннымъ догадкамъ.

Прочесть надо было, для полноты, все XIV столѣтіе и половину XV-го, отъ Даніила, отца Калитина, до средины Темнаго. Я началъ съ Никоновскаго сборника.

---

(17) Кар. IV, прим. 303. (18) Собраніе Гос. грамотъ I, с. 35. Этотъ Димитрій Аѳинѣевичь въ 1406 г. долженъ быть очень старъ, если прежде 1328 у отца его покупалъ села Калита.

1304. „На Костромѣ бысть вече на бояръ, на Давыда Давыдовича, да на Жеребца, и на иныхъ, и убиша тогда Зерна и Александра“ (19).

Этотъ Жеребецъ былъ, разумѣется, не сынъ Андрея Кобылы, который пришелъ къ Калитѣ; также Зерно не могъ быть внукомъ Мурзы Четы. Прозвища одинакія у разныхъ лицъ, встрѣчаются въ то время нерѣдко. Александръ могъ быть отцомъ того Михаила Александровича, котораго мы не нашли.

„Пріиде на него изгономъ (на Георгія Даниловича Московскаго) подъ Переславль бояринъ Тверскій Акинѳъ,... иже былъ той бояринъ Акинѳъ преже сего князя Андрея Александровича Городецкаго,... и бишася зело крѣпко, и поможе Богъ В. К. Ивану Даниловичу, и убіенъ бысть тутъ подъ Переславлемъ Акинѳъ, и зять его Давыдъ.... да дѣти Акинѳовы, Иванъ да Ѳедоръ, въ малѣ убѣжаша во Тверь“ (20).

Этотъ Иванъ дѣдъ Ѳедора Свибла, намъ извѣстнаго.

1325. Въ житіи Св. Петра Митрополита сказано: „Яко убо позна свое, еже изъ міра, исхоженіе и часъ увиде, призываетъ нѣкоего именемъ Протасія, его же бѣ Князь старѣйшину града поставилъ, князю убо тогда же прилучшуся во градѣ. Бѣ же Протасей онъ мужъ честенъ и вѣренъ, и всякими добрыми дѣлы украшенъ“ (21).

Это дѣдъ Василья Тысяцкаго и Тимоѳея окольничаго.

1337. „Отъѣхаша бояре мнози отъ князя Александра Михаиловича Тверскаго на Москву къ В. К. Ивану Даниловичу“ (22).

---

(19) Лѣт. по Никон. сп.III, 102. (20) Тамъ же. (21) с. 136. (22) с. 164

Между ними воротились, вѣроятно, Акинѳовы дѣти и внуки.

1338. „К. В. Иванъ Даниловичь послалъ свою рать.... къ Смоленску.... а воеводы его Александръ Ивановъ, Ѳедоръ Акинѳовичь" (23).

Александръ могъ также быть отцомъ искомому Михаилу Александровичу, а Ѳеодоръ Акинѳовичь дѣдъ двоюродный Свиблу

1346. „К. В. Семенъ Ивановичь.... женился въ трети: взялъ за себя Княжну Марью дщерь В. К. Александра Михаиловича Тверскаго; а ѣздилъ по нее во Тверь Андрей Кобыла да Алексѣй Босоволоковъ" (24).

Андрей Кобыла отецъ Ѳеодора Андреевича Кошки и дѣдъ Ивана Ѳедоровича. Это прекрасное подтвержденіе къ сказанному выше, на стр. 151.

1355. „На Москвѣ въ нощи, егда завтреню благовѣстятъ, убіенъ бысть Тысяцкій Московскій Алексѣй Петровичь (25).... И бысть мятежъ велій на Москвѣ того ради убійства. И тако тоеже зимы по послѣднемъ пути большіи бояре Московстіи отъѣхаша на Рязань съ женами и съ дѣтьми" (26).

1357. "К. В. Иванъ Ивановичь.... перезва къ себѣ паки дву бояриновъ своихъ, иже отъѣхали были отъ него на Рязань, Михайло и зять его Василей Васильевичь" (27).

Вотъ нашъ искомый Михайло́ (2), и вѣроятно сосѣдъ его.... Васильевичь, если это отчество не принадлежитъ

---

(23) с. 170. (24) с. 186 (25) Это извѣстіе затрудняетъ меня въ другомъ отношеніи. Если подъ грамотою 1341 г. подписался Василій Тысяцкій, то какъже въ 1353 году былъ Тысяцкимъ Алексѣй Петровичь? Развѣ тотъ оставилъ свое званіе? (26) Лѣт. по Никон. сп. III, 207. (27) с. 210.

Тимоѳею Васильевичу, Окольничему. Но все таки мы не узнаемъ, къ какому роду онъ принадлежалъ, что̀ для насъ нужно.

1371. „Дмитрей Ивановичь посла рать на Рязань.... а воевода Князь Дмитрей Михайловичь Волынскій“ (28).

1373. „На Москвѣ преставися послѣдней тысяцкой Василей Васильевъ, сынъ Вельяминовича“ (29).

Слѣдовательно, у Протасья былъ сынъ Вельяминъ, пропущенный въ родословныхъ, а у Вельямина Василій. Или Вельяминовича есть ошибка, вмѣсто Протасьевича.

Въ этомъ извѣстіи мы получаемъ свидѣтельство, что Василій Тысяцкій дѣйствовалъ въ малолѣтство Димитріево,

1374. „О великомъ заговѣньи побѣжалъ съ Москвы во Тверь Иванъ Васильевъ, сынъ Тысяцкаго, внукъ Васильевъ, правнукъ Вельяминовъ, да съ нимъ Некоматъ Сурожанинъ со многою лжею и лстивыми словесы къ В. К. Михаилу Александровичу Тверскому“ (30).

Подтвержденіе, что Родословныя пропустили Вельямина.

1376. „К. В. Дмитрей Ивановичь.... посла (на Мордву) свою рать, а съ ними воеводу Федора Андрѣевича Свибла“ (31).

Важное для насъ извѣстіе, подтверждающее сказанное на стр. 154.

Въ житіи Св. Алексѣя Митрополита повтореніе извѣстія объ Акинѳѣ, съ дополненіемъ, что онъ: „до смерти служилъ господину своему князю Андрею Александровичю Городецкому, и по преставленіи его отъиде во Тверь служити князю Михаилу Ярославичю„ (32).

---

(28) IV, с. 31. (29) с. 39. (30) с. 41. (31) с. 54. (32) с. 55.

Тамъ же: „Бысть Стефанъ игуменъ Богоявленскій (братъ Сергіевъ), духовникъ В. К. Семену.... такожъ Василью Тысяцкому, и Феодору брату его, и прочимъ бояромъ старѣйшимъ“ (33).

Вѣроятно, что этотъ братъ былъ отцомъ Ивана Феодоровича (9).

Въ повѣсти о попѣ Митяѣ: „А се бояре В. К. Юрьи Васильевичь Кочевинъ Олешинскій, то есть большій бояринъ, тойже и посолъ В. К., тоиму старѣйшинство приказано (34).

1368. „Того же лѣта пойде изъ Орды Иванъ Васильевичь Тысяцкій, и оболстивше его... изымаша его въ Серпуховѣ, и приведоша его на Москву. И... убіенъ бысть... мечемъ потятъ бысть на Кучковѣ полѣ у града Москвы, повелѣніемъ В. К. Дмитрея Ивановича. И бѣ множество народа стояще, и мнози прослезишась о немъ, и опечалишась о благородствѣ его и о величествѣ его...“ (35).

1372. „А на Москвѣ воеводу своего остави у отца своего Кипріяна Митрополита всеа Русіи, и у жены своей у Великія Княгини Евдокѣи, и у сыновъ своихъ у Василья и у Юрья, Феодора Андрѣевича.“

1379. „Предовой же полкъ уряди *Дмитрея Всеволожа*, да Володимера Всеволожа; Коломенскаго же полку воевода Микула Васильевичь, Владимирскійжъ и Юрьевскій воевода Тимофей Валуевичь, Костромскійжъ воевода *Иванъ Родіоновичь*, Переславскійжъ воевода Андрѣй Серкизовичь.“

„Пріиде къ нему (въ Коломнѣ) великій его воевода *Тимофей Васильевичь* Тысяцкаго, внукъ Васильевъ,

(33) с. 58. (34) с. 74. (35) с. 84.

правнукъ Веньяминовъ со многими воинствы, и что были остались на Москвѣ" (36).

Это лице намъ извѣстное (сравни выше на с. 149).

1380. „Бысть же со Князи Литовскими воевода нарочитъ и полководецъ изященъ и удалъ зело, именемъ *Дмитрей* Бобороковъ, родомъ земли Волынскіе, его же знаяху вси и бояхусь мужества его ради" (37).

Мы не станемъ выписывать всѣхъ мѣстъ объ его дѣйствіяхъ въ Куликовской битвѣ, слишкомъ извѣстныхъ.

„На томъ побоищѣ убіенижъ быша нарочитые и велицые и удалые зело, ихъ же имена суть сія... Микула Васильевичь Тысяцкаго, Михайло и Иванъ Акинфовичи, Иванъ Александровичь,.... Тимоѳей Васильевичь, *Волуй Окатьевичь* (вѣроятно братъ подписавшаго грамоту 1341 года), Михайло (Андреевичь) Бренко" (любимый наперсникъ) (38).

„И глагола *Михалко Александровичь,* Московскій бояринъ."

1382. „Ѳедоръ Тимоѳеевичь убіенъ быть отъ своего лукаваго раба" (39).

1383. „К. В. Дмитрей Ивановичь посла бояръ своихъ къ великому Новогороду *Ѳеодра Свибла*, Ивана Уда, Александра Бѣлеута, чернаго бору брати" (40).

1388. „Родись В. К. Дмитрею Ивановичу сынъ Константинъ, и крести его Князь Василій Дмитреевичь, братъ его старѣй, да Марья Василья Тысяцкого" (41).

---

(36) с. 102. (37) с. 107. (38) с. 121. (39) с. 139. (40) с. 145. (41) с. 184. Упоминаются еще бояре и не бояре: 1328, Лука Протасьевъ; 1351, Дементій Давыдовичь да Юрій Воробьевъ; 1367, воевода Димитрій Миничь; 1374, Костромскій воевода Плещеевъ; 1377, Димитріи Монастыревъ да Назаръ Даниловъ, сынъ Кусаковъ; 1379, Родіонъ

1388. В. К. Димитрій умирая „рече жъ и къ бояромъ своимъ: вы жъ вѣсте обычаи и нравы моя, предъ вами бо родихся и возрастохъ, и съ вами царствовахъ, отчину свою великое свое княженіе 20 и 7 лѣтъ, а отъ рожения ми 40 лѣтъ, съ вами на многи страны множествовахъ, вами въ бранѣхъ страшенъ быхъ, и Божіею помощію низложихъ враги своя и покорихъ подъ себе; съ вами великое княженіе велми укрѣпихъ, и миръ и тишину княженію своему сотворихъ, и державу отчины своея соблюдохъ, великужъ честь и любовь свою къ вамъ имѣхъ, и подъ вами городы держахъ и великія власти“... (42).

Драгоцѣнное для насъ извѣстіе, безпрекословно подтверждающее вѣроятное предположеніе наше, что свидѣтели духовной Донскаго были правители государства во время его малолѣтства, вмѣстѣ съ нѣкоторыми старцами, оставшимися отъ временъ Калиты. Они же слѣдовательно правили государствомъ и во время малолѣтства сына Димитріева Василія (43), *и имѣли случай довершить свои благодѣянія отечеству.*

Карамзинъ говоритъ: „Великій Князь, едва вступивъ въ лѣта юношества, могъ править Государствомъ только съ помощію совѣта; окруженный усердными боярами и сподвижниками Донскаго, онъ заимствовалъ отъ нихъ сію осторожность въ дѣлахъ государственныхъ, которая ознаменовала его тридцатишестилѣтнее княженіе, и которая бываетъ свойствомъ Аристократіи, движимой

Ржевскій, Андрей Волосатый, Василій Тупикъ, Климентъ Полѣнинъ, Иванъ Святославъ, Григорій Судокъ; 1380, Семенъ Михайловичь, Андрей Шуба, Андрей Серкизовъ, Тимоѳей Васильевичь (не братъ Тысяцкаго, а другой, если не ошибка), Левъ Мазыревъ, Тарасъ Шатневъ, Семенъ Меликъ (42) Лѣтоп. по Ник. сп. IV, 187. (43) Онъ остался 15 лѣтъ.

болѣе заботливыми предвидѣніями ума, нежели смѣлыми внушеніями великодушія, равно удаленной отъ слабости и пылкихъ страстей. Опасаясь правъ дяди Васильева, Князя Владимира Андреевича, основанныхъ на старѣйшинствѣ и на славѣ воинскихъ подвиговъ, господствующіе бояре стѣснили, кажется, его власть, и не хотѣли дать ему надлежащаго участія въ правленіи“ (44).

Важнѣйшія дѣйствія по ихъ совѣтамъ были: совершеніе брака Василія съ дочерью Литовскаго Князя Витовта, въ надеждѣ охранить Москву отъ Литвы; путешествіе Василія въ Орду къ Тохтамышу, который не только утвердилъ его В. Княземъ, предоставилъ ему Княжество Нижегородское, но и далъ Городецъ, Мещеру, Тарусу, Муромъ; война съ Новгородомъ и торжественная казнь Торжковскихъ гражданъ. „Василій,“ говоритъ Карамзинъ, „еще не имѣлъ и двадцати лѣтъ отъ рожденія: дѣйствуя въ семъ случаѣ, равно какъ и въ другихъ, по совѣту Бояръ, онъ хотѣлъ страхомъ возвысить достоинство Великокняжеское, которое упало вмѣстѣ съ Государствомъ отъ разновластія“ (45).

Прослѣдимъ по лѣтописи княженіе Василія, и поищемъ показаній для дополненія найденныхъ.

1389. „Тояже весны, въ великое говѣніе преставися рабъ Божій *Иванъ Родіоновичь Квашня*, нареченъ бысть къ иноческому чину Игнатей, и положенъ бысть въ монастырь святаго Спаса на Всходнѣ“ (46).

1390. „Тогожъ лѣта женилъ К. В. Михайло Александровичь Тверскій сына своего на Москвѣ, *у Ѳеодора у Кошки* Ондрѣева сына у Собакина.“ (47).

---

(44) Карамз. V, 125. (45) Тамъ же, стр. 135. (46) Лѣт. по Ников. сп. IV, 194. (47) с. 202.

1433... „Поясъ златъ о свадбѣ В. К. Дмитрія Ивановича подмѣнилъ Василей Тысяцкій, Князю Великому далъ меншой, а тотъ далъ сыну своему Микулѣ, а за Микулою была тогоже Князя Дмитрія Костянтиновича Суздалскаго дочь его большая Марья; и Микула поясъ далъ въ приданые же Ивану Дмитріевичю, а Иванъ Дмитріевичь далъево за своею дочерью Князю Андрею Володимеровичю. Потомъ же по смертіи Княже Андреявеи, по ординскомъ приходѣ Иванъ Дмитріевичь Княжну Андрѣеву дщерь, а свою внуку, обручалъ за Князя Василья Юрьевича, и тотъ поясъ далъ ему, и на свадбѣ В. Князя Василья Васильевича бывъ Княгиня же Великая Соѳья съ него тогды сняла" (48).

Послѣ Никоновскаго сборника пересмотрѣлъ я Софійскій временникъ, лѣтописи и Карамзина. Лишняго нигдѣ ничего не нашлось, кромѣ именъ изъ лѣтописи (?) у Карамзина (49) девяти бояръ, коимъ Донской поручилъ своего сына: Димитрій Михайловичь, Тимоѳей Васильевичь, *Димитрій Константиновичь*, Симеонъ Іоанновичь, Іоаннъ Ѳедоровичь, *Никита* Ѳеодоровичь, Ѳедоръ Андреевичь, Іоаннъ Ѳедоровичь *Квашнинъ*. Этотъ списокъ кажется мнѣ подозрительнымъ въ сравненіи съ свидѣтелями Димитріева завѣщанія, а лишнихъ именъ (вмѣсто недостающихъ), отмѣченныхъ у Карамзина курсивомъ, въ родословныхъ не встрѣчается. Ивана Ѳедоровича Квашни и не бывало. Въ Ростовской лѣтописи, долженъ я однакожь замѣтить, судя по выпискамъ Карамзина, въ числѣ бояръ старыхъ, держать которыхъ при себѣ совѣтуетъ Василію Эдигей, встрѣчаются: Илія Ивановичь, Петръ *Константиновичь*, Иванъ *Никитичь* (50).

---

(48) Ч. V, 112. (49) Карамз. V, пр. 118. (50) Кар. V, с. 201, пр. 209.

Тѣмъ заключились мои поиски! Сображая всѣ данныя, полученныя изъ грамотъ, книгъ и таблицъ родословныхъ, лѣтописей и Карамзина, представимъ теперь списокъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ во время малолѣтства Димитріева и Васильева, стяжавшихъ своими заслугами вѣчную славу въ исторіи отечества, и присоединимъ къ ихъ голымъ именамъ показанія о родахъ, отъ нихъ произшедшихъ, по которымъ они и представятся яснѣе въ нашемъ воображеніи.

1. *Василій Васильевичъ*, Тысяцкій, потомокъ Варяга Шимона, внукъ боярина Калитина Протасія, родоначальника Вельяминовыхъ, Воронцовыхъ, Щедриныхъ; Соловцовыхъ, Башмаковыхъ, Оксаковыхъ, Облѣзовыхъ, Исленьевыхъ, и проч. Онъ былъ первымъ свидѣтелемъ духовной Симеоновой, 1341 г., имѣлъ духовника одного (брата Сергіева) съ Великимъ Княземъ, присутствовалъ на свадьбѣ у Димитрія Ивановича, 1365 года. Сынъ его женатъ былъ на сестрѣ супруги Донскаго. Скончался въ 1373 году, въ Москвѣ.

2. Братъ его *Тимоѳей Васильевичъ*. Подписался свидѣтелемъ въ договорной Димитрія, 1371 г., принималъ дѣятельное участіе въ Куликовской битвѣ, подписался подъ духовною Донскаго, 1389 г.,

3. *Иванъ Родіоновичъ Квашня*, сынъ Родіона Несторовича, пришедшаго въ 1330 году къ Калитѣ изъ Кіева, родоначальникъ Квашниныхъ, Дудиныхъ, Жоховыхъ, Самариныхъ, Разладиныхъ, Невѣжиныхъ, Ѳоминыхъ, Ивановыхъ, Поярковыхъ, Тушиныхъ. Былъ свидѣтелемъ договорной, 1371 г., и завѣщанія, 1389. Скончался вскорѣ послѣ Донскаго, въ 1389 году.

4 и 5. *Александръ Андреевичъ Елка* и *Ѳедоръ Андреевичъ Кошка*, сыновья Андрея Кобылы, родоначальника Лодыгиныхъ, Коновницыныхъ, Кокоревыхъ, Образцо-

выхъ, Кобылиныхъ, Колычевыхъ, Хлызневыхъ, Лошаковыхъ, Немятыхъ, Неплюевыхъ, Боборыкиныхъ, Юрьевыхъ-Захарьиныхъ, Романовыхъ, Шереметевыхъ, Добрынскихъ, Зайцевыхъ, Викентьевыхъ, Симскихъ, Хабаровыхъ.... Θедоръ Андреевичь управлялъ Москвою во время войны Димитрія съ Мамаемъ.

6. *Θедоръ Андреевичь Свибловъ*, потомокъ Радши, пришедшаго изъ Нѣмецъ къ Невскому, родоначальника Свибловыхъ, Товарковыхъ, Замыцкихъ, Каменскихъ; Застолбскихъ, Пушкиныхъ, Курчевыхъ, Рожновыхъ, Кологривовыхъ, Поводовыхъ, Чеботовыхъ, Чулковыхъ, Жулебиныхъ, Бутурлиныхъ, Слизневыхъ, Мятлевыхъ, Челядниныхъ.

7. Братъ его *Иванъ Андреевичь.*

8. *Онанья Александровичь*, Окольничій, потомокъ Гавріила, пришедшаго изъ Нѣмецъ служить Невскому, родоначальника Кутузовыхъ, Коровиныхъ, Клеониныхъ, Лапенковыхъ.....

Всѣ эти лица *безъ сомнѣнія* принадлежали къ показаннымъ родамъ, а о слѣдующихъ можно говорить только съ вѣроятіемъ:

Иванъ Θедоровичь первый могъ быть сыномъ Θедора Воронца, или Θедора Кутуза.

Димитрій Александровичь могъ быть сыномъ Александра, сына Четова, родоначальника Сабуровыхъ, Пильемовыхъ, Пѣшковыхъ, Годуновыхъ, или сыномъ Александра Глѣбовича Смоленскаго, родоначальника Ярыхъ, Губастыхъ, Рожественскихъ, Заболоцкихъ.

Семенъ Васильевичь могъ быть сыномъ Василья Кочевы, а Василій Окатьевичь относиться какъ-нибудь къ Волую Окатьевичу, убитому на Дону. Кочевиныхъ и Волуевыхъ не нашелъ я въ своихъ родословныхъ.

Кромѣ означенныхъ лицъ участвовали въ правленіи, вѣроятно, и другія. Мы основывались въ особенности на завѣщаніяхъ, но не всѣмъ же быть свидѣтелями завѣщаній. Такими могли быть кто-нибудь изъ Плещеевыхъ, братьевъ Алексѣя Митрополита или племянниковъ, Воронцовыхъ, Морозовыхъ, Сабуровыхъ, Годуновыхъ.

Такимъ образомъ задача моя была кончена, и успѣхъ превзошелъ ожиданія; но когда же человѣкъ бываетъ доволенъ! Къ найденному онъ скоро становится равнодушенъ, а прельщаетъ его искомое! Я отворотился отъ сотрудниковъ Димитрія и Василія; мнѣ всѣхъ дороже сталъ Иванъ Димитріевичь, представитель Московской политики въ отношеніи къ Ордѣ, исходатайствовавшій престолъ Московскій Темному, сыну Василія, мимо его дяди Юрья Димитріевича, и сказавшій эту знаменитую рѣчь.

„Государь волный царю, освободи молвить къ тебѣ мнѣ холопу Великаго Князя: нашъ Государь В. К. ищетъ стола своего великаго княженія, а твоего улусу по твоему цареву жалованію, и по твоимъ девтеремъ и ярлыкомъ, а и твое жалованіе передъ тобою; а господинъ нашъ Князь Юрьи Дмитріевичь дядя его хочетъ взять великое княжсніе по умертвыи и грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованію волнаго царя, а ты воленъ во своемъ улусѣ кого восхощеши жаловати на твоей воли; а и Государь намъ К. В. Василей Дмитріевичь великое княженіе далъ своему сыну В. К Василію по твоему же жалованію волнаго царя; а уже, господине, которой годъ сидитъ на своемъ столѣ, а на твоемъ жалованіи, тебѣ своему государю правяся волному царю, а и самому тебѣ вѣдомо“ (51).

(51) Лѣтоп. по Ник. сп. V, 110.

Этотъ Иванъ Димитріевичъ захотѣлъ послѣ выдать дочь свою за Великаго Князя; но мать его, гордая Литвинка, дочь Витовта, воспротивилась. Иванъ Димитріевичъ оставилъ Москву, разсерженный, пошелъ служить сопернику Василья Темнаго, повелъ войско на Москву, и проч. и проч.

Къ какому роду принадлежалъ онъ? Неужели его одного, такого примѣчательнаго человѣка, оставить неизвѣстнымъ? Но гдѣ же искать его? Источники всѣ перерыты: родословныя таблицы пересмотрѣны разъ пятьдесятъ, лѣтописи прочтены, изъ грамотъ не выжмешь больше ничего! Дай стану читать книги родословныя, такъ, на счастье.

Читаю, читаю, выговариваю со скукою имена и со смѣхомъ прозвища: Голенище... Бурдукъ... Сусло... а у Якова меньшаго дѣти: два Ѳедора, оба Хорхоры..., Грунка... „А второй сынъ у Василья Васильевича Тысецкаго Микула былъ своякъ Великому Князю Дмитрею; сыновъ у него не было, а была одна дочь за Иваномъ Дмитреевичемъ за Всеволожскимъ" (52).

Нашелъ, нашелъ! Иванъ Димитріевичь былъ сынъ Димитрія Александровича и внукъ Александра Глѣбовича Смоленскаго, тотъ самый, который встрѣчается въ исторіи знаменитаго пояса, что Василій Тысяцкій подмѣнилъ на свадьбѣ у Димитрія Ивановича, и отдалъ сыну своему Микулѣ, передавшему его въ приданое за дочерью *Ивану Димитріевичу* (см. выше).

Это извѣстіе подъ 1433 г. относится несомнѣнно къ нашему Ивану Димитріевичу, котораго имя встрѣчается около этого времени въ лѣтописи на всякой страницѣ;

---

(52) Родословная Книга II, с. 15.

а родословная книга Микулина зятя называется Всеволожских, следовательно Иванъ Димитріевичъ 1433 года есть Всеволожскій, т. е. внукъ Александра Глѣбовича Всеволожа (53).

Константинъ же Димитріевичъ, вѣроятно Шея (54), не его братъ, (у него братъ былъ только Ѳеодоръ Турикъ) (55), а сынъ Дмитрія Александровича Зерна.

Димитрій Александровичъ (13) остается лицомъ двусмысленнымъ, или двуличнымъ: Зерномъ, сыномъ Александра Глѣбовича Всеволожа, или Александра Захарьевича Чета.

Совершенно неизвѣстными остаются для меня только двое: Михаилъ Александровичъ и Иванъ Михаиловичъ, въ грамотѣ Симеоновой.

Много обрадовался Леверрье, найдя *новую планету* Нептуна, но не мало обрадовался и я, когда нашелъ *старыхъ спутниковъ* Димитрія и Василія, забытыхъ ихъ неблагодарными потомками! Впрочемъ, безъ шутокъ, разысканіе это не важно: оно есть частное, такъ сказать біографическое; но оно имѣетъ связь съ общими историческими вопросами, и можетъ доставить доказательства для важныхъ положеній, какъ увидятъ читатели въ полной системѣ моихъ Изслѣдованій о Русской Исторіи.

Удовольствіе мое увеличилось еще болѣе, когда я получилъ отъ извѣстнаго нашего ученаго, А. Н. Попова, слѣдующую выписку:

---

(53) Родосл. Кн. II, с. 43. (54) См. мои Историко-критическіе отрывки. книга I, статью о мѣстничествѣ, стр. 220. (55) Родосл. Кн. II, с 43

Въ библіотекѣ Академіи Наукъ, въ числѣ рукописей хранится Разрядная книга (подъ № 44 in fol.), въ началѣ которой находится нѣсколько отрывочныхъ выписокъ изъ разрядовъ временъ Дмитрія Донскаго. На оборотѣ перваго листа сказано:

„Того жъ году волiею Божiею Великаго князя Дмитрія Іоанновича Донсково не стало, а у духовной сидѣли прикащики: отецъ его духовный преподобный Игуменъ Сергій, да Игуменъ Севастьянъ, да бояре: Дмитрій Васильевичь Волынскій, Тимоѳей Васильевичь Воронцовъ, Иванъ Родіоновичь Квашня, Семенъ Васильевичь да Иванъ Ѳедоровичь Воронцовы, Александръ Андреевичь Азтѣй, (Остей), Ѳедоръ Андреевичь Свибловъ, Ѳедоръ Андреевичь Кошка, Иванъ Ѳедоровичь Собака, Иванъ Андреевичь Хромой.

Сличая имена бояръ, подписавшихъ духовныя грамоты съ именами бояръ, душеприкащиковъ Донскаго, упомянутыми въ разрядахъ, оказывается, что онѣ совершенно сходны между собою, исключая только одного отчества. Въ грамотѣ первымъ подписался Дмитрій *Михайловичь*, въ разрядѣ Дмитрій *Васильевичь* Волынскій. Но въ разрядѣ поименованы бояре не только по именамъ и отчествамъ, какъ въ духовныхъ граматахъ, но и съ прозваніями.

Сличая сіи прозванія съ тѣми, которыя вамъ удалось опредѣлить въ вашемъ изслѣдованіи, писалъ ко мнѣ А. Н. Поповъ, въ Апрѣлѣ 1850 года, оказывается, что большая часть изъ нихъ опредѣлены правильно, и приведенный отрывокъ разрядовъ окончательно доказываетъ справедливость вашихъ выводовъ. Тимоѳей

Васильевичъ былъ дѣйствительно *Воронцовъ*, Иванъ Родіоновичъ *Квашня*, Ѳедоръ Андреевичъ *Кошка*, Ѳедоръ Андреевичъ *Свибловъ*, Иванъ Ѳедоровичъ *Воронцовъ*, Иванъ Андреевичъ точно *братъ* Свиблова, прозывавшійся также *Хромымъ*, какъ доказываетъ приведенная въ вашей статьѣ выписка изъ родословца Свибловыхъ, въ которой такъ же сыномъ Андрея и братомъ Ѳедора Свиблова поименованъ Александръ *Остей*. Иванъ Ѳедоровичъ Собака могъ быть сыномъ Ѳедора Андреевича Кошки, какъ дозволяетъ предполагать указаніе Никоновской лѣтописи подъ 1390 годомъ: „женилъ В. К. Михайло Александровичь Тверской сына своего на Москвѣ у Ѳедора у *Кошки* Андреева сына у *Собакина*." Дмитрій Михайловичъ, подписавшій духовное завѣщаніе, вѣроятно одно и то же лице съ тѣмъ воеводою Дмитріемъ Михайловичемъ Волынскимъ, который водилъ рать Дмитрія Донскаго на Рязань, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи подъ 1371 годомъ. Въ разрядѣ дѣйствительно онъ названъ *Волынскимъ*, но только не *Михайловичемъ*, а *Васильевичемъ*. Указанная рукопись разрядовъ не принадлежитъ къ числу оффиціальныхъ книгъ Разряднаго приказа, а составлена частнымъ лицемъ. Въ книгахъ такого рода весьма часто встрѣчаются ошибки въ именахъ и отчествахъ, потому весьма возможно, что Дмитрій Михайловичь Волынскій названъ въ разрядахъ *Васильевичемъ* просто по ошибкѣ.

ЦАРЬ

ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ ГРОЗНЫЙ.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРОЗНЫЙ.

Царю Ивану Васильевичу Грозному неожиданно посчастливилось въ наше время: нашлись люди, которые сдѣлались не только его адвокатами, но даже возвели его на высокую степень государственнаго величія, надѣлили геніальными способностями, представили въ немъ необыкновеннаго правителя, гуманнаго прогрессиста, чуть не селадона—и Грозный вдругъ изъ тигра сдѣлался львомъ современной критики.

Много лѣтъ прошло, какъ я представилъ публикѣ подробное изслѣдованіе объ этомъ примѣчательномъ характерѣ, но у насъ, при неустановившемся общемъ мнѣніи, увлекаясь всякою новизною, не любятъ обращаться къ старому.

Считаю нужнымъ для нынѣшнихъ читателей повторить главныя черты моего изслѣдованія, присоединивъ къ нимъ нѣкоторыя разсужденія, вызванныя послѣдними воззрѣніями.

Іоаннъ родился на пятомъ году втораго брака Василіева съ молодою польскою княжною Еленою Глинской. Черезъ два года по его рожденіи умеръ отецъ, черезъ восемь лѣтъ мать.

Онъ остался сиротою на рукахъ бояръ, которые, среди безпрерывныхъ крамолъ, не заботились нисколько объ его воспитаніи, и баловали его всячески.

Онъ скакалъ по улицамъ, набравъ себѣ сверстни-

ковъ, давилъ людей, мучилъ животныхъ и „дѣла разбойническія дѣлалъ“.

По тринадцатому году онъ началъ уже изрекать смертные приговоры: въ 1543 году велѣлъ онъ схватить князя Андрея Шуйскаго, перваго вельможу, и выдать псарямъ, которые его умертвили. Многія другія казни и опалы послѣдовали отъ его имени.

Въ 1546 году новгородскіе жалобщики остановили его на охотѣ. Онъ велѣлъ розогнать ихъ. Началась драка. Нѣсколько человѣкъ убито. Іоаннъ велѣлъ отрубить головы троимъ боярамъ, оподозрѣннымъ въ наученіи провинившихся, и между ними былъ одинъ, Воронцовъ, имъ нѣкогда особенно любимый.

Семнадцати лѣтъ Іоаннъ вѣнчался на царство и женился, но продолжалъ вести прежнюю жизнь: такъ, разсердившись на псковскихъ жалобщиковъ, которые также помѣшали ему охотиться въ Островѣ, онъ велѣлъ облить ихъ горячимъ виномъ, запалить бороды, разложить нагихъ по землѣ, и только внезапный отъѣздъ Іоанна въ Москву по случаю паденія колокола спасъ ихъ отъ вѣрной смерти.

Страшный пожаръ случился въ Москвѣ: весь городъ почти выгорѣлъ. Іоаннъ принужденъ былъ искать себѣ убѣжища на Воробьевыхъ горахъ.

Туда явился къ нему новогородскій священникъ Сильвестръ — умѣлъ воспользоваться искусно его страхомъ, овладѣлъ его воображеніемъ и заставилъ себѣ повиноваться, „претяще ему отъ Бога священными писаніями, и грозѣ заклинающе его страшнымъ Божіимъ именемъ“.

Добрая, кроткая жена Іоаннова, Анастасія Романова, и товарищъ, ровесникъ его, Адашевъ, начали дѣйствовать совокупно съ Сильвестромъ — и все при Дворѣ и въ Государствѣ измѣнилось.

Призываются новыя лица окружать государя, избираются другіе совѣтники, назначаются на мѣста другіе начальники, (ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша,) и производится совершенная реформа въ правленіи.

Созываются выборные люди со всей земли Русской, (первый извѣстный земскій соборъ), и государь на лобномъ мѣстѣ приноситъ раскаяніе въ своихъ прегрѣшеніяхъ, и проситъ прощенія у народа, приписывая всю вину боярамъ.

Созываются думные люди, и издается собраніе гражданскихъ законовъ, извѣстное подъ именемъ Судебника.

Созываются духовные сановники, и составляется собраніе церковныхъ правилъ, извѣстное подъ именемъ Стоглава.

Издается постановленіе объ ограниченіи мѣстничества, столько мѣшавшаго ходу военныхъ дѣлъ.

Распространяется повсемѣстно новогородскій и псковскій обычай избирать старость и цѣловальниковъ для суда вмѣстѣ съ намѣстниками и тіунами въ городахъ, а сотскихъ и пятьдесятниковъ для сельской расправы.

Раздаются земли въ жалованье дворянамъ, смотря по достоинству и обязанностямъ.

Учреждаются училища, въ особенности для приготовленія священниковъ.

Запрещается епископамъ и монастырямъ покупать отчины безъ вѣдома и согласія царскаго.

Запрещается строить лишнія церкви.

Принимаются мѣры для вызова изъ чужихъ краевъ не только ремесленниковъ, художниковъ, лекарей, аптекарей, типографщиковъ, но и людей искусныхъ въ древнихъ и новыхъ языкахъ, даже богословъ.

Спрашивается, во имя здраваго смысла, во имя

естественной логики, можетъ ли молодой человѣкъ 17—20 лѣтъ, проведшій свою жизнь такъ, какъ провелъ Іоаннъ, не выѣзжавшій изъ Москвы никуда кромѣ охоты и богомолья, не занимавшійся ничѣмъ внимательно, не имѣвшій случая узнать что-либо порядочно, можетъ ли такой молодой человѣкъ вдругъ просвѣтиться, и сочинить законы церковные, гражданскіе, военные? Вѣроятна ли подобная импровизація?

Іоаннъ могъ оставить прежній буйный образъ жизни, могъ утихнуть, остепениться, заняться дѣломъ, могъ охотно соглашаться на предлагаемыя мѣры, утверждать ихъ—вотъ и все; это естественно и вѣроятно; но чтобъ онъ могъ понять вдругъ необходимость въ единствѣ богослуженія, отгадать нужды и потребности народныя, узнать мѣстныя злоупотребленія, найти противодѣйствующія мѣры, дать нужныя правила касательно суда, напримѣръ, объ избраніи цѣловальниковъ и старостъ въ городахъ, сотскихъ и пятьдесятниковъ въ деревняхъ, или касательно службы, о разрядныхъ счетахъ, вздумать о вызовѣ иностранцевъ—это ни съ чѣмъ не сообразно!

Такъ говоритъ простой здравый смыслъ, естественная логика. И точно то же подтверждаютъ современные свидѣтели. Мы не станемъ ссылаться на Курбскаго, хотя его показанія, преувеличенныя, можетъ быть, вслѣдствіи раздраженіемъ и пристрастіемъ, о первомъ времени представляются согласными съ истиною, естественнымъ ходомъ дѣлъ и прочими источниками. Мы не станемъ, говорю, ссылаться на Курбскаго, но сами лѣтописи наши свидѣтельствуютъ, что правленіемъ завѣдывалъ вполнѣ Священникъ Сильвестръ, которому недоставало только царскаго и митрополичьяго мѣста,—съ партіей, имъ избранной и составленной.

Наконецъ самъ Іоаннъ подтверждаетъ ясно и рѣшительно всѣ выше предложенныя положенія. Двадцать мѣстъ можно указать изъ его писемъ, кои не оставляютъ никакого въ томъ сомнѣнія.

„Не токмо повинны хотѣста мнѣ быти и послушны, но и мною владѣста, и всю власть съ меня сняста, и сами государилися какъ хотѣли, а съ меня все государство сняли: словомъ азъ былъ государь, а дѣломъ ничего не владѣлъ.“

„Аки нѣсть насъ, вся строенія и утвержденія по своей волѣ и своихъ совѣтниковъ хотѣнію творяше.“

„Во внутреннихъ же, ни въ малѣйшихъ и худѣйшихъ, глаголю же до обуща и спанія, вся не по своей волѣ бяху, но по ихъ хотѣнію творяхуся, намъ же аки младенцемъ пребывающимъ.“

Ясны ли эти слова, сказанныя и повторенныя нѣсколько разъ Іоанномъ? Какъ же мы станемъ теперь спорить съ нимъ самимъ, и навязывать ему на перекоръ, мысли, намѣренія, дѣйствія, отъ которыхъ онъ и руками и ногами отмахивается? Вѣдь это доходитъ до высшей степени смѣшнаго! Іоаннъ говоритъ: я ничего не дѣлалъ, дѣлали что хотѣли Сильвестръ и Адашевъ, меня какъ-будто не было, мнѣ давали ѣсть и пить въ мѣру, назначали, какъ жить съ царицею, со мной обходились какъ съ младенцемъ, я носилъ только имя царя. Современныя свидѣтельства показываютъ то же. А мы будемъ твердить ему: нѣтъ, это неправда, ты великій человѣкъ, ты дѣлалъ вотъ что, ты хотѣлъ вотъ чего, ты имѣлъ такія-то и такія-то высшія мысли!

Спрашивается: если бъ Іоаннъ что нибудь сдѣлалъ въ это время, для чего же бы ему послѣ скрывать того, для чего отпираться? Обвинить опротивѣвшихъ

ему людей онъ могъ найти предлоговъ сколько угодно, и безъ собственнаго самоуниженія.

Мы слушали историческія современныя свидѣтельства, послушаемъ теперь новыхъ историковъ. Вотъ какъ описываетъ г. Соловьевъ дѣтство Іоанново: „Пытливый умъ ребенка требовалъ пищи: онъ съ жадностію прочелъ все что могъ прочесть, изучилъ священную, церковную, римскую исторію, русскія лѣтописи, творенія св. отцевъ; но во всемъ, чтó ни читалъ, онъ искалъ доказательствъ въ свою пользу; занятый постоянно борьбою, искалъ средствъ выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, искалъ вездѣ, преимущественно въ священномъ писаніи, доказательствъ въ пользу своей власти противъ беззаконныхъ слугъ, отнимавшихъ ее у него.“

Да откуда же взялъ г. историкъ всѣ эти показанія? Гдѣ это написано? Гдѣ есть объ этомъ хоть какіе нибудь намеки? Нигдѣ, нигдѣ нѣтъ подобныхъ извѣстій. Вмѣсто словъ г. Соловьева мы читаемъ не только въ Курбскомъ, но и въ лѣтописи вотъ чтó: „а князь великій все гонялъ на мскахъ, и христіаномъ многи протори учинилъ.“

Да и самъ Іоаннъ говоритъ о себѣ въ этомъ времени: „навыкохъ ихъ злокосненнымъ обычаемъ (боярскимъ) также мудрствовати (т. е. своевольничать), якоже и они, и отъ того времени какихъ золъ не сотворихомъ предъ Богомъ!“

Къ 1553 году Іоанну исполнилось двадцать два года. Предпринятъ былъ походъ на Казань.

Подъ Казанью самъ онъ лично не отличился, но уже показалъ, что заговоренный гнѣвъ его и сдержанный, подъ вліяніемъ Сильвестра, произволъ готовъ прорваться. Разсердившись на одного боярина, онъ воскликнулъ: нынѣ оборонилъ меня Богъ отъ васъ! Взявъ

Казань, онъ не хотѣлъ тамъ оставаться для окончательнаго покоренія страны и сосѣднихъ племенъ, не смотря на совѣты, а спѣшилъ назадъ въ Москву для отдыха, по шептаніямъ шурьевъ.

Такъ начала обнаруживаться перемѣна въ расположеніи Іоанна.

Къ несчастію, возвратившись въ Москву, гдѣ былъ онъ обрадованъ рожденіемъ сына, онъ занемогъ, и занемогъ отчаянно.

При Дворѣ произошла распря: большинство управлявшей партіи и самъ Сильвестръ, также отецъ Адашева, склонились на сторону двоюроднаго брата Іоаннова, Володимера Андреевича, въ нарушеніе правъ Іоаннова первенца. Основаніе такого образа ихъ дѣйствій была боязнь, чтобъ правленіе во время малолѣтства настоящаго наслѣдника не перешло въ руки Захарьиныхъ-Юрьевыхъ, имѣвшихъ, кажется, незавидную славу.

Между тѣмъ Іоаннъ выздоровѣлъ, и, разумѣется, въ прежнихъ своихъ друзьяхъ и совѣтникахъ увидѣлъ личныхъ къ себѣ недоброжелателей, охладѣлъ мало по малу въ любви къ нимъ, и подвергся вліянію другой партіи, противоположной, призывавшей къ удовольствіямъ и веселіямъ, вмѣсто умѣренности и трудовъ, къ жизни чувственной, къ которой онъ имѣлъ, какъ мы видѣли, и природное расположеніе. Сама Анастасія, подвергавшаяся опасности, по многимъ прежнимъ примѣрамъ, лишиться жизни, не только свободы, съ своимъ младенцемъ, естественно оставила Сильвестра и Адашева, и соединилась съ своими родными.

Подалъ еще злую мысль, говорятъ, среди богомолья, по случаю выздоровленія, одинъ знаменитый отшельникъ Вассіанъ Топорковъ: не держи совѣтниковъ умнѣе себя,—мысль, которая ему, подготовленному несчастными

обстоятельствами, природными свойствами и полученным воспитаніемъ, пришлась совершенно по сердцу: ему давно уже стало тяжело и несносно въ мѣру ѣсти и пити и съ царицею жити, какъ требовали незваные опекуны. Изъ слѣдственнаго дѣла о Матвѣѣ Башкинѣ (1554 года), при коемъ Сильвестръ долженъ былъ оправдываться и объясняться, видно, что его вліяніе и значеніе были уже не прежнія.

Іоаннъ началъ дѣйствовать по своему: совѣтники указывали ему Крымъ, какъ гнѣздо разбойниковъ, нападавшихъ на Россію, а онъ затѣялъ войну въ Ливоніи.

Сильвестръ и Адашевъ, увидя, что ихъ вліяніе миновалось и что имъ ничего не остается дѣлать, что присутствіе ихъ около царя безполезно, принуждены были удалиться: первый скрылся въ монастырѣ, второй пошелъ на войну.

Новая партія, давно нашедшая доступъ, усиливалась безпрестанно. Вдругъ умираетъ Анастасія. Іоаннъ плачетъ, но уже чрезъ недѣлю пируетъ, и пошла писать! Въ смерти Анастасіи обвиняются Сильвестръ и Адашевъ, и, отсутствующіе, осуждаются своими врагами, которые все-еще боялись, чтобъ тѣ не возвратили своего вліянія; враги поспѣшили воспользоваться открывшимся случаемъ для окончательнаго ихъ низверженія. Чувство самосохраненія побуждало ихъ къ тому, кромѣ ненависти. Вся пораженная партія подвергается подозрѣнію вмѣстѣ съ своими начальниками, и ожидаетъ себѣ подобной участи. Иные спасаются бѣгствомъ: бѣгство служитъ оправданіемъ строгости и подаетъ поводъ къ обвиненію остальныхъ.

Іоаннъ начинаетъ видѣть вездѣ измѣнниковъ, неистовствуетъ, предается разврату, и становится тира-

номъ, какому исторія мало представляетъ подобныхъ.

Какъ все это ясно, естественно, согласно съ здравымъ смысломъ и ходомъ вещей! И на все есть свидѣтельства, свидѣтельства разнообразныя и между собою согласныя: лѣтописи, грамоты, очевидцы домашніе и иностранные.

Нѣтъ, новые историки ничего этого знать не хотятъ. Не обращая никакого вниманія на свидѣтельства, увлекаясь собственнымъ вымысломъ, они восклицаютъ: „вѣкъ задавалъ важные вопросы, а въ главѣ государства стоялъ человѣкъ, по характеру своему способный приступить немедленно къ ихъ рѣшенію“ (с. 440).

Ну да укажите же мнѣ эти рѣшенія, эти отвѣты на заданные, по вашему, вѣкомъ вопросы! Укажите мнѣ изъ послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ Іоанновой жизни (1560—1584) какіе нибудь законы, постановленія, распоряженія, мѣры, дѣйствія Іоанновы, изъ коихъ былъ бы видѣнъ государственный умъ его, можно бъ было заключить объ его вѣрныхъ цѣляхъ и понять правительственныя мысли!

Но что я спрашиваю законовъ, постановленій, дѣйствій, мѣръ, распоряженій — дайте мнѣ хоть одинъ значительный законъ, одно значительное распоряженіе или дѣйствіе въ продолженіе этого времени!

Нѣтъ ни одного такого, нѣтъ ничего, кромѣ казней, пытокъ, опалъ—дѣйствій разъяреннаго гнѣва, взволнованной крови, необузданной страсти! (Частныя, иногда дѣльныя распоряженія Приказовъ не принимаются здѣсь въ расчетъ: онѣ идутъ своимъ чередомъ безостановочно—при Іоаннахъ, Борисѣ, Самозванцахъ, Романовыхъ, Аннѣ и проч.)

Вы мнѣ не укажете ни одного примѣчательнаго въ вашемъ смыслѣ событія, а я представлю вамъ множе-

ство доказательствъ противнаго мнѣнія, доказательствъ, не оставляющихъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ совершенномъ отсутствіи государственнаго взгляда, благороднаго сознанія, высокихъ цѣлей, при неограниченности эгоизма, которому приносилось въ жертву все.

Іоаннъ раздѣлилъ все государство на опричину и земщину. Его опричникъ—господинъ, а земецъ—рабъ, который не находитъ себѣ нигдѣ ни малѣйшей защиты. Опричина—это мое, а земщина—то, чего я знать не хочу: неужели такое постановленіе обличаетъ государственнаго человѣка?

Царскимъ вѣнцомъ чрезъ нѣсколько времени Іоаннъ вѣнчалъ Касимовскаго царя Симеона Бекбулатовича, и поручилъ ему управленіе всѣми земскими дѣлами: неужели здѣсь видѣнъ высокій правитель?

Іоаннъ посылаетъ пословъ просить мира у Баторія и велитъ имъ терпѣть даже побои; посылаетъ пословъ къ Крымскому хану и велитъ имъ бить челомъ: видно ли здѣсь сознаніе царскаго достоинства?

Ему мерещится безпрестанно опасность, и онъ посылаетъ пословъ готовить себѣ убѣжище въ Англіи.

Да и въ духовномъ завѣщаніи его есть ли какой намекъ о государствѣ, о верховной власти, о народѣ: „что я учредилъ опричину, то на волѣ дѣтей моихъ Ивана и Ѳедора, какъ имъ прибыльнѣе, такъ пусть и дѣлаютъ, а образецъ имъ готовъ". „Какъ имъ прибыльнѣе"—не должно ли покрыть его позоромъ одно такое слово? А это слово повторяется у Іоанна нѣсколько разъ. Государство онъ совершенно забылъ и толкуетъ только о томъ, что дѣлать дѣтямъ, когда ихъ выгонятъ.

А казни продолжались... За что? Было ли сопротивленіе? Были ль заговоры? Были ль какія-нибудь поку-

щенія свергнуть ненавистное иго? Ничего и ничего. Головы летятъ, пытки учащаются, и все тихо, спокойно, послушно, безпрекословно, до послѣдней минуты мучителевой жизни. Ужасныя свои казни онъ повершилъ умерщвленіемъ, хоть и безумышленнымъ, собственнаго, любимаго сына, въ которомъ ему померещилась также измѣна, какъ въ боярахъ: онъ ударилъ его жезломъ по головѣ, и тотъ покатился мертвый на землю. Одно это происшествіе достаточно указываетъ источникъ злодѣяній Іоанновыхъ, чуждый всякихъ государственныхъ соображеній.

Надо же вѣдь, чтобъ такое существо, потерявшее даже образъ человѣческій, не только высокій ликъ царскій, нашло себѣ прославителей!

Вотъ до чего доводитъ страсть систематизировать и ради этого отыскивать новыя начала!

Разберемъ теперь послѣдніе толки пообстоятельнѣе и поподробнѣе.

Старый порядокъ вещей, новый порядокъ вещей, восклицаютъ преобразователи. Какія звучныя слова! Надо навербовать представителей тому и другому порядку. Представителей подобранныхъ нельзя оставить безъ занятій: имъ внушаются намѣренія, какихъ и въ голову не приходило, затѣвается между ними небывалая борьба, съ сраженіями, маршами, превращеніями и великолѣпнымъ спектаклемъ; всѣ событія, кои вообще обладаютъ въ высшей степени свойствомъ эластичности, объясняются соотвѣтственно сочиненной теоріи, и изъ исторіи выдѣлывается фантасмагорія, увеселяющая зрѣніе, привлекающая взоры толпы, падкой на всякіе фокусы.

Старый порядокъ, новый порядокъ! Ну, попробуйте перевести этотъ отвлеченный языкъ на языкъ дѣлъ, и и вы увидите сами, что всѣ звучныя фразы разлетятся какъ дымъ.

Въ чемъ состоялъ новый порядокъ вещей?

Въ чемъ состоялъ старый порядокъ вещей?

Къ старому порядку относится боярское право совѣта и право перехода.

Къ новому порядку неограниченная власть государя.

Какъ внимательно ни искалъ я основныхъ положенiй новой теорiи, я не нашелъ ничего болѣе этихъ положенiй.

Во-первыхъ: чтó это за отличительные признаки стараго и новаго порядка? Въ чемъ заключается именно государственный прогрессъ? Стараться объ увеличенiи власти, какъ власти—Али-паша янинскiй, Магометъ-паша египетскiй, султанъ Махмудъ не ударятъ себя лицомъ въ грязь. Они о томъ только и думали, кáкъ бы увеличить свою власть.

Во-вторыхъ: этотъ новый, такъ называемый, порядокъ вещей былъ уже очень старъ. При Iоаннѣ Грозномъ, и не только при немъ, но и при его отцѣ, при его дѣдѣ, даже при прадѣдѣ, власть государя не имѣла уже никакихъ предѣловъ. Не помнятъ наши историки, что въ малолѣтство свое Iоаннъ велѣлъ отрубить головы не одному князю и боярину, и головы были отрублены безъ прекословiя. Отецъ его Василiй дѣлалъ съ князьями и боярами чтó хотѣлъ, не спрашивая у нихъ совѣта: мало-ли онъ ихъ переказнилъ! Дѣдъ Iоаннъ Васильевичъ —кто могъ оказáть ему малѣйшее сопротивленiе? Герберштейнъ прямо говоритъ о власти русскаго государя: скажетъ, и сдѣлано. Жизнь, достоянiе людей мiрскихъ

и духовныхъ, вельможъ и гражданъ, совершенно зависитъ отъ его воли. Нѣтъ противорѣчія, и все справедливо, какъ въ дѣлахъ божества: ибо Русскіе увѣрены, что великій князь есть исполнитель воли небесной. Обыкновенное слово ихъ: такъ угодно Богу и государю; вѣдаетъ Богъ и государь. Усердіе сихъ людей и невѣроятно (1).

А за сколько времени до Іоанна Грознаго писалъ Герберштейнъ? Какой власти хотите вы болѣе? Чтó новаго было желать Грозному? Какой новый порядокъ вещей ему оставалось придумывать? Вся ваша теорія разсыпается объ эти слова.

Да самъ Василій Темный, неспособный, ослѣпленный, полоненный, былъ уже такъ силенъ подъ конецъ, что, присвоивъ многіе частные удѣлы, повелѣ всѣхъ имати и казнити, бити кнутьемъ, сѣчи руки и носы рѣзати, а инымъ главы отсѣкати. И съ князьями управлялся онъ порядочно!

Этого мало: Іоаннъ казнилъ бояръ, а отецъ его Василій, дѣдъ Іоаннъ I, губили собственныхъ своихъ родныхъ братьевъ, могшихъ имѣть притязанія на участіе въ управленіи. Нѣкоторые захвачены на пути бѣгства въ Литву. Въ сихъ дѣйствіяхъ, пожалуй, больше государственныхъ видовъ, чѣмъ въ казняхъ совершенно частныхъ, личныхъ, Іоанна Грознаго.

Для новаго такъ называемаго порядка вещей гораздо болѣе сдѣлано дѣдомъ Іоанна Грознаго, чѣмъ имъ. И все это извѣстно, замѣчено и описано.

Въ-третьихъ: правомъ переходить бояре и дворяне пользовались всегда только въ крайнихъ случаяхъ; въ

---

(1) Карамзинъ, VII, стр. 200.

древней исторіи, даже при множествѣ удѣльныхъ князей, переходовъ извѣстно очень мало; въ средней исторіи это право оставалось почти номинально, и случайное употребленіе его не показывало ни малѣйшаго вліянія на государственное устройство, ни тамъ, откуда то или другое лицо переходило, ни тамъ, куда оно переходило. Это явленіе совершенно незначительное. При Иванѣ Васильевичѣ I удѣльные князья переходили къ намъ изъ Литвы вслѣдствіе притѣсненій религіозныхъ, коихъ у насъ естественно быть не могло; а при Иванѣ Васильевичѣ II наши бояре устремились въ Литву и Польшу, спасаясь отъ казней.

Такъ точно и до его управленія, въ продолженіи малолѣтства, многіе бояре бѣгали туда отъ домашнихъ смутъ, и не предъявляя своего права, не споря, что могутъ убѣжать, хотѣли только спасти свою жизнь. Право перехода, такъ нами называемое, давно уже обветшало, вышло изъ употребленія, (tomba en désuétude), а это было просто бѣгство, тайкомъ, искаиіе лучшей жизни гдѣ-нибудь. Точно также приходили иностранцы служить московскимъ князьямъ, начиная съ Калиты, и даже прежде, къ Невскому пришло много знатныхъ людей, отъ которыхъ ведетъ свой родъ большая часть нашихъ дворянскихъ фамилій.

Г. Соловьеву представляется, что бояре хотѣли чего-то. Да чего же? Нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія ихъ желаній, кромѣ безопасности. Пусть разсудилъ бы онъ хоть вотъ чтó: бояре имѣли въ своихъ рукахъ власть нѣсколько разъ—Глинскіе, Оболенскіе, Шуйскіе, Бѣльскіе: чтó же они сдѣлали съ этой властью? Они не дѣлали ничего, въ смыслѣ сословія, не дѣлали для сословія, а напротивъ, старались только утвердить цар-

скую власть, и точно такъ раздѣлались съ дядями Іоанна, какъ раздѣлался съ своими Василій, и прежде Іоаннъ. Гдѣ же боярскіе политическіе замыслы?

Бояре желали совѣта: да въ чемъ же, когда обнаружилось такое желаніе? Они могли желать про себя, какъ могли желать прежде, какъ желали послѣ тѣ или другія лица принимать участіе въ правленіи, совѣтовать, но это желаніе было частное, личное, случайное, никогда не было никакихъ союзовъ, замышленій, притязаній, жалобъ. Да и прежнее право совѣта въ чемъ состояло? Оно не имѣло никогда характера права или обязанности, а только обычая. Наконецъ г. Соловьевъ забываетъ, что именно въ это время начинаетъ образовываться Царская Дума и заводятся земскіе соборы. Древнее право совѣта получаетъ новую форму, соотвѣтственную развитію государства и монархической власти, коей Іоаннъ только мѣшаетъ жестокими порывами своей страсти.

Г. Соловьевъ указываетъ на борьбу стараго своего порядка съ новымъ своимъ порядкомъ:

„Древнее начало (?) было сильно, вело упорную „борьбу (?); но уже государству пошелъ седьмой вѣкъ, „оно объединилось, старое (?) съ новымъ (?) начало „сводить послѣдніе счеты (?): немудрено, что появи„лось много важныхъ вопросовъ (?), важныхъ требо„ваній (?). Вторая половина XVI вѣка, царствованіе „Іоанна IV, характеризуется преимущественно поднятіи„емъ этихъ важныхъ вопросовъ въ государственной „жизни, наибольшею выставкою этихъ вопросовъ, если „начали они подниматься и прежде, ибо въ Исторіи „ничего не дѣлается вдругъ (ч. VII, с. 439)“.

Гдѣ эта борьба, опять спрашиваю я? Ея не было.

Всѣ осужденые бояре несли безпрекословно свои головы на плаху, а Иванъ Васильевичъ рубилъ ихъ направо и налѣво, пользуясь всякимъ предлогомъ или поводомъ —за измѣну, за предательство, за умыслы, за вражду, кои мерещились въ его разстроенномъ воображеніи. Да и бороться-то было не за чтó: какія права были у нихъ нарушены? чтó было отнимаемо? Чѣмъ кто владѣлъ самобытно? Чего хотѣли бояре? Чтó имъ было нужно?

Впрочемъ самъ г. Соловьевъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 53) говоритъ что „митрополитъ и бояре заплакали отъ радости, видя, (при объявленіи о бракѣ), что государь такъ молодъ, а между тѣмъ ни съ кѣмъ не совѣтуется.“

Изъ всего сказаннаго читатели видятъ, я надѣюсь, что толки г. Соловьева о такъ называемомъ имъ старомъ порядкѣ и новомъ порядкѣ, въ отношеніи къ царю Ивану Васильевичу, не имѣютъ никакого основанія.

Собственно старый порядокъ, извѣстный и переизвѣстный, состоялъ въ наслѣдованіи брата брату, а новый—сына отцу. Начиная съ сыновъ Донскаго, дяди, до послѣдняго, не признавали, открыто или тайно, новаго порядка, и всякое царствованіе начиналось ихъ покушеніями и казнями, заточеніями, ссылками. Но такое явленіе слишкомъ просто и ясно, и потому не нравится г. Соловьеву; не имѣя возможности устранить эти дѣйствительные, историческіе, безспорные порядки, онъ упоминаетъ о нихъ только вскользь.

Власть царская увеличилась при Іоаннѣ Грозномъ— это также извѣстно и переизвѣстно: власть эта увеличилась по естественному ходу вещей еще задолго до Іоанна. Гордый былъ сильнѣе Калиты въ этомъ

смыслѣ, Донской сильнѣе Гордаго, Василій сильнѣе Донскаго, Темный сильнѣе Василія, Іоаннъ сильнѣе Темнаго. При Грозномъ власть увеличилась, или лучше сказать, распространилась вслѣдствіе погубленія множайшихъ знатныхъ родовъ, вслѣдствіе безпрерывныхъ казней, вслѣдствіе постояннаго страха и т. п. Уже тридцать лѣтъ было у меня сказано, что есть еще точка, съ которой можно смотрѣть на Іоанна—вмѣстѣ съ Людовикомъ XI, Генрихомъ VIII, Филиппомъ II, Христіерномъ и пожалуй Фердинандомъ, которые предназначены были утвердить единодержавіе на развалинахъ феодальной системы.

А что сдѣлалъ Іоаннъ съ этою неограниченною своею властію, объ этомъ г. Соловьевъ не упоминаетъ.

Видѣть прогрессъ въ этомъ чудовищномъ развитіи не монархической власти разумной, а личнаго, слѣпаго произвола — это совершенная аномалія.

И вотъ вышли самозванщина и междуцарствіе, по примѣчательной мысли г. П. Павлова, которая важнѣе всей его диссертаціи.

Къ новому порядку, по мнѣнію г. Соловьева, принадлежитъ также приближеніе къ престолу людей незнатныхъ. Вотъ какъ объяснялъ онъ это явленіе въ своей Исторіи отношеній между русскими князьями Рюрикова дома: „до сихъ поръ (до московскаго пожара) Иванъ занятъ былъ только отношеніями къ боярамъ, но теперь бояре вздумали осоюзиться съ народомъ, употребить народъ для достиженія своихъ цѣлей: царь увидалъ эту опасность, и хотѣлъ прервать этотъ союзъ“ (стр. 631).

Гдѣ же нашелъ г. Соловьевъ, что бояре вздумали осоюзиться съ народомъ?

Вотъ гдѣ: во время пожаровъ одна партія боярская распустила изъ ненависти слухъ, что поджигаютъ Москву Глинскіе, захватившіе тогда власть въ свои руки, изъ которыхъ одинъ во время мятежа и былъ убитъ.

Да вѣдь это былъ случай, безъ образца и подражанія: о какомъ же союзѣ можетъ быть тутъ рѣчь? Одна партія обвинила другую, воспользуясь благовиднымъ для себя предлогомъ, и въ томъ успѣла. Вотъ и все.

Нѣтъ, г. Соловьевъ идетъ дальше: онъ говоритъ, что царь, шестнадцатилѣтній, увидѣлъ опасность союза бояръ съ народомъ. Какую же опасность? Что бояре съ народомъ пойдутъ противъ него? Для того, чтобъ разорвать союзъ, онъ созвалъ народъ чрезъ два года (!), обвинилъ бояръ, покаялся въ своихъ проступкахъ, приблизилъ къ себѣ Адашева и Сильвестра, и проч. Но г. Соловьевъ позабылъ, что народъ былъ прежде наказанъ, и что все дѣло о пожарѣ было давно покончено. Онъ не хочетъ знать, что созваніе народа и покаяніе не имѣли никакой связи съ прежнимъ пожаромъ, и соединяетъ ихъ воедино.

И вотъ въ Исторію Россіи вносится новая мысль:

„Все это (оскорбленія отъ бояръ, сильная по лѣтамъ степень развитія ума и воли... бракъ, пожаръ, мятежъ) заставило Іоанна порѣшить окончательно съ князьями и боярами, искать опоры въ лицахъ другаго происхожденія и въ лицахъ испытанной вѣрности" (стр. 59).

Но бояре вѣдь все-таки продолжали окружать Іоанна до самой кончины, не тѣ, такъ другіе. Самую опричину составляли князья, бояре и вообще дворяне.

А что прежде Іоанна начали участвовать въ управленіи люди низшаго званія, то вотъ собственныя слова г. Соловьева, имъ вѣроятно забытыя:

„Такъ, напримѣръ, у насъ утвердилось мнѣніе, говоритъ онъ (ч. VII, с. 36), что до Іоанна IV присутствовали въ думѣ только бояре и окольничіе, и что только этотъ государь, изъ противоборства вліянію знатныхъ людей, ввелъ въ думу третій, низшій разрядъ членовъ, такъ называемыхъ Думныхъ дворянъ; но при описаніи пріема Польскаго посла Никодима Техановскаго, въ правленіе Елены, читаемъ: Князь великій сидѣлъ въ брусяной избѣ, а у него бояре, окольничіе и дворецкіе, и дѣти боярскіе, которые живутъ въ думѣ, и дѣти боярскіе прибыльные, которые не живутъ въ думѣ“.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о новомъ объясненіи г. Соловьевымъ вліянія Сильвестрова.

„Изъ словъ Курбскаго мы не имѣемъ никакого права заключать, что Сильвестръ явился только тутъ (на Воробьевыхъ горахъ, внезапно предъ Іоанномъ, не будучи вовсе извѣстенъ ему прежде. По всѣмъ вѣроятностямъ, Сильвестръ уже давно переселился изъ Новагорода въ Москву, и былъ однимъ изъ священниковъ придворнаго Благовѣщенскаго собора, по этому самому былъ давно на глазахъ Іоанна, обратилъ на себя его вниманіе своими достоинствами; но теперь его внушенія, его вліяніе получили бо́льшую силу. Царственная Книга говоритъ, что Сильвестръ былъ очень друженъ съ Удѣльнымъ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ и его матерью, что по его старанію они были выпущены изъ заключенія — свидѣтельство чрезвычайно важное; ибо мы знаемъ, что князь Владимиръ Андреевичъ былъ освобожденъ вмѣстѣ съ отцемъ, (?) и освобожденъ изъ заключенія во время правленія князя Бѣльскаго и митрополита Іоасафа; о вторичномъ заключеніи его мы не находимъ нигдѣ извѣстія. Слѣдовательно, не допуская невѣроятнаго предположенія, что

всѣ лѣтописцы, говоря объ опалахъ и казняхъ боярскихъ, пропустили извѣстіе о заключеніи двоюроднаго брата царскаго, и принимая, что Царственная Книга говоритъ о единственномъ освобожденіи князя Владиміра при Бѣльскомъ, мы должны заключить, что Сильвестръ уже тогда имѣлъ важное значеніе.“

Вотъ слова Царственной Книги, кои послужили основаніемъ г. Соловьеву: „бысть же сей Селиверстъ совѣтенъ, и въ великой любви у князя Владимира Андреевича и у матери его княгини Ефросиніи: его бо промысломъ изъ нятства выпущены“ (с. 343).

Карамзинъ еще замѣтилъ (VIII, пр. 378) объ этомъ извѣстіи Царственной Книги: „Тутъ несправедливо сказано, что князь Владимиръ Андреевичъ былъ его заступленіемъ выпущенъ съ матерью изъ-подъ стражи: тогда еще властвовалъ князь Иванъ Бѣльскій, а государь находился въ младенчествѣ.“

Арцыбышевъ (II, с. 158) относится къ этому событію слегка: „Государь (12 лѣтъ), убѣжденный просьбою митрополита и бояръ, допустилъ къ себѣ князя Владимира Андреевича... и далъ отчину родительскую.“ А на стр. 216 повторяетъ безъ изслѣдованія слова Царственной Книги: „которые его ходатайствомъ (Сильвестровымъ) и были освобождены изъ темницы.“

Разумѣется, степень довѣренности, какой заслуживаетъ Царственная Книга, должна быть изслѣдована по образцу, предложенному мною о Несторѣ и прочихъ лѣтописяхъ, но здѣсь я могу замѣтить вотъ что:

Еслибъ Сильвестръ былъ прежде въ Москвѣ, то Курбскій непремѣнно далъ бы понять это такъ или иначе; напротивъ, онъ именно говоритъ, что Сильвестръ, дотолѣ неизвѣстный въ Москвѣ, вдругъ показался предъ Іоанномъ, на Воробьевыхъ горахъ. Появленіе человѣка

новаго и неизвѣстнаго, при такихъ обстоятельствахъ, съ сильною рѣчью, можетъ произвести, говоря психологически, дѣйствіе сильнѣе, чѣмъ бесѣда съ человѣкомъ знакомымъ. Знакомому человѣку странно показывать, напримѣръ, страшила, между тѣмъ какъ незнакомый могъ рѣшиться скорѣе на такое благокозненіе.

Въ 1547 году еще духовникомъ Іоанновымъ былъ Благовѣщенскій протоіерей Ѳедоръ Барминъ, замѣшанный въ дѣлѣ объ умерщвленіи Глинскаго.

Лицо Сильвестра должно быть, кажется, соединено съ лицемъ митрополита Макарія: вѣроятно Макарій призвалъ въ Москву Сильвестра, котораго онъ узналъ въ Новѣгородѣ (1526—1542), по его уму, дару слова и прочимъ достоинствамъ (1).

Макарій былъ назначенъ Митрополитомъ и прибылъ въ Москву 1543 года марта 4. Князь же Владиміръ Андреевичь съ матерью выпущенъ былъ 1542 года декабря 25.

Самъ г. Соловьевъ при этомъ случаѣ сказалъ (с. 41): „ходатайству Митрополита и бояръ лѣтописи приписываютъ освобожденіе изъ темницы семейства удѣльнаго князя Андрея Ивановича, жены его Евфросиніи и сына Владиміра.“ Эти слова впослѣдствіи онъ позабылъ.

Вотъ причины, почему я отвергаю толкованіе г. Соловьева, и принимаю, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, извѣстіе Царственной Книги ошибочнымъ.

---

(1) Можетъ быть Сильвестръ участвовалъ и въ составленіи его Четій-Миней. У меня въ древлехранилищѣ было Житіе св. Ольги, напечатанное въ Степенной Книгѣ, подъ которымъ было на первой страницѣ внизу написано: „списано любомудрецомъ пресвитеромъ Сильвестромъ“. Я имѣлъ также его харатейный псалтирь на греческомъ языкѣ. Много книгъ его хранится въ Кирилловомъ монастырѣ. Авторство Сильвестра сдѣлалось у насъ извѣстнымъ въ послѣднее время по знаменитому Домострою.

А какъ объясняетъ г. Соловьевъ вліяніе Сильвестра?

„Эта самая раздражительность“ (г. Соловьевъ говорилъ передъ тѣмъ о казняхъ, опредѣленныхъ молодымъ Іоанномъ), „впечатлительность, женственность природы Іоанна дѣлала его способнымъ къ особенному принятію добраго вліянія, если это вліяніе шло отъ лица, имѣющаго нравственное достоинство, религіозное значеніе, и не подозрительнаго для Іоанна“ (стр. 57).

Скажите, приходило ли кому въ голову, при видѣ тысячъ, казненныхъ Іоанномъ, при видѣ семействъ и цѣлыхъ населеній, погубленныхъ мучителемъ, о которыхъ велѣлъ онъ молиться: „помяни, Господи, 1307 Новгородцевъ, что отдѣлалъ Григорій Ловчиковъ, ихъ же имена Ты вѣси, Господи“, и т. п.,—приходило ли кому въ голову объяснять что-нибудь въ этомъ характерѣ *женственностію*!

Послѣ неправильно принятаго мѣста изъ Царственной книги г. Соловьевъ уже смѣло говоритъ: „чѣмъ болѣе выросталъ Іоаннъ (послѣ освобожденія князя Владиміра Андреевича въ 1541 г., когда ему было только девять лѣтъ), тѣмъ болѣе прилѣплялся къ Сильвестру и усиливалось вліяніе послѣдняго на дѣла“ (с. 634).

Гдѣ же это прилѣпленіе? гдѣ вліяніе? Нигдѣ нѣтъ о нихъ никакаго слѣда, нигдѣ нѣтъ слова даже о пребываніи Сильвестра въ Москвѣ: Іоаннъ продолжалъ буйствовать, неистовствовать во все это время до самаго пожара Московскаго, послѣ котораго вдругъ начинается новая жизнь.

ДОЛЖНО ЛИ СЧИТАТЬ

БОРИСА ГОДУНОВА

ОСНОВАТЕЛЕМЪ КРѢПОСТНАГО ПРАВА?

ДОЛЖНО ЛИ СЧИТАТЬ БОРИСА ГОДУНОВА

ОСНОВАТЕЛЕМЪ КРѢПОСТНАГО ПРАВА?

Бывало въ старину запрещеніе крестьянамъ переходить съ мѣста на мѣсто; бывало и разрѣшеніе. Было у насъ долго запрещеніе писать о крестьянахъ, даже въ историческомъ отношеніи: нынѣ разрѣшено писать о нихъ, и я спѣшу представить ученой публикѣ историко-критическое изслѣдованіе о первоначальныхъ, такъ называемыхъ, основаніяхъ крѣпостнаго права, кои суть: Указы царя Θеодора Іоанновича 1592, 1597, Бориса Годунова 1601, 1603, Боярскій приговоръ при Самозванцѣ 1603, и указъ Шуйскаго 1607 годовъ,— документы, принимаемые всѣми нашими изслѣдователями.

Достойный юристъ, К. П. Побѣдоносцевъ, въ Замѣткахъ для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи, помѣщенныхъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, утверждаетъ, что въ эпоху Уложенія, тщательно и обстоятельно имъ изученнаго, крѣпостное право отнюдь не было такъ развито и опредѣлено, какъ мы тепѣрь его понимаемъ. Приведемъ собственныя его слова:

„Кто близко знакомъ съ Уложеніемъ и вообще съ характеромъ, который имѣло наше законодательство въ XVII столѣтіи, тотъ не станетъ отыскивать

въ памятникахъ этого времени точныя юридическія положенія объ отношеніяхъ крѣпостнаго крестьянина къ владѣльцу"....

„Законодательство XVII столѣтія вовсе не ставило передъ собою той сложной задачи, которую иные ему приписываютъ, задачи—обнять и опредѣлить цѣлую область юридическихъ отношеній между владѣльцемъ и подвластными ему людьми; тогдашнее общество не на столько было способно къ отвлеченію, къ анализу, чтобъ выработать въ себѣ идею рабства, и развить ее съ тою послѣдовательностію, какую мы замѣчаемъ въ законахъ Римскаго и Германскаго права о томъ же предметѣ (1)."

„Власть помѣщика надъ людьми, поселенными на землѣ его, образовалась сама собою, *помимо юридическихъ опредѣленій,* какъ принадлежность отношеній земледѣльца къ землевладѣльцу и какъ послѣдствіе прикрѣпленія; владѣніе людьми незамѣтно сдѣлалось фактомъ, столько же несомнѣннымъ, какъ и фактъ владѣнія землею, на которой люди жили."

„Уложеніе и новоуказныя статьи показываютъ намъ черты различія, которое законъ предполагалъ между крестьянствомъ и холопствомъ: предполагалъ, но не высказывалъ категорически въ смыслѣ юридическаго положенія. Различіе это мало по малу изчезаетъ изъ сознанія въ XVIII столѣтіи; но и XVIII столѣтіе не оставило намъ ни одного закона, въ которомъ прямо выразило бы новое начало, принятое законодательствомъ. Если историкъ, вслѣдъ за развитіемъ учрежденій, въ правѣ произносить свой судъ надъ дѣйствительнымъ, слѣдовательно и необходимымъ воззрѣніемъ

(1) Русскій Вѣстникъ 1858 г., № 11, с. 211.

сказать, что по этому предмету *болѣе мрачныя тѣни ложатся по сю сторону, нежели по ту сторону эпохи Петра Великаго*. Можетъ быть, потому и представляются онѣ намъ мрачны, что, приближаясь къ нашей эпохѣ, опредѣлительнѣе высказываются: что дальше отъ насъ, въ томъ, по смутнымъ очертаніямъ, мы болѣе угадываемъ, нежели видимъ.“ (2)

Таковы разсужденія, внушаемыя г. Побѣдоносцеву Уложеніемъ. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ Уложеніи цѣлыя подробныя статьи о холопахъ, и ни малѣйшаго повода заключать, чтобъ крестьяне принадлежали къ той же категоріи, къ тому же разряду. Они никогда не смѣшиваются, а, напротивъ, строго различаются. Все, что сказано о холопахъ, не принадлежитъ слѣдственно къ крестьянамъ. Крестьяне не холопы, а что-то другое, отъ нихъ отдѣльное, не составляющее, подобно имъ, собственности землевладѣльца. Крестьяне разсматриваются въ Уложеніи какъ жильцы, наемщики, поселенцы.

Если же въ эпоху Уложенія крестьяне были не холопы, то кольми паче не были они по праву, de jure, холопами при Ѳедорѣ и Годуновѣ.

Отъ чего же говоритъ Карамзинъ, что Годуновъ въ 1592 или 1593 году „на вѣки укрѣпилъ крестьянъ за господами?“ (3)

Отъ чего же говоритъ Татищевъ, что „въ 7101 году законъ, о непереходѣ крестьянъ, учиненъ?“ (4)

Отъ чего же общее мнѣніе приписываетъ Борису Годунову основаніе крѣпостнаго права въ Россіи.?

---

(2) ib. c. 220.

(3) Карамзинъ, т. X, с. 209, пр. 352. Изд. второе.

(4) Татищева Судебникъ и проч. изд. 1786 г. с. 221.

Отъ недоразумѣнія, и даже отъ многихъ недоразумѣній, коихъ преисполнена Русская Исторія, не разработанная въ подробностяхъ ученымъ, критическимъ образомъ, обозрѣваемая до сихъ поръ большею частію только *слегка*, *поверхностно*.

Борисъ Годуновъ вовсе не былъ основателемъ крѣпостнаго права въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Никакого общаго, безусловнаго указа, о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, онъ не давалъ.

Указа 1592 года отнюдь не существовало.

Указъ 1597 года не имѣетъ никакого отношенія къ крѣпостному праву, и значитъ совсѣмъ другое.

Крестьяне оставались свободными, даже и тогда, какъ не могли уже ходить съ мѣста на мѣсто, ибо земля, на коей они сидѣли, была преимущественно свободною, то есть принадлежавшею государству, казенною. Крестьяне отдавались временно, такъ сказать, въ услуженіе помѣщиковъ, отъ однихъ къ другимъ, за ихъ службу государству, и непринадлежали къ ихъ имуществу.

Кто же былъ основателемъ у насъ крѣпостнаго права? Никто.

Кого надо винить въ его развитіи?

Обстоятельства.

Маколей, въ вступленіи къ своей исторіи, говоритъ:

„Примѣчательно, что два величайшіе и благотворнѣйшіе перевороты въ Англіи, первый, коимъ въ XIII столѣтіи кончилось тиранство однаго племени надъ другимъ, и второй, нѣсколькими поколѣніями позднѣе, коимъ кончилось владѣніе одного человѣка другимъ, произошли тихо и непримѣтно. Они не возбудили въ современныхъ наблюдателяхъ никакого удивленія, и получили отъ историковъ весьма легкую долю вниманія. Ни законодательная мѣра, ни физическая сила не содѣй-

ствовали приведенію ихъ въ дѣйствіе. Нравственныя причины безъ шума изгладили, сперва различіе между Норманномъ и Саксонцемъ, и впослѣдствіи различіе между господиномъ и рабомъ. Никто не можетъ принять на себя опредѣленіе съ точностью моментовъ, когда эти различія прекратились. Нѣкоторые легкіе слѣды древняго Норманскаго чувства могли бы, можетъ быть, найтися въ концѣ XIV столѣтія. Нѣкоторые легкіе слѣды рабства могли бы открыться любопытными изыскателями даже еще во времена Стуартовъ; и никогда, до самой настоящей поры это учрежденіе не было уничтожено закономъ" (5).

Что случилось въ Англіи съ свободой, то у насъ случилось съ рабствомъ. Нѣтъ возможности поймать моменты водворенія у насъ рабства, точно какъ нѣтъ возможности поймать противоположные моменты у Англичанъ. Рабство закралось къ намъ изподтишка: виноватъ не Борисъ Годуновъ, не Іоаннъ Грозный, не Петръ Великій, а больше всего народный характеръ, кроткій, смирный и терпѣливый до крайностей.

(5) It is remarkable that the two greatest and most salutary social revolutions, which have taken place in England, that revolution, which, in the thirteenth century, put an end to the tyranny of nation over nation, and that revolution, which, a few generations later, put an end to the property of man in man, were silently and imperceptibly effected, They struck contemporary observers with no surprise, and have received from historians a very scanty measure of attention. They were brought about neither by legislative regulation nor by physical force. Moral causes noiselessly effaced first the distinction between Norman and Saxon, and then the distinction between master and slave. None can venture to fix the precise moment at which either distinction ceased. Some faint traces of the old Norman feeling might perhaps have been found late in the fourteenth century. Some faint traces of the institution of villenage were detected by the curious as late as the days of the Stuarts; nor has that institution ever, to thio hour, been abolished by statute.

Приступимъ къ изслѣдованію объ указахъ.

II.

Указы 1597, 1592 г.

Мнѣніе о томъ, что Борисъ Годуновъ основалъ крѣпостное право, утверждается на слѣдующихъ словахъ въ указѣ 1597 года, Ноября 21:

„Которые крестьяне изъ-за бояръ и изъ-за кѣтей боярскихъ и приказныхъ людей, изъ помѣстій и отчинъ, изъ патріарховыхъ, митрополичихъ. . . выбѣжали до нынѣшняго 106 года (7106—1597) за пять лѣтъ, и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и отчинниковъ, за кѣмъ они живутъ, отъ тѣхъ, изъ-за кого они выбѣжали, *судъ давати и сыскивати на крѣпко*, а по суду тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми и со всѣми ихъ животы отвозить назадъ, гдѣ кто жилъ. А которые крестьяне выбѣжали до сего указа за 6 и за 7 и за 10 и больше, а тѣ помѣщики или отчинники, изъ-за кого они выбѣжали, на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ, по нынѣшній 106 годъ, лѣтъ за 6, и болѣе, Царю. . . Ѳеодору Іоанновичу не били челомъ, и Государь Царь. . . на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ, указалъ суда не давати, и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не возити и проч.“ (6)

Разсмотримъ этотъ указъ. Чего требуетъ онъ?

Крестьянъ, бѣжавшихъ за пять лѣтъ до 106, (т. е. 1597—7106 года), указъ велитъ обращать къ преж-

---

(6) Судебникъ Татищева, с. 220. Не понимаю, почему Татищевъ и Карамзинъ причисляютъ этотъ указъ къ 1597 а не 1598 году: 7106=1598. Точно такъ и ниже указы 1601 и 1602 г. должны причисляться къ 1602 и 1603 г.

нимъ помѣщикамъ, а бѣжавшіе прежде, за-десять лѣтъ и болѣе, т. е. въ 1587 году и прежде, (слѣд. почти при Грозномъ), должны остаться на избранныхъ ими мѣстахъ. Вотъ и все! Это указъ о бѣглыхъ, подобный многимъ прежнимъ, старшимъ и младшимъ, указъ, безпрестанно такъ или иначе возобновлявшійся, (какъ при Іоаннахъ, такъ и при Романовыхъ), и неимѣющій ни какого отношенія къ крѣпостному праву. Было ли запрещеніе переходить крестьянамъ, было ли позволеніе— это все равно, бѣгать воспрещалось всегда, т. е. перемѣнять мѣсто жительства, неисполнивъ обязанностей, а именно: не доживъ условнаго срока, не кончивъ урочной работы, не заплативъ должныхъ денегъ, и т. п.

Но наши историки выводили изъ этого указа совсѣмъ другія заключенія:

„Изъ сего (изъ словъ: до нынѣшняго 106 года за пять лѣтъ) видно", говоритъ Татищевъ, что„ въ 7101 году законъ о переходѣ крестьянъ учиненъ" (7).

Точно также говоритъ и Карамзинъ при словахъ указа: до нынѣшняго 106 года за пять лѣтъ: „слѣдственно тогда, въ 1592 или 1593 году былъ запрещенъ переходъ крестьянъ" (8).

Всѣ прочіе наши историки и изслѣдователи повторяютъ это разсужденіе Татищева и Карамзина, безъ малѣйшаго разсужденія, и оно сдѣлалось историческою аксіомой.

По моему мнѣнію, слова указа отнюдь не имѣютъ этого значенія, и не предполагаютъ никакого бывшаго запрещенія за пять лѣтъ, а только назначаютъ срокъ, опредѣляютъ давность, съ которой помѣщики могутъ

(7) с. 221.

(8) Карамзинъ, т. X. пр. 352.

отыскивать своихъ бѣглыхъ крестьянъ. Во второй половинѣ этого указа говорится прямо о крестьянахъ, бѣжавшихъ и прежде пяти лѣтъ, за десять и болѣе, то есть, въ 1587 году, и еще прежде; и всѣ эти бѣглецы многихъ и разныхъ лѣтъ одинаково называются бѣглецами, съ тѣмъ только различіемъ, что младшіе бѣглецы, пятилѣтніе и проч. возвращаются на прежнія ихъ мѣста, а старшіе, десятилѣтніе и проч., нѣтъ: какой же есть тутъ поводъ заключать о мнимо-вставочномъ указѣ 1592 года?

Точно такъ, еслибъ я сказалъ теперь: въ спорахъ о земляхъ давать судъ тому, кто ищетъ земли, завладѣнной до нынѣшняго года за пять лѣтъ, а кто владѣетъ уже шесть, семь или болѣе лѣтъ, безъ иску, у того земли не отнимать, и челобитчику суда не давать: такое постановленіе отнюдь не предполагаетъ другаго постановленія, за пять лѣтъ даннаго!

Постановленіе 1597 года могло быть совершенно новымъ, не имѣть никакого предшествовавшаго: законодателю могло придти на умъ только въ этомъ году, для прекращенія или уменьшенія тяжебъ, ограничить ихъ движеніе пятилѣтнимъ срокомъ.

Сроки, вообще, по крестьянскому вопросу, встрѣчаются очень часто въ извѣстныхъ грамотахъ XIV, XV и XVI столѣтій, см. ниже.

Точно такъ на другія дѣла есть и бывала другая давность, десятилѣтняя, двадцатилѣтняя и т. под.

Это ясно изъ самыхъ словъ указа, если мы вникнемъ въ смыслъ ихъ безъ предубѣжденія, страннымъ образомъ, по какому-то затмѣнію, распространившагося изъ перваго недоразумѣнія.

Рѣшительный примѣръ такого смысла, какой я даю словамъ указа 1597 года, находится въ приговорѣ боярскомъ при Самозванцѣ въ 1606 году; „а на бѣглыхъ крестьянъ *по старому приговору* далѣ пяти лѣтъ суда не давати (9).

Не указываютъ ли даже именно на указъ 1597 года слова: по старому приговору?

Наконецъ, я представлю еще примѣръ изъ лѣтописей, и примѣръ очень древній, совершенно соотвѣтствующій словамъ указа Ѳеодорова, и не предполагающій, разумѣется, никакого предшествовавшаго постановленія.

1229. „Приде князь Михаилъ изъ Чернигова въ Новгородъ... и вда свободу смердомъ на пять лѣтъ даній не платити, кто сбѣжалъ на чюжю землю, а симъ повелѣ, кто сдѣ живетъ, како уставили передніи князи, тако платити дань". (10)

И здѣсь говорится, какъ видятъ читатели, и о побѣгѣ и чужой землѣ, и пятилѣтнемъ срокѣ...

Документъ самъ собою, своимъ содержаніемъ, убѣдительно отвергаетъ существованіе всякаго другаго предшествовавшаго; но и на самомъ дѣлѣ оказывается тоже: указъ 1592 года не существуетъ!

Татищевъ говоритъ: „токмо онаго, яко въ семъ обстоятельствѣ нужнѣйшаго, не отыскано... ежели въ сохранныхъ мною разныхъ городовъ архивахъ не находится ль, которые по времени разсмотря, сему пріобщу." (11)

(9) Акты Археографической Экспедиціи т. II, № 40, с. 98.
(10) Первая Новгородская Лѣтопись.
(11) Татищевъ, с. 221, прим. 6.

Карамзинъ говоритъ: „сей законъ до насъ не дошелъ, но объ немъ упоминается въ законѣ 1597 года." (12).

Удивительно, какимъ образомъ могло случиться, что самый важный основный законъ, законъ, касающійся до многочисленнѣйшаго класса жителей, опредѣляющій ихъ положеніе, связанный съ ихъ выгодами, по содержанію своему для исполненія повсемѣстный, должный разослаться повсюду, пропалъ такъ, чтобъ ни гдѣ не нашлось ни одной копіи, не говоря уже о множествѣ бывшихъ подлинниковъ?

Мы имѣемъ сотни списковъ Судебниковъ съ приложеніемъ послѣдовавшихъ постановленій; а этого несчастнаго указа, по содержанію своему принадлежавшаго къ ихъ составу, нѣтъ нигдѣ!

Новое доказательство, a posteriori, что его не было, Правда, что многіе документы наши пропали, даже изъ новаго времени, когда письменность была распространена повсемѣстно, но все-таки основному закону мудрено пропасть совершенно безъ вѣсти.

И такія ли были обстоятельства въ 1592 году, которыя моглибъ заставить рѣшиться на подобную важную мѣру? Это было время общаго смущенія, вслѣдствіе погибели царевича Димитрія въ Угличѣ, и Крымскаго нашествія на Москву.

Далѣе—Уложеніе составлено изъ всѣхъ предшествовавшихъ постановленій, по мѣстамъ очень явственно вставленныхъ; закона о запрещеніи перехода крестьянъ тамъ нѣтъ: какъ же бы могло случиться, еслибъ такой законъ существовалъ? Онъ касается до двухъ главныхъ сословій! Напротивъ, тамъ въ 3 статьѣ XI главы есть мѣсто: по нынѣшній Государевъ указъ Государевы заповѣди не было, что никому за себя крестьянъ не пріимати, а указаны были бѣглымъ крестьянамъ урочные годы.

(12) Карамзинъ, X. прим. 249.

Во всѣхъ современныхъ и послѣдующихъ постановленіяхъ, ни прямо, ни косвенно, нѣтъ упоминовенія о запрещеніи переходить, нѣтъ намека, нѣтъ ссылки, нѣтъ повода предполагать, чтобъ оно когда либо было издано. (13)

А указъ Шуйскаго, возразятъ, 1607 года, въ которомъ именно сказано, что Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старшихъ бояръ, запретилъ крестьянскій выходъ,—законъ, послужившій Татищеву главнымъ подтвержденіемъ мнѣнія о запрещеніи 1592 года?

Обратимся теперь къ этому документу, играющему главную роль въ рѣшеніи вопроса о крѣпостномъ правѣ.

III.

Указъ царя Василія Ивановича Шуйскаго, 1607 года.

Этотъ документъ, мнѣ кажется,—подложный, по вопіющему противорѣчію, которое въ себѣ заключаетъ.

---

(13) Не лишнимъ считать обратить здѣсь вниманіе на уставную грамоту, данную Патріархомъ Іовомъ Новинскому монастырю, въ 1590 году, слѣдовательно за два только года до мнимаго запрещенія, гдѣ именно говорится о свободномъ переходѣ крестьянъ:

А на пустыя выти Игумену крестьянъ призывати, а приказчикамъ порука по нихъ имати съ записьми, чтобъ были люди добрые. А который крестьянинъ выидетъ за волость съ *отказомъ,* и та выть пахати того села крестьянамъ, а тягль Царя и Великаго Князя и монастырскія подати давати всякія, и дѣло дѣлати *пока* мѣста крестьянинъ будетъ на ту выть, а Игумену въ ту выть не вступатися.

А хто переидетъ въ волости или въ селѣ или въ деревняхъ изъ двора во дворъ на житье, и прикащикъ возметъ явки двѣ денги; а хто выдетъ за волость съ пашни, или войдетъ, а прикащику явки денга, и проч.

И хто въ тѣхъ селахъ учнуть жити слугъ и крестьянъ, и крестьяномъ пахати, и проч.

Замѣтимъ кстати, что эта грамота есть одна изъ важнѣйшихъ, и могла бы быть предметомъ магистерской диссертаціи, по богатству и разнообразію данныхъ, въ ней заключающихся.

Она напечатана во Временникѣ, книга вторая, 1849 года.

„Лѣта 7115 (1607) Марта въ 9 день... Царь... Василій Іоанновичь..., съ отцемъ своимъ св. Гермогеномъ Патріархомъ... со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и со своимъ *царскимъ сигклитомъ,* слушавъ доклада помѣстной избы отъ бояръ и дьяковъ, что переходомъ крестьянъ причинились великія крамолы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чего де при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ не было, потому что крестьяне выходъ имѣли вольный, а Царь Өеодоръ Іоанновичь, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ, и у кого колико тогда крестьянъ было, книги учинилъ, и послѣ отъ того начались многія вражды, крамолы и тяжи. Царь Борисъ Өедоровичь, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги оставилъ, и переходъ крестьяномъ далъ, да не совсѣмъ, что судьи не знали, како по тому суды вершити, и нынѣ великія въ томъ учинилися распри и насилія, и многимъ разоренія и убивства смертныя, и многіе разбои и по путемъ грабленія содѣяшася и содѣваются. Сего ради приговорили есми и уложили по святымъ великимъ соборамъ и по правиламъ Святыхъ отецъ (!?), которые крестьяне отъ сего числа предъ симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 году положены, и тѣмъ быти за тѣхъ, за кѣмъ писаны.. а необъявленные и неискомые могутъ оставаться безъ взысканія на новыхъ своихъ мѣстахъ."

"А буде которые отнынѣ и за кого вышедъ перейдутъ къ иному кому бы то ни было, и тотъ приметъ противо сего нашего соборнаго уложенія, и у того крестьянина взявъ, перевести ему со всѣми того крестьянина пожитки, откуда онъ перебѣжалъ"..... и заплатить пеню (14).

---

(14) Ib. c. 240

Разсмотримъ этотъ указъ.

Законодатель въ самомъ началѣ осуждаетъ распоряженіе о запрещеніи крестьянскаго перехода; возлагаетъ всю вину на Бориса Годунова, поступившаго мимо совѣта старшихъ бояръ, и представляетъ въ доказательство всѣ гибельные плоды запрещенія, вслѣдствіе коихъ самъ, де, его виновникъ оное принужденъ былъ отложить.

Послѣ такого вступленія, чего же вы ожидаете отъ законодателя?

Разумѣется, совершенной отмѣны закона, имъ такъ очевидно осужденнаго, и на самомъ дѣлѣ уже почти не существовавшаго. Ничуть не бывало! Шуйскій не только не уничтожаетъ вреднаго закона, со всѣми приписанными ему пагубными слѣдствіями, но возстановляетъ его сполна, даже усиливаетъ, предлагая строгія наказанія и пени за нарушеніе.

Съ чѣмъ же это сообразно? Къ какой стати говорить было Шуйскому о волненіи въ народѣ веліемъ, о враждахъ, крамолахъ, разореніяхъ, убійствахъ смертныхъ, распряхъ, насиліяхъ, разбояхъ и тяжахъ, когда онъ источникъ, причину всѣхъ бѣдствій, имъ самимъ признанный, не только не отстраняетъ, но тутъ же, въ этомъ самомъ указѣ, утверждаетъ и умножаетъ? Нѣтъ, въ оффиціальномъ правительственномъ актѣ такого противорѣчія быть не можетъ: ни одного примѣра ни изъ котораго времени, во всей старой администраціи нашей, отличавшейся толковитостью, привести нельзя.

Законъ Шуйскаго заключаетъ еще и другое противорѣчіе: онъ говоритъ, что крестьяне должны оставаться за тѣми помѣщиками, за которыми положены за 15 лѣтъ, т. е. въ 7101 г. Тѣ, которые ушли съ 7101 года, т. е. въ 7102, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12,

31. 14, и оглашены, тѣ должны быть возвращаемы прежнимъ помѣщикамъ.

Но въ указѣ 1601 г. (7110=1602) позволено было переходить (см. ниже): спрашивается, какимъ же образомъ перешедшіе тогда по закону, могутъ быть теперь возвращаемы?

Въ 1602 г. (7111=1703) былъ еще общій переходъ, (см. ниже), торжественно разрѣшенный.

Въ боярскомъ приговорѣ 1605 года именно сказано, что бѣжавшіе въ 110, 111, 112 годахъ могутъ оставаться на новыхъ мѣстахъ, если докажутъ необходимость бѣгства.

Спрашивается, какъ можетъ быть подобное противорѣчіе въ оффиціальныхъ актахъ, столь между собою близкихъ?

Въ подтвержденіе моего сомнѣнія, приведу сомнѣніе Карамзина, возбужденное въ немъ не содержаніемъ указа Шуйскаго, но его слогомъ, внѣшностію ([15]).

„Признаюсь,“ „говоритъ онъ“, „что сей указъ Шуйскаго, даже и Θеодоровъ, о крестьянахъ кажется мнѣ сомнительнымъ, по слогу и выраженіямъ необыкновеннымъ въ бумагахъ того времени: оставляю будущимъ разыскателямъ древностей рѣшить вопросъ объ истинѣ или подлогѣ Татищевскаго списка: пусть найдутъ другой! Татищевъ говоритъ, что онъ списалъ законы Θеодоровы и Борисовы съ манускрипта Бартенскаго, Голицынскаго и Волынскаго, а законъ царя Василія Ивановича Шуйскаго получилъ отъ Казанскаго губернатора к. Сергія Голицына.“

Въ другомъ мѣстѣ, XI, пр. 121, Карамзинъ отозвался о законѣ Шуйскаго такъ: „Шуйскій въ своемъ законѣ, истинномъ или подложномъ, говоритъ,“

---

(15) Карамзинъ, X. пр. 349.

Графъ Блудовъ, издавая XII томъ исторіи Карамзина, въ примѣчаніи 165 говоритъ по изложеніи Васильева закона: „Можетъ быть инымъ читателямъ уже извѣстно, что нашъ покойный исторіографъ худо вѣрилъ подлинности сего акта, котораго нѣтъ ни въ одномъ изъ государственныхъ архивовъ, о коемъ не упоминаютъ современные лѣтописцы, и который изданъ въ свѣтъ (въ дополненіи къ Судебнику) историкомъ Татищевымъ, нерѣдко дозволявшимъ себѣ изобрѣтать древнія преданія и рукописи. Соображая всѣ сіи обстоятельства, въ самомъ дѣлѣ трудно удержаться отъ мысли о подлогѣ: ее оправдываютъ и странность нѣкоторыхъ разсужденій, помѣщенныхъ въ семъ, будто бы Василіевомъ законѣ, и самый слогъ онаго. Въ одномъ изъ манускриптовъ, бывшихъ въ нашихъ рукахъ, противъ словъ текста: (Шуйскій) подтвердилъ уложеніе Ѳедора Іоанновича, но сказавъ, что оно составлено Годуновымъ, вопреки мнѣнія бояръ старѣйшихъ, и произвело въ началѣ много зла, и проч. (см. с. 69 сего XII тома), исторіографъ своею рукою прибавилъ на полѣ: *все сомнѣваюсь; для чего же не перемѣнилъ?*"

Мнѣніе, или, лучше, сомнѣніе Карамзина очень важно, и должно быть принято въ соображеніе ([16]).

(16) Позволяю себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ авторитетахъ, на которыхъ, по послѣднимъ нашимъ ученіямъ, возникло гоненіе: авторитеты у насъ стали было ни по чемъ (по крайней мѣрѣ старые, а новые изволь мы принимать безпрекословно!). Я совершенно согласенъ, что вѣрить никому не должно безъ испытанія; но бываютъ случаи, когда многолѣтняя опытность, занятіе долговременное однимъ предметомъ, даютъ право ученому предложить свое чаяніе, въ случаѣ отсутствія документовъ. Бываетъ чутье у такого ученаго, какъ у инаго полководца, дипломата, медика. Я такъ думаю, скажетъ онъ (Добровскій, Шлецеръ, Карамзинъ), и это думанье—второе зрѣніе, hallucination, имѣетъ значеніе и силу въ наукѣ, должно быть принимаемо въ соображеніе.

Дѣйствительно, всматриваясь въ указъ Шуйскаго, по указанію Карамзина, мы находимъ выраженія совершенно несообразныя,—не въ духѣ того времени, не въ тонѣ языка грамотъ. Не говоря о царскомъ синклитѣ, напечатанномъ у Карамзина курсивомъ, что это за выраженіе: Царь Борисъ Ѳедоровичъ, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги оставилъ и переходъ крестьянъ далъ, да не совсѣмъ и проч.?

Указъ Шуйскаго говоритъ, что Борисомъ Годуновымъ учинены особыя книги о принадлежности крестьянъ къ землѣ: но гдѣ же эти книги? Мы имѣемъ разныя Писцовыя книги,—онѣ всѣ одинакія, какъ за предшествовавшее Годунову время, такъ и за послѣдовавшее: никакой разности, въ нихъ не примѣчается.

Въ моемъ спискѣ Судебника, поступившемъ въ Петербургскую библіотеку, вслѣдъ за его текстомъ, находились указы Ѳеодора, Бориса, приговоръ боярскій при Димитріѣ Самозванцѣ, но Шуйскаго указа не было.

Строевъ, найдя впродолженіи своей археографической экспедиціи, указъ 1602 года, сказалъ, по поводу сомнѣній Карамзина: „теперь сомнѣнія изчезаютъ: найденный указъ... съ ссылкою въ немъ на указъ предшествовавшаго 1601 года, ясно доказываетъ дѣйствительность существованія сего послѣдняго, и удостовѣряетъ, что и *остальные вышеприведенные законы въ сущности своей несомнительны*". Нисколько. Объ указѣ 1601 года, подтверждаемомъ находкою 1602 г., никто не сомнѣвался, а вопросъ о прочихъ указахъ остается въ прежней силѣ, за неимѣніемъ другихъ списковъ.

Заключаю: въ указѣ 1597 года нѣтъ ни малѣйшаго повода заключать о запрещеніи въ 1592 году крестьянскаго перехода, и подтвержденіе указомъ Шуйскаго от-

нюдь несостоятельно: вступленіе въ этомъ указѣ подложное, если самый указъ и существовалъ дѣйствительно. (17)

IV.

Указъ 1601 года.

Приступая къ разсмотрѣнію этого важнаго указа, напомню правила Шлецера, которыя вполнѣ къ нему прикладываются: незабвенный отецъ нашей исторической критики, мало цѣнимый въ послѣднее время но-

---

(17) Г. Бѣляевъ въ своемъ сочиненіи: Крестьяне на Руси, 1860, приводитъ еще слѣдующія доказательства противъ подлинности указа Шуйскаго (с. 111).

Во 1-хъ сей указъ смѣшиваетъ крестьянъ съ холопами, а таковаго смѣшенія въ Русскихъ законодательныхъ памятникахъ до XVIII вѣка не было; во 2-хъ, въ семъ мнимомъ указѣ сказано: „А въ городахъ воеводамъ и дьякамъ и всякимъ приказнымъ людямъ извѣдыватись во всемъ ихъ уѣздѣ чрезъ старостъ и сотскихъ и священниковъ, нѣтъ ли гдѣ пришлыхъ людей вновь.“ Это прямо взято изъ указовъ Петра I, который даже назначалъ наказаніе старостамъ, сотскимъ и священникамъ, ежели они будутъ скрывать пришлыхъ людей; въ 3-хъ, въ указѣ сказано: А примутъ чьего холопа или рабу или крестьянина въ Царевы и Великаго Князя волости или села, или въ черные волости, или въ Патріарши и Святительскія и монастырскія села, ино за пріемъ правити на волостеляхъ или на прикащикахъ и старостѣ, кто ту волость или села тогда управлялъ, и пришлаго принялъ, а пожилья и за дворы имати на тѣхъ селахъ и волостяхъ; а въ городахъ на всѣхъ посадскихъ по сему уложенію.“ Это распоряженіе прямо взято изъ Петровскихъ или даже Екатерининскихъ указовъ, въ которыхъ Патріаршія, Святительскія и монастырскія села приравнены къ одному разряду съ дворцовыми и черными волостьми, въ слѣдствіе разныхъ распоряженій Петра I о казенномъ управленіи монастырскими крестьянами; тогда какъ во время Шуйскаго, и даже по Уложенію Царя Алексѣя Михайловича, Патріаршія, Святительскія и монастырскія села считались въ одномъ разрядѣ съ частными вотчинами. Отсюда ясно, что указъ 1607 года отъ 9-го Марта никакъ не могъ быть написанъ въ то время, къ которому его относятъ по году надписанія.

воуками, заповѣдовалъ разбирать, въ 1-хъ, что говорить тотъ или другой древній свидѣтель, то есть, возстановить его слова, какъ онѣ были имъ сказаны; во 2-хъ, изслѣдовать, что онъ разумѣлъ подъ своими словами, какъ понималъ ихъ, — ибо многія теперь значатъ совершенно иное, чѣмъ прежде; наконецъ въ 3-хъ, провѣрить его показанія прочими историческими источниками. Эти изслѣдованія относятся къ критикѣ низшей: высшая разсматриваетъ содержаніе памятника въ отношеніи къ его времени, и въ отношеніи ко времени послѣдующему, и наконецъ опредѣляетъ его значеніе въ текущей исторіи.

Итакъ, прежде всего мы спрашиваемъ текстъ указа!

Чтобъ исполнить это требованіе, надо собрать всѣ списки указа, сличить между собою, подобрать важнѣйшіе варіанты, и возстановить истинное чтеніе.

Наше ученое невѣжество таково, что мы не можемъ отвѣчать даже на простой вопросъ: сколько есть списковъ этого указа?

Г. Бередниковъ, при изданіи Актовъ, точно такъ же не имѣлъ никакихъ ясныхъ понятій, и не держался постоянныхъ правилъ, какъ и при изданіи Лѣтописей, хотя и твердилъ о критикѣ въ своихъ предисловіяхъ: онъ напечаталъ вновь Судебникъ, сличенный г-мъ Строевымъ по многимъ спискамъ, напечаталъ нѣкоторыя дополнительныя статьи, а другія нѣтъ, почему — неизвѣстно. Такъ и Борисовъ указъ 1601 г. у него не помѣщенъ, а помѣщенъ другой, вновь найденный, 1602-го, о которомъ говорить мы будемъ послѣ. Слѣдовательно, мы должны довольствоваться Татищевскимъ печатнымъ спискомъ, перепечатаннымъ у Карамзина и у прочихъ, не зная даже, къ большему для себя недоумѣнію, есть ли еше другіе списки, или нѣтъ, въ боль-

шихъ юридическихъ сборникахъ, изъ коихъ Экспедиція и Коммиссія заимствовали свои выписки.

Могу сказать только, что въ одной моей рукописи, поступившей съ прочими въ И. Петербургскую библіотеку, находился очень старый списокъ Судебника съ указами Θеодора, Бориса и Самозванца о крестьянахъ. Можетъ быть даже это единственный сохранившійся списокъ Борисова указа 1602 года, потому что Татищевскіе списки, полученные имъ отъ Бартенева, Волынскаго, и Князя Голицына, пропали, или, неизвѣстно гдѣ скрываются.

Приступаемъ, за невозможностію сличать, къ разсмотрѣнію указа, какъ онъ есть, по Татищеву и Карамзину.

Указъ явственно состоитъ изъ трехъ частей:

1) Такимъ-то помѣщикамъ (малочиновнымъ) позволяется въ настоящемъ 1601 году возить крестьянъ между собою.

2) Такимъ-то (знатнымъ, большимъ) помѣщикамъ возить крестьянъ между собою не позволяется.

3) „А которымъ людемъ промежъ собою въ нынѣшнемъ 110 году крестьянъ срокъ возити, и тѣмъ, по Государеву Цареву указу, возити одному человѣку изъ-за одного человѣка одного крестьянина, или двухъ, а трехъ и четырехъ одному изъ-за одного никому не возити.“

Къ кому относятся всѣ сіи три части, составляющія указъ?

Онѣ относятся, какъ съ перваго взгляда видно, гораздо болѣе къ помѣщикамъ, чѣмъ къ крестьянамъ, ибо—

1) Еслибъ указъ относился къ крестьянамъ, то довольно было бы сказать, что крестьянамъ дается, такимъ-то, выходъ, и они могутъ идти, кому куда угодно;

никакъ не было бы нужно упоминать вообще объ помѣщикахъ, не только исчислять такъ подробно всѣ ихъ классы, высшіе и низшіе (см. ниже).

2) Въ указѣ одни помѣщики противопоставляются другимъ, какъ бы въ отличіе или пользу однихъ передъ другими, т. е., одни получаютъ право возить промежъ себя крестьянъ, другіе нѣтъ. Крестьяне, слѣдовательно, здѣсь въ сторонѣ: случайно только нѣкоторымъ изъ нихъ открывается возможность перемѣнить мѣсто своего жительства.

Если бъ сказано было теперь, что военные могутъ пріобрѣтать крестьянъ, а гражданскіе чиновники нѣтъ, то развѣ мы увидѣли бы въ такомъ позволеніи распоряженіе въ пользу крестьянъ?

Такъ точно и въ указѣ, который мы разсматриваемъ, имѣются въ виду помѣщики, а не крестьяне.

3) Указъ позволяетъ возить крестьянъ промежъ себя— одному помѣщику изъ-за одного по одному крестьянину и по два, а не по три, не по четыре: такое постановленіе ясно предполагаетъ сдѣлку между помѣщиками, безъ которой переходъ крестьянамъ невозможенъ: крестьянинъ хочетъ отойти отъ одного помѣщика, но если нѣтъ другаго, который бы его принялъ, и за него представилъ замѣну, то онъ перейдти не можетъ? Новое доказательство, что здѣсь разрѣшается вопросъ помѣщичій, а не крестьянскій! Возите одного или двухъ, а не трехъ и четырехъ—такъ можно сказать только помѣщикамъ, а не крестьянамъ!

4) Указъ позволяетъ возить крестьянъ по одному и по два, (какъ объясняютъ это мѣсто Карамзинъ и Татищевъ съ прочими, см. ниже): положимъ—крестьянъ пятеро захотѣло выйдти изъ помѣстья: кто же выберетъ одного или двухъ счастливцевъ? Почему уступятъ, и

кого послушаются остальные трое? Нельзя предполагать ничего, кромѣ права помѣщиковъ, которые, слѣдовательно, играютъ здѣсь главную роль.

5) Въ третьей части указъ обращается прямо и исключительно къ помѣщикамъ и говоритъ именно: „а *которымъ людемъ* въ нынѣшнемъ году крестьянъ срокъ возити“—ясно, что у помѣщиковъ бывали, какъ мы уже замѣтили выше, какіе-то условія между собою, какія-то сдѣлки „промежъ себя,“ которыхъ слѣдъ изгладился, или до сихъ поръ не отысканъ.

6) Самыя выраженія, употребляемыя для означенія перехода, указываютъ гораздо болѣе на участіе помѣщиковъ въ переходѣ, чѣмъ самихъ крестьянъ: *отписывати, возити промежъ себя, отказывати,*—такъ что этотъ переходъ вѣрнѣе можетъ быть названъ переводомъ. (Нужно собрать всѣ мѣста изъ грамотъ и прочихъ документовъ, въ коихъ употребляются эти важныя слова, чтобы опредѣлить строго ихъ значеніе).

7) Переходъ 1601 года былъ мѣстный: самый обширный уѣздъ (18), Московскій (19), исключался изъ вольнаго обращенія,—еще подтвержденіе, что поводомъ къ нему были не крестьяне, а какія-то другія мѣстныя обстоятельства.

Что же есть для крестьянъ въ этомъ указѣ?

Для крестьянъ только выраженіе, въ началѣ употребленное:

„Въ нынѣшнемъ 110 году... Царь... пожаловалъ, во всемъ своемъ Московскомъ государствѣ, отъ налогъ и отъ продажъ охраняя, велѣлъ крестьяномъ дати выходъ, и возити крестьянъ дворяномъ“ и проч.

---

(18) Нужно опредѣлить значеніе и этого слова.

(19) Нужно опредѣлить пространство Московскаго уѣзда.

Г. Побѣдоносцевъ, въ вышеупомянутой статьѣ своей, справедливо замѣчаетъ, что это „охраненіе“ относится къ выгодамъ не крестьянъ, а помѣщиковъ,“ и, дѣйствительно, оно кажется мнѣ какою-то аномаліей, диссонансомъ, будто вставкою въ составѣ всего указа, соединяясь съ совершенно другаго рода распоряженіемъ, распоряженіемъ помѣщичьимъ: крестьянамъ дати выходъ *и* возити ихъ дворянамъ такимъ-то между собою.

Мнѣ не помнится нигдѣ въ грамотахъ подобнаго оборота: отъ продажъ и налоговъ *охраняя*!

Странно также распоряженіе, объявленное въ началѣ указа „во всемъ Московскомъ государствѣ,“ которому явно, кажется, противорѣчитъ послѣдующее исключеніе: „и въ Московскомъ уѣздѣ всѣмъ людемъ промежъ собою, да изъ иныхъ городовъ въ Московской уѣздъ потомужъ крестьяномъ не отказывати и не возити.“

Разсмотрѣвъ содержаніе указа, мы заключаемъ, что онъ относится преимущественно къ помѣщикамъ.

А какое положеніе дѣла, касательно нашего вопроса, предполагаетъ этотъ помѣщичій указъ? Что было передъ нимъ—позволеніе или запрещеніе? То есть: изъ общаго запрещенія указъ дѣлалъ исключеніе, предоставляя малочиновнымъ помѣщикамъ право возить крестьянъ между собою, или изъ общаго позволенія дѣлалъ онъ исключеніе, запрещая знатнымъ помѣщикамъ возить крестьянъ между собою?

Судя по тѣмъ словамъ въ началѣ, о которыхъ, впрочемъ, мы изъявили сомнѣніе („велѣли крестьяномъ дати выходъ“), слѣдуетъ, кажется, предполагать вѣроятнѣе запрещеніе. Это запрещеніе явствуетъ и изъ третьей части указа: „а которымъ срокъ возити,“ то

возити такъ-то. Значитъ, что, передъ тѣмъ не смотря, на истеченіе срока, возить никому было нельзя.

Но если и было запрещеніе, то представляется еще вопросъ: какое запрещеніе—временное, въ родѣ опредѣляемаго этимъ указомъ, или общее, постоянное?

Указъ заключаетъ годичное распоряженіе, „въ нынѣшнемъ 1601 году.“ Въ будущемъ 1602 году, слѣдовательно, понадобится особое распоряженіе, быть ли переходу или нѣтъ, какому и гдѣ? Такъ было и въ самомъ дѣлѣ: г. Строевъ нашелъ подлинный указъ слѣдующаго 1602 года. См. ниже.

Вотъ первое слѣдствіе, извлекаемое нами изъ этого указа.

Да и нѣтъ ни малѣйшаго повода думать, при дозволеніи этимъ указомъ перехода въ однихъ мѣстахъ и запрещеніи въ то же время въ другихъ, чтобъ такимъ позволеніемъ и запрещеніемъ нарушалось какое-нибудь прежнее общее узаконеніе, или вводилось что-либо небывалое, новое—нѣтъ, изъ всѣхъ словъ указа, по всему ходу рѣчи, ясно видно, что это мѣра обыкновенная, слѣдующая по общеизвѣстному порядку вещей, отнюдь не новая: такіе-то крестьяне могутъ нынѣ переходить, такіе-то не могутъ; тамъ-то позволяется переходъ, тамъ-то воспрещается. Слѣдовательно, случалось и прежде, что одни крестьяне переходили, другіе оставались, или—всѣ переходили и всѣ оставались.

Если переходъ или непереходъ были опредѣляемы ежегодно, быть тому или другому, или не быть, также какъ быть и какъ не быть, то, значитъ, общаго закона, запретительнаго, равно какъ и позволительнаго, о переходѣ крестьянъ при Борисѣ, кольми паче при Ѳеодорѣ, еще не было, а бывали ограниченія въ частности, по времени и мѣсту, по обстоятельствамъ,—раз-

ныя позволенія и разныя запрещенія. Если бъ было общее запрещеніе, то нечего бъ назначать по годамъ: въ этомъ году не ходите! А видно въ этомъ году можно было ходить, равно какъ и прежде.

Что не было общаго запрещенія, то подтверждается непреоборимо еще слѣдующимъ постановленіемъ или выраженіемъ этого указа: „а которымъ людемъ срокъ возити,“—изъ этихъ словъ ясно видно, что были еще условія, порядныя, по которымъ крестьяне жили: если бы они были уже окончательно прикрѣплены къ землѣ, то ни объ какихъ срокахъ толковать было неумѣстно; всѣ сроки былибъ уничтожены запрещеніемъ.

Вотъ второе важнѣйшее для меня слѣдствіе, которое можно извлечь изъ этого указа.

Но по Судебникамъ, первому и второму, переходъ крестьянъ былъ вольный, безусловный и повсемѣстный. Слѣдовательно, указъ 1601 года все-таки предполагаетъ какое-то измѣненіе въ постановленіяхъ, какое-то предшествовавшее нововведеніе, было-ль это временное ограниченіе или что иное.

Отвѣчаю: общее правило о переходѣ крестьянъ подвергалось, безъ сомнѣнія, всегда исключеніямъ, и крестьяне, въ извѣстные годы или въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, были оставляемы на своихъ мѣстахъ, не только во время Судебниковъ, но и до Судебниковъ. Въ грамотахъ XIV, XV и XVI столѣтій есть много указаній на эти ограниченія, на примѣръ.

1338—1340. Въ грамотѣ В. К. Ивана Даниловича Калиты: Архимандриту (Юрьева Новогородскаго монастыря) *тяглыхъ людей Волоцкихъ не пріимати;* также и изъ отчины К. В. изъ Москвы не пріимати.

№ 17. 1410—1417. Въ грамотѣ Нижегородскаго Князя Александра Ивановича: а тутошныхъ людей становыхъ (живущихъ въ станѣ) Игуменъ въ монастырь не примаетъ, а кого къ себѣ Игуменъ призоветъ людей изъ иного княженья, а не изъ моее отчины, и тѣмъ людемъ пришлымъ не надобѣ моя дань на десять лѣтъ... а уживутъ десять лѣтъ и они потянутъ...

Въ грамотѣ В. К. Нижегородскаго Даніила Борисовича, того же времени, № 18: И кого къ себѣ въ то село и на тѣ пустоши перезовутъ людей и тутошнихъ старожильцевъ... и тѣмъ не надобѣ моя дань на три года.—...а ....изъ иныхъ княженій, а не изъ моея отчины, и тѣмъ не надобѣ моя дань и проч. А какъ отсидятъ тѣ люди пришлые свои урочныя лѣта, и они потянутъ въ дань съ монастырскими людьми по силамъ. А что ми сказалъ Малахій Архимандритъ что *перенялъ* моихъ сиротъ Черньцовыхъ дѣтей, Вешняна да Палку, да Яковка, а они деи *пошли* изъ моея отчины, и онъ ихъ у себя осадилъ, и тѣ люди вѣдаетъ архимандритъ и проч.

Въ грамотѣ 1421 г. № 21: Се язъ Князь Великій Василій Димитреевичь, *ослободилъ* есми отцу своему Фотію, Митрополиту Кіевскому, купити... деревню, а *тутошныхъ людей волостныхъ въ ту деревню отцу моему не пріимать*, а кого отецъ мой перезоветъ въ деревню людей изъ иныхъ княженій, а не изъ моего великаго княженія, и тѣмъ людемъ пришлымъ на десять лѣтъ не надобѣть имъ моя дань, ни ямъ, а отсидятъ урокъ 10 лѣтъ, и они потянутъ въ мою дань и въ ямъ по силѣ.

(Изъ этой грамоты видимъ, что для покупки деревень нужно было позволеніе Князя даже и для Митрополита.)

№ 29, въ договорной грамотѣ В. К. Василья Васильевича 1435 г., а тобѣ въ моей вотчинѣ въ Москвѣ:

и во всемъ моемъ В. К. селъ не купити, ни закладней держати,...а съ дворомъ человѣка тяглого не купить въ городъ, а мнѣ въ твоей вотчинѣ и проч.

№ 31. 1437. И кого Игуменъ къ себѣ призоветъ людей на тѣ пустоши изъ иного княженья, а не изъ нашея вотчины великого княженья, или *кого людей откупивъ посадитъ,* и тѣмъ людѣмъ ненадобѣ имъ моя дань и проч.

№ 39. 1446 г. Въ грамотѣ В. К. Дмитрія Юрьевича: Что ихъ люди монастырскіе старожильцы разошлись жити по инымъ мѣстомъ, а придутъ къ нему въ деревни въ м. опять жити на свои мѣста, или въ дворы подъ монастырь, ино имъ на пять лѣтъ ненадобѣ моа дань,....(а прочимъ на 10 лѣтъ).

№ 44. Въ грамотахъ В. К. Василья Васильевича 1449 г. Кого къ себѣ *перевезутъ* людей на тѣ пустоши тутошныхъ старожильцовъ, которые преже того тутоже живали, или кого перевезутъ людей изъ иныхъ княженья ино тѣмъ людемъ инокняженцомъ....нетянути ни въ какіе проторы ни въ розметы.

№ 45. А которой христіанинъ волостной Романовецъ, или изъ села изъ церковнаго, выйдетъ за рубежъ, а хотя ити къ Андрею на ту пустошь, и Андрею тѣхъ христіанъ волостныхъ, ни селчанъ церковныхъ, не пріимати.

№ 46. Въ подобной грамотѣ В. К. Василья Васильевича, 1450 г. есть ссылка на грамоту Калиты.

№ 64. Въ жалованной грамотѣ В. К. Василья Васильевича, данной Троицкому монастырю въ 1460 году, онъ пишетъ: „что ихъ (монастырскія) села въ Углицкомъ уѣздѣ, и которые люди отъ нихъ вышли изъ ихъ селъ въ мои села Великаго Князя, или въ села въ мои Великія Княгини, и въ боярскіе села, сего лѣта,

не хотя ѣхати на мою службу великаго государя къ берегу; и язъ Князь Великій пожаловалъ Игумена Васьяна съ братьею, велѣлъ есми тѣ люди вывести назадъ. А которые люди живутъ въ ихъ селѣхъ и нынѣче; и язъ Князь Великій не велѣлъ тѣхъ людей пущати прочь."

Въ другой жалованной грамотѣ тому же Троицкому монастырю (писанной 1463 г.) сказано: „Также есмь Игумена съ братьею пожаловалъ: котораго ихъ хрестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ себѣ откажотъ, а ихъ старожилца, и язъ Князь Великій тѣхъ хрестьянъ изъ присѣкъ и изъ деревень *не велѣлъ выпущати ни къ кому.*" (Акты Ис. № 59).

№ 102. 1476. Въ грамотѣ Углицкаго Князя Андрея Васильевича, данная Покровскому монастырю въ 1476 году: „И кого къ себѣ перезовутъ (монахи) жити изъ моей вотчины безвытныхъ людей, или себѣ откупивъ посадятъ: и тѣмъ моимъ людемъ ненадобѣ моя дань на десять лѣтъ, а тяглыхъ моихъ людей писменныхъ и вытныхъ въ ту слободку *не приниматi.*"

Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ ясно видно, что перезываніе кресьянъ съ мѣста на мѣсто, велося искони, также— что льготы на новыхъ мѣстахъ были одною изъ главныхъ побужденій перехода. Сроки десятилѣтніе, пятилѣтніе и прочіе, появляются очень рано.

Такъ точно и послѣ Бориса, переходъ продолжался до позднѣйшаго времени, до Уложенія и даже послѣ его.

Въ Писцовыхъ книгахъ этого времени (Бѣлевской, напримѣръ, по замѣчанію издателя г. Елагина) мы находимъ извѣстіе о переходѣ безъ всякаго замѣчанія объ его незаконности: „отказался по старинѣ," „сшелъ въ такой-то уѣздъ," „въ такое то село," „сшелъ безвѣстно въ такомъ-то году."

К. Аксаковъ, въ отличной своей рецензіи, которая стоитъ цѣлаго изслѣдованія, по поводу изданной г. Елагинымъ Писцовой книги, говоритъ совершенно справедливо: „переходъ или выходъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ въ 1630 годахъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, существовалъ не только de facto, но и de *jure, ибо, очевидно, онъ* признается въ Писцовыхъ книгахъ (20).

Позволяемъ себѣ привести здѣсь въ примѣръ мѣстничество: оно состояло искони изъ извѣстныхъ правилъ и узаконеній, не вошедшихъ, однако же, въ Судебники; но случались обстоятельства, по которымъ правительство издавало приказаніе—быть безъ мѣстъ. Такъ точно крестьяне издревле имѣли у насъ переходъ вольный; но случались обстоятельства, когда правительство находило нужнымъ прерывать этотъ переходъ, или ограничивать, можетъ быть, еще прежде Іоанновъ, точно какъ при Ѳеодорѣ, Борисѣ и даже послѣ, при Романовыхъ. Всѣ эти запрещенія были только временныя и случайныя, и не предполагали никакого положительнаго непремѣннаго правила или закона.

Отъ общаго значенія этого важнаго указа перейдемъ къ частностямъ, его составляющимъ, кои также были до сихъ поръ объяснены весьма поверхностно. Здѣсь нужно входить въ самыя мелочныя соображенія, въ коихъ заранѣе извиняюсь передъ читателями.

Въ началѣ третьей части сказано: „а которымъ людемъ срокъ возити.“ Спрашивается: что это за срокъ? Впереди, ни въ первой, ни во второй части, не было говорено ни слова ни объ какомъ срокѣ; впереди, напротивъ, постановлено вообще, безусловно: такіе-то люди могутъ возить крестьянъ, такіе-то не могутъ.

(20) Русская Бесѣда, 1858 г. кн. III, ч. 2, с. 24.

Пойдемъ далѣе. По хочу рѣчи: „а которымъ срокъ возити, тѣ возите такъ-то,“ должно заключать, кажется, что это особые люди, не тѣ, которые исчислены выше, иной разрядъ—такихъ, которымъ вышелъ срокъ.

Но особымъ людямъ быть не кому, кромѣ помѣщиковъ, означенныхъ въ двухъ первыхъ частяхъ: правило о срокѣ, слѣдовательно, относится къ кому-нибудь изъ нихъ.

Исчислимъ прежде всѣхъ этихъ помѣщиковъ, какъ они переписаны въ указѣ:

Мелкопомѣстные:

Дворяне, служащіе изъ выбора.
Дѣти боярскіе.
Жильцы царевы и царевичевы.
Дворовые.
Городовые прикащики.
Иноземцы всякіе всѣхъ городовъ.
Дворовые люди большаго двора всѣхъ чиновъ:
Степенные и
Путные ключники,
Стряпчіе.
Сытники.
Подключники.
Конюшеннаго приказа столповые прикащики.
Конюшенные.
Конюхи.
Стремянные.
Стряпчіе.
Ловчаго пути корытники.
Охотники.
Конные псари.
Сокольнича пути кречетники.
Сокольники.

Ястребинники.

Трубники.

Сурначеи.

Дѣти боярскіе царицыны.

Передніе подъячіе всѣхъ приказовъ.

Сотники стрѣлецкіе стрѣлецкаго приказа.

Головы козачьи.

Посольскаго приказа переводчики и толмачи,—

Патріаршіи,—

Митрополичьи,—

Архіепископскіе приказные люди и дѣти боярскіе.

Многопомѣстные:

Патріархъ.

Митрополиты.

Архіепископы.

Епископы.

Монастыри.

Бояре.

Окольничіе.

Дворяне большіе.

Приказные люди.

Дьяки.

Стольники.

Стряпчіе.

Головы стрѣлецкіе.

Указъ говоритъ: такіе-то помѣщики перевозитесь, такіе-то не перевозитесь. А которымъ срокъ, тѣ перевозитесь такъ-то.

Спрашивается: кого же изъ вышеозначенныхъ должно разумѣть подъ этими „которыми“?

Первыхъ (мелкопомѣстныхъ)?

Вторыхъ (многопомѣстныхъ)?

Или тѣхъ и другихъ?

Разсмотримъ всѣ три возможныя толкованія: что при каждомъ предполагать должно, согласно ли это съ прочими нашими свѣдѣніями, какимъ возраженіямъ оно неминуемо подвергается? Заключеніе покажетъ, по суммѣ доказательствъ, которое толкованіе принять должно.

Первое предположеніе—положимъ, что въ третьей части указа разумѣются первые помѣщики, мелкопомѣстные. (Такъ думали Татищевъ и Карамзинъ).

Если мелкопомѣстнымъ теперь возить позволяется, то, значитъ, прежде было запрещено, запрещено вообще, безъ вниманія къ сроку, ибо и теперь только позволяется тѣмъ, которымъ вышелъ срокъ (назовемъ ихъ срочными для краткости). Если бъ срочные могли перевозить прежде, то не нужно бъ было упоминать объ нихъ теперь, не нужно бъ новаго указа.

Несрочные же остаются: слѣдовательно они исключались изъ начальнаго въ этомъ указѣ разрѣшенія.

А многопомѣстные не могутъ возить, хотябъ и срокъ кому вышелъ, точно какъ прежде не могли возить мелкопомѣстные со срокомъ.

На какихъ же основаніяхъ оставались прежде тѣ, которымъ срокъ выходилъ?

Запрещеніе случайное захватило одинаково ихъ срокъ и несрокъ, какъ теперь, такъ и прежде.

(О заключеніяхъ изъ этого положенія, 1) что запрещенія общаго не было, 2) что запрещеніе частное передъ тѣмъ было,—мы говорили выше).

Какія затрудненія представляетъ такое толкованіе?

—За чѣмъ не упомянуто о срокѣ сначала?

Это неточность редакціи.

—За чѣмъ не упомянуто въ третьей части, при срокѣ: которымъ-де дано позволеніе выше?

Также неточность редакціи.

То есть—по настоящимъ нашимъ требованіямъ слѣдовало бы выразиться такъ сначала: ниже исчисленнымъ помѣщикамъ, если которымъ срокъ вышелъ, возить крестьянъ позволяется.

Или прибавить въ концѣ: а которымъ людямъ изъ прежде исчисленныхъ помѣщиковъ срокъ вышелъ, и возить теперь разрѣшается, тѣ должны возить крестьянъ такъ-то.

Оба возраженія незначительны, по примѣрамъ неточности, въ то время обыкновеннымъ.

Второе предположеніе; подъ „которыми" разумѣются вторые, многопомѣстные, какъ бы такъ говорилъ указъ: мелкопомѣстные перевозитесь, многопомѣстные не перевозитесь, а которымъ срокъ изъ нихъ, многопомѣстныхъ, вышелъ, тѣ перевозитесь такъ-то.

Какія можно сдѣлать возраженія на это толкованіе?

Странно дѣлать въ двухъ строкахъ рядомъ, въ одной запрещеніе, въ другой разрѣшеніе: не перевозитесь, а которымъ срокъ,.. перевозитесь такъ-то. Странно, но не невозможно, и неточности редакціи здѣсь не больше, какъ и въ первомъ случаѣ.

Но при этомъ предположеніи надо уже принимать для мелкопомѣстныхъ перевозку безусловную, какъ бы такъ говорилъ указъ: мелкопомѣстные перевозитесь, какъ угодно, а великопомѣстные не перевозитесь, кромѣ срочныхъ, и сіи послѣдніе перевозитесь такъ-то, то есть: между многопомѣстными могутъ перевозить только срочные, а между малопомѣстными могутъ перевозить и не срочные: иначе не для чего бы полагать и различія. При томъ, послѣдніе должны были возить съ

ограниченіемъ, а первые безъ ограниченія. Допустить разрѣшеніе перевозить безъ сроку трудно, но также не невозможно, когда мы вспомнимъ (см. ниже), что 1601 годъ былъ исключительный, голодный, въ который всѣ отношенія измѣнялись.

А при такомъ толкованіи какое положеніе дѣла надо допустить предъ указомъ?

Допустить можно запрещеніе, допустить можно и разрѣшеніе: возите, стало быть прежде нельзя было возить. Возите такіе-то, а такіе-то не возите; стало быть теперь только запрещается послѣднимъ, а первымъ позволяется, такъ сказать, имъ въ противоложность.

Третье предположеніе: „которые" суть тѣ и другіе, т. е., такіе-то перевозитесь, а такіе-то не перевозитесь; а срочные изъ тѣхъ и другихъ перевозитесь такъ-то.

Такое предположеніе принять трудно, потому что при немъ не нужно уже было бы, кажется, дѣлать исчисленіе и различіе мелкопомѣстныхъ и много помѣстныхъ, а должно бы сказать просто: перевозитесь, кому срокъ вышелъ, такъ-то. Но не имѣя права требовать отъ документовъ этого времени точности нашего, мы можемъ указу придавать такой смыслъ: кому срокъ вышелъ, тѣ могутъ перевозить крестьянъ на такомъ основаніи, а безъ отношенія къ сроку, мелкопомѣстные могутъ заключать новыя условія съ новыми людьми, перевозить ихъ, многопомѣстные же нѣтъ.

Больше сихъ трехъ предположеній дѣлать нельзя, ибо подъ „которыми" повторяю, нельзя разумѣть никого, кромѣ помѣщиковъ, а помѣщики, какъ мы замѣтили выше, исчислены сполна, то есть, мелкопомѣстные и многопомѣстные,—больше никакихъ не было.

Всѣ три толкованія, изъ коихъ вѣроятнѣе, естественнѣе, третье, предполагаютъ прежде бывшее запрещеніе, но запрещеніе временное и случайное.

Впрочемъ, надо сознаться, что всѣ толкованія не вполнѣ удовлетворительны, допуская неточности, и оставляя какое-то недоумѣніе,—надо подождать новыхъ находокъ и новыхъ списковъ.

Остается объяснить это заключеніе третьей части или всего указа:

„А которымъ людямъ (т. е. помѣщикамъ) промежъ собою въ нынѣшнемъ 110 году крестьянъ срокъ возити, и тѣмъ (т. е. помѣщикамъ) возити одному человѣку (т. е. помѣщику) изъ-за одного человѣка (т. е. крестьянина) одного крестьянина или двухъ, а трехъ или четырехъ одному (т. е. помѣщику) изъ-за одного (т. е. крестьянина) не возити.

„Политическое закона затемнѣніе, говоритъ Татищевъ (21), сего хитраго государя, дабы толковать по своей волѣ, и оправить того, кого хочетъ".

Карамзинъ разумѣетъ, что указомъ позволяется возить крестьянъ „но не всѣмъ вдругъ, и не болѣе, какъ по два вмѣстѣ".

Такое толкованіе казалось мнѣ всегда неудовлетворительнымъ; выше, разсматривая указъ со стороны его главной принадлежности къ помѣщикамъ, я замѣтилъ, что эта статья предполагаетъ большое затрудненіе: явится охотниковъ переходить много,—кому выбирать изъ нихъ одного или двухъ? Кто заставитъ прочихъ оставаться? А что же это за переходъ—по одному крестьянину отъ помѣщика?

---

(21) Татищевъ, с. 226.

Профессоръ Лешковъ, которому я прочелъ въ рукописи свое изслѣдованіе, разрѣшилъ это затрудненіе очень, кажется, счастливо, и вмѣстѣ исправилъ Карамзинское, общепринятое мнѣніе: по его мнѣнію, законъ позволяетъ дворянамъ не по одному крестьянину перевозить другъ отъ друга, а по ровну: берите одного или двухъ за одного, а не трехъ и четырехъ.

V.

Указъ 1602 года и Приговоръ Боярскій 1605 года.

Намъ остается разсмотрѣть указъ 1602 ([22]) года, найденный Строевымъ въ Софійской библіотекѣ, и напечатанный первоначально въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Этотъ указъ есть самый важный въ нашемъ дѣлѣ, потому что сохранился въ подлинникѣ съ принадлежащею о немъ „повѣсткою". Мы не употребляли его до сихъ поръ, желая удержать вопросъ въ предѣлахъ ходившихъ въ общемъ оборотѣ свѣдѣній. Наши прежнія заключенія получатъ теперь сильное подтвержденіе.

Выберемъ главныя положенія и укажемъ главныя отличія указа:

Этимъ указомъ приказывается всѣмъ вышеозначеннымъ лицамъ „промежъ себя крестьянъ отказывати и возити потомужъ, какъ и въ прошломъ въ 110 году..."

„А изъ-за которыхъ людей крестьянъ учнутъ отказывати, и тебъ люди крестьянъ изъ-за себя выпускали со всѣми ихъ животы безо всякія зацѣпки, и въ крестьянской бы возкѣ промежъ всѣхъ людей боевъ и грабежей не было".

(22) Въ избѣжаніе недоразумѣній здѣсь принимается годъ выставленный въ изданіи Арх. комиссіи. См. выше.

„А что въ 110 году (кому) промежъ себя крестьянъ отказывати и возити не велѣно, и.... чтобъ они промежъ себя и у стороннихъ людей никто ни изъ-за кого въ нынѣшнемъ 111 году крестьянъ не возили, а изъ-за нихъ бы крестьянъ не возилъ никтожъ„.

Указъ надписанъ „въ нашу отчину, въ великій Новгородъ, воеводѣ нашему князю Василью Ивановичу Буйносову-Ростовскому, да дьяку нашему Второму-Поздѣеву„.

(Странно, что въ указѣ 1601 года поставлено только имя окольничаго Морозова безъ означенія города. Не былъ ли Василій Петровичь Морозовъ начальникомъ Помѣстнаго приказа? Указъ 1597 года не имѣетъ никакой надписи.)

Въ этомъ подлинномъ указѣ прямо сказано, чтобъ переходъ былъ таковъ, какъ въ прошедшемъ 110 году. Слѣдовательно, указъ 1601 года оффиціально подтверждается: онъ точно былъ.

(Замѣтимъ чутье Карамзина: изъявивъ сомнѣніе объ указѣ Θеодора 1597 г., еще болѣе объ указѣ Шуйскаго 1606 года, онъ ни слова не сказалъ противъ указа 1601 года.)

Въ указѣ 1602 года переходъ опредѣляется повсемѣстный между извѣстными лицами; слѣдовательно, распоряженіе о крестьянскомъ переходѣ подвергалось ежегодно измѣненіямъ, что мы и замѣтили выше.

Нѣтъ ничего подобнаго смущавшему насъ выраженію: „дать крестьянамъ выходъ отъ продажъ и налоговъ охраняя„.

Ссылка дѣлается именно на 1601 годъ; не слѣдуетъ ли заключать, что первое распоряженіе послѣ какого-нибудь запрещенія относится къ этому 1601 году? Нѣтъ, ссылка на 1601 годъ могла быть сдѣлана потому,

что правила его были приняты на 1602 годъ, а въ 1600, и прежде, могли быть другія распоряженія.

Указываются распри при перевозкѣ крестьянъ: помѣщики не пускали отъ себя крестьянъ, и отнимали у нихъ пожитки: (а кто учнетъ крестьянъ грабити и изъ себя не выпускати...).

Крестьяне пользовались свободою, и могли заявлять, что хотятъ идти къ такому-то помѣщику, по исполненіи своихъ обязанностей, заплативъ условную плату, отработавъ условное время (которые крестьяне *похотятъ*...)

Новое разительное доказательство, что запрещенія переходить, что прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, тогда еще небыло.

О знатныхъ помѣщикахъ сказано такъ, что можно предполагать переходъ крестьянъ и отъ нихъ въ другое время: указъ говоритъ, что въ нынѣшнемъ году они не могутъ возить крестьянъ, слѣдовательно, въ другомъ году могли, и впредь, смотря по обстоятельствамъ, могутъ.

Вообще, разсматривая этотъ указъ 1602 года, должно заключить, что распоряженіе о переходѣ и непереходѣ крестьянъ дѣлалось ежегодно, что мы замѣтили и изъ разсмотрѣнія указа 1601 года. Въ слѣдующемъ году, 1603, предполагался новый подобный указъ, какъ думалъ и г. Строевъ.

Но за слѣдующіе годы подобныхъ указовъ не отыскано: не должно ли отсюда заключать наоборотъ, что когда не бывало указа, опредѣляющаго такой или другой переходъ, тогда переходъ былъ общій, по Судебнику? И дѣйствительно, мы видимъ, что переходы продолжались безпрестанно, какъ свидѣтельствуетъ Бѣлевская Писцовая книга, и проч.

Приговоръ боярскій при Самозванцѣ, 1605 года, относится къ бѣглымъ крестьянамъ, а не къ переходившимъ.

Для нашего мнѣнія мы можемъ воспользоваться изъ него только тѣмъ положеніемъ, что даже бѣжавшіе крестьяне не возвращаются къ помѣщикамъ, если они бѣжали вслѣдствіе неполученія пропитанія отъ прежнихъ господъ. Они должны, де, оставаться у тѣхъ помѣщиковъ, которые ихъ кормили въ голодные годы: указаніе на обязанности помѣщиковъ къ крестьянамъ, и вмѣстѣ на право свободнаго перехода!

Въ этомъ указѣ мы находимъ важное свѣдѣніе о голодныхъ годахъ, 110, 111, 112. Вотъ обстоятельства, въ которыхъ были изданы указы, нами разсмотрѣнные! Новое подтвержденіе, что въ нихъ заключались мѣры случайныя, временныя. Здѣсь нечего толковать ни о выгодахъ помѣщиковъ, ни о выгодахъ крестьянъ. Ни тѣ, ни другіе, не были въ виду законодателя, а служилъ основаніемъ голодъ: крестьянамъ у сильныхъ помѣщиковъ не велѣно было въ семъ 110, въ семъ 111 году, переходить, потому что сильные большіе помѣщики могли ихъ прокормить; а крестьяне у малосильныхъ мелкихъ помѣщиковъ могли переходить, чтобъ найдти себѣ пропитаніе.

А почему было запрещеніе, тоже временное, предъ 110 годомъ, то еще пока неизвѣстно.

Холопство и крестьянство рѣзко различаются.

Въ этомъ приговорѣ ясно опредѣленъ срокъ давности, о которомъ мы упомянули выше, и который ссылается именно на указъ 1597 года: „а на бѣглыхъ крестьянъ, по старому приговору, далѣ пяти лѣтъ суда не давати.“

О мнимомъ указѣ 1607 года царя Василія Ивановича мы говорили выше, и будемъ говорить еще впослѣдствіи.

VI

Мнѣнія изслѣдователей Русской Исторіи.

Всѣ наши изслѣдователи безъ исключенія принимаютъ безусловно Борисово общее запрещеніе, и стараются объяснить оное. Мы старались доказать въ разборѣ указовъ, что этого запрещенія, въ такомъ видѣ, никогда не бывало, и что слѣдовательно всѣ объясненія уничтожаются, какъ ненужныя, сами собою. Изложимъ, впрочемъ, ихъ сущность, которая дастъ намъ поводъ познакомиться еще ближе съ предметомъ.

Татищевъ предложилъ свое мнѣніе очень сбивчиво и неосновательно. По поводу указа 1601 г., онъ говоритъ: „сей законъ о вольности по прежнему крестьянъ учинилъ онъ (Борисъ Годуновъ) противо своего разсужденія и перваго о неволѣ ихъ узаконенія, надѣяся тѣмъ ласканіемъ болѣе духовнымъ и вельможамъ угодить и себя на престолѣ утвердить, и роптаніе и многія тяжбы пресѣчь; но вскорѣ услыша большее о семъ негодованіе и ропотъ, что духовные и вельможи, имѣющіе множество пустыхъ земель, отъ малоземельныхъ дворянъ крестьянъ къ себѣ перезвали, принужденъ паки вскорѣ перемѣнить, и не токмо крестьянъ, но и холопей невольными сдѣлалъ, изъ чего великая бѣда приключилась, и большею частію чрезъ то престолъ съ жизнею всея своея фамиліи потерялъ, какъ о томъ монахъ Іосифъ пишетъ.“(23)

Здѣсь, что ни слово, то новая запутанность и недоумѣніе.

---

(23) Татищевъ, с. 223.

Разберемъ мнѣніе Татищева по пунктамъ.

Татищевъ видитъ въ указѣ 1601 года законъ о вольности крестьянъ въ противность прежнему закону о неволѣ ихъ.

Общаго указа о неволѣ не было; а въ этомъ указѣ гораздо болѣе запрещенія, чѣмъ позволенія; разрѣшенъ только переходъ у мелкопомѣстныхъ, и то по срокамъ и съ условіемъ; запрещенъ переходъ у многопомѣстныхъ, у духовенства, въ Московскомъ, самомъ обширномъ уѣздѣ, въ дворцовыхъ и черныхъ волостяхъ. Изъ этого только указа, наоборотъ, можно заключать о прежнемъ запрещеніи. Еслибъ не было въ началѣ сомнительныхъ впрочемъ словъ „отъ налогъ и продажъ охраняя", можно бъ его даже счесть первымъ значительнымъ ограниченіемъ прежняго перехода.

„Борисъ хотѣлъ этимъ ласканіемъ болѣе духовнымъ и вельможамъ угодить." Но духовные и вельможи не получали теперь никакого новаго права; ихъ отношенія къ крестьянамъ остались тѣже,—что были и передъ указомъ. Притомъ—они не могли уже по новому указу перевозить крестьянъ отъ мелкопомѣстныхъ. „Себя на престолѣ утвердить, но возбудилъ противъ себя вскорѣ ропотъ." Чей же ропотъ? Мелкопомѣстныхъ? Но первый указъ сдѣланъ былъ въ ихъ пользу, и въ ихъ же пользу въ этомъ указѣ дано имъ разрѣшеніе перевозить. За что же они роптали? За то, что многопомѣстные перезывали отъ нихъ крестьянъ. Но этотъ перезывъ былъ злоупотребленіемъ внѣ всякихъ законовъ—въ которомъ не виновато правительство; богатые перезывали къ себѣ крестьянъ отъ мелкопомѣстныхъ какъ прежде, такъ и послѣ; указомъ, напротивъ, это злоупотребленіе осуждено. „И принужденъ былъ

отмѣнить.“ Что принужденъ былъ Борисъ отмѣнить вслѣдствіе вновь возникшаго чьего-то ропота? Позволеніе мелкопомѣстнымъ перевозить крестьянъ, которое одно симъ указомъ предоставлялось, или запрещеніе переходить вообще? Ни объ той, ни объ другой отмѣнѣ не имѣемъ мы никакого понятія и свѣдѣнія.

„И не только крестьянъ, но и холопей невольными сдѣлалъ.“ Въ чью же пользу—мелкопомѣстныхъ или многопомѣстныхъ? Кого привлекъ онъ на свою сторону? Никого — а напротивъ „большею частію чрезъ то престолъ съ жизнею всея своея фамиліи потерялъ“, (а между тѣмъ эта мѣра осталась, и при Самозванцѣ, и при Шуйскомъ, и при Романовыхъ.) „Какъ монахъ Іосифъ описалъ.“ Карамзинъ, не зная никакого монаха Іосифа, думаетъ, не разумѣлъ ли здѣсь Татищевъ Авраамія Палицына. Мудрено Татищеву сдѣлать такую ошибку, и Авраамієво описаніе приписать Іосифу: не было ли какого другаго сочиненія въ его рукахъ, для насъ потеряннаго?

Мнѣніе Карамзина, хотя также условливаемое предположеніемъ о общемъ запрещеніи крестьянскаго перехода въ 1592 году, представляетъ, разумѣется, болѣе связи и отчетливости. Соберемъ его мысли, въ разныхъ мѣстахъ Исторіи разсѣянныя:

„Неужели никогда и не бывало въ Россіи крестьянъ-*владѣльцевъ*? По крайней мѣрѣ не знаемъ, когда они были. Видимъ, что князья, бояре, воины и купцы—то есть *городскіе жители*, искони владѣя землями, отдавали ихъ въ наемъ крестьянамъ свободнымъ. Всякая область принадлежала городу; всѣ ея земли считались какъ бы законною собственностію его жителей, древнихъ господъ Россіи, купившихъ, вѣроятно, сіе право

менемъ, въ такое время, до коего не восходятъ лѣтописи, ни преданія. Но крестьяне, платя дань или оброкъ наемщикамъ, имѣли свободу личную и движимую собственность.“ (24)

„Мы знаемъ, что крестьяне искони имѣли въ Россіи гражданскую свободу, но безъ собственности недвижимой—свободу въ назначенный закономъ срокъ переходить съ мѣста на мѣсто, отъ владѣльца къ владѣльцу, съ условіемъ обработывать часть земли для себя, другую для господина, или платить ему оброкъ. Правитель видѣлъ невыгоды сего перехода, который часто обманывалъ надежду земледѣльцевъ сыскать господина лучшаго, не давалъ имъ обживаться, привыкать къ мѣсту и къ людямъ для успѣховъ хозяйства, для духа общественнаго,—умножалъ число бродягъ и бѣдность; пустѣли села и деревни, оставляемыя *кочевыми* жителями; домы обитаемые, или хижины, падали отъ нерадѣнія хозяевъ временныхъ. Правитель хвалился льготою, данною имъ состоянію земледѣльцевъ въ отчинахъ царскихъ, и, можетъ быть, въ его собственныхъ; безъ сомнѣнія желая добра не только владѣльцамъ, но и работникамъ сельскимъ, желая утвердить между ними союзъ неизмѣнный, какъ бы семейственный, основанный на единствѣ выгодъ, на благосостояніи общемъ, нераздѣльномъ,—онъ въ 1592 или въ 1593 году закономъ уничтожилъ свободный переходъ крестьянъ изъ волости въ волость, изъ села въ село, и на вѣки укрѣпилъ ихъ за господами. Что жъ было слѣдствіемъ? Негодованіе знатной части народа и многихъ владѣльцевъ богатыхъ. Крестьяне жалѣли о древней свободѣ, хотя и часто бродили съ нею бездомными отъ юныхъ

(24) Карамзинъ VII, с. 214.

лѣтъ до гроба, хотя и не спасались ея правомъ отъ насилія господъ временныхъ, безжалостныхъ къ людямъ, для нихъ непрочнымъ; а богатые владѣльцы, имѣя немало земель пустыхъ, лишались выгоды населять оныя хлѣбопашцами вольными, коихъ они сманивали отъ другихъ вотчинниковъ или помѣщиковъ. Тѣмъ усерднѣе могли благодарить Годунова владѣльцы менѣе избыточные, ибо уже не страшились запустѣнія ни деревень, ни полей своихъ отъ ухода жителей и работниковъ.— Далѣе откроется, что законодатель благонамѣренный, предвидѣвъ, вѣроятно, удовольствіе однихъ и неудовольствіе другихъ, не предвидѣлъ однакожъ всѣхъ важныхъ слѣдствій сего новаго устава, дополненнаго указомъ 1597 года о непремѣнномъ возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, съ женами, съ дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ господамъ ихъ, отъ коихъ они ушли въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ, избывая крѣпостной неволи. (25).

„Законъ объ укрѣпленіи сельскихъ работниковъ, цѣлію своей благопріятной для владѣльцевъ среднихъ или неизбыточныхъ, имѣлъ однакожъ и для нихъ вредныя слѣдствія частыми побѣгами крестьянъ, особенно изъ селеній мелкаго дворянства: владѣльцы искали бѣглецовъ, жаловались другъ на друга въ ихъ укрывательствѣ, судились, разорялись. Зло было столько велико, что Борисъ, не желая совершенно измѣнить закона благонамѣреннаго, рѣшился объявить его только временнымъ, и въ 1601 году снова дозволилъ“ (26) и проч.

То есть, Карамзинъ думаетъ, что Борисъ мнимымъ запрещеніемъ перехода первоначально хотѣлъ остано-

---

(25) ib. T. X., c. 208.
(26) ib. T. XI, c. 86.

вить кочеванье, и прекратить или уничтожить тяжбы о бѣгахъ.

Оказалось: крестьяне жалѣли о свободѣ.

Богатые помѣщики жалѣли о возможности переманивать крестьянъ отъ бѣдныхъ помѣщиковъ.

Мелкіе помѣщики были сперва довольны, обезпеченные касательно запустѣнія своихъ деревень, но потомъ возроптали, вслѣдствіе перезыванья ихъ крестьянъ многопомѣстными.

О неудовольстіи крестьянъ и говорить нечего.

Такимъ образомъ, законъ былъ вреденъ и непріятенъ для всѣхъ: мудрено предположить въ Борисѣ такую неопытность или слѣпоту, чтобъ онъ рѣшился принять мѣру, противную всѣмъ сословіямъ, и потомъ измѣнить ее, опять безъ всякой пользы, какъ для себя, такъ и для другихъ. И между тѣмъ эта вредная и противная всѣмъ мѣра осталась и сохранилась при всѣхъ перемѣнахъ. Все мнѣніе основано на предположеніи о запрещеніи, и состоитъ изъ предположеній о народномъ расположеніи къ кочеванью, и боярскомъ обыкновеніи перезывать къ себѣ крестьянъ отъ мелкопомѣстныхъ.

Арцыбышевъ видитъ тоже въ разобранныхъ нами указахъ запрещеніе, и повторяетъ вслѣдъ за Татищевымъ и Карамзинымъ:

„Судопроизводство въ отечествѣ нашемъ текло, какъ видно, прежнимъ порядкомъ, по Судебнику, который измѣнился нѣсколько указомъ Царя Ѳеодора Іоанновича (Ноября отъ 21 числа 1597 года), укрѣпляющимъ крестьянъ за помѣщиками. Впрочемъ, черезъ пять лѣтъ, Царь Борисъ дозволилъ опять переходы крестьянамъ, только отъ малочиновныхъ владѣльцевъ къ такимъ же,

въ обыкновенное время, запрещая казеннымъ селеніямъ, высшему духовенству, знатнымъ чиновникамъ и жителямъ Московскаго уѣзда принимать къ себѣ переходцевъ; а имѣющему на то право брать одному отъ другаго не болѣе двухъ человѣкъ“ ([27]).

Г. Чичеринъ въ статьѣ своей: „несвободныя состоянія въ древней Россіи,“ принимаетъ безусловно мнимое Борисово запрещеніе ([28]), но выходя отъ него судитъ о крестьянскомъ вопросѣ въ древности основательно:

„Если мы на эти постановленія взглянемъ отрѣшенно отъ другихъ явленій, то намъ покажется весьма страннымъ и непонятнымъ дѣломъ уничтоженіе однимъ указомъ ([29]) свободы цѣлаго сословія, которое искони пользовалось правомъ перехода. Но если мы разсмотримъ ихъ въ связи съ другими явленіями жизни, въ связи съ предъидущею исторіею, мы убѣдимся, что въ этомъ не было ничего исключительнаго и несправедливаго. Это было укрѣпленіе не одного сословія въ особенности, а всѣхъ сословій въ совокупности; это было государственное тягло, наложенное на всякаго, кто бы онъ ни былъ. Всѣ равно должны были всю жизнь свою служить государству, каждый на своемъ мѣстѣ: служилые люди на полѣ брани и въ дѣлахъ гражданскихъ, тяглые люди—посадскіе и крестьяне,—отправленіемъ разныхъ службъ, податей и повинностей, наконецъ вотчинные крестьяне, кромѣ уплаты податей и повинностей, также службою своему вотчиннику, который только съ ихъ помощью получалъ возможность исправлять свою службу государству. Служилые люди

(27) Арцыбашева Повѣствованіе о Россіи Т. III, с. 342.

(28) Русскій Вѣстникъ, 1858 № X. с. 253 и пр.

(29) ib. с. 253.

не были укрѣплены къ мѣстамъ, ибо служба ихъ была повсемѣстная. Тяглые же люди, какъ мы уже видѣли, считались крѣпостными, и не могли уходить съ своихъ мѣстъ. Не возможно было не распространить этого положенія и на вотчинныхъ крестьянъ. Во время всеобщаго укрѣпленія это было бы несправедливымъ исключеніемъ."

„Такова была главная побудительная причина для запрещенія перехода крестьянъ, причина, которая вытекала изъ самаго смысла жизни, и не замѣтно направляла умы современниковъ."

Гг. Аксаковъ, Побѣдоносцевъ, Лешковъ и Бѣляевъ, предложивъ въ своихъ статьяхъ, относящихся къ нашему вопросу, много дѣльныхъ и основательныхъ мыслей для исторіи крѣпостнаго права, не касались его основаній, и принимали всѣ разобранныя нами указы на вѣру. Объ „Исторіи Россіи" г. Соловьева— упоминать едвали нужно.

VII.

Заключеніе.

Основываясь на произведенныхъ изслѣдованіяхъ по наличнымъ документамъ, предложимъ теперь добытыя нами заключенія (результаты) въ общемъ обозрѣніи, и дополнимъ, по мѣстамъ, потребными соображеніями.

Земля наша искони находилась въ общемъ владѣніи, и такъ какъ ея было слишкомъ много, то никто не гонялся за правомъ частнаго владѣнія, всегда безъ задрудненій доступнаго. Гдѣ кто сидѣлъ, тамъ тотъ и владѣлъ, то есть, пахалъ, не заботясь о правѣ. Князья считали землю,—нельзя сказать своею собственностію,—но принадлежностію государства, которою они

почти безсознательно пользовались, собирая дань съ ея обитателей. Долго не имѣли они сами никакого понятія о поземельной наслѣдственности, и переходили съ мѣста на мѣсто, предоставляя даже судьбу своихъ дѣтей почти случаю.

Впродолженіи княженія отдавали они нѣкоторыя земли въ пользованіе боярамъ и прочимъ воямъ, которые также, переходя съ ними, и безъ нихъ, съ мѣста на мѣсто, не заботились о постоянныхъ правахъ, и сбирали только временную дань, для нихъ вездѣ одинаково готовую.

Крестьяне, не имѣя постоянныхъ господъ, естественно считали себя свободными, и избирали себѣ мѣсто жительства по удобству. Но выходомъ, впрочемъ, по своимъ природнымъ свойствамъ, они, вѣроятно, пользовались мало: какъ теперь, такъ и прежде, они не были охотниками шататься. Жить вездѣ было привольно и льготно, даже, можно сказать, одинаково, а отъ добра добра не ищутъ. Только важныя причины побуждали ихъ прежде, какъ побуждаютъ и теперь иногда, къ переселеніямъ. Переселяясь, вѣроятно, обезпечивали они оставляемыя ими общины или пріисканіемъ жильцовъ на свое мѣсто, или какими нибудь временными взносами. Такъ было, кажется, въ древности.

Въ среднія времена нашей исторіи, когда утвердилась система помѣстій, отношенія крестьянъ существенно измѣнились, и въ ней-то надо искать зародышей крѣпостнаго права. Помѣстья хоть и раздавались, считались, цѣнились въ качествѣ только земли, мѣрою, но съ одной землею помѣщику, обязанному службою человѣку, нечего было дѣлать, не съ чего было служить, и, вѣроятно, правительство съ самаго начала принимало какія-нибудь мѣры, оказывало какое-

нибудь содѣйствіе своимъ помощникамъ и слугамъ, помѣщикамъ, для удержанія крестьянъ въ отводимыхъ имъ мѣстахъ.

Самыя отношенія крестьянъ къ помѣщику непремѣнно были тогда опредѣлены, т. е., они платили ему извѣстную плату за пожилое, и исправляли извѣстныя работы.

Законы о бѣглыхъ составляютъ важнѣйшую существенную часть нашего законодательства въ средней исторіи.

Вслѣдствіе умноженія и развитія помѣстій, преимущественно при Іоаннахъ, выходъ долженъ былъ ограничиться еще болѣе.

Впродолженіи времени первоначальныя, повсюду одинакія отношенія, измѣнилися по мѣстамъ: гдѣ налагались новые налоги, гдѣ случались другія притѣсненія; крестьянамъ становилось иногда не въ терпежъ, и они начали чаще пользоваться своею старою волею—*отказываться*, то есть, перемѣнять мѣсто жительства и помѣщика, по исполненіи всѣхъ обязанностей къ нему и условій, и *бѣгать*, нарушая договоръ.

Услышались жалобы, и правительство, смотря по обстоятельствамъ, начало стѣснять, а иногда вновь расширять право перехода. Самый Юрьевъ день былъ, вѣроятно, уже ступенью въ послѣдовательномъ ограниченіи вольнаго и безусловнаго перехода: въ три недѣли (одна предъ Юрьевымъ днемъ осеннимъ, да двѣ послѣ него) далеко не уйдешь! И какой этотъ день? Окончаніе полевыхъ работъ. Слѣдовательно, явно предполагается предшествовавшее воздѣланіе земли и исполненіе крестьянскихъ обязанностей къ помѣщику.

Съ другой стороны, помѣщики, по мѣрѣ умноженія своихъ потребностей, естественно стали стараться о

пріобрѣтеніи работниковъ больше и больше, перезывали ихъ другъ отъ друга разными льготами, побуждая ихъ, такъ сказать, употреблять свое право. Тогда-то явились какія-то полюбовныя сдѣлки помѣщиковъ между собою, и съ крестьянами, сдѣлки, нынѣ запамятованныя, кои подали поводъ къ новымъ злоупотребленіямъ.

Правительство должно было вступиться въ дѣло и съ этой стороны, и начать ограниченіе перевода крестьянъ, какъ прежде оно ограничивало ихъ переходъ. (Вотъ собственно сущность разобранныхъ нами указовъ).

Помѣщики между тѣмъ старались распространять свою власть надъ крестьянами, и подъ предлогами неисполненія обязанностей, истинными и ложными, искать бѣглыхъ, затрудняя тѣмъ болѣе всего правительство.

Смутное время отъ кончины Грознаго до избранія Михаила Ѳеодоровича Романова содѣйствовало много къ разрушенію стараго и утвержденію новаго порядка вещей, т. е., ограниченію свободы крестьянской, къ водворенію обычая новой осѣдлости.

Примѣчательно, что какъ ни разнообразны были слѣдовавшія одно за другимъ царствованія, въ какихъ противоположныхъ обстоятельствахъ ни находились Ѳеодоръ, Годуновъ, Самозванецъ, Шуйскій, Михаилъ, а сущность постановленій о крестьянахъ и ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ оставалась таже, хоть не ясная, не опредѣленная, не записанная: слѣдовательно, она была въ естественномъ порядкѣ вещей, связанномъ съ помѣстной системою и государственною службою. Крестьяне играли здѣсь страдательную роль, имѣя отвлеченное право, и не имѣя часто физической возможности вполнѣ имъ пользоваться. Борису, Самозванцу, Шуйскому, а еще болѣе новой династіи, необходимо было, для пріобрѣтенія

себѣ друзей и приверженцевъ, оставлять помѣстья за ихъ прежними владѣльцами и ихъ дѣтьми, а сіи послѣдніе привыкали въ нихъ видѣть свою собственность, сперва какъ наслѣдственное помѣстье, отчину, а потомъ уже какъ безусловное родовое имѣнье, и, разумѣется, старались еще больше прежняго удерживать работниковъ, крестьянъ, въ своихъ владѣніяхъ, на своей землѣ. По этой же самой причинѣ они жаловались на узаконенія о срокахъ, и хлопотали объ уничтоженіи срочныхъ годовъ, чтобъ возвращать своихъ крестьянъ, какъ бы давно они ни бѣжали.

Обращеніе помѣстья въ отчину, или продолженіе владѣнія въ однихъ и тѣхъ же родахъ, есть второе примѣчательное явленіе въ исторіи крѣпостнаго права. Голодные годы, 1601, 1602, 1603, играютъ здѣсь, кажется, значительную роль: надо было правительству обезпечить сколько нибудь народное пропитаніе. Оно приказало, въ 1601 году, чтобъ у значительныхъ помѣщиковъ, то есть, бояръ и проч., крестьяне остались безвыходно: правительство имѣло, разумѣется, въ виду, что богатые могутъ прокормить крестьянъ; а чтобъ у мелкопомѣстныхъ открыть крестьянамъ средства прокормиться, имъ разрѣшено по истеченіи срока, поревозить крестьянъ между собою по взаимному согласію. Бѣжавшіе даже крестьяне получили впослѣдствіи право не возвращаться къ тѣмъ помѣщикамъ, которые не умѣли прокормить ихъ во время голода. Это была мѣра правительственная, временная, но она понравилась, кажется, богатымъ, сильнымъ помѣщикамъ, и они пожелали увѣковѣчить ее, удержать навсегда за собою прежнихъ крестьянъ по праву; а вмѣстѣ, по старому обычаю, могли они продолжать привлеченіе новыхъ, на что мелкопомѣстные, какъ наи-

бодѣе терпѣвшіе, безпрестанно жаловались, получая, по возможности, удовлетвореніе. На нашей памяти, въ Малороссіи точно также, говорятъ, поступали Румянцевъ, Разумовскіе, Безбородко, Завадовскій, въ эпоху прикрѣпленія крестьянъ въ землѣ.

Тогда-то явились, благодаря какому нибудь дьяку, заинтересованному въ дѣлѣ, и боярину, его патрону, въ узаконеніе и освященіе желаннаго права, и эти подложные указы, и двусмысленныя фразы въ подлинныхъ указахъ, если не самъ Татищевъ, (прости тѣнь почтенная), ихъ вставилъ въ исполненіе какой нибудь любимой своей мысли (30). Съ больной головы да на здоровою, и вся вина взвалена была на бѣднаго Бориса людьми, которые, продолжая пользоваться крестьянами и землею, якобы въ силу его запрещенія, не думали его уничтожить, и ставили даже избранному Владиславу

---

(30) Татищевъ дорожилъ въ особенности указомъ Шуйскаго. Вотъ его отзывъ вполнѣ: Естьли я прочія дѣла, поступки и нравы Царя Василія Іоанновича Шуйскаго и Царя Алексѣя Михайловича по исторіи разсмотрю, то никакого сравненія нѣтъ; ибо во всей Царя Василія жизни и во всѣхъ его дѣлахъ ничего почти не нахожу, чтобъ было хвалы и памяти достойно, такъ въ житіи Царя Алексѣя Михайловича дѣлъ хвалы и памяти достойныхъ множество.—... Но когда я сей законъ Шуйскаго хочу съ Уложеніемъ печатнымъ сравнить, то уже противное нахожу, и не могу вѣрить, чтобъ Царь Василій столько въ семъ многотрудномъ дѣлѣ смысла имѣлъ; да изъ Министровъ при немъ не знаю, развѣ Мстиславскій, Воротынскій и Михайло Салтыковъ, которыхъ историки, а наипаче Князя Михайла Скопина, не токмо наши, но и чужестранные высокаго ума ради прославляютъ, и можетъ ихъ разумомъ сіе сочинено! Противно тому при сочиненіи Уложенія печатнаго сей предъ собою имѣя, да неразсудно нужное и полезное оставили, а другое превратили, чего Государь самъ разсмотрѣть внятно за другими дѣлами времени не имѣлъ; а Петръ Великій о семъ законѣ не вѣдалъ, и нынѣ ежели пожелаютъ о бѣглыхъ обстоятельной законъ сочинить, то сей всѣхъ доднесь изданныхъ въ разсужденіи не отстаетъ. с. 246.

непремѣннымъ условіемъ запрещеніе крестьянскаго перехода.

Сочинить или подправить и распространить подложный указъ въ то время было легче; кому же и какъ было обнаружить обманъ и подлогъ? Ни въ какомъ приказѣ не было настольнаго реэстра, не было реэстра входящихъ и исходящихъ бумагъ; справиться было негдѣ, особенно среди смутъ.

Въ Уложеніе не попалъ уже законъ Судебника объ отказѣ крестьянскомъ, потому ли, что обычай этотъ пресѣкался самъ собою, потому ли, что заправлявшіе дѣломъ бояре и редакторы уступили господствующему образу мыслей? Такъ Сперанскій, въ наше время, поступилъ, говорятъ, съ нѣкоторыми узаконеніями. Впрочемъ, не пошли бояре и такъ далеко, чтобъ узаконить запрещеніе перехода, который все-таки до самаго Петра I-го продолжался, что видно изъ всѣхъ современныхъ документовъ. Вспомнимъ опять Маколея.

Какъ бы то ни было, крестьяне, даже и лишась, de facto, если не de jure, права перехода, все-таки оставались свободными, потому что земля, въ которой они прикрѣпились, въ Θедорово, Борисово, Михаилово и слѣдующее время, была свободная, казенная, государственная, и они отдавались помѣщикамъ въ услуженіе временно, если впослѣдствіи и наслѣдственно, въ жалованье за ихъ службу, съ прекращеніемъ которой прекращалось и владѣніе.

Посошковъ, еще современникъ Петра I-го, говоритъ „по моему мнѣнію, Царю паче помѣщиковъ надлежитъ крестьянство беречи, понеже помѣщики владѣютъ ими временно, а Царю они вѣковые.“

А что сказать о частномъ владѣніи?

Частнаго владѣнія было очень мало. Во всѣхъ извѣстныхъ Писцовыхъ книгахъ нѣтъ почти его слѣда. „Въ Бѣлевѣ,“ говоритъ издатель Бѣлевской Вивліоѳики, г. Елагинъ, „не было вотчинъ до 17 вѣка, кромѣ княжескихъ, пожертвованныхъ монастырямъ по душѣ, послѣдними удѣльными Бѣлевскими князьями.“ „Вездѣ ли такъ было, или въ однихъ Украйныхъ городахъ,“ спрашиваетъ г. Елагинъ, и замѣчаетъ, что „въ 17 вѣкѣ Бѣлевъ давно пересталъ быть Украйнымъ городомъ.“—Такъ, вѣроятно, откроется вездѣ, отвѣчаемъ мы. Ни одной земли, въ Бѣлевской Писцовой книгѣ, замѣчаетъ г. Аксаковъ, нѣтъ доставшейся по купчей. Если бъ онѣ были, то нельзя бъ было оставить ихъ безъ упоминовенія.

Да и кому же было у насъ владѣть землею, кромѣ служилыхъ людей, имѣвшихъ ее въ помѣстьѣ отъ правительства, и получавшихъ съ нея все, что было имъ нужно? Служилымъ людямъ пріобрѣтать себѣ особую землю было затруднительно: отлучаться далеко отъ своей помѣстной земли они не могли, и заводить хозяйство на свободной землѣ было трудно. И гдѣ было взять такой земли? Земля вся тянула къ городамъ, къ общинамъ, и зависѣла отъ правительственныхъ распоряженій. Далѣе, какую пользу могла приносить имъ вообще земля такъ пріобрѣтенная? Едва ли могла она вознаграждать труды, на нее положенные, подобно помѣстной, получавшейся даромъ, съ даровою работою.

Притомъ, самая купленная земля обложена была тѣми же повинностями, какъ и помѣстная, даже отбиралась въ казну, по Уложенію, еслибъ владѣлецъ не захотѣлъ нести Царской службы.

Купцы, горожане, доставали себѣ всѣ сельскія произведенія сходно: имъ не было большой нужды стараться о частномъ владѣніи, подвергавшемъ многимъ хлопотамъ и налагавшемъ трудныя обязанности.

Частное владѣніе, въ настоящемъ значеніи этого слова, образовалось уже очень поздно.

Разложимъ (анализируемъ) для ясности исторію крѣпостнаго права на составныя ея части, и обозримъ вкратцѣ измѣненія, коимъ всѣ онѣ подвергались.

Составныя части вопроса суть:

Земля.

Правительство.

Помѣщики.

Крестьяне.

Законы.

Земля сначала была общею и ничьею. По прибытіи князей, она оставалась въ прежнемъ положеніи, съ тою разницею, что поселяне платили дань или оброкъ имъ, или назначеннымъ ими мужамъ. При царяхъ, поступила земля въ пользованіе помѣстныхъ дворянъ. Переходя отъ отцовъ къ дѣтямъ, помѣстье становилось отчиною, и наконецъ обратилось въ частное владѣніе. Нынѣ часть земли возвращается изъ частнаго владѣнія первобытнымъ ея обитателямъ и воздѣлывателямъ—крестьянамъ.

Князья долго не думали ни о какомъ наслѣдственномъ поземельномъ владѣніи, и переходили изъ княжества въ княжество, предоставляя даже судьбу дѣтей своихъ обстоятельствамъ и обычаю, землю предостав-

ляли они искони поселянамъ, съ которыхъ брали дань или оброкъ на себя, или на своихъ бояръ, вмѣсто жалованья. Цари сочли землю если не собственностію то принадлежностію государства, и раздавали ее отчасти своимъ дворянамъ съ обязанностію службы, отчасти пользовались ею сами. Впослѣдствіи предоставили они ее въ полное владѣніе помѣщикамъ, оставя излишнюю въ казенномъ или дворцовомъ управленіи. Правительство, лишь только оно начало сознавать себя, всегда разумѣется желало, чтобъ крестьяне не бродили, а жили на своихъ мѣстахъ, исполняя свои обязанности.

Бояре и прочіе мужи, при князьяхъ, сбирали для себя дань, или переводя на новой языкъ, получали только временно оброкъ, и переходя вмѣстѣ съ князьями, и отъ нихъ, изъ княжества въ княжество, не думали также о поземельномъ наслѣдственномъ владѣніи. При царяхъ получили они земли, съ обязанностями выставлять съ нихъ нужное количество воевъ, пѣшихъ и конныхъ, то есть съ обязанностями, кои, въ свою очередь, послужили поводомъ имѣть ближайшія отношенія къ обитателямъ земли, крестьянамъ, и ограничить ихъ первоначальныя права. Владѣя землею на помѣстномъ, временномъ, правѣ, они пожелали удержать ее за собою навсегда, и, пользуясь благопріятными обстоятельствами, мало по малу въ теченіи времени, распространили свою власть и на ея обитателей. Помѣстное владѣніе вмѣстѣ съ его обитателями сдѣлалось помѣстнымъ отчиннымъ, а наконецъ наслѣдственнымъ отчиннымъ владѣніемъ, и подверглось продажѣ и покупкѣ.

Помѣщикамъ, преимущественно большимъ и богатымъ, было всегда выгоднѣе удерживать за собою

крестьянъ, и ихъ вліянію принадлежатъ, вѣроятно, всѣ мѣры стѣснительныя и ограничительныя.

Крестьяне при князьяхъ жили, гдѣ кто хотѣлъ, и платили оброкъ князю или назначеннымъ отъ него мужамъ. Они переходили куда угодно; но, вѣроятно, должны были ставить за себя даже въ древности преемниковъ для исполненія обязанностей къ общинѣ. При царяхъ, въ помѣстьяхъ, они стали лицемъ къ лицу съ помѣщиками; хотя обязанности ихъ вѣроятно были опредѣлены, хотя Борисъ Годуновъ, по свидѣтельству иностранцевъ, старался оградить ихъ отъ излишняго отягощенія, но по естественному ходу вещей, свобода ихъ необходимо стѣснилася. Сначала ограниченъ былъ ихъ переходъ, въ видахъ государственной службы, потомъ переводъ, по поводу частныхъ злоупотребленій; они прикрѣплялись къ землѣ чаще и чаще, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, привыкали жить на одномъ мѣстѣ. Одинъ обычай замѣнялся другимъ. Наконецъ новый обычай узаконился. Все еще свободные, пока земля была помѣстною, крестьяне въ отчинахъ пришли однакоже несравненно въ болѣе близкую зависимость отъ помѣщиковъ, чѣмъ прежде, старались избывать, (періодъ бѣговъ), но наконецъ соединились съ землею, сдѣлались частію помѣщичей собственности. Нынѣ возвращается имъ свобода и надѣляются они землею.

Законы долго молчали, и начали, ограничивать свободу переходить, сперва Юрьевымъ днемъ, въ уваженіе обязанностей, наложенныхъ ими на помѣщиковъ, потомъ, вслѣдствіе случившихся голодовъ, заботясь о пропитаніи народонаселенія, и наконецъ смолкли, предоставляя вопросъ естественному ходу

дѣлъ, который довелъ крестьянъ непримѣтно до ревизіи. Въ наше время законодательство вступаетъ въ новую эпоху, и обѣщаетъ, на законѣ возмездія, уравновѣсить и опредѣлить всѣ права, какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ. въ отношеніи къ землѣ и Государству.

Вотъ какъ представляется пока дѣло, на основаніи извѣстныхъ документовъ, на соображеніи обстоятельствъ. Впрочемъ, я долженъ здѣсь замѣтить, что нашъ вопросъ далеко еще не достигъ до яснаго изображенія, требуемаго наукою. Нужно еще много надъ нимъ поработать; нужно сдѣлать изслѣдованія полныя и обстоятельныя о разныхъ соприкосновенныхъ предметахъ, равно какъ и о предметахъ, входящихъ въ его составъ, а именно:

О черныхъ или тяглыхъ земляхъ.

О княжескихъ и дворцовыхъ земляхъ.

О церковныхъ земляхъ.

О княжеской частной собственности.

О помѣстьяхъ.

Объ отчинахъ.

Объ обязанностяхъ помѣщиковъ къ правительству.

Объ обязанностяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, и къ правительству.

О правахъ крестьянъ.

О частномъ владѣніи.

О бѣглыхъ.

О порядныхъ.

О завѣщаніяхъ.

О дарственныхъ записяхъ.

Нужны особыя изслѣдованія о самыхъ словахъ, или, по крайней мѣрѣ, полныя собранія всѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ встрѣчаются, напримѣръ: переходъ, отказъ, возить и т. п.

Иванъ Земецъ, въ рецензіи моихъ Изслѣдованій, говоритъ, что мой методъ (собирать всѣ свидѣтельства о данномъ вопросѣ, и на основаніи всѣхъ данныхъ произносить о немъ сужденіе), есть общій, что всѣ поступаютъ одинакимъ образомъ: благоволитъ онъ указать мнѣ, гдѣ есть требуемыя изслѣдованія обо всѣхъ этихъ важнѣйшихъ предметахъ Русской Исторіи. Нѣтъ нигдѣ; а обо всемъ, въ исторіяхъ, разсужденіяхъ, обозрѣніяхъ, писано, хорошо или дурно, смотря по таланту, что-нибудь и какъ-нибудь.

ОТВѢТЪ г. КОСТОМАРОВУ.

НА ЕГО РАЗБОРЪ РАЗСУЖДЕНІЯ:

ДОЛЖНО ЛИ СЧИТАТЬ БОРИСА ГОДУНОВА ОСНОВАТЕЛЕМЪ КРѢПОСТНАГО ПРАВА.

ОТВѢТЪ г. КОСТОМАРОВУ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ я разборъ моего изслѣдованія, помѣщенный вами въ Архивѣ. Такими разборами объясняется вопросъ, и подвигается наука впередъ. Считаю обязанностію отвѣчать немедленно, объяснить встрѣтившіяся недоразумѣнія и дополнить по возможности свои доказательства.

„Прежде всего нужно сказать“, говоритъ г. Костомаровъ „что вопросъ, которымъ озаглавилъ г. Погодинъ свою статью, и который мы, подобно ему, приняли заглавіемъ нашего замѣчанія на его изслѣдованіе, вопросъ: должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права? справедливость требуетъ разрѣшить, согласно съ г. Погодинымъ, въ пользу Бориса отрицательнымъ отвѣтомъ: *нѣтъ*“ (стр. 6).

Слѣдовательно съ главной мыслію, которую преимущественно я имѣлъ въ виду, соглашается г. Костомаровъ.

Онъ соглашается, впрочемъ, не только въ основаніи съ моимъ изслѣдованіемъ, но и въ нѣкоторыхъ подробростяхъ:

„Крѣпостное право въ смыслѣ произвола землевладѣльцевъ въ сношеніяхъ съ земледѣльцами существовало и прежде, и мы по чистой совѣсти скажемъ съ г. Погодинымъ: съ больной головы да на здоровую, и вся вина взвалена на бѣднаго Бориса тѣми, которые готовы обвинять его одного!“ (стр. 7).

„Нельзя не признать всей истины слѣдующаго выраженія г. Погодина: самый Юрьевъ день былъ вѣроятно уже ступенью въ послѣдовательномъ ограниченіи большаго и безусловнаго перехода“.

Разберемъ теперь возраженія, относящіяся къ частностямъ.

По моей методѣ я постараюсь привесть ихъ къ одному знаменателю, и выстроить въ рядъ, удобный для обозрѣнія, по мѣрѣ ихъ важности и внутренней связи. (Предполагаю читателей, знакомыхъ съ нашими статьями.

Г. Костомаровъ настаиваетъ на смыслѣ указа 1597 года: „когда указъ 1597 г. ставитъ предѣломъ отыскиванія бѣглыхъ 1592 годъ, то значитъ въ 1592 году что-то произошло.“

Нѣтъ, повторяю я, можетъ быть и ничего не произошло. На границѣ срока не нужно предполагать никакого особеннаго распоряженія. Вотъ вамъ разительный примѣръ: въ 1641 году постановлено, какъ вы указываете, вывозныхъ крестьянъ отдавать за 15 лѣтъ, а бѣглыхъ крестьянъ.... по прежнему указу за 10 лѣтъ. Ну что же—заключите ли вы, что за эти 10 и 15 лѣтъ, то есть въ 1626 и 1621 г. были сдѣланы особыя постановленія о вывозныхъ и бѣглыхъ крестьянахъ? Ничуть не бывало. Точно также нельзя доказывать существованія запрещенія въ 1592 году изъ-за одного опредѣленія срока въ пять лѣтъ, постановленнаго въ 1597 году.

Въ мнимомъ указѣ Шуйскаго 1607 года урочные годы для челобитья о возвращеніи бѣглыхъ считали также въ пять лѣтъ. При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 10 лѣтъ.

Прибавимъ еще: еслибъ въ 1592 году было запрещеніе, то на него прямо и долженъ бы былъ сослаться указъ 1597 года, а не толковать о срокѣ, при запрещеніи вовсе не нужномъ.

Въ писцовомъ наказѣ 1646 г. (*) находимъ мы ссылку на указъ 1597 г., единственно какъ на указъ о бѣглыхъ.

(*) Акты археогр. экспедиціи, т. IV стр. 23 (N 14).

Въ наказѣ говорится о Судебникахъ Іоанновыхъ, и тотчасъ отъ нихъ дѣлается переходъ къ указу 1597 года, чего никакъ не моглобъ быть, еслибъ въ промежуткѣ случилось запрещеніе; никакъ не моглобъ оно быть пропущено. Обращаю вниманіе на это важное обстоятельство.

По поводу моихъ словъ, что это указъ о бѣглыхъ, „подобный многимъ прежнимъ, старшимъ и младшимъ, указъ безпрестанно такъ или иначе возобновлявшійся, (какъ при Іоаннахъ, такъ и при Романовыхъ), и неимѣющій никакого отношенія къ крѣпостному праву,“ г. Костомаровъ требуетъ у меня настоятельно натурою древнихъ указовъ: „Дѣйствительно“, говоритъ онъ, „такихъ указовъ впослѣдствіи было много; но г. Погодинъ говоритъ, что такіе указы существовали и прежде, *при Іоаннахъ*. Жаль, очень жаль, что г. Погодинъ не привелъ ни одного изъ извѣстныхъ ему въ этомъ родѣ. Кажется, до сихъ поръ ни одинъ не извѣстенъ, а это самое и заставляетъ многихъ искать чего-то въ 1592 году. Вотъ если бы въ изслѣдованіи въ самомъ дѣлѣ приведенъ былъ такой указъ, и притомъ именно съ назначеніемъ срочныхъ лѣтъ, тогда иное дѣло; тогда указъ 1597 года не могъ бы самъ по себѣ служить исходнымъ источникомъ общепринятаго мнѣнія“ (ст. 17).

Онъ особенно напираетъ на это требованіе и повторяетъ его нѣсколько разъ: „пока г. Погодинъ не отыщетъ и *не укажетъ міру* (!) указа, подобнаго указу 1597 г., изданнаго при Іоаннахъ, до тѣхъ поръ“ и проч.

И въ заключеніе: „главное — желательно было бы, чтобы г. Погодинъ указалъ на извѣстныя ему распоряженія о бѣглыхъ, съ назначеніемъ сроковъ, изданныя ранѣе указа 1597 года: это прольетъ новый свѣтъ на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей допетровской исторіи“.

Позволяю себѣ отнесть это требованіе къ пріемамъ журнальной стратегіи, а отнюдь не исторической критики. Г. Костомаровъ знаетъ очень хорошо, что такихъ указовъ на лице нѣтъ, и что еслибъ они были, то *нечего* было бы толковать и спорить о времени запрещенія, писать разсужденія, трудиться надъ изслѣдованіями, дѣлать предположенія. Слѣдовательно, онъ могъ ясно понять, что я говорю о возможности, а не о дѣйствительности. Указы о бѣглыхъ съ разными сроками могли быть прежде, (притомъ, замѣтьте, о бѣглыхъ вообще, а не исключительно о крестьянахъ,)— вотъ моя мысль. Потому то я привелъ мѣсто изъ лѣтописи даже XIII столѣтія. Сама Русская Правда говоритъ о бѣглыхъ.

„Прежде такихъ указовъ, сколько извѣстно, не было", говоритъ г. Костомаровъ. Да, не было, сколько извѣстно, я отвѣчаю ему, но было, сколько неизвѣстно, т. е. поелику ихъ предполагать можно и должно. (*)

„Отъ чего же возникъ этотъ? По Судебнику позволялось крестьянамъ переходить въ Юрьевъ день, а въ XVII вѣкѣ мы положительно знаемъ, что это положеніе въ законодательствѣ не существовало."

Нѣтъ, не знаемъ мы этого положительно: пусть покажетъ мнѣ г. Костомаровъ, спрошу я его въ свою

(*) Въ нынѣшнемъ изданіи, см. выше, Г. Костомаровъ найдетъ новыя доказательства этого моего положенія, къ которымъ слѣдуетъ присоединить еще Псковскую грамоту 15-го вѣка, содержащую постановленіе о бѣглыхъ. Въ грамотѣ 1466—1478. N 83: билъ ми челомъ Игуменъ Троецкой... что де изъ ихъ селъ изъ Шухобальскихъ... вышли крестьяне сей зимою о сборѣ, и язъ князь великій далъ имъ пристава, велѣлъ еси ихъ вывести и гдѣ мой приставъ ихъ ни, найдетъ въ моихъ селѣхъ или въ слободахъ, или въ боярскихъ.. И приставъ мой тѣхъ крестьянъ опять выведетъ въ ихъ села... да посадити ихъ по старымъ мѣстомъ, гдѣ кто жилъ, до Юрьева дни до осеннего. См. также грамоты подъ N 25, 48.

очередь, такое запрещеніе? Въ указѣ 1601 года мы видимъ разрѣшеніе переходить для однихъ крестьянъ, въ указѣ 1602 года для другихъ; тамъ-самъ мы читаемъ о срокахъ, которые предполагаютъ право перехода; слѣд. запрещенія общаго не было.

„ И бояре, избиравшіе Владислава, ставили ему въ число условій, чтобъ крестьяне не имѣли права выходить.“

Ну вотъ видите: если бояре требовали запрещенія, то, значитъ, было разрѣшеніе, было право переходить. Еслибъ этого права не было, то не для чего бы класть его въ число условій?

На мое счастье, въ той же книгѣ Архива, гдѣ помѣщены замѣчанія г. Костомарова на мое изслѣдованіе, напечатаны разсужденія графа Сперанскаго, совершенно согласныя съ моими.

„Въ 1597 г. при Царѣ Θеодорѣ Іоанновичѣ состоялся указъ, коимъ велѣно возвратить на свои мѣста тѣхъ крестьянъ, которые бѣжали за пять лѣтъ до того года, а которые бѣжали раньше сего, тѣхъ оставить на мѣстѣ ихъ настоящаго жительства. Истинный смыслъ сего указа состоялъ въ томъ, чтобъ *возвратить бѣглыхъ*, т. е. тѣхъ, кои оставили прежнее ихъ жительство, или не въ положенный срокъ, или не раздѣлавшись съ владѣльцами земли установленнымъ въ Судебникѣ порядкомъ. Сіе явствуетъ изъ слѣдующаго соображенія. По Судебнику, крестьянинъ могъ оставить помѣщика, заплативъ ему пожилыя деньги, возвративъ скотъ, хлѣбъ и другія вещи, у него занятыя, и удовлетворивъ его деньгами, взятыми на расплату съ прежнимъ помѣщикомъ и для новаго хозяйственнаго обзаведенія. Кто не исполнивъ сихъ обязанностей уходилъ съ помѣстья, тотъ считался бѣглымъ, и подлежалъ возврату

на прежнее жилище. Иски о семъ возвратѣ были безсрочные или сорокалѣтніе. Легко себѣ представить, сколь они были многочисленны, и сколь разборъ ихъ былъ многосложенъ, и затруднителенъ. Дабы положить предѣлъ симъ безпорядкамъ и уменьшить количество дѣлъ сего рода, указъ 1597 отсѣкъ и прекратилъ всѣ иски, возникшіе за пять лѣтъ предъ тѣмъ, и далъ ходъ тѣмъ только изъ нихъ, кои были не старѣе сего срока." Нельзя не удивляться, замѣчу здѣсь мимоходомъ, зоркости Сперанскаго, который безъ всякихъ предварительныхъ работъ, среди многообразныхъ занятій, попалъ на такую мысль въ спеціальномъ вопросѣ.

Прибавлю слѣдующее соображеніе: въ указѣ 1597 года говорится не только о бѣглыхъ крестьянахъ за пять лѣтъ, т. е. въ 1592 году, но и о такихъ, которые бѣжали „за 6 и за 7 и за 10 и больше", то есть въ 1591, 1590, 1589, 1588, 1587 и еще прежде. Ну какъ же думаетъ г. Костомаровъ: для этихъ бѣглецовъ Іоаннова времени (вѣдь его можно разумѣть подъ „прежде„?) было какое-нибудь постановленіе или нѣтъ? Разумѣется *было*, но міръ его не знаетъ, и можетъ быть никогда не узнаетъ безъ какого-нибудь счастливаго случая, а я въ томъ не виноватъ, и взысканію за то не подлежу. Г. Бѣляевъ, (с. 106), справедливо замѣчаетъ, что указъ 1597 года....узаконяетъ только пятилѣтній срокъ давности для суда о бѣглыхъ крестьянахъ, *точно также* какъ этотъ срокъ узаконенъ приговоромъ 1605 г., или какъ указомъ 1640 года узаконенъ для сего же десятилѣтній срокъ.

Слѣдующее разсужденіе г. Костомарова можно принять къ соображенію, независимо отъ указа 1597 года, и толкованій, на немъ основанныхъ.

„Такъ какъ 1) указы о бѣглыхъ съ назначеніемъ сроковъ, въ своей постепенной послѣдовательности, идутъ въ законодательствѣ рядомъ съ прекращеніемъ перехода; 2) о переходѣ въ Юрьевъ день нѣтъ въ законодательствѣ (чего нѣтъ?) вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ являются въ немъ въ постепенной послѣдовательности указы о бѣглыхъ съ назначеніемъ сроковъ, то распоряженіе въ 1592 году должно необходимо касаться перехода въ Юрьевъ день, и непремѣнно въ духѣ прекращенія этого права, а ужъ никакъ не расширенія".

Я только предложу amendement, и оборочу заключеніе: такъ какъ съ 1592 только года идутъ извѣстные законы о бѣглыхъ... то вѣроятно было предъ тѣмъ какое-либо распоряженіе, стѣснявшее переходъ въ Юрьевъ день.

За то я прибавлю здѣсь и новое подкрѣпительное соображеніе въ пользу моего мнѣнія, и надѣюсь, довольно значительное: почему при отыскиваніи бѣглыхъ не встрѣчается нигдѣ ссылки на мнимое запрещеніе 1592 года?

Впрочемъ я сказалъ, что для окончательнаго рѣшенія вопроса о крѣпостномъ правѣ нужно особое изслѣдованіе о постановленіяхъ касательно бѣглыхъ.

Здѣсь же слѣдуетъ по соприкосновенности упомянуть и о мнимомъ противорѣчіи, которое находитъ у меня г. Костомаровъ: „въ одномъ мѣстѣ изслѣдованія, говоритъ онъ, допускаются временныя запрещенія, существовавшія до 1601 года, а въ другомъ указы 1601 и 1602 годовъ выставляются, какъ первыя распоряженія, вызванныя временною необходимостію. Читатель остается въ недоумѣніи: какое мнѣніе ученаго изслѣдователя объ этомъ вопросѣ. Существовало ли запрещеніе до 1601 г., или нѣтъ?"

Это „другое мѣсто", смущающее г. Костомарова,

находится не въ изслѣдованіи, а въ приложенномъ къ изслѣдованію общемъ обозрѣніи, итогѣ, или даже въ содержаніи итога: „законы долго молчали, и начали ограничивать свободу переходить, *сперва,* Юрьевымъ днемъ,—потомъ вслѣдствіе случившихся голодовъ, и проч.“ Г. Костомаровъ опирается на слова: „сперва и прежде.“ Я соглашаюсь, что онѣ употреблены не съ строгою точностью: передъ „сперва“ надо бы поставить нѣсколько точекъ, или прибавить, „сколько извѣстно изъ извѣстныхъ постановленій, или т. п.“ Но все предшествовавшее, не только въ изслѣдованіи, но даже въ обозрѣніи, давало мнѣ право думать, что недоразумѣнія быть не можетъ. Ясно, напримѣръ, сказано было прежде, что самый Юрьевъ день былъ только степенью въ числѣ ограниченій, и т. п. Г. Костомаровъ поступилъ бы гораздо справедливѣе, еслибъ самъ исправилъ неточныя выраженія, или замѣтилъ бы, что онѣ нуждаются еще въ двухъ-трехъ пояснительныхъ словахъ. Упрекъ въ противорѣчіи принадлежитъ также къ тактикѣ рецензіи, о которой замѣчено выше, а не къ дружной, добросовѣстной критикѣ, коею авторъ и рецензентъ, въ нашемъ положеніи, стараются вмѣстѣ пояснить одно, общее дѣло.

Указъ Шуйскаго г. Костомаровъ защищаетъ удачнѣе.

„Противорѣчіе въ указѣ Шуйскаго не есть такая исключительность, какой нельзя найти въ другихъ оффиціальныхъ бумагахъ того времени, и по которой можно заключить о неподлинности акта“ (стр. 11).

Нѣтъ, такого противорѣчія, полнаго, твердаго, рѣшительнаго, и въ такой близости двухъ положеній, нельзя указать нигдѣ, и оно составляетъ совершенную исключительность: постановленіе никуда не годится, но мы его утверждаемъ—гдѣ еще есть такое противорѣчіе?

Г. Костомаровъ старается объяснить это противорѣчіе, раздѣляя указъ на двѣ части: докладъ и резолюцію, принадлежащія разнымъ лицамъ. Это остроумно, но все-таки неудовлетворительно: трудно допустить и то, чтобъ начальники Помѣстнаго Приказа, тѣ же бояре и помѣщики, сдѣлали подобный докладъ, и то, чтобъ соборъ и синклитъ постановили совершенно вопреки докладу, оставивъ его между тѣмъ безъ малѣйшаго возраженія.

„Подлоги составлять дьякамъ вовсе не такъ было легко на тѣхъ основаніяхъ, какія привелъ г. Погодинъ.„

Въ текущемъ времени дѣлать было трудно, даже можетъ быть невозможно, но обманывать заднимъ числомъ, которое у меня и имѣлось въ виду —дѣло совершенно другое.

А вотъ это разсужденіе г. Костомарова совершенно вѣрно, и я вполнѣ соглашаюсь съ его основаніемъ:

„Да, наконецъ, почему же именно отъ подлога, сдѣланнаго, какъ предполагаетъ г. Погодинъ, какимъ нибудь дьякомъ въ XVII вѣкѣ, можно ожидать скорѣе противорѣчій и безтолковщины, чѣмъ отъ подлинной бумаги того же времени? Намъ даже кажется на оборотъ. Противорѣчіе и безсмыслица въ оффиціальномъ актѣ можетъ происходить всего скорѣе отъ небреженія и отъ неумѣнья выражаться. А кто составляетъ подлогъ, тотъ долженъ быть особенно остороженъ на этотъ разъ; тотъ старается, чтобъ его подлогъ, сколько возможно, казался подлинникомъ„ (стр. 12).

И такъ,—отъ чего подлогъ такъ неискусенъ, остается вопросомъ, загадкою.

„Никто не въ силахъ,„ говоритъ г. Костомаровъ, „единственно по внѣшности слога и выраженій, отличить

подложную бумагу, составленную дьякомъ XVII вѣка, отъ подлинной оффиціальной того же времени„ (стр. 12).

Того же времени—это такъ, но подлогъ позднѣйшій, подлогъ, напримѣръ, сдѣланный лѣтъ черезъ сто, отличить всегда бываетъ можно. На этомъ основаніи, не отвергается ли у насъ очень много документовъ?

Противорѣчія, указанныя мною въ законѣ Шуйскаго, съ сдѣланными въ промежуткахъ разрѣшеніями, г. Костомаровъ отстраняетъ искусно, и уступить ихъ ему можно.

Выраженія о царскомъ синклитѣ и вселенскихъ соборахъ показались мнѣ подозрительными: г. Костомаровъ указываетъ на подобныя въ подлинныхъ современныхъ документахъ, но я прошу его обратить вниманіе на контекстъ, рѣшающій, по моему мнѣнію, вопросъ о подлогѣ. Въ указѣ Борисовомъ видится одна ткань, слышится одна рѣчь, а въмнимомъ указѣ Шуйскаго заподозрѣнное слово видится заплатою изъ другой настоящей ткани, слышится словомъ, взятымъ съ голоса, вставленнымъ. Впрочемъ все зависитъ здѣсь отъ личнаго настроенія, личной точки зрѣнія и слуха, и спорить безполезно.

„Неужели признавать его подложнымъ единственно на основаніи недовѣрія къ Татищеву„ (стр. 17)?

Я уважаю Татищева, и часто имѣлъ случай выражать ему свое уваженіе: по моему мнѣнію Татищевъ (къ которому неприлично приложенъ эпитетъ „заклейменый„) можетъ быть предметомъ особой диссертаціи, которую и задавалъ я нѣкогда студентамъ. Но къ постановленію Шуйскаго о бѣглыхъ онъ показываетъ какое-то особенное расположеніе, такъ что мнѣ, впрочемъ мимоходомъ, слегка, представилась возможность его участія въ сочиненіи.

„Не станемъ, однако, опираться на него“ (указъ Шуйскаго), говоритъ г. Костомаровъ„ изъ уваженія къ авторитету г. Погодина, въ надеждѣ, что онъ представитъ болѣе очевидныя доказательства его неподлинности„.

Не въ комплиментъ за комплиментъ—я долженъ сознаться, что разсужденія г. Костомарова поколебали *нѣсколько* во мнѣ увѣренность въ подложности указа Шуйскаго. (*)

Мѣсто въ указѣ 1601 года: „а которымъ людямъ промежъ собою въ нынѣшнемъ 110 году крестьянъ срокъ возити, и тѣмъ возити, одному человѣку изъ-за одного человѣка, одного крестьянина или двухъ, а трехъ или четырехъ одному изъ за одного не возити„, историки наши, вслѣдъ за Карамзинымъ, разумѣли, что позволялось возить крестьянъ, но не всѣмъ вдругъ, и не болѣе какъ по два вмѣстѣ.

Мнѣ казалось страннымъ, что позволялось переходить отъ помѣщика только по два крестьянина, и я принялъ объясненіе г. Лешкова: не по два, а по ровну: два за два, а не три и четыре.

Г. Костомаровъ недоволенъ объясненіемъ г. Лешкова, а предлагаетъ свое: не по два изъ селенія, а по два въ одно селеніе, такъ что всѣ крестьяне могли выйдти, но въ разныя селенія, не къ одному помѣщику, а къ разнымъ, по два къ каждому.

Но это объясненіе отнюдь не противорѣчитъ нашему: г. Костомаровъ только что развиваетъ его. Мы отнюдь не ограничивали выходъ двумъ изъ селенія, а попарно.

Выраженіямъ *сошелъ, сбѣжалъ* и т. п. г. Костомаровъ не придаетъ значенія, вопреки г. Аксакову, и думаетъ, что перехода въ XVII вѣкѣ уже не было;

(*) Впрочемъ, см. выше, еще новыя доказательства Г. Бѣляева противъ указа Шуйскаго.

но мимо этихъ выраженій я напомню ему, что переходъ былъ въ 1601 и 1602 годахъ, какъ значится изъ подлинныхъ указовъ, и что распоряженія о переходѣ и пребываніи были, какъ положительно извѣстно по этимъ указамъ, временныя и ежегодныя. Запрещенія же переходить положительнаго не было никогда, сколько извѣстно, слѣдовательно нельзя не допускать и перехода.

Прибавимъ здѣсь: самое существованіе указовъ 1597, 1601, 1602, 1605 г. доказываетъ собою, что запрещенія общаго положительнаго не было; ибо еслибъ было такое запрещеніе, то они не моглибъ существовать, развѣ въ силу уничтоженія перваго указа.

Мнѣ остается теперь защитить толковитость старинной администраціи.

Г. Костомаровъ указываетъ на примѣры неясностей, неточностей, противорѣчій, безсмыслицъ.

Ну что же—онѣ отнюдь не опровергаютъ моего положенія, какъ частности и исключенія не уничтожаютъ правила. Скажетъ ли г. Костомаровъ, что наша администрація отличалась безтолковостію? Нѣтъ—не скажетъ, да и не можетъ сказать. Если онъ не можетъ сказать этого, то долженъ согласиться, что мое положеніе допустить можно скорѣе, чѣмъ противоположное. Въ новой администраціи больше безтолковости, нежели въ старой. Прочтите старинные наказы, разверстки, исчисленія: дѣло въ ротъ кладется. А если брать всякое лыко въ строку, то разумѣется найдемъ вездѣ много неясностей или несообразностей.

Замѣтить надо еще вотъ что: иное кажется намъ несообразнымъ или противорѣчащимъ, потому что мы не понимаемъ съ отвычки старинпаго языка, для современниковъ яснаго. Напомню мѣсто изъ исторіи Володимеровой „рать многа: оже вира, то на оружьи и на конихъ буди„.

Разумѣется, эти слова были понятны для всякаго, а сколько времени ломаемъ мы голову надъ ними напрасно!

Въ другомъ мѣстѣ я сказалъ, что настольныхъ реэстровъ и исходящихъ не было. Г. Костомаровъ приравнялъ это отсутствіе безтолковости, и слѣдовательно нашелъ противорѣчіе съ первымъ утвержденіемъ толковитости, заключивъ: „не кажется ли, что въ изслѣдованіи защищается толковитость нашей администраціи и дѣлопроизводства, когда эта толковитость нужна для подкрѣпленія любимой мысли, и черезъ нѣсколько страницъ, когда для подкрѣпленія той же мысли нужно, чтобъ эта администрація и дѣлопроизводство были безтолковы, они обвиняются въ такой безпорядочности, какой даже и не было на самомъ дѣлѣ„ (стр. 11).

Скажу откровенно, что обвиненіе, такъ выраженное, оскорбило меня, и я не знаю, чѣмъ въ долговременное свое служеніе наукѣ я подалъ къ нему поводъ. Изслѣдуя, я ищу истины, а не фектую, могу ошибаться, но безъ умысла (*).

(*) Г. Костомаровъ въ Архивѣ Г. Калачева, гдѣ печаталась наша полемика, отвѣчалъ на мои упреки слѣдующимъ образомъ: „бываютъ случаи, когда, подъ вліяніемъ извѣстнаго взгляда, сближаются и кажутся между собою сходными такія стороны разсматриваемаго предмета, которыя, безъ этого соединяющаго взгляда, представляются не только несходными, но и противоположными. Къ такимъ случаямъ я относилъ противорѣчіе въ сужденіи г. Погодина о толковитости нашей старой администраціи и дѣлопроизводства. Я выразился: *не кажется ли*, а *кажется* не значитъ *есть*, и очень часто *кажется* такъ, когда въ тоже время знаешь, что въ самомъ дѣлѣ оно совершенно иначе. Сознаюсь, что я выразился не точно. сказавши: *не кажется ли*, вмѣсто того чтобъ сказать: *такимъ образомъ можетъ показаться*. Оскорбить письменно г. Погодина, пріобрѣвшаго право на уваженіе всѣхъ честныхъ людей своею долговременною дѣятельностію, не только въ сферѣ ученой, но и общественной—слишкомъ тяжело для совѣсти того, кто подвергается, хотя бы по собственной неосторожности, та кому нареканію. Спѣшу просить извиненія за свою неловкость.“

„Какъ же согласить такую безалаберщину, способствующую подлогамъ, самому большому злу, какое можетъ быть въ сферѣ дѣлопроизводства, съ высокимъ мнѣніемъ о толковитости этого дѣлопроизводства и администраціи?„ (стр. 11).

На все есть время, скажу я г. Костомарову. Смѣшно въ періодѣ, напримѣръ, Русской Правды, искать настольнаго реэстра: онъ является уже очень поздно; но объ этомъ, какъ маловажномъ, оставимъ, чтобъ перейти къ главному.

Матвѣй Башкинъ, приводимый въ примѣръ противъ меня, представляетъ мнѣ хорошій случай поговорить о характерѣ старыхъ противорѣчій. „Башкинъ„ говоритъ Костомаровъ, „осуждается какъ богопротивный и лукавый еретикъ, глаголавшій хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, называвшій честное и святое тѣло Господа нашего Іисуса Христа простымъ хлѣбомъ и виномъ, отвергающій Церковь и всѣ ея преданія, и признающій даже все божественное писаніе баснословіемъ. Если таковъ былъ въ самомъ дѣлѣ Башкинъ, то спрашивается: зачѣмъ онъ приходилъ на исповѣдь и говорилъ: „Христіянинъ де есмь, вѣрую во Отца и Сына и Святаго Духа, и поклоняюся образу Бога и Господа и Спаса нашего Іисуса Христа и пречистѣй Богородицы и великимъ чудотворцемъ, и всѣмъ святымъ на иконѣ написаннымъ. А тогды—говоритъ священникъ—великими клятвами и моленіями умолилъ на исповѣдь приняти, и я его принялъ". Не есть ли это вопіющее противорѣчіе? говоритъ г. Костомаровъ, нападая на толковитость старинной администраціи. Да, да, отвѣчаю я г. Костомарову: Башкинъ могъ вольнодумствовать у себя дома на досугѣ, смущаться сомнѣніями, проболтаться подъ пьяную руку, и въ тоже время

идетъ на духъ къ священнику съ просьбою разрѣшить его сомнѣнія, считая себя сыномъ Церкви. Такъ точно мало ли что толкуютъ о власти теоретически раскольники, а на практикѣ они такіе же вѣрноподданные, какъ и прочіе. Въ слѣдственномъ дѣлѣ могли смѣшаться выраженія изъ обвиненія, оправданія, суда и рѣшенія. (*)

(*) Я воображаю себѣ „Матюшу", какъ называется онъ въ одномъ современномъ актѣ: это вѣрно былъ малый бойкій, смышленый, живой, отъ чего можетъ быть и прозваніе получилъ. Вѣроятно подвернулся ему какой-нибудь Нѣмецъ,—пасторъ, лекарь, купецъ, познакомился съ нимъ, полюбилъ его и передалъ ему новыя Нѣмецкія мудрованія. Очаровалъ Матюшу Нѣмецъ. Закружилась голова у бѣднаго Матюши! А въ Благовѣщенскомъ соборѣ попъ отецъ Симеонъ—великій начетчикъ и знатокъ во всякихъ божественныхъ дѣлахъ. Къ нему идетъ Матюша: „Бога ради, пользуй мя душевнѣ, надобеть, де, что написано въ Бесѣдѣхъ тѣхъ честь, да на слово ненадѣятись, быти бъ и дѣломъ свершитися; да все, де, начало отъ васъ, прежде вамъ священникомъ собою начало показати, да и насъ научати".

Дока былъ отецъ Симеонъ, все зналъ, а тутъ видно опѣшилъ; ему и въ голову не могло попасть ничего подобнаго: „пришедъ ко мнѣ сынъ духовный не обычный, и многіе вопросы предлагаетъ недоуменные. Спрашиваетъ у меня поученія, да и самъ меня учитъ, весь Апостолъ воскомъ измѣрилъ...."

Наряженъ судъ—сидятъ епископы и пресвитеры,—слушаютъ и диву даются, и проч. и проч.

О съ какимъ восторгомъ, скажу здѣсь кстати, или некстати, сталъ бы Пушкинъ представлять Матюшу, съ приглаженными волосами, съ раздвоенной бородкой, идущаго въ Благовѣщенскій соборъ дрожащими ногами. Какъ разинулъ бы Пушкинъ ротъ за отца Симеона! Какъ изобразилъ бы весь встревоженный синклитъ! Надо было слышать дѣтскій заливавшійся хохотъ Пушкина при подобныхъ объясненіяхъ. Такъ однажды представлялъ онъ мнѣ радость дьяка, который ввернулъ въ указъ Царя Алексѣя Михайловича крѣпкое словцо о Нѣмцахъ, чьихъ-то дѣтяхъ. Такъ любилъ онъ живописно разсказывать, что нѣкоторыя женщины вольнаго обхожденія, или, говоря новымъ языкомъ, эмансипированныя, соблюдаютъ строго посты, и по середамъ и пятницамъ ни за что въ ротъ не возьмутъ скоромнаго. Онъ вспомнилъ бы навѣрное Шекспира, и прочелъ бы цѣлую лекцію о славномъ трагикѣ, изчислилъ бы всѣ характеры въ подобныхъ положеніяхъ... Но это, разумѣется, мимоходомъ.

„И такъ остается признать“, говоритъ г. Костомаровъ, „что мысль о томъ, будто Борисъ не прекращалъ Юрьевскаго перехода, и что это право существовало послѣ него и въ XVII вѣкѣ, не принимаетъ характера исторической истины послѣ доказательствъ гг. Погодина и Аксакова. Пока почтенные изслѣдователи, желающіе внести ее въ науку, не подтвердятъ своихъ положеній новыми, болѣе очевидными, свидѣтельствами того времени, общепринятое мнѣніе будетъ имѣть на своей сторонѣ болѣе доказательствъ.“

Смѣю думать—напротивъ, какъ читатели могутъ судить по вышепредложеннымъ объясненіямъ.

Г. Костомаровъ пропустилъ еще вотъ какіе прежнія мои доказательства и соображенія: о пятилѣтнемъ срокѣ въ указѣ 1606 года, съ положительною ссылкою на старый приговоръ, о трудности пропасть такому важному указу, какъ мнимое запрещеніе 1592 года, объ отсутствіи запрещенія въ Уложеніи и всякаго намека въ другихъ документахъ, о странныхъ выраженіяхъ въ указѣ Шуйскаго, кромѣ синклита и вселенскихъ соборовъ, о выраженіи въ указѣ 1602 г. „которые крестьяне похотятъ“, и проч.

Приложимъ здѣсь еще одно замѣчаніе: прикрѣплялись указами, о которыхъ идетъ рѣчь, только тяглые, такъ сказать, отвѣтственные крестьяне, а прочіе, равно какъ и семейства, оставались свободными.

Ко времени царя Михаила Ѳедоровича принадлежатъ рядныя крестьянъ съ правами перехода при уплатѣ убытковъ. Указъ 1642 года отъ 12 Марта прямо говоритъ, что бѣглыхъ крестьянъ можно было возвращать на прежнія мѣста только по суду, по крѣпостямъ и по сыску, см. въ разсужденіи Г. Бѣляева, с. 123—126, 128.

СУДЪ НАДЪ ЦАРЕВИЧЕМЪ
АЛЕКСѢЕМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

СУДЪ НАДЪ ЦАРЕВИЧЕМЪ

АЛЕКСѢЕМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ,

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, одно изъ важнѣйшихъ происшествій въ Русской Исторіи, представленъ нынѣ ученому свѣту, благодаря стараніямъ одного изъ достойныхъ членовъ академіи, во всѣхъ своихъ ужасныхъ подробностяхъ. Изъ самыхъ потаенныхъ хранилищъ, недоступныхъ для науки, не только для любопытства, за семью замками и десятью печатями, извлечены трудолюбивымъ ученымъ подлинныя свидѣтельства: письма, секретныя инструкціи, допросные пункты, возраженія, приговоры, донесенія, вопросы и отвѣты. Восклицанія, вырвавшіяся у того или другаго изъ дѣйствовавшихъ лицъ, среди дружеской попойки, слова, прошептанныя на ухо двумя старухами въ какомъ-нибудь темномъ углу—все почти подслушано, подсмотрѣно, вскрыто, исчислено, разобрано, обнародовано. Судъ современниковъ, со всѣми его рѣшеніями, предается высшему суду, суду потомства, исторіи, и сами судьи, поднятые изъ гробовъ, поступаютъ въ ряды ими обвиненныхъ, ожидая себѣ со смиреніемъ новаго окончательнаго на землѣ приговора.

Высокое назначеніе Исторіи! Чувствуешь невольный трепетъ въ сердцѣ, когда видишь, какъ могущественный государь въ мірѣ, котораго воля, впродолженіи

цѣлой жизни, не знала никакихъ препятствій, на всемъ пространствѣ его владѣній, а эти владѣнія обнимали почти цѣлую часть свѣта, преобразователь многочисленнаго народа, силою своей руки двинувшій его противъ воли по новому пути, завоеватель, законодатель, распорядитель,—съ Полтавою и Ништадтскимъ миромъ, флотомъ и арміей, имъ созданными, съ Петербургомъ и Кронштадтомъ, городами и крѣпостями, имъ построенными, съ каналами, имъ для соединенія морей и рѣкъ прокопанными, съ фабриками и мануфактурами, имъ учрежденными, съ новыми естественными произведеніями, имъ отовсюду собранными и введенными въ употребленіе,—съ походомъ въ Персію, съ посольствомъ въ Китай, съ экспедиціей въ Хиву, съ мыслію о торговлѣ съ Индіей, съ заботами объ Японскомъ языкѣ,—чувствуешь, повторяю, невольный трепетъ въ сердцѣ, когда видишь, какъ, однимъ словомъ, императоръ Петръ Великій призывается къ отчету въ его дѣйствіяхъ, и какъ послѣдній изъ его бывшихъ подданныхъ разбираетъ его поступки до сокровеннѣйшихъ источниковъ, задаетъ ему вопросы, кои онъ не можетъ оставить безъ разрѣшенія, предлагаетъ обвиненія, въ коихъ онъ не можетъ не оправдываться.

Высокое назначеніе Исторіи, — и надобно было случиться, чтобъ такой громогласный урокъ ея раздался, такой разительный примѣръ предложился, именно въ наше время, исполненное великихъ задачъ государственныхъ, къ коимъ мы, подъ исходъ нашего тысячелѣтія, со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступаемъ. О вы, сильные міра сего, рѣшающіе судьбу поколѣній! Будьте осторожны, и внимая гласу исторіи, видя предъ своими глазами примѣръ Петра Великаго,

не забывайте, что надъ всѣми человѣческими дѣяніями господствуетъ Высшій Промыслъ, и что могущество, какъ бы оно ни было велико, сила, какъ бы ни была она неограниченна, слава, какъ бы ни была она блистательна, преходятъ на землѣ, какъ тѣнь; не забывайте, что только истина не боится ничего, что только правда достигаетъ цѣли, что только добро торжествуетъ окончательно, и только любовь привлекаетъ къ себѣ сердца нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ....

Русское общество, по прочтеніи книги г. Устрялова, исполнилось негодованія, уступая первому сильному впечатлѣнію, произведенному ужасами тайной канцеляріи, съ ея висками и дыбами, съ ея подъемами и встрясками, оскорбляясь въ самыхъ нѣжныхъ чувствованіяхъ природы. Раздаются горькіе упреки, слышатся жесткія слова осужденія, бросаются тяжелые камни,— и обязанность науки: подать свой голосъ въ шумѣ разнородныхъ мнѣній. Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ есть такое происшествіе, которое имѣетъ, какъ сказалъ я выше, великое значеніе въ Русской исторіи: это граница между древнею и новою Россіею, граница, орошенная кровію сына, которую пролилъ отецъ. Оно должно быть тщательно изслѣдуемо до мельчайшихъ своихъ подробностей, и честь времени, когда можно о такомъ важномъ вопросѣ говорить искренно и свободно, предлагать свои мысли безъ малѣйшихъ опасеній....

Всякое происшествіе имѣетъ двѣ стороны: внутреннюю и внѣшнюю, или, во всякомъ происшествіи нужно различать его сущность и его явленіе, другими словами, его тѣло и его душу, а говоря языкомъ нынѣ употребительнымъ: его форму и его идею.

Предложу прежде всего полный перечень, по мѣсяцамъ и числамъ, всѣхъ событій въ жизни царевича Алексѣя Петровича; наружная послѣдовательность облегчитъ намъ сужденіе объ ихъ внутренней связи и родствѣ.

1672, *Маія 30*, И. Петръ I родился.
1689, *Января 27*, сочетался бракомъ, 16 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, съ Е. Ѳ. Лопухиной.
1690, *Февраля 18*, родился сынъ Алексѣй.
1691, *Октября 3*, — Александръ.
— — *16*, скончалась царица Наталія Кирилловна.
1696, Букварь Каріона Истомина для царевича.
1696, *Іюня 2*, донесеніе Никифора Вяземскаго, что царевичъ началъ учиться грамотѣ.
1696, *Іюля 29*, что принялся за часовникъ.
1997, Другой букварь Каріона Истомина.
— *Марта 10*, Петръ отправился въ путешествіе за границу.
1698, въ началѣ, письма Петра къ ближнимъ объ убѣжденіи жены идти въ монастырь.
— *Августа 25*, Петръ возвратился изъ путешествія.
— — *31*, свиданіе въ домѣ Виніуса съ царицей.
— *Сентября 23*, царевичь взятъ отъ нея, и перевезенъ къ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, въ Преображенское.
— — — царица отправлена въ Суздальскій Покровскій монастырь (гдѣ и была чрезъ 10 мѣсяцевъ пострижена).
1699, генералъ Карловичъ пригласилъ Саксонскаго подданнаго Мартина Нейгебауера для воспитанія царевича.
1701, *въ Іюнѣ*, Нейгебауеръ принятъ въ службу и приставленъ къ царевичу для наставленія въ наукахъ и нравоученіи.
1702, *Маія 23*, ссора у Нейгебауера съ Вяземскимъ за столомъ у царевича, въ Архангельскѣ.
— *въ Іюлѣ*, указъ объ увольненіи Нейгебауера.
1703, *Апрѣля 29*, наказъ объ ученіи царевича.

— Назначеніе Гизена оберъ-гофмейстеромъ царевича подъ начальствомъ князя Меншикова.

— *Августа 25*, изъ Петербурга, письмо царевича къ отцу: проситъ извѣстить о здоровьѣ.

— *въ Ноябрѣ*, Петръ ввѣряетъ Гизену торжественно царевича. Рѣчь.

1704, *въ Мартѣ*, царевичъ отправился съ Гизеномъ изъ Москвы въ Петербургъ, оттуда подъ Нарву, гдѣ и находился во все время осады.

— По взятіи Нарвы, рѣчь Петра къ сыну въ главной квартирѣ фельдмаршала и отвѣтъ. Изъ Нарвы царевичъ отправился въ Москву, и тамъ, при торжественномъ шествіи войскъ,

— *Декабря 19*, поздравилъ отца съ одержанными побѣдами, послѣ сталъ въ ряды Преображенскаго полка.

— *Іюль—Ноябрь* восемь писемъ къ кормилицѣ.

1705, въ началѣ, Гизенъ отправленъ за границу съ порученіями.

— *Марта 28, Апрѣля 10, Августа 21*, изъ Преображенскаго, письма царевича къ отцу, о здоровьѣ.

— *Октября 16*, изъ Семеновскаго.

— *Октября 22*, донесеніе царю токарнаго мастера де-Шепера, что царевичъ учится точить охотно.

— — *25*, изъ Преображенскаго, письмо царевича къ отцу, о здоровьѣ.

1706, изъ Преображенскаго, письма царевича къ отцу:

— *Февраля 20, Марта 5, Апрѣля 7, Маія 10, Іюля 9, Августа 28, Октября 4, Ноября 10, Декабря 12*.

— *Августа 16*, письмо изъ Вязьмы къ духовнику о пріѣздѣ туда 14.

— *Іюнь—Сентябрь*, шесть писемъ къ духовнику. Тайныя сношенія. Условный языкъ.

— Вѣроятно въ концѣ, царевичъ посѣщалъ тайно мать.

1707, въ началѣ, вызванъ въ Жолкву отцемъ, и подвергся за то его гнѣву.

— *Февраля 18*, изъ Жолквы, письмо царевича къ Гизену, извѣстительное.

— *Марта 13*, письмо къ духовнику.

1707, — посланъ въ Смоленскъ заготовить провіантъ и набирать рекрутъ.

— *Маія 17*, изъ Смоленска, письмо царевича къ отцу, съ донесеніемъ о провіантѣ, приходѣ и расходѣ.

— — *20*, изъ Смоленска, письмо царевича къ отцу, съ донесеніемъ о собираніи хлѣба, и пространными приложеніями.

— — *31*, изъ Смоленска, письмо царевича къ отцу, съ донесеніемъ о распоряженіяхъ, касательно овса, сѣна, и сухарей.

— *Іюня 5*, изъ Смоленска, письмо царевича къ отцу, съ просьбою объ отвѣтѣ.

— — *25*, изъ Смоленска, письмо царевича къ отцу, съ донесеніемъ о собираніи овса, и жалобою на неполученіе отвѣта.

— — *4*, изъ Смоленска, письмо царевича къ отцу, съ донесеніемъ о требованіяхъ провіанта, коихъ исполнить не смѣлъ.

— *Іюля 7*, письмо изъ Пскова Кир. Вл. Нарышкину.

— — *14*, изъ Смоленска, письмо царевича къ отцу, съ донесеніемъ о количествѣ хлѣба въ Псковѣ и проч. и благодарностію.

— — *16*, изъ Смоленска, письмо царевича къ отцу, благодарственное за доктора.

— — *20*, изъ Смоленска, письмо царевича къ отцу, о сѣнѣ.

— *Іюля 30*, изъ Смоленска, письмо царевича къ отцу, съ донесеніемъ о сухаряхъ, овсѣ и сѣнѣ.

— *Августа 5*, изъ Смоленска, письмо царевича къ отцу, объ отправленіи стрѣльцовъ и солдатъ.

— — письмо царевича къ Макарову, съ благодарностію за исходатайствованіе указа, и извѣщеніемъ объ отправленіи стрѣльцовъ.

— — *11*, изъ Смоленска, письмо царевича къ отцу, о распоряженіяхъ касательно рекрутъ.

— — къ Макарову: проситъ увѣдомить, что отзовется противъ его письма къ батюшкѣ.

— — *17*, изъ Смоленска, письмо царевича къ отцу, съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ.

— — *29*, изъ Борисова, письмо царевича къ отцу,

о возвращеніи его въ Смоленскъ, по письму кн. Меншикова.

1707 *Сентября 2,* изъ Смоленска, письмо царевича къ отцу, объ отправленіи рекрутъ.

— — *4,* изъ Смоленска, письмо царевича къ отцу, о количествѣ сѣна.

— — *10,* изъ Смоленска, письмо къ Автоному Ив. Иванову.

— — *11,* изъ Смоленска, письмо царевича къ отцу, съ донесеніемъ о полученномъ извѣтѣ, и объ его распоряженіи по этому поводу.

— — *21,* изъ Смоленска, письмо царевича къ отцу, объ отъѣздѣ въ Минскъ, по его приказу.

(Царевичъ, пробывъ пять мѣсяцевъ въ Смоленскѣ, отправился въ Москву).

— *Мартъ—Сентябрь,* восемь писемъ къ духовнику: опасенія за безопасность царевича при отцѣ.

— — *25,* изъ Минска, письмо царевича къ отцу, съ донесеніемъ о пріѣздѣ.

— *въ Октябрѣ,* возвратился въ Москву, получилъ приказаніе надзирать за укрѣпленіемъ Кремля, присутствовать въ канцеляріи министровъ.

— — *27,* изъ Преображенскаго, письмо царевича къ отцу, съ донесеніемъ объ осмотрѣ, на другой день пріѣзда, построекъ Кремлевскихъ, и о состояніи работъ.

— *Ноября 8,* о худомъ состояніи крѣпостныхъ работъ, и о передачѣ ихъ министрамъ по частямъ.

— *Ноября 22,* о пополненіи гарнизона и о смотрѣ ланс-арміи.

Устроено Гизеномъ дѣло о бракѣ царевича съ принцессой Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскою Шарлоттой, сестрой императрицы Нѣмецкой.

— *Январь—Сентябрь,* 19 писемъ къ кормилицѣ.

1708, *Января 5,* распоряженія правительственныя за подписью царевича.

— — *14,* донесеніе Никифора Вяземскаго царю объ учебныхъ, въ Нѣмецкомъ языкѣ, исторіи и географіи, и правительственныхъ занятіяхъ царевича.

1708, *Января 16,* изъ Преображенскаго, письмо царевича къ отцу, о порядкѣ въ занятіяхъ министровъ.
— — *24,* объ отправленіи къ нему тайнаго письма (духовнаго отца нашего Тимоѳея) съ курьеромъ.
— — *27,* о распоряженіяхъ касательно офицеровъ и недорослей, которыхъ кормить нечѣмъ.
— *Февраля 3,* о распоряженіяхъ касательно отысканія кроющихся дворянъ, и о крещеніи новорожденной съ тетушкою.
— — *10,* о неуспѣшности въ городовомъ строеніи и о неполученіи отвѣтовъ, вслѣдствіе чего царевичъ прилагаетъ копіи всѣхъ писемъ.
— — *16,* объ успѣхѣ работъ.
— — *26,* о собираніи служащихъ.
— — *27,* о разсылкѣ писемъ.
— *Марта 7,* о распоряженіи касательно возмутительныхъ писемъ полоненниковъ, порохѣ, сборѣ пѣхотныхъ полковъ, и ихъ обмундировкѣ.
— — *17,* касательно удержанія дворянъ, отпущенныхъ по прежнему указу.
Марта 17, донесеніе Никифора Вяземскаго о занятіяхъ царевича ариѳметикой.
— — *19,* изъ Преображенскаго, письмо царевича къ отцу, объ отъѣздѣ кн. Меншикова и тетушки: а оставшему мнѣ зѣло печально, что милости твоей не вижу.
— — *23,* объ отправленіяхъ разныхъ лицъ, и опасеніи отдать полкъ Племянникову безъ указа.
— — — къ Макарову: проситъ писать и отправить его курьера съ рѣшеніемъ на письмо.
— — *27,* изъ Преображенскаго, письмо царевича къ отцу, объ отправленіи Чирикова.
— *Апрѣля 2,* о шитьѣ мундира, о высылкѣ плѣнниковъ, о наборѣ людей въ гарнизонъ, о слѣдованіи артиллеріи за Новгородъ, вопреки наставленій и проч.
— — — къ Макарову, благодаритъ за отправленіе курьера.
— — — изъ Преображенскаго, письмо царевича къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и Анисьѣ Кирилловнѣ Толстой, извѣстительное.

1708, *Априля 17*, о распредѣленіи недорослей и собираніи дворянъ.
— — *24*, о литьѣ пушекъ, отсылкѣ полковъ и проч.
— — — къ Макарову, благодаритъ за письмо и копіи, проситъ извѣщать, что къ нашему дѣлу надлежитъ вѣдѣніемъ.
— *въ Апрѣлѣ*, царевичъ послалъ грамоты въ Украйну и города о послушаніи воеводъ вновь назначенному туда командиру В. В. Долгорукому.
— *Маія 1*, изъ Преображенскаго, письмо царевича къ отцу, съ справкою о Шведскомъ плѣнникѣ Бреннерѣ, и прочихъ плѣнникахъ, о нуждѣ въ офицерахъ, о прибытіи маіора Долгорукаго и проч.
— — *5*, о сраженіи съ Булавинцами.
Маія 19, объ отправленіи людей къ Долгорукому, о погодѣ.
— — *20*, о посылкѣ курьера отъ Долгорукаго.
— — *22*, объ отдачѣ недорослей Яковлеву, и о просьбѣ Шведскихъ плѣнниковъ о пасторѣ.
— — *25*, съ письмомъ Долгорукаго и письмомъ нечитаннымъ Бреннера.
— — *30*, съ поздравленіемъ о побѣдѣ, (а въ сій день у меня, за сію радость, веселились и шумны), объ отказѣ ген. Горна писать къ своимъ до пріѣзда прочихъ плѣнниковъ, и проч.
— — — къ Макарову: поздравляетъ съ имянинникомъ, и извѣщаетъ о веселіи изрядномъ.
— *Іюня 4*, изъ Преображенскаго, письмо царевича къ отцу, о письмахъ Шведскихъ, и вопросъ, исполнять ли требованіе Шереметева о ружьяхъ.
— — *7*, о высылкѣ пушекъ, объ отправленіи пивовара и проч.
— — *12*, о произвольныхъ поселеніяхъ на имя царевича.
— — *16*, о повинности Башкирцевъ, и о наказаніи, какое слѣдуетъ сдѣлать Кутузову.
— — *19*, съ извѣстіями о Булавинѣ и письмомъ Долгорукаго.
— — *20*, при письмѣ Долгорукаго.
— — — къ Макарову: писать безъ дѣла опасаюсь, чтобъ не докучить ему государю. И о семъ впредь писать ли?

1708, *Іюня 29,* изъ Преображенскаго, письмо царевича къ отцу, съ поздравленіемъ и донесеніемъ о деньгахъ, плотникахъ, подводахъ.

— *Іюля 4,* съ приложеніемъ вѣдомостей отъ Хованскаго, и извѣщеніемъ, что Петербургу и Архангельску весьма быть въ осторожности.

— — *10,* съ поздравленіемъ о побѣдѣ надъ Булавинымъ.

— — *13,* объ отправленіи батарей и о посылкѣ жалованій полковникамъ чрезъ гетмана.

— — *18,* о смерти Булавина.

— *Августа 4,* объ устройствѣ магазина въ Вязьмѣ, объ отсылкѣ ружей въ армію, о распредѣленіи занятій между Долгорукимъ и Волхонскимъ.

— — *10,* о собраніи провіанта въ Вязьмѣ и объ отъѣздѣ туда для обозрѣнія.

— — *16,* изъ Вязьмы, предписаніе министрамъ, чтобы собрали царедворцевъ въ Августѣ царю на смотръ.

— — *18,* изъ Вязьмы, письмо царевича къ отцу, о полученіи приказаній и исполненіи по онымъ, и о возвращеніи въ Москву.

— — — изъ Вязьмы, князю Меншикову, извинительное за недосугами, и объ отъѣздѣ въ Москву.

— — *22,* изъ Преображенскаго, письмо царевича къ отцу, о возвращеніи наканунѣ въ Москву, и объ отправленіи Долгорукаго и Волхонскаго въ армію.

— *Сентября 7,* о полученіи его письма, съ поздравленіемъ о побѣдѣ, донесеніемъ объ исполненіи указовъ, и о распоряженіяхъ до постройкѣ Московской крѣпости.

— — *16,* о полученіи его писемъ, съ поздравленіемъ о побѣдѣ, и проч.

— — *18,* о распоряженіи касательно собранія Русскихъ плѣнныхъ въ Швеціи, въ Стокгольмъ.

Сентября 22, о полученіи его писемъ и объ отправленіи полковъ въ Петербургъ.

— *Октября 5,* съ приложеніемъ полковыхъ росписей и собраніи магазейна въ Вязьмѣ.

— — *9,* о полученіи писемъ, и поздравленіе съ побѣдою.

1708, *Октября 24,* о прибытіи г. Гизена, о посылкѣ въ Брянскъ людей боярскихъ и недорослей, на выборы, о раздачѣ книгъ для перевода, и объ указахъ воеводамъ, касательно послушанія Ал. Нарышкину.

— *Ноября 5,* съ поздравленіемъ о побѣдѣ, съ приложеніемъ чертежа прежняго сраженія съ надписями, и именно списка посланныхъ людей въ Брянскъ.

— — *14,* о полученіи его писемъ, съ приложеніемъ вѣдомости о тинеахъ, о собраніи лошадей.

— — *16,* съ вопросомъ, кому принимать лошадей въ армію, о ссылкѣ Василисы Казанской, которая жила при бабушкѣ, и „какой былъ великой приходъ"—въ Александрову слободу для постриженія.

— — — донесеніе Вяземскаго царю о томъ, что царевичъ началъ учиться по-французски.

— — *29,* изъ Преображенскаго, письмо царевича къ отцу, о полученіи писемъ и приказаній, и извѣщеніе о постриженіи Василисы Казанской, по обѣщанію.

— — — письмо царевича къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, о постриженіи Василисы Ефимьевны.

— *Декабря 8,* изъ Преображенскаго, письмо царевича къ отцу, о полученіи письма, и объ отъѣздѣ, управясь, въ Сѣвскъ, по его указу. Оправданіе въ негодности рекрутъ.

— — — письмо царевича къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, просительное заступиться предъ отцемъ, по его нареканію.

— — *16,* благодарственное, къ ней-же.

— *Декабря 21,* изъ Преображенскаго, письмо царевича къ отцу о полученіи письма, и предоставленіи дѣла Гагарину, по причинѣ отъѣзда въ Сѣвскъ.

— — — о полученіи письма, о слѣдованіи кн. Прозоровскаго, объ отправленіи лошадей.

— — *25,* благодарственное письмо царевича къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, за полученное письмо отъ отца.

1708 *Декабря 29,* изъ Преображенскаго, письмо царевича къ отцу, о полученіи его письма, на дорогѣ, и доставленной радости, (что вижу милость твою паки къ себѣ), о возвращеніи въ Москву для исправленія дѣлъ.

1709, *Января 11,* изъ Глубочковъ, письмо царевича къ отцу, о полученіи писемъ, объ отправленіи вѣдомостей, о слѣдованіи рекрутовъ.

— — Царевичъ, ведя набранные имъ 5-ть полковъ въ Сумы, занемогъ. Царь оставилъ при немъ своего доктора Донеля.

— *Февраля 5,* изъ Сумъ, письмо царевича къ отцу, съ извѣстіемъ о облегченіи болѣзни.

— — 7, о томъ же.

— — — изъ Сумъ, Меншиковъ извѣщаетъ царя о выздоровленіи царевича.

— — 8, изъ Сумъ, письмо царевича къ отцу, о поѣздкѣ въ Богодуховъ.

— — 13, изъ Краснополя, письмо царевича къ отцу, съ донесеніемъ о сдачѣ рекрутъ.

— — — изъ Богодухова, царевичъ извѣщаетъ Екатерину Алексѣевну объ окончаніи рекрутскаго дѣла, и проситъ ходатайствовать, чтобы не зажиться тамъ.

— — 21, изъ Богодухова, письмо царевича къ отцу, съ просьбою о позволеніи пріѣхать въ Воронежъ,

— — Пріѣзжаетъ въ Воронежъ и присутствуетъ при спускѣ корабля.

— *Марта 26,* торжественное празднованіе имянинъ царевича. Провожаетъ отца до Таврова на пути къ Азову.

Къ Свѣтлому Празднику возвращается въ Москву.

— *Апрѣля 23*, изъ Преображенскаго, письмо царевича къ отцу, поздравительное съ праздникомъ.

— *Маія 10,* извѣщаетъ отца, что началъ учиться фортификаціи у пріѣзжаго инженера Галибормана, пріисканнаго Гизеномъ, и проситъ прислать историческую книжку для перевода.

— — 11, Вяземскій извѣщаетъ царя о томъ же.

1709, *Мая 23*, изъ Преображенскаго, письмо царевича къ отцу, поздравленіе съ Свѣтлымъ Праздникомъ.
— — *23*, поздравленіе съ днемъ рожденія.
— *Іюня 2*, поздравленіе съ побѣдою надъ Запорожцами, извѣщеніе о полученіи письма.
— — *9*, о полученіи письма, о приготовленіи рожковъ солдатскихъ, выдачѣ денегъ и назначеніи подводъ.
— — *26*, поздравленіе о побѣдѣ, объ осмотрѣ служивыхъ людей и о доставленіи вѣдомостей.
— *Іюля 10*, изъ Преображенскаго, письмо царевича къ отцу, поздравленіе съ Полтавской побѣдою, и извѣщеніе о пирѣ и народномъ веселіи.
— *Августа 24*, изъ Быхова, письмо къ кормилицѣ.
— *Октября 23*, изъ Маріенвердера—царь вызываетъ сына въ Дрезденъ учиться языкамъ Нѣмецкому и Французскому, геометріи и фортификаціи.
— *Сентября 5*, изъ Люблина, *11*, изъ Сольцы, (молитвы объ исполненіи желаній), *Октября 10*, изъ Конецъ-поля, *Ноября 14*, изъ Ярославля въ Галлиціи—(особенныя распоряженія, совѣтъ не ѣздить во Владимиръ), *Декабря 7*, изъ Кракова, письма царевича къ духовнику.
— *Ноября 19*, промеморіи князю Трубецкому и г. Головкину, назначеннымъ находиться при царевичѣ.
— — *24*, изъ Ярославля, письмо Н. Вяземскаго къ духовнику о назначеніи царевича со свитою въ Саксонію.
— *Декабря 10*, изъ Кракова, письмо царевича къ отцу, по-нѣмецки, объ ожиданіи распоряженій.
1710, *въ Мартѣ*, царевичъ пріѣхалъ въ Варшаву, былъ у короля, изъ Варшавы отправился въ Дрезденъ, и оттуда въ Карлсбадъ, предъ Карлсбадомъ видѣлся съ нареченной своей невѣстой.
— — — по пути изъ Карлсбада, осматривалъ тщательно горные города (Гизенъ).
— — Пребываніе въ Дрезденѣ для ученія послѣ Карлсбада.
— *въ Августѣ*, письмо дѣда невѣсты о нерасположеніи царевича къ этому браку.
— *въ Ноябрѣ*, поѣздка въ Лейпцигъ на ярманку.

1710, *Января—Декабря*, 15 писемъ царевича къ духовнику, изъ Кракова, Варшавы, Дрездена и Лейпцига. (Одно, о высылкѣ тайной священника).

1711, *Января 10*, изъ Торуня, къ кормилицѣ.
— *Апрѣля 19*, брачный договоръ.
— *24, 25*, изъ Дрездена, два письма царевича къ отцу.
— — Царевичъ отправился къ невѣстѣ въ Брауншвейгъ, и жилъ въ увеселительномъ замкѣ Зальцдаленѣ, впродолженіи Прутскаго похода.
— *Маія 4*, изъ Брауншвейга, письмо къ Екатеринѣ, о свиданіи съ родителями невѣсты.
— — *7*, къ ней же, поздравленіе съ объявленіемъ о супружествѣ, и къ отцу о польскомъ королѣ.
— — *23*, къ ней и отцу, извѣстіе о договорѣ.
— *Іюля 22*, къ ней же, извѣщеніе о полученіи письма отъ государя.
— *Сентября 3, 4, 21*, изъ Вольфенбиттеля, *28*, изъ Брауншвейга, къ отцу, объ отсутствіи стараго герцога, дѣда невѣсты, и о назначеніи мѣста для сватьбы, г. Торгау.
— *Октября 10*, изъ Торгау, къ отцу.
— *Января—Сентября*, 11 писемъ къ духовнику, изъ Дрездена, Браушвейга, Сальцтала, Вольфенбиттеля, о пирушкахъ, предостереженія, упованіе на Бога и т. д.; велитъ Петра Ивлю отдать въ школу для обученія разнымъ языкамъ.
— *Октября 14*, бракосочетаніе въ Дрезденѣ, куда пріѣхалъ и царь изъ Торгау.
— — — письмо царя къ Меньшикову, о бракѣ.
— — *15—19*, брачные пиры.
— — *18*, инструкція царевичу, о предлежащихъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ.
— *Ноября 10*, царевичъ, въ исполненіе инструкціи, прибылъ въ Торунь, о чемъ увѣдомилъ письмомъ отца и Екатерину.
— *Ноября 18*, изъ Торуня, къ отцу, о пріѣздѣ кн. Долгорукаго, полученіи универсаловъ, и проч.
— — *25*, изъ Торуня, къ отцу, объ универсалахъ и пр.
— *Декабря 2*, письмо къ г. Балку, распорядительное.

1711, *Декабря 16*, изъ Торуня, письмо царевича къ отцу, о разсылкѣ офицеровъ нашихъ за провіантомъ, съ пространными приложеніями.

— — *19*, пріѣхала жена къ царевичу, о чемъ онъ

— — *20*, увѣдомилъ отца и Екатерину.

— — жилъ въ Торунѣ, приготовляя провіантъ для Русской арміи, назначенной къ Штеттину.

— — *24*, изъ Торуня, къ отцу, о сборѣ провіанта съ Поляковъ, хотѣвшихъ платить лучше деньгами.

— — *31*, изъ Торуня къ отцу, объ отказѣ Поляковъ давать провіантъ и кормить драгунъ.

1712, *Января 5*, письмо къ Макарову, о подтвержденіи, сдѣланномъ касательно подводъ.

— *Января 10*, къ отцу, о томъ, что Поляки не хотятъ давать провіантъ.

— — *23*, изъ Торуня, къ кормилицѣ.

— — *30*, къ отцу, объ отказѣ Поляковъ давать провіантъ. *Февраля 11*, къ отцу, о томъ же.

— *Марта 12*, къ отцу, о томъ, что еще не приходили Ингерманландскій и Астраханскій полки, назначенные на экзекуцію, и объ оскорбленіяхъ отъ Поляковъ.

— *Апрѣля 8*, къ отцу, увѣдомляетъ о письмѣ въ Варшаву кн. Долгорукову, касательно провіанта.

— *Апрѣля 7*, донесеніе царевичу министра Долгорукаго, объ отказѣ Поляковъ собирать провіантъ.

— — письмо капитана Петрово-Соловово, о томъ же.

Апрѣля 10, изъ Торуня, письмо царевича къ отцу о пріѣздѣ туда кн. Меньшикова, и объ отъѣздѣ своемъ въ Померанію.

— — — письмо къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ о томъ, что ѣдетъ въ Померанію, а жена останется въ Эльбингѣ.

— — *24*, письмо Меньшикова къ царю, о денежной нуждѣ царевича съ женой, коимъ онъ ссудилъ 5 тысячъ рублей. Весну и лѣто царевичъ провелъ подъ Штеттинымъ въ корпусѣ князя Меньшикова.

— — 27, письмо царевича изъ Гарца съ поздравленіями.

1712, *Апрѣля 29,* изъ Торуня, къ отцу, объ отъѣздѣ кн. Меньшикова въ Померанію, жены въ Вольфенбиттель.

— *Мая 17,* къ отцу, о благополучномъ своемъ пріѣздѣ въ Гарцъ.

— — *25,* къ отцу, о томъ, что послѣ завтра кн. Меньшиковъ поѣдетъ въ Дрезденъ для свиданія съ польскимъ королемъ.

— *Іюля 4*, царевичъ благодаритъ Макарова, за письмо.

— — 7, свиданіе въ Эльбингѣ царя съ царевичемъ.

— — *24*, подъ Штеттинымъ, свиданіе царя съ царевичемъ. Осень и зиму провелъ царевичъ въ Мекленбургѣ, между тѣмъ какъ жена жила въ Эльбингѣ.

— *Январь—Сентябрь,* 8 писемъ царевича къ духовнику.

— — Въ концѣ *Декабря* отправился съ царицею въ Петербургъ, думая по пути видѣть жену въ Эльбингѣ; но тамъ не засталъ ея, ибо она до него уѣхала въ Брауншвейгъ къ роднымъ.

— *Декабря 23*, приписка къ царю при письмѣ Екатерины, изъ Гистрова.

— — *26*, письмо царевича къ отцу изъ Добертина, о возвращеніи, по указу, въ Гистровъ, и о путешествіи, при матушкѣ, въ назначенный путь.

— *Сентября 23*, изъ Грифсвальда, письмо Н. Вяземскаго къ Якову Игнатьеву.

1713, *Января 17*, записка секретаря Мейера о слѣд. царевичу на содержаніе и женѣ его деньгахъ.

— — 27, письмо къ царю изъ Эльбинга: не засталъ жены, и отправляется при государынѣ матушкѣ, по ея приказанію.

— *Февраля 13*, царевичъ съ мачихою прибылъ въ Петербургъ.

— — — изъ С. Петербурга, письмо царевича къ отцу, о прибытіи при матери въ Петербургъ, и о здоровьѣ тетушки и сестрицъ.

— — — приписка при письмѣ Екатерины.

— *Марта 5*, изъ С. Петербурга, поздравленіе съ побѣдою и новорожденною.

— *Апрѣля 1*, письмо царевича изъ Москвы къ отцу, о объявленіи указа сенаторами.

1713, **Маія 2**, царевичъ отправился къ Або, съ отцемъ не дождавшимся прибытія кронпринцессы, вслѣдствіе извѣстій изъ Голштиніи.

— *Маія 5*, Семенъ Нарышкинъ извѣщаетъ г. Головкина о прибытіи кронпринцессы въ Дерптъ.

— — *9*, въ Нарву.

— — *26*, письмо Головкина къ Нарышкину о предполагаемой встрѣчѣ.

— *Іюня 10*, донесеніе Плейера объ отъѣздѣ царя и прибытіи кронпринцессы.

— — *12*, царевичъ возвратился изъ похода съ отцемъ въ Петербургъ, и вслѣдъ за тѣмъ, по его приказанію, уѣхалъ въ Старую Русу и Ладогу для распоряженій о сборѣ лѣса.

— *Іюля 14*, письмо царевича къ отцу изъ села Ужинскаго Рядка, о неуспѣшной рубкѣ дубовыхъ лѣсовъ, за недостаткомъ работниковъ.

— *Августа 4*, изъ Старой Ладоги, о количествѣ и сдачѣ нарубленнаго лѣса.

— Въ началѣ *Августа* возвратился въ Петербургъ.

— — *12*, письмо къ царю, объ отправленіи лѣса и о доставленіи свѣдѣній кас. Казанскихъ лѣсовъ.

Жилъ во дворцѣ близъ церкви Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ, на берегу Невы.

— — *17*, изъ С. Петербурга, письмо царевича къ отцу, объ ожиданіи лѣсовъ Казанскихъ въ Ладогѣ къ концу Августа.

— — *19*, донесеніе Плейера о непріязни царевича къ Нѣмцамъ, о расположеніи къ питью и времяпровожденіи съ пустыми людьми.

1714, *Апрѣля 14*, донесеніе Плейера о свиданіи съ кронпринцессою, которая жаловалась, что ея письма къ цесарскому двору, видно, не доходятъ, ибо она не получаетъ отвѣтовъ, намѣревалась писать чрезъ него, Плейера, дабы имѣть, къ утѣшенію своему, отвѣты.

— *Маія 25*, донесеніе Плейера о нездоровьѣ царевича, которому грозитъ чахотка, объ *огорченіи* тѣмъ кронпринцессы, равно и другими непріятностями.

— *Іюня 4*, царевичъ отправился изъ Петербурга въ Карлсбадъ.

1714, *Іюня 4*, изъ С. Петербурга, письмо царевича къ отцу, объ отъѣздѣ (1), къ духовнику о томъ же.

— — *5*, донесеніе Головкина царю о взятіи у него царевичемъ паспорта, согласно съ царскимъ дозволеніемъ.

— — *18*, письмо царевича къ отцу, изъ Мемеля, о полученіи письма и предполагаемомъ маршрутѣ (2).

— *Іюля 1*, изъ Пирицъ, письмо царевича къ отцу, о благополучномъ проѣздѣ отъ Мемеля до Бранденбургской границы.

— — *2*, царевичъ въ Берлинѣ.

— — — письмо Петра къ кронпринцессѣ, объ его распоряженіяхъ по случаю ея близкаго разрѣшенія отъ бремени.

— — *7*, отвѣтъ кронпринцессы царю, съ выраженіемъ огорченія.

— — *8*, донесеніе царю князь-игуменьи, о пребываніи при кронпринцессѣ, съ обѣщаніемъ вѣрности.

— — — донесеніе Головкина царю, о распоряженіяхъ по случаю отъѣзда царевича.

— — — письмо къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, въ томъ же смыслѣ.

— — *12*, кронпринцесса разрѣшилась отъ бремени дочерью Наталіей (донесеніе царю Головкина).

— — — вопросъ Головкина о крещеніи.

— — — письмо Головкина къ царю, о благополучномъ путешествіи царевича чрезъ опасныя мѣста.

— — *20*, поздравленіе кронпринцессы отъ Екатерины Алексѣевны.

— — *26*, отвѣтъ кронпринцессы царю съ шуткою.

— *Августа 1*, письмо царевича къ отцу, изъ Карлсбада, о начинаніи курса.

— — *19*, изъ Карлсбада, письмо царевича къ Головкину, съ неудовольствіемъ на цесарскаго пристава.

— — *25*, изъ Карлсбада, письмо царевича къ отцу съ благодарностію о полученіи поздравительнаго

---

(1) У Мурзакевича это письмо выставлено, вѣроятно по ошибкѣ, отъ 4 Іюля: оно должно быть отъ 4 Іюня.

(2) У Мурзакевича неправильно письмо отнесено къ Іюлю.

письма съ рожденіемъ дочери, съ увѣдомленіемъ о баночномъ кровопусканіи.

1714, *Сентября 1*, письмо царевича Екатеринѣ, изъ Карлсбада, поздравительное съ побѣдою.

— — *2*, изъ Калсбада, письмо царевича къ отцу поздравительное съ побѣдами, и желаніе побѣдъ на морѣ.

— — — письмо къ князю Меньшикову, съ поздравленіемъ о побѣдѣ.

— Выписки изъ сочиненія Баронія.

— — *17*, отвѣтъ Головкину о возвратномъ пути.

— — *19*, рожденіе царевны Маргариты Петровны, коей воспріемницей была кронпринцесса съ Головкинымъ, за короля Англійскаго.

— — *20*, письмо о томъ Головкина къ царевичу.

— *Октября 15*, письмо царевича Екатеринѣ изъ Екатериндорфа, о слѣдованіи изъ Карлсбада.

— *Ноября 2*, письмо царевича къ отцу, изъ Берлина: поздравляетъ съ вице-адмиральскимъ чиномъ и рожденіемъ сестры Маргариты.

— — *12*, изъ Пирицъ, письмо царевича къ отцу, о пріѣздѣ и отъѣздѣ.

— *Декабря 1*, письмо къ царю изъ Кенигсберга,

— такое же. Царевичъ возратился въ Петербургъ.

— Приходорасходная книга царевича, веденная во время поѣздки за границу въ 1714 году.

— (?) Письмо къ царевичу отъ духовника—упреки за ругательное письмо царевича.

1715, *Марта*, письмо къ царевичу отъ Имеретійской царицы, съ просьбою о ходатайствѣ предъ отцемъ.

— *Іюля 12*, Плейеръ извѣщаетъ объ отправленіи Авраама Веселовскаго, секретаря Меньшикова, резидентомъ въ Вѣну, и о возвращеніи Александру Кикину имѣнія, по ходатайству царицы.

— *Во время Пасхи и 13 Іюля*, два письма къ царевичу отъ духовника.

— *Сент. 8 и Окт. 3*, изъ Петербурга, письмо Петра Анфимова къ духовнику, о гнѣвѣ на него царевича за отлучку.

— *Октября 11*, письмо Петра къ сыну, подписанное въ Шлиссельбургѣ, но не отданное, съ упрекамъ

1716, *Сентября 26*, Меньшиковъ извѣщаетъ царя о скоромъ отъѣздѣ царевича.
— — въ тотъ же день царевичъ уѣзжаетъ, взявъ съ собою дѣвку Евфросинью, брата ея, служителей: Носова, Судакова, Мейера.
— въ концѣ года (*), записка царевича къ князю Вас. Вл. Долгорукому, благодарственная за благодѣянія, за кои, при случаѣ, отблагодаритъ.
— въ концѣ года, зоветъ Аѳанасьева въ Гамбургъ, извѣщая, что возвращаться не хочетъ, „для немилости вышнихъ нашихъ.“
— *Сентября 28*, изъ Копорья, приказъ Евярлакову ѣхать въ Петербургъ или Москву.
— — На пути изъ Риги, въ *4*-хъ миляхъ отъ Либавы, встрѣча съ теткой царевной Марьей Алексѣевной, и искренній разговоръ о неудовольствіяхъ на царя.
— *Сентября 28*, въ Либавѣ, встрѣча съ Кикинымъ, который обнадежилъ объ убѣжищѣ, готовомъ у цесаря, по удостовѣренію Веселовскаго.
— Письмо къ царевичу отъ духовника, послѣ отъѣзда перваго за границу, безъ означенія мѣсяца и числа.
— *Октября 21*, курьеръ Сафоновъ доноситъ царю, въ Шлезвигъ, на дорогѣ изъ Копенгагена въ Любекъ, что царевичъ ѣдетъ вслѣдъ за нимъ.
— Проѣхавъ Данцигъ, царевичъ исчезъ.
— — *26*, онъ былъ во Франкфуртѣ на Одерѣ.
— *Ноября 2*, въ Бреславлѣ.
— — — письмо Никифора Вяземскаго къ царевичу о полученіи денегъ отъ бурмистра съ Ладожскихъ Рядковъ. Разныя хозяйственныя распоряженія. Извѣстіе о пріѣздѣ Прокоповича: „только какъ неблагоденно съ нимъ обойдется.“
— — *8*, письмо царевича Петра и царевны Наталіи къ отцу, о здоровьѣ.
— — *10*, изъ Праги пріѣхалъ царевичъ въ Вѣну и представился поздно вечеромъ вице-канцлеру графу Шонборну, жаловался на отца и просилъ о покровительствѣ.

(*) Такъ полагаетъ г. Устряловъ (с. 352) о слѣдующихъ двухъ письмахъ, но вѣроятнѣе онѣ были писаны въ концѣ Сентября.

1716, *Ноября 12*, благодарственное письмо царевича къ графу Шонборну за покровительство, и просьба о священникѣ.

— — *16*, письмо Вяземскаго къ царевичу съ разными хозяйственными извѣстіями.

— — *24*, перевезенъ царевичъ въ мѣстечко Вейербургъ, для сохраненія тайны.

— — *25*, императоръ прислалъ къ царевичу одного изъ министровъ съ вопросами о ходѣ всего дѣла, которое тотъ и описалъ. Чрезъ нѣсколько дней секретарь Кейль повторилъ царевичу обѣщаніе покровительства, и объявилъ назначеніе жить ему, до времени, въ Тиролѣ, въ замкѣ Эренбергѣ.

— — *27*, царевичъ отправился изъ Вейербурга чрезъ Кремсъ, Ашбахъ, Мелькъ.

— — *30*, по донесенію Кейля, былъ онъ въ Зальцбургѣ.

— — *31*, письмо Вяземскаго къ царевичу о прибытіи царевны Маріи Алексѣевны: ликовали на имянинахъ, и 24 числа такожъ и больши того подшумѣли. Проситъ извѣщеній.

— *Декабря 7*, царевичъ прибылъ въ Эренбергъ.

— — *9*, встревоженный Петръ приказалъ генералу Вейде, стоявшему въ Мекленбургѣ, развѣдывать о царевичѣ. Тотъ разослалъ довѣренныхъ людей.

— — *10*, царевичъ написалъ письма къ цесарю и вице-канцлеру, съ благодарностію и просьбою не выдавать отцу.

— — — Петръ вызвалъ въ Амстердамъ Веселовскаго изъ Вѣны.

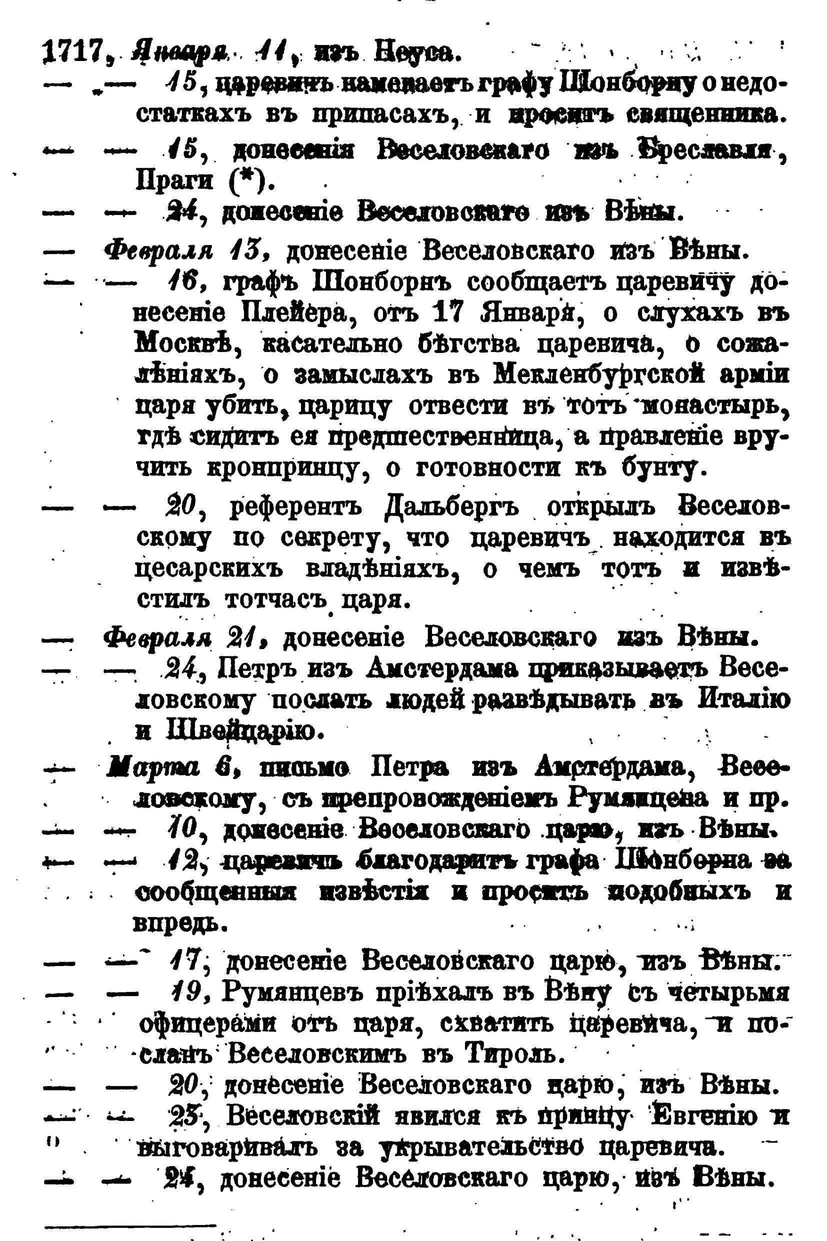
— — *16*, Петръ далъ Веселовскому кредитивъ искать, арестовать и возвратить въ Россію нѣкоторыхъ знатныхъ кавалеровъ Русской націи.

— — *20*, Петръ далъ ему повелѣніе искать царевича.

— — — донесеніе Конона Зотова, изъ Парижа, о расположеніи принца Орлеанскаго выдать дочь за царевича.

— — *25*, донесеніе Вейде, изъ Гистрова.

1717, *Января 3*, донесеніе о поискахъ и сношеніяхъ Веселовскаго, изъ Франкфурта на Одерѣ.



1717, *Января 11*, изъ Неуса.

— — *15*, царевичъ намекаетъ графу Шонборну о недостаткахъ въ припасахъ, и проситъ священника.

— — *15*, донесенія Веселовскаго изъ Бреславля, Праги (*).

— — *24*, донесеніе Веселовскаго изъ Вѣны.

— *Февраля 13*, донесеніе Веселовскаго изъ Вѣны.

— — *16*, графъ Шонборнъ сообщаетъ царевичу донесеніе Плейера, отъ 17 Января, о слухахъ въ Москвѣ, касательно бѣгства царевича, о сожалѣніяхъ, о замыслахъ въ Мекленбургской арміи царя убить, царицу отвести въ тотъ монастырь, гдѣ сидитъ ея предшественница, а правленіе вручить кронпринцу, о готовности къ бунту.

— — *20*, референтъ Дальбергъ открылъ Веселовскому по секрету, что царевичъ находится въ цесарскихъ владѣніяхъ, о чемъ тотъ и извѣстилъ тотчасъ царя.

— *Февраля 21*, донесеніе Веселовскаго изъ Вѣны.

— — *24*, Петръ изъ Амстердама приказываетъ Веселовскому послать людей развѣдывать въ Италію и Швейцарію.

— *Марта 6*, письмо Петра изъ Амстердама, Веселовскому, съ препровожденіемъ Румянцева и пр.

— — *10*, донесеніе Веселовскаго царю, изъ Вѣны.

— — *12*, царевичъ благодаритъ графа Шонборна за сообщенныя извѣстія и проситъ подобныхъ и впредь.

— — *17*, донесеніе Веселовскаго царю, изъ Вѣны.

— — *19*, Румянцевъ пріѣхалъ въ Вѣну съ четырьмя офицерами отъ царя, схватить царевича, и посланъ Веселовскимъ въ Тироль.

— — *20*, донесеніе Веселовскаго царю, изъ Вѣны.

— — *23*, Веселовскій явился къ принцу Евгенію и выговаривалъ за укрывательство царевича.

— — *24*, донесеніе Веселовскаго царю, изъ Вѣны.

(*) Какимъ образомъ отъ 17 Января могли быть донесенія изъ двухъ городовъ, Бреславля и Праги, и между тѣмъ есть еще 11 Января изъ Неуса.

1717, — Петръ, изъ Роттердама, выражаетъ свое неудовольствіе Веселовскому, за чѣмъ царевичъ не схваченъ въ Вѣнѣ.

— *Апрѣля 3,* письмо графа Шонборна къ царевичу, съ извѣстіемъ о требованіи Веселовскаго и объ отвѣтѣ.

— — *4,* принцъ Евгеній объявилъ, что пребываніе царевича Вѣнскому двору неизвѣстно.

— — *4, 7,* донесенія Веселовскаго царю, изъ Вѣны.

— — *7,* Румянцевъ возвратился въ Вѣну съ извѣстіемъ, что царевичъ въ Эренбергѣ, въ 78 миляхъ отъ Вѣны.

— — — Румянцевъ отосланъ обратно туда для наблюденія и слѣдованія за царевичемъ, въ случаѣ отъѣзда.

— — *10,* донесеніе Румянцева.

— — — Веселовскій предъявилъ цесарю грамоту царскую, о выдачѣ царевича.

— — — донесеніе царю.

— — *14,* посланъ отъ цесаря секретарь Кейль къ царевичу показать грамоту царскую, и опросить объ его намѣреніяхъ; въ случаѣ желанія остаться у цесаря, предложить для житья Неаполь.

— — *15,* письмо Веселовскаго къ царю, изъ Вѣны.

— *Апрѣля 17,* царевичъ отвѣчалъ, что радъ исполнить всякое желаніе цесаря, лишь бы не оставилъ его, и отправился на другой день чрезъ Инспрукъ, Мантую, Флоренцію и Римъ.

— — *19,* изъ Кале, письмо царя къ Румянцеву, о слѣдованіи въ Тироль, или куда случится за царевичемъ.

— — *19, 21,* донесенія Веселовскаго царю, изъ Вѣны.

— — *27,* Кейль извѣщаетъ министра о прибытіи въ Мантую, о попойкахъ дорогою.

— *Маія 1,* цесарь увѣряетъ Петра въ пріязни и готовности къ услугамъ.

— — (*1*-го или *2*-го), Румянцевъ извѣщаетъ Веселовскаго, что задержанъ въ Тиролѣ.

— — *5,* донесеніе Веселовскаго царю, изъ Вѣны.

— — *6,* царевичъ прибылъ въ Неаполь.

1717, *Маія 6*, Румянцевъ извѣщаетъ о своемъ освобожденіи и намѣреніи пробираться къ Инспруку.

— — *8*, письма царевича въ сенатъ и къ двумъ архіереямъ, съ извѣстіемъ о своемъ здоровьѣ, и пребываніи подъ покровительствомъ высокой особы, отданныя г. Кейлю для отправленія въ Россію.

— — *8*, царевичъ посылаетъ распоряженія служителямъ, оставшимся въ Эренбергѣ.

— — *9*, царевичъ благодаритъ письмами цесаря и графа Шонборна за покровительство.

— — *9*, царевичъ переведенъ изъ дворца въ крѣпость Сент-Эльмо.

— — *14*, донесеніе Веселовскаго царю, изъ Вѣны.

— *Іюля 1*, Петръ посылаетъ Толстаго и Румянцева изъ Спа къ цесарю требовать царевича, грозить, въ случаѣ отказа, войною, и домогаться свиданія, въ коемъ обѣщаетъ прощеніе.

— — *2*, донесеніе Веселовскаго царю, изъ Вѣны.

— — *10*, письмо царя къ сыну, гдѣ обѣщаетъ прощеніе въ случаѣ возврата.

— — *14*, донесеніе Веселовскаго царю, изъ Вѣны.

— — *26*, Толстой и Румянцевъ прибыли въ Вѣну.

— — *30*, посѣтили тещу царевича.

— *Августа 7*, совѣтъ министровъ въ Вѣнѣ, по коему Толстому и Румянцеву позволено имѣть свиданіе съ царевичемъ.

— — *10*, повелѣніе вицерою и наставленія.

— — *12*, объявленіе Толстому, посѣщеніе имъ тещи.

— — *31*, они отправились въ Неаполь.

— — *22*, письмо тещи къ царевичу: напоминаетъ о себѣ и желаетъ всякаго добра.

— — *24*, донесеніе вицероя Неаполитанскаго, съ мнѣніемъ, что царевичъ ни за что не воротится домой.

— *Сентября 4*, выписка изъ иностранныхъ курантовъ объ отъѣздѣ посла Толстаго изъ Вѣны.

— *Сентября 24*, Румянцевъ и Толстой прибыли въ Неаполь.

— — *26*, первое свиданіе съ царевичемъ. Представили письмо, принятое съ трепетомъ.

1717, *Сентября 28*, второе свиданіе. Царевичъ отказывался за страхомъ. Толстой сказалъ, что отецъ будетъ искать его войной. Царевичъ спросилъ вицероя, и на увѣреніе его, что противъ воли не будетъ выданъ, сказалъ, что не поѣдетъ ни за что.

— — *30*, назначено третье свиданіе, отъ коего царевичъ отказался за болѣзнію.

— *Октября 1*, донесеніе царю Толстаго и Румянцева, —письмо Толстаго и Румянцева къ Веселовскому, о безнадежности ихъ домогательства, не смотря на усердіе вицероя въ ихъ пользу.

— — *2*, Толстой присовѣтовалъ вицерою лишить царевича надежды на защиту оружіемъ, испугать лишеніемъ любовницы, и подкупилъ секретаря вицероева передать царевичу, будто по секрету, ихъ объясненія.

— — — царевичъ, чрезъ Вейнгардта, пригласилъ Толстаго къ себѣ съ письмомъ, полученнымъ отъ государя.

— — — секретарь Вейнгардтъ передалъ эту записку Толстому.

— — — вечеромъ свиданіе въ присутствіи довѣренныхъ вицероя. Толстой объявилъ, что царь письмомъ извѣщаетъ его о намѣреніи начать войну за царевича, и пріѣхать немедленно въ Италію.

— — — испуганный царевичъ согласился, съ условіемъ, чтобъ позволено ему было жить въ деревнѣ, и оставлена была при немъ Евфросинья.

— *Октября 3*, царевичъ объявилъ Толстому и Румянцеву, что рѣшается воротиться на сказанныхъ условіяхъ.

— — — донесеніе царю Толстаго и Румянцева, съ совѣтомъ согласиться на просьбу и содержать возвращеніе въ тайнѣ.

— — — письмо царевича къ цесарю, съ благодарностію и извѣстіемъ о намѣреніи воротиться.

— — — извѣщеніе Веселовскаго Толстымъ и Румянцевымъ.

— — — донесеніе Дауна о происшедшемъ.

1717, *Октября 4*, письмо царевича къ отцу: благодаритъ за прощеніе и извѣщаетъ о скоромъ отъѣздѣ.
— — *5*, приказъ служителямъ, оставшимся въ Эренбергѣ.
— — *6*, поѣздка недѣльная въ Бари, для поклоненія мощамъ Св. Николая чудотворца.
— — *14*, отправились всѣ изъ Неаполя чрезъ Римъ, Венецію и Вѣну. Евфросинія слѣдовала особо за беременностію.
— — — съ первой станціи, письмо царевича къ отцу, съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ.
— — — письмо царевича къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ о покровительствѣ.
— — — донесеніе, оттуда же, Толстаго и Румянцева царю, съ совѣтомъ прислать согласіе, и предупрежденіемъ, что Вѣну постараются миновать.
— — *19*, совѣтъ министровъ и рѣшеніе: цесарю принять царевича съ благодарностію.
— — *21*, изъ Рима письмо Толстаго къ Веселовскому о высылкѣ служителей царевича на встрѣчу хоть въ Инспрукъ.
— *Ноября 15*, изъ Болоніи, нѣжное письмо къ Евфросиніи.
— — *17*, письмо царя къ сыну изъ Петербурга, съ повтореніемъ увѣренія о прощеніи.
— — — къ Толстому отвѣтъ отъ царя, съ согласіемъ на бракъ царевича и житье въ деревнѣ.
— *Ноября 17*, приказаніе князю Голицыну задержать три почты.
— — *22*, рѣшительное повтореніе обѣщаній, на имя Толстаго.
— — — записка къ царевичу, о томъ же.
— — — письмо нѣжное царевича къ Евфросиніи, съ Нѣмецкой границы.
— — *26*, изъ Инспрука, такое же.
— — — Толстой извѣщаетъ Веселовскаго о пріѣздѣ въ Инспрукъ и дальнѣйшемъ пути до Салы, а ею до Вѣны.
— *Ноября 6, 10, 13, 20, 27*, выписка изъ иностранныхъ курантовъ о пути царевича.

1717, *Декабря 1*, изъ Линца, Толстой приглашаетъ Веселовскаго выѣхать къ нему на встрѣчу въ Нусдорфъ.
— — *4*, поздно ночью, путешественники пріѣхали въ Вѣну.
— — *5*, рано утромъ выѣхали изъ Вѣны.
— — *5*, изъ Вѣны, письмо царевича къ Евфросиніи.
— — *7*, предписаніе цесаря губернатору, въ Брюннѣ, задержать путешественниковъ.
— — *8*, прибыли въ Брюннъ.
— — *9*, губернаторъ въ Брюннѣ, графъ Колоредо, не былъ допущенъ до царевича Толстымъ.
— — *9*, извѣщаетъ цесаря о происшедшемъ и испрашиваетъ распоряженія.
— — *9*, письмо Толстаго къ Веселовскому, съ требованіемъ заступничества.
— — *10*, совѣтъ министровъ въ Вѣнѣ и рѣшеніе, съ желаніемъ уладить дѣло: губернатору непремѣнно имѣть свиданіе съ царевичемъ, и если онъ спроситъ вновь покровительства, то отвѣчать, что можетъ поступить, какъ угодно, а впрочемъ отпустить его съ Толстымъ.
— — *11*, предписаніе графу Колоредо въ этомъ смыслѣ.
— — 12, представленіе, въ присутствіи Толстаго: царевичъ извинился въ проѣздѣ чрезъ Вѣну.
— — *13*, отъѣздъ изъ Брюнна.
— — *18*, донесеніе Петра Беклемишева царевичу изъ Нирэнберга, о прибытіи туда Евфросиніи.
— — *19*, изъ Бреславля, письмо Толстаго къ Веселовскому, съ порученіемъ оправдать его поступки передъ цесаремъ.
— — *20*, письмо Евфросиніи къ царевичу, изъ Инспрука, о путешествіи.
— — — письмо ея же къ Толстому, съ напоминаніемъ о прежней просьбѣ.
— — *21*, жалоба цесаря Петру на Толстаго.
1718, *Января 1*, изъ Данцига, письмо царевича къ брату Евфросиніи, служителямъ и Петру Беклемишеву, чтобы берегли его жену, на которой онъ имѣетъ уже позволеніе жениться.

1718, *Января 1*, письмо Евфросиніи къ царевичу, изъ Нюренберга, съ изъявленіемъ радости о предстоящемъ бракѣ и о благополучномъ путешествіи.

— — *10*, пріѣздъ въ Ригу, откуда Толстой отправился впередъ къ царю.

— — *12*, изъ Риги, письмо къ отцу, съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ на другой день въ Москву.

— — *17*, письмо Ивана Өедорова, брата Евфросиніи, къ Савину, изъ Берлина: проситъ прислать азбуку.

— — *18*, письмо Евфросиніи къ царевичу, изъ Берлина, съ извѣстіемъ о пріѣздѣ бабки для нея и намѣреніи остаться тамъ, по ея совѣту, съ просьбою о присылкѣ русскихъ припасовъ.

— — — письмо царевича, изъ Новгорода, къ Ивану Аѳанасьеву, съ приказами о высылкѣ женщинъ къ Евфросиніи въ Берлинъ для прислуги, а равно и священника.

— — — приказъ въ Ладожскіе Рядки, выслать священника въ Петербургъ.

— — *22*, изъ Твери, письмо къ Евфросиніи, съ извѣстіемъ, что Толстой его встрѣтилъ и обнадежилъ въ успѣшномъ окончаніи. Предлагаетъ остаться для родовъ, гдѣ угодно, въ Берлинѣ или Гданскѣ.

— — — письмо Толстаго къ Евфросиніи, изъ Твери, успокоительное и ободрительное.

— — *31*, прибытіе царевича въ Москву.

— *Февраля 1*, тайный совѣтъ.

— — *3*, торжественное собраніе въ Кремлев. дворцѣ. Упреки. Просительное письмо царевича. Требованіе открыть соучастниковъ. Подписываетъ клятвенное обѣщаніе, и въ Успенскомъ соборѣ, въ коемъ отрекается отъ наслѣдства, признаетъ брата наслѣдникомъ. Манифестъ.

— — — изъ Москвы, приказъ къ Меньшикову, о взятіи за крѣпкій караулъ А. Кикина и Аѳанасьева, и отобраніи у послѣдняго писемъ и цифири.

— — *4*, вопросные пункты о соучастникахъ и прочемъ, съ угрозою, что за утайку чего-либо будетъ лишенъ живота, и пардонъ не въ пардонъ.

1118, *Февраля 5*, посылка за объявленными соучастниками въ Петербургъ и Суздаль.

— — *6*, изъ Преображенскаго, приказъ къ Меньшикову о наблюденіи за Баклановскимъ, и о взятіи подъ караулъ И. Кикина, Сибирскаго царевича, Самарина и Александра Савина.

— — *7*, приказъ Петра къ Меньш.–разспросить Кикина и Аѳанасьева въ застѣнкѣ на вискѣ, безъ битья кнутомъ, чтобъ дорогою не занемогли, и не давать почтовыхъ лошадей для частныхъ дѣлъ.

— — *8*, отвѣтъ царевича, изъ Преображенскаго.

— — *10*, донесеніе Писарева, какъ нашелъ царицу въ кельѣ.

— — *11*, показанія Кикина на вискѣ, въ гарнизонѣ, предъ княземъ Меньшиковымъ, Аѳанасьева—на генеральномъ дворѣ.

— — — допросы Дубровскаго.

— — — донесеніе Меньшикова о розыскѣ.

— — *15*, письмо, просительное, царицы Евдокіи о прощеніи.

— — *16*, начались розыски въ Москвѣ по ея дѣлу.

— — — письмо Евфросиніи, съ дороги, со спросомъ, куда ѣхать, „а лучше въ Рожествено."

— — — приказъ Меньшикову взять кн. Долгорукова и протопопа Егора, и выслать письма, отобранныя у арестованнаго прежде Авраама Лопухина.

— — *17*, приказъ ему же взять и сковать дьяковъ Воронова, Воинова, кн. Богдана Гагарина, и какъ ихъ, такъ и прежде взятыхъ выслать въ Преображенское, а Еварланова, Петра Аѳанасьева, и кто прикачается, спросить прежде виской; Алексѣя Волкова взять подъ караулъ, а не присылать.

— — — приказъ ему же прислать оригиналы писемъ и азбукъ, высланныхъ прежде въ копіяхъ, и тѣхъ, у кого онѣ взяты.

— — *19*, приказъ ему же прислать, сковавъ, Василья Глѣбова и подъячаго изъ Риги Ивана Протопопова, а Ивана Нарышкина держать въ Петербургѣ за карауломъ.

1718, *Февраля 19*, допросы Кикину. 25 ударовъ.
— — *20*, показанія Степана Глѣбова.
— — *21*, сознаніе царицы въ связи съ нимъ на очной ставкѣ.
— — *22*, дополнительное письменное показаніе Кикина. 4 удара.
— — — розыскъ Глѣбовымъ.
— — — изъ Москвы, приказъ сыскать и прислать за крѣпкимъ карауломъ Симоновскаго архимандрита, "который, сказываютъ, въ Петербургѣ."
— — *23*, показаніе епископа Досифея.
— — *27*, осужденіе его.
— — — письмо Меньшикова къ Петру I, съ вопросомъ, чье имя на ектеніяхъ поминать напередъ, Петра Петровича или Алексѣя Петровича.
— — *28*, допросы царевича и царевны Маріи Алексѣевны.
Показанія Авраама Лопухина.
— — — розыскивано Вороновымъ. 25 ударовъ.
— — — допросы князю В. В. Долгорукому.
— — — письмо князя Я. Ѳ., просительное, объ немъ.
— — — допросы царевнѣ Маріи Алексѣевнѣ.
— *Марта 1*, подыманъ на дыбу разстриженный епископъ Досифей, названный Демидомъ. Пытанъ пѣвчій царевны Маріи, Ѳеодоръ Журавскій. Разспрашиванъ Лопухинъ.
— — *3*, розыскивано Вороновымъ. 25 ударовъ.
— — *4*, собственноручное показаніе Аѳанасьева. Розыскъ. 25 ударовъ.
— — *5*, новая пытка. 9 ударовъ.
— — — розыскивано Еварлаковымъ. 25 ударовъ.
— — — изъ Преображенскаго, приказъ къ Меньшикову прислать наискорѣе Троекурову, Варвару Головину и жену писаря Богданова, съ письмами, какія найдутся, также письма отъ гофмейстерины что у внучатъ, и увѣдомить о гавани, что, дѣлается.
— — — повѣстка о собраніи 5 марта.
— — — манифестъ о царицѣ Евдокіи.

1718, *Марта 5* и *6*, розыскивано разстригою Демидомъ и Лопухинымъ. Первому 15 ударовъ, второму 19 ударовъ.

— — — показаніе князя Семена Щербатова съ розыску. Пытка оговоренныхъ.

— — *6*, Аѳанасьеву 17 ударовъ. Новое показаніе.

— — розыскъ Еварлаковымъ, 6 ударовъ. Воронову 17 ударовъ.

— — *10*, Дубровскому 25 ударовъ.

— — *11*, письменное показаніе. Розыскъ его братомъ, 15 ударовъ.

— — — повинная Еварлакова.

— — — розыски по дважды: Авраамъ Лопухинъ, епископъ Досиѳей, священникъ Ливерій, Сибирской царевичъ, Вакулановскій большой, Иванъ Аѳанасьевъ, Еварлаковъ, Журавскій, Барыковъ. По однажды: Яковлевъ, Бакулановскій меньшой, Александръ Лопухинъ, Собакинъ, Дубровскій, Протопоповъ. По трижды: Кикинъ, Вороновъ, Семенъ Щербатовъ, Глѣбовъ.

— — — Приказъ Меньшикову арестовать кн. Мих. Долгорукова въ его дому, а кн. Марью Львову взять подъ караулъ.

— — — письмо Екатерины къ Меньшикову, объ очищеніи Шелтингова двора для житья царевичу Алексѣю Петровичу, другаго дома для царевны Маріи Алексѣевны.

— — *14*, осужденіе Кикина на смерть министрами, также Дубровскаго, князя Долгорукова на лишеніе чиновъ.

— — *16*, приговоръ министровъ: брату Аѳанасьева учинить наказаніе и сослать въ ссылку; Вяземскаго, поднятаго на дыбѣ, и духовника Георгія, освободить.

— — *14—16*, приговоры виновнымъ по Суздальскому дѣлу, и казни. Женщинъ сѣкутъ кнутомъ.

— — *17*, осужденіе Семена Нарышкина въ ссылку.

— — *17*, письмо царя къ цесарю, въ отвѣтъ на жалобу о Толстомъ.

— — *18*, жалоба на Плейера, и требованіе, чтобъ онъ былъ отозванъ.

1718, *Марта 18*, царь поручаетъ Веселовскому вытребовать царевичевы письма къ архіереямъ и въ сенатъ.
— — — по совершеніи казней, царь отправился въ Петербургъ, велѣвъ перевезти туда Авраама Лопухина, князя В. Долгорукова, Аѳанасьева, Дубровскаго и другихъ, для новыхъ розысковъ; царевичъ отвезенъ также.
— — *20*, царица Евдокія отправлена въ Ладогу, а царевна Марія Алексѣевна въ Шлиссельбургъ.
— — — показанія служителя Мейера.
— — *21*, Петръ благодаритъ цесаря за отпускъ сына.
— *Апрѣля 6*, привезены въ Петербургъ колодники: Лопухинъ, Долгорукій и проч.
— — *13*, въ Свѣтлый Праздникъ царевичъ умолялъ Екатерину Алексѣевну выпросить у отца позволеніе жениться на Евфросиніи.
— — *18*, донесеніе Плейера о прибытіи въ Петербургъ Евфросиніи, еще беременной.
— — *20*, Евфросинія посажена въ крѣпость. (Слухъ о цитьѣ царевича).
— — — приведены въ городъ подъ карауломъ: князь В. Долгорукій, Лопухинъ, Аѳанасьевъ, Еварлаковъ и проч.
— — *18*, конференція министровъ въ Вѣнѣ, вслѣдствіе изустныхъ объясненій Веселовскаго.
— — *19*, Веселовскій, вручая царскія грамоты, требовалъ возвращенія царевичевыхъ писемъ.
— — *23*, донесеніе Веселовскаго о запирательствѣ, касательно писемъ царевича.
— — *28*, отвѣтъ цесаря, въ коемъ онъ отрекается отъ убѣжденій царевича возвратиться, предоставляя то на его волю.
— — *30*, донесеніе Веселовскаго о положеніи и отказѣ касательно Плейера.
— *Маія 1*, собственноручныя показанія Аѳанасьева.
— — 2, показанія служителя Носова. 10 ударовъ.
— — — показанія Ивана Ѳедорова. 15 ударовъ.
— — 2, царь былъ въ гарнизонѣ, въ застѣнкѣ, кот. учрежденъ въ Трубецкомъ раскатѣ, въ казаматѣ.
— — 3 и 7, донесеніе Веселовскаго о положеніи.

1718, *Мая* 7, допросъ царевича и Евфросиніи самимъ царемъ, въ Петергофѣ. Собственноручные вопросы Петра, отвѣты Евфросиніи.

— — 9, вопросы Меньшикова съ рѣшеніями Петра, какъ жить царевнѣ Маріѣ Алексѣевнѣ въ Шлюссельбургѣ.

— — 12, вопросы царевичу на показанія Евфросиніи, и отвѣты. Очная ставка. Улики. Новые отвѣты. Письменное показаніе.

— — 14, собственноручное письмо царевича, съ разными признаніями.

— — — отправленъ Писаревъ въ Кіевъ за митрополитомъ и его бумагами.

— — — донесеніе Веселовскаго о волокитѣ.

— — 16, новыя дополненія. Еще вопросные пункты отъ царя, и отвѣты.

— — 18, объявленіе народу.

— — 19, указъ Писареву, о взятіи подъ арестъ митрополита Кіевскаго.

— — 21, ему же, предписаніе Толстаго, о взятіи Печерскаго архимандрита.

— — — донесеніе Веселовскаго объ уклончивомъ отвѣтѣ цесаря, и рѣшеніи сжечь письма.

— — 26, порученіе Петра Толстому и Бутурлину спросить царевича о нѣкоторыхъ поясненіяхъ. Собственноручный отвѣтъ.

— *Іюня* 13, объявленія митрополитамъ и прочимъ духовнымъ властямъ, о преданіи царевича суду.

— — — второе объявленіе сенату, министрамъ и проч.

— — 14, привезенъ въ гарнизонъ подъ караулъ царевичъ, и посаженъ въ раскатѣ Трубецкомъ въ палату, въ которой учиненъ былъ застѣнокъ.

— — 15, спускъ корабля Нептунъ. Пиръ.

— — 17, царевичъ приведенъ въ сенатъ и спрашиванъ, подписалъ показанія, написанныя Толстымъ. По симъ показаніямъ, разспрашиваны въ сенатѣ нѣкоторые съ пыткою, въ присутствіи царевича: Авраамъ Лопухинъ, Дубровскій, Вяземскій, князь В. Долгорукій, протопопъ Іаковъ. Показанія.

1718, *Іюня 17*, требованіе Толстымъ отъ митрополита Рязанскаго объявленія по дѣлу царевича, за подписью.

— — *18*, разсужденіе духовнаго чина.

— — *19*, первый розыскъ царевичемъ. 25 ударовъ: всю ли сказалъ правду?

— — — застѣнки въ гарнизонѣ, поутру и ввечеру, въ присутствіи царя.

— — — показанія протопопа Іакова. Разстриженъ. 25 ударовъ.

— — — показанія въ сенатѣ Воронова. На розыскѣ 13 ударовъ. Повторилъ то же.

— — *20*, разспросы Лопухина въ застѣнкѣ. Еще на розыскѣ 21 ударъ. Повторилъ то же.

— — — застѣнокъ въ гарнизонѣ безъ царя.

— — *21*, Толстой объявилъ въ палатѣ разсужденіе духовенства.

— — *22*, вопросы царя чрезъ Толстаго.

— — — собственноручные отвѣты царевича.

— — *24*, приговоръ верховнаго суда, изъ 127 человѣкъ, царевича къ смерти.

— — — второй розыскъ царевичемъ, въ застѣнкѣ. 15 ударовъ.

— — — розыскъ Дубровскимъ, въ застѣнкѣ, 25 ударовъ. Розыскъ протопопомъ Іаковомъ, 9 ударовъ. Застѣнокъ по утру и ввечеру, въ присутствіи царя.

— — *25*, посланъ къ царевичу Писаревъ спросить, съ какимъ намѣреніемъ онъ дѣлалъ выписки и откуда.

— — *26*, по полуночи въ 8 часу, начали собираться въ гарнизонъ: Его Величество, Меньшиковъ, Долгорукій, Головкинъ, Апраксинъ, Пушкинъ, Стрѣшневъ, Толстой, Шафировъ, Бутурлинъ, и учиненъ былъ застѣнокъ, и потомъ, бывъ въ гарнизонѣ до 11 часа, разъѣхались.

Всенощную (*) слушали обще у Троицы (журналъ Меньшикова, у Голик. въ Дополненіяхъ, т. XII, с. 63).

(*) Въ которомъ же часу была всенощная?

1718, *Іюня* того же числа, по полудни въ 6 часу, будучи подъ карауломъ, въ Трубецкомъ раскатѣ, въ гарнизонѣ, царевичъ Алексѣй Петровичъ преставился.

— — *27*, царь, министры и проч. были у обѣдни, въ Троицкой церкви. Поздравленіе съ Полтавской побѣдой. Обѣдъ на почтовомъ дворѣ. Послѣ, прибыли въ садъ его царскаго величества, гдѣ довольно веселились, потомъ, въ 12 часу, разъѣхались по домамъ.

— — — тѣло царевича положено во гробъ и вынесено изъ Трубецкаго раската, въ 9-мъ часу по полудни; поставлено въ хоромахъ близъ комендантскаго дома.

— — *28*, въ 10 часу по полудни, тѣло вынесено въ церковь Св. Троицы.

— — — привезенъ ландратъ Казанскій, Акинѳіевъ.

— — *29*, въ воскресенье, имянины царя. Очная ставка Акинѳіева съ Лопухинымъ. Обѣдъ въ лѣтнемъ дворцѣ. Спускъ корабля. Пиръ до двухъ часовъ по полуночи.

— — *30*, съѣздъ въ церковь по 4 часахъ. Въ 7 часовъ прибыли царь и царица. Отпѣваніе въ 9 часу. Провожали отъ Троицы въ соборъ, по церемоніалу, гдѣ и погребено.

— *Іюля 1*, Кіевскій архіерей, на дорогѣ, въ Твери, умеръ.

— — *2*, царевна Марія Алексѣевна отвезена изъ Петербургскаго гарнизона въ Шлиссельбургъ, подъ караулъ.

— — *3*, подмастерье, дѣлавшій шпицъ, взятъ подъ караулъ съ женою и тещею. Приведенъ въ крѣпость учитель, Вяземскій.

— — *4*, донесеніе Плейера.

— — *5*, царскія резолюціи на докладной выпискѣ о колодникахъ: дѣвку Евфросинью отдать коменданту въ домъ и отпускать со двора съ своими людьми, изслѣдовать сенаторамъ остальныя дѣла и проч.

— — *6*, письмо Толстаго къ Писареву, чтобъ отпустилъ Печерскаго архимандрита.

1718, *Іюля* 7, донесеніе Плейера.

— — — письмо къ цесарю, съ напоминаніемъ объ удаленіи Плейера.

— — *14*, донесеніе Голландскаго резидента де-Би о причиненныхъ ему обидахъ.

— — *18*, выпущенъ подмастерье съ женою и тещею.

— — *22*, приговоръ служителямъ царевича—сослать въ Сибирь.

— — *26*, князь Василій Владимировичъ Долгорукій сосланъ въ Соликамскъ.

— *Августа* *4*, сорочины по царевичѣ. Служилъ въ соборѣ архіерей Рязанскій.

— — *9*, Акиноіевъ и Лопухинъ разспрашиваны въ сенатѣ.

— — *12*, рѣшеніе цесарской конференціи объ отозваніи Плейера.

— — — Акиноіевъ и Лопухинъ спрошены передъ сенатомъ порознь, первый осужденъ на пытку.

— — *16*, Акиноіевъ воженъ въ застѣнокъ, и раздѣванный у дыбы спрашиванъ, но не пытанъ. Просилъ времени одуматься и отвѣчать на письмѣ. Повинное письмо.

— — *21*, Акиноіевъ пытанъ. 15 ударовъ. Тѣ же показанія.

— *Сентября* *5*, умеръ царевичевъ деньщикъ Петръ Мейеръ, въ крѣпости.

— — *19*, докладъ конференціи по дѣлу о Плейерѣ, рѣшеніе задержать Веселовскаго.

— *Октября* 7, служители царевича отправлены изъ крѣпости въ канцелярію тайныхъ дѣлъ, и оттуда въ Сибирь.

— — *28*, сенатъ приговорилъ призвать Авраама Лопухина, и въ словахъ его съ Плейеромъ спросить для того, что въ тѣхъ словахъ онъ пытанъ однажды. Спрашиванъ и пытанъ. 25 ударовъ. Показанія тѣ же.

— — *29*, освобождены изъ крѣпости колодники: Семенъ Нарышкинъ, Козловскій, князь Львовъ, Глѣбовъ, князь Николай Щербатовъ.

1718, *Ноября 1*, сенатъ приговорилъ пытать Лопухина вдругорядь. 23 удара. Заперся.
— — *19*, сенатъ приговорилъ Лопухина казнить и имѣніе взять на государя.
— *Декабря 1*, розыскъ въ гарнизонѣ, въ присутствіи царя, въ-8 часу. Взятъ медвѣжій языкъ съ инструментами.
— — *8*, казнь Лопухина, Воронова, разстриги Іакова Аѳанасьева, Дубровскаго, близъ гостиннаго двора у Троицы, отсѣчены головы. Кнутомъ биты: Эварлаковъ, Канбаръ, Акинѳіевъ, князь Ѳеодоръ Щербатовъ, которому урѣзанъ языкъ и вынуты ноздри. (Жена Лопухина хотѣла погубить себя въ печи, въ банѣ, вытащена, и на другой день умерла, по словамъ Гохгольцера, но по актамъ 1728 г. значится въ живыхъ). Головы поставлены на каменномъ столбѣ, на желѣзныхъ спицахъ, а тѣла на колесахъ, близъ съѣстнаго рынка, за кронверкомъ. Тѣла лежали до 29 Марта, 1719 г., когда родственникамъ дозволено погребсти оныя. Между тѣлами упоминаются еще—Семеновскаго попа и дьякона.
— *Января 12*, *25*, *Февр. 11*, *25*, *Мар. 1, 4, 15, Апр. 1, 2, 4, 8, 12, 15, 22, 29, Мая 20, Іюня 16, 21, Іюля 19, 26, 29, Авг. 2, 5, 16, 25, Дек. 3.* Выписки изъ иностранныхъ курантовъ.
1719, *Ноября 16*, царевна Марія Алексѣевна привезена изъ Шлиссельбурга въ гарнизонъ и поставлена въ плацъ-маіорскихъ хоромахъ.
1720, Слѣдственное дѣло объ Алексѣе Нарышкинѣ.
— *Августа 4*, письмо Анд. Ушакова къ дьяку Палехину въ Москву, о сысканіи Петра Анфимова и Даудова, и высылкѣ ихъ за карауломъ въ Петербургъ.
— — *12*, Отвѣтъ Палехина, съ высылкой Анфимова, и увѣдомленьемъ, что Даудовъ не найденъ.
— — *22*, письмо П. А. Толстаго къ И. Воейкову о высылкѣ изъ Москвы за арестомъ въ канцелярію Тайныхъ Дѣлъ Благовѣщенскаго ключаря Ивана Аѳанасьева.

1720, *Сентября 11*, отвѣтъ Воейкова, съ высылкой ключаря (который послѣ постриженъ въ Невскомъ монастырѣ).

1721, *Іюля 13*, Царевна Марья Алексѣевна выведена за Неву рѣку въ домъ свой, бывшій Макарова.

— — Выписка изъ слѣдственнаго дѣла о столярѣ Королькѣ и старухѣ Варварѣ Кулбасовой.

Дополненіе.

1707, *Марта 11*, изъ Жолквы, письмо царевича къ духовнику, какъ ему праздновать день похвалы Богородицы.

— *Апрѣля 22*, изъ Жолквы, письмо Вяземскаго къ духовнику, съ примѣтою, что *17 Апрѣля* писанное должно быть втайнѣ.

— *Мая 17*, изъ Смоленска, письмо Н. Вяземскаго къ духовнику: „Изволь потщательнѣе провѣдывать....“ и т. п.

— *Іюня 29*, и *Августа 3*, изъ Смоленска, письма Н. Вяземскаго къ духовнику.

— *Августа 15*, о полученіи письма отъ Государя, чтобъ 17 числа ѣхать имъ въ Польшу.

— — 24-го были въ Быховѣ, а *Сент.* 2 опять въ Смоленскѣ, возвращенные изъ Варшавы, или съ дороги?

— Вѣроятно *въ Сентябрѣ*, изъ Минска, о пріѣздѣ сюда, и проч.

1708, *Апрѣля 31*, письмо царевича къ Мусину-Пушкину, о изготовленіи ружей, фузей и проч.

— *Іюня 9*, къ Мусину Пушкину, о высылкѣ денегъ на полковые припасы въ Преображенское.

— *Августа 2*, къ нему же, о томъ же.

1709, *въ началѣ года*, къ духовнику, о намѣреніи короля Шведскаго идти къ Москвѣ.

— *Января 7*, изъ Сѣвска, письмо къ кормилицѣ (*).

(*) Подобные перечни нужны для всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ въ этой драмѣ,—да и во всей Русской Исторіи.

Приступаемъ къ изслѣдованію.

Царевичъ родился, когда отцу и матери его было съ небольшимъ по 16 лѣтъ. Отецъ и мать сами были почти дѣти, и, по законамъ физіологическимъ, едва ли могли питать въ полной силѣ родительскія чувствованія, точно какъ не могли въ подобной молодости соединиться и между собою тѣсными сердечными узами: это была почти случайная встрѣча. А когда мы вспомнимъ, что дѣятельность Петра давно уже получила особое направленіе, и что онъ пристрастился къ военнымъ упражненіямъ на водѣ и сушѣ, занялся съ горячностію кораблестроеніемъ, примѣрными и потомъ настоящими походами, а съ другой стороны, что Петръ познакомился рано, въ Преображенскомъ, съ разгульною жизнію и всѣми ея удовольствіями, въ кругу молодыхъ, веселыхъ товарищей и буйныхъ иностранныхъ выходцевъ, то и поймемъ, что между молодыми супругами не могло образоваться никакой прочной связи, даже привычки; отеческое чуство не могло пустить глубокаго корня. Безпрестанно въ разъѣздахъ, въ Переяславлѣ, Воронежѣ, Архангельскѣ, подъ Азовымъ, находя себѣ развлеченія безъ разбору на всякомъ ночлегѣ, Петръ, съ пылкимъ темпераментомъ, постепенно отвыкалъ отъ жены, которая своей законной ревностію, взыскательностію, и можетъ быть старинной чепорностію, не согласною съ новыми его обычаями, сама увеличивала отвращеніе, впродолженіи краткихъ свиданій.

Предъ отъѣздомъ въ чужіе краи, въ 1696 г. открытъ былъ заговоръ Соковнина, Циклера и Пушкина, которые хотѣли убить царя. Былъ розыскъ, и виновные казнены, отецъ и братья царицы были разосланы тогда же по городамъ, въ заточеніе, вѣроятно заподозрѣнные, если не уличенные въ какихъ–нибудь связяхъ съ казненными

преступниками. Тогда же Петръ (выѣхавшій въ Мартѣ 1697 г.) порѣшился развестись и съ женою, ибо изъ писемъ его видно, что онъ поручилъ своимъ наперсникамъ уговаривать ее постричься въ монахини. По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, въ 1698 г., послѣ безполезнаго съ ея стороны сопротивленія, это было исполнено, царица отвезена въ Суздальскій Покровскій монастырь и тамъ пострижена. За что? Нѣтъ никакихъ извѣстій. Если бъ Евдокія была дѣйствительно въ чемъ-нибудь виновата, то, безъ сомнѣнія, вины ея были бы воспомянуты въ знаменитомъ осужденіи 1718 года, гдѣ не оказано ни малѣйшей пощады никакому чувству. Тамъ приписано только рукою самаго царя, что она была удалена „для нѣкоторыхъ ея противностей и подозрѣнія" (1).

Что сказать о такомъ поступкѣ? Онъ говоритъ за себя самъ. Заточить въ монастырь молодую двадцати-двухъ-трехлѣтнюю женщину, черезъ пять-шесть лѣтъ брачной жизни, мать двоихъ сыновей, безъ вины, или почти безъ вины, въ угоду своимъ прихотямъ или другимъ склонностямъ,—это жестоко, безчеловѣчно и въ высшей степени самоуправно. Самому Петру было тогда лѣтъ 25.

Царевичъ взятъ отъ матери осьми лѣтъ и осьми мѣсяцевъ къ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ.

„Главнымъ несчастіемъ было то," говоритъ г. Устряловъ (2), „что до девяти лѣтъ царевичъ находился подъ надзоромъ матери, коснѣвшей въ предразсудкахъ старины, и ненавидѣвшей все, что нравилось Петру."

---

(1) См. Устрялова. Т. III. с. 119.

(2) Томъ VI, с. 11.

Едва ли! О какихъ девяти годахъ идетъ здѣсь рѣчь? Отъ 1690 до 1698. Да Петръ въ эти годы не дѣлалъ еще никакихъ особенныхъ нововведеній: онъ ходилъ въ походы, строилъ суда, водился съ иностранцами, вотъ и все. Притомъ, мать сама еще была очень молода, лѣтъ 16—24, и едва ли могла оказывать предпочтеніе старинѣ передъ новизною, еще очень ограниченною, и даже понимать ихъ различіе: она могла жаловаться на частыя отлучки мужа, могла ревновать его,—и только; но все это не могло имѣть вліянія на воспитаніе царевича, который воспитался по общему обычаю: такъ читаемъ мы донесенія Петру его учителя, Вяземскаго, о томъ, что царевичъ по 7 году началъ учиться грамотѣ, и потомъ посаженъ за часовникъ.

Не любя мать, Петръ былъ, разумѣется, холоденъ и къ сыну, ее напоминавшему. Къ несчастію, молодой царевичъ не нравился теткѣ, къ которой отданъ подъ надзоръ, потому ли, что былъ непослушенъ, потому ли, что принадлежалъ къ противному почему-нибудь роду, или просто по женской прихоти, антипатіи, по непріятнымъ отношеніямъ къ матери. По крайней мѣрѣ, слышно было и впослѣдствіи, что царевна Наталія Алексѣева наводила брата на зло въ отношеніи къ сыну, какъ прежде къ женѣ.

Молодому Петру, полному силъ, занятому съ утра до вечера, не могла придти мысль съ первыхъ лѣтъ объ основательномъ воспитаніи наслѣдника. Онъ самъ только что наслѣдовалъ, и не могъ, естественно, подумать такъ скоро о преемствѣ; но по 9-му году мелькнула у Петра мысль отправить сына учиться въ Германію съ генераломъ Карловичемъ, который ему понравился во время пріѣзда своего изъ Саксоніи отъ короля Августа.

Счастливая мысль въ нѣкоторомъ отношеніи, приготовлявшая царевичу другую судьбу!

Несчастная мысль, подумають у васъ, вѣроятно, нѣкоторые. Но вѣдь она не исполнилась, отвѣчу я на ихъ мысленныя возраженія, и развѣ лучше вышло? Не лучше потому, они скажутъ, что дома не умѣли воспитать иначе. Потому-то я и называю мысль, послать царевича для ученья за границу, счастливою для него въ данныхъ обстоятельствахъ.

Между тѣмъ разгоралась Шведская война, и Петръ, при неизвѣстности военныхъ обстоятельствъ, рѣшился воспитывать царевича дома.

Карловичъ былъ убитъ подъ Нарвою, въ Мартѣ 1700 года, и препорученіе ему сына не состоялось; впрочемъ онъ успѣлъ представить, для уроковъ царевичу, Саксонскаго подданнаго Мартина Нейгебауера, который пріѣхалъ въ Россію, и былъ приставленъ къ царевичу въ Іюнѣ 1701 года.

Въ 1702 году Петръ бралъ съ собой царевича въ Архангельскъ, гдѣ новый его учитель, Нейгебауеръ, поссорился съ прежними, Вяземскимъ и Нарышкинымъ, которыхъ сторону принялъ Меньшиковъ, и онъ былъ отстраненъ (1).

Въ этихъ промежуткахъ, 1700, 1701, 1702 годовъ, когда Петръ былъ обремененъ заботами послѣ Нарвскаго пораженія, и царевичъ былъ оставленъ на рукахъ посредственныхъ людей, могъ онъ свести нехорошія знакомства, могъ подвергнуться дурному вліянію, положить основаніе привычкамъ, полюбить праздность,

---

(1) Г. Семевскій, въ своей резензіи, называетъ Нейгебауера „пьяницею и бѣщенымъ, по разсказамъ иноземцевъ“ (?). Подождемъ обѣщанной статьи князя М. А. Оболенскаго. См. Библіографическіе листы, № 50.

хотя все еще онъ былъ очень молодъ, и нельзя ему было испортиться безъ надежды на исправленіе. Замѣчу еще, что часть этого времени, почти годъ, былъ при немъ Нейгебауеръ.

Въ началѣ 1703 года, когда царевичу пошелъ 12 годъ, Петръ приставилъ къ нему гофмейстера барона Гизена, образованнаго Нѣмца, вступившаго, по совѣту Паткуля, въ Русскую службу. Другое счастливое событіе въ жизни царевича, которое также вскорѣ, вліяніемъ его враждебной судьбы, было повреждено! Въ Мартѣ Гизенъ написалъ записку о воспитаніи царевича, прося царя предоставить главный надзоръ князю Меньшикову.

Въ этомъ году царевичъ взятъ былъ въ походъ, и при взятіи Ніеншанца находился въ званіи солдата бомбардирской роты. Въ Москвѣ, послѣ торжественнаго вшествія, Петръ сказалъ Гизену, въ присутствіи царевича, Меньшикова, Головкина и другихъ министровъ: „Узнавъ о вашихъ добрыхъ качествахъ и вашемъ добромъ поведеніи, я ввѣряю единственнаго моего сына и наслѣдника моего государства вашему надзору и воспитанію. Не могъ я лучше изъявить вамъ мое уваженіе, какъ поручивъ вамъ залогъ благоденствія народнаго. Не могъ я ни себѣ, ни моему государству сдѣлать ничего лучшаго, какъ воспитавъ моего преемника. Самъ я не могу наблюдать за нимъ: ввѣряю его вамъ, зная, что не столько книги, сколько примѣръ будетъ служить ему руководствомъ!“

Мы видимъ здѣсь заботливость Петра, вѣрное понятіе о воспитаніи наслѣдника, находимъ при немъ знающаго, благонадежнаго наставника, и удостовѣряемся въ успѣшномъ употребленіи времени.

Но въ этомъ же году надъ головою несчастнаго всходитъ и роковая звѣзда: Петръ узналъ въ домѣ

Меньшикова Мекленбургскую плѣнницу, Екатерину, которую взялъ къ себѣ, и ея отношенія, если даже не положительныя дѣйствія, вмѣстѣ съ козними Меньшикова, рѣшили, впослѣдствіи, судьбу царевича; но не станемъ упреждать событій.

14-й годъ его жизни прошелъ благополучно. Поводовъ къ неудовольствію никакихъ царевичъ не показывалъ. Онъ находился подъ Нарвою, во все продолженіе второй осады. По взятіи Нарвы штурмомъ, среди торжества, Петръ сказалъ сыну рѣчь въ главной квартирѣ фельдмаршала Огильви, въ присутствіи всѣхъ генераловъ: „Сынъ мой! Мы благодаримъ Бога за одержанную надъ непріятелемъ побѣду. Побѣды отъ Бога, но мы не должны быть нерадивы, и всѣ силы обязаны употреблять, чтобъ ихъ пріобрѣсть. Для того взялъ я тебя въ походъ, чтобы ты видѣлъ, что я не боюсь ни труда, ни опасностей. Понеже я, какъ смертный человѣкъ, сегодня или завтра могу умереть, то ты долженъ убѣдиться, что мало радости получишь, если не будешь слѣдовать моему примѣру. Ты долженъ, при твоихъ лѣтахъ, любить все, что содѣйствуетъ благу и чести твоего отечества, вѣрныхъ совѣтниковъ и слугъ, будутъ ли они чужіе или свои, и не щадить никакихъ трудовъ для блага общаго. Какъ мнѣ не возможно съ тобой всегда быть, то я приставилъ къ тебѣ человѣка, который будетъ вести тебя ко всему доброму и хорошему. Если ты, какъ я надѣюсь, будешь слѣдовать моему отеческому совѣту, и примешь правиломъ жизни страхъ Божій, справедливость и добродѣтель, надъ тобою будетъ всегда благословеніе Божіе; но если мои совѣты разнесетъ вѣтеръ, и ты не захочешь дѣлать то, чего желаю, я не признаю тебя своимъ сыномъ, и буду молить Бога, чтобъ онъ наказалъ тебя въ сей жизни и будущей.“ —

Царевичъ, со слезами на глазахъ, схватилъ руки государя, цѣловалъ и жалъ ихъ съ горестью, и говорилъ: „Всемилостивѣйшій государь, батюшка! Я еще молодъ и дѣлаю, что могу. Но увѣряю ваше Величество, что я, какъ покорный сынъ, буду всѣми силами стараться подражать вашимъ дѣяніямъ и примѣру. Воже сохрани васъ на многіе годы въ постоянномъ здоровьѣ, чтобы я еще долго могъ радоваться столь знаменитымъ родителемъ„ (1).

Возвратившись въ Москву, 19 Декабря, 1704 года, на тріумфальномъ шествіи, царевичъ, у Воскресенскихъ воротъ, поздравилъ отца съ побѣдою, и, по окончаніи привѣтствія, сталъ въ ряды Преображенскаго полка въ строевомъ мундирѣ.

Все шло, кажется, прекрасно, какъ вдругъ Гизенъ отправленъ, съ разными дипломатическими порученіями, за границу, (въ началѣ 1704 г.), гдѣ и пробылъ четыре года.

Что значитъ это удаленіе отъ царевича нужнѣйшаго человѣка въ самое важное для него время, отъ 15 до 20 почти лѣтъ? Порученія, данныя Гизену, очень не значительны, и легко могли быть исполнены всякимъ другимъ. Онъ нашелъ невѣсту для царевича, но это было уже въ послѣднемъ году его отсутствія. Куда дѣвалась заботливость прежняя, со стороны царя, о занятіяхъ сына? Если были какія-либо распоряженія, онѣ сохранились бы навѣрное, какъ сохранилось донесеніе токарнаго мастера, нѣмца, о расположеніи царевича къ этому искуству. Самъ Петръ былъ занятъ, Меньшиковъ жилъ въ Петербургѣ, и царевичъ оставался

(1) Записки Гизена въ приложеніяхъ, у г. Устрялова, с. 305 и 306. Замѣтимъ вообще, что Гизенъ, судя по всѣмъ его писаніямъ, любилъ очень риторику, и слѣдовательно въ этихъ рѣчахъ должно полагать преувеличеніе.

на своей волѣ, въ Преображенскомъ, года съ два, то-есть, 15 и 16 годъ. Впродолженіи этого времени, мы знаемъ только четырнадцать писемъ царевича къ отцу, съ вопросами о здоровьѣ.

Не видать ли уже здѣсь, въ отстраненіи Гизена, какъ и прежде въ удаленіи Нейгебауера, тайнаго намѣренія Меньшикова пріучать царевича къ праздности и лѣни, давая ему просторъ и свободу для препровожденія времени съ его родными, приверженцами старины, съ попами и монахами, къ которымъ онъ получилъ извѣстное расположеніе еще при матери, — и тѣмъ приготовить будущій разрывъ съ отцомъ. Меньшиковъ могъ, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, подать злоумышленный совѣтъ Петру, послать Гизена въ чужіе краи. Такъ и думали иностранцы, даже въ близкое время: Бюшингъ, Левекъ и Коксъ (1).

Съ этой стороны, можно, кажется, повѣрить царевичу, который объяснилъ цесарю, что Меньшиковъ съ умысломъ далъ ему дурное воспитаніе, не заставляя учиться, и окружая дурными или глупыми людьми.

Ближе всѣхъ къ царевичу были въ это время его тетки, дочери царя Алексѣя Михайловича отъ перваго брака, старыя дѣвицы, не терпѣвшія нововведеній Петровыхъ, окруженныя попами и монахами, кои сообщали имъ разныя видѣнія, и сулили перемѣну обстоятельствъ, лучшее время. Кромѣ тетокъ, — родственники его по матери, дяди, возлагавшіе на него всю свою надежду, и введшіе къ нему своихъ друзей и единомышленниковъ. Всѣ они внушали свои мысли и племяннику, расположенному и отъ природы къ старинѣ и лѣни.

---

(1) См. у Голикова, V, с. 411.

Царевичъ, въ 1706 году, самовольно ѣздилъ изъ Москвы къ матери въ Суздаль. Поступокъ смѣлый и значительный, хотя и очень естественный. Какъ не пожелать ему было увидѣться съ матерью, съ которою жилъ до 9-го года, и которую, можетъ быть, любилъ сердечно? Какъ матери, въ глубинѣ своей одинокой кельи, не пожелать увидѣться съ сыномъ, единственною своею надеждою. Можетъ быть, она сама вызвала его, и царевичъ не могъ ей отказать. Родственники должны были принять живое участіе. Каково было увидѣть ему мать въ монастырѣ, въ скукѣ, нуждѣ и бѣдности. Не должна ли она была, еще молодая женщина, горько предъ нимъ заплакать и пожаловаться на свою тягостную участь? Осуждать ли ее за это? Естественно ли ея желаніе освободиться изъ своей душной тюрьмы, и естественно ли сыну желаніе помочь ей ?. Можно вообразить себѣ эти задушевныя бесѣды въ тѣсной кельѣ, при свѣтѣ тусклой лампады, о странныхъ порядкахъ, о построеніи Петербурга, о новой сожительницѣ, о народномъ отягощеніи. Можно вообразить себѣ впечатлѣніе, оставленное ими въ душѣ молодаго человѣка, склоннаго къ жизни нашихъ прежнихъ царей.

Враждебная царевичу тетка, Наталья Алексѣевна, донесла царю о тайномъ посѣщеніи. Царь потребовалъ сына къ себѣ въ Жолкву, въ Галиціи, въ началѣ 1707 года, и тамъ выразилъ ему свое негодованіе (¹).

Изъ Жолквы царь послалъ его въ Смоленскъ, заготовить провіантъ и собирать рекрутовъ.

---

(1) Любопытны были бы подробнѣйшія свѣдѣнія и о посѣщеніи царевича, и о донесеніи тетки Натальи Алексѣевны, и о негодованіи отца: у г. Устрялова о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ ни строкѣ, такъ что мы не знаемъ и источника извѣстія.

Къ Святому Празднику царевичъ воротился въ Москву, гдѣ началъ учиться фортификаціи и исполнялъ разныя порученія. „Отецъ поручилъ мнѣ управленіе государствомъ,“ говорилъ онъ въ Вѣнѣ объ этомъ времени, „и все шло хорошо. Царь былъ доволенъ.“ Отношенія между отцомъ и сыномъ дѣйствительно продолжались, повидимому, хорошія. Никакихъ жалобъ и выговоровъ не оказывается ни въ письмахъ къ царевичу, ни во всѣхъ прочихъ письмахъ, тѣмъ менѣе замѣчаній о неспособности. Царевичъ исправлялъ по прежнему даваемыя порученія и доносилъ обстоятельно. Онъ поздравилъ Петра съ Полтавскою побѣдою, о которой тотъ писалъ ему почти съ поля сраженія: „Доношу, что о семъ, по благодареніи Бога, изрядно у меня веселились и у тетушки, и трудившихся при семъ поздравляли. И никогда народъ весь такъ веселъ не былъ, какъ о нынѣшней викторіи.“

Царевичъ послѣ призванъ былъ въ Кіевъ, и оттуда отряженъ въ корпусъ князя Меньшикова, назначенный для изгнанія Станислава Лещинскаго изъ Польши, а потомъ велѣно было ему ѣхать въ Дрезденъ для занятія науками: „а когда геометрію и фортификацію кончишь,“— писалъ къ нему Петръ,—„отпиши къ намъ.“

По разнымъ политическимъ обстоятельствамъ, поѣздка задержалась, и онъ уже только весною 1710 года могъ пріѣхать въ Карлсбадъ. Дорогою онъ увидѣлъ избранную для него еще въ 1707 году Гизеномъ невѣсту, принцессу Враунштвейгъ-Вольфенбюттельскую, которая ему сначала понравилась.

„Послѣ леченія своего, государь царевичъ отправился оттуда,“ говоритъ Гизенъ (1), „ѣхавъ черезъ всѣ

(1) Стр. 205.

горные города, самъ сходилъ въ ямы рудовыя, осмотрѣлъ всякіе пріемы и работы, и какъ руду и металлы очищаютъ, изволилъ потомъ возратиться въ Дрезденъ; а въ Дрезденѣ былъ государь царевичъ во весь годъ для обученія въ экзерциціяхъ своихъ; въ томъ же году ѣздилъ въ Лейбцигъ для видѣнія ярмарки Архистратига Михаила“ ([1]). Переписка съ Московскими друзьями продолжалась на старой ладъ.

Между тѣмъ сожительница Петрова, Екатерина, была объявлена супругою, съ чѣмъ царевичъ поздравилъ ее, назвавъ матушкою, а прежде онъ писалъ къ ней обыкновенно: madame.

Бракъ царевича совершенъ, вѣроятно по настоянію отца и убѣжденію приставленныхъ къ нему лицъ, 14 Октября, 1711 года, въ присутствіи Петра, который нарочно пріѣхалъ для того изъ Торгау. Пиры продолжались нѣсколько дней.

Изъ описанія всѣхъ сихъ происшествій видно, что Петръ въ 1707 году, когда заключенъ былъ свадебный контрактъ, а равно и въ 1711 году, когда произошло бракосочетаніе, не имѣлъ къ сыну никакихъ непріязненныхъ отношеній, и видѣлъ въ немъ своего наслѣдника; иначе не сталъ бы вводить его въ родство съ знаменитою Европейскою принцессою, сестрою императрицы Нѣмецкой и племяницею короля Англійскаго. Съ другой стороны, царевичъ не подавалъ никакого повода къ неудовольствію, и держалъ себя въ границахъ приличія и послушанія. Ему былъ 21 годъ.

Въ 4-й день послѣ брака, неутомимый Петръ далъ царевичу подробную инструкцію, что̀ ему дѣлать въ Польшѣ ([2]).

---

(1) У г. Устрялова не приведено это мѣсто.

(2) Она напечатана у Голикова, Дѣянія, Т. IV, с. 25.

Недѣли черезъ три, въ исполненіе ея, царевичъ отправился въ Торунь, куда черезъ пять недѣль пріѣхала и жена. Здѣсь прожилъ онъ полгода, исполняя съ точностію разныя приказанія Петровы. Потомъ царевичъ получилъ приказаніе ѣхать въ Померанію, для военныхъ дѣствій: жена осталась въ Эльбингѣ.

Весну и лѣто 1712 года царевичъ провелъ подъ Штеттиномъ, осень и зиму въ Мекленбургѣ, одинъ. Странно такое разлученіе новобрачныхъ! Въ концѣ 1712 года, онъ долженъ былъ ѣхать съ мачихою въ Петербургъ, и по дорогѣ не засталъ жены въ Эльбингѣ, которая за-долго передъ тѣмъ отправилась къ роднымъ въ Брауншвейгъ. И въ Петербургѣ, уже въ 1713 году, онъ не могъ дождаться ея прибытія, потому что долженъ былъ съѣздить съ порученіемъ въ Москву, потомъ провожать отца въ Або, а воротясь—ѣхать въ Старую Русу и Ладогу, и уже только въ Августѣ увидѣлся съ женою въ Петербургѣ. Такая продолжительность разлуки съ женою, полтора года, вскорѣ послѣ брака, (онъ жилъ съ нею только полгода, и то съ промежутками), не могла не имѣть вреднаго вліянія на ихъ отношенія. Впрочемъ, упрековъ отъ отца никакихъ нѣтъ, и все еще при немъ находился Гизенъ, не оставившій ни малѣйшаго свидѣтельства о какихъ-нибудь слишкомъ предосудительныхъ его поступкахъ.

Около царевича, по возвращеніи въ отечество, собралось, разумѣется, то же общество, которое собиралось и прежде, оппозиція того времени, которая ласкалась къ нему, возлагая на него всю свою надежду, въ случаѣ смерти царя, не берегшаго себя ни на войнѣ, ни въ мирѣ, часто болѣвшаго, даже отчаянно, обреченнаго на скорую смерть видѣніями разныхъ ханжей. Мелькнула мысль о житьѣ до того времени въ чужихъ краяхъ.

Съ женою царевичъ жилъ не совсѣмъ дружно, и подъ пьяную руку выражалъ, говорятъ, свое негодованіе: "Вотъ Гаврило Ивановичъ съ дѣтьми своими навязали мнѣ на шею жену чертовку: какъ ни приду къ ней, все сердитуетъ и говоритъ не хочетъ.„

Я воображаю себѣ кронпринцессу, высокую, сухощавую Нѣмку, степенную, набожную, аккуратную, въ родѣ Мадоннъ Голбейновыхъ, которой противны были полудикія выходки молодаго Скиѳа, и она старалась навести его на путь истинный, чѣмъ ему и досаждала. Въ обществѣ молодые супруги не пользовались большимъ почетомъ. Екатерина и Меньшиковъ старались, кажется, причинять имъ много неудовольствій, огорченій и даже оскорбленій. Оказалась, видно, уже вообще перемѣна въ расположеніи къ царевичу. По крайней мѣрѣ, царевичъ такъ описывалъ свое положеніе при дворѣ: "Отецъ мой и царица такъ обходились съ моею женою, заставляя ее служить какъ дѣвку, къ чему она, по своему воспитанію, не привыкла; слѣдовательно очень огорчалась; къ тому же, я и жена моя терпимъ всякой недостатокъ„ (1). Сама кронпринцесса, въ письмѣ къ Петру, о завистникахъ и преслѣдователяхъ говоритъ: „Богъ моя надежда на чужбинѣ! И такъ всѣми покинута! Онъ услышитъ мои сердечные вздохи и сократитъ мои страданія.„

Съ Августа 1713 года царевичъ прожилъ въ Петербургѣ до Іюня 1714 года, и постоянно былъ нездоровъ. Врачи опасались чахотки, и отправили его опять въ Карлсбадъ. Онъ поѣхалъ Іюня 4, оставивъ жену беременною по осьмому мѣсяцу. Царевичъ прибылъ въ Карлсбадъ въ концѣ Іюля, и ему тотчасъ пустили кровь банками.

---

(1) Г. Семевскій приводитъ свидѣтельство современниковъ, но не говоритъ какихъ, что въ спальню принцессы проникалъ дождь.

Предъ разрѣшеніемъ отъ бремени, царь приставилъ къ невѣсткѣ двухъ довѣренныхъ женщинъ, госпожу Брюсъ и князь-игуменью Ржевскую: „Я не хотѣлъ бы васъ трудить", пишетъ онъ невѣсткѣ съ корабля изъ-подъ Ревеля, "но отлученіе, ради супруга вашего, моего сына, принуждаетъ меня къ тому, дабы предварить лаятельство необузданныхъ языковъ, которые обыкли истину превращать въ ложь.... дабы о томъ нѣкоторой анштальтъ учинить, о чемъ вамъ доносетъ г. канцлеръ, графъ Головкинъ, по которому извольте неотмѣнно учинить, дабы тѣмъ всѣмъ, ложь любящимъ, уста заграждены были."

Кронпринцесса была очень огорчена, но исполнила желаніе свекра.

Князь-игуменья доносила: „По указу вашему, у Е. В., у кронпринцесы, я и Брюсова жена живемъ, и ни на часъ не отступаемъ.....и я обѣщаюсь самимъ Богомъ, еже ей-ей, ни на великіе милліоны не прельщусь, и рада вамъ служить отъ сердца моего, какъ умѣю."

Что это значитъ? Какой анштальтъ учинить предполагалъ Петръ? Какія подозрѣнія и въ комъ возбуждала богобоязненная кронпринцесса? Не боялся ли онъ подлога, въ случаѣ неблагополучнаго разрѣшенія? Кажется, такъ поняла и кронпринцесса, въ отвѣтѣ своемъ именно сказавшая:... „И на умъ мнѣ не приходило намѣреніе обмануть ваше величество и кронпринца!" Если же Петръ боялся подлога, то, значитъ, рожденіе дѣтей у сына занимало его сильно (1).

(1) Приведемъ замѣчаніе г. Семевскаго: „ Не красавецъ ли Левенвольдъ, извѣстный своими побѣдами надъ женскими сердцами, состоявшій въ свитѣ Шарлотты, и пользовавшійся ея дружбою и довѣріемъ, не этотъ ли Левенвольдъ, впослѣдствіи любимецъ двухъ императрицъ, Екатерины I и Анны I, не онъ ли возбуждалъ сплетни, и не его ли заподозрилъ въ связи съ невѣсткою Петръ?" Стр. 11.

Кронпринцесса родила благополучно дочь Наталью, Іюля 12.

Она отвѣчала на ласковое поздравленіе Петра, изъявила въ шутливомъ тонѣ надежду исполнить, со временемъ, его желаніе, родить сына.

Въ ея письмѣ, равно какъ и въ письмѣ Петра, нѣтъ ничего въ предосужденіе царевичу.

„Царевичъ, во время пользованія водами, внимательно читалъ сочиненія Баронія, и выписывалъ изъ него то, что́ относилось къ современному порядку дѣлъ, присовокупляя нерѣдко и свое мнѣніе“ (с. 36).

Онъ возвратился изъ Карлсбада въ Петербургъ, чрезъ шесть мѣсяцевъ, въ концѣ Декабря, 1714 года.

Къ этому времени относится связь его съ извѣстною Евфросиніею, полоненной крѣпостною дѣвкой его учителя, Вяземскаго, которую онъ полюбилъ страстно (1).

Впрочемъ, принцесса, тотчасъ по возвращеніи царевича, забеременѣла опять.

Въ этотъ годъ особенно жизнь царевича и жены его въ Петербургѣ преисполнилась многими непріятностями, какъ то свидѣтельствуютъ донесенія Плейера: „Замѣчали при царскомъ дворѣ зависть за то, что она родила принца, и знали, что царица тайно старалась ее преслѣдовать, вслѣдствіе чего она была постоянно огорчена (2)... —Деньги, назначенныя на ея содержаніе, выдавались очень скупо и съ затрудненіями...—Смерти принцессы

(1) Мы имѣемъ, впрочемъ, одно только свидѣтельство, не вполнѣ достовѣрное, изъ манифеста, и не можемъ положиться вполнѣ, теперь ли взята царевичемъ Евфросинія, или нѣсколько послѣ. Голиковъ говоритъ, что Евфросинія была въ услуженіи у принцессы. Дѣян., I, с. 73.

(2) Кронпринцесса занемогла тотчасъ послѣ рожденія сына, и чрезъ десять дней скончалась: когда же ей было получать огорченія, вслѣдствіе этой причины? Слишкомъ строгой точности нельзя, впрочемъ, требовать въ подобныхъ случаяхъ.

много способствовали разнородныя огорченія, которыя она испытывала.“—Царевичъ послѣ то же показывалъ: „Отецъ ко мнѣ былъ добръ,“ говорилъ онъ въ Вѣнѣ, „но съ тѣхъ поръ, какъ пошли у жены моей дѣти, все сдѣлалось хуже, особенно когда явилась царица, и сама родила сына. Она и Меньшиковъ постоянно вооружали противъ меня отца; оба они исполнены злости, не знаютъ ни Бога, ни совѣсти„ (с. 67).

„По возвращеніи принцесы (1) и по разрѣшеніи ея отъ бремени, все пошло хуже происками Меньшикова, который боялся, что престолъ достанется роду царевича.“

Кронпринцесса разрѣшилась отъ бремени сыномъ Петромъ, Октября 12-го, 1715 года. Вскорѣ послѣ родовъ она занемогла вслѣдствіе неосторожности, и болѣзнь ея, въ теченіи 9 дней, приняла опасный характеръ. Петръ былъ самъ въ это время боленъ тяжко, съ 16-го Октября, (а жена его была на сносяхъ), не выходилъ изъ комнаты, и не могъ посѣтить ее. Она написала къ нему письмо, благодарила его за оказанныя милости, поручала ему своихъ дѣтей, и ни однимъ словомъ не выразила никакой жалобы.

Барону Левенвольду, гофмаршалу ея двора, она сказала, какъ имъ записано: „При жизни моей, много было говорено и писано злокоpůvodных вымысловъ; найдутся злые люди, вѣроятно, и по смерти моей, которые распустятъ слухъ, что болѣзнь моя произошла болѣе отъ мыслей и внутренней печали, нежели отъ опаснаго состоянія здоровья моего. Для отвращенія такого зла, донесите моимъ роднымъ, именемъ моимъ, что я всегда была довольна и хва-

(1) Куда же она отъѣзжала? Или эти слова должно относить къ первому прибытію принцессы?

зюсь любовію ихъ величествъ; не только все исполнено, чтó въ брачномъ контрактѣ обѣщано (экономическая черта!), но и сверхъ того многія благодѣянія мнѣ оказаны, за что и теперь приношу мою благодарность“. О разговорахъ или отношеніяхъ съ мужемъ, въ это время, нѣтъ никакихъ извѣстій, какъ будто бы его и не было. Извѣстно только, что она не жаловалась на мужа. Въ первомъ часу по полудни, навѣстилъ умирающую Петръ; она просила его о дѣтяхъ и служителяхъ. Октября 22 кронпринцесса скончалась, въ полночь (4). Царевичъ, по свидѣтельству Плейера, былъ внѣ себя отъ горести, и нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ. На другой день новорожденный сынъ былъ крещенъ царемъ съ сестрою.

Въ такомъ положеніи были дѣла и отношенія главныхъ дѣйствующихъ лицъ, по всѣмъ историческимъ документамъ, тщательно собраннымъ, разсмотрѣннымъ и изслѣдованнымъ. Никакихъ особенныхъ непріятностей ни съ которой стороны не было примѣтно. Казалось—все шло естественнымъ порядкомъ.

Кронпринцесса была погребена торжественно. Вдругъ Петръ, возвратясь изъ Петропавловскаго собора въ домъ царевича, для поминовенія усопшей, отдаетъ публично сыну громовое письмо, котораго смыслъ состоитъ въ слѣдующемъ: если не исправишься, то лишу наслѣдства.

(4) Въ моемъ собраніи автографовъ была довольно пространная бумага, листахъ на двухъ, подписанная кронпринцессою; но она по слишкомъ бойкому мужскому почерку, казалась мнѣ копіей, и я не обратилъ на нее вниманія. Теперь, увидѣвъ снимки, предложенные г. Устряловымъ, я удостовѣрился, что та бумага подлинная и собственноручная. Еще тамъ былъ листъ, писанный рукою канцлера Головкина о чемъ-то, относящемся до царевича. Обѣ бумаги достались мнѣ послѣ В. Н. Каразина, а ему отъ Голикова. Благоволятъ ученые хранители библіотеки разсмотрѣть эти документы, коихъ я, занятый другими изслѣдованіями, въ свое время не разсмотрѣлъ порядочно.

Алексѣй является вдругъ ни къ чему и никуда неспособнымъ, отчаяннымъ, и получаетъ страшную угрозу, безъ всякихъ, предъ тѣмъ извѣстныхъ, вызывающихъ обстоятельствъ, безъ всякихъ, по крайней мѣрѣ, видимыхъ побудительныхъ причинъ!

А писано было письмо за 16 дней, наканунѣ рожденія сына у царевича, отдано наканунѣ рожденія сына у царя.

Въ недоумѣніе приходитъ всякій здравомыслящій и безпристрастный изслѣдователь. Что за странности? Царь пишетъ письмо къ сыну съ угрозою лишить его наслѣдства, но не отдаетъ письма, и на другой день по написаніи рождается у царевича сынъ, новый наслѣдникъ; царь держитъ у себя письмо, и отдаетъ только черезъ 16 дней, въ день погребенія кронпринцессы, а на другой день послѣ отдачи рождается у него самаго сынъ!

Вопросы, одинъ за другимъ, тѣснятся у изслѣдователя!

Если Петръ написалъ письмо въ показанное число, въ Шлиссельбургѣ, то зачѣмъ не послалъ его тотчасъ къ сыну? Зачѣмъ держалъ 16 дней, воротясь въ Петербургъ?

Рожденіе внука должно бъ было измѣнить рѣшеніе: если сынъ провинился, то новорожденный внукъ получалъ неотъемлемое право на престолъ!

Зачѣмъ бы опредѣлять именно число? Пролежало оно 16 дней въ карманѣ, для чего же напоминать о томъ, для чего напирать, что письмо писано за 16 дней. Ясно, что была какая-то задняя мысль. Она видна и въ подстрочномъ примѣчаніи къ печатному розыскному дѣлу: „Понеже писано то письмо до рожденія царевича Петра Петровича за 18 дней, и тако въ то время былъ онъ царевичъ Алексѣй Петровичъ одинъ.„

Что за странное намѣреніе отдать письмо въ руки царевичу въ публикѣ, передъ множествомъ свидѣтелей, въ день погребенія жены (1).

Письмо носитъ явные признаки сочиненія, съ риторикою: его вѣрно писалъ грамотѣй, на досугѣ, не Петръ, выражавшійся и не въ такихъ случаяхъ отрывисто.

Да и на что письмо? Развѣ нельзя было передать все, еще сильнѣе, на словахъ?

Во всемъ этомъ дѣйствіи нельзя не видѣть чернаго плана, смётаннаго, въ тревогѣ, бѣлыми нитками.

Какъ же объяснить это загадочное событіе?

Вѣрно у Петра давно уже возникла мысль отрѣшить отъ наслѣдства Алексѣя, рожденнаго отъ противной матери, не раздѣлявшаго его образъ мыслей, не одобрявшаго его нововведеній, приверженнаго къ ненавистной старинѣ, склоннаго къ его противникамъ. Вѣрно, онъ возъимѣлъ желаніе предоставить престолъ дѣтямъ отъ любезной своей Екатерины. Екатерина, равно какъ и Меншиковъ, коихъ судьба подверглась бы ежеминутной опасности, въ случаѣ смерти царя, старались, разумѣется, всѣми силами питать эту мысль, пользуясь неосторожными выходками царевича. Они переносили Петру всѣ его слова, толковали всякое движеніе въ кривую сторону, раздражали Петра болѣе и болѣе. И вотъ, лукавая совѣсть человѣческая, вмѣстѣ съ сильнымъ умомъ, начала подбирать достаточныя причины, убѣждать въ необходимости дѣйствія, оправдывать всякія мѣры, она пугала прошедшимъ, искажала настоящее,

(1) Письмо такого содержанія приличнѣе бы написать ко дню брака, тогда кстати было бъ наставленіе: ну вотъ ты женишься, такъ исправься, пора, и тому под.

украшала будущее,—и Петръ рѣшился! Онъ рѣшился, и ужъ, разумѣется, ничто не могло мѣшать ему при его желѣзной волѣ, предъ которою пало столько препятствій. Погибель несчастнаго царевича была опредѣлена. Въ средствахъ нечего было ожидать строгой разборчивости: Петръ, въ такихъ случаяхъ, ничего не видалъ, кромѣ своей цѣли, лишь бы скорѣе и вѣрнѣе кончено было дѣло.

Сначала, разумѣется, въ головѣ у Петра все было смутно, однимъ планомъ смѣнялся другой, ничего опредѣленнаго, всякое новое обстоятельство могло измѣнять предположенія, выжидались удобные случаи. Кронпринцесса начала рожать дѣтей. Это увеличивало затрудненія Петрова плана на пути къ предположенной цѣли. Пора приступать къ дѣйствію. Но вотъ она родила сына. Это уже совершенно разстроиваетъ виды. Ждать нечего. Начертывается планъ атаки, говоря языкомъ того времени, устроиваются траншеи, подводятся апроши, и только послѣдній день штурма предоставлялся случаю. Внезапная кончина кронпринцессы, съ которой, по слухамъ, жилъ мужъ не хорошо, подаетъ сигналъ. Сочиняется, заднимъ числомъ, первое письмо, и отдается царевичу въ день ея погребенія. Такъ начинается комедія, которая должна была разыграться страшной трагедіей, безпримѣрной въ лѣтописяхъ государствъ и народовъ, отъ которой содрогается сердце и приходитъ въ недоумѣніе разсудокъ.

Письмо—это обвинительный актъ, на который предполагалось сослаться впослѣдствіи.

Оно отдано въ публикѣ, чтобъ приготовить заблаговременно свидѣтелей.

Оно надписано числомъ наканунѣ рожденія у царевича сына, ибо, по рожденіи этого внука, нельзя бы не

упомянуть объ немъ, нельзя грозить вполнѣ о лишеніи наслѣдства, когда явился еще новый полноправный наслѣдникъ.

Письмо отдано, и на другой день рождается у самого царя сынъ.

Какую тревожную ночь провели Петръ и Екатерина въ ожиданіи этого дорогаго гостя, какъ билось у нихъ сердце при всякомъ ощущеніи. Какова радость должна была быть у нихъ при первомъ крикѣ этаго младенца, который приводилъ ихъ торжественно къ цѣли, и увѣнчивалъ все тяжелое темное дѣло. Петръ могъ подумать, что самъ Богъ благословилъ его намѣреніе и его дѣйствіе (но этотъ младенецъ пережилъ недолго своего брата).

Обратимся къ содержанію письма, разберемъ его положеніъ, и сравнимъ съ указами и показаніями другихъ извѣстныхъ источниковъ.

Главное обвиненіе Петра состоитъ въ томъ, что царевичъ не показывалъ расположенія къ военному дѣлу, которое необходимо вообще для всякаго государства, а для Россіи въ особенности, и было предметомъ главныхъ его попеченій.

Нерасположеніе къ войнѣ—развѣ это преступленіе?

Въ заключеніе Петръ, правда, прибавляетъ: „Еще же и сіе вспомяну, какого злаго нрава и упрямаго исполненъ! Ибо сколь много *за сіе* тебя бранивалъ, и не точію бранивалъ, но и бивалъ; къ тому же сколько лѣтъ почитай не говорю съ тобою, но ничто сіе успѣло, ничто не пользуетъ, но все даромъ, все по старому, и ничего дѣлать не хочешь, только-бъ дома жить или веселиться, хотя отъ другой половины (?) и все противно идетъ.“

Хотя въ этихъ словахъ предлагается, казалось бы, обвиненіе общее, но все-таки вставленное слово *за сіе* указываетъ, что рѣчь идетъ о нерасположеніи къ военному дѣлу.

Теперь о брани и битьѣ. Брань и битье не много говорятъ противъ браненыхъ и битыхъ того времени: по чьей же спинѣ не ходила дубинка Петрова? И если когда, то именно при немъ за тычками нельзя было гнаться. Это были минутныя выходки, въ тогдашнемъ порядкѣ вещей, и ими нельзя судить вообще о нравственности или неспособности провинявшихся. Если случались подобныя, въ отношеніи къ царевичу, то кажется теперь только Петръ придалъ имъ значеніе столь важное.

Къ какому времени, однако, могли относиться эти брань и битье? Передъ бракомъ Петръ давалъ разныя порученія царевичу, и исполненіями его былъ доволенъ.

„Къ тому же сколько лѣтъ почитай не говорю съ тобою", пишетъ Петръ. Что-жъ это за методъ наставленія, гдѣ тутъ видно желаніе успѣха, желаніе поправить дѣло?

Напротивъ—здѣсь видно нежеланіе, ибо, если бъ точно желалъ Петръ исправленія, то онъ умѣлъ бы принудить царевича къ дѣятельности, умѣлъ бы принять нужныя для того мѣры, задавать дѣло одно за другимъ и требовать отчета, какъ то было, напримѣръ, въ 1708, 1709 годахъ; умѣлъ бы найти и приставить къ царевичу людей, которые слѣдили бы за всякимъ его шагомъ, и напоминали ему о дѣлѣ. Въ такомъ случаѣ нельзя бы и вообразить его ослушанія. Мы не имѣемъ документовъ ни объ одномъ неисполненномъ приказаніи.

Нѣтъ, Петръ, увлеченный своимъ планомъ, въ послѣднее время не хотѣлъ, съ горестью признаться должно,

чтобъ Алексѣй дѣйствительно занимался дѣломъ и снискивалъ добрую славу, потому-то и оставилъ его на волѣ, а Меншиковъ даже употреблялъ и другія средства: споить его, какъ свидѣтельствовалъ самъ царевичъ.

И когда Петръ не говорилъ съ сыномъ? О времени до брака мы разсуждали выше, а послѣ брака царевичь почти три года былъ въ чужихъ краяхъ—въ арміи, при Меньшиковѣ, съ Гизеномъ, переписывался съ отцемъ, и мы не находимъ никакихъ свидѣтельствъ о подобныхъ отношеніяхъ.

Заключаемъ: обвиненіе натянутое, подъяческое, коварное. Но противъ рожна прати мудрено, особенно такому слабому человѣку, какъ царевичъ.

Послѣдуемъ за событіями.

Царевичь, получивъ письмо, обратился за совѣтомъ къ Александру Кикину, который, нѣкогда любимецъ Петровъ, попался подъ судъ, и по ходатайству царицы недавно получилъ обратно свое имѣніе. Онъ служилъ теперь, кажется, при дворѣ царевны Маріи Алексѣевны, ненавидѣвшей Петра, какъ и прочія наказанныя имъ сестры: Софія, Марѳа, Екатерина. Кикинъ подалъ совѣтъ: отрекись, чтобъ успокоить отца. Князь Василій Володимеровичъ Долгорукій, близкій къ царю, дружный съ княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ, прибавилъ: „Давай писемъ хоть тысячу; еще когда что будетъ; старая пословица: улита ѣдетъ, когда-то будетъ. Это не запись съ неустойкою, какъ мы прежь сего между собою давывали“ (с. 49).

Царевичъ написалъ отвѣтъ, и отрекался отъ престола: „Хотя бы и брата у меня не было, а теперь братъ у меня есть, которому *дай Боже здравія.*„

Послѣ, у цесаря, онъ говорилъ объ этомъ отреченіи, что никогда не соглашался ни за себя, ни за своихъ дѣтей,

и только силою и страхомъ принудили его подписать отреченіе: онъ опасался невольнаго постриженія, смертныхъ побоевъ, опоенія, отравы (с. 71).

Въ Ноябрѣ 1715 года, Петръ издаетъ указъ о наслѣдствѣ. Голиковъ (V, с. 409) приводитъ по этому случаю слова цесарскаго посланника изъ его письма къ первому министру о разговорѣ съ царемъ: „Теперь я понимаю побудительную причину, для которой царь издалъ послѣдній законъ, опредѣляющій все недвижимое родовое имѣніе одному изъ сыновей, но въ то же время предоставляющій отцу полную власть назначать себѣ наслѣдника, безъ всякаго уваженія права старшинства, и я увѣренъ теперь, что царь принялъ намѣреніе исключить отъ наслѣдства старшаго своего сына, такъ что мы нѣкогда увидимъ Алексѣя постриженнымъ, заключеннымъ въ монастырь, и принужденнымъ проводить остатокъ дней своихъ въ молитвѣ и псалмопѣніи. 15 Ноября, 1715 года".

Заготовленіе указа подтверждаетъ мнѣніе о существованіи плана, яснаго даже для современниковъ (1).

Надо же было случиться, что Петръ тогда же занемогъ опять отчаянно. Положеніе его было такъ опасно, что нѣсколько дней всѣ министры и сенаторы ночевали въ царскихъ покояхъ. 2 Декабря онъ пріобщался Св. Таинъ, и до Рождества Христова не выходилъ изъ комнаты. Царевичъ посѣтилъ его только одинъ разъ.

„Отецъ твой не боленъ тяжко" шепталъ ему Кикинъ, „онъ исповѣдывается и пріобщается нарочно, являя людямъ, что гораздо боленъ, а все притворъ. Что же причащается, у него законъ на свою стать" (с. 50).

(1) Голиковъ, приводя письмо посланника (V, с. 409), ссылается на Странствіе по Россіи, Вил. Кокса, книга 4, глава 8, с. 144 и посл.

Если онъ дѣйствительно былъ боленъ, то болѣзнь могла испугать его и Екатерину съ Меншиковымъ, и побудить къ скорѣйшему рѣшенію начатаго дѣла. Если онъ притворялся, то, значитъ, хотѣлъ имѣть для рѣшенія предлогъ.

Какъ бы то ни было, оправясь послѣ истинной или мнимой болѣзни, Петръ пишетъ къ царевичу второе обвинительное письмо, 19 Января, 1716 года.

Спросимъ опять; на что письма, если бъ не было умысла употребить ихъ въ дѣло впослѣдствіи, на предположенномъ судѣ? Развѣ не могли бъ вестись переговоры на словахъ между отцомъ и сыномъ?

Во второмъ письмѣ Петръ придирается еще, если можно такъ выразиться, безотчетнѣе, безлогичнѣе: такъ и видишь, что несчастный отступаетъ передъ нимъ, уклоняется, жмется къ стѣнѣ, а тотъ, съ поднятыми руками, напираетъ плотнѣе и плотнѣе. Ты отказываешься отъ престола, говоритъ онъ, „да развѣ я самъ не могу тебя лишить его, на это есть всегда моя воля, а ты за чѣмъ не отвѣчаешь мнѣ на упреки въ негодности?"

Помилуйте, что отвѣчать ему болѣе, если онъ съ обвиненіемъ вполнѣ соглашается, и даже наказаніе за негодность безусловно принимаетъ, отказывается отъ престола?

Но этого отказа Петру мало. И вотъ какъ онъ разсуждаетъ, продолжая придираться: „Если ты не хочешь отвѣчать о негодности, того ради разсуждаю, что не зѣло смотришь на отцево прещеніе. Что подвигло меня сіе остатнѣе (¹) написать: ибо когда нынѣ не боишься

(1) Г. Устряловъ напечаталъ остатнее. Нѣтъ, это, по смыслу, должна быть сравнительная степень: остатнѣе—окончательнѣе, рѣшительнѣе.

(не боишься), то какъ по мнѣ станешь завѣтъ хранить. Что же приносишь клятву, тому вѣрить невозможно, для вышеписаннаго жестокосердія. Къ тому же Давидово слово: всякъ человѣкъ ложь (кстати ссылка на Псалтирь!). Тако жъ хотя бъ и истинно хотѣлъ хранить, то возмогутъ тебя склонить и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, не во авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зѣло" (с. 51).

Сцена между волкомъ и ягненкомъ разыгрывается передъ нашими глазами въ лицахъ.

Чѣмъ же заключаетъ Петръ свои словоизвитія? „Отмѣни свой нравъ, и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ; ибо безъ сего *духъ мой спокоенъ быть не можетъ*, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ. На что по полученіи сего дай немедленно отвѣтъ, или на письмѣ, или самому мнѣ на словахъ резолюцію. А буде того не учинишь, то я съ тобою *какъ съ злодѣемъ поступлю*.

Какъ съ злодѣемъ поступлю! Слушатели! предчувствуете ли роковую развязку? Слово вырвалось нечаянно,—и сдѣлалось новою ступенью въ собственномъ сознаніи царя!

Что за странное предположеніе не получить отвѣта? Что за странное требованіе: отмѣни свой нравъ? Какой смыслъ имѣло бы обѣщаніе: отмѣню нравъ. Не правда ли, что всѣ эти переговоры имѣютъ на себѣ печать неискренности, неправды?

„Иду въ монахи", отвѣчалъ царевичъ, и въ ту же минуту, какъ онъ произнесъ эти слова, требованныя царемъ, царь нашелъ монашество недостаточнымъ, точно какъ прежде находилъ недостаточнымъ отреченіе. Онъ почувствовалъ, что молодому человѣку, въ полномъ

цвѣтѣ силъ, 24 лѣтъ, съ пріобрѣтенными привычками, невозможно сдѣлаться монахомъ, а съ другой стороны: клобукъ вѣдь къ головѣ не прибиваютъ гвоздями, какъ и дѣйствительно было сказано царевичу.

Черезъ недѣлю Петръ долженъ былъ отправиться за границу. Онъ посѣтилъ больнаго царевича, и сказалъ ему: „Это молодому человѣку не легко; одумайся, не спѣша, потомъ пиши ко мнѣ, чтò хочешь дѣлать, а лучше бы взяться за прямую дорогу, нежели идти въ чернецы. Подожду еще полгода“.

Тягостно предполагать въ немъ лицемѣріе; не говорилъ ли онъ искренно? Такъ къ чему жъ было говорить! На что были Петру отвлеченныя обѣщанія: буду стараться, буду исправляться, буду заниматься. Возьми его съ собою просто, и заставляй дѣлать, чтò угодно.

Видно, что въ головѣ у Петра происходило смущеніе: онъ не зналъ, какъ ему кончить задуманное дѣло. Мысли смѣнялись и перепутывались.

Могу сообщить здѣсь кстати одно замѣчаніе Пушкина, средь безконечныхъ нашихъ споровъ съ нимъ, о Борисѣ Годуновѣ, котораго я всегда оправдывалъ, а онъ обвинялъ: „Неужели вы думаете“, сказалъ онъ мнѣ однажды, „что человѣкъ, сколько-нибудь нравственный, не злодѣй, можетъ спокойно обдумывать преступный умыселъ? Нѣтъ, онъ всегда торопится отъ него прочь, удерживая только первую мысль, какъ она попалась, ему тяжко возвращаться къ своему намѣренію, и онъ старается какъ бы скорѣе отдѣлаться; онъ не можетъ ничего додумывать. Вотъ почему Годунову не могли придти въ голову тѣ соображенія, коихъ вы теперь у него требуете. Вотъ почему не могъ онъ приготовиться, чтобъ отвѣчать вамъ по пунктамъ на ваши логическіе запросы“.

Точно такъ и Петръ былъ въ нерѣшительности касательно мѣръ—какимъ образомъ избавиться отъ сына. Лишь только основная мысль не давала ему покоя, и онъ самъ писалъ: „Духъ мой спокоенъ быть не можетъ".

Вслѣдъ за царемъ отправился въ Карлсбадъ Кикинъ, и обѣщалъ царевичу сыскать ему мѣсто въ чужихъ краяхъ, въ исполненіе мысли, давно уже ходившей въ ихъ кругу, и считавшейся единственнымъ средствомъ спасенія царевичу; въ послѣднюю поѣздку, совѣтовалось остаться гдѣ-нибудь въ чужихъ краяхъ, подъ предлогомъ болѣзни, чтобы протянуть какъ-нибудь года два-три, а тамъ что̀ Богъ дастъ, то и будетъ. *Авось* входило въ планъ царевича и его партіи, точно какъ и въ планъ царя съ своими наперсниками. Авось царь умретъ, думали одни; авось царевичъ какъ-нибудь попадется, и самъ причинитъ себѣ гибель, думали другіе.

Черезъ семь мѣсяцевъ Петръ прислалъ изъ Копенгагена курьера съ третьимъ письмомъ: рѣшайся—или сей-часъ пріѣзжай на войну, или постригайся.

Неужели Петръ хотѣлъ, чтобы царевичъ пріѣхалъ, и вдругъ принялся за войну. Какую важность, какое значеніе имѣло бъ это насильственное занятіе? Ясно, что Петръ не имѣлъ въ виду такого неблагонадежнаго исправленія, а говорилъ, чтобы сказать что-нибудь, и вызвать какія-нибудь новыя обстоятельства поудобнѣе,—это новый ходъ въ шахматной игрѣ, а можетъ быть и обстоятельства были уже подготовлены, и ходъ велъ къ мату.

Царевичъ, по крайней мѣрѣ, былъ увѣренъ, что зовутъ его не учиться, а хотятъ какъ-нибудь извести. Онъ прямо сказалъ послѣ графу Шонборну: „За годъ предъ симъ отецъ принуждалъ меня отказаться отъ пре-

стола и жить частнымъ человѣкомъ, или постричься въ монахи; а въ послѣднее время курьеръ привезъ повелѣніе — либо ѣхать къ отцу, либо заключиться въ монастырь: исполнить первое значило погубить себя озлобленіемъ и пьянствомъ; исполнить второе—потерять тѣло и душу". (с. 67).

Царевичъ получилъ письмо и отвѣчалъ: ѣду, а самъ рѣшался съ дороги бѣжать, въ надеждѣ на Кикинскія приготовленія, кои, видно, были обезпечены, и все дѣло было устроено заблаговременно и свѣдомо.

Гдѣ же ты оставишь Евфросинью? спросилъ царевича Меньшиковъ. „Я возьму ее до Риги, а потомъ отпущу". Возьми ее лучше съ собою, замѣтилъ Меньшиковъ.—Подвохъ это или нѣтъ? Какого исправленія желалъ, къ какимъ трудамъ призывалъ Меньшиковъ царевича, совѣтуя брать съ собою любовницу? Долженъ ли онъ былъ побояться Петра за такой совѣтъ? Петръ шутить не любилъ. Значитъ, онъ совѣтовалъ, надѣясь на Петра, былъ увѣренъ, что не подвергнется его гнѣву за свой предательскій совѣтъ.

Отъѣзжая, царевичъ ѣздилъ въ сенатъ проститься съ сенаторами, которые всѣ выразили ему свое сочувствіе, 26 сентября 1716 года.

На пути, изъ Риги, не доѣзжая Либавы, встрѣтился онъ съ теткою, царевною Маріей Алексѣевной, которая ѣздила лечиться въ Карлсбадъ, и имѣлъ съ нею сердечную бесѣду: „Я тебя люблю и всегда рада всякаго добра, не много васъ у насъ; только бъ ты ласковъ былъ" (с. 57), говорила она ему, послѣ данныхъ совѣтовъ.

Въ Либавѣ царевичъ встрѣтился и съ Кикинымъ. Судьба благопріятствовала несчастному, обреченному на

гибель, и утѣшала его передъ казнію. Кикинъ обнадежилъ его, и указалъ Вѣну.

Проѣхавъ Данцигъ, царевичъ исчезъ.

Остановимся на этомъ рѣшительномъ событіи. Можетъ быть, оно было подготовлено самимъ царемъ, какъ мы намекнули выше. Вотъ что́ возбуждаетъ въ насъ подобное подозрѣніе:

Царевичъ рѣшился бѣжать, удостовѣренный Кикинымъ, что у цесаря готово ему вѣрное убѣжище. А кто увѣрилъ Кикина въ такомъ покровительствѣ, которое рѣшило его ступить этотъ важный и опасный шагъ, грозившій смертью? Не могъ же Кикинъ говорить, не застраховавъ его, такъ сказать, вполнѣ! Кто же убѣдилъ Кикина? Веселовскій, первый, дѣятельный и ревностный агентъ Петровъ во всемъ этомъ дѣлѣ (резидентъ въ Вѣнѣ). Онъ сказалъ Кикину, что не воротится въ Россію, и тѣмъ снискалъ его довѣренность. Кикинъ, основываясь на его словахъ, увѣрилъ царевича: „Поѣзжай въ Вѣну, къ цесарю, тамъ не выдадутъ. Сказывалъ мнѣ Веселовскій, что его спрашиваютъ при дворѣ: за что́ тебя лишаютъ наслѣдства? Я ему отвѣчалъ: знаешь самъ, что его не любятъ; я чаю для того больше, а не для чего инаго. Веселовскій говорилъ о тебѣ съ вицеканцлеромъ Шонборномъ, и по докладу его цесарь сказалъ, что приметъ тебя, какъ сына: вѣроятно дастъ денегъ тысячи по три гульденовъ въ мѣсяцъ“ (с. 57).

Веселовскаго вызвалъ Петръ въ Амстердамъ, при извѣстіи о совершившемся бѣгствѣ; Веселовскому далъ инструкцію и грамоту къ цесарю, какъ будто зналъ напередъ, что царевичъ у цесаря. Веселовскій развѣдалъ о путешествіи и пребываніи царевича, подкупилъ имперскихъ чиновниковъ, руководствовалъ Толстымъ и Румянцевымъ; былъ, однимъ словомъ, правою рукой Петра.

Изъ описанія Шонборномъ первой встрѣчи его съ царевичемъ слѣдуетъ заключить, что она была неожиданною. Не обманывалъ ли Веселовскій Кикина, и не извѣстилъ ли тотчасъ Петра, который тогда и вызвалъ сына, чтобы дать ему поводъ выѣхать изъ Россіи? У цесаря изъ-подъ покровительства я всегда, де, могу его вытребовать, по народному праву, а если и не вытребую, то, бѣглецъ и передатчикъ, онъ лишится права и надежды вступить когда-нибудь на престолъ, даже не будетъ имѣть средствъ поспѣть во время изъ такой дали. Такъ были, можетъ быть, разложены сѣти, и несчастный попался въ нихъ въ ослѣпленіи.

И этотъ Веселовскій, послѣ казни царевича, скрылся неизвѣстно куда, бѣжалъ со службы. Чтó за причина такого внезапнаго бѣгства? Петръ употреблялъ всѣ старанія, чтобъ найдти его, и предлагалъ 20 тысячъ ефимковъ тому, кто его отыщетъ. Почему же такъ дорожилъ онъ личностію Веселовскаго? Веселовскій не могъ быть уличенъ въ потворствѣ царевичу, не могъ провиниться въ участіи, для него благопріятномъ, не могъ потому, что *онъ*, по документамъ, нашелъ царевича, и устроилъ самую выдачу, былъ полезенъ Петру больше всѣхъ. Когда Кикинъ показалъ, что Веселовскій удостовѣрилъ его въ готовности цесаря покровительствовать царевичу, почему не былъ тотчасъ вызванъ Веселовскій для объясненія, какъ вызвана была царица Евдокія Ѳ., царевна и всѣ сановники, которыхъ имя чуть выговаривалось при розыскѣ? Не обладалъ ли Веселовскій такими тайнами, которыя счелъ, рано или поздно, опасными для себя, и потому онъ разсудилъ спастись заблаговременно въ Англію. (Ахъ, если бы онъ, умершій ста лѣтъ въ Женевѣ, оставилъ какія-нибудь записки: онѣ разъяснили бы процессъ царевича окончательно!)

Подозрѣнія наши, можетъ быть, неосновательны, но онѣ имѣютъ свою степень вѣроятности, и какъ весь этотъ періодъ состоитъ изъ подозрѣній, то одно лишнее не много увеличитъ ихъ количество (1).

Окольными дорогами, черезъ Пирицъ, Франкфуртъ на Одерѣ, Бреславль, Лигницъ, Нейсу, Прагу, явился онъ въ Вѣнѣ, и обратился къ вице-канцлеру графу Шонборну.

Здѣсь является несомнѣнный документъ, записка подробная графа Шонборна объ этомъ свиданіи. Вотъ главныя черты, кромѣ приведенныхъ выше:

„Я пришелъ сюда просить императора, моего шурина", сказалъ царевичъ, „о покровительствѣ, о спасеніи самой жизни моей. Меня хотятъ погубить, меня и бѣдныхъ дѣтей моихъ хотятъ лишить престола".

Произнося эти слова, царевичъ озирался и бѣгалъ по комнатѣ. Вицеканцлеръ спросилъ: чего онъ желаетъ? „Императоръ долженъ спасти мою жизнь, обезпечить мои и дѣтей моихъ права на престолъ. Отецъ хочетъ лишить меня и жизни, и короны. Я ни въ чемъ не виноватъ, я ничего не сдѣлалъ моему отцу."

„Отецъ мой окруженъ злыми людьми, до крайности жестокосердъ и кровожаденъ, думаетъ, что онъ, какъ Богъ, имѣетъ право на жизнь человѣка, много пролилъ невинной крови, даже часто самъ налагая руку на несчастныхъ страдальцевъ; къ тому же, неимовѣрно

---

(1) Г. Семевскій, с. 14, приводитъ слова Голикова, весьма сюда приличныя, которыхъ я, впрочемъ, нигдѣ не нашелъ; „Казалось, монархъ давно уже былъ готовъ къ начинающейся драмѣ; въ головѣ его уже была рѣшена ея развязка, и онъ только сердился на медленный ходъ дѣла".

гнѣвенъ и мстителенъ, не щадитъ человѣка, и если императоръ выдастъ меня отцу, то все равно, что лишитъ меня жизни. Если бы отецъ и пощадилъ, то мачиха и Меньшиковъ до тѣхъ поръ не успокоятся, пока не запоятъ, или не отравятъ меня" (с. 68).

Когда графъ Шонборнъ сказалъ, что, можетъ быть, найдется средство примирить его съ отцомъ, царевичъ, отвергая всякую надежду на примиреніе, съ горькими слезами просилъ принять его при цесарскомъ дворѣ открыто и оказать покровительство, повторяя, что императоръ великій государь и ему шуринъ (с. 68).

Начались на другой день министерскія совѣщанія и разсужденія. Рѣшено: принять царевича подъ покровительство цесаря тайно, и не выдавать, противъ воли, царю, стараясь о примиреніи.

Послѣ долгаго размышленія царевичъ согласился исполнить волю императора, умоляя объ одномъ: „Не выдавать его отцу; съ отцомъ онъ готовъ примириться, но идти къ нему ни за что́ въ свѣтѣ не согласенъ: въ такомъ случаѣ, онъ погибнетъ тѣломъ и душею" (с. 69).

Теща и свояченица царевича, императрица, разумѣется ходатайствовали въ его пользу и въ пользу его дѣтей, столько къ нимъ близкихъ.

Кромѣ родственнаго участія, кромѣ возможностей въ его пользу, цесарю было выгодно всегда имѣть въ своихъ рукахъ такой драгоцѣнный залогъ.

Опредѣлено: для сохраненія тайны, жить царевичу въ Тиролѣ, въ за́мкѣ Эренбергъ.

Въ Эренбергѣ прожилъ царевичъ слишкомъ четыре мѣсяца.

Между тѣмъ царь, напрасно дожидаясь два мѣсяца царевича, послѣ донесенія курьера Сафонова, отъ 11-го

октября 1716 года, что царевичъ ѣдетъ вслѣдъ за нимъ, встревожился, искренно или притворно, и разослалъ гонцовъ во всѣ стороны провѣдывать объ его пребываніи.

Главная роль, какъ выше, мимоходомъ, замѣтили, досталась сначала резиденту Вѣнскому, Веселовскому, котораго царь вызвалъ въ Амстердамъ, снабдилъ всѣми нужными наставленіями и далъ грамоту къ цесарю, прося о содѣйствіи.

Проворнымъ, неутомимымъ, догадливымъ слугамъ Петровымъ удалось, не смотря на всѣ старанія Австрійцевъ, открыть тайное убѣжище царевича.

Веселовскій провѣдалъ, чрезъ подкупленнаго докладчика тайной канцеляріи, Дальберга, февраля 20-го, 1717 года, что царевичъ находится въ цесарскихъ владѣніяхъ, и что его можно, при содѣйствіи четырехъ или пяти офицеровъ, схватить и увезти тайно въ Мекленбургію.

Петръ, по извѣщенію Веселовскаго, прислалъ тотчасъ Румянцева съ 4 офицерами, которые пріѣхали въ Вѣну 19 марта, но было уже поздно: 17 марта царевичъ, какъ Веселовскій узналъ, былъ въ Тиролѣ. Онъ отправилъ Румянцева въ Тироль для наблюденій, а самъ вошелъ въ оффиціальныя сношенія съ министерствомъ, которое волочило его долго, не давая никакихъ опредѣленныхъ отвѣтовъ.

Между тѣмъ въ Москвѣ и Петербургѣ разнеслись слухи о бѣгствѣ царевича. Многіе знатные господа тайно присылали ко мнѣ, говоритъ имперскій резидентъ Плейеръ, и къ другимъ иностранцамъ, спрашивать, не получали ль мы въ своихъ письмахъ извѣстій объ немъ. Ко мнѣ приходили два служителя его, также съ разспросами: они горько плакали и говорили, что царевичъ взялъ здѣсь у Мюнстера 2 тысячи червонныхъ, да

въ Данцигѣ двѣ, и прислалъ имъ приказъ: продавъ тайно свою движимость, уплатить по векселямъ. Послѣ того они не получали объ немъ никакихъ извѣстій. Между тѣмъ сказываютъ подъ рукою, что близъ Данцига онъ схваченъ царскими людьми, и отвезенъ въ отдаленный монастырь, только неизвѣстно, живъ или умеръ; по словамъ другихъ, онъ ушелъ въ Венгрію, или въ иныя земли императора, и нынѣшнимъ лѣтомъ пріѣдетъ къ матери своей. Гвардейскіе полки, составленные большею частію изъ дворянъ, замыслили съ прочими войсками въ Мекленбургіи царя убить, а царицу привезти сюда и заключить съ дѣтьми въ тотъ самый монастырь, гдѣ сидитъ прежняя царица, ее освободить и правленіе вручить кронпринцу.

Начались шептанія, молитвы, извѣщенія, догадки, переговоры, желанія, свиданія,—предметы будущихъ розысковъ, причины будущихъ казней. Несчастные! удержитесь, умолкните! Чтó вы себѣ готовите?

Цесарь, увидѣвъ, что скрываться болѣе нельзя, послалъ къ царевичу секретаря Кейля сообщить отцовскую грамоту, и спросить его рѣшенія; въ случаѣ намѣренія остаться—переѣхать въ Неаполь. „Царевичъ все сказанное ему съ величайшимъ вниманіемъ выслушалъ, потомъ прочиталъ отцовское письмо; оно сильно поразило его. Не говоря секретарю ни слова, онъ бѣгалъ по комнатѣ, махалъ руками, плакалъ, рыдалъ, говорилъ самъ съ собою на своемъ языкѣ; наконецъ упалъ на колѣни, и обливаясь слезами, поднявъ руки къ нему, вскричалъ: „О, умоляю императора, именемъ Бога и всѣхъ святыхъ, спасти мою жизнь и не покинуть меня, несчастнаго, Иначе я погибну. Я готовъ ѣхать, куда онъ прикажетъ, и жить какъ велитъ, только бы

не выдавали меня несправедливо-раздраженному отцу! „Жалобамъ и моленіямъ не было конца“ (с. 81).

Царевичъ прибылъ въ Неаполь 6-го маія. Цесарскіе министры думали, что скрыли его пребываніе, а 26 іюня Румянцевъ, слѣдовавшій издали за путешественникомъ изъ Тироля до Неаполя, и слетавшій послѣ къ царю въ Спа съ донесеніемъ, явился вмѣстѣ съ Толстымъ въ Вѣнѣ, требовать вновь у цесаря выдачи Алексѣя, объяснить все дѣло, по крайней мѣрѣ исходатайствовать свиданіе съ царевичемъ въ Неаполѣ, и вручить ему отцовское письмо: „Пусть разсудитъ, что онъ учинилъ, и какъ ему во весь свой вѣкъ въ такомъ странствіи и заключеніи быть. И того бъ ради послушалъ нашего родительскаго увѣщанія, возратился къ намъ, а мы ему тотъ проступокъ простимъ, и примемъ его паки въ милость нашу, и обѣщаемъ содержать его отечески во всякой свободѣ и довольствѣ, безъ всякаго гнѣва и принужденія. *Употреблять* впрочемъ удобь вымышленныя раціи и аргументы (с. 99)“.

Посланники Петровы приступили къ цесарю, напали на министровъ, уговаривали, кланялись, грозили, и, главное, сыпали деньги, подкупали, и исходатайствовали приказаніе Неаполитанскому вицерою Дауну стараться, чтобъ царевичъ согласился на добровольное возвращеніе. Цесарь, впрочемъ, самъ по себѣ не хотѣлъ выдавать, но министры желали отъ него избавиться: принцъ Евгеній и графъ Цинзендорфъ.

Чтобъ подать понятіе о характерѣ слугъ Петровыхъ, довольно указать только на слѣдующія слова въ инструкціи Вѣнскаго министерства Неаполитанскому вицерою: „Свиданіе должно быть такъ устроено, чтобъ никто изъ Москвитянъ (отчаянные люди и на все спо-

собные) не напалъ на царевича, и не возложилъ на него руки, хотя я того и не ожидаю„. (107(.

Каково впечатлѣніе, видно, произвели они въ чужомъ городѣ, явясь просителями!

Бѣдный царевичъ! Тучи собрались надъ твоей головою, вотъ уже засверкали молніи, и скоро грянетъ громъ!

Толстой и Румянцевъ прибыли въ Неаполь 24 Сентября. Первое свиданіе ихъ съ Алексѣемъ происходило во дворцѣ у вицероя, по предварительному съ ними условію.

Какъ упало сердце несчастнаго, когда онъ увидѣлъ страшныя лица трабантовъ Петровыхъ. „Царевичъ трепеталъ отъ страха, опасаясь, что его убьютъ", такъ доноситъ цесарю намѣстникъ, „болѣе всего боялся капитана Румянцева, и попросилъ для отвѣта времени на размышленіе".

Начились новыя козни, убѣжденія, обѣщанія; пущены въ ходъ именно всякія раціи и аргументы: подкупленъ былъ секретарь вицероевъ, Вейнгардтъ, которому взадатокъ дано 160 червонныхъ; найдена дорога къ возлюбленной царевича, Евфросиньѣ, которую царевичь, по словамъ самого Толстаго, любилъ страстно.

Долго, однако жъ, царевичъ держался, и твердилъ одно, что воротиться ни за что на свѣтѣ несогласенъ. Послѣ трехъ аудіенцій, Толстой и Румянцевъ отчаялись въ успѣхѣ, о чемъ и написали къ Веселовскому, 1 Октября, требуя отъ него новыхъ инструкцій вицерою.

„Вамъ надлежитъ нынѣ трудиться, чтобъ какъ ему отписали по жесточае, что за него царь ссориться не станетъ; то ежели такъ опишутъ, еще нѣкоторая надежда маленькая будетъ" (с. 505).

Въ послѣдній разъ они рѣшились на отчаянный при-

ступъ съ трехъ сторонъ. Секретарь, вкравшійся къ царевичу въ довѣренность, и передавшій ему, будто за тайну, переговоры Толстаго съ вицероемъ, долженъ былъ отнять у него надежду на покровительство цесаря, въ случаѣ если царь будетъ требовать сына съ оружіемъ въ рукахъ; по теперешнимъ обстоятельствамъ, это, де, даже невозможно, ибо война съ Турками не кончилась, а съ Испаніей начинается. Вицерой долженъ былъ объявить, что разлучитъ его съ Евфосиньею, ибо нужно, де, лишить царя предлога къ обвиненіямъ. Толстой придумалъ испугать вновь полученнымъ письмомъ о скоромъ прибытіи царя въ Италію, и свиданіи съ царевичемъ, свиданіи, котораго никто, де, остранить не можетъ.

Вотъ какія опасности представлены были несчастному царевичу, и всѣ онѣ были въ его глазахъ очень вѣроятны и возможны.

Съ другой стороны, обѣщалось полное прощеніе и жизнь на свободѣ въ деревнѣ съ любезною Евфросиньею.

Евфросинья, обольщенная, въ свою очередь разными обѣщаніями, вовлечена въ заговоръ, и ей предназначалось придать окончательную силу всѣмъ вышеизложеннымъ представленіямъ.

Тяжелый выборъ предстоялъ царевичу, и онъ, послѣ продолжительной борьбы, поддался обману.

Секретарь, получивъ задатокъ, съ обѣщаніемъ большей награды, устроилъ послѣднее роковое свиданіе. Здѣсь Толстой объявилъ царевичу, уже разтроенному, что отецъ, отъ котораго получилъ будто бы собственноручное письмо, скоро пріѣдетъ въ Неаполь: „Кто можетъ“, сказалъ онъ царевичу, съ видомъ сожалѣнія, „запретить видѣть тебя.... Тебѣ самому извѣстно, что его величество въ Италію давно ѣхать намѣренъ, а теперь для сего случая всеконечно скоро поѣдетъ“ (с. 117).

Эти слова привели царевича въ такой страхъ, что онъ въ ту минуту сказалъ: „Я поѣду къ отцу, позвольте мнѣ только жить въ деревнѣ и не отнимайте Евфросиньи. Пріѣзжай завтра съ Румянцевымъ, и я скажу вамъ свой отвѣтъ".

„Не только дѣйствительный походъ", писалъ Толстой, „но и одно намѣреніе быть въ Италіи добрый ефектъ ихъ величествамъ и всему Російскому госсударству принесли" (с. 118).

Толстой передалъ тотчасъ весь разговоръ вицерою, и просилъ немедленно, чтобъ усугубить ударъ, отлучить отъ царевича Евфросинью. Тотъ послалъ за нею. Царевичъ сказалъ, чтобъ подождали до утра,—а по утру изъявилъ рѣшительное свое согласіе на вышеизложенныхъ условіяхъ. Толстой и Румянцевъ обѣщали все, приводя собственныя слова царя, доказывая порукою цесаря, вицероя и министровъ.

Толстой, въ донесеніяхъ къ царю, совѣтовалъ согласиться на просьбу царевича о бракѣ для того, чтобъ; 1) изъ нея всѣ увидѣли, каковъ царевичъ, 2) чтобъ цесарь потерялъ къ нему довѣренность, и 3) что уже отъимется опасность о его *пристойной женитьбѣ къ доброму свойству, отъ чего еще и здѣсь не безопасно* „Пусть царь напишетъ о своемъ согласіи; если же не хочетъ, то пусть отложитъ до Петербурга.... и не станетъ мыслить чего инаго, а мнѣ мнится, что сіе ничему предбудущему противно не будетъ, но и въ своемъ государствѣ покажется, какого онъ свойства" (с. 409).

Ясно ли, присоединяю замѣчаніе къ прежнимъ, что царевичу никто изъ окружающихъ царя, дѣйствовавшихъ въ его духѣ, не желалъ добра, и не думалъ объ его нравственности или исправленіи: какъ Меншиковъ совѣтовалъ прежде взять съ собою Евфросинью, такъ

Толстой теперь совѣтуетъ согласиться на женитьбу съ нею, и тѣмъ отмѣнить опасность о его пристойной женитьбѣ къ доброму свойству, „отъ чего еще и здѣсь не безопасно„.

Царевичъ написалъ письма къ царю ,цесарю и министрамъ.

Царь, получивъ извѣстіе о счастливомъ окончаніи, былъ внѣ себя отъ радости, обѣщалъ все собственноручно нѣсколько разъ, лишь бы ѣхалъ скорѣе царевичъ, котораго ждалъ онъ, какъ воронъ крови. Представимъ его письма.

17 Ноября 1717.

Мой сынъ! Письмо твое, въ 4-й день Октября писанное, я здѣсь получилъ, на которое отвѣтствую, что просишь прощенія: которое уже вамъ предъ симъ, чрезъ господъ Толстова и Румянцева, письменно и словесно обѣщано, что и нынѣ подтверждаю, въ чемъ будь весьма надеженъ. Также о нѣкоторыхъ твоихъ желаніяхъ писалъ къ намъ господинъ Толстой, которыя также здѣсь вамъ позволятся, о чемъ онъ вамъ объявитъ“ (с. 420).

Къ Толстому, также отъ 17 Ноября, 1717 года, изъ Петербурга.

Мой господинъ! Между другими доношеніями, писалъ ты, что сынъ мой желаетъ жениться на той дѣвкѣ, которая у него, также, чтобъ ему жить въ своихъ деревняхъ,—и то, когда сюда прибудетъ, позволено ему будетъ; а буде, когда здѣсь не похочетъ, то можно гдѣ и въ его деревнѣ учинить, по прибытіи сюда.

22 Ноября, 1717, Толстому и Румянцеву.

Мои господа! Письмо ваше получилъ, и что сынъ мой, повѣря моему прощенію, съ вами дѣйствительно уже сюда поѣхалъ, что меня зѣло обрадовало. Что пишете, что желаетъ жениться на той, которая при немъ,—и въ

томъ ему весьма позволится, когда въ наши края пріѣдетъ, хотя въ Ригѣ или въ своихъ городахъ, или хотя въ Курляндіи у племянницы въ домѣ. А чтобъ въ чужихъ краяхъ жениться, то больше стыда принесетъ. Буде же сомнѣвается, что ему не позволятъ, и въ томъ можетъ разсудить: когда я ему великую такъ вину отпустилъ, а сего малаго дѣла, для чего мнѣ ему не позволить? О чемъ и напередъ сего съ Танѣевымъ писалъ, и въ томъ сего обнадежилъ, что и нынѣ паки подтверждаю; также и жить, гдѣ похочетъ, въ своихъ деревняхъ, въ чемъ накрѣпко моимъ словомъ обнадежте его. А что я къ нему о семъ не писалъ,—для того, что онъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ не помянулъ. Однако жъ и сіе письмо моей же руки.

Къ царевичу, 22 Ноября, 1717, изъ Петербурга.

Письмо ваше изъ Аверзы, Октября 14 дня писанное, я сего дня получилъ, въ которомъ пишете о своемъ отъѣздѣ сюда, что мя гораздо обрадовало, котораго сюда вскорѣ ожидаю.

P. S. Писали къ намъ господинъ Толстой и Румянцевъ о вашемъ желаніи, о чемъ я позволилъ, и писалъ къ нимъ пространно, въ чемъ будьте весьма благонадежны.

Все дѣло было, такимъ образомъ, устроено.

Начались сборы въ возвратной путь. Царевичъ ѣздилъ съ Толстымъ въ Бари помолиться, несчастный, мощамъ Чудотворца Николая.

Ревностные, неутомимые исполнители царской воли, Толстой и Румянцевъ, приняли всѣ мѣры предосторожности, чтобъ путешествіе совершилось безпрепятственно, и чтобъ жертва не избѣгла пріуготовленной участи.

Для Евфросиніи былъ устроенъ особый поѣздъ, подъ предлогомъ ея беременности и невозможности ѣхать спѣшно.

Вѣну, гдѣ царевичъ собирался благодарить цесаря, „о нѣкоторыхъ своихъ нуждахъ просить", они миновали, проѣхавъ ночью, и выѣхавъ рано утромъ безъ вѣдома министровъ.

Въ Брюннѣ, гдѣ цесарь, оскорбленный такимъ тайнымъ проѣздомъ чрезъ Вѣну, велѣлъ остановить путешественника, Толстой не допустилъ до объясненій съ царевичемъ губернатора, которому велѣно объявить, что цесарь готовъ держать его у себя подъ покровительствомъ, если то ему угодно, что онъ можетъ прекратить снова путешествіе.

Четыре почты были остановлены въ Россіи, чтобы не присланъ былъ царевичу какой-нибудь совѣтъ перемѣнить свое намѣреніе, которое содержалось въ тайнѣ (с. 121).

Января 1-го, съ дороги при Данцигѣ, царевичъ совершенно спокойный, писалъ къ брату Евфросиньи: "Прошу васъ для Бога, сестры своей, а моей, хотя еще несовершенной, однако жъ повелѣніе уже имѣю, жены беречи, чтобъ не печалилась, понеже ничто помѣшало которому окончанію, только ея бремя, что дай Боже благополучно свободиться."

Къ служителямъ: „Подтверждаю, будьте къ женѣ моей почтительны, и утѣшайте ее, чтобъ не печалилась".

Евфросинья отъ того же числа, изъ Ниренберга, къ нему писала: „Благодарю за писаніе твое, въ которомъ изволишь писать о радости неизглаголанной, о сочетаніи нашего брака возвѣщать.... а что изволили приказать, чтобъ брату и г. Беклемишеву и молодцамъ сію радость объявить, и я объявила имъ и повеселились 16 февраля."

Всѣ желанія, какъ царевича, такъ и Евфросиньи, исполнялись дорогою безпрекословно. Служители, бабка, священникъ, высланы были ей на встрѣчу. Нѣжная,

частая переписка съ Евфросиньей получала полное содѣйствіе. Обѣщанія безпрестанно повторялись. Даже изъ Твери, подъ Москвою, за нѣсколько дней до розыска и суда, очарованный царевичъ писалъ къ ней, когда возвратился къ нему Толстой, уѣзжавшій изъ Риги предупредить царя:

„Слава Богу, все хорошо, я чаю меня отъ всего уволятъ, что намъ жить съ тобою, будетъ Богъ позволитъ, въ деревнѣ, и ни до чего намъ дѣла не будетъ.... Для Бога не печалься, все Богъ управитъ„.

А Толстой вотъ какъ поздравлялъ ее:

„Государыня моя, Авфросинья Ѳедоровна! Поздравляю васъ, мою государыню, съ благополучнымъ пріѣздомъ въ свое отечество государя царевича: понеже все такъ исправилось, какъ вы желали, милостію Божіею. Дай Боже, вашу милость, мою государыню, вскорѣ намъ купно при государѣ царевичѣ видѣть" (с. 437).

Сердце кровью обливается, читая это предательское письмо, которое писалось, когда въ тюрьмахъ уже растворены были двери.

Царевичъ, обнадеженный, обольщенный, въ полной увѣренности и надеждѣ жить спокойно и счастливо, въ объятіяхъ своей любезной Евфросиньи, приближался къ Москвѣ.

Остановимся здѣсь, соберемъ всѣ разсѣянныя черты его характера, и постараемся составить о немъ ясное понятіе.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ былъ не только не глупъ, но даже очень уменъ, съ примѣчательнымъ разсудкомъ. Самое убѣдительное тому доказательство представляютъ собственноручныя его донесенія отцу, во

время управленія Москвою, и при исполненіи разныхъ порученій, объясненія съ цесаремъ, рѣчи, обращенныя къ Шонборну, письма, писанныя въ Россію въ сенатъ и къ архіереямъ, даже показанія, сдѣланныя въ судѣ, подъ пыткою, отвѣты на допросные пункты, писанные безъ приготовленія. То же доказываютъ многіе разговоры его о политическихъ дѣлахъ, сужденія о Россіи и другихъ государствахъ, извѣстныя по несомнѣннымъ документамъ (с. 246, 248). Умъ виденъ и въ его глазахъ, судя по портрету.

Онъ былъ достаточно образованъ: объяснялся и писалъ по русски и нѣмецки хорошо, и если не любилъ заниматься, то и не прочь былъ отъ занятій, читалъ книги, заботился о книгахъ, дѣлалъ выписки даже во время болѣзни, въ Карлсбадѣ, просилъ о доставленіи книгъ и выписывалъ, любопытствовалъ осматривать разныя достопримѣчательности (с. 248, 250).

Былъ набоженъ, по крайней мѣрѣ твердо зналъ уставъ церковный, безпрестанно просилъ священника для себя въ Неаполь, и потомъ для своей возлюбленной; ѣздилъ изъ Неаполя, передъ отъѣздомъ въ Россію, молиться мощамъ святителя Николая Чудотворца въ Бари.

Изъ обращенія съ людьми видно его доброе и снисходительное сердце.

Готовъ былъ сознаваться въ своихъ ошибкахъ и проступкахъ, что̀ видно, напримѣръ, изъ разговора съ Аѳанасьевымъ, и самыхъ объясненій, поданныхъ цесарю.

Множество замѣтокъ и распоряженій показываетъ способность его къ хозяйству (с. 34, 425).

Онъ не любилъ войны, это правда, ибо свидѣтельствуется не только его отцомъ, но и имъ самимъ, въ объясненіяхъ цесарю, и замѣчаніемъ тещи: „Я натуру

царевичеву знаю; отецъ напрасно трудится и принуждаетъ его къ воинскимъ дѣламъ: онъ лучше желаетъ имѣть въ рукахъ своихъ четки, нежели пистолеты“ (с. 106).

Вообще отъ природы онъ былъ человѣкъ недѣятельный, и въ этомъ отношеніи противоположный отцу, дѣятельности кипучей, чѣмъ и подавалъ ему, можетъ быть, поводъ оправдывать логически свою къ нему антипатію. Занятій отцовыхъ онъ не любилъ, утверждаемый въ образѣ такихъ мыслей своими приближенными: „Когда позовутъ на обѣдъ, или при спускѣ корабля“, говорилъ онъ, „лучше мнѣ на каторгѣ быть“. Враги старались еще усиливать отвращеніе, принуждая его стоять иногда на морозѣ, заставляя пить, и дѣлая ему всякія непріятности.

Впрочемъ, онъ любилъ самъ попить и погулять, какъ свидѣтельствуетъ Плейеръ и графъ Шонборнъ. Царевичъ сознавался въ этомъ порокѣ, складывая вину на Меншикова, который старался пріучить его къ питью (с. 34).

Питье тогда было въ общей модѣ, на пирахъ у его отца. Царевичъ призналъ, впрочемъ, порочность этой привычки и старался уклоняться отъ случаевъ.

Царевичъ не отличался скромностію и любилъ поболтать, въ кругу единомышленныхъ съ собою пріятелей, подъ пьяную руку: „Когда будетъ государемъ“, онъ говаривалъ, „и тогда будетъ жить въ Москвѣ, а Петербургъ оставитъ простой городъ, также и корабли оставитъ, и держать ихъ не будетъ; а и войска-де, станетъ держать только для обороны, а войны ни съ кѣмъ имѣть не хотѣлъ, а хотѣлъ довольствоваться старымъ владѣніемъ, и намѣренъ былъ жить зиму въ Москвѣ, а лѣто въ Ярославлѣ. И когда слыхалъ о какихъ видѣніяхъ, или читалъ въ курантахъ, что въ Петер-

Да и не могли бы показывать ему, совершенно безпутному, свое расположеніе такіе люди, какъ князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій, Шереметевъ, Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, первый другъ и руководитель Петровъ, во время его младенчества, Стефанъ Яворскій, Іовъ Новогородскій, Дмитрій Михайловичъ и Михаилъ Михайловичъ Голицыны, о которыхъ мы имѣемъ разнообразныя свидѣтельства.

Замѣтимъ, въ заключеніе, еще одно свойство его характера: это слабость и непостоянство. Онъ не хотѣлъ сначала жениться на кронпринцессѣ и женился; объявлялъ рѣшительно, что отцу не повѣритъ въ прощеніи и повѣрилъ; что ни за что въ Россію не воротится, пока онъ живъ, и воротился. Австрійцы замѣтили это свойство.

Важнымъ несчастіемъ въ его жизни и самымъ предосудительнымъ поступкомъ въ глазахъ публики, это была страсть къ крѣпостной полоненной дѣвкѣ Вяземскаго, Евфросиньѣ, которой судьба предоставила долю несчастнѣе, чѣмъ Екатеринѣ. Онъ узналъ ее, кажется, воротясь изъ предпослѣдняго путешествія, и привязался до безумія. Нельзя вообразить, говоритъ самъ Толстой, какъ онъ ее любитъ, и какія попеченія объ ней прилагаетъ. Возвращаясь въ Россію, онъ дѣйствительно позабылъ, кажется, все, и думалъ только о томъ, чтобы жениться на ней, и жить вмѣстѣ въ деревнѣ, въ какомъ-нибудь Рожественѣ или Обломовѣ, ни объ какихъ дѣлахъ не заботясь. Примѣръ отца и здѣсь имѣлъ нѣкоторое участіе: „Вѣдайте себѣ", писалъ онъ служителямъ, уже проѣхавъ Русскую границу, „что я на ней женюсь: вѣдь, де, и батюшка таковымъ же образомъ учинилъ" (с. 476). (*)

(*) См. дополненіе въ слѣдующей статьѣ.

Вотъ царевичъ, со всѣми его склонностями и пороками, со всѣми своими умыслами и винами. Обратимся теперь къ прерванному повѣствованію.

---

31 Января, предупредивъ отца изъ Риги, о выѣздѣ на другой день и поспѣшеніи, царевичъ пріѣхалъ въ Москву, покойный и веселый.

Пріѣхалъ—и позабыты всѣ клятвы, всѣ обѣщанія, всѣ обнадеживанія. Жертва въ рукахъ, и щадить некого и нечего!

На третій день собраны въ кремлевскомъ дворцѣ сенаторы, министры, генералитетъ. Царь принимаетъ, въ общемъ собраніи, сына, который подаетъ ему просительное письмо, разумѣется подготовленное; потомъ исчисляетъ всѣ его вины, произноситъ жестокіе упреки, и заключаетъ: ты долженъ отказаться отъ престола и открыть участниковъ бѣгства.

Неожиданныя, роковыя слова, которыми измѣнилось все лице дѣла, и опредѣлился весь его ходъ. Что почуствовалъ, несчастный, услышавъ ихъ, вопреки всѣмъ прежнимъ убѣжденіямъ о безусловномъ прощеніи? Земля вѣрно разверзалась подъ его ногами, онъ увидѣлъ пропасть,—и голова закружилась.

Царь вышелъ съ нимъ „въ близь лежавшую камору", гдѣ они оставались нѣсколько времени одни.

Что происходило въ этой каморѣ ? Пусть вообразитъ, кто можетъ, какъ сверкнули черные глаза у Петра; пусть вообразитъ, кто можетъ, какой звукъ послышался въ его голосѣ, и какъ затряслась поднятая рука.

Царевичъ, разумѣется, исчезъ, стоя лицомъ къ лицу предъ разъяреннымъ отцемъ, —царевичъ, трепетавшій

всѣмъ тѣломъ за пять тысячъ верстъ, въ Неаполѣ, при одной мысли, что тамъ можетъ увидѣть отца.

Чуть слышнымъ голосомъ, заикаясь, произнесъ онъ нѣсколько именъ,—и поскакали курьеры, сломя голову, во всѣ стороны отыскивать, хватать названныхъ въ Петербургѣ, въ Суздалѣ, въ деревняхъ, въ монастыряхъ, подъ землею, на днѣ моря.

Между тѣмъ вице-канцлеръ Шафировъ приготовилъ клятвенную запись. Все собраніе отправилось въ Успенскій соборъ, гдѣ царевичъ, предъ крестомъ и Евангеліемъ, долженъ былъ прочесть ее и подписать.

И тогда же былъ объявленъ во всенародное свѣдѣніе царскій манифестъ, въ которомъ прописаны всѣ вины царевича, за кои отрѣшенъ отъ престола, и назначенъ наслѣдникомъ второй сынъ, Петръ, хотя еще и „малолѣтенъ сущій"—вожделенная цѣль всего ужаснаго дѣла!

По крайней мѣрѣ кончилось ли оно? Нѣтъ, не кончилось, а только-что началось!

Открой все, чтó думалъ когда-нибудь, чего желалъ, ожидалъ, предполáгалъ, а не то и пардонъ въ пардонъ не будетъ.

Несчастный, не помня себя отъ страха, въ смущеніи всѣхъ чувствъ, раскрывается мало-по-малу, но вѣдь и память не могла сохранить все изъ десятилѣтія; внутреннее волненіе могло затмить иное, и наконецъ естественное желаніе сколько-нибудь менѣе повредить друзьямъ своимъ и приверженцамъ, могло останавливать языкъ. Ему кажется всякій разъ, что онъ сказалъ довольно, что остальное можно скрыть безопасно....

Между тѣмъ, свозятся со всѣхъ сторонъ свидѣтели, участники; допросы за допросами, пытки за пытками,

очныя ставки, улики, — и пошолъ гулять топоръ, пилить пила, хлестать веревка.

Запамятованное, пропущенное, скрытое однимъ, воспоминается другимъ, третьимъ лицомъ, на дыбѣ, на огнѣ, подъ учащенными ударами, и вмѣняется въ вину первому, даетъ поводъ къ новымъ встряскамъ и подъемамъ. Слышатся еще имена... Подавайте всѣхъ сюда, въ Преображенское!

Жену, сестеръ, дядей, тетокъ, сватовъ, друзей, знакомыхъ и незнакомыхъ, архіереевъ, духовниковъ, видѣвшихъ, слышавшихъ, могшихъ догадываться. Мы знать не знаемъ ничего, вѣдать не вѣдаемъ. Не знаете, не вѣдаете, въ застѣнокъ! И мучатся несчастные, истекаютъ кровью, изнываютъ страхомъ и ожиданіемъ. Они взводятъ на себя и на другихъ напраслину, и вслѣдствіе ея подвергаются новымъ пыткамъ, по три, по пяти, по десяти разъ! Въ застѣнокъ! восклицаютъ неумолимые, остервенѣлые судьи. Умилосердитесь! посмотрите, вѣдь въ нихъ не осталось кровинки, потухли глаза, они потеряли все сознаніе, у нихъ пропали всѣ чувства, они не помнятъ уже, что говорятъ. Да уж и дыба устала, застѣнокъ шатается, топоръ иступился, кнутъ измочалился...

А оговаривается людей все больше и больше; отъ друзей царевича ужь очередь доходитъ до собственныхъ друзей и наперсниковъ царя: князь Яковъ Өедоровичъ Долгорукій, графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, князь Димитрій Михайловичъ, князь Михаилъ Михайловичъ Голицыны, Боуръ, Стефанъ Яворскій, Іовъ Новгородскій, митрополитъ Кіевскій, епископы: Ростовскій, Крутицкій, — даже Ромодановскій, Стрѣшневъ, самъ Меншиковъ, подвергаются подозрѣнію.

Что долженъ былъ чувствовать Петръ, со всякимъ новымъ показаніемъ удостовѣряясь, что никто даже изъ самыхъ близкихъ, ему вполнѣ не сочувствуетъ; что никому изъ самыхъ преданныхъ онъ вѣрить не можетъ; что онъ одинъ-одинехонекъ; что все огромное зданіе, имъ съ такимъ трудомъ, успѣхомъ и счастіемъ воздвигнутое, можетъ рухнуть въ первую минуту послѣ его смерти, и задавить всѣхъ остальныхъ дѣлателей; что ненавистный сынъ, гдѣ бы ни остался, въ тюрьмѣ или кельѣ, сдѣлается навѣрное его побѣдителемъ, и всего Египетскаго его дѣланія какъ будто и не бывало. О, вѣрно въ эти минуты Петръ чувствовалъ такую муку, какой не испытывали, можетъ быть, сами жертвы его, жженыя въ то время на тихомъ огнѣ, или вздерганныя на дыбу!

Надо порѣшить окончательно съ нимъ, въ немъ сосредоточиваются всѣ желанія и всѣ надежды противной партіи, казнить. И вотъ нашлось слово для мысли, давно бродившей въ глубинѣ души, и не смѣвшей высказаться, теперь требуемой будто настоятельно государственными причинами, текущими обстоятельствами.

На этомъ рѣшеніи остановился Петръ; но еслибъ онъ сдѣлалъ еще малѣйшее движеніе мыслью, то понялъ бы тотчасъ, что казнію царевича нисколько не обезпечивается будущее, и если не Алексѣй, то сынъ Алексѣя, Петръ, то собственный сынъ его, теперь возлюбленный, можетъ оказаться еще хуже Алексѣя, можетъ подвергнуться тому же враждебному вліянію, котораго онъ опасается, еще въ большей мѣрѣ. Нѣтъ, въ страсти не разсуждается здраво, не понимается простыхъ вещей,—и взволнованный Петръ не видалъ, что

человѣкъ владѣетъ только настоящимъ, а будущее принадлежитъ Богу, не воображалъ, что за нимъ, въ продолженіи какихъ-нибудь 25 лѣтъ, послѣдуютъ Петръ II, Анна, Елизавета, Петръ III.

Надо искоренить всю партію, какъ искоренены стрѣльцы, но надо узнать прежде, чего же они хотѣли именно, что намѣревались дѣлать,—и не смотря на всѣ новыя пытки, на всѣ новыя мученія, не смотря на множество показаній, Петръ не могъ узнать, не могъ добраться до средоточія мнимаго заговора; потому что заговора собственно не было нигдѣ, то-есть онъ былъ вездѣ, носился въ воздухѣ, гдѣ поймать и схватить его не достанетъ силы ни у кого, даже у Петра.

14, 15, 16 Марта совершены первыя казни надъ Глѣбовымъ, Кикинымъ, Досиѳеемъ, нѣсколькими боярами, боярынями, монахами, подъячими, служителями: кто колесованъ, кто повѣшенъ, у кого вырваны ноздри, у кого отрѣзанъ языкъ, кто посаженъ на колъ, кто высѣченъ кнутомъ. Петръ пріѣзжалъ на мѣсто казни и смотрѣлъ на мученія несчастныхъ. Говорятъ, что Кикинъ на какой-то упрекъ сказалъ: умъ любитъ просторъ, а отъ тебя ему тѣсно.

Приведу еще одну черту, знаменующую общее настроеніе. „Глѣбовъ съ того времени, какъ посаженъ былъ на колъ", сказано въ одной современной запискѣ, „никакого покаянія учителямъ не принесъ, только просилъ тайно въ ночи, чрезъ учителя іеромонаха Маркелла, чтобъ онъ сподобилъ его Св. Тайнъ, какъ бы онъ могъ принести къ нему какимъ образомъ тайно, и въ томъ душу свою испровергъ" (с. 219).

Москва опротивѣла. Дышать здѣсь стало тяжко, все покрылось мглою, люди шатались какъ тѣни, и въ

воздухѣ слышался, кажется, смрадъ. Надо было перемѣнить мѣсто, отдохнуть, освѣжиться, и Петръ, съ остальными жертвами, страшнымъ поѣздомъ отправился въ Петербургъ, для новыхъ розысковъ.

Прошелъ мѣсяцъ. Пріѣхала изъ-за границы и Евфросинья, которая вскорѣ разрѣшилась отъ бремени въ крѣпости.

Съ нея взяты новыя показанія. Она приведена на очную ставку съ несчастнымъ Алексѣемъ, и онъ долженъ былъ, вмѣсто радостной вѣсти о жданномъ дитяти, услышать отъ своей возлюбленной страшныя улики!

Начались новые допросы и новыя пытки.

13-го Іюня наряженъ судъ, изъ 127 человѣкъ первыхъ сановниковъ государства.

Докладываютъ, разбираютъ, изслѣдуютъ, а между тѣмъ пытки продолжаются въ самомъ сенатѣ, предъ лицемъ всѣхъ верховныхъ судей.

Перо отказывается описывать всѣ эти ужасы, возмущающіе природу...

Ходили слухи, что царевичъ помѣшался въ умѣ и пилъ мертвую (1).

19 Іюня былъ первый розыскъ царевичемъ. Дано 25 ударовъ: всю ли сказалъ правду, не утаилъ ли чего?

Вотъ какіе предлагались ему тогда вопросы:

„.. Хотѣлъ учинить бунтъ (въ Мекленбургѣ) и къ тѣмъ бунтовщикамъ пріѣхать, и при животѣ отцовѣ, и

---

(1) Стр. 226. Слѣдовательно, въ винѣ отказа ему не было, замѣчаетъ г. Семевскій, 5. 38.

прочее, что самъ показалъ, и своеручно написалъ, и предъ сенатомъ сказалъ: все ль то правда, не поклепалъ ли и не утаилъ ли кого?"

Отвѣтъ: „*Ежели бъ до того дошло*, и цесарь бы началъ то производить въ дѣло, какъ мнѣ обѣщалъ, и вооруженною рукою доставить меня короны Россійской, *тобъ я тогда*, не жалѣя ничего, доступалъ наслѣдства. А именно: *ежели бъ* цесарь за то пожелалъ войскъ Россійскихъ въ помощь себѣ противъ какого нибудь своего непріятеля, *или бы пожелалъ* великой суммы денегъ, *то бъ я все* по его волѣ учинилъ, также и министрамъ его и генераламъ *далъ бы* великіе подарки. А войска его, которыя *бы* мнѣ онъ далъ въ помощь, чѣмъ бы доступать короны Россійской, *взялъ бы я* на свое иждивеніе, и однимъ словомъ сказать: *ничего бы* не жалѣлъ, только чтобы исполнить въ томъ свою волю" (с. 276).

Это—важнѣйшее признаніе, разумѣется насильственное, послѣ посѣщенія Толстаго съ собственноручными запросами царя, Іюня 22,—и въ чемъ же состоитъ оно? Въ однѣхъ намѣреніяхъ и предположеніяхъ, безъ малѣйшаго дѣйствія.

Какъ страшно звучитъ здѣсь частица *бы;* далъ бы, пошелъ бы, взялъ бы—частица *бы*, ведущая однако же на плаху!

А въ подлинныхъ документахъ тайнаго Вѣнскаго архива, нѣтъ ни единаго слова даже и о предположеніяхъ этихъ, намѣреніяхъ и переговорахъ.

24 Іюня верховный судъ, единогласно и безъ всякаго прекословія, (и кому же было прекословить), приговорилъ

царевича Алексѣя Петровича къ смертной казни: „Потому что“, сказано въ заключеніи, „изъ собственноручнаго письма его, отъ 22 Іюня, явно, что онъ не хотѣлъ получить наслѣдства, по кончинѣ отца, прямою и отъ Бога опредѣленною дорогою, а намѣренъ былъ овладѣть престоломъ чрезъ бунтовщиковъ, чрезъ чужестранную цесарскую помощь и иноземныя войска, съ разореніемъ всего государства, при животѣ государя, отца своего. Весь свой умыселъ и многихъ согласныхъ съ нимъ людей таилъ до послѣдняго розыска и явнаго обличенія въ намѣреніи привести въ исполненіе богомерзское дѣло противъ государя,отца своего, при первомъ удобномъ случаѣ“ (с. 279).

Смертный приговоръ произнесенъ, а допросы и пытки все-таки продолжаются: въ самый день приговора было розыскиваемо во второй разъ царевичемъ въ застѣнкѣ, 15 ударовъ. Духовнику его, разстриженному протопопу Іакову, дано 9 ударовъ, управителю Дубровскому 25.

На другой день, 25 Іюня, посыланъ былъ къ царевичу одинъ изъ вѣрнѣйшихъ слугъ Петровыхъ, Писаревъ, допрашивать о происхожденіи и цѣли выписокъ изъ историческихъ сочиненій Баронія.

Наконецъ, въ послѣдній день, 26 Іюня, „по полуночи въ 8 часу,“ значится въ записной крѣпостной книгѣ, „начали собираться въ гварнизонъ: Его величество, свѣтлѣйшій князь, Яковъ Ѳедоровичъ, Гаврило Ивановичъ, Ѳедоръ Матвѣевичъ, Иванъ Алексѣевичъ, Тихонъ Никитичъ, Петръ Андреевичъ, Петръ Шафировъ, генералъ Бутурлинъ, и учиненъ застѣнокъ, и потомъ, бывъ въ гварнизонѣ до 11 часа, разъѣхались.“

„Того же числа, по полудни въ 6 часу, будучи подъ карауломъ, въ Трубецкомъ раскатѣ, въ гварнизонѣ, царевичъ Алексѣй Петровичъ преставился„ (с. 663).

Какъ произошла эта смерть?

Царевичъ измучился, умеръ отъ истощенія силъ, это ясно, а какъ приведена была послѣдняя минута: ядомъ, топоромъ, или она была произведеніемъ удара, за пять часовъ полученнаго, не все ли то равно?

Думаете ли вы, мм. гг., что Петръ, въ эти ужасныя минуты своей жизни, не занимался ничѣмъ болѣе, кромѣ страшнаго розыска. Нѣтъ, онъ продолжалъ государственное свое дѣланіе также тщательно и неутомимо, какъ будтобъ не происходило ничего необыкновеннаго. Ни одного дня, впродолженіи всего слѣдствія и суда, не проиходило безъ какого-нибудь важнаго постановленія. Въ самые рѣшительные дни, напримѣръ, въ день прибытія царевича въ Москву, назначенія суда, пытокъ, приговоровъ, казней, мы находимъ указы о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ: о соединеніи церкви восточной съ западною, объ устройствѣ коллегій, объ учрежденіи и открытіи полиціи, и вмѣстѣ о предметахъ второстепенной важности, и даже самыхъ мелкихъ и ничтожныхъ, о собираніи натуральныхъ уродовъ и всякихъ рѣдностей, о починкѣ ветхостей, о разведеніи садовъ и рощей, о сохраненіи и употребленіи лѣсовъ, о проведеніи каналовъ, объ избраніи должностныхъ лицъ, о содержаніи нищихъ, объ учрежденіи фабрикъ, о строеніи судовъ, о сбираніи рабочихъ, о позволеніи и запрещеніи привоза товаровъ, о собираніи недоимокъ,

—съ подробными наставленіями, кому, что, когда и какъ все это дѣлать. Нужно ли прибавлять, что всѣ сіи распоряженія вызывались тѣми или другими нуждами, кои должно было разсматривать, провѣрять, обдумывать, и потомъ уже рѣшать ([1]).

На другой день, 27 Іюня, въ воспоминаніе Полтавской побѣды, царь со всѣми приближенными, былъ у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ и принималъ поздравленія. Былъ обѣдъ на почтовомъ дворѣ. Послѣ всѣ гости прибыли въ садъ его царскаго величества, гдѣ довольно веселились, потомъ, въ 12 часу, разъѣхались по домамъ.

Тогда же вечеромъ тѣло царевича было положено въ гробъ и вынесено въ губернаторскій домъ.

Еще черезъ день, Іюня 29, въ имянины царя, наканунѣ погребенія, былъ обѣдъ въ лѣтнемъ дворцѣ, спускъ самаго большаго карабля, Петромъ построеннаго, фейэрверкъ и пиръ до двухъ часовъ ночи.

Въ тотъ же день происходили допросы вновь привезеннаго ландрата Казанскаго Акинѳіева и очная ставка съ Лопухинымъ, братомъ несчастной царицы, который пытанъ былъ, кажется, больше всѣхъ.

Въ понедѣльникъ, Іюня 30, церемоніальное отпѣваніе и погребеніе царевича, въ присутствіи царя, царицы и двора. Всѣ прощались, и цѣловали его руку.

Судите же теперь, мм гг., что это была за натура, и какова была крѣпость въ его головѣ, неутомимость въ его тѣлѣ, твердость въ его волѣ, и какова была...

---

(1) Для лучшаго объясненія, смотри въ приложеніяхъ полную выписку изъ Голикова, котораго богатый сборникъ сохраняетъ до сихъ поръ свое достоинство.

огнеупорность въ его сердцѣ, когда онъ, въ одно и то же время, могъ пытать сына и мучить множество людей, углубляться въ важнѣйшіе умственные вопросы и разбирать судебныя тяжбы, опредѣлять отношенія Европейскихъ государствъ, вести счетныя дѣла, мѣрять лодки, сажать деревья, думать о собираніи уродовъ,—и пировать съ своими наперсниками?

Съ такою силою духа и тѣла, внѣ всѣхъ человѣческихъ размѣровъ, напрасно онъ боялся за прочность своихъ учрежденій. Россія, двинутая въ извѣстномъ направленіи, не могла физически совратиться въ другую сторону, и только въ наше время, чрезъ полтораста лѣтъ, начинаетъ ощущаться ослабленіе даннаго имъ удара, и народный толкъ начинаетъ внушать многимъ мысль, не пора ли остановиться на этой дорогѣ, передышать и одуматься.

Какой же приговоръ произнесемъ мы Петру, по его дѣлу съ сыномъ, соображая всѣ вышепредложенныя обстоятельства?

Если велики были его вины, при производствѣ этого роковаго дѣла, какъ будто требованнаго таинственно самою исторіею, въ образѣ искупительной жертвы, если велики были его увлеченія, и преступны различныя мѣры, то не безпримѣрны ли, не чудны ли были прочія его дѣйствія и труды, безпрерывно, между тѣмъ, продолжавшіяся? Не испыталъ ли онъ самъ жесточайшихъ мученій впродолженіи этого безпримѣрнаго процесса? Не тоскуетъ ли страшно духъ его даже теперь, если слышитъ наши о немъ сужденія?...

Мм. Гг.! Мы говоримъ въ академіи, Петромъ Великимъ основанной. Дрожащей рукою, среди тяжкой болѣзни,

за нѣсколько дней передъ кончиною, подписалъ онъ уставъ, руководящій до сихъ поръ нашими занятіями. Городъ, въ которомъ трудится полтораста лѣтъ эта академія, получилъ отъ него свое названіе, и на всякомъ шагу, каждымъ камнемъ провозглашается здѣсь, кажется, его память, въ каждой Невской волнѣ слышится его имя. Нѣтъ, мм. гг., языкъ нашъ не можетъ поворотиться, чтобъ произнести Петру Великому слова суда въ день основанія академіи. Передъ лицемъ трудовъ, имъ совершенныхъ, обращаясь волею не-волею въ кругу, имъ еще очертанномъ, живя жизнію, такъ или иначе имъ опредѣленною, мы, Руcкіе, можемъ только молиться объ отпущеніи ему его согрѣшеній, и объ упокоеніи его души.

Господи! Прости ему его согрѣшенія, и упокой его душу.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

О ЗАНЯТІЯХЪ ПЕТРОВЫХЪ

впродолжении Московскаго розыска, по Голикову.

Дѣянія, т. vi, с. 45—58.

„Царевичъ, какъ мы видѣли, былъ привезенъ въ Преображенское въ послѣднихъ числахъ *Генваря* мѣсяца, а монархъ *31 числа* сего же мѣсяца, въ Преображенскомъ же, издалъ указъ, подвтерждающій прежніе, о сохраненіи дубовыхъ лѣсовъ, но съ такою уже строгостію, что повелѣлъ всѣхъ тѣхъ преслушниковъ, которые за указами рубили оный лѣсъ, или впредь рубить станутъ, также и тѣхъ, кто рубить прикажетъ, помѣщикъ ли то, или прикащикъ, вырѣзавъ ноздри и учиня наказаніе, ссылать на каторги; а для рубки на полозье, на оси, на колеса, на обручи и на другія необходимыя нужды рубили бы изъ такого дубу, который къ корабельному строенію негоденъ, а особливо изъ луговаго, гдѣ есть, также и изъ валежнику; и для того выбрать по селамъ и по деревнямъ надзирателей, у которыхъ бы не меньше пяти сотъ дворовъ въ надзираніи было, и дать имъ особыя клейма съ гербомъ Казанскимъ, чѣмъ такія лѣса пятнать, а безъ того отнюдь никому не рубить, подъ страхомъ вышепомянутаго наказанія, а равно поступлено будетъ и съ надзирателями, ежели по сему указу исполнять не будутъ.

Февраля 1, запретилъ дѣлать чеканныя мелкія серебряныя деньги.

Февраля 3, происходило отрицаніе царевичево отъ престола, объявленіе наслѣдникомъ меньшаго его брата,

царевича Петра Петровича. 4-го числа далъ монархъ ему вопросные пункты, а въ послѣдующіе дни учреждалъ коммиссію для изслѣдованія дѣлъ царевичевыхъ и ему участвующихъ.

6-го же числа издалъ такой указъ, каковый только быть можетъ въ самое спокойнѣйшее время, въ каковое никакими безпокойствами не занимаются умъ и мысли. Мы его, яко весьма достойный нашего любопытства, помѣщаемъ подлинникомъ:

„Понеже извѣстно есть, что какъ въ человѣческой породѣ, такъ въ звѣриной и птичьей случается, что родятся монстры, то есть, уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ сбираются для диковинки, чего для предъ нѣсколькими лѣтами уже указъ сказанъ, чтобъ такіе приносили, обѣщая платежъ за оные, которыхъ нѣсколько уже и принесено, а именно, два младенца, каждой о двухъ головахъ; два, которые сраслись тѣлами. Однако жъ, въ такомъ великомъ государствѣ можетъ болѣе быть, но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды родятся отъ дѣйства дьявольскаго чрезъ вѣдовство (колядовство) и порчу, чему быть невозможно; ибо единъ творецъ всея твари Богъ, а не дьяволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ, но отъ поврежденія внутренняго, также отъ страха и мнѣнія матерняго во время бремени, какъ тому многіе есть примѣры: чего испужается мать, такіе знаки на дѣтяхъ бываютъ, также когда ушибется, или больна будетъ, и прочее. Того ради паки сей указъ подновляется, дабы конечно такіе, какъ человѣчьи, такъ скотскіе, звѣриные и птичьи уроды приносили въ каждомъ городѣ къ комендантамъ своимъ; и имъ за то будетъ давана плата, а именно, за человѣческую по десяти рублевъ, а за скотскую и звѣриную

по пяти, а за птичью по три рубли за мертвыхъ, а за живыя—за человѣческую по сту рублевъ, за скотскую и звѣриную по пятнадцати рублевъ; за птичью по семи рублевъ; а ежели гораздо чудное, то дадутъ и болѣе; буде же съ малою отмѣною передъ обыкновеннымъ, то меньше. Еще жъ и сіе прилагается что, ежели у нарочитыхъ родятся, и для стыда не захотятъ принести, и на то такой способъ, чтобъ тѣ неповинны были сказывать, кто принесетъ, а коменданты неповинны ихъ спрашивать, чье; но принявъ, тотчасъ деньги давъ— отпустить. А ежели кто противъ сего указу будетъ таить, на такихъ возвѣщать; а кто обличенъ будетъ, на томъ штрафу брать вдесятеро противъ платежа за оные, и тѣ деньги отдавать извѣтчикамъ. Также, ежели кто найдетъ въ землѣ или въ водѣ какія старыя вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости человѣческія или скотскія, рыбьи или птичьи, не такія какія у насъ нынѣ есть, или и такія, да зѣло велики или малы передъ обыкновеннымъ, также какія старыя подписки на каменьяхъ, желѣзѣ, или мѣди, или какое старое и нынѣ необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зѣло старо и необыкновенно, тако жъ бы приносили, за что давана будетъ довольная дача, смотря по вещи, понеже, не видавъ, положить нельзя цѣны. Вышереченные уроды, какъ человѣчьи, такъ и животныхъ, когда умрутъ, класть въ спирты; буде же того нѣтъ, то въ двойное, а по нуждѣ въ простое вино, и закрыть крѣпко, дабы не испортилось, за которое вино заплачено будетъ изъ аптеки особливо.„

Сего же числа писалъ государь къ господину Бестужеву и во Гданскѣ пребывающему секретарю Людвигу Ланчинскому. Мы къ первому писанное помѣщаемъ также подлинникомъ:

„Города Гданска бургомистры, по учиненной съ нами конвенціи, прошлаго 1717 году, Сентября 19 числа, обязалися, собравъ, дать намъ сто сорокъ тысячь ефимковъ специ, и заплатить оные на три опредѣленные срока, о чемъ для подлиннаго вамъ извѣстія съ пункта изъ помянутой конвенціи о томъ постановленнаго, также и съ векселей ихъ Гданчанъ, о заплатѣ тѣхъ данныхъ, денегъ прилагаются при семъ списки. И какъ намъ доносилъ нынѣ обрѣтающійся во Гданскѣ секретарь нашъ посольства Людвигъ Ланчинской, что бургомистры Гданскіе по вышепомянутой конвенціи надлежащія намъ деньги въ опредѣленную сумму первую часть уже собрали, а и достальныя на сроки поставить прилѣжно тщатся, токмо желаютъ оные вѣдать, кому отъ насъ о принятіи тѣхъ денегъ дана комиссія. И противъ того къ помянутому секретарю Ланчинскому въ нашемъ указѣ, отправленномъ сего числа, писано, дабы бургомистрамъ Гданскимъ объявилъ и склонилъ ихъ, чтобъ они вышепомянутыя собранныя надлежащія намъ по конвенціи деньги первую часть отослали изъ Гданска въ Мемель, и велѣли тамо отдать вамъ или отъ васъ присланному; такожъ потомъ и другія двѣ части денегъ въ опредѣленную намъ сумму на назначенные сроки, собравъ, оныя туда жъ бы въ Мемель отправить; а когда отправятся, о томъ велѣно помянутому секретарю Ланчинскому васъ чрезъ письмо увѣдомить. Вы имѣете, по полученіи вѣдомости о привозѣ оныхъ денегъ изъ Гданска въ Мемель, немедленно туда ѣхать, и тѣ, по содержанію конвенціи и векселей, какъ первую часть, такъ и другія двѣ части, у посланныхъ отъ Гданчанъ принять сполна и отвезть оныя въ Митаву, и содержать тамо въ цѣлости и во всякомъ береженіи; а когда вы тѣ деньги, которую часть и коликое число примете, о томъ къ намъ немедленно пишите. И о

томъ можете переписываться съ вышепомянутымъ секретаремъ Ланчинскимъ, а по отъѣздѣ его съ тѣмъ, кто на его мѣсто изъ офицеровъ отъ арміи присланъ будетъ".

7 *числа* разсматривалъ поданное себѣ доношеніе отъ ландрата Аѳанасія Савелова и товарищей его купцовъ Томилиныхъ о прошеніи привиллегіи на заведенную ими фабрику купоросную, купороснаго масла, водки крѣпкой, краски муміи и горючей сѣры, и которымъ они просили, дабы 30 лѣтъ не дозволялось всего того другимъ дѣлать и иностранной привозить и продавать, а однимъ только имъ продавать оную безпошлинно. И того же дня монархъ указалъ дать имъ требованную привиллегію, но привозъ оной изъ-за границы запретить не прежде, когда они докажутъ дѣломъ, что могутъ столько онаго дѣлать въ годъ, сколько того расходится въ годъ же въ Россіи (1).

Въ продолженіе слѣдствія и экзекуціи виновныхъ, до *18 числа марта* происходившихъ, находимъ мы изданные монархомъ слѣдующіе указы въ Февралѣ мѣсяцѣ:

1) Чтобъ купцамъ изъ-за моря и изъ другихъ краевъ впредь вывезенныхъ чулковъ въ Москву не привозить и въ рядахъ не продавать, а продавать оные въ Санктпетербургѣ и въ другихъ городахъ. Сіе великій государь учинилъ въ пользу заведенной въ Москвѣ чулочной фабрики Французомъ Мавріономъ, поруча за исполненіемъ повелѣнія сего имѣть смотрѣніе таможеннымъ бурмистрамъ и фискаламъ.

2) О продажѣ за море до указу привезеннаго къ пристанямъ льнянаго сѣмени.

---

(1) Въ доношеніи сихъ фабрикантовъ написано, что купоросная руда найдсна ими въ Московскомъ уѣздѣ въ дворцовыхъ; въ *Гжельской* и въ *Селинской* волостяхъ, въ землѣ и въ рѣчкѣ *Даркѣ* и въ окрестныхъ мѣстахъ.

3) Запретилъ вывозить изъ чужихъ краевъ каразею и въ рядахъ оной не продавать, кромѣ дѣлаемой на Россійскихъ фабрикахъ, а вывезенную до сего допродать въ теченіе сего года.

4) Повелѣлъ рублевики, полтинники и гривенники, дѣлать изъ серебра противъ семидесятой пробы, алтынники и копейки съ мѣдью противъ семдесять пятой пробы. Монархъ поручилъ имѣть о семъ смотрѣніе надзирателю монетнаго двора, Ивану Лангу (1), съ таковымъ предписаніемъ, чтобъ въ серебряныхъ деньгахъ серебра той пробы выше или ниже не было разницы у фунта же полузолотника, подъ страхомъ казни.

5) Чтобы золотыя матеріи и шелковые штофы и нѣмецкія парчи, которыя нынѣ есть въ рядахъ, продавать и покупать всякому было невозбранно до 1720 года, а съ того отнюдь уже никому не продавать, не покупать и въ рядахъ не держать, по силѣ прежняго о семъ указа.

9) Великій государь, изъясняя, что ему извѣстно учинилось, что многіе разночинцы посадники и поселяне обыкли жить праздны, и не токмо что по воскреснымъ днямъ, но и въ великіе праздники въ церковь на службу Божію не ходятъ и не исповѣдываются, повелѣваетъ для всенароднаго извѣстія указъ сей прибить въ городахъ, по селамъ и по деревнямъ, дабы всѣ люди, въ господскіе праздники и въ воскресные дни, ходили въ церковь Божію къ вечернѣ, заутренѣ, а паче ко святой литургіи, кромѣ болѣзни или какой невозможности, и по вся бы годы исповѣдалися, возложа надзираніе за симъ имѣть въ приходахъ священникамъ, прикащикамъ

(1) Мы видѣли выше, что сего *Ланга* государь посылалъ въ чужіе края для собранія всѣхъ монетъ, въ Европѣ употребительныхъ, пробы.

и старостамъ, и имѣть книги о исповѣдывающихся и о не исповѣдывающихся; которыя погодно присылать въ духовные епархіальные приказы; и съ неисповѣдывающихся править священникамъ штрафы, въ городахъ съ разночинцевъ и съ посадскихъ, за первый разъ по рублю, за второй по два, а за третій по три рубли, а съ поселянъ по пяти, по десяти и по пятнадцати копеекъ; и сверхъ того подавать имъ о таковыхъ вѣдомости въ гражданскія правительства, а симъ чинить таковымъ наказаніе; буде же священникъ, послабляя таковымъ, не будетъ доносить, за то взять съ него штрафу, за первый разъ пять, за второй десять, а за третій пятнадцать рублей, а далѣе лишить священства; и чтобъ въ праздники и въ воскресные дни нигдѣ въ лавкахъ никакими товарами не торговали; и наконецъ сихъ, яко нерадивыхъ, не избирать къ должностямъ, по гражданству бываемымъ, а избирать къ сей службѣ такихъ только, кои повсягодно исповѣдываются, и проч.

7) Указъ о непроѣздѣ изъ Санктпетербурга въ Москву, и изъ Москвы въ Санктпетербургъ, до возвращенія монаршаго въ Петербургъ, мы уже видѣли выше.

Его же величества повелѣніемъ въ то же время издано въ народъ о полезномъ дѣйствіи въ разныхъ болѣзняхъ, открывшихся въ Олонцѣ, при Кончезерскихъ, заведенныхъ имъ, желѣзныхъ заводахъ марціальныхъ водъ, свидѣтельство хирурга Ревелина о изцѣлившихся оными водами.

Сверхъ сего имѣю я списки съ собственныхъ монаршихъ писемъ, въ семъ же мѣсяцѣ писанныхъ, а именно: къ вышеупомянутому господину Бестужеву два, повелѣвая ему: 1) два торговыя, прибитыя къ либавской пристани, судна починить и приготовить къ ходу, дабы можно было ихъ съ товарами и съ бывшими на нихъ

людьми, Марта въ послѣднихъ, или Апрѣля въ первыхъ числахъ, спровадить въ Петербургъ, а шипоровъ отпустить, куда они хотятъ, но только безъ матросовъ; и заключаетъ такъ: „въ княжескихъ маетностяхъ, на которыя имѣетъ претензію племянница наша, царевна Анна, хлѣбъ описи, и что по описи онаго явится, оной хлѣбъ симъ зимнимъ путемъ вели перевезть въ Либаву".

Второе вносится подлинникомъ: „Коликое число будетъ у васъ требовать капитанъ порутчикъ Шепелев къ починкѣ галеры лѣсу, также и плотниковъ, лучше дать имъ драгунъ, а для указанія имъ велѣно послать трехъ человѣкъ плотниковъ изъ Санктпетербурскаго адмиралтейства (1), а работникомъ дайте изъ Курляндскихъ мужиковъ; также дайте ему желѣза (съ корабля, который прибылъ съ желѣзомъ къ Либавской пристани), сколько ему къ починкѣ той и другихъ галеръ потребно; тако жъ сыщите на ту галеру веревокъ, сколько онъ будетъ требовать, и ежели въ Курляндіи не сыщете, то возмите изъ Риги".

Къ г. Румянцову, котораго монархъ, по привезеніи царевича въ Москву, послалъ по дѣлу сего же несчастнаго принца въ Вѣну, для узнанія справедливости показанія его о письмахъ къ сенаторамъ и архіереямъ, повелѣваетъ немедленно пріѣзжать обратно: „А по Афросинью (заключаетъ государь) съ товарищи послалъ сей доноситель, которому объяви, гдѣ она, и какъ ее везть, и съ кѣмъ".

Далъ указъ г. Измайлову, (Московскому оберъ-коменданту), повелѣвающій заготовить на рѣкѣ Шошѣ

(1) Слѣдственно, и въ сіе адмиралтейство отъ его величества писано о семъ.

суда для привезенія часовъ до Ладоги, и для сестры его, царевны Екатерины Алексѣевны, предписывая съ подробностію, какое судно для ея высочества сдѣлать, кому быть при ней и при помянутыхъ часахъ, и прочее.

И въ семъ же Февралѣ мѣсяцѣ, и именно 11 числа, попечительнѣйшій государь писалъ къ святѣйшему Іереміи, патріарху Константинопольскому, прося его разрѣшить и позволить христіанъ Лютеранскаго, Кальвинскаго и другаго исповѣданія, въ случаѣ ихъ обращенія въ вѣру православнаго Греческаго исповѣданія, не перекрещивать, а только святымъ мvромъ помазывать, и доказывая сіе изъ многихъ отеческихъ книгъ, что оныхъ яко равно же исповѣдывающихъ Святую Троицу, и во имя оныя крещающихся, не довлѣетъ уже паки крестить, заключая сіе прошеніе сими словами: „Сыновнѣ просимъ, дабы благоволилъ подать на сіе нашимъ духовнымъ рѣшеніе, могущее намъ даровати радость; ибо о единомъ грѣшникѣ кающемся радоватися со ангелы пристоитъ, а егда чрезъ ваше архипастырское благословеніе получимъ многихъ во свѣтъ православнаго исповѣданія, и причисленныхъ къ стаду цвѣтущаго благочестія нашего, кольми паче подобаетъ возрадоваться; а тѣмъ выше помянутымъ паки крещеніемъ и тройственнымъ погруженіемъ еретиковъ отъ таковаго душеполезнаго желанія больше можемъ отогнать, нежели присовокупити; ибо они весьма того, ежели бы ихъ перекрещивать и тройственно погружать, не позволяютъ,“ и пр.

Сей архипастырь соборнѣ въ семъ же году сіе рѣшилъ и доказалъ, что довольно къ присовокупленію несогласующихся съ нашею церковію христіанъ и единыя тайны мvропомазанія. Сіе патріаршее соборное опредѣленіе монархъ, въ началѣ слѣдующаго года получа, Генваря 18 разослалъ ко всѣмъ епархіальнымъ архі-

ереямъ при своихъ указахъ, повелѣвая отнынѣ навсегда во обращеніи къ нашей церкви другаго закона христіанъ поступать по оному.

Между тѣмъ прибылъ изъ Астрахани поручикъ Кожинъ, состоявшій въ командѣ погибшаго князя Бековича, отъ коварства и злодѣйства Хивинскаго хана Ширгази, съ немалымъ числомъ изъ ввѣренной ему команды; но какъ сей Кожинъ преслушалъ Бековичево повелѣніе, и остался въ Астрахани, да и когда губернаторъ Астраханской хотѣлъ его выслать, то онъ закричалъ на Бековича, что онъ измѣнникъ, почему губернаторъ и усомнился его послать. За сіе ослушаніе команды монархъ повелѣлъ отдать его подъ военный судъ; но отговорка его, что въ Красноводскомъ заливѣ никакихъ не имѣется слѣдовъ стараго теченія рѣки Аму-Дарьи, произвела медленіе въ рѣшеніи: ибо дѣло то надлежало снова разыскивать, и для слѣдствія о семъ великій государь, въ сіе же время бытности своея въ Москвѣ, отправилъ туда отъ флота поручика князя Василья Урусова вмѣстѣ съ симъ же Кожинымъ.

Въ дополненіяхъ къ Дѣяніямъ, Голиковъ приводитъ еще слѣдующія распоряженія и письма Петра Великаго, относящіяся къ этому времени (т. XII, с. 31—43).

Къ Архангелогородскому вице-губернатору Ладыженскому: „По полученіи сего указа, (пишетъ монархъ отъ 7 *Февраля)*, пришли къ намъ вѣдомость съ симъ посланнымъ, выписавъ въ Архангелогородской таможнѣ, сколько на комъ пошлинъ есть въ доимкѣ, на торговыхъ иноземцахъ съ 700 году, и для чего та доимка запущена, то напишите имянно, а впредь сроковъ во взятьѣ пошлинъ у города отнюдь никому не давайте.“

Къ кн. Меншикову, отъ *13 того же Февраля*, коимъ повелѣваетъ отвести квартиры покойныя мастеровымъ

иноземцамъ, которые нынѣ пріѣхали въ Петербургъ по призыву Люборстова отца, и чтобъ онъ содержалъ ихъ во всемъ по контрактамъ ихъ, заключая оное тако: „А которые въ томъ числѣ есть игольные мастера, тѣхъ отдать купцу Томилину (1), а прочихъ, пріѣхавъ, сами разберемъ".

Февраля 14 далъ жалованную грамоту обращающимся къ церкви святой изъ расколниковъ о честномъ ихъ повсюду принятіи; желая же непрестанно остающимся въ упрямствѣ обращенія, и пресѣчь всякое до расколниковъ относящееся злоупотребленіе, отправилъ довѣренную особу къ Нижегородскому епископу Питириму, и указъ отъ 2 Марта въ духовное правленіе, который мы здѣсь, яко доказательство того, помѣстимъ подлинникомъ:

„Попы, которые расколниковъ укрываютъ, и когда пишутъ ихъ исповѣдавшимися, и когда инымъ образомъ проходятъ и таятъ, то хотя о томъ въ губерніи ландратамъ росписи и поданы, однако жъ они никакого штрафа имъ не учинили, и про то розыскать, для чего не учинили; и для того 1-е) со временемъ, по согласію съ извѣстною вамъ нѣкоторою персоною, у поповъ взять сказки, съ подкрѣпленіемъ изверженія священства и лишеніемъ имѣнія, что въ поданныхъ росписяхъ, каковы они подали въ 1716 и въ 1717 годахъ, не написали ль они не исповѣдавшагося исповѣданнымъ, и раскольника не раскольникомъ.

2. И буде послѣ взятья сказки у котораго попа сыщется противу поданныхъ росписей неправда и утаеніе, а именно, что не исповѣданный написанъ исповѣдавшимся, или

(1) Сей Томилинъ, по убѣжденію его величества, первый въ Россіи завелъ игольную фабрику, для котораго монархъ вызвалъ и сихъ мастеровъ.

Европы Россіянамъ денегъ; третіе, о сношеніи ему впредь о важныхъ дѣлахъ съ министрами его, и подтверждающее о помянутомъ кораблѣ. *отъ 16, 18 Генваря, 3 Марта.*

Бригадиру Измайлову, о ежегодномъ собираніи и присылкѣ въ Петербургъ разныхъ родовъ птицъ и звѣрковъ. *Отъ 13 Февраля.*

Резиденту Голландскому, г. Бранту, о высылкѣ разныхъ для ботаническаго сада травъ и произрастеній, и для звѣринца—разныхъ же птицъ. *Отъ 13 Марта.*

Паки къ кн. Меншикову три: 1. отъ *14 Марта*, коимъ, увѣдомя его о полученіи отъ него пяти писемъ и плана гавани Кронштадтской, благодаритъ его за усердные труды; повелѣваетъ къ *18 числу*, для его ѣзды, поставить подводы не рѣже 25 верстъ однѣ отъ другихъ; прилагаетъ ему публикованный въ Москвѣ о царевичѣ манифестъ, и заключаетъ тако: „Чаю вамъ не безъ удивленія будетъ о сестрѣ моей“.

Послѣднія, отъ *17 того же Марта,* изъ коихъ первымъ повелѣваетъ вычистить домъ его губернаторскій въ Шлиссельбургѣ, тотъ, которой близь церкви: „Для житья въ немъ (заключаетъ монархъ) сестрѣ моей, царевнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ, которая вскорѣ отсель поѣдетъ туда“. При семъ письмѣ великій государь приложилъ подробное росписаніе о содержаніи ея высочества, которое точно соотвѣтствуетъ ея достоинству.

Послѣднимъ повелѣваетъ отдать во владѣніе князю-кесарю Ромодановскому мызу Александра Кикина.

Къ Персидскому консулу Аврамову, о подобной же выписанной присылкѣ птицъ, а въ слѣдствіе чего отправилъ при своеручномъ указѣ въ Астрахань каптенармуса полку своего Саву Гавердовскаго, въ коемъ

повелѣваетъ ему, принявъ тѣхъ птицъ, сдѣлать тамъ для нихъ дворъ, и проч. *отъ 18 Марта.*

Гетману Скоропадскому, о присылкѣ же изъ Украйны, для того же звѣрница, дикихъ козъ и другихъ звѣрковъ и птицъ, приложа онымъ реестръ своей же руки. *отъ тогожe числа.*

Изъ реестра бумагъ, хранящихся въ собственномъ его величества кабинетѣ, изъ котораго заимствую я и сіи описанныя повелѣнія, видно также, колико занимался монархъ снятіемъ вѣрныхъ картъ Каспійскаго моря и окрестныхъ онаго странъ: многія повелѣнія, собственною рукою его отъ 2 до 13 чиселъ Марта писанныя, и данные морскому порутчику кн. Урусову и другимъ указы, сіе подтверждаютъ, и проч.

Сверхъ всего сего видѣли мы въ VI томѣ и попеченія его величества о заведеніи и размноженіи разныхъ фабрикъ, изъ данныхъ привиллегій разнымъ людямъ, а сіе же самое попеченіе его доказываетъ и данная грамота Московскому купцу Собольникову, о распространеніи въ Москвѣ суконной фабрики.

Среди сихъ и многихъ другихъ неутомимыхъ занятій, не укрылось отъ проницанія его и новое недоброжелательство къ себѣ Статовъ соединенныхъ Нидерландскихъ провинцій, которые подъ покрываломъ, такъ сказать, политическимъ, вооружили 30 воинскихъ кораблей для отправленія въ Балтійское море, будто бы въ охраненіе торговли въ семъ морѣ ихъ подданныхъ, съ таковымъ опредѣленіемъ, что если короли Датской или Шведской препятствовать будутъ оной торговлѣ, то силою флота того принудить ихъ къ тому; а какъ между тѣмъ король Шведской декларовалъ, что если король Датской дозволитъ свободную торговлю въ пристаняхъ Шведскихъ, то и онъ, король Шведской, вольное

же отправленіе торговли позволить въ пристаняхъ Датскихъ, а гг. Статы и требовали отъ Датскаго короля на сіе Шведское объявленіе соглашенія, не упоминая отнюдь о торговлѣ въ пристаняхъ Россійскихъ, на томъ же морѣ находящихся. Хотя же его Датское величество на оное и не согласился, а требовалъ, чтобъ свобода сія торговли распространена была на все то море, представляя, что безъ сего король Шведской всѣхъ прочихъ націй торговые корабли будетъ брать, и тѣмъ способствовать къ продолженію войны своей; но не смотря на сіе, господа Статы подкрѣпляли то требованіе Шведскаго короля. Великій государь, проникая въ намѣренія Статовъ, 9 Марта отправилъ къ нимъ грамоту, въ которой, прописавъ пространно описанное, изъясняетъ, что помянутое Шведское требованіе есть одно только коварство, стремящееся къ разорванію согласія, существующаго между имъ и республикою Голландскою, и удивляется, что гг. Статы, вѣдая, колико король Шведской съ самаго начала войны причинилъ торговлѣ ихъ на семъ морѣ убытковъ, а они, вмѣсто того, чтобы снаряженный флотъ ихъ обратить на причинителя тѣхъ убытковъ, желаютъ подкрѣпить онымъ того же короля и его требованіе, и не понимаетъ, какъ они, вѣдая изъ опытовъ, что Шведы, по обыкновенному умыслу своему, всегда, что зимою обѣщаютъ, то лѣтомъ разрушаютъ, и ихъ же подданныхъ корабли брать продолжаютъ: „Того ради (заключаетъ государь), видя мы себѣ и высокимъ своимъ союзникамъ изъ того опасность и предосужденіе, не могли оставить вашему высокомочію не объявить, что ежели король Шведской отъ васъ принужденъ не будетъ допустить вольную торговлю во всѣ пристани Балтійскаго моря, не выключая какъ нашихъ, такъ и прочихъ потентатовъ на томъ морѣ сущихъ гаваней,

то коммерція вашихъ подданныхъ вь томъ морѣ будетъ всегда безпокоена, для того, что когда Швеція будетъ воспрещать торговлю въ пристаняхъ нашихъ и другихъ областей, и корабли туда идущіе брать станетъ, то взаимно и съ стороны нашей то-жъ учинено, и довольное число фрегатовъ и каперовъ въ море выслано будетъ, для воспрепятствованія съ Швеціею торговли, и всѣ туда и оттуда идущіе корабли брать; и дадимъ мы иныхъ народовъ арматирамъ коммиссіи, дабы всѣ же идущіе въ Швецію и оттуда корабли, чьи бы они ни были, брали, и будемъ трудиться иныя области въ то-жъ согласіе съ нами привесть; а ежели сверхъ того усмотримъ, что ваше высокомочіе иное что, паче чаянія нашего, противъ когонибудь изъ сѣверныхъ союзниковъ предвоспріимать, или подъ какимъ-нибудь претекстомъ къ отлученію отъ онаго принуждать, или иное что въ предосужденіе нашихъ интересовъ чинить вознамѣритесь, то принуждены мы будемъ, принявъ то за явное непріятельство и нарушеніе дружбы, искать противъ того способовъ, и потщимся обще съ союзниками нашими отмщать. И понеже мы дружбу вашу соблюсти желаемъ, того ради благовременно представить, дабы вы для пользы, какъ нашей, такъ и вашихъ подданныхъ, и ради безопаснѣйшей свободности коммерціи въ реченномъ морѣ, постаралися при дворѣ Шведскомъ о позволеніи свободной коммерціи во всѣхъ Балтійскихъ, не исключая и нашихъ, гаваняхъ; въ чемъ мы вамъ обще съ прочими союзниками вспомогать готовы, и ожидаемъ отъ праводушія вашего соизволительной на сіе резолюціи; мы же взаимно съ стороны нашей во всякихъ приключающихся случаяхъ вашему высокомочію, по желаніямъ вашимъ, охотно дружески воздавать за то, и подданнымъ вашимъ всякое благоволеніе оказывать равномѣрно не оставимъ“, и проч.

Въ Петербургѣ, впродолженіи суда.

Дѣянія, т. VI, с. 157—159.

Монархъ передалъ царевича суду Іюня 14 дня, а 15 числа упражнялся въ спускѣ на воду новопостроеннаго военнаго о 70 пушкахъ корабля, по имени Нептуна, и того же числа разсматривалъ учиненный Россійскими архіереями отвѣтъ на представленіе Сорбонскія академіи.

Іюня 16 далъ монархъ сыну своему вопросительные пункты, а 17 по онымъ былъ онъ допрашиванъ. 18 же числа разсматривалъ поданное отъ архіереевъ же разсужденіе о преступленіи сына своего; а 19 числа, поелику его величество увѣдалъ, что избирались изъ общества купеческаго въ фискалы изъ первостатейныхъ купцовъ, отъ чего они принуждены были не распространять свои торговые промыслы, но уменьшать: того ради и повелѣлъ избирать въ сію должность изъ средней и меньшой статьи купцовъ, но достойныхъ, и съ нихъ по выборѣ никакихъ не брать податей, платить оныя за нихъ всѣмъ городомъ, и прочее.

21 числа отослалъ помянутое духовныхъ разсужденіе въ собраніе судей; а наканунѣ онаго издалъ указъ, повелѣвающій нищихъ, которые, не записываяся въ устроенныя для нихъ богадѣльни, таскаются по міру, забирать подъ стражу, и допрося, чьи они и откуда, и какой ради причины по міру бродятъ, за первой разъ, наказавъ батожьемъ, отдавать ихъ хозяевамъ съ роспискою, и приказать тѣмъ, кому они отданы будутъ, за ними смотрѣть на-крѣпко, дабы впредь не бродили, милостыни не просили, а кормили бы господскихъ господа, а дворовыхъ старосты и сотскіе, собирая на тѣхъ бѣдныхъ на хлѣбъ и на одежду съ обывателей

сельскихъ. А дабы они даромъ хлѣбъ не ѣли, то бъ не увѣчные и не престарѣлые заработывали у нихъ оной, буде же вторично и третично таковыхъ бродягъ когда поймаютъ, то наказывать кнутомъ и отсылать въ каторжную работу. А бабъ въ шпингаусъ, робятъ же, высѣкши батожемъ, отдавать на суконныя фабрики; а за несмотрѣніе, съ помѣщиковъ, хозяевъ или духовныхъ властей, также съ старостъ и прикащиковъ, допустившихъ ихъ до сего, брать штрафу за каждаго по пяти рублей, заключая все сіе сими словами : „И того накрѣпко смотрѣть оберъ-комендантамъ и комендантамъ и чинить имъ отъ себя тѣмъ, кому богадѣльни и нищіе приказаны, всякое вспоможеніе, а въ Санктпетербургѣ того смотрѣть генералу-полицiймейстеру." Между симъ же, когда приговоръ судей заключался о преступленіи сына его, монархъ упражнялся въ адмиралтействѣ въ отдѣлкѣ девяносто-пушечнаго корабля, который онъ своими же руками и закладывалъ. Умалчиваю уже о томъ, что всѣхъ дѣлъ монаршихъ, у котораго всѣ минуты были ими заняты, мнѣ знать невозможно.

Въ Дополненіяхъ, т. xii, с. 75.

1 Іюня слушалъ св. литургію въ Троицкомъ соборѣ, присутствовалъ при посвященіи ректора Ѳеофана Прокоповича въ Псковскіе архіереи (1).

---

(1) Для любопытныхъ не непріятно, надѣюсь, будетъ узнать, что посвященіе въ архіереи сего мужа, знаменитаго, какъ по ученію, такъ по отличному монаршему къ нему благоволенію, было духовенству Россійскому весьма непріятно. Доказываетъ сіе наставленіе, данное отъ блюстителя престола патріаршаго, *Стефана Яворскаго*, митрополита Рязанскаго, архіереямъ *Алексію* Сарскому и Подонскому и *Варлааму* Тверскому и Кашинскому, коихъ велѣно было прислать въ Петербургъ для того посвященія. Въ семъ наставленіи предписано представить монарху, что

3 числа монархъ, яко полковникъ Преображенскаго полку, приведя его въ строю на площадь предъ Лѣтній садъ, екзерцировалъ оной; по окончаніи чего гулялъ съ офицерами по саду, гдѣ ея величество изъ своихъ рукъ поднесла каждому изъ нихъ по рюмкѣ вина; послѣ сего его величество посѣтилъ прапорщика Спицына въ его квартирѣ, и пробылъ у него до *12* часу вечера.

4 занимался весь день въ кабинетѣ.

5 посѣтя князя Меншикова, ѣздилъ съ нимъ на верейкѣ къ галерному двору, гдѣ спустилъ на воду двѣ новопостроенныя камели.

6 числа занимался учрежденіемъ полиціи, а *7* открылъ оную своимъ присутствіемъ, и объ учрежденіи оной публиковалъ указъ.

8 слушалъ св. литургію, совершаемую новопосвященнымъ Псковскимъ епископомъ Ѳеофаномъ, у котораго, благоволивъ откушать, пробылъ до 8 часу вечера.

9 и 10 чиселъ занимался въ кабинетѣ своемъ.

11 присуствовалъ въ сенатѣ отъ *6* до *11* часовъ; опредѣлилъ въ коллегіи вице-президентовъ, совѣтниковъ,

---

іеромонахъ *Прокоповичъ* подалъ самъ себѣ препятіе къ архіерейству ученіемъ своимъ, не согласнымъ съ святою каѳолическою церковію. Въ чемъ же, по мнѣнію его, состояла сія противность, тому приложилъ 12 статей; но я, не помѣщая ихъ здѣсь, удовольствуюсь сказать, что содержащееся въ нихъ ученіе согласно съ содержащимся въ книгѣ его, извѣстной подъ названіемъ: *Иго неудобоносимое,*—и требовалъ, чтобъ сей, прежде посвященія своего въ архіереи, учинилъ публичное, съ покаяніемъ, отреченіе отъ того ученія своего; ежели же того онъ не учинитъ, то въ такомъ случаѣ, не посвящая его, просить монарха отослать статьи тѣ къ вселенскимъ патріархамъ, и до рѣшенія ихъ отложить посвященіе то въ архіереи. Но изъ слѣдствія однако же видно, что *Ѳеофанъ* оправдалъ свое ученіе предъ монархомъ, и сей мудрый государь почелъ излишнимъ требованіе блюстителя, и, не отлагая ни мало, повелѣлъ посвятить его въ архіереи.

ассессоровъ, секретарей и нижнихъ служителей [1]; послѣ обѣда посѣтилъ корабельнаго мастера Рамза, и пробылъ у него до 11 часу вечера.

12, *13* и *14 чиселъ* князь Меншиковъ не видалъ государя, а потому въ журналѣ его ничего о его величествѣ и не записано.

15, въ день воскресный, далъ помѣщенныя въ дѣлѣ царевичевѣ архіереямъ и свѣтскимъ чинамъ толь трогательныя объявленія о безпристрастномъ разсмотрѣніи дѣлъ сына его и проч. Св. литургію слушалъ въ Троицкомъ соборѣ. Послѣ обѣда съ княземъ Меншиковымъ былъ въ адмиралтействѣ, осматривалъ заготовленный для спуску на воду новый военный корабль, а въ 5 часу, при собраніи всѣхъ чиновъ и народа, спустилъ оной на воду, и пробылъ на немъ до 12 часу вечера.

16, *17 и 18 чиселъ* князь Меншиковъ не видалъ государя, ибо его величество занимался въ оные дни въ кабинетѣ своемъ.

Указъ его о разсматриваніи писемъ, подъ конвертами иностранныхъ къ плѣннымъ Шведамъ и къ арестованнымъ особамъ доставляемыхъ, и отъ нихъ отпускаемыхъ, 17 числа состоявшійся, и углубленное разсматриваніе монархомъ 18 числа учиненнаго архіереями разсужденія о преступленіяхъ царевича, сына его, сіе доказываютъ.

19 числа, въ слѣдствіе послѣдняго, самъ монархъ былъ въ крѣпости и присутствовалъ при розысканіи

---

(1) Изъ числа которыхъ извѣстни мнѣ въ сей день пожалованные: въ коммерцъ-колегію вице-президентомъ баронъ *Ниротъ*, совѣтникомъ *Паул-Банеръ*, ассессоромъ *Солдъ*, коммисаромъ *Штерманъ*, секретарями *Кохіусъ* и *Боме*, переводчикомъ *Цвитъ;* въ нижніе служители 16 человѣкъ, всѣ иностранные же. Въ юстицъ-колегію вице-президентомъ *Бевернъ*, протонотаріусомъ *Гейденбейхъ*. Въ статсъ-контору *Боме*. Къ городнымъ дѣламъ ассессоромъ *Шлаттеръ* и проч.

дѣлъ участвовавшихъ въ преступленіяхъ царевича, какъ о семъ выше записано; а послѣ обѣда послалъ къ его высочеству три вопросные пункта, и указъ въ сенатъ, касающійся до избранія изъ общества купеческаго во всѣхъ городахъ фискаловъ, означенный на стр. 158 того же тома.

20 Монархъ паки разсматривалъ помянутыя преступленія въ крѣпости же; и въ тотъ же день занимался дѣлами, до благоустройства касающимися, какъ то свидѣтельствуетъ указъ его, сего же числа изданный о нищихъ, дабы оные отнюдь не шатались по-міру, съ предписаніемъ точнаго о нихъ распредѣленія. Послѣ обѣда его величество посѣтилъ князя Меншикова, и гулялъ съ нимъ по саду до 11 часа вечера.

21 и 22 чиселъ великій государь углублялся паки въ разсматриваніе дѣлъ, до царевича касающихся, въ своемъ кабинетѣ. Отосланное, въ первое изъ показанныхъ число, разсужденіе духовныхъ въ собраніе судей сіе доказываетъ.

II.

ПИСЬМА

ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА КЪ ОТЦУ.

Изъ собранія, изданнаго г. Мурзакевичемъ, въ Одессѣ, въ 1846 году

(См. выше, с. 324.)

Милостивѣйшій Государь Батюшко!

Пріѣхалъ я въ Смоленскъ, Мая въ 15 день, и всякаго провіанту здѣсь, по моему осмотру, и по вѣдомости, которую я взялъ у Петра Самойловича за его рукою, и что вычелъ я на Смоленскій гварнизонъ, послалъ вѣдо-

мость въ семъ пакетѣ; а что буду дѣлать впредъ, буду писать къ тебѣ государю. Сынъ твой Алексѣй благословенія твоего прошу. *Изъ Смоленска, въ 17 д. 1707.*

Доношу тебѣ государю: написано мнѣ въ пунктахъ, чтобъ собрать хлѣбъ съ Смоленскаго уѣзду, и съ приписанныхъ къ нему трехъ пригородовъ, и со обрѣтающихся кругомъ, по сторонамъ, вблизи, городовъ.

И съ Смоленскаго уѣзда съ пригородами собрать повелѣннаго числа и къ наличному хлѣбу невозможно для того, что въ Смоленскомъ уѣздѣ и съ пригороды 20,499 дворовъ. И на всякой дворъ достанется сухарей и муки по четверти съ полуторомъ четверикомъ, овса по 6 четвертей со осминою, сѣна по 100 пудъ.

А обрѣтающіеся вблизи всѣ городы приписаны къ Брянску, (и мнѣ по пунктамъ даннымъ мнѣ взять ихъ невозможно), и я приписалъ иные и дальные городы, 16 городовъ, (кромѣ Смоленскихъ 3 пригородовъ), и о томъ писалъ я къ Москвѣ. И на тѣ всѣ, и Смоленскіе городы, расположилъ я на дворъ по 1 четверти овса, по полтора четверика сухарей, сѣна по 16 пудъ по 20 фунтовъ, и о семъ послалъ я указы вчерашняго дня. А въ которые городы посланы указы, посылаю вѣдомость къ тебѣ государю съ симъ письмомъ.

Да въ Смоленскѣ изъ собраннаго наличнаго хлѣба расходъ есть, и тому расходу послалъ вѣдомость къ тебѣ-же государю, и впредъ имъ давать ли? *Изъ Смоленска. Мая въ 20 д. 1707.*

Писалъ я въ прежнемъ письмѣ къ тебѣ государю, что послалъ указы въ городы, (къ онымъ съ Москвы опредѣленные), и нынѣ для лутшаго собранія, съ дальныхъ сѣно возить не велѣлъ, а положилъ сѣно на ближніе, а овесъ и сухари на дальные, и указы о семъ въ тѣ

городы посланы, и въ привозѣ есть малое число, о чемъ буду писать впредь къ тебѣ государю.

О болѣзнехъ своихъ доношу, что обѣимъ нѣтъ лехче, а выходитъ больше прежнего, по вся дни, и тяжеле. *Изъ Смоленска. Мая въ 31 д. 1707.*

Прошу у тебя у государя о писаніи, о твоемъ здравіи, и на посланныя прежнія мои къ тебѣ государю писма отвѣту, о чемъ имѣю печаль, что отъ тебя государя писемъ не получилъ. *Изъ Смоленска. Іюня въ 5 д. 1707.*

Получилъ я вчера писмо отъ Гаврила Ивановича, писанное по указу твоему, чтобъ собрать овесъ, и стараго треть, а двѣ доли изъ новаго. И по указу твоему исполнять буду, только имѣю печаль о семъ, что не получилъ милостиваго твоей руки писанія себѣ.

Поздравляю тебѣ государю въ день тезоименитства своего, и съ полученною викторіею надъ Быховымъ. Дай Боже и впредъ такое щастіе. *Изъ Смоленска, Іюня въ 23 д. 1707.*

P. S. Въ зборе у насъ только: овса 2,805 чет., сухарей 503 чет., и нынѣ плотятъ по немногу.

Писмо твое государь милостивое (о опредѣленіи рекрутъ и Петровскихъ солдатъ и стрѣлцовъ Астраханскихъ) я получилъ Іюля въ 31 д., въ вечеру. И по тому писму Астраханскихъ стрѣлцовъ отправилъ въ Оршу Августа въ 3 д. А рекрутъ и Петровскихъ солдатъ отправляю нынѣ; а когда отправлю все, буду писать къ тебѣ государю подлинно.

Поздравляю тебѣ государю съ новополученною викторіею надъ непріятелемъ, за Сестрою рѣкою; дай Боже впредь счастіе, чего усердно желаю. *Изъ Смоленска. Августа въ 5 д. 1707.*

Пріѣхалъ я къ Москвѣ Октября въ 24 д., въ ночи, и на утро осмотрѣлъ фортецію кругомъ Китая отъ при-

казу артилеріи до стѣны, что въ Василіевскомъ саду. Сдѣлано 1 болворокъ совсѣмъ, и уже пушки поставлены, а на прочихъ нижніе также, и у иныхъ и верхніе въ иныхъ мѣстахъ, и кромѣ дерну (глиною съ хворостомъ) отдѣлываются въ иныхъ мѣстахъ, и штормпалъ положены. На Неглиннѣ, гдѣ былъ тележной рядъ, болворокъ поднятъ, только еще брустверъ не здѣланъ и ѳланка, которая къ Неглиннинскимъ воротамъ, сваи побиты, и зачали дѣлать, и по Неглиннѣ до Неглиннинскихъ воротъ бьютъ сваи-жъ. У Охотнаго ряду кругомъ круглой башни, въ Неглиннѣ, зачали дѣлать полболворка. У Боровицкихъ воротъ роютъ до фундамента, гдѣ зачинаютъ болворокъ. По Москвѣ рѣкѣ, между Тайницкихъ и Москворѣцкихъ воротъ оставливаютъ бревнами и насыпаютъ землею, и дѣлаютъ брустверъ. А отъ Тайницкихъ воротъ до Водовзводной, и отъ Москворѣцкихъ воротъ до Василіевского саду, такожде будетъ оставлено бревнами. На Кремлевскихъ башняхъ бойницы пробиты, и пушки ставятъ.

Гварнизонъ съ сего числа стану смотрѣть, и что явится, буду писать къ тебѣ государю, а по вѣдомости отъ господина Гагарина всего гварнизону 2,500, а работниковъ 24,792 человѣка, и указное число велѣлъ я прибавить, чтобъ было 30,000. *Изъ Преображенскаго, Октября въ 27 д. 1707.*

Дѣло здѣшнее городовое зѣло было до сего времени худо, (для того, что были надсмотрители надъ работными худые), и я того ради предложилъ всѣмъ министромъ, дабы они всякъ себѣ взялъ по болворку, и дѣлалибъ скоряе. И нынѣ раздѣлено имъ всякому по болворку, и кому гдѣ опредѣлено, тому въ семъ писмѣ вѣдомость. А дерновая работа уже гораздо худа, для того, что

здѣсь уже снѣгъ палъ. Артилерію, что надлежитъ къ наличному, велѣлъ готовить.

Гварнизонъ, по даннымъ Мусину пунктамъ, чтобъ было въ 13,000, и о семъ говорилъ я, и господинъ Стрешневъ людей боярскихъ доставилъ къ смотру, и нынѣ ихъ смотрю, также господинъ Ивановъ рекрутъ, и господинъ Курбатовъ посацкихъ, хотѣли поставить вскорѣ, а какъ ихъ пересмотрю, буду смотрѣть лансъ-армею. *Изъ Преображенскаго, Ноября въ 8 д. 1707.*

Писмо твое, государь, получилъ вчера, за что всеусердно благодарствую, и впредъ того желаю. И потому писму исполнять буду всею силою; а чтобъ здѣлать пять полковъ, и то какимъ возможно образомъ набирать буду. А объ офицерахъ указъ сказанъ прежде сего писма занедѣлю, чтобъ всѣ офицеры, которые кроются, и недоросли всѣ явилися мнѣ; а кто не явится, и у тѣхъ будутъ отписаны деревни. И по тому указу недоросли записываются, а офицеры еще нѣтъ. И нынѣ я, по указу твоему, пошлю добрыхъ людей съ солдаты, и стану ихъ искать, и ково не сыщу, велю деревни отписывать вовсе, и отсылать буду къ Ершову вовсе. А царедворцевъ въ городахъ собранныхъ нѣтъ: всѣ собраны къ Москвѣ, (и которые на Елцѣ, и тѣмъ велѣно-жъ быть), и изъ нихъ молодыхъ выбравъ велю учить, и здѣлаю ихъ самихъ рядовыми, и потомъ отдамъ въ вышеписанные полки въ офицеры, (а которые офицеры есть заполонные, и тыхъ туды-жъ отдамъ), такожде и кадетовъ и недорослей велю учить. А которые есть недоросли безъпомѣстные, деревень за ними нѣтъ, просятъ корму: сказываютъ, что имъ ѣсть нечего; а у меня корму взять негдѣ; боюсь, чтобъ неразбѣжалися. Откуды изволишъ имъ кормъ брать. Также, которые будутъ набраны пять полковъ, деньги и провіантъ имъ откуда брать? Артилерію

изготовя, буду ожидать писма, а рекрутъ изготовя посылать ли въ Смоленскъ? Понеже въ писмѣ велѣно изготовить ихъ къ присылкѣ въ Смоленскъ, а когда посылать, о томъ умолчано. *Изъ Преображенскаго. Генваря въ 27 д. 1708.*

Писмы твои, государь, писанныя одно изъ Денцолъ въ 17 д., другое изъ Троцка въ 22 д., третее изъ Троцка-жъ въ 25 д., здѣсь получены въ 6 д. Февраля, и мню, что сіе писмо въ пути умедлило, (которое насъ зѣло опечалило, и покамѣстъ денщикъ Семенъ не пріѣхалъ, въ великой печали были мы). И въ тотже день я у полковника былъ самъ и говорилъ ему, что готовы-ль у него тѣ матеріалы, которые обѣщалъ тебѣ онъ здѣлать? и онъ сказалъ: что-де я не зачиналъ еще. И я ему приказалъ, чтобъ готовилъ немедленно; и онъ сказалъ: что-де надобно работать двѣ недѣли. И я ему говорилъ: чтобъ какъ возможно поскоряя. И онъ зачать хотѣлъ вчера, и какъ готово будетъ, буду писать къ тебѣ государю.

Четвертое письмо, писанное изъ Вилни въ 30 д. Генваря, я получилъ въ 7 д. Февраля, въ вечеру поздно, чрезъ денщика Семена, (которой насъ, возвѣщеніемъ здравія вашего, зѣло отъ прежде писанной печали обрадовалъ), въ которомъ изволишь подтверждать прежнія писма, чтобъ мнѣ врученныя мнѣ дѣла какъ наискоряя управлять. И о семъ изволь извѣститься отъ другихъ, истинно я со всякимъ прилежаніемъ врученныя мнѣ дѣла управляю, какъ возможно скоро. Только въ городовомъ строеніи великая есть неспѣшность, для того что въ которомъ мѣстѣ опредѣлено большому государю и господину Мусину и меншому государю вновь, и о томъ болши недѣли отъ господина Шпарейтера не могъ добиться, чтобъ размѣрялъ и указалъ какъ дѣлать. И я о семъ говорилъ всегда, и онъ все сказываетъ: добро;

только долго сего добра слышалъ на словахъ, а не на дѣлѣ. И нынѣ уже зачали недавно, и дѣлаютъ. Только господинъ комендантъ работниковъ нескоро собираетъ, и нынѣ только собрано одиннадцать тысячь, и о семъ я великую имѣю печаль, (что нескоро повелѣніе твое дѣлаютъ), и безпрестанно говорю, чтобъ сбирали, и мнѣ тожъ сказываютъ, что и Шпарейтеръ сказывалъ прежъ сего. Артилерію послалъ въ Пітербурхъ, и какъ приѣдетъ въ Новъгородъ, велѣлъ писать; а осмифунтовыя пушки повезены съ двѣ недѣли, и я послалъ, чтобъ ихъ везть въ Полоцкъ. Господинъ Голицынъ поѣхалъ въ Кіевъ прежде сего писма, и я послалъ къ нему, чтобъ онъ ѣхалъ съ поспѣшеніемъ.

Писма къ тебѣ, государю, писалъ многія, только отвѣтствованія неполучилъ, дошли-ли или нѣтъ, (только о одномъ вѣдаю чрезъ твое государя писмо, что дошло, которое послано съ нарочнымъ куріеромъ), и нынѣ посылаю въ семъ пакетѣ со всѣхъ писемъ копіи, и прошу на оныя рѣшенія. Поклонъ святѣйшему и прочимъ отдалъ. *Изъ Преображенскаго. Февраля въ 10 д. 1708.*

P. S. Здѣсь, по указу твоему, собрано недорослей 130, въ пять полковъ солдатъ 500, волницы 50; нынѣ идутъ.

Извѣствую тебѣ государю, святѣйшій поѣхалъ сего дня, и прочіе иные поѣхали, а иные поѣдутъ вскорѣ. А тетушка изволитъ ѣхать въ нынѣшнюю недѣлю. А оставшему мнѣ зѣло печально, что милости твоей не вижу. Въ Московской гварнизонъ съ одной Москвы 1,000 человѣкъ собрано, и господину коменданту отданы. А прочіе 2,000, собравъ, отдамъ ему же вскорѣ. *Изъ Преображенскаго, Марта въ 19 д. 1708.*

Писма твои, государь, два: 1 чрезъ Егузинского, 2 чрезъ Сафонова, я получилъ, въ которыхъ изволишь писать о полученіи изрядныя надъ непріятелемъ викторіи;

съ которыми тебѣ государю поздравляю. Дай Боже и впредь милость свою и щастіе, сего желаю всегда. *Изъ Преображенскаго, Октября въ 9 д. 1708.*

Писмо твое, государь, писанное въ 29 д. Іюля, я третьяго дня здѣсь получилъ, изъ котораго увѣдомился, что Вышній, по многимъ на земли побѣдамъ, и на мори (никогда слыханною у насъ) викторіею, чрезъ ваши труды, прославити изволилъ. И о семъ, съ превеликою радостію, тебя государя поздравляю, желая, дай Боже, сколько на землѣ Россію побѣдами прославилъ, чтобъ на морѣ сугубо прославити изволилъ. *Изъ Карлесъ-бади. Сентября въ 2 д. 1714.*

III.

Нынѣшнее положеніе

ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ВЪ МОСКВѢ.

(Изслѣдовано, по моему порученію, А. Е. Сорокинымъ, старожиломъ Преображенскимъ).

Дворецъ Петра Великаго находился на Генеральной улицѣ, былъ каменный, двухъ-этажный, съ тремя на улицу окнами, съ желѣзными въ нихъ рѣшетками; онъ выходилъ переднею стороною на Генеральную улицу, заднею на рѣку Яузу, отдѣлявшую его отъ Сокольническаго поля. Сломанъ въ 1810 или 11 году купцемъ Лаврентіемъ Осиповымъ; матеріалы употреблены на фабрику при Хапиловкѣ, въ Преображенскомъ, а бутъ отданъ мѣщанину Гордому на отстройку его дома въ Семеновскомъ. Подобный ему фасадомъ находится флигель въ Санктпетербургскомъ Лѣтнемъ саду. Въ настоящее время нѣтъ никакихъ слѣдовъ дворцоваго строенія, а находившаяся подъ нимъ земля до сего времени принадлежитъ Мос-

ковской дворцовой конторѣ, и нанимается частными лицами подъ стройку зданій, съ обязательствомъ во всякое время строеніе снести и землю очистить и сдать конторѣ. Здѣсь былъ домъ купца Константина Егорова, а теперь Калашникова. Эта земля состоитъ въ межахъ, съ правой стороны, съ домомъ купчихи Усковой, а съ лѣвой—съ домомъ купцовъ Гучковыхъ (1).

Неподалеку отъ дворца, за Хапиловскимъ прудомъ, находилась царская медоварня, деревянная, послѣ которой нѣтъ нынѣ никакихъ слѣдовъ, а бывшая подъ нею земля отдается въ наймы подъ огороды, и принадлежитъ Московской дворцовой конторѣ.

Въ Семеновскомъ и доселѣ называется переулокъ Медовой, въ которомъ была медоварня.

На мѣстѣ бывшей полотняной церкви Преображенскаго полка, нынѣ находится въ Преображенскомъ на самомъ рынкѣ церковь во имя Преображенія Господня, съ придѣломъ Св. Апостоловъ Петра и Павла, сооруженная въ 1768 году. Эта церковь, по народному названію, извѣстна подъ именемъ Петропавловской церкви въ Преображенскомъ, и въ ней современнаго Петру Великому нѣтъ ничего.

Подлѣ той церкви, гдѣ нынѣ домъ діакона, находилась тайная канцелярія, деревянная, одноэтажная, съ небольшимъ крыльцомъ.

Преображенскій приказъ—противъ, чрезъ переулокъ, деревянный, трехъ-этажный, этажъ этажа уже, съ деревянною кровлею, на верху которой стоялъ деревянный

(1) Изъ Петровскаго дворца „персоны" древнихъ царей: Іоанна Грознаго, Өеодора, Василія, Михаила, Алексѣя, Іоанна и царицы Наталіи Кирилловны, я получилъ отъ А. Е. Сорокина, которому они достались по наслѣдству отъ дѣда, купившаго ихъ при распродажѣ дворцовой утвари и рухляди. *М. П.*

рѣзной пѣтухъ; приказъ былъ обнесенъ вокругъ деревянными заборами. Нынѣ здѣсь домъ купца Хлѣбникова. Напротивъ приказа, къ южной сторонѣ, были цейхаузы полковые, а позади, къ сѣверной, и впереди приказа, къ восточной сторонѣ, по Камеръ-коллежскому валу, стояли зданія Преображенскаго полка и его начальниковъ, а на самомъ валу, гдѣ нынѣ Преображенская застава, былъ селитряный казенный заводъ. Въ настоящее время нѣтъ никакихъ слѣдовъ тѣхъ зданій, кромѣ только того, что въ Преображенскомъ доселѣ еще нѣкоторыя улицы удержали память Преображенскаго полка, называясь полковыми именами, а именно: Девятая рота, Суворова и Божанинова, и Палочный переулокъ.

Къ западной сторонѣ отъ приказа, подъ горою къ рѣкѣ Яузѣ, гдѣ нынѣ конный дворъ Матросской богадѣльни, — кабакъ Кафиль, пониже его — временныя тюрьмы, изъ коихъ одна была большая, а прочія малыя. За Яузою къ Сокольническому полю, на берегу, существовалъ деревянный острогъ огороженный вострыми къ верху, сплоченными бревнами. Нынѣ здѣсь бани Крюкова. Далѣе острога, у самой уже Сокольничьей рощи, былъ каменный потѣшный дворецъ, съ деревянною при немъ церковію во имя Обновленія храма Воскресенія Христова. Въ настоящее время нѣтъ никакихъ слѣдовъ тѣхъ зданій, а самая церковь перенесена въ Екатерининскую (Матросскую) богадѣльню.

Идя отъ Преображенскаго приказа къ Петровскому дворцу, по Генеральной улицѣ, позади Кафиля, былъ прудъ, образовавшійся на мѣстѣ казни преступныхъ стрѣльцовъ, чрезъ ночь послѣ казни. Вырыта была яма, и на валу, составившемся изъ вырытой земли, происходили казни. Болящіе глазами умывались въ томъ

прудѣ, и получали будто бы исцѣленіе, по словамъ народнаго преданія. Теперь этого пруда нѣтъ. Мѣсто казни Милославскаго—напротивъ острога, на томъ берегу Яузы, на которомъ Преображенскій приказъ.

Въ Семеновскомъ, на мѣстѣ Семеновскаго полка полотняной церкви, нынѣ находится каменная церковь во имя Введенія во храмъ Пресв. Богоматери, построенная въ 1731 году прихожанами, служившими въ Семеновскомъ полку. Въ ней образъ храмоваго праздника древній, XVII вѣка, хорошихъ иконописцевъ Московскихъ, царскихъ.

Подлѣ этой церкви, на рѣчкѣ Хапиловкѣ, была казенная мельница, которая и доселѣ уцѣлѣла, но принадлежитъ частнымъ владѣльцамъ; а идя къ рѣкѣ Яузѣ, отъ церкви къ западу, находился прачечный дворъ, который и доселѣ существуетъ, и принадлежитъ казнѣ. За Камеръ-коллежскимъ валомъ, у Семеновской заставы, былъ черепичный заводъ, а подлѣ Камеръ-коллежскаго же вала, внутри города, на Веденскихъ горахъ, кирпичный. Этихъ заводовъ и слѣдовъ нынѣ нѣтъ: остались только однѣ ямы, изъ которыхъ брали глину.

Отъ Хапиловской мельницы вверхъ по Хапиловскому пруду на полверсты, среди пруда, находился островъ, на которомъ была устроена Петромъ Великимъ крѣпость съ подъемными мостами. Этотъ островъ сохранился доселѣ, но знаковъ крѣпости не осталось.

ЦАРЕВИЧЪ

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ,

ПО ДОКУМЕНТАМЪ ВНОВЬ НАЙДЕННЫМЪ.

Вновь открытыми свидѣтельствами по дѣлу о судѣ надъ несчастнымъ сыномъ Петра Перваго, обязаны мы любознательности почтеннаго ревнителя Русской Исторіи, Г. В. Есипова, который, занимаясь въ архивахъ, нашелъ подъ спудомъ эти любопытныя бумаги. (*) Исчислимъ ихъ:

1. Письма Царевича Алексѣя Петровича къ духовнику его, Якову Игнатьеву (65).

2. Письма Царевича къ его кормилицѣ (48).

3. Письма Царевича къ Петру Первому (26), въ продолженіи втораго путешествія.

4. Три письма къ Царевичу отъ духовника его.

5. Современная выписка изъ слѣдственнаго дѣла о столярѣ *Королькѣ*, принадлежавшемъ къ дому князя Меньшикова.

6. Приходорасходная книга Тайной Канцеляріи за 1718 г.

7. Приходорасходная тетрадь, веденная собственноручно Царевичемъ при поѣздкѣ его за границу въ 1714 г.

8. Собственноручныя выписки Царевича изъ Баронія.

9. Двѣ современныя молитвы за Царевича.

10. Реэстръ бумагамъ, найденнымъ у князя Василья Владимировича Долгорукова и Кикина.

11. Опись бумагамъ, найденнымъ у Царевича.

12. Записка о Кіевскомъ митрополитѣ Іоасафѣ.

13. Цыфирныя азбуки, найденныя въ 1718 г. у Царевича и Кикина.

14. Три письма Царевича къ Мусину-Пушкину.

15. Выписка изъ современныхъ иностранныхъ курантовъ о Царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ.

(*) Онѣ напечатаны подъ заглавіемъ: Собраніе документовъ и проч. Москва. 1861.

16. Цыфирь, писанная рукою Аврама Веселовскаго, найденная въ бумагахъ Кикина.

17. Письмо Царицы Грузинской къ Царевичу.

18. Письмо Беклемишева къ Царевичу.

Эти свидѣтельства проливаютъ новый свѣтъ на все дѣло: знакомятъ насъ съ характерами дѣйствующихъ лицъ, представляютъ наглядно разныя ихъ отношенія между собою, и сообщаютъ свѣдѣнія о расположеніи умовъ. Онѣ дополняютъ многіе пробѣлы и исправляютъ нѣкоторыя невѣрности.

Важнѣйшее свѣдѣніе, доставляемое ими, состоитъ въ слѣдующемъ: около Царевича, съ самыхъ молодыхъ его лѣтъ, находилось нѣсколько лицъ, составлявшихъ какое-то особое дружеское общество; они имѣли свои виды и дѣйствовали сообща, въ отдаленіи отъ прочихъ, наблюдая разныя предосторожности: говорили между собою, а иногда и переписывались, языкомъ условнымъ, употребляли тайныя азбуки. Вотъ эти лица:

Василій Григорьевичъ, Андрей Өедоровичъ, Алексѣй Ивановичъ, Иванъ... Нарышкины. Изъ нихъ Алексѣя Ивановича мы видимъ по прежнимъ документамъ при Царевичѣ еще въ 1702 г. Вѣроятно, всѣ они поступили къ Царевичу по родству ихъ съ матерью Петровой, Наталіею Кириловною Нарышкиною.

Никифоръ Кондратьевичъ Вяземской, учитель и надзиратель Царевичевъ съ дѣтства.

Василій Ивановичъ Колычовъ, мужъ его кормилицы [1].

Өедоръ Борисовичъ Еварлаковъ, принадлежавшій къ домовому управленію Царевича.

---

(1) И такъ въ кормилицы къ царевичамъ брались женщины изъ знатныхъ родовъ.

Изъ духовныхъ лицъ: Духовникъ Царевича Яковъ Игнатьевичъ.

Благовѣщенскій ключарь Иванъ Аѳанасьевичъ.

Протопопъ Алексѣй.

Священникъ Леонтій Григорьевъ изъ Грязной слободы въ Москвѣ.

Упоминаются еще въ числѣ лицъ, кому посылались поклоны:

Андрей Михайловичъ.

Иванъ Ивановичъ (не Нарышкинъ ли? См. выше).

Михаилъ Григорьевичъ Нарышкинъ.

Ѳедоръ Сергѣевичъ.

Изъ женскихъ лицъ упоминаются часто:

Акулиша, дочь Вологодскаго архіепископа Іосифа. (1)

Варсонофія. (2)

Были и другіе, кромѣ названныхъ, какъ видно изъ писемъ Царевича, соборныхъ, упоминающихъ о компаніи.

Августа 16, 1706, изъ Вязьмы: „Поклонись, пожалуй, Ивану Аѳан. ключарю, и Жибандѣ (3) и прочимъ.“ (11)

Іюля 29, 1707, изъ Смоленска: „Пречестный мой отецъ Іаковъ Игнатьевичъ, со всѣми приписавшимися въ письмѣ твоемъ *нашей компаніи*, старыми и новыми, здравствуй; ты съ ними, и они съ тобою“. (19)

Октября, изъ Конецполя: „Поклонись всѣмъ.“

Ноября 14, 1709: „*И всѣмъ прочимъ нашимъ знаемымъ* отдай отъ меня поклонъ“. (27)

---

(1) *Акулиша*. Г. Есиповъ называетъ ее женою Степана Цымбальщика.

(2) *Варсонофія*. Г. Есиповъ считаетъ ее за одно лице съ постриженой Василисой Ѳеимовной Козинской, упоминаемой также въ письмахъ часто. Нѣтъ. Варсонофія упоминается въ 1706 году Іюня 20 (см. письмо 8), а Василиса Ѳеимовна приглашалась на пиръ еще въ 1707 году, и была пострижена только въ 1708 году. Надо, по крайней мѣрѣ, объяснить это противорѣчіе.

(3) Значеніе этого и прочихъ условныхъ именъ см. ниже.

Января 15, 1710, изъ Кракова: „Поклонись всей компаніи отъ меня, брату Аду поздравляю праздникомъ Богоявленскимъ“. (29)

Декабря 7, изъ Кракова: „Поклонись всей компаніи, и брату нашея мѣрности возлюбленному Аду.“ (28)

Января 28, изъ Кракова: „*Соборное* посланіе получилъ“. (30)

Августа 5, изъ Дрездена: „Поклонись отцу Іудѣ и брату Аду и *прочимъ*, желаю имъ долголѣтно и благополучно жити въ милости Божіей, аминь“. (36)

Изъ Вольфенбиттеля, *Сент. 20:* „Сіе писаніе внѣ числа, *соборное.* Всечестнѣйшій отецъ съ патеромъ и дѣтками здравствуй“. (52)

Мая 20, 1712, изъ Гарца: „Поклонъ *всѣмъ* отдаю *знаемымъ* мнѣ добрымъ людямъ, а недобрыхъ, хотя и знаю, только дружбою не сообщаюся“. (56)

Все общество связано было между собою тѣснѣйшею дружбою: по крайней мѣрѣ Царевичъ всѣхъ членовъ искренно любилъ, принималъ участіе въ ихъ судьбѣ, помогалъ въ случаѣ нужды, подавалъ совѣты, ждалъ съ участіемъ отъ нихъ извѣстій; во многихъ мѣстахъ писемъ оказывается даже нѣжность и тонкость его чувства (см. письма подъ № 5, 20, 25, 32, 37, 49, 53, 58).

Маткою этого общества былъ, главное мѣсто занималъ духовникъ Царевичевъ, Яковъ Игнатьевъ, и письма къ нему — важнѣйшія свидѣтельства изъ найденныхъ.

Познакомимся съ этимъ примѣчательнымъ лицомъ.

Яковъ Игнатьевъ, протопопъ придворнаго собора у Спаса на Верху въ Кремлевскомъ дворцѣ, (1) какъ ока-

(1) Пришелъ въ Москву около 1680 года (27), былъ прежде діакономъ, служилъ въ Архангельскомъ соборѣ и былъ оттуда удаленъ; послѣ искалъ мѣста въ Благовѣщенскомъ соборѣ (54). Имѣлъ двухъ родственниковъ архіереями (50).

зывается изъ разсмотрѣнія вновь найденоыхъ писемъ, былъ родомъ изъ Владимира, или Суздаля, провелъ тамъ свою молодость, находился въ родствѣ и тѣсной дружбѣ съ дѣтскихъ лѣтъ съ Ростовскимъ епископомъ Досиѳеемъ (50), занявшимъ мѣсто С. Димитрія, главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ розыскѣ 1718 г. о Царицѣ Евдокіи. (1)

Ясно, что Яковъ Игнатьевъ принадлежалъ къ партіи Царицы Евдокіи, сосланной въ Суздаль и постриженной тамъ въ 1698 году,—и попалъ въ духовники къ Царевичу, вѣроятно, вслѣдствіе Суздальскаго указанія.

Не здѣсь ли таится связь розыска надъ Царевичемъ съ розыскомъ надъ Царицею? Судя по найденнымъ письмамъ, оказывается, что самая большая осторожность соблюдалась въ Алексѣевомъ обществѣ относительно Царицы матери и родственниковъ ея, Лопухиныхъ. Лопухиныхъ, разосланныхъ по дальнимъ городамъ, находившихся въ опалѣ, *въ компаніи* не видать; Царевичъ старается отклонить всякое сношеніе съ ними, и съ самою матерью. Вотъ принадлежащія сюда мѣста изъ писемъ:

Изъ Ярославля, въ Галиціи, 14 Ноября 1709:

„Во Владимиръ не ѣзди для Бога ни съ кѣмъ, ни съ Андреемъ Ѳеодоровичемъ“. (27)

„Во Владимиръ, мнѣ мнится, не надлежитъ вамъ ѣхать; понеже смотрѣльщиковъ за вами много, чтобъ изъ сей твоей поѣздки и мнѣ не случилось какое зло; понеже нынѣ многіе вѣдаютъ, въ какомъ ты у меня состояніи, и что все мое тебѣ ввѣрено, а помнятъ, что нѣчто и туда повезъ (?). Для Бога не ѣздій, по-

(1) Они называли другъ друга братьями, какъ свидѣтельствуетъ г. Есиповъ изъ другихъ документовъ, ходили по монастырямъ вмѣстѣ въ молодости.

неже съ 30 лѣтъ тамъ не былъ, и великое терпѣлъ, *мало ли не стерпишь*, а и когда буде и Адъ братъ будетъ просити въ Матренинскія древеса (?) по прежнему намѣренію, туда не ѣзди для Бога. (27)

. Іюня 13, 1712. Изъ Гарца: „Еще прошу для Бога, берегись общенія съ Аврамомъ Ѳедоровичемъ, и въ домъ его не ѣзди, и къ себѣ не пускай, понеже самъ ты извѣстенъ о семъ, что сіе вамъ и намъ не польза, а найпаче вредъ, того ради надо сего хранитися весьма. Только о семъ не сомнѣвайся: я такъ для опасенія писалъ, понеже и прежде сего я вамъ о семъ говаривалъ на Москвѣ многажды, чего ради и въ намѣренный путь вамъ возбранилъ ѣхать, опасаясь впредь какого случая, а нынѣ о семъ благодатіею Божіею ничего нѣтъ. Только пожалуй хранись, понеже любовь между нами многіи вѣдятъ, того ради подобаетъ хранитися". (57)

Сношеніе, впрочемъ, самое тайное, примѣтно. Въ письмѣ отъ 15 Марта, 1706 г. Царевичъ пишетъ: „Когда велишь мнѣ видѣть Г. Тезикова". (1)

Въ письмѣ отъ 23 Іюля 1706 г. Царевичъ проситъ духовника о затѣ его освѣдомиться чрезъ Г. Лопухина, а иного кромѣ его невозможно, для того, что онъ съ нимъ умѣетъ обходиться. (7)

Дѣло о постриженной Царицѣ поднято, безъ всякаго сомнѣнія, по отношенію, какое она и ея окружавшіе имѣли къ Царевичу Алексѣю Петровичу. Всѣ они захвачены и привезены въ Москву, лишь только начался розыскъ: Царевичъ привезенъ 1 Февраля, Царица Писаревымъ Февр. 16. (2)

---

(1) Владимирскаго ямщика, (по извѣстію г. Есипова), доставлявшаго письма духовнику отъ Царицы Евдокіи.

(2) Г. Устряловъ говоритъ (144), что на другой день (послѣ 2 Февраля) были посланы курьеры за названными лицами, въ Петербургъ и Суздаль.

Съ ея партіею порѣшено прежде, чѣмъ кончился розыскъ; она отправлена въ Ладогу, Царевна Марія Алексѣевна въ Шлюссельбургъ; Глѣбову, Кикину, Θеодору Пустынному, Журавскому, Ростовскому Архіерею Досиѳею, отрублены головы. Прочіе наказаны кнутомъ, ссылкою и проч.

Между тѣмъ во всемъ этомъ дѣлѣ, замѣтимъ мимоходомъ, во всемъ розыскѣ, нѣтъ ни слова о Царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ и объ отношеніяхъ къ нему казненныхъ преступниковъ. Выбраны для осужденія ихъ совсѣмъ другія вины—оставленіе монашескаго платья, поминаніе на ектеніяхъ, связь съ Глѣбовымъ. Всѣ эти вины такого рода, что не могли влечь за собою подобнаго уголовнаго наказанія. Всѣ эти вины, вѣроятно, извѣстны были прежде и оставлялись безъ вниманія, тѣмъ болѣе что противная сторона не отличалась же слишкомъ строгою непорочностію. Предать ихъ теперь суду, счесть ихъ достойными такого страшнаго наказанія, было дѣйствіемъ другаго разсчета и вмѣстѣ совершеннаго произвола, — новое разительное доказательство искусственности, недобросовѣстности процесса. (1)

Еслибы Петръ рѣшилъ кончить дѣло съ женою и сыномъ самъ по себѣ, безъ суда, безъ манифестовъ,

---

Нѣтъ. Писаревъ былъ посланъ позднѣе, ибо онъ прибылъ въ Суздаль только 10 числа.

(1) Ни Голикову, ни Устрялову, ни мнѣ, не приходила въ голову мысль о такой близкой органической связи этихъ дѣлъ. Всѣ мы смотрѣли на нихъ почти порознь, и дѣло о Царицѣ Евдокіи считалось только эпизодомъ, именно по тому, что въ его рѣшеніи не видѣлось настоящихъ причинъ, скрывавшихся между строками. А теперь разсмотрѣнныя письма духовника навели меня на нее, и я увидѣлъ, что и прежде, безъ этихъ писемъ, она должна была представиться. Такъ изслѣдованія, замѣчу мимоходомъ, имѣютъ свою какую-то жизнь, и та или другая мысль не можетъ явиться прежде, чѣмъ не будутъ пройдены извѣстныя постепенности.

безъ цитатъ изъ Священнаго Писанія, изъ Уложенія, то его оправдать, или, по крайней мѣрѣ, собрать circonstances attenuantes въ его пользу, объяснить, было бы для безпристрастнаго изслѣдователя, для строгаго историка, гораздо легче.

Возвратимся къ оставленному нами духовнику.

Яковъ Игнатьевичъ съ самаго начала возымѣлъ на Царевича сильное вліяніе, почти до самаго послѣдняго времени. Приведемъ отрывокъ изъ его письма, въ 1714 или 1715 г., въ которомъ онъ описываетъ первое свиданіе:

„....Во время первопришествія твоего ко мнѣ въ духовность, лежащу предъ нами, во твоей спальнѣ, въ Преображенскомъ, на столцѣ, Евангелію, и мнѣ тя предъ нимъ вопросившу сице: будеши ли заповѣди Божія исполняти, и преданія Апостольская и святыхъ отецъ хранити, и мене отца своего духовнаго, почитати, и за Ангела Божія и за Апостола имѣти, и за судію дѣлъ своихъ, и хощеши ли мене слушати во всемъ, и вѣруеши ли, яко и азъ, аще и грѣшенъ есмь, но такову же имѣю власть священства отъ Бога, недостойному дарованную, и ею могу вязать и рѣшити, какову власть даровалъ Христосъ Апостолу Петру и прочимъ Апостоломъ, глаголя: его же аще свяжете на земли, будетъ связанъ и на небеси, и его же аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшенъ и на небеси, и хощеши ли смиренія моего священству и власти во всемъ повиноватися и покорятися? И на сія вся вопрошенія моя благородіе твое предъ святымъ Евангеліемъ сице отвѣтствовалъ: Заповѣди Божія и преданія Апостолькая и святыхъ его вся съ радостію хощу творити и хранити, и тебе, отца моего духовнаго, буду почитати и за Ангела Божія и за Апостола Христова и за судію дѣлъ своихъ имѣти, и священства твоего власти слушати и покоритися во всемъ долженъ.“

Обращаю вниманіе на этотъ языкъ: не слышится ли въ словахъ стараго нашего Протопопа Якова Игнатьевича самъ Григорій VII, основатель папской власти? Не чувствуется ли сродства этой рѣчи съ притязаніями Патріарха Никона? Не объясняется ли ею характеръ первыхъ нашихъ раскольниковъ?

Прибавимъ, что Яковъ Игнатьевичъ во все время жесточайшихъ пыточныхъ истязаній, повторявшихся много разъ въ продолженіе года, битый и жженый, не показалъ ни на кого, между тѣмъ какъ изъ писемъ Царевича, открытыхъ случайно послѣ его казни, въ 1720 году, видно, что у него были многіе друзья, посвященные въ его тайны съ Царевичемъ.

Вотъ съ какими людьми имѣлъ борьбу Петръ Первый.

Это были люди совершенно другаго закала, и мы досихъ поръ разсуждали о нихъ слишкомъ поверхностно! Я увѣренъ, что чѣмъ больше будемъ мы изслѣдовать внутреннюю жизнь нашихъ предковъ, опрометчиво и легкомысленно нами пренебреженную, тѣмъ болѣе найдемъ доказательствъ.... но возвратимся къ нашимъ документамъ, чтобъ не увлечься въ общія разсужденія.

Царевичъ, судя по этимъ письмамъ, былъ преданъ Якову Игнатьевичу всею душею. Вотъ что онъ пишетъ къ нему изъ Люблина во время перваго путешествія (24):

1709, *Сент.* 5, „Истинно не малую радостъ вашими письмами имѣю, понеже въ семъ житіи иного такого друга не имѣю, подобно вашей святыни, въ чемъ свидѣтель Богъ.“

Въ другомъ письмѣ (1710, *Апрѣля* 27, изъ Варшавы, на пути въ Дрезденъ):

“Пишешь ко мнѣ, прелюбезный мнѣ радѣтель, что вамъ не безъ тягости мое отсутствіе отъ васъ, а и

мнѣ воистинну чаю не легче отстраненіе отъ васъ; самимъ истиннымъ Богомъ засвидѣтельствуюся — не имѣю во всемъ Россійскомъ государствѣ такого друга и скорби о разлученіи, кромѣ васъ. Богъ свидѣтель, аще и не хотѣлъ бы сего изрещи, но случаю зовущу изрекаю: дай, Боже, вамъ долговременно жити; аще бы вамъ переселеніе отъ здѣшнихъ къ будущему случилось, *то ужъ мнѣ весьма въ Россійское государство не желательно возвращеніе;* паче же мнѣ и оскорбленіе, что васъ не видѣти, гдѣ прежъ сего видѣлъ; только всегда прошу Господа Бога и Его Богоматерь, дабы я сподобился васъ прежде моего разлученія души грѣшной отъ тѣла хотя на немногое время видѣть. И о семъ всемъ въ волю Его полагаюсь: можетъ Онъ противными намъ полезно устроить". (33)

Друзья Царевича, вмѣстѣ со многими современниками, ожидали перемѣны обстоятельствъ въ его пользу. Народныя рѣчи, начатыя еще во время Стрѣлецкихъ розысковъ, преній съ раскольниками, голоса общей противной партіи, укрѣпляли ихъ въ этихъ надеждахъ.

Отъ 7 Ноября, изъ Нарвы, безъ означенія года:

„Батюшка, изволь сказать всѣмъ тѣмъ, къ которымъ мои грамотки есть въ пакетѣ на твое имя, Ивану Аѳанасьевичу, чтобъ ко мнѣ больше не писали, и самъ не изволь писать ко мнѣ, для того, *что самъ изволишь вѣдать, помолись, чтобъ скорѣе совершилось, а чаю, что не умедлится.* Пожалуй, сіе письмо, кромѣ себя, да ключаря, не изволь казать никому, и ему прикажи, чтобъ никому не сказывалъ, а инымъ изволь приказать словомъ въ разговорѣ, а не указомъ, будто отъ себя гаданіемъ, и чтобъ сіе было тайно". (67)

1709 г., Октября 10, Царевичъ пишетъ къ Якову Иг.:

„Мы про ваше здоровье Святаго Бога молили, и Пресвятую Богоматерь съ Іаковомъ Апостоломъ просили, дабы намъ *скоровременно вся желаемая* благая чрезъ свое заступленіе даровали.“ Яснѣе, разумѣется, они не смѣли объясняться. * (26)

Въ письмѣ (27) съ дороги, *изъ Ярославля Галицкаго*, Царевичъ убѣждаетъ духовника не ѣздить во Владиміръ: „понеже уже съ 30 лѣтъ тамъ не былъ, и великое терпѣлъ, *малого ли не стерпишь*“? Это знаменательное слово!

Въ ожиданіи благопріятныхъ обстоятельствъ жизнь Царевича считалась въ Россіи не безопасною. Такъ писалъ онъ къ духовнику, *Сентября 21, 1707, изъ Смоленска*:

„Получилъ сегодня письмо отъ батюшки. Изволитъ писать, чтобъ мнѣ ѣхать къ нему въ Минскъ. . . и оттуда пишутъ ко мнѣ друзья мои, чтобъ мнѣ ѣхать безъ всякаго опасенія, и мню, что къ вамъ скоро буду повидимому“ (21).

Значитъ—уже 1707 года друзья Царевича объ немъ безпокоились, и предвидѣли ему опасности.

„А о всемъ вамъ скажетъ словесно В. И. Колычевъ. . . извольте вѣрить“, пишетъ въ заключеніе Царевичъ.

Эта опасность была, вѣроятно, причиною мысли уѣхать на время изъ Россіи и жить за границею, которая ясно видна и изъ вышеприведеннаго письма къ духовнику, изъ Варшавы, на пути въ Дрезденъ, *1710 г., Апрѣля 10*, слѣдовательно, за годъ до свадьбы и за 6 лѣтъ до бѣгства.

Въ нѣкоторыхъ письмахъ, съ дороги, въ первое путешествіе, Царевичъ говоритъ о распродажѣ своихъ вещей, „чтобъ все мое не даромъ пропало (23); людемъ свобода, куда кто хочетъ“ (27). Не указываютъ ли

(*) Не къ этой ли категоріи принадлежитъ и письмо подъ № 21? Заключеніе письма подъ № 27?

также эти письма, что Царевичъ располагался тогда остаться за границею? Впрочемъ, въ этомъ же письмѣ сказано: „Долги мои на людяхъ не бери до меня.“

Вообще Царевичъ любилъ жить за границею; такъ, по случаю своей второй поѣздки, онъ пишетъ къ духовнику: (60) „О семъ не изводьте печалиться, понеже во благое сіе дѣло идетъ съ помощію Божіею.“

Всѣ дѣйствія, намѣренія и виды общества, были покрыты мракомъ, чрезъ который не могли проникнуть даже зоркіе глаза агентовъ Петровыхъ.

Представимъ примѣры разнообразной осторожности:

Изъ Смоленска, вѣроятно, въ Августѣ, 1707 г.:

„А посылать нынѣ умедлите до времени нѣкоего, для того, что прошествіе чрезъ насъ скоро будетъ, о чемъ азъ писахъ къ вамъ. И какъ пройдутъ, и въ тѣ поры отпишемъ къ вамъ, съ кѣмъ и какъ присылати“ (20).

Изъ Ярославля, Ноября 14, 1709: „Сіе все изволь наискорѣе управить, чтобъ до пріѣзда вышнихъ къ Москвѣ... какъ мочно тайно дѣлать.“ (27)

„Изволишь ты писать, чтобъ мнѣ написать о домовномъ моемъ устроеніи, чтобъ возможно, случаю зовущу, показать беззапинательно, и я такое письмо посылаю вамъ.

„Только не изволь до тѣхъ временъ (будетъ ничего не дѣлалъ) дѣлать, до которыхъ будутъ на Москвѣ высшія особы наши, а по сшествіи ихъ изволь управить по прежнимъ моимъ письмамъ.

„А письмо то, вложенное здѣсь для нужнаго зѣло случаю, изволь беречь, а во время бытія ихъ только смотри, какъ возможно, чтобъ не пропало что изъ Преображенскаго, а *паче книги*, которыя, хотя по малу, для подозрѣнія, изволь къ себѣ перевезть, или до сшествія не замай“ (30).

Марта 4: „И то, аще на Москвѣ вышнихъ нѣтъ, изволь сочинить, и аще Дементій изъ надлежащей ему бѣды освободится и еще не за карауломъ, изволь съ Трифономъ только сіе учинить (расплату), а по освобожденіи Дементья и съ нимъ.“ * (32)

Іюня 13, изъ Гарца: „Писалъ я, чтобъ двора моего не строить, о чемъ не извольте сумнѣваться, для того, что сіе я писалъ не для чего иного, только я слышалъ, что рождшему мя неугодно, кто на Москвѣ домы строитъ, понеже воля его есть жити въ Петербургѣ.“ (57)

Іюня 20, 1706 г.: „Зѣло ты изрядно сдѣлалъ, что ей (?) на письмѣ никакой отповѣди не далъ, и впредь письмами съ такими людьми вязаться не надобно, а о мѣстѣ изволь подумать, гдѣ приличнѣе, а въ домѣ твоемъ сему не прилично быть, и о семъ ко мнѣ отпиши.“

Іюня 23: „Изволь быть у Акулишѣ, понеже имѣю я до тебя нужду нѣкакую.“ (7)

Іюня 28: „Изволь прислать ключь отъ желѣзнаго сундука, а съ Варсонофіею ничѣмъ не вяжись. Отстань отъ нея. Сегодня мнѣ быть къ тебѣ не возможно, понеже мы здѣсь въ Медвѣковѣ (Медвѣдковѣ ?). Утрѣ увидимся у Акулиши“ ** (8).

Касательно условнаго языка и письма между Царевичемъ и его друзьями, вотъ указующія мѣста изъ писемъ:

Ноября 24, 1710, изъ Дрездена: „Что потайнѣе, пиши чрезъ Поппа или Строгонова.“ (40)

(*) Дементій Аѳанасьевъ служилъ купчиною у Царевича, а Трифонъ, жившій въ Алексѣевскомъ, ставилъ рыбу.

(**) Эта Акулиша упоминается часто (дочь Вологодскаго Епископа). (57) „А мы именины Акулишины здоровье пили.“ У нея назначались свиданія. Я представляю ее себѣ на пирушкахъ Алексѣевыхъ веселою бабочкою въ родѣ одного дѣйствующаго лица въ комедіи Островскаго, которое прекрасно передаетъ Косицкая.

Февраля 24, 1711: „За цыдулку, азбукою нашею писанную, зѣло благодарствую, и зѣло радуюся, что ты ее можешь писать. Для того, какая нужда будетъ, и мы можемъ ею писать тайно, что надлежитъ.“ (45)

1709: „Письмо, по повелѣнію твоему, простое, краткое, безъ тайнословія, послалъ.“ (31)

А вотъ образчики тайнословія:

Мая 28, 1706 г.: „Въ дѣлѣ нашемъ изволь объявить купца Якова Васильевича Шептицкаго (моего деньщика), сказавъ, что я къ нему подвизаемъ милостію, хощу ему сей добрый товаръ сыскати, а буде васъ станутъ спрашивать, для чего не объявилъ до сего времени, и ты какъ нибудь изволь отговориться; а когда придетъ время къ посмотрѣнію товара, и онъ съ тобою поѣдетъ. Лучше сего лица не чаю быть. Утрѣ о семъ, для пространнаго разговору, какъ мнѣ велишь къ себѣ быть, рано ль, или по обѣдѣ, или самъ ко мнѣ пожалуешь?“ (3)

Въ этихъ словахъ, хотя очевидно заключающихъ что-то между строками, мудрено отгадать смыслъ, и мы можемъ привесть ихъ только въ примѣръ условнаго языка. Сравни также заключеніе письма подъ № 27.

Цифирныя азбуки были въ большомъ употребленіи: у Кикина были найдены цифирныя азбуки для переписки съ Кн. В. В. Долгорукимъ, Кн. Гр. Ѳед. Долгорукимъ, Саввою Рагузинскимъ, Царевичемъ, Адмираломъ Апраксинымъ, Алексѣемъ Волковымъ, Фельдмаршаломъ Шереметевымъ, Кн. Яков. Ѳед. Долгорукимъ; у него же найдена цифирь, писанная рукою Аврама Веселовскаго.

Эта партія простирала виды свои очень далеко: духовникъ требовалъ, чтобъ Царевичъ тотчасъ увѣдомилъ его о началѣ беременности его жены, что мы видимъ изъ слѣдующаго отвѣта:

Мая 6, 1712. Изъ Познани: „О зачатіи во чревѣ сопряженныя мнѣ хощеши вѣдати, радѣтель, и возвѣщаю, что весьма до отъѣзда моего подлинно познати было не можно еще, а повелѣлъ я женѣ, аще будетъ возможно сіе познати, чтобъ до меня немедленно писала. И какъ о семъ получу извѣстіе, есть ли что, или нѣтъ, о томъ писаніемъ не умедля вашей святыни возвѣщу.“ (56)

Беременность жены Царевича такъ же была важна для его друзей, какъ недруговъ.

Осторожность, скрытность, боязнь, видныя изъ приведенныхъ мѣстъ, свидѣтельствуютъ не только о холодныхъ, но даже враждебныхъ отношеніяхъ у отца съ сыномъ. Въ одномъ письмѣ Царевичъ называетъ (31) благополучнымъ временемъ то, когда отецъ уѣдетъ. До какой степени отецъ и сынъ были другъ другу чужды, доказываетъ всего яснѣе просьба Царевича къ духовнику прислать къ нему священника, о которомъ просить отца онъ видно не осмѣливался,—въ письмѣ безъ подписанія имени, года, числа и мѣста:

„Священника мы при себѣ не имѣемъ и взять негдѣ, а безъ докладу писать явно въ Москву не безъ опасенія: прошу вашей святыни, пріищи священника (кому мочно тайну сію повѣрить) не стараго, и чтобъ незнаемый былъ всѣми. И изволь ему сіе объявить чтобъ онъ поѣхалъ ко мнѣ тайно, сложа священническіе признаки, то есть, обривъ бороду и усы, такожде и гуменцо зарастить, или всю голову обрить, а надѣть волосы накладные. И нѣмецкое платье надѣвъ, отправь его ко мнѣ курьеромъ, (такого сыщи, чтобъ могъ верховую нужду понесть), и вели ему сказываться моимъ деньщикомъ, а священникомъ бы отнюдь не назывался; а хороше бъ безженной, а у меня онъ будетъ за служителя, и, кромѣ меня и Никифора, сея тайны вѣдать

никто не будетъ. А на Москвѣ какъ возможно сіе тайно держи, чтобъ и дома у васъ не многіе, или хотя бъ кромѣ патера, никто не вѣдалъ; также бъ онъ у себя въ домѣ сего отнюдь не объявлялъ, и не бралъ бы ничего съ собою надлежащаго іерею, ни требника, только бъ нѣсколько частицъ причастныхъ, а книги я всѣ имѣю. А платье ему нѣмецкое купи изъ моихъ денегъ, и что ему надобно устрой; а изготовя пошли его на Варшаву, и вели явиться Князю Григорію Долгорукову, и чтобъ сказался моимъ слугою или деньщикомъ; и онъ ко мнѣ отправитъ, я ему о семъ прикажу. Пожалуй, пожалуй, яви милосердіе къ душѣ моей, не даждь умрети безъ покаянія: мнѣ онъ не для чего инаго, только для смертнаго случая, такожде и здоровому для исповѣди тайной. Я его не буду являть никому, что онъ попъ; будетъ у меня за служителя; а во время вечеренъ и утрень и часовъ, поповскаго дѣлать ему не велю, чтобъ и домашнія не вѣдали мои о семъ, прошу сіе тайно и неоплошно учинить. А хороше бъ бездомной и безженной былъ человѣкъ и молодой, и чтобъ онъ подъ видомъ такимъ съ Москвы отъ знаемыхъ утаился, будто безъ вѣсти пропалъ, какъ и многимъ случается; ибо нужда, и закону премѣненіе бываетъ; о бритіи бороды не сумнѣвался бы онъ, лучше малое преступить, нежели души наша погубити безъ покаянія; а чтобъ молодой былъ или младообразный, чтобъ не признали, а мнили бы за служителя моего быти. Пожалуй, хотя не скоровременно, только добрѣ сіе сочини безлѣностно, и не дожидайся о семъ другаго письма; а будетъ не благоволиши сего сочинити, души нашей Богъ взыщетъ на васъ, аще безъ покаянія отъ житія сего отлучиться.“

Все общество любило подъ-часъ попировать, или, какъ выражался часто самъ Царевичъ, повеселиться какъ

духовнѣ, такъ и тѣлеснѣ. Каждый изъ членовъ имѣлъ въ этихъ пирахъ свое особое прозваніе, „за домовую издѣвку", какъ показывалъ на розыскѣ Алексѣй Нарышкинъ. Здѣсь мы видимъ, кажется, подражаніе пирушкамъ самаго Петра, не смотря на то, что они его не жаловали.

Сатана—Андрей Нарышкинъ.

Адъ—Василій Колычевъ, мужъ кормилицы Царевича. (*)

Жибанда—Θедоръ Еварлаковъ, подъячій Царевича.

Засыпка—Алексѣй Нарышкинъ.

Благодѣтель—Василій Григорьевичъ Нарышкинъ.

Молохъ—Иванъ Нарышкинъ.

Грачь—Протопопъ Алексѣй.

Захлюстка — Ключарь Благовѣщенскій Иванъ Аθанасьевъ.

Леонидъ—Попъ Леонтій Григорьевъ въ Москвѣ, въ Грязной слободѣ.

Голубчикъ—Архіерей Крутицкій, послѣ Бѣлогородскій, Иларіонъ. (19) Іуда (36)? Патеръ (49)? Корова (12)?

Въ письмахъ встрѣчаются еще неизвѣстныя прозванія.

Пированья общества происходили особенно въ извѣстные праздники: преимущественно чтилъ Царевичъ день св. мученика Евстаθія, которому, какъ замѣтилъ г. Есиповъ, началъ праздновать, когда еще жилъ во дворцѣ у мамы, а потомъ праздновалъ ежегодно въ память

(*) Прозваніе Ада, часто встрѣчающееся въ письмахъ Царевича, по свидѣтельству Г. Есипова, на основаніи показаній Алексѣя Нарышкина, принадлежитъ мужу кормилицы, Мароы Аθанасьевны, Василію Ивановичу Колычеву. Это не можетъ быть; ибо братъ Адъ женился въ концѣ 1708 г. См. письмо Царевича изъ Кракова, Января 28, 1710 г., къ духовнику: „Пожалуй, отпиши, какъ Ада брата жену зовутъ и какого рода, понеже въ письмѣ твоемъ не объявлено о семъ." Въ другомъ письмѣ, Февраля 19: „Къ брату Аду не писахъ нынѣ за тѣмъ, что не имѣю отъ него жданнаго извѣстія о сплетеніи его" и проч. Жена же Василья Ивановича Колычева была жива еще въ 1716 году, и къ ней есть письмо Царевича съ извѣстіемъ о рожденіи сына Петра: Нарышкинъ вѣроятно ошибся.

того, что былъ взятъ изъ дворца въ Преображенское. Въ бытность Царевича въ Москвѣ, въ этотъ день обѣдали у него Архіерей Ростовскій Димитрій, Чудовскій Архимандритъ Ѳеодосій, что былъ послѣ на Крутицахъ Архіереемъ, Князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, Бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, и другіе сановники, кромѣ домашнихъ.

Во имя Евстафія мученика Царевичъ устроилъ придѣлъ въ церкви у Боровицкаго моста.

Царевичъ заботился о празднованіи друзьями и въ его отсутствіе. Такъ поручалъ онъ изъ Жолквы, отъ *11 Марта, 1707 г.*, отпраздновать въ Москвѣ день Похвалы Пресвятыя Богородицы: „Пожалуй, справь праздникъ, какъ при мнѣ бывалъ (кромѣ архіерея); пожалуй, позови Ивана Аѳанасьевича, и сами пожалуйте, отслужите литургію у Царевича Димитрія, и откушайте у меня въ домѣ; а что кушать готовить, прикажи Роману Тугаринову; а ему писано, что во всемъ тебе слушать; а гостей извольте позвать, Благодѣтеля, Михаила Григорьевича, Василья Ивановича, Ѳедора Борисовича, и Грача, и Василису Ефимовну, и пожалуйте повеселитесь духовнѣ и тѣлеснѣ, и ко мнѣ отпишите.“

25 Сентября 5, 1709 г., изъ Люблина: „Прошу вашей святыни: благоволите съ протчими праздникъ Евстафія святаго отправить въ домѣ моемъ по прежнему въ Преображенскомъ, или на загородномъ дворѣ, въ томъ на вашу волю полагаюсь, и о семъ отправленіи пришлите изъ моихъ деньщиковъ кого поумнѣе, съ соборнымъ посланіемъ ко мнѣ.“

24 Сентября 10, изъ Сольцы, повторяетъ приказаніе прислать деньщика Даудова съ извѣстіемъ о торжествѣ.

Вообще Царевичъ любилъ очень шутить; напримѣръ, онъ пишетъ, *Іюня 30, 1707 г., изъ Смоленска:* „А мы вчера повеселились изрядно: отецъ мой духовный Чижъ чуть живъ отошелъ до дому, поддержимъ сыномъ, такожде и прочіе поджарились.“ (16)

Приписка Алексѣя Нарышкина, *отъ Іюля 17, изъ Смоленска:* „Мы здѣсь зѣло въ молитвенныхъ подвизѣхъ пребываемъ; я уже третій день почитай не маливался, а и главный нашъ не умножаетъ же.“

Царевичъ приписалъ: „Алексѣя Ивановича клевѣты на насъ не изволь слушать: истинно неправда; я по вся дни Богу молюсь.“

Приведемъ цѣлое письмо изъ *Вольфенбителя, 1711, Сентября 20*: „Сіе писаніе внѣ числа, соборное.“

„Всечестнѣйшій отецъ съ патеромъ и съ дѣтками, здравствуй. Возвѣщаемъ вашей святыни: мы здѣсь въ сей день великомученика Евстафія по духовномъ праздновaніи (сирѣчь, вечерни, всенощной, утрени, литургіи и казаню) веселимся духовнѣ и тѣлеснѣ, и про ваше здоровье пьемъ. Желаю вамъ многолѣтно жити, и въ радости намъ бы васъ скоровременно видѣти. И на сіе писаніе излитіе вина было, дабы оное васъ при пріятіи сего жъ пріяти принудило, дабы вамъ благополучно жити и сильно пити, и насъ бы припоминати. Дай, Боже, наше и ваше желаніе въ совершеніе бъ пришло, чтобъ намъ быть вскорѣ. Вси же христіане правыя вѣры съ нами сущіе приписали ниже сего. Алексѣй грѣшный, іерей Іоаннъ Слонскій сіе вышеписанное укрѣпляемъ, чарками и стаканами подтверждаемъ, себѣ и вамъ обоимъ здравія желаемъ.

---

(1) Изъ показанія ключаря Ивана Аѳанасьева во время слѣдствія о письмахъ Царевича.

„Здѣсь праздникомъ симъ про здравіе ваше не по Нѣмецки повеселихомся, но по Русски, и всѣ всегда прошенія вашего къ Богу, еже бы къ вамъ спѣшится, ей о васъ печалуемъ, а о домашнихъ и нужду пріемлемъ, ей желаемъ вси къ вамъ, а паче Никифоръ Вяземскій.

„Истинно подпиваемъ и васъ сердечныхъ нашихъ любителей напоминаемъ, къ будущему сему празднику желаемъ къ вамъ прибыти, и съ вами радостно торжествовати.

„Ѳедоръ Еварлаковъ вамъ поздравляю, и желательно васъ видѣти желаю.

„При семъ наливалъ, празднику поздравлялъ, а за ваше здравіе все выпивалъ Иванъ Аѳонасьевъ."

Приписано еще рукою Царевича: „Сихъ всѣхъ присущихъ намъ представихъ вашей святыни. Просимъ прощенія, что описисто писано, истинно въ пьянствѣ сіе случися, а мы по Московски пьемъ въ поминанье прежде бывшихъ съ вами благъ; вси же просимъ отца Іоанну Аѳанасьевичу поклонъ сочинити, и сіе ему и всѣмъ показати нашей компаніи" (50).

„Къ брату Аду не писалъ нынѣ за тѣмъ, что не имѣю отъ него жданнаго извѣстія о соплетеніи его, и мню, что сіе творитъ онъ для того, что утонулъ въ щемильцахъ. Только отдай отъ меня поздравительный поклонъ, или попроси, чтобъ онъ писаніемъ насъ хотя вкорѣ изъ щемильцевъ посѣтилъ.„ (31)

Послѣ самаго важнаго объясненія съ духовникомъ Царевичъ пишетъ: „Еще же благослови побалагурить." (33) (1)

(1) Замѣчу однако жь, что въ слѣдующихъ словахъ балагурства не примѣчается.

Всего важнѣе въ добытыхъ нами результатахъ *время*, къ которому они относятся. Мы знаемъ теперь положительно, что уже въ 1704 году, слѣдовательно, когда Царевичу было едва 14 лѣтъ, ожидалась перемѣна обстоятельствъ, что въ 1706 году были уже тайныя свиданія (№ 1), употреблялся условленный языкъ (№ 3), соблюдалась осторожность (6), выражалось неудовольствіе, происходили общія пированья, введены шутливыя прозвища (2), было сообщеніе съ Суздалемъ чрезъ духовника (1).

Соберемъ для ясности полученныя указанія по числамъ:

1706, Марта 15. Тайное свиданіе съ Тезиковымъ, гонцемъ изъ Суздаля, по распоряженію духовника.

— Мая 14. Встрѣчается прозваніе: Адъ.

— Іюня 15, Сатана.

— Мая 28. Условный языкъ.

1707, Сентября 21. Страхъ о безопасности Царевича при отцѣ.

1709. Отсовѣтъ ѣздить во Владиміръ.

— Въ Ноябрѣ, съ дороги, приказаніе продавать вещи, отпустить людей на волю.

1710. Мысль не возвращаться въ отечество.

— Просьба прислать тайно священника.

Второе, послѣ времени, важное данное, извлекаемое нами изъ вновь открытыхъ документовъ, относится къ *характеру* Царевича. Въ искреннихъ, задушевныхъ письмахъ къ друзьямъ является онъ такимъ, какимъ въ самомъ дѣлѣ былъ, безъ прикрасъ и натяжекъ, — и должно сознаться, что всѣ эти документы говорятъ больше въ его пользу, чѣмъ въ ущербъ.

Это былъ человѣкъ благочестивый, разумѣется, по своему, любознательный, разсудительный, разсчетливый и добрый, веселый, охотникъ покутить.

Что Царевичъ былъ искренно по своему благочестивъ, или, лучше сказать, набоженъ, доказывается просьбою прислать ему священника (34), извѣстіями о принятіи Св. Таинъ (28), преданіемъ себя въ волю Божію по случаю брака (65), разсужденіями о путяхъ Промысла, касательно обращенія къ Православію невѣсты (25). Разумѣется, иное въ письмахъ надо отнести къ образу рѣчи.

Царевичъ имѣлъ довольно свободный взглядъ на обрядовую часть Богослуженія, напр. о бритьѣ бороды (37).

Царевичъ былъ любознателенъ: изъ путевой расходной его собственноручной книжки мы видимъ, что во всѣхъ городахъ, гдѣ онъ останавливался, покупалъ почти прежде всего книги, ина значительныя суммы: во Франкфуртѣ, Нюренбергѣ, Прагѣ, Эрфуртѣ, Галле и пр. Книги эти были не одного духовнаго содержанія (1), но и историческія (2), литературныя (3), карты, портреты; осматривалъ вездѣ достопримѣчательности. Такъ точно и изъ за границы онъ проситъ духовника больше всего беречь книги въ Преображенскомъ, поручаетъ (48) какого-то Петра Іевлю (4) отдать учиться Латинскому, Нѣмецкому, и, буде можно, Французскому языкамъ, чтобъ дней своихъ не терялъ праздно.

(1) Начертаніе Римской вѣры. Описаніе десяти гоненій. Евангелія праздничныя. Конкорданція противъ Лутера, Чешскій Мартирологій, Акемписъ (Ѳома Кемпійскій) Чешскій, Библія, Животы святыхъ. О чудесахъ Божіихъ (4 червонныхъ), Дрекселія о вѣчности, Книга манны небесной, Регула св. Венедикта, и проч.

(2) Гибнерова генеалогія, Чешская исторія, Оправданіе Антона Ульрика, Церковная исторія.

(3) Басни Езоповы, Другой свѣтъ, Колокольчикъ, Смѣшныя книги, Филологія, Размышленія г-жи Лавальеры, О рожденіи женъ, Фабелькопфъ и проч.

(4) Кто этотъ Петръ Іевля? Не побочный ли сынъ?

Царевичъ слѣдилъ за ходомъ дѣлъ въ Россіи очень внимательно, и требовалъ свѣдѣній изъ Москвы обо всемъ, что̀ тамъ происходитъ (46), спрашивалъ проповѣдь Яворскаго (35), извѣщалъ о мнимой смерти Князя Меншикова (41), о походѣ Карла XII къ Москвѣ, о грозившей язвѣ (40), объ опасности Яворскаго (42), о вновь поставляемыхъ архіереяхъ и ихъ окладахъ (50).

Умныя разсужденія встрѣчаются часто (12, 31, 32, 43, 47, 51).

Царевичъ принималъ живое участіе въ судьбѣ своихъ друзей, и старался имъ помогать и служить деньгами, совѣтами, ходатайствомъ о мѣстахъ (5, 20, 25, 37, 49, 53, 58), подавалъ много милостыни (см. приходо-расходную книгу, особенно 7 Августа).

Замѣтимъ нѣкоторыя тонкія черты: Царевичъ проситъ духовника увѣдомить, *какъ чуетъ сердце* объ его бракѣ. Въ письмѣ къ мужу кормилицы, Василью Ивановичу Колычеву, *Іюля 6, 1707* г., Царевичъ пишетъ: „Богъ тебя проститъ, что написался Ва̀ською, только впредь не дѣлай сего.“

Постоянное заботливое увѣдомленіе кормилицы объ здоровьѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ свидѣтельствуетъ также его дружелюбіе и признательность.

Благодаритъ духовника за присланные цвѣты (4), за смоквы (14).

Распорядительность доказываютъ вновь найденныя письма къ отцу согласно съ прежними. (1711)

Разсчетливость и умѣренность видны въ приходо-расходной его книгѣ, въ договорѣ съ тестемъ о жалованьѣ женѣ.

Царевичъ готовъ былъ сознаваться въ ошибкахъ или увлеченіяхъ.

Въ обществѣ царевича мы не видимъ вовсе Александра Кикина: значитъ, Кикинъ сошелся съ Царевичемъ уже въ Петербургѣ, куда сей послѣдній переселился совершенно послѣ брака. Въ Петербургѣ около него образовался другой кружокъ, имѣвшій также свои виды, и возлагавшій на него всѣ надежды. Къ этому кружку принадлежалъ Князь Василій Владимировичь Долгорукій, а средоточіемъ была, кажется, Царевна Марія Алексѣевна, главнымъ дѣйствующимъ лицемъ Кикинъ. (1)

Къ московскимъ друзьямъ Царевичъ тогда охладѣлъ, даже съ Яковомъ Игнатьевичемъ дружба его поколебалась: между найденными письмами есть одно отъ духовника Царевичу, въ отвѣтъ на его бранное письмо. Царевичу показалось, что духовникъ, извѣщая его о смерти Андрея Өедоровича Нарышкина, (2) грозитъ ему такою же. За это онъ разругалъ духовника "любопристрастнымъ лживцемъ, чужимъ грѣхамъ потакателемъ, по пристрастію, а не по правдѣ, вступающимся за виноватаго" (3).

Значитъ, что остуда была уже и прежде у него въ сердцѣ, ибо иначе не могъ бы онъ и заподозрить духовника, съ которымъ связанъ былъ прежде такими тѣсными узами, тѣмъ менѣе обругать. Духовникъ упрекаетъ его при семъ случаѣ, что и въ Москвѣ „многократне ты меня ругалъ и всячески озлоблялъ, а въ нѣкоемъ домѣ и за бороду меня дралъ," вѣроятно, на пирушкѣ въ пьянствѣ.

---

(1) О Кикинѣ нужно собрать всѣ свѣдѣнія: когда и какъ попалъ онъ на службу къ Царевнѣ Маріи Алексѣевнѣ и проч. Любопытно было бы также добраться, почему онъ одинъ былъ казненъ такъ рано, въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Суздальскими лицами.

(2) Любопытно бы узнать, какая была то смерть.

(3) Управлявшаго селомъ Порѣчьемъ.

Въ отвѣтѣ своемъ духовникъ всѣми силами оправдывается, и вмѣстѣ напоминаетъ на первыя его обѣщанія (1) повиноваться ему и чтить его выше всѣхъ на свѣтѣ.

Изъ слѣдственнаго дѣла о столярѣ Королькѣ очевидно явствуетъ, что въ народѣ ходили слухи о ненависти Меньшикова и И. Екатерины къ Царевичу, отъ котораго ждали они себѣ гибели по смерти Государя. По сей причинѣ старались они возбудить Петра противъ Алексѣя. По кончинѣ его, въ послѣдствіи времени, даже малолѣтному сыну его, вступившему послѣ на престолъ подъ именемъ Петра II, внушаемо было, что отецъ его Царевичъ Алексѣй Петровичъ, былъ забитъ кнутомъ по наговорамъ мачихи. Слѣдствіе по слухамъ производилось уже въ 1721 году, и виновные, столяръ Королекъ, его любовница, и старуха Варвара Кулбасова, принадлежавшіе къ дому Князя Меньшикова, были жестоко наказаны.

Изъ этого же дѣла видно о слухахъ того времени, что Царицею выходило быть свѣтлѣйшей Княгинѣ, и что случайно эта доля досталась Екатеринѣ.

Соберемъ остальныя любопытныя черты, о коихъ получается свѣдѣніе въ документахъ:

Царевичъ былъ за чѣмъ-то въ Вязьмѣ, 1706 г. 14 Августа (11).

Петръ разгнѣвался жестоко на Стефана Яворскаго, за его проповѣдь, сказанную въ Москвѣ, въ день свят. Алексѣя человѣка Божія (2) (58).

---

(1) См. выше. с. 413.

(2) См. Устрялова т. VI. ст. 29.

Стефанъ Яворскій подвергался опасности потерять свое мѣсто. (57, 58)

1716, *Февраля* 7, Царевичъ былъ въ Рождественѣ сельцѣ, ему принадлежавшемъ, и часто упоминаемомъ въ его письмахъ; оно находилось близь Петербурга.

Иванъ Васильевичъ Кикинъ находился при его дворѣ, или, по крайней мѣрѣ, исполнялъ его порученія въ 1716 г. (письмо къ кормилицѣ 24).

Досиѳей поставленъ былъ митрополитомъ въ Ростовъ въ 1710 году. (50)

Невѣста- принцесса понравилась Царевичу съ перваго взгляда: „Человѣкъ добръ, и лучше ея здѣсь мнѣ не сыскать.“ (64)

Писемъ къ духовнику было гораздо больше, судя по помѣтѣ 148 и проч.

Ѳедоръ Борисовичъ Еварлаковъ зналъ по Латини, ибо на исповѣди Царевича у Греческаго священника служилъ толмачемъ: „исповѣдывался предъ нимъ чрезъ толмача Ѳедора Борисовича для того, что священникъ съ нимъ по Латинѣ говорилъ.“ (37)

Духовника Якова *Игнатьева* мать звали Прасковьей Никитичной.

Жена его Афимья Ивановна.

Дочь, Настасья Яковлевна, была въ замужствѣ за Петромъ Ивановичемъ Анфимовымъ, который управлялъ имѣніемъ Царевича, Порѣчьемъ, и подвергся въ послѣдствіи его гнѣву. (См. въ собраніи документовъ с. 249). У нихъ дочь Анна. С. 245.

Вторая дочь Якова Игнатьева, Анна, за Степаномъ Артемьевичемъ Волковымъ, вышедшая около 1715 г. С. 253, 303.

Племянникъ—Іуда Топильскій.

Яковъ Игнатьевичъ имѣлъ большое знакомство и пользовался особеннымъ уваженіемъ.

Знакомство и родство состояло изъ людей большею частію порядочныхъ.

Замѣтимъ, что онъ въ 1705 г. совѣтовалъ Царевичу заниматься Нѣмецкимъ языкомъ, что одобрялось и прочими приверженцами. С. 342.

Вязёмскій, Никифоръ Константиновичъ, нигдѣ не называется княземъ. Не отъ Вязёмъ ли, села князя Бориса Алексѣевича Голицына, въ 40 верстахъ отъ Москвы, происходитъ его фамилія Вяземскій? По крайней мѣрѣ, въ 10 верстахъ отъ Вяземъ была у него своя деревенька, для коей поручалъ онъ однажды Якову Игнатьевичу просить у князя сѣменъ. Было еще имѣніе въ Вологдѣ.
С. 243. Въ Москвѣ у него былъ домъ. С. 220.

Жену звали Афимьей Васильевной. С. 237.

Сыновей Андрей и Александръ. С. 242, 283.

Братья: Сергѣй, Петръ, Іовъ. С. 237.

Машу (?) просилъ онъ, въ случаѣ опасности, отвезти въ Вологду. С. 243.

У кормилицы Колычевой былъ сынъ Николай.

Грамотки свои къ Духовнику Царевичъ счетомъ отмѣчалъ самъ. с. 58, с. 49.

Къ с. 144. Выписки изъ Бароніуса обличаютъ во многихъ мѣстахъ образованіе, и особенно приверженность къ церковнымъ правиламъ.

У двухъ Ивановъ Аѳанасьевыхъ былъ третій братъ, Гаврило. Мать ихъ постриглась въ монахини.

Алексѣй Нарышкинъ отстраненъ отъ Царевича со времени выѣзда его изъ Смоленска, гдѣ былъ оставленъ съ порученіями отъ Царя, с. 281 и проч.; потомъ въ 1710 г. посланъ въ Угличъ комендантомъ.

Всѣ неясныя слова въ письмахъ къ духовнику сдѣлались предметомъ розысковъ.

Александръ Кикинъ, вслѣдствіе просительнаго письма, былъ освобожденъ отъ ссылки, и получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ, въ 1715 г. С. 169.

Письмо Вяземскаго къ Игнатьеву съ припискою Царевича („помолись, чтобъ поскорѣе совершилось“ и проч.) должно принадлежать къ 1704 г. Сравни показаніе именно объ этомъ годѣ, с. 341.

Важны и любопытны письма императора Петра къ князю Меньшикову, писанныя изъ Москвы, по пріѣздѣ туда Царевича, съ приказаніями хватать и пытать оговоренныхъ людей.

ВОСПОМИНАНІЕ

ОБЪ

АЛЕКСѢѢ ПЕТРОВИЧѢ ЕРМОЛОВѢ.

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ АЛЕКСѢѢ ПЕТРОВИЧѢ ЕРМОЛОВѢ *.

Я имѣлъ честь представиться Алексѣю Петровичу Ермолову 1843 года, Февраля 6. Онъ жилъ тогда на Пречистенскомъ бульварѣ, въ скромномъ домикѣ, съ маленькимъ дворомъ и палисадникомъ впереди.

Въ прихожей сидѣлъ мальчикъ, который крутою лѣсенкой, по узенькимъ ступенькамъ, повелъ меня на антресоли.

Съ чувствомъ глубокаго почтенія поднимался я вверхъ, думая о безкорыстіи знаменитаго хозяина, который всю жизнь свою прослужилъ отечеству, начальствовалъ многочисленными арміями, слишкомъ десять лѣтъ управлялъ цѣлымъ царствомъ, передалъ изъ своихъ рукъ милліоны, и теперь, на закатѣ славныхъ дней своихъ, довольствуется такимъ скромнымъ, почти бѣднымъ помѣщеніемъ какого-нибудь титулярнаго совѣтника или становаго пристава.

Генералъ Годеинъ, вызвавшійся представить меня, дожидался вверху. Мы вошли въ низенькую комнату, оклеенную желтыми обоями; на голыхъ стѣнахъ не висѣло ничегѐ, кромѣ медальйоновъ графа Толстаго, изображающихъ сраженія двѣнадцатаго года. На супротивъ находился портретъ старика въ екатерининскомъ мундирѣ. Это былъ отецъ Алексѣя Петровича, Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ, правитель канцеляріи у генералъ-

* Въ этой статьѣ предлагается только то, что я слышалъ *самъ* отъ Алексѣя Петровича. Она вошла въ составъ изданныхъ мною матеріаловъ для его біографіи. Здѣсь присоединено къ ней нѣсколько новыхъ свѣдѣній, мною послѣ собранныхъ, отъ близкихъ свидѣтелей, и изъ подлинныхъ бумагъ. Чужія свѣдѣнія обозначаются скобками.

прокурора Самойлова. Передъ небольшимъ оконцемъ стоялъ работный столъ, за которымъ въ углу, на простомъ стулѣ, сидѣлъ славный сподвижникъ 1812 года, одинъ изъ побѣдителей Наполеоновыхъ. Голова у него была вся бѣлая, глаза маленькіе, соколиные, тѣло тучное. На немъ былъ сѣрый поношеный сюртукъ изъ казинета; жилетъ темнаго цвѣта былъ застегнутъ на-глухо до шеи. На столѣ лежалъ носовой платокъ и очки. Вокругъ стояло нѣсколько стульевъ, изъ коихъ два были заняты графомъ А. Н. Панинымъ и Н. Н. Шеншинымъ.

Алексѣй Петровичъ принялъ меня очень благосклонно, и сказалъ мнѣ столько лестнаго, что я смутился и затруднился отвѣтомъ.

Представленная книга, Сочиненія Посошкова, мною только - что изданная, подала поводъ къ первому разговору о времени Петра Великаго. „Да" сказалъ Алексѣй Петровичъ, „инструменты видно были готовы для Петра Великаго, и онъ умѣлъ ихъ настраивать. Онъ не хлопоталъ, какого чина и званія попадались ему люди,— лишь бы годились на дѣло. Сержантъ, офицеръ, служилъ у него за генерала, и получалъ важное порученіе. Ошибокъ не случалось. Вотъ Соймоновъ, напримѣръ, какъ вѣрно осмотрѣлъ Каспійское море! За то и говаривала Екатерина: „замышляя что-нибудь новое, всегда надо справляться, что о томъ думалъ Петръ I, вѣрно у него найдется лучшее наставленіе." *

Потомъ разговоръ обратился на Кавказъ, куда только-что посланъ былъ главнокомандующимъ генералъ Нейдгардтъ.

„Генералъ Нейдгардтъ—достойный генералъ," сказалъ Алексѣй Петровичъ, „но у него есть порокъ, котораго

---

* Кстати разкажу здѣсь, что Генералъ Мельниковъ, отыскивая прямую линію для желѣзной дороги изъ Петербурга въ Москву, находилъ по лѣсамъ и болотамъ Петровы колышки.

я ни какъ не могу простить ему: ему за 60 лѣтъ. На Кавказѣ часто не столько бываетъ нужна умная голова, какъ крѣпкая грудь, да широкія плечи; силы физическія дороже нравственныхъ. Я самъ, съ своимъ сложеніемъ и здоровьемъ, пріѣхавъ на Кавказъ тридцати семи лѣтъ, едва могъ привыкнуть къ нему. Какъ бывало надо просидѣть на лошади недѣли двѣ, всякій день часовъ по осьмнадцати сряду, такъ и своихъ не узнаешь. А пошли за себя другаго, все не то: нуженъ вездѣ свой глазъ. Притомъ теперешнія обстоятельства гораздо сложнѣе и мудренѣе."

„У меня средства были гораздо ограниченнѣе: войска втрое меньше, а какого труда стоило получить то или другое пособіе. Я обращался даже къ частнымъ лицамъ, напримѣръ къ графу Румянцову, и просилъ его прислать нѣсколько ученыхъ для изслѣдованій въ горахъ; а онъ отвѣчалъ мнѣ, что радъ исполнить мое желаніе, когда выиграетъ Воротынецъ." *

„Европейскіе путешественники пишутъ о Кавказѣ всякій вздоръ; наши чиновники и туземцы часто нарочно ихъ обманываютъ и сообщаютъ невѣрныя свѣдѣнія, чтобы послѣ посмѣяться надъ ними."

„Отпуская меня на Кавказъ, Александръ Павловичъ сказалъ мнѣ: знаешь ли, Алексѣй Петровичъ, что я еще не рѣшилъ, должна ли Россія удерживать владѣнія свои за Кавказомъ."

„Россіи нечего опасаться за свои владѣнія, пока сосѣдями съ той стороны остаются такіе слабые народы, какъ Персіяне и Турки. Но притаись гдѣ-нибудь Англичане, доставь горцамъ артиллерію, научи ихъ военному искусству, и тогда намъ будетъ надо укрѣпляться уже на Дону. Англичане стерегутъ насъ, неспуская глазъ."

---

* Тогда разыгрывалась знаменитая лотерея.

„Я послалъ въ Хиву Муравьева на свой страхъ и отвѣтственность. Еслибъ я спросилъ дозволеніе, то никакъ не получилъ бы его: пошли бы спросы да разспросы, ноты и переговоры.“

„Надо сообразоваться съ характерами племенъ: Хивинцы хищники, а Бухарцы тихи и смирны.“

„Наши единовѣрцы за Кавказомъ ожидаютъ нашей помощи и покровительства.“

Такъ кончилось первое посѣщеніе.

Въ другой разъ я былъ у Алексѣя Петровича передъ масленицей, также съ генераломъ Годеиномъ. Онъ сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, за столомъ, и раскладывалъ, кажется, передъ тѣмъ, грандъ-пасіансъ, въ присутствіи молодаго Шеншина. Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ началъ говорить о какомъ-то знакомцѣ, пріѣхавшемъ изъ губерніи, и отправляющемся въ Петербургъ съ планами о размежеваніи черезполосныхъ владѣній. „Досугъ теперь въ Петербургѣ разбирать такіе планы,“ сказалъ Ермоловъ, „тамъ всѣ помѣшаны на Итальянской оперѣ. Министры поютъ аріи и директоры не выходятъ изъ театра. Это вошло въ составъ ихъ обязанностей. Я воображаю, какъ будетъ принятъ этотъ чудакъ!“

Разговоръ тотчасъ обратился на пѣвцовъ и виртуозовъ нашего времени, и славу, коей они теперь пользуются. „Правду сказалъ князь Дмитрій Владиміровичъ: ce sont les héros du jour“ и пр. Потомъ говорили о новостяхъ, о пожалованіи одного кн. Голицына кардиналомъ, и обращеніи Іезуитами кн. И. С. Гагарина, о причинѣ подобныхъ явленій. Алексѣй Петровичъ обратилъ разговоръ въ смѣшную сторону, и началъ хвалить, разумѣется, иронически, снисходительность католическаго духовенства. „Помилуйте, та ли жизнь у нихъ, что у насъ здѣсь. Князь N. N. прошелся съ какою-то бабенкою по

Сокольникамъ подъ ручку, ну и взбѣленилась вся Москва и закричала пожаръ, а тамъ кардиналъ ѣдетъ въ каретѣ вмѣстѣ съ своею любовницею, да одною рукою ласкаетъ ее, гдѣ случится, а другою благословляетъ народъ изъ окошка, а иногда тою же.“

Потомъ разговоръ обратился къ Петру I. „Что поражаетъ васъ всего больше въ Петрѣ,“ сказалъ А. П. „Чѣмъ онъ особенно великъ? Ревностію къ общему благу, которое было для него выше всего на свѣтѣ.“ Эти слова сказалъ онъ со слезами на глазахъ.

Когда я раскланялся, А. П. пригласилъ меня пріѣзжать къ себѣ чаще, и очень красиво, даже изящно, сказалъ нѣсколько фразъ, провожая до лѣстницы: „я люблю поучаться бесѣдою, слушаю все, и какъ пчелка собираю медъ, гдѣ его ни встрѣчу. Разумѣется, это относится больше всего къ человѣку вашихъ познаній и вашихъ достоинствъ.“

(Привожу эти слова какъ обращикъ той лести, которую А. П. любилъ разсыпать,—это былъ его порокъ!).

Генералъ Годеинъ звалъ Алексѣя Петровича на блины, „если вы не боитесь разстроить желудокъ.“ „О, желудокъ у меня славный,“ отвѣчалъ онъ, „и перевариваетъ все, начиная съ самыхъ большихъ непріятностей, которыя мнѣ такъ часто доставляются.“

Въ третій разъ я встрѣтилъ Алексѣя Петровича на вечерѣ у Московскаго Генералъ - Губернатора, князя А. Г. Щербатова. „Объ чемъ говорятъ у насъ въ обществѣ“, сказалъ я Алексѣю Петровичу.. ну что, напримѣръ, составляетъ теперь предметъ общаго участія. Какъ бы желалъ я подслушать всѣ разговоры!“ „Я вамъ рѣшу, отвѣчалъ онъ, „вѣрно дамы говорятъ о Рубини, и вчерашнемъ вечерѣ у Графини.“ .. „А потомъ будутъ говорить объ чемъ?“ „Да, правду сказать,

жизнь незавидная, — старики наши разсказываютъ, напримѣръ, о бесѣдахъ князя Николая Васильевича Рѣпнина. . . было что послушать и было чему поучиться."

Подошелъ Англійскій посланникъ Лордъ Блумфильдъ. А. П. заговорилъ съ нимъ, а послѣ, встрѣтясь со мною, сказалъ: „Англичанинъ проговорился мнѣ, на мои вопросы, не смотря на свою скрытность, что война Китайская была очень полезна для ихъ моряковъ.. Суда ихъ поднимались по рѣкамъ, и не находили нигдѣ сопротивленія, точно какъ и на берегахъ, гдѣ они заколотили 80 пушекъ безъ выстрѣла. Они подбираются къ Китаю — это ясно. Я старался мѣшать имъ сколько можно въ Грузіи, далъ Персіанамъ колонистовъ для сукна. Государь Александръ велѣлъ однажды Каподистріи написать мнѣ: quant à vos principes un peu trop larges. . ."

Съ тѣхъ поръ я началъ посѣщать Алексѣя Петровича, сперва изрѣдка, а потомъ и чаще, ѣздилъ къ нему въ подмосковную его деревню, по Смоленской дорогѣ, верстахъ въ 30 отъ города, — и всякій разъ записывалъ его разговоры. Записокъ такихъ накопилось наконецъ столько, что я могъ съ его словъ начертить обозрѣніе его жизни, то-есть указать главныя событія, разстановить, такъ сказать, вехи, оставивъ пробѣлы въ тѣхъ мѣстахъ, о коихъ не случилось ничего слышать отъ него, а желалось бы получить свѣдѣніе. Эту тетрадь, всю писанную моею рукой, отдалъ я Алексѣю Петровичу лѣтъ двадцать тому назадъ, и просилъ его пополнить пробѣлы.

Онъ обѣщалъ, и дѣйствительно, на другой и на третій годъ, показывалъ мнѣ мою тетрадь, исписанную на первыхъ листахъ его рукою по всѣмъ полямъ и оставленнымъ пробѣламъ. „Вотъ видите ли," сказалъ онъ мнѣ, „я исполняю данное вамъ слово", — но никакъ не хотѣлъ отдать тетради до окончанія.

Послѣ онъ отлагалъ всегда возвращеніе до другаго времени. Куда теперь тетрадь дѣвалась, я не знаю, и до сихъ поръ не могу получить никакого свѣдѣнія. Прошу покорнѣйше всѣхъ, кто можетъ, сообщить мнѣ оное. Въ тетради ошибиться нельзя: она написана вся моею рукою, а вставки и рукою Алексѣя Петровича. Когда онъ мнѣ показывалъ тетрадь, тогда имъ было исписано листовъ 10-ть первыхъ *.

Между тѣмъ увидя, что Алексѣй Петровичъ пишетъ отвѣты на всѣ мои запросы, я перестал уже вести прежній подробный журналъ его любопытныхъ бесѣдъ, и только отмѣчалъ ихъ предметы краткими намеками, которыхъ теперь самъ иногда, къ сожалѣнію, разобрать не могу. Кое-что сохранила, впрочемъ, память. Объ остальномъ прибѣгаю за объясненіями къ душеприкащику и почитателю покойнаго, Ивану Васильевичу Лихачеву, и постоянному его собесѣднику, Александру Ивановичу Казначееву.

Имѣю я нѣсколько письменныхъ документовъ, напримѣръ: Алексѣй Петровичъ далъ мнѣ своею рукой написанное письмо къ Императору Николаю, въ началѣ царствованія, предъ оставленіемъ Кавказа; также копію съ письма его, по поводу его исторіи къ г. Устрялову, имъ засвидѣтельствованную. Есть у меня еще нѣсколько его приказовъ по Грузинскому корпусу, нѣсколько писемъ къ Д. В. Давыдову и другимъ лицамъ.

Изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ, преимущественно по моимъ запискамъ, я составилъ нѣчто цѣлое, относительно жизни нашего славнаго полководца и вмѣстѣ государственнаго человѣка, и прошу всѣхъ знавшихъ его доставлять мнѣ, у кого есть какія свѣдѣнія. Чѣмъ

* На дняхъ я получилъ отъ И. В. Лихачева три полулиста изъ этой тетради, исписанные мелко рукою Алексѣя Петровича. (Читатели найдутъ ихъ ниже). Ихъ доставилъ къ нему управляющій, нѣкогда деньщикъ Алексѣя Петровича, Максимъ Кирилловичъ. Не найдетъ ли онъ еще продолженія?

будетъ питаться національное чувство, если мы не будемъ дорожить малѣйшими подробностями о такихъ личностяхъ, какъ Ермоловъ? А у насъ въ послѣднее время дерзкая, наглая, безстыдная пошлость и невѣжество, начали было метать грязью и въ Ермолова, какъ въ Сперанскаго, Ростопчина, Карамзина, Державина...

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ родился въ 1777 году, мая 24-го, въ одномъ году съ Императоромъ Александромъ, котораго былъ старше тремя мѣсяцами. Отецъ его Петръ Алексѣевичъ, небогатый орловскій дворянинъ, служилъ по гражданской службѣ, и былъ въ послѣдствіи предсѣдателемъ гражданской палаты, а наконецъ управлялъ канцеляріей генералъ-прокурора графа Самойлова, въ послѣдніе годы царствованія И. Екатерины.

Мать, Марья Денисовна, была изъ рода Давыдовыхъ. (*)

(*) Напомнимъ кстати о родственной связи, соединявшей слѣдующія, знаменитыя въ Россіи фамиліи: Потемкина, Ломоносова, Раевскаго, Давыдова, Ермолова, Орлова и проч.

У *Потемкина* было двѣ сестры, одна была въ замужствѣ за Николаемъ Борисовичемъ Самойловымъ (умеръ сенаторомъ).

У нихъ остались—сынъ и дочь. — Сынъ Александръ Николаевичъ, слѣдовательно родной племянникъ Потемкину), въ послѣдствіи графъ и генералъ-прокуроръ. Дочь, Катерина Николаевна, была въ первомъ бракѣ за *Раевскимъ*, и имѣла отъ сего брака сына Николая—знаменитаго героя войны 1812 года, слѣд. Раевскій былъ двоюроднымъ внукомъ Потемкина.

Раевскій былъ женатъ на Константиновой, внукѣ *Ломоносова*, и имѣлъ двухъ сыновей, съ которыми бросился впередъ въ одномъ изъ сраженій между Смоленскомъ и Можайскомъ, и дочь въ замужствѣ за Михаиломъ Ѳедоровичемъ *Ор. овымъ*, другую за княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Волхонскимъ.

Во второмъ бракѣ Катерина Ник. Раевская (ур. Самойлова), была за генералъ-майоромъ Львомъ Денисовичемъ *Давыдовымъ*, отъ котораго былъ сынъ Петръ Львовичъ, женатый на одной изъ графинь Орловыхъ. Его братья Василій Львовичъ, Александръ Львовичъ.

Левъ Денисовичъ имѣлъ сестру, Марью Денисовну, мать славнаго *Ермо-*

Родился Алексѣй Петровичъ въ Москвѣ, гдѣ-то между Арбатомъ и Пречистенкой.

Грамотѣ онъ учился у двороваго служителя Алексѣя и помнитъ букварь и рѣзную указку, расписанную синими фигурками. (С.)

Потомъ жилъ онъ въ домѣ какой то вдовы намѣстника, вѣроятно дальней родственницы, впрочемъ не въ большой чести, потому особенно, что былъ ему тамъ соперникъ, любимый племянникъ. (С.)

Очень рано былъ онъ отданъ учиться въ университетскій благородный пансіонъ, на руки къ профессору Ивану Андреевичу Гейму.

Попечителемъ пансіона былъ тогда Павелъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ.

Бывши ужъ въ чинѣ генералъ-майора, онъ не проѣзжалъ Москвы безъ того, чтобы не посѣтить своего наставника. А въ Москвѣ онъ бывалъ рѣдко, и то проѣздомъ, по дѣламъ службы. Родныхъ у него здѣсь не было, а знакомыхъ весьма мало. Пріѣдетъ онъ въ Москву, не какъ въ столицу, а просто какъ на станцію,—переложатъ ему лошадей въ слободѣ,—и, какъ курьеръ, онъ мчится далѣе. (С.)

Памятнымъ ему остался въ пансіонѣ учитель математики Крупениковъ.

Изъ пансіона, взятый, по переселеніи отца, въ деревню, учился дома.

лова, Алексѣя Петровича, и брата Василья Денисовича, у котораго былъ сынъ Денисъ, поэтъ-партизанъ, слѣдов. двоюродный братъ Ермолову.

Мать Ермолова была въ первомъ бракѣ за Каховскимъ, и имѣла отъ него сына.

Мать Раевскаго была за роднымъ дядею Ермолова. По ней Ермоловъ находился въ свойствѣ и съ ея братомъ, т. е. генералъ-прокуроромъ Самойловымъ, въ домѣ котораго и жилъ въ Петербургѣ, при началѣ своей службы, въ царствованіе императрицы Екатерины II.

Князь Юрій Владимировичъ Долгорукій отвезъ Ермолова въ С.-Петербургъ въ 1792 году, тогда какъ онъ имѣлъ уже чинъ гвардіи поручика, записанный въ службу очень рано, по обычаю того времени, и былъ выпущенъ капитаномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Онъ тотчасъ поступилъ адъютантомъ къ графу Самойлову.

Отъ него онъ былъ часто посылаемъ съ грузомъ эполетъ и эксельбантовъ къ знаменитой княгинѣ Е. Р. Дашковой, занимавшейся парфилажемъ. (*) Д.

Изъ адъютантовъ перешелъ въ артиллерію. Въ Петербургѣ онъ занимался математикою съ г. Лясковскимъ, который его полюбилъ, несмотря на свой педантизмъ. На Кавказѣ Алексѣй Петровичъ имѣлъ случай быть полезнымъ его сыну, туда сосланному. (С.)

Ермоловъ, участвовалъ въ войнѣ съ Поляками 1794 г., отличился на приступѣ Праги, и получилъ отъ Суворова Георгіевскій крестъ за храбрость, вмѣстѣ съ княземъ Дмитріемъ Владимировичемъ Голицынымъ и княземъ Иваномъ Леонтьевичемъ Шаховскимъ.

Знаменитый Дерфельденъ отзывался о немъ съ большою похвалою. Этимъ мнѣніемъ Ермоловъ дорожилъ всегда.

Въ 1795 г. посланъ былъ въ Италію съ чиновникомъ Виртомъ, которому поручалось окончаніе коммерческихъ дѣлъ съ Генуэзскимъ банкомъ. Онъ посѣтилъ тогда главные города Италіи, и между прочимъ Неаполь, гдѣ видѣлъ знаменитую по красотѣ своей Леди Гамильтонъ. Ходатайство графовъ Самойлова и Безбородко, снабдившихъ его письмами къ всесильному барону Тугуту, доставили ему возможность находиться волонтеромъ при главнокомандующемъ генералѣ Девисѣ, который, послѣ Рымникскаго сраженія, былъ очень

(*) Parfilage—отдѣленіе серебра и золота отъ шелка.

расположенъ къ Русскимъ. Ермоловъ принималъ участіе въ разныхъ стычкахъ, и написалъ свои замѣчанія о войнѣ.

Вызванный изъ Италіи, въ проѣздъ чрезъ Берлинъ, присутствовалъ при бракосочетаніи знаменитой Прусской королевы Луизы. Д.

Возвратившись въ Россію, посланъ въ Грузію, и участвовалъ въ экспедиціи графа Зубова.

Въ запискахъ о Грузіи есть воспоминаніе о Кавказской службѣ.—„Въ Дербентѣ съ удовольствіемъ взглянулъ я на развалины одной башни, гдѣ, 24 года тому назадъ, устроена была брешь-батарея, которою командовалъ я, будучи артиллеріи капитаномъ. Въ положеніи моемъ не могъ я быть равнодушнымъ къ воспоминанію, и еслибъ не хотѣлъ признаться, никто не повѣритъ, чтобъ нельстило оно честолюбію."

Послѣ бомбардированія Дербента онъ переправился съ прочими войсками Графа Зубова чрезъ Самуръ, на встрѣчу Аги-могаммедъ-хану, какъ прибывшій курьеръ; подполковникъ Графъ Витгенштеинъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ) привезъ повелѣніе И. Павла о поспѣшномъ возвращеніи войска въ предѣлы Россіи, для полезнѣйшаго арміи употребленія. Ихъ ожидалъ на Терекѣ графъ Гудовичъ. Избѣгая встрѣчи съ нимъ, многіе, и въ томъ числѣ Ермоловъ, пробрались степью въ Астрахань.

Возвратившись въ Россію, онъ поступилъ въ составъ баталіона Иванова; изъ этого баталіона въ послѣдствіи образовался 4 артиллерійскій полкъ, въ которомъ у семи офицеровъ былъ одинъ мундиръ, по замѣчанію графа Аракчеева. Д.

О жизни его въ Смоленскѣ есть воспоминаніе въ запискахъ о войнѣ 1812 года:

„И такъ я въ Смоленскѣ, тамъ, гдѣ въ ребячествѣ моемъ живалъ съ моими родными, гдѣ служилъ въ мо-

лодости, гдѣ знакомъ со всѣми вообще по брату моему, имѣвшему въ Смоленскѣ родственныя связи, гдѣ, могу сказать, живалъ въ удовольствіи, ибо безпечность и свобода, представляя къ тому еще болѣе способовъ, отдаляли всякое другое ощущеніе. Теперь я въ лѣтахъ, заступившихъ время пылкой молодости, и, если не по собственному убѣжденію, то по мнѣнію многихъ, человѣкъ порядочный и уже занимающій важное въ арміи мѣсто. Какія удивительныя и едвали для самого меня постижимыя перемѣны! Невольно возстаютъ во мнѣ пріятнѣйшія воспоминанія, какъ нѣкогда платилъ я дань любви красотамъ, которыхъ Смоленскъ бывалъ отечествомъ; здѣсь многіе предметы обновляютъ въ памяти моей происшествія, которыя и могутъ быть въ одной только счастливой молодости, и которыя не повторяются въ жизни!..“

Смоленскій губернаторъ сдѣлалъ доносъ на брата его (отъ одной матери) Каховскаго. Молодой Ермоловъ былъ взятъ и посаженъ въ крѣпость. Бумаги его были отвезены въ Петербургъ, но Государь, найдя между ними описаніе похода 1795 г., въ Италіи, разные планы сраженій, смилостивился надъ нимъ.

Ермоловъ долженъ былъ выслушать прощеніе въ Калугѣ отъ генерала Линднера. Ермолову вздумалось объясниться съ генераломъ, и узнать отъ него, за что онъ былъ взятъ, и почему теперь прощенъ. (*)

Дополненіе Алексѣя Петровича. Линдеръ, тогда больной, принялъ его въ постелѣ, спрашивалъ о многихъ обстоятельствахъ, относившихся до его брата, но какъ они совершенно не были извѣстны Ермолову и были даже вымышлены, то отвѣты его за-

---

(*) См. выше с. 445.

ключались въ однихъ отрицаніяхъ. Генералъ Линднеръ, призвавъ къ себѣ офицера, сопровождавшаго Ермолова, объявилъ ему о дарованной ему свободѣ, и чтобъ онъ отправился обратно, если Ермоловъ пожелаетъ возвратиться одинъ. Ласково простясь съ Ермоловымъ, сказалъ, что посланному на встрѣчу ему офицеру приказано отдать бумаги Смоленскому коменданту, генералъ-майору князю Долгорукову, въ случаѣ, если еще онъ не препровожденъ изъ Несвижа. Сказалъ, что между возвращенными бумагами недостаетъ журнала и нѣсколькихъ чертежей, составленныхъ во время пребыванія въ Австрійской арміи въ Альпійскихъ горахъ, которые Государь изволилъ разсматривать. — Проѣзжая обратно Смоленскъ, Ермоловъ получилъ бумаги, доставленныя разъѣхавшимся, вѣроятно въ ночное время, офицеромъ, и привезъ въ Несвижъ данное шефу баталіона повелѣніе. "

„Прошло не много болѣе двухъ недѣль, какъ исполненный чувствъ благодарности, прославляющій великодушіе монарха, Ермоловъ, призванный къ своему шефу, получаетъ приказаніе отправиться въ Петербургъ съ фельдъ-егеремъ, нарочно за нимъ присланнымъ."—

„Я не былъ отставленъ отъ службы, не былъ выключенъ, ниже арестованъ, и объявлено, что Государь желаетъ меня видѣть! Безъ затрудненія дано мнѣ два дня на пріуготовленіе къ дорогѣ; до отъѣзда не учреждено за мною никакова присмотра. Прощаюсь съ знакомыми въ Несвижѣ и окрестностями и отправляюсь."

„Въ жизни моей не рѣдко весьма удовлялъ я себя въ недостаткѣ предусмотрительности; но въ 22 году, при свойствахъ и воображеніи отъ природы довольно пылкихъ, удостоенный всемилостивѣйшаго прощенія, вызываемый по желанію Государя меня видѣть, питающій чув-

ства совершеннѣйшей преданности, я допускалъ самыя обольщающія мечтанія, и видѣлъ предъ собою блистательную будущность. Предъ глазами было быстрое возвышеніе людей неизвѣстныхъ, и даже многихъ, оправдавшихъ свое ничтожество, и меня увлекали надежды.

„Въ дорогѣ фельдъ-егерь оказывалъ много угодливости; на послѣдней къ Петербургу станціи, куда пріѣхали мы до обѣда, совѣтовалъ дождаться вечера, говоря, что могу быть встрѣченъ знакомыми, и непріятно будетъ мнѣ дать поводъ къ невыгоднымъ о себѣ заключеніямъ.“

„Тутъ начало мнѣ представляться положеніе мое совсѣмъ въ другомъ видѣ. Въ Петербургѣ привезли меня прямо въ домъ генералъ-прокурора Петра Васильевича Лопухина. Долго разспрашиваемый въ его канцеляріи, фельдъ-егерь получилъ приказаніе отвезти меня къ начальнику тайной экспедиціи, оттуда препроводили меня въ С.-Петербургскую крѣпость, и въ Алексѣевскомъ равелинѣ посадили въ казематъ.“

Въ Петербургѣ былъ посаженъ Ермоловъ въ крѣпость. Чрезъ нѣсколько времени спросили его въ судную коммиссію. Секретаремъ былъ Макаровъ, который прежде служилъ при его отцѣ. Онъ очень удивился такой встрѣчѣ, и спросилъ, какъ попалъ Ермоловъ подъ судъ, а тотъ еще меньше зналъ о причинѣ. Макаровъ, человѣкъ добрый, тотчасъ продиктовалъ ему объясненіе, но Ермоловъ, переписывая, вставилъ какія-то выраженія, которыя не понравились, и онъ былъ сосланъ на житье въ Кострому. Послѣ оказалось, что Линднеръ написалъ на него доносъ, вслѣдствіе котораго и послѣдовала вторичная ссылка.

Дополненіе Алексѣя Петровича. Въ продолженіе двухмѣсячнаго тамъ пребыванія, одинъ разъ требованъ я былъ генералъ-прокуроромъ; взяты отъ меня объ-

ясненія начальникомъ Тайной экспедиціи, въ которомъ неожиданно встрѣтилъ я г. Макарова, благороднѣйшаго и великодушнаго человѣка, который, служа при графѣ Самойловѣ, зналъ меня въ моей юности, и наконецъ его адъютантомъ. Ему извѣстно было о дарованномъ мнѣ прощеніи; о взятіи же меня въ другой разъ онъ только то узналъ, что по приказанію Государя отправленъ былъ дежурный во дворцѣ фельдъ-егерь, и причина отсутствія его покрыта тайною.—Объясненія мои изложилъ я на бумагѣ; ихъ поправилъ Макаровъ, конечно не прельщенный слогомъ моимъ, котораго не смягчало чувство правоты, несправедливаго преслѣдованія и заточенія въ казематъ."

„Я переписалъ ихъ и возвратился въ прежнее мѣсто."

„Нескоро однакоже послѣ того присланъ фельдъ-егерь принять арестанта изъ 9 нумера и отправиться въ назначенный путь. Мнѣ приказано одѣваться теплѣе въ дорогу. Изъ убійственной тюрьмы я съ радостью готовъ былъ въ Сибирь."

„Въ равелинѣ ничего не происходитъ подобнаго описываемымъ ужасамъ инквизиціи, но, конечно, многое заимствовано изъ сего благодѣтельнаго и человѣколюбиваго установленія. Спокойствіе ограждается могильною тишиною, совершеннымъ безмолвіемъ двухъ недремлющихъ сторожей, почти неразлучныхъ. Охраненіе здоровья заключается въ постоянной заботливости не обременять желудка ни лакомствомъ пищи, ни излишнимъ ея количествомъ. Жилище освѣщается неугасаемою сальною свѣчею, опущенною въ жестяную съ водою трубку. Различный бой барабана, при утренней и вечерней зарѣ, служитъ исчисленіемъ времени; но когда бываетъ онъ не довольно внятнымъ, повѣрка производится въ отхожихъ мѣстахъ, куда проводящій

корридоръ освѣщенъ дневнымъ свѣтомъ и солнцемъ, незнакомыми въ преисподней."

„Въ дорогѣ фельдъ-егерь сообщилъ мнѣ, что долженъ сдать меня Костромскому (губернатору?), но что весьма нерѣдко поручается имъ отправлять несчастныхъ далѣе, и даже до Сибири."

„По прибытіи въ Кострому мнѣ объявлено назначеніе вѣчнаго пребыванія въ губерніи по извѣстному собственно Государю Императору преступленію."

Эта ссылка помѣшала Ермолову участвовать въ Италіанской кампаніи, и взять нѣсколько уроковъ у такого учителя, каковъ былъ Суворовъ! Такъ судьба играетъ людьми! Одного недостойнаго она ведетъ на помочахъ и поддерживаетъ; другому бросаетъ камни подъ ноги на каждомъ шагу...

Съ горя принялся Ермоловъ читать и переводить Римскаго Цезаря, между тѣмъ какъ новый Цезарь и нашъ славный Суворовъ ратоборствовали одинъ послѣ другаго на его Альпахъ.

Онъ познакомился съ протоіереемъ и ключаремъ соборнымъ, Егоромъ Арсеньевичемъ Груздевымъ, и началъ брать у него уроки латинскаго языка.
Часто ходилъ онъ будить старика восклицаніемъ: вставайте — Титъ-Ливій дожидается.

О пребываніи въ Костромѣ одинъ Костромской старожилъ передалъ И. И. Лажечникову, что Ермоловъ, въ зимнее время, возилъ воду на салазкахъ, въ ушатѣ или кадкѣ, съ рѣки, по обледенѣлой горѣ, для своей хозяйки-мѣщанки, у которой онъ квартировалъ, и которая любила его какъ сына.

Въ Костромѣ же сидѣлъ тогда другой Русскій молодецъ, Платовъ.

Попался онъ на гауптвахту въ Петербургѣ, вслѣд-

ствіе какихъ-то отношеній къ любимцу Павлову, Донскому генералу Денисову. Сидя на гауптвахтѣ, увидѣлъ Платовъ сонъ, что на Дону ловитъ рыбу, и поймалъ свою саблю. Черезъ нѣсколько дней въ самомъ дѣлѣ приносятъ ему прощенному саблю. Онъ въ радости схватилъ ее, обнажилъ и воскликнулъ: вотъ она!.. она оправдаетъ меня.

Платовъ отправился къ оставленному имъ семейству въ Москвѣ, пошелъ помолиться въ соборъ, какъ вдругъ является къ нему фельдъ-егерь съ высочайшимъ повелѣніемъ ѣхать на житье въ Кострому.

Радостное восклицаніе Платова было донесено, и этому восклицанію приданъ недобрый смыслъ.

Изгнанники часто проводили время вмѣстѣ, и воображали, печальные, какъ на Альпійскихъ горахъ отличаются ихъ братья.

Платовъ былъ однако освобожденъ прежде Ермолова, и получилъ назначеніе идти въ Бухару.

Сжалилась судьба и надъ его товарищемъ: Ермоловъ былъ вхожъ въ домъ губернатора И. В. Ламба, который вскорѣ сдѣлался военнымъ министромъ. Домашніе его и родственники, оставшіеся въ Костромѣ, писали къ нему о печальной участи молодаго изгнанника. Ламбъ отнесся съ просьбою къ всемогущему тогда Кутайсову, съ которымъ былъ женатъ на родныхъ сестрахъ (Рѣзвыхъ). Кутайсовъ принялъ участіе, и велѣлъ Ермолову написать къ нему частное просительное письмо съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ.

Гордый Ермоловъ не согласился. Онъ не хотѣлъ освобожденіемъ своимъ быть обязаннымъ фавориту, предъ которымъ однакожъ тогда все преклонялось, — примѣчательная черта въ характерѣ молодаго человѣка!

О пребываніи въ Костромѣ приписано Алексѣемъ Петровичемъ къ моему очерку:

„По счастію моему, при губернаторѣ находился сынъ его, съ которымъ въ молодости моей учились мы вмѣстѣ. По убѣжденію его, онъ донесъ генералъ-прокурору, что находитъ нужнымъ оставить меня подъ собственнымъ надзоромъ для строжайшаго наблюденія за моимъ поведеніемъ, и мнѣ назначено жить въ Костромѣ.“

„Нѣкоторое время жилъ я въ домѣ губернскаго прокурора Новикова, человѣка отлично-добраго и благороднѣйшихъ свойствъ, и вскорѣ вмѣстѣ войска Донскаго съ генералъ-майоромъ Платовымъ, въ послѣдствіи знаменитымъ войсковымъ Атаманомъ, которому по волѣ Императора назначена также Кострома мѣстопребываніемъ. Полтора года продолжилось мое пребываніе. Жители города оказывали мнѣ великодушное расположеніе, не находя въ свойствахъ моихъ, ни въ образѣ поведенія, ничего, обнаруживающаго преступника. Я возвратился къ изученію латинскаго языка, упражнялся въ переводѣ лучшихъ авторовъ, и время протекало почти непримѣтно, почти не омрачая веселости моей. Судьба, не благопріятствующая мнѣ, возбуждала сѣтованія мои въ одномъ только случаѣ, когда воспоминалъ я, что баталіонъ артиллерійскій, которому я принадлежалъ, находился въ Италіи, въ арміи, предводимой славнымъ Суворовымъ, что товарищи мои учавствуютъ въ незабвенныхъ подвигахъ непобѣдимой нашей арміи. Въ чинѣ Подполковника я былъ 22 хъ лѣтъ и въ царствованіе Екатерины имѣлъ ордена св. Георгія и св. Владимира. Многимъ Суворовъ открылъ быструю карьеру; неужели бы укрылись отъ него добрая воля, кипящая, пламенная рѣшительность, незнавшая тогда опасностей.“

Въ Костромѣ получилъ я увѣдомленіе отъ одного луч-

шаго изъ пріятелей, сослуживца, который по супружеству своему былъ въ тѣсныхъ связяхъ родства съ любимцемъ Императора, графомъ Кутайсовымъ,—что, склонивъ вниманіе его къ несчастному положенію моему, имѣетъ отъ него порученіе дать мнѣ знать, чтобы, изобразивъ его въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, обратился къ нему съ письмомъ моимъ, и что онъ надѣется испросить мнѣ прощеніе. Конечно, неблагоразуміемъ назову я твердую волю мою въ семъ случаѣ; но не дорожилъ я свободою, подобнымъ путемъ снисканною, и не отвѣчалъ на письмо пріятеля моего."

„Не за долго до кончины Павла присланъ къ Платову фельдъ-егерь съ приказаніемъ прибыть въ Петербургъ. Чрезвычайно милостиво былъ принятъ Императоромъ, взятъ на службу, пожалованъ орденомъ и назначенъ начальникомъ войскъ, отправляемыхъ для покоренія Бухаріи. Съ горестію простился я съ Платовымъ, но завидовать счастію не могъ, ибо оно обращалось къ человѣку, извѣстному отличною храбростію и способностями".

„Скончался Имп. Павелъ, и на другой день возшествія на престолъ, Александръ 1 освободилъ Каховскаго и меня въ числѣ прочихъ соучастниковъ вымышленнаго на него преступленія. Ему извѣстны были понесенныя нами наказанія."

„Въ числѣ не одной тысячи ищущихъ службы, которымъ ненавистноеименованіе исключенныхъ изъ службы замѣнено названіемъ уволенныхъ, явился я въ Петербургъ."

„Тогда военною коллегіею управлялъ генералъ Ламбъ, бывшій въ царствованіе Екатерины генералъ-майоромъ и Костромскимъ губернаторомъ. По выѣздѣ его изъ Костромы остались тамъ двѣ дочери, въ семействахъ которыхъ принимаемъ я былъ благосклонно. Пріѣзжая для свиданія съ отцомъ, онѣ тронули его описаніемъ

участи молодаго изгнанника, и достойный старикъ желалъ случая оказать мнѣ благотвореніе.—Не долго являлся я просителемъ незамѣчаемымъ, наконецъ позвалъ меня въ кабинетъ и, показавъ изготовленную докладную записку, сказалъ: я не спѣшу, изыскивая благопріятную минуту, желая чтобы ты принятъ былъ съ вознагражденіемъ чиномъ, котораго ты лишился.— Вскорѣ лично изъявилъ мнѣ сожалѣніе, что не успѣлъ въ желаніи своемъ, и что я принятъ въ артиллерію въ прежнемъ чинѣ Подполковника.—Недолго былъ я празднымъ, и мнѣ дана конно-артиллерійская рота,—назначеніе, для молодаго офицера чрезвычайно лестное, ибо въ Россіи тогда былъ одинъ конный баталіонъ, состоявшій изъ пяти ротъ. Этому способствовалъ пріятель мой, заботившійся о свободѣ моей посредствомъ гр. Кутайсова, который легко могъ имѣть въ томъ успѣхъ, но мнѣ надлежало обратиться къ нему съ письмомъ, въ которомъ было бы изображено положеніе мое самымъ трогательнымъ. Онъ говорилъ, что изберетъ благопріятную минуту доложить ему о томъ, и можетъ напередъ поздравить меня съ свободою. Неблагоразсудительность молодости истолковала мнѣ поступокъ низкимъ, и я даже не отвѣчалъ пріятелю на письмо.—Я просидѣлъ въ Костромѣ лишній годъ до кончины Императора!“

Императора Павла вскорѣ не стало. Въ первый день восшествія на престолъ Александръ велѣлъ освободить Ермолова вмѣстѣ съ прочими людьми, замѣшанными по дѣлу Каховскаго.

Ермоловъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу. Здѣсь онъ вошелъ въ непосредственное сношеніе съ графомъ Аракчеевымъ, начальникомъ артиллеріи.

Приписка Алексѣя Петровича. Когда графъ Аракчеевъ назначенъ былъ инспекторомъ всей артиллеріи, по

неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ подпалъ я полной его немилости и преслѣдованію. Въ самомъ производствѣ въ чинъ сдѣлана была мнѣ преграда, и на которую не могъ я жаловаться; ибо когда по старшинству надлежало дать мнѣ чинъ, онъ приглашалъ изъ отставки и въ спискѣ ставилъ впереди меня. Я помышлялъ уже оставить службу, и конечно не встрѣтилъ бы затрудненій въ томъ; но дабы при отставкѣ обратить на себя вниманіе и можетъ быть найдти возможность объяснить причину, понуждающую меня къ тому, я прибѣгнулъ къ странному способу. По осмотрѣ роты моей инспекторомъ, конной артиллеріи генералъ-маіоромъ Богдановымъ, я подалъ ему рапортъ, что отецъ мой, будучи немолодыхъ лѣтъ, имѣя меня единственнаго сына и состояніе разстроенное, желаетъ, чтобы я находился при немъ; что, ускоряя нѣсколькими мѣсяцами поданіе прошенія, вопреки установленнаго на то время, я нетолько не почитаю себя въ правѣ воспользоваться при увольненіи чиномъ, но будучи семь лѣтъ подполковникомъ, прошу отставить меня маіоромъ. Инспекторъ, хорошій мнѣ пріятель, склонялъ меня взять обратно рапортъ, справедливо называя его безумнымъ, но я не согласился, и онъ долженъ былъ представить его графу Аракчееву.“

„Рота моя расположена была тогда въ Вильнѣ, гдѣ военный губернаторъ Баронъ Беннингсенъ былъ въ то же время начальникомъ Литовской инспекціи, которой я принадлежалъ. Знавши меня съ самыхъ молодыхъ лѣтъ моихъ, онъ оказывалъ мнѣ особенное благорасположеніе, и я увѣренъ былъ въ благопріятномъ отзывѣ его, еслибы поручено ему было освидѣтельствовать, въ полномъ ли я разумѣ. Этого я долженъ былъ ожидать непремѣнно; но графъ Аракчеевъ написалъ мнѣ

собственноручно весьма благосклонное письмо, изъявляя желаніе, чтобы я остался служить.—Я исполнилъ волю его и не разъ имѣлъ причину раскаиваться.“ (*)

Ермоловъ въ скоромъ времени успѣлъ снискать полную его немилость, которая усилилась въ особенности, благодаря острому слову въ отвѣтъ на замѣчаніе Аракчеева о лошадяхъ при одномъ смотрѣ его роты: очень жаль, Ваше Сіятельство, что отъ скотовъ зависитъ иногда репутація офицеровъ въ артиллеріи. Этотъ отвѣтъ разнесся тогда же по всей Россіи въ безчисленныхъ варіантахъ.

Аракчеевъ безпрестанно дѣлалъ ему непріятности.

Открылась война 1805 года. Ермоловъ отличился во многихъ сраженіяхъ и заслужилъ совершенную благосклонность главнокомандующаго, Кутузова. Онъ былъ прозванъ Enfant gaté du general. Въ Аустерлицкомъ сраженіи Ермоловъ дѣйствовалъ отлично. Ѳ. П. Уваровъ представилъ его императору Александру послѣ этого несчастнаго сраженія.

Въ кампаніи 1806 года Ермоловъ отличился еще болѣе, во всѣхъ почти сраженіяхъ, подъ Голыминымъ, Прейсишъ-Эйлау, Фридландомъ, и сблизился со всѣми главными дѣйствовавшими лицами.

Великій Князь Константинъ Павловичъ узналъ и полюбилъ его. Король Прусскій отзывался о немъ съ похвалами передъ Императоромъ Александромъ, который отвѣчалъ: я ужь знаю его.

Во время переговоровъ о мирѣ въ Тильзитѣ, Ермоловъ часто ходилъ въ городъ смотрѣть на Наполеона. Онъ останавливался въ домѣ противъ Императорской квартиры. Тамъ, по цѣлымъ часамъ, наблюдалъ онъ, чрезъ растворенное окно, всѣ движенія своего героя, кото-

---

(*) Здѣсь прекращаются полученныя мною приписки Алексѣя Петровича къ моему очерку.

рый, предъ его глазами, раздавалъ приказанія, выслушивалъ донесенія, говорилъ.... Ермоловъ жаднымъ слухомъ ловилъ всякое слово, которое однакоже не долетало.

Послѣ войны 1806 года, обстоятельства стали благопріятствовать Ермолову.

Самъ Аракчеевъ умилостивился, разувѣренный Петромъ Ивановичемъ Меллеромъ-Закомельскимъ, что Ермоловъ отнюдь не есть сынъ любимца Екатеринина, какъ полагалъ Аракчеевъ, и потому будто притѣснялъ его. . .

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Ермоловъ явился къ всесильному Министру.—Вы одѣты не по формѣ, прогнусилъ Аракчеевъ.—Позвольте усомниться, отвѣчалъ Ермоловъ. Оказалось, что, за отличіе, ротѣ Ермолова пожалованы были петлицы, и замѣчаніемъ Аракчеевъ хотѣлъ, по своему, выразить ему благоволеніе.

Началась Турецкая кампанія. Молодой Каменскій, проѣзжая черезъ Кіевъ, гдѣ стоялъ Ермоловъ, говорилъ съ нимъ въ кабинетѣ часа полтора, и тотчасъ написалъ представленіе къ Государю, прося его себѣ въ дежурные генералы. Тотъ не согласился, отвѣчая, что Ермоловъ ему нуженъ въ Кіевѣ для артиллеріи.

Отъ Графа Дмитрія Николаевича Блудова, бывшаго свидѣтелемъ свиданія Главнокомандующаго съ Ермоловымъ, по званію начальника дипломатической канцеляріи, слышалъ я объ отзывѣ Графа Каменскаго, и о пріятномъ впечатлѣніи, которое производилъ на всѣхъ молодой генералъ своею замѣчательною наружностію. Лобъ его напоминалъ Юпитера гремящаго, Jupiter tonnant.

О войнѣ 1812 года я не записывалъ ничего, предполагая найдти все въ запискахъ Алексѣя Петровича, которыя были многимъ уже также извѣстны.

Труды и подвиги Ермолова въ этой войнѣ оцѣнила Исторія.

Государь, назначая Ермолова начальникомъ штаба 1-й арміи, приказалъ доставлять прямо къ нему свои замѣчанія о ходѣ дѣйствій.

Эти замѣчанія подали поводъ, въ послѣдствіи, ко многимъ толкамъ, невыгоднымъ для Ермолова.

Государь, послѣ увольненія Барклая, отдалъ донесенія Ермолова Кутузову, который могъ ожидать подобныхъ и о себѣ, и потому съ самаго начала явился нерасположеннымъ къ Ермолову, который прежде пользовался особеннымъ его благоволеніемъ.

Я слышалъ, что у Варшавскаго Сенатора Старинкевича сохранялось много документовъ объ этомъ дѣлѣ.

Подъ Витебскомъ Ермоловъ спасъ армію, не допустивъ Барклая до сраженія. А. И. Казначеевъ, по свидѣтельству Князя И. В. Васильчикова и Графа П. П. Палена, такъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ дѣлѣ: Барклай хотѣлъ дать сраженіе. Позиція была очень не выгодна; непріятель гораздо сильнѣе. Ермоловъ старался всѣми силами отговорить Главнокомандующаго, и долго безъ успѣха. Барклай отзывался невозможностію отказаться отъ сраженія, къ которому войско приготовилось, но наконецъ сдался на убѣжденія Ермолова. „Ну, такъ распоряжайтесь какъ хотите,“ заключилъ онъ. Ермоловъ началъ маневрировать, разложилъ огни, заварилъ кашу; оставивъ авангардъ подъ командою Палена, онъ отступилъ ночью на цѣлый маршъ, и такимъ образомъ успѣлъ спасти все войско, обманувъ непріятеля. Наполеонъ, говорятъ, на другой

день былъ въ бѣшенствѣ, узнавъ, что Русское войско ускользнуло изъ его рукъ.

Ермоловъ содѣйствовалъ много соединенію первой арміи со 2-ю арміею Багратіона.*

Въ Бородинскомъ сраженіи онъ принималъ самое дѣятельное участіе.

Возвращеніе баттареи Раевскаго Ермоловымъ содѣйствовало, говорятъ, болѣе всего рѣшенію сраженія.

Подробности читатели найдутъ вѣрно въ запискахъ Ермолова.

Въ походѣ 1813 года Государь былъ на Ермолова въ неудовольствіи, за споръ о Люценскомъ сраженіи, котораго Ермоловъ рѣшительно не одобрялъ, и совѣтовалъ не спѣшить, по причинѣ отдаленія нашего отъ резервовъ князя Лобанова.

На другой день, увидѣвъ, что Государь поручаетъ артиллерію Графу Ожаровскому и другимъ изъ окружающихъ его Генераловъ, неопытныхъ въ этомъ дѣлѣ, Ермоловъ сказалъ, при Королѣ Прусскомъ: „Ваше Величество, если Вы изволите раздавать пушки несвѣдущимъ людямъ, то они будутъ стрѣлять по пустому, и у насъ пороху не станетъ вслѣдствіе ихъ потѣхи.“ —Какъ вы, начальникъ артиллеріи, можете говорить о недостаткѣ пороха?—возразилъ Государь. „Государь, отвѣчалъ Ермоловъ, „я подалъ восемь рапортовъ Главнокомандующему о томъ, что парки наши еще далеко слѣдуютъ за резервною арміей.“

Государь выразилъ явно свое неудовольствіе, и перемѣстилъ его въ первую Гвардейскую дивизію, остававшуюся всегда въ резервѣ...

Ермоловъ не хотѣлъ являться...

---

* См. переписку съ Багратіономъ въ изданныхъ мною матеріалахъ.

Въ Бауценскомъ дѣлѣ лѣвый нашъ флангъ примыкалъ къ горамъ. Не смотря на то, непріятель выставилъ тутъ большую часть своей артиллеріи, и произвелъ ужасную стрѣльбу изъ пушекъ. Государь заключилъ, что сильнѣйшая атака поведена будетъ на лѣвый нашъ флангъ, почему и притягивалъ туда войска. Между тѣмъ Наполеонъ направилъ свои силы преимущественно противъ праваго фланга, отъ чего въ центрѣ остались только Прусскія войска, въ недостаточномъ количествѣ. Ермоловъ, не получивъ еще новаго назначенія, выѣхалъ на поле битвы, какъ бы волонтеромъ, или только зрителемъ. Едва приблизился онъ къ боевой линіи, какъ тотчасъ увидѣлъ вышеуказанный недостатокъ въ центральномъ промежуткѣ, раздѣлявшемъ наши фланги. Чувствуя всю важность этого недостатка, онъ указалъ его Блюхеру и Цитену, которые съ благодарностію приняли мѣры поправить ошибку. Не случись тутъ Ермолова, было бы плохо: непріятель скоро замѣтилъ бы пробѣлъ и легко прорвалъ бы слабый центръ.

Резервную дивизію Ермолова судьба обратила вскорѣ въ передовую, и покрыла славою Алексѣя Петровича, который подъ Кульмомъ разбилъ и плѣнилъ Вандама, шедшаго послѣ отбоя подъ Дрезденомъ, съ 30 тысячами, отрѣзать намъ путь къ Теплицу.

О Кульмскомъ сраженіи записано у меня изъ разсказовъ Алексѣя Петровича:

Остерманъ хотѣлъ идти на Максенъ. Доказывая по картѣ, убѣдилъ я его оставить это намѣреніе, которое сгубило бы насъ.—Пошлите для пробы вотъ этотъ, не нужный для насъ, обозъ, сказалъ онъ Остерману,—и вы увидите, что онъ придетъ не прежде. . . . Тотъ согласился. . . . Въ началѣ сраженія ядромъ оторвало ему руку,

и оно ведено было однимъ Ермоловымъ. Подъ конецъ подоспѣлъ князь Д. В. Голицынъ, и, какъ старшій, долженъ былъ принять команду, но благородно отъ нея отказался.—Вы уже рѣшили дѣло, сказалъ онъ Ермолову,—я не хочу похищать вашего вѣнца; а если вамъ нужны мои войска, вы можете распоряжаться ими.

Государь былъ въ восторгѣ. Сраженіе Кульмское, какъ извѣстно, рѣшило судьбу кампаніи и погибели Наполеона. На мѣстѣ битвы надѣлъ Государь на побѣдителя орденъ Александра Невскаго съ бриліантами, а Великій князь Константинъ сказалъ: „Ермоловъ укрѣпилъ за собою гвардію.“ (До Кульмскаго сраженія Ермоловъ имѣлъ гвардію только ad interim).

Принцъ Леопольдъ Саксонъ-Кобургскій, (послѣ Король Бельгійцевъ), сказалъ Государю: „съ такимъ Генераломъ мы всегда придемъ къ побѣдѣ.“

Однажды, среди разговора, Алексѣй Петровичъ начертилъ мнѣ карандашемъ, на попавшейся подъ руки желтой четверткѣ, планъ Кульмскаго сраженія. Эта четвертка съ прочими автографами поступила въ Петербургскую публичную библіотеку.

Въ одно изъ моихъ путешествій, кажется въ 1846 году, мнѣ случилось встрѣтиться въ Парижѣ съ Женевскимъ священникомъ Каченовскимъ, который разсказалъ мнѣ, что старикъ Остерманъ, жившій тогда въ Женевѣ, велѣлъ ему непремѣнно достать портретъ Ермолова. Я тогда же письмомъ передалъ это желаніе Алексѣю Петровичу, и оно доставило ему большое удовольствіе.

Подъ Бріенномъ Императоръ Александръ сказалъ Ермолову: „меня считали человѣкомъ ограниченнымъ, неспособнымъ. Теперь авось узнаетъ Россія, что у меня есть что нибудь въ головѣ.“

Манифестъ о занятіи Парижа писалъ Ермоловъ, за отсутствіемъ Шишкова, который не хотѣлъ видѣть Парижа, и выпросилъ себѣ позволеніе остаться въ Висбаденѣ, при И. Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Барклаевъ приказъ по арміи, очень неловкій, съ порицаніями Французовъ, не понравился Государю. Константинъ Павловичъ указалъ на Ермолова. Ермоловъ воспользовался одною изъ рѣчей Тита Ливія. Здѣсь въ первый разъ употреблено было слово товарищи. Была фраза: я знаю каждаго изъ васъ, по крайней мѣрѣ мѣсто, ознаменованное его подвигами (?). Ермоловъ прочелъ Государю свой проэктъ, потомъ въ другой разъ, и тотъ подписалъ. Этого приказа я не видалъ, но мнѣ попался манифестъ, рукою А. П. написанный. Представляю его здѣсь сполна.

МАНИФЕСТЪ,

послѣ взятія Парижа, въ 1814 году.

„Буря брани, врагомъ общаго спокойствія, врагомъ Россіи непримиримымъ подъятая, недавно свирѣпствовшая въ сердцѣ отечества нашего, нынѣ въ страну непріятелей нашихъ пренесенная, на ней отяготилась. Исполнилась мѣра терпѣнія Бога-защитника правыхъ! Всемогущій ополчилъ Россію, да возвратитъ свободу народамъ и царствамъ, да воздвигнетъ падшія! 1812 годъ, тяжкій ранами, пріятыми въ грудь отечества нашего, для низложенія коварныхъ замысловъ властолюбиваго врага, вознесъ Россію на верхъ славы, явилъ предъ лицемъ вселенныя ея величіе, положилъ основаніе свободы народовъ. Съ прискорбіемъ души, и истощивъ всѣ средства къ отвращенію беззаконной войны, прибѣгли мы къ средствамъ силы. Горестная необходимость извлекла мечъ нашъ; достоинство народа, попеченію нашему ввѣреннаго, воспретило опустить его во

влагалище, доколѣ непріятель оставался на землѣ Нашей. Торжественно дали мы сіе обѣщаніе! Не обольщенные блескомъ славы, не упоенные властолюбіемъ, не во времена счастія дали обѣщаніе! Съ сердцемъ чистымъ, изліявъ у олтаря Предвѣчнаго моленія наши, въ твердомъ уповании на правосудіе его, исполненные чувствъ правоты нашей, призвали его на помощь! Мы предприняли дѣло великое, во благости Божіей снискали конецъ его! Единодушіе любезныхъ намъ вѣрноподданныхъ, извѣстная любовь ихъ къ отечеству, утвердила надежды наши. Россійское дворянство, твердая подпора престола, на коей возлежало величіе его; служители олтарей всесильнаго Бога, ихъ же благочестіемъ утверждаемся на пути вѣры, знаменитое заслугами купечество и граждане, не щадили никакихъ пожертвованій! Кроткій поселянинъ, незнакомый дотолѣ со звукомъ оружія, оружіемъ защищалъ вѣру, отечество и Государя. Жизнь казалась ему малою жертвою! Чувство рабства незнаемо сердцу Россіянина. Никогда не преклонялъ онъ главы предъ властію чуждою! Дерзалъ ли кто налагать его, не коснѣло наказаніе! Вносилъ кто оружіе въ отечество его, указуетъ онъ гробы ихъ! Тако возноситъ Богъ уповающаго на него! Враги побѣгли отъ лица нашего. Не многіе остались, да возвѣстятъ о гибели! Тако гордаго наказуетъ Богъ! Новыя пріуготовлялись враговъ ополченія. Еще противоборствовавшіе Россіи народы поставляли безопасность свою въ соединеніи силъ! Дабы оградить отечество отъ вторженія непріятеля, надлежало вынести войну внѣ предѣловъ его, и побѣдоносныя воинства наши явились на Вислѣ. Насталъ 1813 годъ. Народы склонили слухъ свой ко внушенію истины. Утомленная бѣдствіями бодрость воспрянула, души ихъ слились во единую, ополченія составили одно ополченіе.

Противящіеся покорены оружіемъ. Быстрое прехожденіе отъ торжества къ торжеству привело насъ на берега Рейна. Непріятель пребылъ непреклоннымъ къ миру. Но едва протекъ годъ, узрѣлъ онъ насъ на берегахъ Рейна! Французскій народъ, никогда не возбуждавшій въ насъ чувствъ враждебныхъ, удержалъ громъ нашъ, готовый низринуться. Франція открыла глаза на окружающую ея бездну; разторгла узы обольщенія властителя ея; устыдилась быть орудіемъ его властолюбія! Гласъ отечества пробудился въ душѣ народа. Возникъ новый вещей порядокъ. Призванъ на престолъ законный Государь. Франція возжелала мира. Ей дарованъ онъ великодушный и прочный. Миръ сей, залогъ частной каждаго народа безопасности, всеобщаго и продолжительнаго спокойствія, ограждающій независимость, утверждающій свободу, обѣщаваетъ благоденствіе Европы, пріуготовляетъ возмездія, достойны перенесенныхъ трудовъ, преодоленныхъ опасностей.

Всемогущій положилъ предѣлъ бѣдствіямъ; прославилъ любезное намъ отечество въ роды родовъ. Воздалъ намъ по сердцу и желаніямъ. Мы, благоговѣя предъ Господомъ, подателемъ всѣхъ благъ, возсылая благодарственное моленіе изъ глубины души нашей, повелѣваемъ: да во всемъ пространствѣ Имперіи Нашей принесется торжественное молебствіе всемогущему Богу. Увѣрены мы, что Россія падетъ на колѣна, и изліетъ слезы радости предъ олтаремъ Всещедраго!“—

Въ войнѣ 14-го года Ермоловъ имѣлъ случай выставить Паскевича передъ Государемъ и исходатайствовать ему награду. Александръ за что-то не любилъ Паскевича, бывшаго флигель-адъютантомъ еще при Павлѣ, и шедшаго по службѣ сначала очень туго.

Въ 1815 году Ермоловъ командовалъ гренадерскимъ корпусомъ. Государь потребовалъ одну дивизію въ Парижъ для парадовъ. Ермоловъ послалъ дивизію Рота.

Паскевичъ ужасно разсердился, и счелъ это доказательствомъ вражды. Онъ стоялъ тогда гдѣ-то съ артиллерійскимъ генераломъ Нилусомъ. Ударивъ кулакомъ по столу, онъ воскликнулъ: „отомщу жь я ему.“

Это извѣстіе дошло до Ермолова, и онъ поручилъ сказать Паскевичу, что еслибы надо было выбирать дивизію для сраженія, то разумѣется, онъ выбралъ бы его, а для нарадовъ онъ выбралъ другую.

Такое любезное объясненіе не удовлетворило Паскевича, у котораго возникла вражда къ Ермолову.

Играя въ какую-то военную игру, изобрѣтенную въ Пруссіи, съ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ, около двадцатыхъ годовъ, онъ имѣлъ случай возродитъ въ немъ невыгодное мнѣніе о Ермоловѣ.

Въ Парижѣ Государь былъ однажды недоволенъ смотромъ и велѣлъ посадить трехъ полковниковъ подъ арестъ. Ермоловъ заступился, но онъ настоялъ. Позвольте напомнить Вашему Величеству, что караулъ у васъ иностранный. Государь остался непреклоннымъ. Ермоловъ не исполнилъ приказанія, и спокойно отправился въ театръ. Тамъ нашелъ его поздно вечеромъ Полковникъ Чебышевъ, посланный отыскать его, гдѣ бы ни было, Княземъ Волконскимъ, котораго, въ противномъ случаѣ, грозился посадить самого разсерженный Государь. Надо было повиноваться.

На другой день разговоръ зашелъ объ арестованныхъ полковникахъ, и Великій князь Николай Павловичъ сказалъ. . . *

---

* Пробѣлъ на этой, и слѣдующей, страницѣ остались для меня непонятными.

Ермоловъ возразилъ. . .

Слово, которое отозвалось, можетъ быть, непріятно лѣтъ черезъ десять въ воображеніи воцарившагося Самодержца.

Въ Парижѣ Графъ Аракчеевъ бился съ Ермоловымъ объ закладъ, что онъ будетъ Военнымъ министромъ. То же подтвердилъ послѣ и Платовъ, разсказавъ о слышанномъ имъ разговорѣ Императора Александра съ Графомъ Аракчеевымъ.

Послѣ войны самъ Аракчеевъ представилъ Государю двухъ кандидатовъ въ Военные министры: Воронцова и Ермолова. Выборъ, дѣлающій честь его проницательности!

Во время Вѣнскаго конгресса, Ермолову поручена была обсерваціонная армія на Австрійской границѣ. Главная квартира его была въ Краковѣ.

Вдругъ разнеслась молва, что Наполеонъ бѣжалъ съ острова Ельбы. Ермолову поручено было вести первый корпусъ. Онъ поспѣшно пустился въ путь. На границѣ явился къ нему Австрійскій полководецъ съ нелѣпымъ приглашеніемъ расположиться по дорогѣ на бивуакахъ, ибо въ городѣ нѣтъ возможности, а провіантъ получать... (?)

Съ 30000 Русскихъ я найду себѣ квартиры, отвѣчалъ Ермоловъ педанту, объ нихъ не безпокойтесь, а что касается до провіанта. . . . (?)

Австрійцы струсили.

Ермоловъ пришелъ на Рейнъ прежде всѣхъ, но Ватерлосское сраженіе прекратило уже войну.

Ермоловъ выпросился въ отпускъ, Аракчеевъ ему сказалъ. . . (?)

Когда онъ возвратился въ Петербургъ, Александръ объявилъ ему назначеніе въ Грузію.—Я никакъ не думалъ бы, чтобы это назначеніе было для тебя пріятно, сказалъ онъ, но такимъ свидѣтелямъ, какъ графъ Алексѣй Андреевичъ и князь Петръ Михайловичъ, я долженъ повѣрить.

Вѣроятно графу Аракчееву не хотѣлось, чтобы при Государѣ оставался человѣкъ, къ которому онъ сталъ сильно привыкать.

О посольствѣ въ Персію Алексѣй Петровичъ оставилъ свои записки.

Изъ выданныхъ ему денегъ онъ сберегъ сто тысячъ ассигн.

Грузія была въ разстроенномъ положеніи.

Въ продолженіе десяти лѣтъ, имѣя подъ начальствомъ малое количество войска, Ермоловъ смирилъ дикихъ Горцевъ, навелъ на нихъ ужасъ, такъ что матери въ горахъ стращали его именемъ своихъ младенцевъ; покорилъ цѣлыя области и утвердилъ Русское владычество; построилъ крѣпости на всѣхъ важныхъ пунктахъ, открытыхъ его орлинымъ взоромъ; образовалъ и приготовилъ новое Суворовское войско, готовое идти хоть въ преисподнюю, по гласу любимаго начальника, и бросалъ Русскіе Петровскіе взоры на Турцію, Персію, Бухару, Хиву, Индію...

Что сказать о гражданскихъ его заслугахъ въ Грузіи? Онъ утвердилъ безопасность жителей, водворилъ порядокъ, привлекъ поселенцевъ, возбудилъ промышленность, открылъ источники доходовъ для правительства.

Дѣятельность его была неимовѣрная, по свидѣтельству его сотрудниковъ: въ одно время онъ и сражался, и строилъ, и распоряжался, награждалъ и наказывалъ, заводилъ, повѣрялъ, свидѣтельствовалъ. Спалъ онъ по

четыре и пяти часовъ въ день, на простомъ войлокѣ, гдѣ случилось. Такъ провелъ онъ десять лѣтъ, всегда преданный службѣ, не зная семейныхъ наслажденій, и не пользуясь обществомъ, никакими удобствами, съ единою мыслею объ общей пользѣ, о славѣ и могуществѣ Россіи.

(Сальянскіе промыслы, имъ открытые, доставили казнѣ милліоны. Есть объ нихъ любопытная переписка).

Владиміръ Савичъ Смирновъ, (служившій офицеромъ подъ Аустерлицемъ, опытный чиновникъ), управлялъ подъ его начальствомъ Астраханскою губерніей. Онъ отзывался мнѣ съ величайшею похвалой обо всѣхъ распоряженіяхъ Ермолова. „А какъ его боялись всѣ подчиненные, стоило только пригрозить его именемъ, и все тотчасъ было исполнено. Было какое-то смятеніе между Калмыками," разсказывалъ онъ, „которое продолжалось два года. Наряженное слѣдствіе изъ частныхъ видовъ затягивалось. Я сказалъ, что отправлю чиновниковъ прямо къ Главнокомандующему,—сами объясняйте дѣло. Они перепугались, и кончили все немедленно."

Въ 1820 году, когда Государь былъ въ Ахенѣ, пришелъ къ Ермолову приказъ отдать Туркамъ Абхазію. Ермоловъ не послушался. Объяснивъ, почему этого сдѣлать нельзя (Христіанскіе невольники, крѣпости и проч.), онъ заключилъ: „прошу поручить это другому, а я не могу."

Посланъ былъ приказъ, чтобы остановиться.

Ермоловъ заключилъ договоръ съ условіемъ: если въ теченіе 15 лѣтъ не будетъ войны,—и поздравилъ Каподистрію, что Абхазія на вѣки вѣковъ наша, ибо война непремѣнно будетъ.

Война 1813 года и 1814 содѣйствовала въ Европѣ развитію новыхъ понятій политическихъ. Начались внутреннія безпокойства въ государствахъ. Когда на Лайбахскомъ конгрессѣ рѣшено было послать войско въ Италію, Императоръ Александръ назначилъ главнокомандующимъ Ермолова, который и былъ вызванъ.—

Свиданіе съ Государемъ и разговоръ въ Лейбахѣ. (?)

Война не состоялась, и Ермоловъ возвратился въ Грузію.

Послѣднее свиданіе съ Императоромъ Александромъ въ Петербургѣ.... (?)

---

22 Ноября было получено извѣстіе о кончинѣ Императора Александра въ Таганрогѣ.

Ермоловъ находился въ станицѣ Горскаго полка Екатериноградской, на Терекѣ, при впаденіи рѣчки М. . .ы. Онъ пріѣхалъ туда изъ Червленой, гдѣ собирался отрядъ, чтобъ идти на Чечню. При немъ находился вѣрный его сотрудникъ, Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ, (ожидающій біографіи), и повѣренный при Персидскомъ дворѣ, Мазаровичъ. Грибоѣдовъ, пріѣхавшій изъ Крыма, прочелъ имъ вечеромъ только-что конченное имъ Горе отъ Ума. Общество разошлось на покой.

„Не успѣлъ я лечь въ постелю, разсказывалъ мнѣ И. В. Ш., служившій казначеемъ, какъ постучался ко мнѣ урядникъ. „Пожалуйте къ Генералу.“ На крыльцѣ встрѣтилъ я фельдъ-егеря. Алексѣй Петровичъ, въ постели, заливался слезами. „Скончался мой благодѣтель“, сказалъ онъ мнѣ. „Отправить фельдъ-егеря въ Тифлисъ къ Ивану Алекс. Вельяминову, (брату А. А., начальствовавшему въ городѣ), приводить къ присягѣ И. Константину.“

Поутру приведены были къ присягѣ всѣ бывшіе въ станицѣ.

Алексѣй Петровичъ спросилъ у Полковника Кабардинскаго полка, Подпрядова, имѣвшаго тамъ свою штабъквартиру, чтобъ онъ далъ ему вѣрнаго и смышленнаго офицера. Подпрядовъ представилъ Поручика Тихановскаго. „А. П. написалъ два письма, которыя я запечатывалъ, и отправилъ съ нимъ въ Таганрогъ, одно къ Князю Волконскому, другое къ Вилье."

Отъ другихъ я слышалъ, что Ермоловъ, въ недоумѣніи, посылалъ нарочнаго къ Воронцову въ Одессу, узнать вѣрнѣе о совершающихся событіяхъ.

Съ кончиной Императора Александра Ермоловъ дѣйствительно похоронилъ свое счастіе, какъ выразился и въ своемъ дневникѣ.

Изъ Екатериноградской станицы Ермоловъ перешелъ въ Червленую- Тамъ, чрезъ нѣсколько дней, получено было новое извѣстіе объ отреченіи В. К. Константина и присягѣ Императору Николаю. Гребенскій полкъ весь состоялъ изъ раскольниковъ. За священникомъ надо было посылать въ Кизляръ, гдѣ находилось только двое священниковъ. Одинъ былъ боленъ, другой не рѣшался сначала отлучаться. А послѣ Ермоловъ ожидалъ извѣстія о присягѣ изъ Тифлиса...

Надо сознаться, что и положеніе его на Кавказѣ было необыкновенное, и все содѣйствовало къ увеличенію затрудненій. Внезапность кончины Императора Александра, извѣщеніе о присягѣ Великому Князю Константину, первому покровителю и другу Ермолова, отреченіе Великаго Князя Константина и присяга новому Государю, Николаю Павловичу, происшествія 14 Декабря, слѣдовавшія одно за другимъ такъ быстро, не давали, такъ сказать, образумиться Ермолову, —можетъ быть, онъ промедлилъ присягой нѣсколько дней, ожидая удостовѣреній.

А это промедленіе враги сильные могли истолковать въ дурную сторону.

Между тѣмъ въ Петербургѣ возникли опасенія, вслѣдствіе продолжительной неизвѣстности о томъ, что дѣлается на Кавказѣ, возбудились подозрѣнія. Ходили разные слухи. Надо вспомнить то несчастное время со всѣми его обстоятельствами и общимъ настроеніемъ.

Враги Ермолова,—а онъ умѣлъ пріобрѣсть ихъ много,—пользовались несчастнымъ расположеніемъ, изъявляли недоумѣніе, усиливали подозрѣніе, раздували искры.

Наконецъ пріѣхалъ фельдъ-егерь съ извѣстіемъ о Кавказской присягѣ. Императрица перекрестилась невольно, какъ утверждаютъ свидѣтели. Но сѣмя запало. Государь не хотѣлъ или не могъ простить Ермолову безпокойство, ему причиненное, въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ. Судьба Ермолова рѣшилась на долго. Злой духъ Россіи восторжествовалъ.

Другъ Ермолова, П. А. Кикинъ, написалъ къ нему, что онъ сдѣлалъ великій промахъ, приславъ съ извѣстіемъ о присягѣ фельдъ-егеря, а не адъютанта.

Персидское вторженіе представляло новыя соображенія и ему и его врагамъ.

О враждебныхъ намѣреніяхъ Персіанъ Ермоловъ предъупреждалъ Императора Александра еще въ Іюнѣ, 1815 г., и просилъ у него войска; но онъ, повѣривъ Графу Нессельроду, отвѣчалъ, что никогда сношенія наши съ Персіей не были такъ дружественны, какъ въ то время.

Многое остается все-таки неяснымъ. Одни говорятъ, что Ермоловъ выставлялъ вторженіе Персіанъ болѣе важнымъ и увеличивалъ опасности Грузіи, чтобы придать себѣ болѣе вѣсу въ глазахъ новаго Императора. Государь принималъ донесенія иначе, и потому прислалъ, для удостовѣренія, Паскевича на Кавказъ.

Нетерпѣливый Ермоловъ отвѣчалъ иногда можетъ быть жестко, говорилъ можетъ быть неосторожно.

Начинаются разныя недоумѣнія, предлагаются вопросы, выражается недовѣріе. Дѣла и мысли запутываются хуже и хуже.

Ермоловъ послалъ Паскевича на Персіанъ. Многіе осуждали его за то, что не пошелъ онъ самъ, не разбилъ Персіанъ, и упустилъ случай пріобрѣсть себѣ легкую славу, доставилъ ее своему врагу и сопернику съ возможностію отличиться. Другіе говорили, что Ермоловъ посылалъ Паскевича съ цѣлію привесть его въ затруднительное и опасное положеніе, но тогда онъ не далъ бы Паскевичу двухъ лучшихъ своихъ помощниковъ, Мадатова и Вельяминова. Паскевичь самъ раздѣлялъ, говорятъ, это мнѣніе, и увидя подъ Елизаветполемъ безчисленные ряды Персіанъ, незнакомый съ ходомъ Азіатскихъ дѣлъ, схватился за голову, и воскликнулъ: „меня послали въ западню." Не безпокойтесь, сказалъ Мадатовъ, позвольте мнѣ сей часъ ударить, и я разобью ихъ. Такъ и случилось.

Денисъ Давыдовъ говоритъ, и кажется справедливо, что никогда не былъ Ермоловъ такъ великъ, какъ въ этомъ распоряженіи. *

Дѣйствительно, свидѣтельствуетъ Н. В. Щ., Мусульманское населеніе около Тифлиса начинало волноваться.

Присланъ Дибичъ съ полномочіемъ дать, въ случаѣ нужды, указъ объ увольненіи главнокомандующаго. А за Дибичемъ, къ его удивленію, Флигель-адъютантъ Полковникъ Адлербергъ (В. Ѳ.), который впрочемъ оставался въ томъ краю только съ недѣлю.

См. въ Матеріалахъ, с. 347.

Дибичь нашелъ дѣла въ наилучшемъ порядкѣ — и могъ ли добрый, ученый Нѣмецъ, увидѣть безпорядокъ въ управленіи Ермолова! Онъ имѣлъ благородство, въ тайныхъ своихъ донесеніяхъ, отдавать полную справедливость герою Кавказскому.

Послѣ, онъ говорилъ Генералу Сабанѣеву, встрѣтясь въ Крыму: „я нашелъ на Кавказѣ Екатерининскихъ солдатъ.“

Паскевичь послалъ Государю обвиненіе съ адъютантомъ своимъ Оппermaномъ, гдѣ говорилъ о распущенности войска. Это было въ концѣ Декабря.

Ермоловъ написалъ между тѣмъ письмо къ Государю.

„Неимѣвъ счастія заслужить довѣренность Вашего Императорскаго Величества, долженъ я чувствовать, сколько можетъ безпокоить Ваше Величество мысль, что при теперешнихъ обстоятельствахъ дѣла здѣшняго края поручены человѣку, неимѣющему ни довольно способностей, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣренности Вашего Императорскаго Величества поставляетъ и меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное. Не могу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшительности, хотя природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной. Дѣятельность моя охлаждается мыслію, что не буду я умѣть исполнить волю Вашу, Всемилостивѣйшій Государь.

Въ семъ положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣю однакоже просить объ увольненіи меня отъ командованія Кавказскимъ корпусомъ; ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ можетъ это быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ не почитаю непреодоли-

ными. Но устраняя всѣ виды личныхъ выгодъ, всеподданнѣйше осмѣливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству мѣру сію, какъ согласную съ пользою общею, которая всегда была главною цѣлью всѣхъ моихъ дѣйствій.“

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный
Ермоловъ.

Показанія современниковъ разнорѣчивы, но вотъ въ чемъ они всѣ почти сходятся, хоть и безотчетно: Ермоловъ въ описанныхъ обстоятельствахъ перехитрилъ. И это кажется очень вѣроятнымъ. Сколько мнѣ случалось говорить съ знакомыми Алексѣя Петровича, сколько удалось наблюсти самому, эта черта преобладала въ его характерѣ, при всѣхъ его достоинствахъ и геніальныхъ способностяхъ. Ясный, рѣшительный, твердый на сценѣ, на поприщѣ дѣйствій, за кулисами онъ дѣлался, кажется, другимъ человѣкомъ, и въ самыхъ маловажныхъ обстоятельствахъ, безъ всякой нужды, онъ не могъ дѣйствовать прямо; всегда были у него какъ-будто заднія мысли, и искренности, простоты, или какъ нынѣ говорятъ, непосредственности, задушевности, отъ него никогда ждать было нельзя. Вотъ почему, быть можетъ, люди характеровъ противоположныхъ не могли съ нимъ сходиться.

Говорятъ, что онъ написалъ письмо въ увѣренности о своей необходимости, ожидая, что его будутъ уговаривать, просить остаться. Едва ли. Имѣя при себѣ уже такъ долго Паскевича, получивъ еще Дибича, Ермоловъ могъ, кажется, понять, что его не считаютъ необходимымъ, и, вѣроятно, писалъ такъ искренно, хоть и съ горестію, съ сердцемъ, въ порывѣ оскорбленнаго самолюбія.

Дибичъ доказывалъ несправедливость обвиненій Паскевича, и былъ увѣренъ, что словамъ его повѣритъ Государь, и что Ермоловъ останется Главнокомандующимъ.

Онъ сбирался даже идти вмѣстѣ съ Ермоловымъ въ походъ.

. . . Не успѣла еще, судя по времени, дойдти до Петербурга просьба Ермолова, какъ фельдъ-егерь привезъ ему увольненіе. Это было въ пятницу на страстной недѣлѣ. Алексѣй Петровичъ сказалъ за столомъ: „поздравляю васъ, господа, съ новымъ Главнокомандующимъ.“ Всѣ встали изъ-за стола. Въ субботу онъ сдалъ все. Въ воскресенье ходилъ уже въ сюртукѣ въ госпитальную церковь. Дибичъ, можно вообразить, былъ въ какомъ смущеніи.

Горько было Ермолову, но, вѣрноподданный, онъ оставилъ жезлъ начальства безъ прекословія, въ надеждѣ, что сердце Царево, въ руцѣ Божіей, подвигнется когда-нибудь съ гнѣва на милость.

Приказъ отданъ былъ въ слѣдующихъ словахъ: Начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества, Генералъ отъ Инфантеріи, Баронъ Дибичъ объявилъ мнѣ Высочайшее Его Величества повелѣніе, чтобъ я командуемыя мной войска сдалъ Генералу отъ Инфантеріи Паскевичу, а самъ отправился въ Россію.

Дибичъ совѣтовалъ выразиться иначе. Ермоловъ отвѣчалъ: „Чего мнѣ ожидать? Развѣ чинъ 14-го класса, чтобъ быть избавленнымъ отъ палочныхъ ударовъ.“

Отставка Ермолова сдѣлалась извѣстною въ Тифлисѣ. Ширванскій полкъ шелъ тогда на Персіянъ. Это былъ любимый полкъ, который онъ называлъ въ подражаніе Цезарю четвертымъ легіономъ. Храбрые воины просили его усердно, чтобъ онъ выѣхалъ проститься

съ ними. Начальники, одинъ за другимъ, пріѣзжали къ любимому Главнокомандующему, передать ему пламенное желаніе всѣхъ солдатъ. Тяжело было не удовлетворить ихъ желанію. Но Ермоловъ не хотѣлъ дѣлать сценъ, и, скрѣпя сердце, отказалъ. Напрасно шли славные Ширванцы тихо и безпрестанно оглядывались. — Ермоловъ не показывался.

Алексѣй Петровичъ глубоко былъ тронутъ мѣстомъ въ исторіи Устрялова, которое касается его отставки, и написалъ къ нему письмо, съ котораго доставилъ мнѣ копію съ собственноручною подписью.

Я сдѣлалъ ему нѣсколько замѣчаній за Устрялова. Онъ началъ по обыкновенію отклоняться: „это правда, „я напрасно сердился на него; онъ не виноватъ, и проч.

М. Г. Н. Г. Увлекаясь общимъ любопытствомъ прочитать исторію достославнаго царствованія нашего Государя Императора, долго не могъ я пріобрѣсть сочиненія вашего, всѣми отыскиваемаго съ большимъ желаніемъ, и потому, недавно ознакомился съ его содержаніемъ.

Неразсуждая объ историческомъ изложеніи труда вашего, я почитаю себя въ правѣ говорить, что въ немъ, упомянувши обо мнѣ, вы изволили изобразить меня въ чертахъ, совершенно несвойственныхъ ни личному моему характеру, ни поприщу, пройденному мною на службѣ; и что прежде нежели приступить къ тому, не было бы излишнимъ принять въ руководство свѣдѣнія, болѣе основательныя, или покрайней мѣрѣ правдоподобныя, хотя впрочемъ долженъ я, нежелая подозрѣвать другую причину, предположить, что въ изложеніи вы искали соблюсти добросовѣстность.

Не въ защиту свою, въ которой не имѣю надобности, рѣшился я обнаружить ошибку вашу, но малѣйшее искаженіе истины оскорбляетъ достоинство Исторіи и потрясаетъ довѣріе къ труду.

По произволу вашему, приписавъ мнѣ недостатокъ способностей, вы отрицаете прозорливость покойнаго Императора, котораго продолжительная борьба съ величайшимъ своего времени полководцемъ и низложеніе его, поставили на такую высокую степень славы, каковой судьба немногимъ достигнуть предоставляетъ. Послѣ сего нельзя безъ дерзости предположить, чтобы въ лицахъ, имъ избираемыхъ, недостатки способностей могли легко укрываться отъ его проницательности, и легко быть замѣчаемы другими. Всѣ назначенія мои по службѣ опредѣляемы были непосредственною его волею. Такъ въ 1812 году, эпоху отечественной войны, былъ я начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи, въ 1814 году поручено мнѣ было болѣе 80-ти тысячъ войскъ, расположенныхъ на границѣ съ Австріею; наконецъ за 6 лѣтъ предъ удаленіемъ моимъ изъ Грузіи, я былъ назначаемъ начальствовать арміею въ Италіи, болѣе нежели изъ ста тысячъ человѣкъ составленною, и для того вызванъ въ Лайбахъ, гдѣ отзывъ обо мнѣ покойнаго Императора Императору Австрійскому могъ быть лестнѣйшею наградою для каждаго.

Прежняя война съ Персіею была современною войнѣ отечественной и, не взирая на ограниченность средствъ командовавшаго тогда на Кавказѣ генерала Ртищева, кончена со славою для оружія нашего и съ пріобрѣтеніями. Во время пребыванія моего въ Грузіи, отличныя войска Кавказскаго корпуса значительно умножены, и сверхъ того нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ усилены были двумя дивизіями.

Персіянами предводительствовалъ сынъ Шаха Аббасъ-Мирза, столько же извѣстный отсутствіемъ воинственныхъ дарованій, сколько знаменитый пораженіями Русскихъ войскъ. Вамъ, милостивый государь, многое неизвѣстно; но я, знавши хорошо обстоятельства, войну съ Персіянами не могъ встрѣтить безъ основательной надежды на успѣхъ, и чувствовать въ себѣ недостатокъ способностей, когда во многихъ изъ подчиненныхъ мнѣ находилъ ихъ достаточными для Персіянъ.

Не оскорбленное самолюбіе, но признательность къ довѣрію, котораго удостоенъ я былъ покойнымъ Императоромъ до конца его царствованія, уваженіе къ памяти обо мнѣ прежнихъ моихъ сослуживцевъ вызвали меня замѣтить вамъ, Милостивый государь, эту непозволительную ошибку.

Съ должнымъ уваженіемъ имѣю честь быть и пр.

Ермоловъ оскорбился также умолчаніемъ объ его имени на Кавказѣ въ одной военной исторіи, и выразилъ свое негодованіе въ язвительной отмѣткѣ.

Получивъ увольненіе, онъ прожилъ еще мѣсяцъ въ Тифлисѣ, приводя въ порядокъ свои дѣла. Дибичъ, который высоко цѣнилъ Ермолова, и отдавалъ полную справедливость его первокласнымъ способностямъ, вообще его управленію, совѣтовалъ Алексѣю Петровичу оставить скорѣе Тифлисъ, ставя на видъ, что Паскевичъ можетъ сдѣлать ему непріятности.—„Не безпокойтесь обо мнѣ, любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ,“ отвѣчалъ Ермоловъ....

Мнѣ попался, въ особомъ пакетѣ, изъ бумагъ Ермолова, подлинный его

Открытый листъ.

„По приказанію господина Корпуснаго Командира отъ Тифлиса до Екатеринодара господину Генералу отъ инфантеріи Ермолову, съ будущими при немъ, давать отъ воинскихъ постовъ потребное число лошадей, за указные прогоны и безопасный конвой безъ задержанія. Въ Тифлисѣ, мая 3 дня, 1827 года.“

Исправляющій должность начальника Корпуснаго штаба Генералъ Лейтенантъ Красовскій.

„По сему открытому листу дать съ Тифлисскаго разгоннаго поста потребное число лошадей и безопасной конвой, мая 3 дня, 1827 года.“

Въ должности Тифлисскаго Коменданта маіоръ Ду...ъ.

Надпись на конвертѣ собственноручная Алексѣя Петровича:

„При выѣздѣ Ермолова изъ Тифлиса данный ему изъ корпуснаго штаба билетъ на взиманіе по постамъ конвоя.“

„Поучительный примѣръ чинопочитанія! Генералъ, начальствовавшій въ странѣ около 11 лѣтъ, удостоивается одинаковой почести, какъ выпущенный изъ училища прапорщикъ.“

„Билетъ подписанъ начальникомъ корпуснаго штаба. Что надлежитъ заключить о немъ!“

Ермоловъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ простой кибиткѣ, въ которой и пріѣхалъ туда за десять лѣтъ, съ третнымъ жалованьемъ въ карманѣ, съ глубокою раною въ сердцѣ, которая точилась кровью.

. . . Горько было Ермолову быть удалену, почти со стыдомъ, съ Кавказа, съ поприща своихъ подвиговъ и побѣдъ, гдѣ онъ принесъ отечеству столько пользы, и снискалъ себѣ столько славы.

Поселился онъ близь Орла, въ родовой деревушкѣ, у престарѣлаго отца.

Жалованье его обратилось въ пенсію—по 14000 р. ассигн. Вотъ все, что получалъ онъ, и все, что имѣлъ за долговременную, славную свою службу.

Никакихъ наградъ денежныхъ онъ не принималъ никогда. Однажды Императоръ Александръ предложилъ ему богатую аренду. Ермоловъ отказался, сказавъ, что на малыя его нужды достанетъ ему жалованья.

Графиня А. А. Орлова, услышавъ о такомъ скудномъ содержаніи заслуженнаго генерала, сказала у себя за столомъ, что она почла бы себя счастливою, еслибъ Алексѣю Петровичу угодно было взять въ свое распоряженіе имѣніе ея подмосковное—Островъ (за которое она получила послѣ больше милліона).

Тогда Государь велѣлъ обратить столовыя деньги также въ пенсію Ермолову, и онъ началъ получать по 30000 р. асс. ежегодно, которыя и сдѣлались, сберегаемыя, основаніемъ состоянія, оставленнаго имъ дѣтямъ.

Въ деревнѣ обратился онъ къ обыкновеннымъ своимъ занятіямъ—читалъ книги о военномъ искусствѣ, и въ особенности о любимомъ своемъ полководцѣ Наполеонѣ.

Утомительно долго тянулось для него время въ тишинѣ, въ бездѣйствіи, среди полей и огородовъ, лѣсовъ и пустыней. (*)

(*) Въ 1828 году я имѣлъ честь получить отъ Алексѣя Петровича слѣдующее письмо, въ отвѣтъ на доставленіе ему журнала Московскій Вѣстникъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими трудами.

М. Г. М. П! Сопровождая письмомъ, самымъ обязательнымъ, вамъ угодно было прислать мнѣ сочиненія ваши, переводы и журналъ, вами издаваемый. Благодаря васъ, Милостивый государь, за вниманіе ко мнѣ, пріятно мнѣ воспользоваться случаемъ, изъявить то уваженіе, которое давно имѣлъ я къ полезнымъ трудамъ вашимъ, обогащающимъ Словесность, расширяющимъ свѣдѣнія объ отечественной Исторіи.
Имѣю честь быть и проч., 23 Апрѣля 1828 г.

А между тѣмъ Паскевичъ пошелъ впередъ, взялъ Эривань, Таврисъ, Ахалцихъ, проникнулъ далеко въ Персію. А между тѣмъ Дибичъ перешелъ Балканы, занялъ Адріанополь. А они были во сто разъ его ниже, не имѣли его способностей. . . . Что происходило въ то время на душѣ Ермолова, то знаетъ только онъ, то зналъ Суворовъ, въ Кобринѣ, читая Итальянскія газеты о побѣдахъ молодаго Бонапарте; то зналъ, разумѣется, больше всѣхъ, этотъ новый Прометей, прикованный къ скалѣ св. Елены. Но они испили по крайней мѣрѣ свои чаши почти до дна, а Ермоловъ только-что налилъ свою, поднесъ къ устамъ.

Въ одной его записной книжкѣ нашелъ я слѣдующую отмѣтку:

Optimus est post malum principem dies primus.

„Со мною должно было случиться совершенно противное, ибо въ покойномъ Государѣ лишился я великодушнѣйшаго моего благодѣтеля, и съ нимъ похоронилъ я мое счастіе.“

„При благопріятствовавшемъ мнѣ постоянно счастіи, въ мои лѣта, и при моихъ силахъ, могъ ли я ожидать, что буду жить въ праздности, въ глуши деревни престарѣлаго отца моего.“

„Въ Лукьянчиковѣ, 1828 года.“

„Праведный Боже! какъ тяжела рука твоя, когда ты въ гнѣвѣ посѣщаешь насъ. Хорошо, еслибы не одинъ я могъ это сказать!“

И вотъ Польская война, вотъ Русскіе оттѣснены почти къ границамъ. Шестъ мѣсяцевъ продолжаются неудачи, постыдныя для нашего оружія. Поляки ободряются, мечтаютъ, неистовствуютъ. Они вспомнили

объ Ермоловѣ, и не зная Русской души, почитая его оскорбленнымъ, расположеннымъ къ мести, вздумали отъ его имени провозгласить мятежную прокламацію для Русскаго войска. Первые экземпляры ея попались, по странному случаю, его двоюродному брату, Денису Давыдову, командовавшему авангардомъ.

Сочтено было за нужное довести свѣдѣніе объ ней до Ермолова. Давыдовъ, по порученію, позабылъ—чьему, написалъ къ нему оффиціальное письмо.

Ермоловъ радъ былъ случаю излить свою желчь. Онъ отвѣчалъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства, упрекалъ, какъ можно было удостоить вниманія такую нелѣпую клевету.—Вы узнали о моихъ походахъ, писалъ онъ въ отвѣтъ къ брату своему Давыдову, этого мало,—вы вѣрно услышите скоро о моихъ побѣдахъ, въ которыхъ жестокая судьба такъ долго отказываетъ генералу Дибичу!

Переписка продолжалась нѣсколько времени — для Ермолова написать подобное письмо значило дать сраженіе!... Не имѣя возможности дѣйствовать оружіемъ, онъ разилъ личныхъ враговъ своихъ по крайней мѣрѣ насмѣшками.

Поляки между тѣмъ продолжаютъ брать верхъ. Въ враждебной Европѣ проносится отъ края до края гулъ радованія. Поднимается говоръ въ безмолвномъ отечествѣ. Взоры всѣхъ устремлены на Ермолова. Нѣтъ,—вызванъ Паскевичъ изъ Грузіи. Онъ пришелъ въ Польшу, двинулся къ Варшавѣ, и, счастливецъ, взялъ ее приступомъ. А Ермоловъ все живетъ въ деревнѣ, читаетъ реляціи, переплетаетъ книги!

Здѣсь посѣтилъ его Пушкинъ, по дорогѣ на Кавказъ, и описалъ свое посѣщеніе въ началѣ своей статьи,

извѣстной подъ заглавіемъ: Путешествіе въ Арзрумъ, которое до сихъ поръ не было напечатано, и сообщено недавно П. И. Бартеневымъ въ его Русскомъ архивѣ.

Въ 1831 году блеснулъ лучъ надежды. Ермолову случилось быть въ Москвѣ въ то время, какъ пріѣхалъ туда Государь. Онъ обѣдалъ у пріятелей своихъ Хрущевыхъ, а послѣ обѣда сбирался было выѣхать изъ дома бывшаго адъютанта своего Н. П. Воейкова, у Покрова въ Левшинѣ. Лошади стояли уже у крыльца — онъ дожидался камерной своей подушки, позабытой у Хрущевыхъ. Тогда пришло извѣстіе, что Государь пріѣхалъ. Надо было остаться, приготовленная тройка отправилась въ деревню за мундиромъ и прочими принадлежностями. Ермоловъ просилъ бывшаго своего вѣрнаго Адъютанта съѣздить къ Графу Бенкендорфу, и спросить, можетъ ли онъ представиться Государю. Государь назначилъ аудіенцію въ 1-мъ часу. Ермоловъ пріѣзжаетъ во дворецъ, но Государь еще не возвращался. Онъ дожидается часъ и другой. Начинаютъ накрывать столъ. Ермоловъ, не желая оставаться предъ собирающимися лицами къ обѣду, поручилъ камердинеру донести, что онъ былъ въ назначенный часъ. Тотъ отвѣчалъ: вы приглашены и къ столу. Ермоловъ остался. Государь вскорѣ пріѣхалъ, и увелъ его съ собою въ кабинетъ, гдѣ они оставались очень долго. Между тѣмъ собрались приглашенные гости. Государь вышелъ къ нимъ изъ кабинета, ведя за руку Ермолова.

За столомъ былъ очень милостивъ.

На другой день было представленіе къ Императрицѣ, которой Ермоловъ до сихъ поръ не видалъ, далекій отъ двора. Запоздавшись послѣ Московскихъ дѣлъ, онъ спокойно дожидался вызова, какъ вдругъ прежде всѣхъ

былъ приглашенъ въ кабинетъ. Нѣсколько минутъ не подходилъ онъ къ рукѣ, опасаясь исполинской наружностію испугать вдругъ слабонервную Императрицу, и уже послѣ, какъ она привыкла къ его виду, онъ приближался къ ней смѣлѣе.

Императрица была очень благосклонна. Вскорѣ пришелъ Государь. Вмѣстѣ трое вышли они изъ кабинета предъ взорами удивленной Московской знати. Начались толки. На какомъ-то слѣдующемъ балѣ Государь остановилъ Ермолова въ дверяхъ между залою и буфетомъ, и разговаривалъ съ нимъ болѣе часа, такъ что прервалось сообщеніе между комнатами.

Всѣ глаза устремились на Ермолова. Всѣ чаяли его скорое возвышеніе, и придворные паразиты посыпали къ нему съ визитами. Ермоловъ на своихъ антресоляхъ принималъ всѣхъ грандовъ.

Графъ Орловъ пріѣхалъ къ Ермолову, и незаставъ его дома, отыскалъ у Н. П. Воейкова; онъ убѣдилъ А. П. написать письмо къ Государю, и просить о принятіи въ службу.

Чрезъ нѣсколько времени пріѣхалъ Графъ Адлербергъ, и пробылъ у него съ часъ, ходя по залѣ. Когда онъ уѣхалъ, Ермоловъ сказалъ своимъ пріятелямъ, ожидавшимъ узнать причину посѣщенія: „Я въ службѣ."

Онъ назначенъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта, и долженъ былъ отправиться въ Петербургъ.

Придворныя интриги превозмогли тамъ, говорятъ, расположеніе Государя, и Ермоловъ не получилъ никакого назначенія, что тотчасъ и увидѣлъ, и пожалѣлъ о сдѣланномъ шагѣ.

Графъ Орловъ сказалъ И. В. Лихачеву, своему старому сослуживцу и подчиненному, которому случилось

около того времени пріѣхать за чѣмъ-то въ Петербургъ; нѣтъ, онъ не будетъ употребленъ никогда!

Д. Г. Бибиковъ, встрѣтясь съ сказалъ: „нѣтъ его не пустятъ.“

Военный министръ Чернышевъ спросилъ его, согласенъ ли онъ принять на себя званіе Предсѣдателя въ главномъ аудиторіатѣ. — Единственнымъ утѣшеніемъ была для меня всегда привязанность ко мнѣ войска, отвѣчалъ Ермоловъ, и я не хочу потерять ее. Готовъ принять всякую должность, какую Государю угодно возложить на меня, но только не могу быть наказателемъ.

Ермоловъ назначаемъ былъ засѣдать въ комитетѣ о преобразованіяхъ карантиннаго учрежденія, еще въ какомъ-то подобномъ, а въ комитеты по военной части, какъ-то: о военныхъ дорогахъ Россіи, о преобразованіи конныхъ полковъ, онъ не былъ назначаемъ, хотя предсѣдатели, перваго Толь и втораго Паленъ, не имѣя нужныхъ для нихъ свѣдѣній, обращались къ нему частнымъ образомъ съ вопросами.

Была еще трагическая минута для Ермолова въ Петербургѣ. Пріѣхалъ Паскевичъ. Отданъ приказъ Государемъ, чтобъ всѣ находящіеся въ Петербургѣ Генералы явились къ Фельдмаршалу. Долженъ былъ явиться въ полномъ парадѣ и Ермоловъ. Въ залѣ Шепелевскаго дворца собралось уже множество, какъ пріѣхалъ онъ,— и отошелъ къ окну съ П. П. Паленомъ. Чрезъ нѣсколько минутъ растворяются двери и является Паскевичъ. Окинувъ взоромъ все собраніе, онъ поспѣшилъ къ Ермолову, который былъ почти головою всѣхъ выше, и низко кланяясь, сказалъ ему: „Позвольте благодарить ваше Высокопревосходительство за честь, которую вамъ угодно было сдѣлать мнѣ, посѣтивъ меня.“ Ермоловъ отвѣчалъ такимъ же низкимъ поклономъ и уѣхалъ.

Въ Совѣтъ вскорѣ онъ переставъ ѣздить, подъ разными предлогами.

Въ Петербургѣ всѣ говорили, что онъ смѣется надъ совѣтомъ, а Канкринъ объяснялъ иначе.

Все это было непріятно Государю.

Ермоловъ написалъ особое мнѣніе о неудобствѣ назначенія Первоприсутствующихъ по выбору Министровъ. Государь поручилъ возражать Сперанскому, Кочубею и Дашкову, которые отказались будто спорить съ Ермоловымъ. Тогда Государь сказалъ: „ну такъ оставимъ до его отъѣзда.“

Наконецъ Ермоловъ, потерявъ терпѣніе, написалъ письмо къ Государю, которое навлекло новый гнѣвъ Его Величества, и получилъ позволеніе уѣхать въ Москву.

Изъ Грузіи выѣзжалъ Ермоловъ съ горестію, оскорбленный; изъ Петербурга выѣхалъ онъ раздосадованный. Онъ какъ будто не былъ раненъ, но его оцарапало, ссадило кожу. Враги его торжествовали. Графиня NN пріѣхавъ однажды къ своей знакомой, воскликнула: кончено, съинтриговали!

Оставляя Государственный совѣтъ Ермоловъ сказалъ: je n'aime pas á me meler dans les affaires de famille, намекая что въ Государственомъ совѣтѣ Председатель и многіе члены находились въ родствѣ между собою: Васильчиковъ, Дашковъ, Толстой (слышалъ послѣ отъ Б.)

Кстати разскажу здѣсь, что Паскевичъ приглашалъ его къ себѣ въ Варшаву, по-дорогѣ въ чужіе края. „Зарывалъ онъ меня,“ сказалъ Ермоловъ, разсказывая о томъ Б.

Къ 1839 году принадлежитъ слѣдующее письмо Ермолова къ Паскевичу, собственноручное, найденное мною въ бумагахъ, доставленныхъ Я. М. Карповичемъ.

«Милостивый Государь,

«Князь Иванъ Өедоровичъ!

„Я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее письмо, которымъ Ваша Свѣтлость увѣдомить меня изволили о послѣдовавшемъ по докладу вашему, Милостивый государь, Его Императорскаго Величества Высочайшемъ позволеніи мнѣ пріѣхать въ Варшаву и осмотрѣть царства Польскаго крѣпости.

„Опасаясь, чтобы сближающееся осеннее время не воспрепятствовало осмотрѣть со вниманіемъ, котораго требуютъ знаменитыя сооруженія, подъ распоряженіемъ Вашей Свѣтлости возводимыя, я, для удобнѣйшаго исполненія сего, отложилъ поѣздку мою до будущей весны.

„Съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть, Вашей Свѣтлости, Милостивый государь, покорнѣйшій слуга, Алексѣй Ермоловъ.“

„18 сентября, 1839 г. Москва.“

Странно, что это письмо осталось собственноручное. Развѣ Ермоловъ вслѣдствіе одной помарки вздумалъ переписать его и не уничтожилъ прежняго?

Опять заключился Ермоловъ въ деревню, изъ коей не выѣзжалъ ни лѣтомъ, ни зимой, утѣшался подъ часъ слухами общей преданности, до него доходившими, доказательствами преданности его старыхъ сослуживцевъ, которые, одинъ за другимъ, пріѣзжали навѣщать его въ Осоргинскомъ уединеніи, и наконецъ звуками Русской лиры, возвышавшей всегда свой благородный голосъ въ пользу униженнаго достоинства.

ЖУКОВСКІЙ.

Хвала сподвижникамъ—вождямъ!
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
И страхъ твои перуны.

ПУШКИНЪ.

Но се востокъ подъемлетъ вой!..
Поникни снѣжной головой,
Смирись Кавказъ—идетъ Ермоловъ.
И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все Русскому мечу подвластно!

ЛЕРМОНТОВЪ.

Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальйоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамена,
Въ барабаны бьютъ;
Баттареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ;
И дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшны, медленны, какъ тучи,
Прямо на Востокъ.

КРЫЛОВЪ.

.....Вотъ годы цѣлые безъ дѣла, конь стоитъ!
Хозяинъ на него любуется, глядитъ.

И сталъ нашъ конь въ лѣтахъ,
Потухъ огонь въ его глазахъ,
И спалъ онъ съ тѣла.
И какъ вскормленному въ бояхъ, не похудѣть безъ дѣла!

Страсти утихали, вспыхивая только изрѣдка въ острыхъ словахъ, или въ удерживаемыхъ движеніяхъ, волосы побѣлѣли, орлиный взоръ началъ гаснуть.

Въ 1840 году купилъ Ермоловъ деревянный домъ въ Москвѣ тысячъ въ 15 ассигнаціями. И съ этого времени, какъ Мугаммедъ съ бѣгства изъ Мекки въ Медину, считаетъ онъ свою мудрость.

Жизнь свою проводитъ онъ слѣдущимъ образомъ: встаетъ въ 6 часовъ, читаетъ, пишетъ; въ 10 часовъ начинаются посѣщенія, преимущественно Кавказскія; кушаетъ однажды въ день, но плотно; послѣ обѣда переплетаетъ, читаетъ, и принимаетъ гостей, которыхъ любитъ удерживать до поздней ночи; въ табельные дни является онъ въ собраніи, на балахъ, ѣздитъ въ театръ.

Приверженные къ нему Русскіе люди, старые и молодые, оборачиваются всегда въ ту сторону, гдѣ стоитъ Ермоловъ, опершись на вѣрную свою саблю, и смотрятъ въ задумчивости на его бѣлые волосы, на его, львиную голову, которая держится еще твердо на исполинскомъ туловищѣ, и ищутъ въ потускнѣвшихъ глазахъ его глубоко запавшія мысли.

Въ 1843 году имѣлъ я честь представиться Алексѣю Петровичу, и описалъ первыя свои посѣщенія, съ которыхъ и начинается эта статья.

Государь во время посѣщеній своихъ осыпаетъ его ласками. *

Въ день открытія Кульмскаго памятника, Ермолову пожалованъ орденъ Андреевскій, (котораго до тѣхъ поръ не имѣлъ).

---

* О путешествіи въ Петербургъ ко дню бракосочетанія Государя Наслѣдника, у меня въ очеркѣ ничего не было записано.

Ермоловъ получилъ приглашеніе на Вознесенскій смотръ.

Прекрасно все, сказалъ тамъ Ермоловъ, но видъ не хорошъ. (Графъ Виттъ былъ начальникомъ поселеній).

Тамъ же онъ имѣлъ случай уколоть и Паскевича.

Генералы собирались къ обѣду у Государя, въ какихъ-то полуколясочкахъ, сидя по двое. Ермоловъ ѣхалъ съ Паленымъ, а Фельдмаршалы—Паскевичъ съ Витгенштейномъ. Первые пріѣхали прежде и расположились на террасѣ. Витгенштейна насилу вытащили изъ экипажа подъ руки двое лакеевъ, и взвели по лѣстницѣ съ крыльца. Паскевичъ явился прежде его на террасѣ, и выразилъ свою досаду за задержки; „Сидѣлъ бы старикъ дома"... Хорошо тому сидѣть дома, кто заготовляетъ себѣ такую старость, какъ ваше Сіятельство, подхватилъ Ермоловъ: пораженіе Персіанъ подъ Елизаветполемъ, осада Еривани, побѣда при Ахалцихѣ, взятіе Ерзерума, дѣйствія на Кубани.... „пощадите, пощадите, Алексѣй Петровичъ," отвѣчалъ ему смущенный Паскевичъ. Явившійся въ дверяхъ Государь прервалъ объясненіе.

Изъ Вознесенска пріѣхала вся свита въ Одессу. Государь отправился оттуда въ Грузію, гдѣ были дѣла тогда въ очень дурномъ положеніи. Непріязнь была такъ велика, что приближенные наканунѣ отъѣзда не постыдились обмануть Ермолова, сказавъ, что Государь поѣдетъ безъ парада. Ермоловъ пришелъ на берегъ и смѣшался съ толпою, какъ вдругъ явился Государь съ многочисленною свитою!..

(Все это происшествіе записано у меня не ясно, и я непонимаю, какая же цѣль была въ обманѣ).

На открытіе Бородинскаго памятника Ермоловъ былъ также приглашенъ, и разсказывалъ Государю о подробностяхъ сраженія. Преслѣдуя графа Витта, вмѣстѣ

съ Государемъ, Ермоловъ не утерпѣлъ сказать: „графъ Виттъ бѣжитъ въ самомъ дѣлѣ, какъ отъ непріятеля.“

А когда Виттъ пошелъ въ атаку, тогда Ермоловъ сказалъ: „ну вотъ теперь я вижу, что это маневры. Графъ Виттъ атакуетъ.“

За обѣдомъ провозглашенъ былъ тостъ: за здоровье оставшихся въ живыхъ героевъ Бородинскаго сраженія. Государь, подошедъ къ Алексѣю Петровичу, сказалъ ему: „пью за твое здоровье“. Ермоловъ благодарилъ за такую честь, и замѣтилъ, что, здѣсь находился еще старшій представитель, именно князь Горчаковъ, бывшій въ сраженіи корпуснымъ начальникомъ.

На Бородинскомъ полѣ, во время маневровъ, Государь, поздоровавшись съ нимъ, говорятъ, сказалъ: здравствуй графъ Алексѣй Петровичъ! Ермоловъ отвѣчалъ: я Русскій дворянинъ, позвольте, государь, мнѣ оставаться Русскимъ дворяниномъ. *

Прошлаго года ** Ермоловъ получилъ приглашеніе на свадьбу Великой Княгини. Государь осыпалъ его новыми ласками.

Однажды Государь взялъ Ермолова вмѣстѣ съ Паскевичемъ въ Кронштадтъ.

Ихъ встрѣтилъ старый Адмиралъ Биллингсгаузенъ. До тѣхъ поръ Ермоловъ не былъ съ нимъ знакомъ.

—„Предъ вами стоитъ обладатель острова на Тихомъ океанѣ,“ сказалъ ему Алексѣй Петровичъ вмѣсто привѣтствія.

Островъ этотъ былъ открытъ Биллингсгаузеномъ и названъ имъ островомъ Ермолова.

---

* Справедливъ ли былъ этотъ слухъ, неизвѣстно. Отъ другихъ я слышалъ, что этого не было, а что Государь Александръ хотѣлъ дать Ермолову графство отъ котораго онъ отказался.

** Слѣдовательно очеркъ мой былъ написанъ въ 1846 году.

—Вы-то меня не знали, отвѣчалъ ему Адмиралъ,— а я то васъ давно ужь знаю.

Биллингсгаузенъ, не смотря на свою Нѣмецкую фамилію, ни слова не зналъ по-нѣмецки, и очень сошелся съ Ермоловымъ.

Всѣ корабли проходили, церемоніально мимо яхты, и Государь называлъ ихъ ему по именамъ. Вдругъ поднялся вѣтеръ, яхта подверглась опасности. Всѣ должны были перейдти на....

Ермоловъ сказалъ.... (?)

А Меньшиковъ шутилъ послѣ.... (?)

(Въ очеркѣ оставлены пробѣлы).

„Не много осталось васъ,“ говорилъ Государь Ермолову „отъ прежняго времени. Я хочу собрать всѣхъ около себя, и беречь васъ, какъ старыя знамена.“

По всему видно, что Государь готовъ принять Ермолова съ милостію; но надо, чтобъ онъ выразилъ свою готовность, а ему не хочется сдѣлать лишняго шагу, какъ будто изъ опасенія унизить себя. Ктожъ изъ нихъ правъ, кто виноватъ, или, скажемъ отъ имени Исторіи: кто виноватѣе—мы не можемъ судить, а только-скорбѣть, какъ Русскіе, любящіе отечество, что могущество не сошлось съ талантомъ, и двадцать лѣтъ жизни, въ самое важное и мудреное время, прошли задаромъ у одного изъ достойнѣйшихъ своего отечества. *

Кстати вставлю здѣсь извѣстіе, полученное мною, около того времени, отъ Ѳ. Н. Глинки.

Вчера, 23-го января, (1847 года), въ домѣ одного изъ образованнѣйшихъ Московскихъ жителей, почетнымъ

* Я писалъ это не для печати; я говорилъ это, такъ сказать, Алексѣю Петровичу, съ намѣреніемъ его тронуть, облегчить ему усиліе надъ собою. Я былъ еще такъ простъ, что приписывалъ словамъ своимъ дѣйствіе,—при томъ я зналъ его тогда слишкомъ еще мало, и не имѣлъ понятія о подробностяхъ, сопровождавшихъ вступленіе его въ службу въ 1831 году.

гостемъ вечерней бесѣды былъ А. П. *Ермоловъ*. Онъ мало говорилъ, и, кажется, расположенъ былъ только слушать другихъ. Но какъ-то вышло наоборотъ: всѣ хотѣли слушать и слушали его. Разговоръ, прежде лѣнивый, становился живѣе, по мѣрѣ какъ *свитокъ дѣлъ давно минувшихъ лѣтъ* развертывался самъ собою. Отъ *перваго* штурма Праги, отъ Суворова, Ферзена и Костюшки, доходили до людей и событій XII года. Богатырскими шагами Русской славы разговоръ переносился отъ Бородина до Сены и на гребни Кавказской *Чечни*. За ужиномъ, отличавшимся и чудовищно-огромною рыбой и другими отборными блюдами, хозяинъ поднялъ кубокъ въ честь А. П., а одинъ изъ гостей произнесъ *четыре* стиха, къ которымъ, въ слѣдъ за тѣмъ, прибавились еще четыре четверостишія.

Заздравный кубокъ А. П. Ермолову.

1.

Умомъ затмилъ онъ блескъ алмаза,
Въ бояхъ былъ славный онъ боецъ,
Да здравствуетъ герой Кавказа!
Да здравствуетъ герой сердецъ!

2.

Подъ *буркою*, надъ Русскимъ станомъ,
Съ морщиной *умной* на челѣ,
Не разъ стоялъ онъ великаномъ
Монументально на скалѣ!

3.

А *шашка*, между тѣмъ, *Чеченцевъ*
Вела съ *штыкомъ трехграннымъ* споръ,
И *именемъ его* младенцевъ
Пугали жены дикихъ горъ.

4.

И вотъ еще изъ-за тумана,
Которымъ ликъ его прикрытъ,
Глядитъ *героемъ Оссіяна*
Онъ на *мельчающій* нашъ бытъ!

5.

И подъ маститой сѣдиною,
Хоть взоръ орлиный и пригасъ,
Все баснословной стариною
И славой обдаетъ онъ насъ!....

Глинка стихи свои послалъ по городской почтѣ къ М. А. Дмитріеву, какъ поэту, имъ уважаемому, и бывшему гостю той же вечерней бесѣды, гдѣ прочитано *привѣтствіе* Алексѣю Петровичу. Это сдѣлано 24-го утромъ. Того же дня *вечеромъ* Глинка, наоборотъ, получилъ отъ Дмитріева слѣдующіе куплеты:

Ты бывалъ и самъ средь боевъ,
Видѣлъ близко славы слѣдъ!
Но изъ нынѣшнихъ героевъ,
Ты не нынѣшній поэтъ!

Отъ того какъ блескъ алмаза
Блещетъ твой граненый стихъ—
И въ тебѣ, герой Кавказа,
Вспламенилъ восторга мигъ!

Не видавъ войны кровавой,
Я смиренно созерцалъ
Мужа, избраннаго славой:
Пѣть не смѣлъ я, и молчалъ!

Я дивился исполину,
Исполинскій былъ и вѣкъ....
Вотъ, какъ Эльбруса вершину,
И его вѣнчаетъ снѣгъ!

Но какъ тотъ горитъ и блещетъ
Въ искрахъ солнечныхъ огней,
Мнѣ казалось, что трепещетъ
И надъ нимъ вѣнецъ лучей!

Вечеръ. 24 го января, 1847.

Въ 1847 году, въ Іюнѣ, ободренный ласками Алексѣя Петровича, я поѣхалъ къ нему въ деревню въ Осоргино, и читалъ ему тамъ своего Петра, Славянскія письма...

Пользуясь его расположеніемъ, я осмѣлился часто предлагать ему вопросы объ его жизни, и услышалъ подробности, послужившія основаніемъ предложеннаго очерка, котораго первоначальное назначеніе было—представить Алексѣю Петровичу рамку для его воспоминаній.

Тогда же онъ сообщилъ мнѣ свое письмо, въ собственноручной копіи, хранящейся у меня до сихъ поръ, къ Государю, которымъ просилъ объ увольненіи отъ должности Главнокомандующаго въ Грузіи въ 1827 году.

Всякая туча на политическомъ горизонтѣ доставляетъ ему кажется удовольствіе. Чѣмъ труднѣе время, тѣмъ онъ веселѣе. Авось спросятъ меня! Нѣтъ, не спрашиваютъ, а онъ старѣетъ, старѣетъ, вотъ уже 70 лѣтъ, вотъ уже 75, скоро 80. Радецкій старше. Но вотъ и Радецкій умеръ. Изъ Маршаловъ Наполеоновыхъ, никого уже нѣтъ. Послѣдній отправился на тотъ свѣтъ—Удино.

Въ 1848 году онъ собирался ѣхать за границу, избравъ себѣ спутниками братьевъ Лихачевыхъ, (И. В. и Г. В.) которыхъ всегда любилъ,—но не получилъ, кажется, разрѣшенія. Тогда сжегъ онъ множество своихъ бумагъ, какъ я слышалъ отъ его управляющаго, находившагося при немъ неотлучно сорокъ лѣтъ.

Въ 1849 году Царское семейство прожило нѣсколько времени въ Москвѣ. Апрѣля 9-го освященъ былъ камень въ Георгіевской залѣ, въ воспоминаніе объ учрежденіи Преображенскаго полка. По окончаніи торжественнаго обряда, Главнокомандующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, Великій Князь Михаилъ

Павловичъ, и Начальникъ всей гвардейской пѣхоты, Цесаревичъ Великій Князь Александръ Николаевичъ, въ сопровожденіи командира Преображенскаго полка, Генералъ - Адъютанта Катенина, всѣхъ баталіонныхъ начальниковъ и наличныхъ офицеровъ гвардіи, удостоили своимъ посѣщеніемъ знаменитаго ветерана Русской арміи, одного изъ первыхъ сподвижниковъ войны 1812, 1813 и 1814 годовъ, подъ начальствомъ котораго Императорская гвардія покрылась первыми лаврами, и Преображенскій полкъ получилъ Георгіевскія знамена,— Алексѣя Петровича Ермолова.

Какъ пріятно, сладко было видѣть торжественный поѣздъ—сына Царева, Государя Наслѣдника, брата Царева, со всѣми представителями Русской гвардіи, къ деревянному семиоконному домику на Арбатскомъ бульварѣ, гдѣ живетъ убѣленный сѣдинами герой Бородина, Кульма, Кавказа,—гдѣ надъ низменною крышей ярко горитъ лучь Русской славы.

Съ этого времени начинаются у меня опять замѣтки о посѣщеніяхъ и разговорахъ съ Алексѣемъ Петровичемъ, о каждомъ порознь, иныя даже съ означеніемъ числъ. Другихъ можно приблизительно опредѣлить время, судя по содержанію.

О Венгерской кампаніи Ермоловъ отзывался съ величайшимъ неуваженіемъ: Гергей вышелъ изъ Коморна съ обозами, думая, что ихъ тотчасъ отобьютъ. Не тутъ-то было, все въ цѣлости. Онъ дожидался только случая, чтобы Паскевичъ собралъ столько силъ, дабы не стыдно было положить предъ нимъ оружіе. Гергей видѣлъ съ перваго раза, какъ и всѣ, что Венгерцамъ бороться нельзя, а мы выставили столько силы, чтобы хоть Наполеона встрѣтить.

Гайнау просилъ Паскевича прикрывать крѣпость, и Паскевичъ отрядилъ было Граббе, а потомъ ему показалось недостойнымъ послушаться Австрійскаго Генерала, и онъ послалъ контръ-ордеръ къ Граббе, который получилъ его уже въ третій день, сдѣлавъ два дня перехода.

Орловъ везъ Паскевичу предложеніе оставить начальство, если обременяется имъ, и встрѣтился съ сыномъ, который ѣхалъ съ донесеніемъ (счастливца) о сдачѣ Гергея.

Гергей молодой человѣкъ безъ опытности, но не безъ достоинствъ.

—Я спрашивалъ Графа Орлова, разсказывалъ Алексѣй Петровичъ,—успѣшноли кончилась миссія Графа Блудова въ Римѣ. Успѣшно, отвѣчалъ онъ, впрочемъ мы желали не многаго.—Я не думаю однакожъ, заключилъ Ермоловъ, чтобы Графъ *вывезъ изъ Рима* грѣхъ обмануть Папу, а развѣ его святѣйшество приметъ себѣ что нибудь на душу.

Заговорили о смерти Маршала Удино, котораго онъ хотѣлъ навѣстить, и онъ повторилъ анекдотъ, разсказанный прежде (?). Одинъ Сультъ остается теперь въ живыхъ, и бьетъ въ барабанъ.

Теперь на Кавказѣ 20 Генераловъ, а при мнѣ былъ одинъ, Вельяминовъ, котораго я вызвалъ къ брату. Теперь въ каждомъ изъ пяти отдѣленій такой штабъ, какъ былъ у меня во всемъ корпусѣ. Теперь войска подъ ружьемъ 250,000, а у меня было 70. Теперь получаетъ Намѣстникъ на свое содержаніе 150,000 руб. сер., а я получалъ 40 ассиги., и жилъ иногда полгода

въ лагерѣ, чтобъ скопить денегъ на балъ, или обѣдъ. Воронцовъ получалъ. . . . да у него 36000 душъ крестьянъ, а у меня не было ни одной.

О Воронцовѣ. „Напрасно употребляетъ онъ столько дѣятельности. Если Главнокомандующій будетъ повѣрять всякаго Генерала и Полковника, ему не останется времени для собственныхъ дѣлъ. Надо предоставлять участіе подчиненнымъ, тѣмъ болѣе, что они возведены уже на такую степень. Напрасно ходитъ онъ на такія дѣла, въ успѣхѣ которыхъ не увѣренъ. На Востокѣ это имѣетъ не хорошее дѣйствіе. Воротись онъ теперь въ Тифлисъ, на лицахъ увидитъ онъ свою неудачу. Въ такихъ случаяхъ посылай онъ своего Генерала, а самъ, хоть чрезъ два года, являйся уже такъ, чтобы порѣшить. Главнокомандующій долженъ вдругъ по ихъ мнѣнію побѣдить. Я, бывало, замѣтивъ, что не по зубамъ, никогда не выходилъ въ походъ. Экспедицію Воронцовъ кончитъ блистательно, разумѣется, хоть можетъ быть и безъ большой пользы. Просить увольненія я теперь не совѣтовалъ,—надо нарѣзать колеи поглубже, начертить планъ, по которому бы пошли преемники, а не на удачу. Я писалъ къ нему объ этомъ слухѣ, пришедшемъ изъ Петербурга, который мы здѣсь украсили, распространили и раздаемъ."

(Къ Воронцову подъ конецъ жизни Алексѣй Петровичъ, кажется, охладѣлъ. Слово Иннокентія, сказалъ онъ,—торжество краснорѣчія. Это Златоустъ. Но примѣчательно, что нѣтъ ни слова правды.)

(Шутилъ надъ чувствами и впечатлительностію Воронцова, котораго поразило взятіе трехъ пушекъ Омеръ Пашею. „И прежде онъ былъ пораженъ занятіемъ Крыма, и не могъ три дня ѣхать во дворецъ, не смотря на

приглашение. Верно у брата Михаила есть задния мысли, как обыкновенно. Что за впечатлительность!“) *

Февраля 2-го, 1850.

„Экспедиции Кавказския предпринимаются для того, чтобъ освѣжить себя въ воспоминании Государя. Плодовъ администрации дожидаться вѣдь долго, да они и не такъ видны,—то ли дѣло какъ присоединишь двѣ-три державы нужды нѣтъ, что по тысячѣ душъ! Теперь приобрѣтены еще какия-то два царства, именно душъ по тысячѣ, или менѣе, мимо которыхъ проходилъ я спокойно, куда мнѣ было надо.“

„Головинъ покорилъ также двѣ, и обложилъ данью, на которыхъ по моимъ счетамъ еще числилась недоимка,—онѣ очень бѣдны и платили мнѣ иногда веревками, въ знакъ подданства.“

„Да и Графъ Воронцовъ доносилъ, что въ Арго не была никогда Русская нога. Всѣ эти мѣста получаютъ значение только по пребыванию начальниковъ, и безпрестанно перемѣняются, смотря по обстоятельствамъ. Мы бывали и тамъ, гдѣ послѣ водворился Кази-Мулла и Шамиль.“

„Въ . . . . . нашли недавно одну мою бумагу съ подписью 1796 года, т. е. когда я былъ Капитаномъ,—а они называютъ еще всѣ эти страны неизвѣстными.“

„Такъ и теперь—недавно приѣхалъ Полковникъ съ новымъ дополнениемъ къ донесению.“...

Сражение какое-то Ермоловъ назвалъ, играя словами, bataille de chimeres.

„На продовольствии войска я сберегъ въ первый годъ около двухъ миллионовъ. Провиантския книги оставались

* Это несправедливо. Я слышалъ на Кавказѣ отъ В. В. Зиновьева, очевидца, какъ глубоко и искренно былъ пораженъ Воронцовъ, безъ заднихъ мыслей. Кто-то заговорилъ объ Алупкѣ, Воронцовъ съ негодованиемъ возразилъ: „не объ Алупкѣ, а объ отечествѣ я думаю.

часто бѣлыми: у меня бывало изъ Дербента въ Бурную привезетъ одинъ урядникъ съ накладной, и сами Татары хлопочутъ, чтобъ воза шли не близко одинъ за другимъ, и чтобъ не просыпалась мука. Баранину, ячмень, сѣно, ставили они вездѣ въ благодарность, что я берегъ ихъ.“

„Аманаты стоили прежде ужасно дорого; иной получалъ 3 руб. серебр. въ день. Я началъ брать ребятишекъ, которые играли у меня въ бабки, а родители пріѣзжали навѣдываться. Я кормилъ ихъ пряниками, и тѣ были предовольны, разчищали просѣки....“

„Грузинскій корпусъ, прежде такъ называвшійся, Государь назвалъ Кавказскою арміей, въ знакъ благоволенія къ моей службѣ.“

„Въ 9 лѣтъ на Кавказѣ войско возобновляется, а теперь, говорятъ, еще короче, въ 7.“

Память объ Ермоловѣ осталась на Кавказѣ въ разныхъ наименованіяхъ, напримѣръ: Ермоловская просѣка, Ермоловское вино.

Извѣстный Ванъ-Галенъ былъ у него на Кавказѣ. Ему велѣно было выдать Ванъ-Галена, кажется, Австрійскому правительству. Ермоловъ не послушался и отвѣчалъ: любя славу своего Государя, я не могу исполнить этого приказанія.—Послѣ Ермоловъ получалъ часто отъ него письма изъ разныхъ противоположныхъ мѣстъ, куда заносила его судьба.

Разговорились о теперешнихъ Генералахъ.—Что за люди, замѣтилъ молодой Давыдовъ. Ну, если Европейская война, кому командовать корпусами — вмѣсто Раевскаго, Доктурова, Багратіона, Барклая!

У насъ, правда, отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ: немногіе остаются: Паленъ, Остерманъ — помѣшанный.

У него впрочемъ и въ 1812 году примѣчалось разстройство. Переходъ ему былъ не труденъ. „Ну да выучатся,“ прибавилъ онъ; „тридцать лѣтъ мира, разумѣется должны были оказать свое дѣйствіе, какъ и вездѣ.“

Въ продолженіе Севастопольской осады Ермоловъ постоянно относился съ великими похвалами о Князѣ Меньшиковѣ. Пока Меньшиковъ тамъ, я спокоенъ, твердилъ онъ часто. А послѣ него—не знаю; за Горчакова не ручаюсь. Меньшиковъ обманетъ Французовъ; не смотря на недостатокъ средствъ, онъ защищается успѣшно. Войска въ Крымъ онъ требовалъ настоятельно и получалъ всегда отказы.

„Мѣста Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ онъ нашелъ, и хотѣлъ принять мѣры, какъ ихъ совершенно обезопасить отъ нападенія, но ужасная болѣзнь лишила его всѣхъ силъ.“

„Всѣ дѣйствія Французовъ онъ мнѣ предсказывалъ.“

„Меньшикову, при всѣхъ величайшихъ его способностяхъ, недостаетъ твердости. Останься онъ подъ Инкерманомъ ночевать въ корпусѣ Даннеберга, а не отправляйся къ Великимъ Князьямъ, чтобъ ввести ихъ въ сраженіе, тогда дѣло пошло бы иначе.“

„Этотъ человѣкъ скрытный, и никто не узнаетъ его намѣреній. Мнѣ позволяетъ онъ иногда догадываться болѣе другихъ о своихъ мысляхъ. Однажды пріѣхалъ я къ нему, провелъ у него цѣлый вечеръ и не узналъ ничего. Когда онъ провожалъ меня, я сказалъ ему, чтобъ онъ впредь былъ осторожнѣе, потому что не всѣмъ можно оказывать такую довѣренность. Недавно еще я напомнилъ ему это, и онъ засмѣялся.“

Въ отвѣтъ на похвалы Г-ну N., онъ сказалъ: „Да, это достойный ученый Генералъ, но онъ не любитъ шума: ему бы все разбирать на покоѣ въ кабинетѣ.

„Нужно, чтобъ глазъ привыкъ къ убранству боеваго поля. Наполеонъ насъ пріучалъ.“

„Блюхеръ былъ рубака, Гнейзенау, начальникъ штаба, умный, пылкій, проворный, дѣятельный, а Мюфлингъ педантъ и регистраторъ. Порознь они не значили ничего, не годились никуда, а вмѣстѣ составляли силу. Есть ли такая троица въ штабѣ Кн. Горчакова?“

„Теперь надо бы тревожить безпрестанно непріятеля на всѣхъ пунктахъ, чтобъ перележало въ госпиталѣ тысячъ тридцать за зиму. Такое бдѣніе оказало бы свою пользу.“

Видно, какъ ему горько сидѣть дома. „Меня отглашають,“ жаловался онъ, „какъ устарѣлаго и немощнаго.“

Однажды, въ горѣ о разстройствѣ военныхъ дѣлъ, донкишотствуя, я присталъ къ нему даже съ грубостію, чтобъ онъ ѣхалъ къ Государю, и остался хоть насильно въ главной квартирѣ.

„Я старъ, слабъ, у меня не достанетъ предпріимчивости, я увижу препятствія—и остановлюсь. Я никого не знаю—если бы покойный хоть оставилъ меня при войскѣ, я не испортилъ бы ему войска, а зналъ бы людей; теперь куда я гожусь. Мнѣ 79-й годъ, у меня недостаетъ ногъ, и проч.“

Но ваше имя, ваша сѣдая голова, одно ваше присутствіе возбудитъ довѣренность, увеличитъ силы солдатъ.

„Меня никто не будетъ слушать, никто не будетъ спрашивать. Эти господа всѣ считаютъ себя геніями. Меня не хотятъ.....“

„Константинъ Николаевичъ былъ у меня передъ выходомъ и говорилъ, что ничего не зналъ о моей болѣзни...“

„Хвалятъ продовольствіе въ Крыму, а я слышалъ, что сѣно продается тамъ на вѣсъ золота."

„Оборони Богъ идти теперь на Парижъ. Это могъ только Александръ Павловичъ, съ его любезною гибкостью и свойствами Грека Восточной Имперіи."

„Теперь нѣтъ ни у кого Генераловъ. Прусаки 40 лѣтъ не нюхали пороха. У нихъ одинъ старикъ Врангель."

„У Австрійцевъ хороша артиллерія, умны офицеры." Давыдовъ замѣтилъ, что ихъ войско усовершенствовано теперь.—„Чѣмъ же," сказалъ Ермоловъ. „Кажется только выбрали цвѣтъ сукна для панталонъ не такъ марокъ."

„Уменъ Наполеонъ! Разцѣловалъ бы его за то, что проводилъ онъ Королеву Викторію поклониться гробу его дяди."

Въ 1855 году, при образованіи ополченія, выразилось въ Москвѣ общее желаніе избрать начальникомъ Алексѣя Петровича Ермолова. Генералъ-Губернаторъ Графъ Закревскій, который былъ съ нимъ тогда уже не въ ладахъ, выразилъ какъ-то свое сомнѣніе.

Вотъ письмо, написанное имъ къ Генералъ-Губернатору:

Почтеннѣйшій Графъ А. А.!

Благодарю Васъ покорнѣйше за сообщеніе мнѣнія Вашего по предмету предстоящихъ выборовъ, и со всею откровенностію отвѣчаю вамъ.

Не знаю, можно ли избирать меня по носимому мною званію; но если буду я удостоенъ избранія Московскимъ дворянствомъ, я не долженъ уклоняться отъ службы, наравнѣ съ каждымъ дворяниномъ, не имѣя предъ лицемъ закона никакихъ особенныхъ правъ, и не давая мѣста сужденію, еще менѣе негодованію, еслибы даже не утвержденъ былъ въ званіи Начальника Гу-

берскаго Ополченія, въ каковое, вѣроятно, я могу быть избираемъ. Легче всего могутъ найтись люди способнѣйшіе и не въ праздности дождавшіеся престарѣлыхъ моихъ лѣтъ.

Двадцать четыре года какъ, вышедши изъ службы по приказанію, я не былъ употребленъ на службу дѣятельную, и въ теперешнемъ случаѣ ни мало не удивлюсь и не приму къ сердцу, если, какъ и прежде, не признанъ буду за годнаго. Впрочемъ, благодаря Бога, я доволенъ совершенно моимъ положеніемъ, ничего не желаю, и, конечно, искать не стану.

Вотъ моя исповѣдь почтеннѣйшему Графу, и никому другому не скажу я иначе.

Душевно преданный
Ермоловъ.

8-го Февраля 1855 года.

Избраніе состоялось торжественное: нельзя изобразить восторга, объявшаго всѣхъ присутствовавшихъ въ огромной залѣ Благороднаго Собранія, когда извѣстно стало количество голосовъ. Рукоплесканія, крики, восклицанія! Выражено было тотчасъ желаніе объявить Алексѣю Петровичу чрезъ избранныхъ депутатовъ о состоявшемся избраніи. Я написалъ къ нему привѣтствіе, которое мгновенно полетѣло по рукамъ, переписывалось и производило восторгъ. Вотъ оно:

Алексѣй Петровичъ!

Московское дворянство, призываемое священнымъ голосомъ Царя, ополчается на защиту православной вѣры, на помощь угнетеннымъ братьямъ, на охраненіе предѣловъ отечества. Оно проситъ Васъ принять главное начальство надъ его вѣрными дружинами, и смѣетъ надѣяться, что Вы уважите его торжественное избраніе. Самъ Богъ сберегалъ Васъ, кажется, для этой

тягостной годины общаго испытанія. Идите же, Алексѣй Петровичъ, съ силами Москвы, въ которой издревле отечество искало, и всегда находило себѣ спасеніе, идите принять участіе въ подвигахъ дѣйствующихъ армій. Пусть развернется предъ ними наше старое, наше славное знамя 1812 года. Всѣ Русскіе воины будутъ рады увидѣть вашу бѣлую голову, и услышать ваше любимое имя, неразлучное въ ихъ памяти съ именемъ Суворова, отъ котораго Вы получили первый Георгіевскій крестъ, и именемъ Кутузова, которому служили правою рукой на незабвенномъ Бородинскомъ сраженіи. Непріятели вспомнятъ Кульмъ, Лейпцигъ и Парижъ, а для ихъ магометанскихъ союзниковъ довольно и Кавказа, гдѣ до сихъ поръ еще не умолкнулъ въ ущельяхъ отголосокъ вашихъ побѣдъ. Да благословитъ Васъ Богъ, и поможетъ Вамъ, вмѣстѣ съ достойными сподвижниками, доказать скорѣе ослѣпленной Европѣ, что Святая Русь остается неизмѣнно святою Русью, и что Русскіе, несмотря ни на какія опасности и ни на чьи угрозы, не позволятъ никогда никому прикасаться безъ наказанія къ ихъ завѣтнымъ святынямъ: Церкви, Престолу и Отечеству."

Извѣщеніе однакоже не состоялось подъ какимъ-то предлогомъ, кажется въ ожиданіи утвержденія. Возвращаясь домой, я заѣхалъ къ Алексѣю Петровичу, и прочелъ ему частнымъ образомъ рѣчь, для него приготовленную. Вся Москва ликовала, вспоминая избраніе Кутузова начальникомъ Петербургскаго ополченія. Купцы въ рядахъ, извощики съ своими сѣдоками толковали объ Ермоловѣ, и радовались, какъ будто побѣда перешла на нашу сторону, и враги изгнаны изъ предѣловъ отечества. Старикъ былъ очень доволенъ и было чѣмъ! Чуть ли это было не послѣднее его утѣшеніе.

Графиня Ростопчина написала ему стихотворенiе:

Народный голосъ—голосъ Бога!
Онъ нынѣ громко вопiетъ:
Вставай Ермоловъ, Русь зоветъ—
Тебѣ знакома вѣдь дорога.

Съ единодушнымъ увлеченьемъ
Тебя назначила молва,
И надъ Московскимъ ополченьемъ
Вождемъ поставила Москва.

Возьми рукою неослабной
Свой старый мечъ, Французовъ страхъ!
Нашъ вождь, въ покоѣ посѣдѣлый,
Помолодѣешь ты въ бояхъ!

Вставай! честь Русскаго народа
Ее врагамъ припомяни,
И пусть двѣнадцатаго года
Великiе воскреснутъ дни.

Вставай! когда по всей Россiи
Извѣстенъ будетъ выборъ нашъ,
Шатры восплещутъ боевые,
Хвалой откликнется шалашъ.

Анонимъ (Н. П. Е.?) отвѣчалъ отъ имени Алексѣя Петровича:

Не неизвѣстнаго поэта
Читалъ я добрыя слова,
По звукамъ лестнаго привѣта
Васъ прямо назоветъ молва.

Вы помянули годъ возстанья,
Для нашей славы дивный вѣкъ,
Когда, услыша гласъ призванья,
Явился Русскiй человѣкъ.

Вы правы! Пусть меня забыли,
Но нашъ не позабылъ народъ,
Когда Москву мы хоронили,
Двѣнадцатый свершался годъ.

И нынѣ чтутъ мои сѣдины,
Въ воспоминанье старины
И этой памятной годины
Ея достойные сыны.

Но горделивыми мечтами
Повѣрьте, я не увлеченъ,
Давно я удрученъ годами
Отъ дѣла битвы удаленъ.

Давно заржавѣлъ мечъ мой бранный,
Ослабла дряхлая рука,
И пиръ кровавый, пиръ желанный,
Едвадь по силамъ старика.

Скончался Императоръ Николай Павловичъ Февраля 18, 1855 года.

Ермоловъ ѣздилъ въ Петербургъ поздравить новаго Государя съ восшествіемъ на престолъ; онъ долженъ былъ тогда дежурить у гроба и присутствовать при погребеніи.

N N. разсказываетъ „о безпрестанныхъ, на перекоръ его старому и тучному тѣлу колѣнопреклоненіяхъ и земныхъ поклонахъ, во время паннихидъ, о глубокихъ вздохахъ и частыхъ слезахъ, и о нескончаемыхъ хвалебныхъ гимнахъ въ честь покойному, когда, отстоявъ очередь, онъ уходилъ отдыхать въ комендантскіе покои. За обѣдомъ изъ него такъ и лился цѣлый потокъ интереснѣйшихъ воспоминаній, прямо просившихся въ исторію, умныхъ наблюденій, анекдотовъ, острыхъ словъ. Духовно онъ былъ еще исполненъ жизни и огня.“

А мнѣ Алексѣй Петровичъ, по возвращеніи, разсказывалъ, между прочимъ, такимъ же тономъ о тѣхъ хвалебныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ, предъ нимъ у гроба, относился о покойномъ Генералъ К., находившійся много лѣтъ въ самыхъ близкихъ къ нему отношеніяхъ.

Ноября 15-го. Свѣжъ и бодръ. Разсказывалъ, какъ друзья хлопотали не допустить его до Государя, и заставили дожидаться въ толпѣ, хотя за четыре дня обѣщано было предувѣдомить о Высочайшемъ прибытіи.

Изъ церкви за Золотою рѣшеткой онъ вышелъ отдохнуть. Орловъ за нимъ послѣдовалъ и отыскалъ ему стулъ. „Вы дѣлаете меня замѣчательнымъ человѣкомъ," сказалъ ему Ермоловъ. „Всѣ станутъ спрашивать: кто этотъ старикъ, передъ которымъ стоитъ Графъ Орловъ."

А. П. попенялъ ему, что не прислалъ онъ какого нибудь galopin увѣдомить его о прибытіи Государя. . . . „А насъ кажется подъ Бородинымъ перевязывали вмѣстѣ въ одной избѣ."

26-го Октября. Суббота. 1858. Старикъ еще совершенно свѣжъ. Память очень жива. Ноги только отказываются ему служить.

Онъ представлялся нынче В. К. Николаю Николаевичу, и очень примѣтно, какое значеніе даетъ онъ этимъ пріемамъ. Ему завидно, что В. Князь былъ у Кн. Сергѣя Михайловича, равно какъ и его братья, а онъ долженъ былъ ѣхать самъ. Смѣется, что вѣрно Кн. Сергѣю Михайловичу стало отъ того легче, но, кажется, вѣрно и его болѣзнь увеличивается всякимъ знакомъ невниманія или неуваженія.

Когда Шамиля спросили въ Москвѣ, что онъ желаетъ видѣть? онъ отвѣчалъ прежде всего: „Ермолова."

Шамиль, на верху своего могущества, показывалъ всегда особенное уваженіе къ имени Ермолова. Онъ велѣлъ пощадить аулъ, гдѣ жили его родные, съ женской стороны, и приставить караулъ.

Наслѣдникъ приказалъ отыскать ее и наградилъ. Красавица, но глаза черные..... (?)

У Князя Барятинскаго въ альбомѣ есть рисунокъ, представляющій посѣщеніе Ермолова Шамилемъ.

Имя Ермолова оставалось грозою на Кавказѣ, предметомъ страха и благоговѣнія, какъ для Русскихъ, такъ и для Горцевъ.

Однажды, въ тридцатыхъ годахъ, заѣхалъ къ А. П. Казначееву въ Симферополѣ военный докторъ изъ Тифлиса, и вотъ что разсказалъ о своемъ путешествіи: Въ горахъ по дорогѣ, вдругъ подлетѣлъ къ нему Горецъ. Онъ схватился за пистолетъ. „Не бойся,“ сказалъ всадникъ, „я къ тебѣ съ просьбою: отецъ у меня умираетъ, помоги ему“... Докторъ колебался ѣхать. „Не бойся ѣхать со мною. Насъ и Ермоловъ зналъ.“ Докторъ поѣхалъ, осмотрѣлъ больнаго, далъ ему рвотное,—и старику на другой день стало лучше. Все семейство было очень радо, и не знало какъ благодарить Доктора. А почему зналъ васъ Ермоловъ? спросилъ Докторъ. „Мы служили ему. Вотъ посмотри, что онъ далъ намъ. Съ этимъ словомъ Горецъ вытаскиваетъ откуда-то лоскутокъ бумаги, на которомъ написано было рукою Алексѣя Петровича, два слова: „не тронь его. Ермоловъ.“ Горецъ принадлежалъ къ числу немирныхъ, но имѣлъ случай оказать какую-то важную услугу Ермолову, и находился подъ его покровительствомъ. Когда Алексѣй Петровичъ оставлялъ Кавказъ, Горецъ пришелъ къ нему и сказалъ:

я боюсь за своихъ, что будетъ съ нами безъ тебя,— и тотъ въ награду далъ ему охранную свою записку. Доктору захотѣлось имѣть ее. Отдай мнѣ. Вотъ тебѣ три червонца. „Ни за что на свѣтѣ, отвѣчалъ Горецъ, съ этою запискою мы безопасны. Чуть покажемъ ее кому, въ случаѣ нужды, и насъ тотчасъ отпускаютъ—казаки и офицеры.“ Но я достану тебѣ большой листъ съ печатью и подписью нынѣшняго Главнокомандующаго. „На что намъ его! Этотъ крѣпче.“

Явились къ Ермолову однажды два Хана изъ Кавказскихъ владѣльцевъ, съ богатыми дарами. Одинъ изъ этихъ Хановъ извѣстенъ былъ своимъ миролюбіемъ и преданностію къ Россіи, другой имѣлъ недобрую славу и по своимъ замысламъ, и по своимъ дѣйствіямъ. Первому онъ сказалъ: „съ удовольствіемъ принимаю пригнанныхъ вами барановъ—сей-часъ разошлю ихъ по полкамъ: пусть Русскіе солдаты скушаютъ ихъ за ваше здоровье.“ А второму онъ сказалъ, подойдя къ приведенному имъ коню, богато убранному: „отъ тебя мнѣ ничего не надо, кромѣ узды и плети.“ Снялъ узду, взялъ плеть и раскланялся.

Во время пребыванія въ Тегеранѣ, Ермоловъ очаровалъ Персіянъ своимъ обхожденіемъ. На послѣднемъ обѣдѣ Министръ сказалъ, что Шахъ полюбилъ его въ высшей степени, и надѣется, что онъ исходатайствуетъ у Государя возвращеніе уступленныхъ областей. „Если-бы во снѣ это я увидѣлъ“, отвѣчалъ Ермоловъ, „то я тотчасъ проснулся бы съ испугу.“

Письмо свое къ Мустафѣ Хану, на котораго сильно разсердился, Ермоловъ заключилъ: „предоставляю вамъ самимъ опредѣлить мѣру почтенія, съ каковою я долженъ къ вамъ оставаться.“

Въ 1860 году я собрался осмотрѣть Кавказъ и заѣхалъ къ Алексѣю Петровичу. Въ передней сказали, что онъ отдыхаетъ. Черезъ часъ я получилъ отъ него слѣдующее письмецо:

„Отъѣзжая на Кавказъ, почтенный Михаилъ Петровичъ сдѣлалъ одолженіе, посѣтивъ старожила страны.— Борющійся съ болѣзнею, я отдыхалъ въ это время, и не могъ принять васъ; но желая чрезвычайно видѣть васъ, я готовъ побесѣдовать съ вами о странѣ, оставившей во мнѣ однѣ пріятныя воспоминанія. Вы изберите удобнѣйшее для васъ время, сегодня или завтра въ продолженіе дня.— Если возможно по лѣтамъ моимъ дожидаться вашего возвращенія, изъ замѣчаній вашихъ увижу, исполнятся ли надежды мои процвѣтанія великолѣпнаго края, при началахъ вводимаго отлично благоразумнаго управленія. Особенно уважающій

Алексѣй Ермоловъ.

Воротившись, я явился тотчасъ къ Алексѣю Петровичу. Онъ занимался переписываніемъ чего-то въ большую тетрадь съ большой тетради собственноручной и во многихъ мѣстахъ перечеркнутой. Я побоялся, не исправляетъ ли, и не измѣняетъ ли онъ прежнихъ своихъ записокъ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ.

Въ этомъ отношеніи хорошо поступаетъ Графъ Закревскій, что не даетъ ему записокъ его, прежде полученныхъ. Кстати о запискахъ: я слышалъ отъ него давно, что были умышленныя вставки враговъ, съ намѣреніемъ повредить ему во мнѣніи Государя.

Въ заключеніе соберу теперь вмѣстѣ всѣ остальныя, разновременныя свои отмѣтки, съ отзывами о примѣчательныхъ лицахъ прошедшаго и нынѣшняго столѣтія.

Въ моей тетради предложенъ былъ списокъ лицъ, о

которыхъ желательно было бы слышать судъ и мнѣнія Алексѣя Петровича.

Разговоръ зашелъ объ Императрицѣ Екатеринѣ II. Вторая половина царствованія Екатерины отличалась отъ первой.

Записки Екатерины подлинныя хранятся въ Министерствѣ И. Д. Государь давалъ ихъ читать нѣкоторымъ особамъ, напр. Графу Румянцеву. А прежде Ермоловъ говорилъ мнѣ вотъ что:

„Теперь извѣстны двѣ части записокъ И. Екатерины, но была третья. Я читалъ ихъ въ молодости, и помню нѣкоторыя вещи, которыхъ не нахожу въ нынѣ извѣстныхъ двухъ частяхъ. Вѣрно онѣ были въ третьей. *

Я разсказалъ Алексѣю Петровичу кое-что изъ записокъ Державина. „Державину нельзя вѣрить, это былъ фантазеръ, неспособный къ дѣламъ.“

Не слышите ли здѣсь отголосокъ отъ Графа Самойлова?

Александру Павловичу Ермоловъ былъ очень преданъ, по крайней мѣрѣ чувствовалъ себя ему обязаннымъ, и говорилъ при всякомъ случаѣ о немъ съ благодарностію: „Александръ Павловичъ любилъ и баловалъ меня,“ повторялъ часто со вздохомъ Алексѣй Петровичъ.

Quand à vos principes un peu plus larges, писалъ ко мнѣ однажды Графъ Нессельроде по его приказанію.

Одинъ Генералъ находился при Ермоловѣ, какъ Главнокомандующемъ, и не былъ имъ употребляемъ по

---

* Прибавлю здѣсь кстати другое извѣстіе: Императрица Екатерина вела ежедневныя почти записки. Камердинеры обязаны были приготовлять свѣжія тетрадки, а исписанныя класть для сохраненія въ извѣстномъ шкафу. При вступленіи на престолъ И. Павла, онѣ были сожжены, но нѣсколько тетрадокъ сохранилось у Г. Секретарева, который впрочемъ ихъ сжегъ уже въ послѣднее время, при какихъ-то опасеніяхъ, въ управленіе Графа Закревскаго.

неспособности. Пренебрегаемый пожаловался, и нашелъ покровительство въ Петербургѣ. Ермоловъ получилъ отъ Министра или Начальника штаба замѣчаніе отъ имени Государева. Тогда Ермоловъ отправляетъ этого Генерала прямо къ Государю, при письмѣ: „Генералъ N. будетъ имѣть счастіе лично представить Вашему Императорскому Величеству доказательства своей неспособности.“ Государь расхохотался.

Александръ Павловичъ любилъ шутить, особенно о женщинахъ. Однажды за столомъ зашла рѣчь о. . . (?) Это должно быть вамъ болѣе извѣстно, отвѣчалъ Ермоловъ, оборачиваясь къ князю Голицыну, Министру духовныхъ дѣлъ—и Александръ Николаевичъ нахмурился....

Впрочемъ у меня записанъ еще чей-то, непонятный для меня теперь, разсказъ: Князь Волхонскій, зайдя однажды въ кабинетъ Александра Павловича, засталъ его, почти въ одной сорочкѣ, надъ картою. Что вы смотрите? „Я разбираю по какимъ губерніямъ идетъ дорога съ Кавказа въ Россію....“

Государь (Николай Павловичъ) всегда говоритъ со мною о безсрочно-отпускныхъ, и хвалитъ это учрежденіе, за которое возставали на него многіе. „У меня 200 т. воиновъ, которые ничего не стоятъ.“ „Но надо разсчитывать,“ прибавилъ Ермоловъ, „что на ихъ мѣсто взяты изъ народа другіе,—чего тѣ стоятъ? Онъ разсказывалъ, что безсрочные помогали укротить бунты въ Сибири и еще гдѣ-то, кажется въ Тамбовѣ. . . . По крайней мѣрѣ это тѣмъ полезно, что крестьяне видятъ ихъ готовность.“

Замѣтимъ, что указъ 19-го февраля предотвратилъ эту опасность истинную или мнимую.

Строгость принадлежала къ системѣ А. П. и онъ думалъ, что ослабленіемъ можетъ поколебаться зданіе.

„Константинъ Павловичъ вытащилъ меня прежде всѣхъ изъ толпы,“ говорилъ часто Алексѣй Петровичъ, и вспоминалъ о немъ съ благодарностію. „У васъ много враговъ, сказалъ онъ мнѣ однажды.—Я считалъ ихъ, когда ихъ было много, но теперь ихъ набралось безъ счету, и я перересталъ объ нихъ думать.“

Константинъ Павловичъ говаривалъ мнѣ: „Я васъ люблю искренно, и вы меня любите, но съ обманцемъ.“

„Зачѣмъ являться въ бѣлыхъ панталонахъ, пріѣзжай въ такихъ—обѣдать,“ сказалъ ему Михаилъ Павловичъ, и это кажется ему знакомъ расположенія.

Онъ придаетъ много вѣсу словамъ, взглядамъ и движеніямъ, хоть и не сознается въ томъ.

—Странная способность, воскликнулъ онъ однажды, выбирать людей,—которые ни на что не будутъ годиться.

Суворовъ не терпѣлъ при себѣ людей способныхъ. Сдѣлаться его адъютантомъ—значило погубить себя въ общемъ мнѣніи. При немъ былъ одинъ порядочный человѣкъ В. И. Б., котораго онъ держалъ какъ извѣстнаго пьяницу и хвастуна, зная, что ему не припишутъ ничего. У меня и Розенбергъ бьетъ, говаривалъ Суворовъ.

Женщинъ онъ любилъ, и, разсказывая о ретирадѣ Моро, онъ однажды сдѣлалъ подражательное движеніе пальцами, и прикоснулся къ грудямъ слушательницы, потомъ отскочилъ, подулъ на палецъ, какъ бы обжегшись.

Привычки Суворова сообщаемы были всѣмъ, кто садился за его столъ. Однажды Каховскій сталъ кусать ногти. Тотчасъ явился слуга съ рукомойникомъ, полотенцемъ и лоханкой. Каховскій однакожъ отшутился, и Суворовъ удовольствовался разсмѣшенный.

Въ Италіи онъ вспомнилъ о Каховскомъ и писалъ къ Ростопчину, прося его передать Государю... его желаніе (?). Тотъ въ добрый часъ прочелъ письмо. Павелъ ушелъ въ свой кабинетъ, справился, и, воротясь, сказалъ ему: „рано"! Тѣмъ и кончилось. У Павла были сроки, прибавилъ улыбаясь Алексѣй Петровичъ.

Суворовъ диктовалъ . . . замѣтку Фуксу, и объ одномъ неосторожномъ дѣйствіи К. П. продиктовалъ: „молодо-зелено и пр."

У Суворова была сестра, очень дурная лицемъ. Онъ называлъ ее красавицею. „Только кожа у нея не такъ нѣжна, какъ моя," говорилъ онъ, а его кожа растресканная была жестче подошвы.

Гдѣ-то въ Подольской губерніи, онъ, прощаясь съ солдатами, когда получилъ увольненіе, сказалъ, что имъ обязанъ онъ всѣми почестями и наградами, кои имѣетъ. Полковникъ N, молодой человѣкъ, любимый имъ, въ порывѣ негодованія и гнѣва, провожая его на квартиру, далъ замѣтить, что солдаты готовы дѣлать все, что онъ прикажетъ. Суворовъ зажалъ ему ротъ: „что ты, что! кровь сограждан.... Помилуй Богъ.

У Суворова была печать, съ изображеніемъ скалы, отъ которой отскакиваютъ стрѣлы, и надписью: „рази, рази, М. Т. В. П.", которую Ермоловъ послалъ въ подарокъ внуку съ И. В. Лихачевымъ.

„Графъ Михаилъ Ѳедотовичъ *Каменскій* былъ отлично образованъ. Мнѣ случилось, бывши Полковникомъ, пріѣхать къ нему въ деревню поздравить его съ днемъ рожденія, вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, его товарищемъ. Мы застали его повѣряющимъ математическія выкладки въ курсѣ, тогда вышедшемъ. Ему было уже 80 лѣтъ.

Онъ очень любилъ своего сына Николая, взялъ меня за руку и повелъ рысью чрезъ нѣсколько комнатъ къ

его портрету, и сказалъ: „этотъ человѣкъ васъ очень любитъ. Все, что есть во мнѣ хорошаго, я отдалъ сыну Николаю, все, что есть дурнаго, получилъ сынъ Сергѣй.“ Впрочемъ Николай не имѣлъ добраго сердца, и всякій приговоръ подписывалъ улыбаясь. Да и о нѣжномъ сердцѣ отца я не слыхалъ, прибавилъ А. П.

Говоря о войнѣ 1806 года, онъ сказалъ: „меня заставляли принять начальство надъ арміей, совершенно разстроенной, наканунѣ нападенія непріятельскаго. Съ 40-лѣтнею репутаціей, пріобрѣтенной такими трудами, разстаться не легко. Я спрашивалъ Буксгевдена, можетъ ли онъ соединить отряды, разбросанные имъ на ужасное пространство. Я рѣшился лучше принять на себя сумашествіе.“ „Дѣйствительно,“ сказалъ Алексѣй Петровичъ, „армія была въ совершенномъ разстройствѣ. Буксгевденъ, человѣкъ неспособный, привелъ ее въ ужасное положеніе. На дивизію Палена, напримѣръ, Французы напали на походѣ къ мѣсту сбора. Каменскій съ утра разставилъ изъ своего конвоя пикеты, гдѣ предполагалъ онъ нападеніе, если непріятель, сказалъ онъ, съумѣетъ воспользоваться своимъ положеніемъ. Такъ и случилось. Бенингсгенъ сразился, не зная, что Каменскій уѣхалъ. Сраженіе подъ Пултускомъ было выиграно, * но нельзя было воспользоваться обстоятельствами. Надо было соединиться. Мы бросили артиллерію, которую и Французы не могли взять,—и уже послѣ вырубили ее изо-льду.“

Павелъ Сергѣевичъ *Потемкинъ*, былъ отличный администраторъ. Онъ устроилъ .... И на воротахъ въ... велѣлъ написать еще въ 17... годахъ: дорога въ Грузію. (По другому преданію: въ Константинополь).

---

* Слѣдственно положеніе было не такъ отчаянно, какъ предполагалъ Каменскій.

Молодой Баронъ Розенъ спросилъ Алексѣя Петровича о Зубовыхъ:

„*Валеріанъ* былъ гуляка, по тогдашнему обычаю, но молодецъ. *Платонъ* имѣлъ отличныя способности, очень хорошо образованъ, и до случая своего слылъ нелюдимомъ, говорилъ прекрасно, и зналъ Россію какъ нельзя лучше; зналъ, когда и чѣмъ можно дѣйствовать на Русскаго человѣка. Въ заточеніи своемъ онъ безпрестанно занимался, и я, встрѣтясь съ нимъ въ 18.... году, любилъ пользоваться его бесѣдой.

Ферзенъ молодецъ.

Дерфельденъ былъ отличный и храбрый Генералъ. Онъ любилъ Ермолова, который вступилъ въ службу, кажется, подъ его начальствомъ въ Польскую кампанію. Послѣ, когда въ 1810 году Ермоловъ стоялъ въ Кіевѣ, начальствуя четвертымъ отдѣленіемъ резервной артиллеріи (?), Дерфельденъ, пріѣзжая на Кіевскіе контракты, всегда на прощаньѣ крестилъ его по-Русски. Онъ имѣлъ одну дочь, которая была выдана замужъ за г. Юзефовича. Павелъ посылалъ его въ Италію дядькою при Великомъ Князѣ Константинѣ.

Бенигсенъ былъ очень старъ, но бодръ и свѣжъ до послѣдняго времени. Его вмѣстѣ съ княземъ Циціановымъ замѣтила еще Екатерина. Подъ Москвою случилось Фигнеру взять въ плѣнъ Ганноверскаго полковника, старика, которому онъ взялся показывать дорогу, и котораго подвелъ къ Русскимъ войскамъ—это былъ товарищъ Бенингсена.

Бенингсенъ оставилъ описаніе всѣхъ войнъ, разумѣется, безъ лести Кутузову—это должно быть самое достовѣрное сочиненіе.

Во время Варшавской рѣзни, не случилось ни одного порядочнаго Генерала на нужныхъ мѣстахъ.

Всѣ были въ разъѣздахъ. *Циціановъ* стоялъ въ Гродно. Онъ тотчасъ вывелъ полкъ на поле и не потерялъ ни одного человѣка. Взялъ съ жителей контрибуцію, которую сохранилъ въ цѣлости. Грабовскій двинулся къ Минску. Циціановъ поспѣшилъ ему на встрѣчу; и остановилъ его, или что-то въ этомъ родѣ (2-го Фев. 1850).

Барклай былъ очень образованъ. Когда я, командуя артиллеріей всѣхъ дѣйствующихъ армій въ 1814 году, представлялъ ему разныя дѣла по осадѣ крѣпостей Данцига, Торна и другихъ, то былъ удивленъ, услыша отъ него сужденія о системахъ.

Другихъ Генераловъ, напримѣръ Михаила Андреевича, остерегся бы я спросить объ этихъ именахъ, кои могли бы показаться ему принадлежащими какому-нибудь парикмахеру или придворному парфюмеру.

Наполеонъ хоть и называлъ *Кутузова* старою лисицей, но не встревожился его назначеніемъ. А въ 1806 году, при назначеніи Каменскаго, онъ издалъ приказъ быть осторожнѣе. Бенингсенъ могъ также причинить ему безпокойство.

Чичаговъ былъ очень уменъ и язвителенъ.

Въ Россіи могутъ процвѣтать только два рода фабрикъ, сказалъ онъ однажды, писчей бумаги да орденскихъ лентъ.

Скажу нѣсколько словъ о друзьяхъ и врагахъ Ермолова:

Всѣ служившіе подъ его начальствомъ, отъ солдата до генерала, были преданы ему неограниченно и безусловно.

Изъ числа людей, отдававшихъ ему полную справедливость, назовемъ: Каподистрію, Любецкаго, Канкрина, Дибича, Бенигсена, Багратіона.

Багратіонъ любилъ и уважалъ особенно Алексѣя Петровича, что́ видно и изъ писемъ его, во время

отступленія отъ границы къ Москвѣ, до самаго Бородинскаго сраженія. Въ минуты хорошаго расположенія называлъ его тескою, хотя его имя было Петръ, а Ермолова звалъ Алексѣемъ. Что твой Давустъ? спрашивалъ Багратіонъ Ермолова о Барклаѣ? А когда Багратіонъ былъ недоволенъ Ермоловымъ, то писалъ къ нему: Милостивый Государь!

Врагами были: Барклай, Витгенштейнъ, а послѣ Чернышевъ, Беккендорфъ, Паскевичъ, Нессельродъ, Васильчиковъ.

Я старался разспрашивать о причинахъ ненависти Кн. Васильчикова къ Ермолову, и получилъ въ отвѣтъ отъ одного степеннаго свидѣтеля, что всѣ старшіе Генералы раздѣляли съ Васильчиковымъ, если не ненавистъ, то непріязнь къ Ермолову. Дошло еще до меня преданіе, будто Ермоловъ рѣшался отравить Барклая въ 1812 году, и будто это разказывалъ самъ Кн. Васильчиковъ, и возненавидѣлъ за то Ермолова. Мнѣ случилось говоритъ объ этомъ вопросѣ съ Графомъ Викторомъ Ларіоновичемъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что не слыхалъ отъ отца подобнаго утвержденія, но что другой его братъ, меньшой, скончавшійся, говорилъ ему объ томъ. Можетъ быть, Ермоловъ выразился какъ-нибудь въ томъ родѣ, какъ онъ выразился даже въ своихъ запискахъ о Вольцогенѣ, котораго Платовъ предлагалъ отправить на рекогносцировку въ переднюю цѣпь.

Приводимъ это мѣсто изъ записокъ, напечатанныхъ въ *Чтеніяхъ:* „Платовъ нашелъ средство . . . поручить Вольцогену сдѣлать обозрѣніе непріятельской арміи, и бралъ на себя дать ему такихъ провожатыхъ, которые показали бы ему непріятеля въ столь близкомъ разстояніи, что въ другой разъ, конечно, не видалъ бы

его болѣе. Такъ великодушно доставленная ему смерть могла бы навсегда примирить его съ живущими. Надобно думать, что одолѣли насъ Нѣмцы, если одно сіе оставалось средство отъ нихъ избавиться. Надобно бы и Кн. Багратіону туда же отправить Жамбарра, который, служа при начальникѣ штаба, графѣ Сенъ-При, много участвовалъ въ его распоряженіяхъ. Сколько другихъ можно было изыскать достойныхъ сопровождать ихъ къ сему назначенію, и славною сею смертію водворяться къ безсмертію! с. 87.

Платовъ говорилъ Ермолову, по свидѣтельству Давыдова, о Вольцогенѣ: пришли ты мнѣ этого сквернаго Нѣмца-педанта; я берусь отправить его въ цѣпь, откуда онъ, конечно, не вернется живымъ.

Такъ вѣрно въ пылу рѣчи отзывался Ермоловъ о о Барклаѣ, чтó и подало поводъ къ нелѣпому преданію.

Когда я сказалъ А. И. Казначееву о враждѣ Васильчикова, то онъ отвѣчалъ, что при немъ Васильчиковъ однажды отдавалъ полную справедливость военнымъ и прочимъ способностямъ Ермолова, хотя, прибавилъ онъ, ce n'est pas l'enfant de mon coeur.

Заключеніе. Это былъ человѣкъ государственный въ обширномъ значеніи этого слова. Не было ни одного высшаго политическаго вопроса, о которомъ бы онъ не думалъ, и не имѣлъ положительнаго мнѣнія, можетъ быть иногда ошибочнаго, но всегда разумнаго, и часто своеобразнаго. Отношенія Россіи къ иностраннымъ государствамъ, положеніе ихъ, выгоды и невыгоды, онъ зналъ хорошо, подробно и основательно.

Нашу Европейскую политику онъ осуждалъ, и повторялъ часто, что намъ предлежитъ Азія; и когда я напомнилъ ему однажды, что эта политика очень древ-

ная, что Добрыня, дядя Владимира святаго, совѣтовалъ ему искать лапотниковъ, а сапожники не охотно де будутъ платить дань, тогда онъ расхохотался, и воскликнулъ; „такъ, такъ, именно такъ. Въ Европѣ не дадутъ намъ ни шагу безъ боя, а въ Азіи цѣлыя царства къ нашимъ услугамъ.“

Если онъ что любилъ, то любилъ отечество и преданъ былъ общему благу.

Онъ былъ по преимуществу Русскій дворянинъ прошедшаго столѣтія, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

По образу своихъ мыслей, онъ былъ конституціоналистъ, впрочемъ только относительно дворянства. Понятія нынѣшнія о земствѣ у него не были развиты, но безъ сомнѣнія онъ оказалъ бы къ нимъ свою умную терпимость. Чтó бы онъ ни говорилъ, а придворное благоволеніе много для него, можетъ быть противъ воли, значило.

Алексѣй Петровичъ былъ очень образованъ, и безпрестанно читалъ, слѣдилъ неусыпно за политикою, и читалъ газеты до самой смерти. За три только дня до нея, когда онъ началъ впадать уже въ безпамятство, прекратилось это ежедневное чтеніе. Военная исторія, и преимущественно исторія Наполеона, были ему знакомы какъ нельзя болѣе.

Наполеонъ—это былъ любимый его герой. Другой—Петръ Великій.

Онъ много писалъ и любилъ писать письма: у Князя Воронцова должно быть большое собраніе его писемъ. Съ Княземъ Воронцовымъ онъ особенно былъ друженъ во все царствованіе Императора Александра. Они называли не иначе другъ друга, какъ братъ Михайло, братъ Алексѣй. Братъ Михайло хотѣлъ устроить дачу и выстроить домъ для брата Алексѣя, на южномъ берегу

Крыма; но съ возшествіемъ на престолъ Императора Николая ихъ отношенія измѣнились, и о дачѣ не было уже помину. Впрочемъ Ермоловъ писалъ къ нему часто, послѣ того, какъ Воронцовъ былъ назначенъ намѣстникомъ на Кавказѣ.

Должно быть большое собраніе его писемъ съ подробнымъ описаніемъ дѣйствій Кавказскихъ у Графа Закревскаго, который находился тогда дежурнымъ Генераломъ при Императорѣ Александрѣ, и пользовался его довѣренностью.

Онъ писалъ еще часто къ Кикину и къ Меллеру-Закомельскому.

Слогъ Ермолова тяжеловатъ, напоминаетъ Екатерининское время, съ латинскою конструкціей, но отличается остроуміемъ, своебразнымъ оборотомъ мыслей, колкостью.

Послѣ Ермолова должны остаться записки. * При жизни его въ публикѣ слышно было только о запискахъ 1812 года, и ходило по рукамъ описаніе посольства въ Персію. О первыхъ запискахъ онъ жаловался, что враги его сдѣлали умышленныя вставки, съ намѣреніемъ повредить ему во мнѣніи Государя. Но какія это были вставки, неизвѣстно. Едвали это правда, а можетъ быть онъ самъ раскаивался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, которыя и приписалъ при сей вѣрной оказіи своимъ врагамъ. Враги его большею частію безграмотные; мудрено предположить въ нихъ такую литературную уловку—они находили вѣроятно средства простѣе, легче и вѣрнѣе. А то еще сочинять!

Я часто заводилъ съ Алексѣемъ Петровичемъ разговоръ объ его запискахъ. Онъ всегда говорилъ, что онѣ будутъ въ вѣрныхъ рукахъ, и съ ними не слу-

* Теперь онѣ издаются.

чится, что было съ бумагами Графа Толстаго и прочихъ значительныхъ лицъ. Онъ принялъ свои мѣры. Года за три передъ его кончиною я засталъ его однажды поутру за переписываніемъ изъ одной толстой тетради, его же рукою написанной, и во многихъ мѣстахъ перечеркнутой, въ другую. Я испугался про себя, подумавъ, что старикъ вѣрно исправляетъ старую исповѣдь по новымъ своимъ видамъ и соображеніямъ, и что исторія потеряетъ нѣсколько важныхъ данныхъ.

Гр. Б. разсказывала мнѣ также, что записки Пфуля, ею къ нему доставленныя, раздражили его очень, и онъ сбирался опровергнуть, сказавъ: надо отдѣлать Нѣмца. Пфуль приписываетъ себѣ успѣхъ Русской арміи, а она погибла бы, еслибы принятъ былъ его совѣтъ въ лагерѣ при Дриссѣ.

Въ отвѣтъ на ея вопросъ о запискахъ, онъ отвѣчалъ: „предметъ такой важный, надо исправить его какъ можно вѣрнѣе.“ Разумѣется это просто отговорка. Въ запискахъ важны горячіе слѣды перваго впечатлѣнія, и всѣ ошибки, легко исправляемыя, ничего не значатъ въ сравненіи съ ними. Намъ нужно знать, что́ дѣлалъ, видѣлъ, думалъ, судилъ самъ Ермоловъ, а о прочихъ узнаемъ отъ другихъ.

Послѣ моего объявленія я получилъ, къ величайшему моему удивленію, тетрадь записокъ отъ вступленія на престолъ Александра до 1812 года, о которыхъ я и не слыхалъ прежде.

Изъ бумагъ Г-на С. я увидѣлъ, что у Алексѣя Петровича былъ дневникъ изъ походовъ 1813 и 1814 годовъ, также дневникъ управленія на Кавказѣ. Желательно, чтобы все это сохранилось и явилось на свѣтъ Божій.

Къ числу сочиненій Алексѣя Петровича, принадлежатъ его приказы, которые писалъ онъ самъ своею рукой.

Я собралъ ихъ нѣсколько, а въ послѣднее время получилъ отъ Царскосельскаго Протоіерея цѣлую тетрадь.

Библіотека его была отборная, что касается до военнаго дѣла, до политики и вообще новой исторіи. Онъ выписывалъ, и получалъ тотчасъ все примѣчательное въ продолженіи своей жизни, преимущественно на Французскомъ языкѣ. Большая часть книгъ была испещрена его примѣчаніями на поляхъ. Пріобрѣсти ихъ было бы обогащеніемъ, необходимостью военной академіи, какому нибудь кадетскому корпусу, для Государя Цесаревича или Великихъ Князей. Не грѣхъ бы заплатить за нихъ хоть вдвое или втрое. Нѣтъ, никому не пришло въ голову предложить это, и библіотеку купилъ, кто бы вы думали? Московскій университетъ, по ходатайству попечителя Назимова, который хотѣлъ сдѣлать пріятное для Ермолова; а университету всѣхъ менѣе нужна и полезна такая библіотека. Такъ у насъ изъ крупичатой муки пекутся пироги хуже ржаной. Изъ дѣла полезнаго и прекраснаго выходитъ афера, и всѣ въ убыткѣ и въ неудовольствіи. Продажа библіотеки университету бросила тѣнь на самаго Ермолова.

Память у него была превосходная: 80 лѣтъ онъ разсказывалъ, что видитъ, какъ теперь, Цереру съ рогомъ изобилія, на оштукатуренной печкѣ, замазанную по трещинѣ глиною, въ отцовскомъ домѣ видѣнную,—когда ему было четыре года. (С.)

Въ предложенныхъ отмѣткахъ читатели видѣли много блестокъ его остроумія. Присоединю здѣсь еще нѣсколько:

Замѣчу напередъ, что для остраго словца онъ способенъ былъ не щадить ни матери ни отца. Слѣдовательно его острымъ словамъ не должно придавать положительнаго значенія.

Я разсказалъ ему однажды, что Московскіе раскольники соблазняются тѣмъ, что Австрійскій ихъ архіерей крещенъ не погруженіемъ, а обливаніемъ. Облить или окунуть, все равно подмочень, отвѣчалъ онъ.

У Ермолова спросили однажды: какой онъ милости желаетъ? Пусть пожалуютъ меня въ Нѣмцы, отвѣчалъ Ермоловъ, и объяснялъ свой отвѣтъ тѣмъ, что Нѣмцемъ онъ можетъ получить все уже самъ. Въ другой разъ, войдя въ залу передъ внутренними покоями Императора Александра, гдѣ ждало много военныхъ, онъ вдругъ безъ всякаго повода обратился къ нимъ съ вопросомъ: „позвольте узнать, господа, говоритъ ли кто изъ васъ по-Русски?" Не нужно припоминать, что въ то время былъ сильный антагонизмъ между Русскими и Нѣмцами, теперь, къ общему удовольствію, не существующій.

О М. онъ говорилъ: „ему не надо бриться, довольно обливаться."

О П. онъ сказалъ, что онъ долженъ называться Іерихонскимъ, потому что стѣны Еривани разрушились сами собою, какъ Іерихонскія.

N. N. получилъ такой пріемъ въ Петербургѣ, предъ которымъ 29-ти лѣтнія мои страданія могутъ казаться положеніемъ красавицы, предъ которой сыплютъ букеты.

Незаконно-рожденный сынъ у незаконнаго сына царя, умершаго въ бѣгахъ въ Турціи, и сей происходящій отъ столь сложнаго беззаконія, палъ жертвою... Такъ доносилъ онъ о какомъ то Кавказскомъ владѣльцѣ.

О штабѣ Барклая, въ началѣ войны 1812 года, онъ сказалъ: „здѣсь все Нѣмцы, одинъ Русскій, да и тотъ безродный."

Въ царствованіе Александра I-го, Владимирское дворянство пожертвовало сумму на какое-то учрежденіе. Губернаторъ отнесся ко мнѣ съ приглашеніемъ принять

участіе. Я отвѣчалъ, что не присылаю ему потому, что не имѣю во Владимирѣ, равно какъ и въ прочихъ губерніяхъ, ни одной души.

Англійскимъ миссіонерамъ, которыхъ подозрѣвалъ онъ въ политическихъ намѣреніяхъ, предложилъ онъ заняться насажденіемъ табаку, а не слова Божія.

Изъ писемъ его видна особенность его оборотовъ. Такою же отличалась и его рѣчь, напримѣръ: сидѣлъ однажды онъ съ докторомъ и И. В. Лих., а ему хотѣлось остаться одному. „Господа, сказалъ онъ, мнѣ нужно вбирать воздухъ, а вы отнимаете его у меня.“ Значило, чтобъ они удалились.

Бесѣда его была очаровательна: воспоминанія, анекдоты, замѣчанія, остроты лились потоками. И любопытно, и весело, и поучительно, и возбудительно!

Народностію, славою въ народѣ, или какъ говорятъ нынѣ популярностію, онъ пользовался неограниченною. Жуковскій сообщилъ одно свидѣтельство въ этомъ родѣ, но я не могу теперь разобрать записаннаго.

Я сказалъ ему однажды объ этой славѣ: это случай, отвѣчалъ онъ, за что! Знаете ли еще что: я долженъ замѣтить, съ крайнимъ прискорбіемъ, что этому общему расположенію содѣйствуетъ моя опала и... а надобы на оборотъ.

Ермоловъ старался всякому сказать пріятное и лестное. Въ этомъ отношеніи надо замѣтить, что лесть была иногда черезъ край, что впрочемъ замѣчалось только въ послѣдствіи.

Помѣстимъ здѣсь, для примѣра, нѣсколько писемъ Алексѣя Петровича, къ знаменитому нашему артисту Садовскому:

1. Больному болѣе двухъ мѣсяцевъ рѣдко случалось быть веселымъ; хочу начать съ понедѣльника, и тѣмъ

съ большимъ удовольствіемъ, что буду обязанъ любезному Прову Михайловичу, если не откажетъ мнѣ билета въ креслы, который прошу дать посланному отъ меня.

2. Сколько вчера пріятно мнѣ было видѣть васъ, любезный, столько не менѣе жалѣю, что болѣзнь препятствуетъ мнѣ видѣть васъ сегодня.—Но я доставлю неоцѣненное это удовольствіе одному пріѣзжему, желая показать ему талантъ, который насъ, здѣшнихъ жителей, восхищаетъ.—Прошу дать одинъ билетъ вручителю моей записки.

3. П. М. Садовскій, желая надписи моей на портретѣ, вызываетъ вопросъ: зачѣмъ надобна ему мрачная фигура, когда превосходнымъ искусствомъ своимъ разливая между всѣми удовольствіе, конечно не встрѣчаетъ никого иначе какъ веселаго.

4. По желанію вашему, любезный П. М., обращаю портретъ съ моею надписью, которая совершенно согласна съ чувствами уваженія моего къ превосходному вашему таланту.—Посмѣйте сказать, что вы когда нибудь видали рожу мою такъ пасмурною, какъ на портретѣ.—Теперь она еще хуже, раздраженная тѣмъ, что ожидалъ субботы съ нетерпѣніемъ, и досадныя обстоятельства мѣшаютъ мнѣ сегодня принять васъ.

5. Хочу любоваться Провомъ Михайловичемъ, и хотъ давно уже нигдѣ не появляюсь, сегодня умножу единицею число восхищающихся искусствомъ любимаго художника. Прошу билета въ кресла.

6. Любезный П. М. конечно не сомнѣвается, съ какимъ удовольствіемъ ожидаетъ на середу билета въ кресло Ермоловъ.

Съ низшими вообще Ермоловъ былъ любезенъ до нельзя, съ высшими высокомѣренъ, не удержимъ на языкъ, что и доставляло ему враговъ въ томъ кругу.

Съ прислугою жилъ по-отечески. Обращался ласково, заботился о довольствѣ, принималъ участіе во всѣхъ семейныхъ обстоятельствахъ; желаніе доставить удовольствіе, обнаруживалось при всякомъ случаѣ. Въ завѣщаніи не забылъ никого.

Любимцемъ его и главнымъ управителемъ, былъ старый сослуживецъ, Кирилло Максимовъ, котораго называлъ А. П. Мемекою. Опредѣлился Мемека къ нему въ 1820 годахъ и жилъ 45 лѣтъ, управлялъ домомъ и хозяйствомъ, часто съ нимъ спорилъ: „ну вотъ онъ думаетъ, что умнѣе всѣхъ, ничего уступить не хочетъ;" бывало ворчитъ Ермоловъ про себя, отпуская съ досадою упрямаго управителя.

Неправда ли, что любопытно видѣть побѣдителя при Кульмѣ и грозу Кавказа въ такомъ спорѣ съ отставнымъ унтеръ-офицеромъ.

Сыновья разсердились на него за что-то. Во время послѣдней болѣзни, Алексѣй Петровичъ услышалъ, выразилъ свое неудовольствіе, а послѣ сказалъ ему: „не сердись на нихъ! А ѣздятъ они?"

Я пересмотрѣлъ кучу записокъ Алексѣя Петровича къ его любимому управителю. Отъ первой до послѣдней—вездѣ одинъ и тотъ же тонъ, ласковый, дружескій, благодушный.

Сыну его онъ далъ хорошее воспитаніе и помѣстилъ въ аудиторы. Вотъ записка къ нему, написанная при отправленіи его въ Петербургъ. Изъ нея видна любезность Алексѣя Петровича.

Великолѣпный Господинъ,
Яковъ Кирилловичъ!

Не знаю, случилось ли тебѣ видѣть у меня въ переводѣ Персидскія бумаги, подписанныя чиновниками, и одинъ изъ нихъ подъ названіемъ: „*счастливый окурна-*

листъ блаженной канцеляріи.“—Очень хотѣлось мнѣ дать тебѣ титулъ, нѣсколько этому подобный, но боялся возгордить тебя, и такъ отлагаю до времени. Благодарю за подарокъ перьевъ. Не переживу огромнаго запаса; останется и для тебя даже до высокаго чина.

Прощай, будь, какъ и прежде, трудолюбивъ и не празденъ. Молись Богу; истреби зародыши маркизскаго чванства. Ты могъ насмотрѣться здѣсь, какъ не только аудиторы, но даже писаря мечтаютъ, что они особенно сотворенныя существа. Прощай!

Ермоловъ,

24-го Октября, 1855. *Москва.*

Передъ смертію Алексѣя Петровича, Якову Кирилловичу надо было ѣхать въ Петербургъ. Сколько тебѣ истратить нужно? Рублей 50. Онъ отворилъ ящикъ съ деньгами, гдѣ у него разложены были деньги на похоронные расходы. „Денегъ-то . здѣсь мало, ну какъ проживу дольше!“ Однако же далъ 50 руб.

Дочь К. М. выдалъ замужъ и снабдилъ приданымъ.

Намъ остается говорить о семейныхъ отношеніяхъ Алексѣя Петровича.

Сыновей своихъ, (трое родились на Кавказѣ, одинъ въ Москвѣ), любилъ онъ горячо, и для содѣйствія ихъ службѣ приносилъ многія жертвы, тягостныя для его самолюбія; по крайней мѣрѣ этою цѣлію объяснялъ или оправдывалъ онъ нѣкоторые поступки, посѣщенія, пріемы, говоря: „нельзя, дѣти!“

Случай доставилъ мнѣ въ руки нѣсколько подлинныхъ документовъ, относящихся къ распрѣ его съ единственною сестрою, которая была моложе его однимъ годомъ (род. въ 1778 году).

Судя по всѣмъ его письмамъ, онъ любилъ ее нѣжно. Она вышла замужъ за Алексѣя Александровича Павлова,

въ 1817 году, (слѣдовательно имѣя лѣтъ 40 отъ роду), противъ воли отца, и подвергалась за то жестокому гнѣву своенравнаго и крутаго старика. Ревностное ходатайство Алексѣя Петровича не принесло никакой пользы. Отецъ во всю жизнь не прощалъ дочери искренно, а зятя не пускалъ и на глаза.

Алексѣй Петровичъ обнадеживалъ ихъ, что раздѣлитъ съ ними наслѣдство пополамъ. По кончинѣ отца (1832 года), онъ повторилъ это обѣщаніе, но дѣло почему-то замедлялось въ своемъ ходѣ.

Петръ Андреевичъ Кикинъ, человѣкъ извѣстный своею честностію и благородствомъ, былъ избранъ имъ въ посредники, и слѣдовательно сестра и зять могли быть совершенно увѣрены въ полномъ и справедливомъ удовлетвореніи.

Вдругъ Алексѣй Петровичъ узнаетъ, что подана ими жалоба на Высочайшее имя, по которой предписано имѣть наблюденіе за раздѣломъ его съ сестрою Министру Юстиціи, сообщившему о томъ къ свѣдѣнію въ Петербургскіе и Московскіе Департаменты Сената.

Можно себѣ представить, какъ это взорвало Алексѣя Петровича, въ его опальныхъ обстоятельствахъ, и какое удовольствіе получили придворные враги, готовые всегда клевѣтать, не только обвинять и очернять его.

Узнавъ объ этой несчастной распрѣ, Алексѣй Петровичъ, раздраженный, оставилъ свое намѣреніе отдать половину имѣнія сестрѣ, и приказалъ своимъ повѣреннымъ дѣйствовать по закону, держась строго завѣщанія, которое было предъявлено. Вотъ происхожденіе распри. Началось судебное дѣло.

Что побудило Павловыхъ, мужа и жену, подать эту несчастную жалобу?

Я перебралъ кипу документовъ, относящихся къ этому дѣлу. Изъ всѣхъ этихъ писемъ явно видно, съ одной стороны—родственное расположеніе Алексѣя Петровича къ сестрѣ и зятю; съ другой стороны—притязанія зятя, А. А. Павлова, получить скорѣе половину Ермоловскаго имѣнія, ему принадлежавшаго, не смотря на явное къ нему отвращеніе отца.

Сестра, не видя успѣха, обратилась наконецъ къ брату, прося его убѣдительно: „прекратить дѣло, столь постыдное между братомъ и сестрой исполненіемъ прежнихъ твоихъ предначертаній.“

Нарочно посланный не былъ принятъ Алексѣемъ Петровичемъ, и привезъ къ ней письмо не распечатанное. Алексѣй Петровичъ оставилъ съ ней всякое сношеніе. Всѣ усилія сестры остались напрасными.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, и уже не задолго до кончины ея, онъ согласился увидѣть ее на свадьбѣ своего любимаго адъютанта Н. П. Воейкова, съ дочерью Дмитрія Никитича Бѣгичева (1844). Съ тѣхъ поръ онъ началъ опять помогать ей.

Послѣ смерти ея, вдовецъ, А. П. Павловъ, служилъ въ Синодѣ, былъ употребленъ для сверженія князя Голицына и потомъ Митрополита Серафима, на старости поселился въ Царскомъ Селѣ, * и передъ смертью пытался примириться съ Алексѣемъ Петровичемъ: онъ писалъ письма къ нему и Митрополиту Филарету, прося о посредствѣ.

Мы приведемъ отрывки изъ нихъ, чтобъ познакомить съ этою примѣчательною въ психологическомъ отношеніи личностію.

* Отъ духовника его, почтеннаго Царскосельскаго Протоіерея А. А. Вѣтвинецкаго, я получилъ множество оставленныхъ покойникомъ ему бумагъ, и перечелъ ихъ всѣ, чтобъ добраться до истины,—и не добрался.

Къ Митрополиту Филарету:

...„На семьдесятъ пятомъ году отъ рожденія, находясь при дверяхъ гроба, страшусь предстать предъ нелицепріятнаго и правосуднаго судію, не примирившись съ братомъ—старцемъ, котораго гнѣвъ тяготитъ душу мою. Прилагаю у сего письмо мое къ нему не запечатанное, прося васъ всепокорнѣйше передать ему оное, какъ Господь вамъ внушитъ.“

Къ Алексѣю Петровичу:

„На семьдесятъ пятомъ году отъ рожденія, я долженъ ежечасно готовиться къ переходу въ вѣчность. Какъ христіанинъ исполняю я священный долгъ, прося Васъ простить меня отъ души, и принять меня какъ прежде въ братскія объятія ваши. Примиреніе наше будетъ Богу пріятно, и доставитъ намъ истинно душевное спокойствіе и неизъяснимую сердечную радость.“

Во 2-мъ письмѣ къ Митрополиту Филарету, отъ 20 Декабря 1856 года, онъ пишетъ: *„примиреніе* для насъ (по лѣтамъ нашимъ особенно) необходимо. Мы ежечасно должны ожидать, что позовутъ насъ къ отчету. Брату Алексѣю Петровичу 80 годъ (род. онъ 1777 г.), мнѣ 75 годъ (родился я 1782 года). Предъ судомъ Божіимъ нѣтъ оправданій и извиненій, когда отвергаемъ миръ и любовь. Спасайте насъ Высокопреосвященнѣйшій владыко! именемъ Божіимъ умоляю васъ убѣдить его примириться со мною. Мы оба съ нимъ на пути, время дорого. Безъ мира и любви какъ предстать предъ того, Который есть весь любовь“.

Но чѣмъ же Павловъ заключаетъ это дѣйствительно трогательное письмо: „я виновенъ и прошу его отъ души простить меня, что иногда оскорбленный до высшей степени, доведенный до крайности и нищеты, со слезами воздыхалъ я предъ Господомъ, не имѣя силы

достаточной къ перенесенію обидъ. Слезы и воздыханія предъ Господомъ обиженныхъ страшны—и вотъ въ чемъ я виновенъ предъ Алексѣемъ Петровичемъ! Но то что злоба и ненависть мнѣ приписываютъ, какъ мнѣ извѣстно, гнусная клевѣта."

Что сказать о такомъ письмѣ? Писавшій все-таки не признаетъ вины своей, а стоитъ на томъ, что доведенъ былъ до жалобъ, до слезъ, до вздоховъ, крайностію своего положенія. Все прочее онъ называетъ клевѣтою, но видно по документамъ, что не крайность заставляла его жаловаться. Онъ могъ сообразить, при своемъ умѣ, какое значеніе принимала жалоба Государю на Ермолова, находившагося въ опалѣ; онъ могъ сообразить, что посредство такого честнаго человѣка, какъ Кикинъ, доставитъ ему непремѣнно во всякомъ случаѣ все слѣдующее или обѣщанное. При томъ онъ жаловался и писалъ объ А. П. Государю еше при жизни старика-отца. Значитъ, онъ хотѣлъ, по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, обнести Ермолова предъ Государемъ, причинить ему зло.

Съ другой стороны: Готовясь къ смерти, желая примириться со врагомъ, прося у него прощенія, неужели онъ могъ обманывать? Но не обманывалъ ли онъ самъ себя? Невольно приходятъ на память стихи поэта:

Сердце наше кладязь мрачный,
Тихъ, спокоенъ сверху видъ.
Но спустись ко дну: ужасный
Крокодилъ на немъ лежитъ. *

* Кончивъ мое юридико-психологическое изслѣдованіе 18 августа 1866, я хотѣлъ послать на другой день дрожки за Кирилломъ Максимовичемъ, деньщикомъ-управляющимъ А. П., чтобъ распросить его объ отношеніяхъ брата и сестры, и узнать его искреннее мнѣніе. Но 19-го числа ожидаемъ былъ въ Москву Государь Императоръ; я подумалъ, что служивый старикъ вѣрно пойдетъ въ Кремль кричать ура, и послалъ за нимъ 20 числа. Пославъ, я занялся исправленіемъ перевода,

Образъ жизни А. П. былъ слѣдующій:

Онъ вставалъ въ 6 часовъ, и тотчасъ одѣвался, не зная никогда ни шлафрока, ни туфлей, ни спальныхъ сапоговъ, надѣвалъ свой казинетовый сюртукъ, и садился за столъ въ кабинетѣ. Туда подавался ему чай.

Начиналось чтеніе, письмо и пріемъ посѣтителей.

Обѣдалъ въ три часа: щи, пирогъ, жаркое, — вотъ и все. Любилъ вообще соленое. Если случалось ему иногда обѣдать гдѣ въ гостяхъ, въ первые годы, и тамъ понравилось ему какое кушанье, онъ заказывалъ его у себя своему Мемекѣ, а послѣ, увидѣвъ по отчету, что оно обошлось дорого, говорилъ: „нѣтъ, братъ, это не наше, больше не дѣлать.“

Вечеромъ пилъ чай, двѣ чашки съ хлѣбомъ, и любилъ сидѣть долго, смотрѣть на игру въ карты, оставляя гостей, пока Мемека, какъ Суворову Прошка, не напомнитъ ему, что пора спать.

Ходить и гулять никогда не любилъ, даже въ деревнѣ. Любилъ переплетать книги, въ чемъ и успѣлъ отлично.

Былъ очень бережливъ и разсчетливъ, но не скупъ, и денегъ не любилъ, никогда при себѣ не имѣлъ ничего. Издерживалъ въ годъ не болѣе трехъ тысячь руб. сер. Изъ такихъ сбереженій и сохраненій онъ оставилъ порядочное наслѣдство четверымъ своимъ сыновьямъ.

Пользовался всегда отличнымъ здоровьемъ, и до конца жизни сохранилъ всѣ способности.

относящагося къ біографіи Карамзина, и, исправляя, думалъ про себя: „ахъ! еслибъ старикъ промедлилъ часокъ у себя дома, чтобъ я успѣлъ кончить до него исправленія, и могъ говорить съ нимъ уже на просторѣ.“ Въ эту минуту возвращаются дрожки. Кучеръ привозитъ мое письмо назадъ съ извѣстіемъ, что Кириллъ Максимовичъ приказалъ долго жить, — вчера похороненъ. Итакъ, послѣдній свидѣтель отправился на тотъ свѣтъ. Теперь тамъ уже всѣ: братъ, сестра и ея мужъ.— Тамъ они видятъ свои вины и знаютъ истину, а мы здѣсь остаемся, какъ обыкновенно, въ гаданіяхъ и съ подозрѣніями.

Замѣтимъ еще одно примѣчательное его свойство.

„Я отъ рожденія,“ разсказывалъ онъ, „былъ лишенъ чувства обонянія, по крайней мѣрѣ до очень сильной степени. Запахи извѣстны мнѣ были только по самымъ крѣпчайшимъ экстрактамъ; такъ, напримѣръ, я, конечно, могъ различить розовое масло отъ extrait de réséda, но не зналъ запаха ни розы, ни резеды, въ естественномъ ихъ видѣ; тухлую говядину, отъ вони которой всѣ бѣжали изъ комнаты, я могъ ѣсть за свѣжую; отхожее мѣсто или раздушенный будуаръ были для меня почти одно и то же. Передъ прошлою зимою я въ Москвѣ сталъ лечиться гомеопатически отъ лишаевъ, и вдругъ у меня родилось совсѣмъ новое чувство, чувство самаго тонкаго обонянія, такъ что теперь я слышу, если въ другой комнатѣ стоитъ горшокъ съ цвѣтами.“ (С.)

Онъ занемогъ въ Мартѣ мѣсяцѣ. Врачи отчаялись въ его жизни, но ему стало лучше, и 1-го Апрѣля, почувствовавъ себя очень хорошо, онъ сказалъ: „славно же я обманулъ докторовъ на 1-е Апрѣля, выздоровѣлъ!“

Кстати сообщу здѣсь еще одну его остроту относительно доктора:

Онъ занемогъ однажды и послалъ за Высоцкимъ. Тотъ не пріѣхалъ въ назначенное время. А на другой день Алексѣй Петровичъ выздоровѣлъ и принималъ вечеромъ гостей. Докладываютъ о пріѣздѣ Высоцкаго. Попросите извинить меня: „я не могу принять его, потому что боленъ.“

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, случившійся въ Москвѣ, пріѣзжалъ два раза навѣстить больнаго, но не могъ его видѣть.

Пришедши въ себя, онъ сказалъ, (у меня не записано кому): „попроси отъ имени умирающаго старика, чтобъ онъ не оставилъ сына Николая.“

Услышавъ о намѣреніи продать желѣзную Петербургскую дорогу Французскому обществу, онъ, уже умирающій, надиктовалъ письмо къ Чевкину, гдѣ убѣждалъ его не отдавать Россіи во власть иностранцевъ, и не задолго также онъ писалъ къ графинѣ Блудовой, прося ее передать князю Горчакову какое-то политическое замѣчаніе.

Чрезъ недѣлю ему стало хуже.

Въ послѣдніе три дня передъ кончиною онъ впадалъ часто въ безпамятство, спрашивалъ людей, которыхъ привыкъ около себя видѣть.

Кто-то сказалъ о пріобщеніи Св. Таинъ. Не могу, теперь, отвѣчалъ онъ. Онъ пріобщался впрочемъ въ январѣ. Приготовить коляску,“ восклицалъ онъ“ иногда въ забытьѣ. „Подарить доктору.“

Три раза вскрикнулъ и стало лучше. Мускусъ произвелъ бредъ. Скончался сидя въ своемъ креслѣ, имѣлъ одну руку на столѣ, другую на колѣнѣ. За нѣсколько минуть еще по обыкновенной своей привычкѣ прихлопывалъ ногою.

Меня не случилось къ сожалѣнію на ту пору въ Москвѣ, и я не могъ отдать ему послѣдняго долга, присутствовать при его погребеніи.

Положить себя онъ велѣлъ подлѣ отца, которому былъ преданъ безгранично, въ Орлѣ, при Троицкой кладбищенской церкви.

Священникъ Мещерскій писалъ мнѣ недавно оттуда о поминовеніяхъ, и подалъ мысль о собраніи пожертвованій на сооруженіе памятника, которую я и передалъ кому слѣдуетъ.

Государю Императору угодно было пожаловать значительную сумму на сооруженіе надгробнаго памятника.

У меня осталось еще нѣсколько отмѣтокъ, до смысла которыхъ никакъ добраться не могу. Я передамъ ихъ однакоже здѣсь, въ надеждѣ, что другіе собесѣдники Алексѣя Петровича могутъ ихъ пояснить, или быть наведенными на мысли о какихъ нибудь любопытныхъ свѣдѣніяхъ.

На выкупъ плѣннаго полковника Швецова. Распоряженія. Засадить, а деньги ему.

При замѣчаніи объ оставшихся отъ Персидскаго посольства ста тысячахъ, написано: основаніе капитала. . . .

Дибичъ являлся. Паскевичъ по возвращеніи изъ похода.

Борятинскій будетъ Главнокомандующимъ и Фельдмаршаломъ.

Князь Тумановъ, котораго онъ любилъ, пріѣзжалъ къ нему въ Осоргино изъ Тифлиса.

А что, Алексѣй Петровичъ, если бы... ну чтожъ, не откажусь.

Конно-духовная коммиссія.

Заремба.

Пинкертонъ.

Отослать къ Ермолову. Уже у Ермолова начали, а я продолжаю.

Меласъ въ Генуѣ 1795.

Вилье—госпитали въ Тамбовѣ.

Поймалъ.. рука вора благосл. Вотъ вы какъ поступили.

Я никакъ не воображалъ, чтобъ можно было съ такимъ удов... а онъ все.

Распорядки съ Ханствами.

Дѣло о переселеніи Виртембергскихъ колонистовъ.

Въ слѣдующемъ году мы будемъ... а потомъ уже не будемъ.

Теперь мы никому не должны.

Чаемъ напоить,—будешь ли пить нашего чаю.

Не хочется ѣхать въ Совѣтъ для присяги о совершеннолѣтіи Наслѣдника. Боленъ. Докторъ, не хочу ѣхать. Я тамъ ничего.

1863. Въ Декабрѣ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ